

Минобрнауки России
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Сыктывкарский государственный
университет имени Питирима Сорокина»
(ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»)

ПЕРМИСТИКА–16

Диалекты и история пермских языков
во взаимодействии с другими языками

Сборник научных статей

Сыктывкар
Издательство СГУ им. Питирима Сорокина
2017

УДК 811.511.13
ББК 81.2(=660/=665)
П26

*Печатается по постановлению научно-технического совета
ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»*

Редакционная коллегия

Р.П. Попова, канд. филол. наук (отв. редактор),
Г.В. Пунегова, канд. филол. наук (отв. секретарь),
В.М. Лудыкова, д-р филол. наук, *Е.В. Остапова*, канд. филол. наук

П26 **Пермистика-16:** Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей / отв. ред. Р.П. Попова. – Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. – 372 с.

ISBN 978-5-87661-486-5

Сборник научных трудов посвящен 130-летию со дня рождения известного коми ученого-лингвиста В.А. Молодцова, составителя первого национального алфавита коми языка, внесшего большой вклад в развитие коми языка и культуры. В научном издании содержатся статьи, подготовленные на основе докладов и сообщений участников международного симпозиума «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками». В исследованиях авторов отражается современное состояние пермских языков, их функционирование в различных сферах общества и разных условиях контактирования, а также описывается лексический и грамматический материал пермских языков в диахроническом аспекте.

Адресован научным работникам, преподавателям, аспирантам, магистрантам и студентам вузов, занимающимся вопросами пермского и шире финно-угорского языкознания.

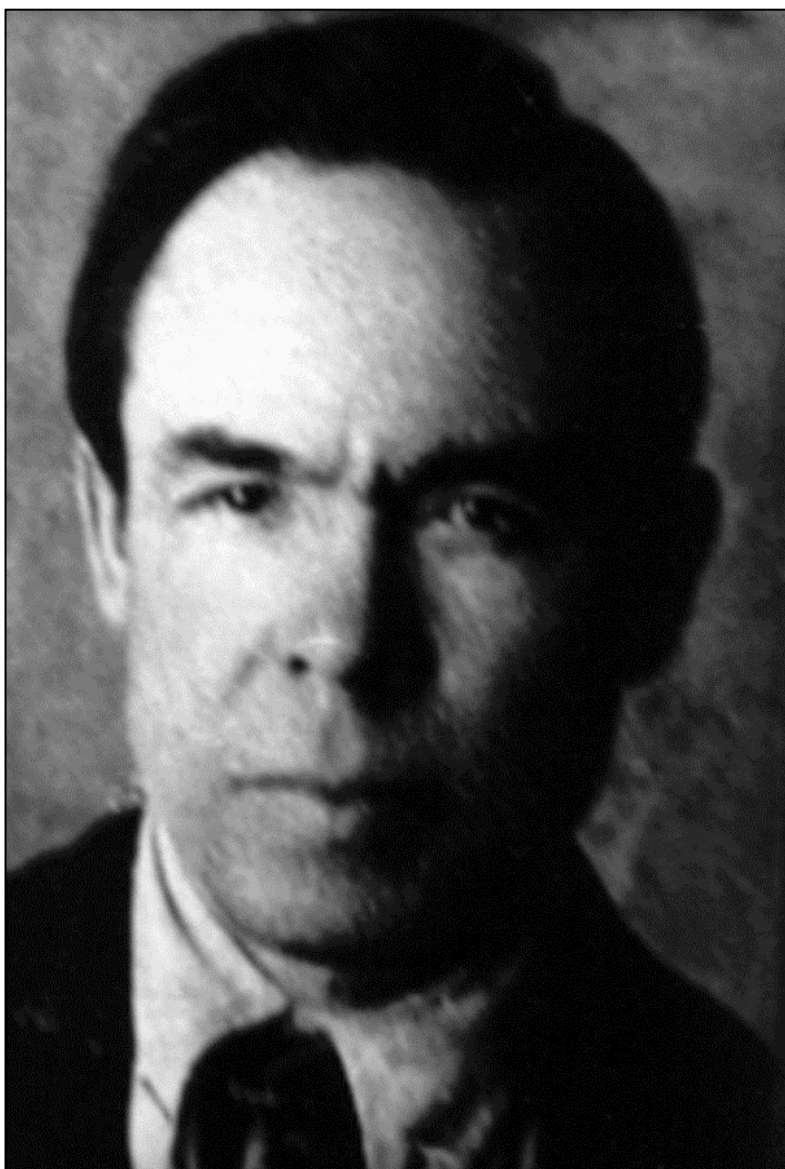
УДК 811.511.13
ББК 81.2(=660/=665)

Издание сборника осуществлено на средства Министерства национальной политики Республики Коми.

ISBN 978-5-87661-486-5

© ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина», 2017

*Посвящается
130-летию со дня рождения
известного коми лингвиста
Василия Александровича Молодцова*

**Василий Александрович Молодцов
(1886–1940)**

ПРЕДИСЛОВИЕ

27–28 октября 2016 года в г. Сыктывкаре состоялся XVI Международный симпозиум «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками», посвященный 130-летию со дня рождения известного коми лингвиста, создателя оригинального коми алфавита Василия Александровича Молодцова. Научный форум был организован Сыктывкарским государственным университетом имени Питирима Сорокина совместно с Министерством национальной политики РК и Институтом языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

XVI Международный симпозиум привлек внимание исследователей из разных регионов России и зарубежья. В его работе приняли участие ученые из Сыктывкара, Ижевска, Перми, Кудымкара, Москвы, Санкт-Петербурга, а также Хельсинки и Турку (Финляндия), Будапешта и Сегеда (Венгрия), Тарту (Эстония), Вены (Австрия). В адрес оргкомитета симпозиума поступило более 100 заявок. На двух пленарных и шести секционных заседаниях было заслушано и обсуждено 76 научных докладов и сообщений.

На первое пленарное заседание, состоявшееся 27 октября, были вынесены на обсуждение два доклада. В докладе Г.А. Некрасовой и И.Л. Жеребцова «Молодцов В.А.: долгий путь к признанию» были даны подробные сведения о жизни и деятельности В.А. Молодцова, его вкладе в науку и образование, в развитие коми культуры и издательского дела, раскрыта многогранность его личности. Второй доклад был посвящен истории удмуртской письменности. В.К. Кельмаков выступил с докладом на тему «К истории буквенной фиксации аффрикат в удмуртской письменности», в котором дал детальный анализ памятникам удмуртской письменности и рассмотрел историю графического обозначения удмуртских аффрикат. На втором заключительном заседании было заслушано также два доклада. Финский исследователь Паула Кокконен затронула в своем докладе проблемы перевода на русский, эстонский и финский языки коми фразеологизмов в повести В.В. Тимина «Эжва Перымса зонка». Доклад М.И. Бурлыкиной «А.С. Сидоров и В.А. Молодцов: точки соприкосновения» был посвящен вкладу двух талантливых лингвистов в коми языкознание.

Работа симпозиума была организована в шести секциях. На секции «Вопросы лексикологии пермских языков» проблемы диалектной лексики были затронуты в докладах Е.А. Айбабиной «Снег с отцом и с матерью и со всей семьей», В.А. Иванова «Особенности изобразительной лексики в языке бессермян», Н.Е. Нефедовой «Особенности лексики нижневычегодского диалекта коми языка», А.Н. Рассыхаева «Новые лексические материалы по ижемскому диалекту коми языка», О.В. Титовой «Об особенностях лексики материальной культуры граховских говоров удмуртского языка», Е.Н. Федосеевой «О происхождении некоторых слов верхнекамского наречия коми-пермяцкого языка». Вопросы терминологии пермских языков рассматривались в докладах А.Н. Ракина «Обозначения рыболовных средств в удмуртском языке», Е.В. Кожевиной «Коми терминология, связанная с избирательной деятельностью», Э.-Ю. Салминен «Школьная терминология пермских языков». Лексической семантике были посвящены доклады И.В. Кармановой, Е.В. Кашкина, М.А. Сидоровой. Своеобразие лексики художественной литературы было рассмотрено в докладах Г.В. Лисовской и Е.А. Цыпанова, В.С. Ивановой. Лингвокультурологический аспект исследования лексики представили в своих сообщениях А.С. Лобанова и О.А. Попова. В.К. Кельмаков подробно проанализировал один из удмуртских памятников письменности, а именно, Евангелие от Матфея 1882 года издания.

На секции «Актуальные проблемы грамматики пермских языков» ряд исследований был посвящен морфологии пермских языков. Особенности функционирования местных падежей коми языка были затронуты в докладах Г.А. Некрасовой «Аппроксиматив и приблизительно-местные падежи коми языка в зеркале количественных показателей» и Н.В. Кузнецова «Маркировка локализации «на теле» местными падежами коми языка». Исследованию морфологических особенностей в удмуртских и коми диалектах были посвящены доклады Л.М. Ившина, Л.Л. Карповой, С.А. Сажинной. Проблемы словообразования были поставлены в докладах С.В. Едыгаровой, В.В. Понарядова, Н.Н. Тимерхановой. О.И. Некрасова рассмотрела сочетания деепричастий с глаголами движения в коми и коми-пермяцком языках. Языковые контакты коми с обскими уграми затронул в своем сообщении Е.А. Игушев. Доклад Г.В. Федюновой был посвящен отрицательным местоимениям пермских языков в контексте языковых контактов. А.А. Шибанов остановился на вокативных словах в удмуртском языке. В отдельных докладах рассматривались вопросы синтаксиса пермских языков. Вопросительные предложения в коми фольклорных текстах были проанализированы Н.И. Гуляевой. В.М. Лудыкова остановилась на общеоценочных прилагательных в предложении коми языка. Особенности

отдельных синтаксических конструкций коми и коми-пермяцкой речи были затронуты в докладе Э.Н. Поповой.

Вопросы становления, развития и современного состояния литературных пермских языков рассматривались на секции «Пермские литературные языки: история и современность». Прозвучали доклады, посвященные памятникам письменности и истории становления пермских языков (Р.В. Гайдамашко, В.А. Степанов, А.Н. Ракин), истории классификации согласных в коми языке (Г.В. Пунегова), истории изучения практической стилистики коми языка (О.Н. Баженова). Е.А. Цыпанов остановился на этимологии слов «öшмös», «oшмес» и «öшкaмöшкa». Функционирование пермских языков в электронном информационном пространстве исследовали М.С. Федина и Дж. Рютер.

Актуальные проблемы методики преподавания пермских языков были обсуждены в секции «Теория и методика преподавания пермских языков». В ходе работы секции были затронуты вопросы подготовки и использования электронных образовательных ресурсов в обучении (М.А. Габова, В.Ф. Поберезкая, С.Н. Терентьева, Н.В. Остапов, Е.В. Остапова, Ю.С. Сычева), подготовки учебников и методических пособий, отвечающих современным требованиям стандартов (С.Н. Терентьева, Е.А. Клепцова), подготовки кадров для национальных школ (Т.Н. Меркушева).

На секции «Вопросы ономастики пермских языков» большая часть исследований традиционно была посвящена топонимике. Л.Е. Кириллова обратилась к анализу топонимии романа «Вуж Мултан» в сопоставлении с реальной топонимией с. Короленко. Оригинальной топонимией Илыч-Печорского междуречья был посвящен доклад А.Г. Мусанова. О языковой ситуации пийжских удмуртов в зеркале топонимии сообщила Ж. Шаланки. С.А. Мызников в своем докладе рассмотрел роль исторической географии в этимологических исследованиях.

Исследованию языка фольклора и художественных произведений была посвящена работа шестой секции. О проблемах перевода художественных произведений говорили в своих докладах Е.В. Остапова и Н.А. Обрезкова. На стилистических особенностях языка художественной литературы остановились Е.В. Вагнер и Ю.Н. Киселева. В.А. Лимерова подробно исследовала народоведческую прозу XIX века и образ коми-зырянского языка в ней. Н.В. Анисимов проанализировал поведенческие стереотипы при контактировании с новорожденным в традиционной культуре удмуртов. Проблемы этнодиалектного описания мифологических персонажей были затронуты в докладе Л.С. Лобановой. Н.А. Мальцева, исследуя наименования коми-пермяцкого женского головного убора, попыталась найти этнодиалог уральских народов в данных названиях.

Сборник научных статей подготовлен на основе докладов и сообщений, заслушанных и обсужденных на пленарных и секционных заседаниях симпозиума. В настоящем издании размещены также работы тех исследователей, которые не смогли лично принять участие в работе симпозиума. Статьи публикуются с сохранением особенностей научного стиля автора и логики изложения научно-исследовательского материала. Редакция не несет ответственности за содержание и научные выводы авторов статей, аутентичность ссылок и цитат.

*Заведующий кафедрой
финно-угорской филологии и национального образования
СГУ им. Питирима Сорокина, канд. филол. наук Р.П. Попова*

В.А. МОЛОДЦОВ: ДОЛГИЙ ПУТЬ К ПРИЗНАНИЮ

И.Л. Жеребцов,
директор ИЯЛИ КНЦ УрО РАН
zherebtsov@mail.illhkomisc.ru

Г.А. Некрасова,
ведущий научный сотрудник
ИЯЛИ КомиНЦ УрО РАН
komilang@gmail.com

Признание приходит и уходит, порой вовсе является к человеку не в дни его жизни, а лишь потом, спустя много лет, когда будут по достоинству оценены его заслуги. Василий Александрович Молодцов – сложная и противоречивая фигура, но человек одаренный и талантливый, который приложил много сил для развития коми культуры, образования, издательского дела. Жизнь этого человека как извилистая тропинка, которая так и не вывела его на путь признания при жизни.

Василий Молодцов родился 20 декабря 1885 г. (1 января 1886 г. по старому стилю) в д. Тентюково (сейчас это часть г. Сыктывкара). Закончил он сначала Усть-Сысольское уездное училище (1903 г.), затем Тотемскую учительскую семинарию (1907 г.). Проучившись на общеобразовательных курсах в Петербурге (1908-1909 гг.), в 1911 г. поступил в Санкт-Петербургский учительский институт (1911-1914 гг.). Возможно, именно во время учебы в Петербурге он заинтересовался лингвистикой, ставшей чуть позднее делом всей его жизни. Необходимость исследования коми языка особенно остро В.А. Молодцов почувствовал, работая учителем Ношульского высшего начального училища, куда он устроился после окончания института. В этот период преподавание на коми языке в школах, где абсолютное большинство учеников составляли коми, плохо знавшие русский язык, считалось ненужным или, по крайней мере, невозможным из-за отсутствия необходимой литературы на коми языке. Весьма слабо разработанными оставались и вопросы коми языкознания.

После 1917 г. начала создаваться новая система обучения. В. Молодцов, работавший в этот время инструктором в Яренском уездном отделе народного образования, начал отстаивать необходимость создания национальной коми школы. Свои взгляды на систему образования он представил на Яренском уездном съезде крестьянских депутатов 15 июня 1918 г. В тот же год на совещании учителей Яренского и Усть-Сысольского уездов в Усть-Выми был одобрен разработанный В. Молодцовым алфавит, который включал 33 буквы, ровно столько, сколько фонем в коми языке. Большин-

ство букв (21) были взяты из русского алфавита, три буквы (*d, j, i*) переняты из латинского, одна (*ö*) оставлена из предыдущих вариантов коми алфавитов. Самим Молодцовым были придуманы специальные буквы для палатальных согласных и аффрикат, не имели отдельных букв сочетания «й» с гласными (*ë, e, я, ю*). Позже были введены еще три буквы (*x, ф, ц*), которые оказались необходимыми для правильной передачи русских заимствований. Стройная система графики достаточно точно передавала фонетический строй коми языка, в чем было ее несомненное достоинство. Идея создания национального алфавита возникла у В. Молодцова еще во время учебы в институте. Во всяком случае В.И. Лыткин писал, что В.А. Молодцов «за несколько лет до революции составил зырянский шрифт по последнему слову науки, советуясь со знатоками филологии и каллиграфии Петрограда, изучая язык народа коми, тогда никому не нужный» (Лыткин 1921; Лыткин 1926: 32).

В 1918 г. В. Молодцов переехал в Усть-Сысольск, ставший центром культурно-просветительской работы в Коми крае. В 1918-1919 учебном году он преподавал в учительской семинарии, где организовал литературный кружок «Коми гижысь чукör», выросший вскоре в литературное объединение при уездном отделе народного образования. В ноябре 1918 г. Усть-Сысольский отдел народного образования принял решение о введении преподавания коми языка в школах. По инициативе В.А. Молодцова организуется Комиссия по созданию коми литературы для школ и народа, которая была призвана заниматься созданием коми литературного языка и письменности, переводами на коми язык произведений русских и зарубежных писателей, собиранием коми фольклора, созданием художественных произведений на коми языке, составлением учебников и хрестоматий для коми школ.

В.А. Молодцов активно включается в разработку и издание учебных программ и пособий для коми школ. Он составил первый букварь для коми школ «Лыддысьны велöдчан», который после обсуждения на заседании Коми комиссии был переписан от руки в нескольких экземплярах (напечатать его не было возможности) и в рукописном виде разослан по школам. Позднее (6 декабря 1920 г.), после открытия Коми книжного издательства, инициатором и первым заведующим которого был В.А. Молодцов, этот букварь был издан тиражом в 7000 экземпляров и стал первой книгой на коми языке, отпечатанной молодцовским шрифтом. В 1921 г. издается первый учебник коми языка для школ «Коми грамматика туй писькöдысь», который был составлен В. Молодцовым на основе собранных во время педагогической деятельности материалов. Оригинальная структура учебного пособия в форме вопросов учителя и ответов ученика позволяла легко

усваивать материал, а также делала его доступным для самостоятельного усвоения учебного материала. В 1926 г. выходит книга для чтения «Школыны лыддысянтор» под редакцией В. Молодцова.

Введение коми языка в школы делало необходимым разработку основных вопросов коми литературного языка. В.А. Молодцов пишет работы, в которых рассматривались актуальные вопросы коми языкознания: орфография и пунктуация, терминология, основа литературного языка (Об употреблении тире в литературе коми, 1924; К вопросу о коми терминологии, 1925; Некоторые принципы зырянского правописания, 1926). Новизна осуществлявшихся преобразований, отсутствие проторенных дорог в культурном строительстве неизбежно вызывали споры о путях развития литературного языка, которые велись на конференциях и совещаниях, на страницах периодической печати. В.А. Молодцов предлагал создать литературный язык на основе одного диалекта. Он был против введения диалектизмов, за исключением тех, которые отсутствуют в опорном диалекте, в то время как некоторые исследователи (А. Цембер и др.) считали, что литературный язык не нужен или необходимо создать «ва-коми кыв», избавившись от всех русских заимствований (А. Чеусов). Немало споров вызывал и алфавит. Еще в начале 1921 г. А.А. Цембер весьма резко отозвался о молодцовском шрифте, утверждая, что он непригоден, а самого Молодцова назвал «злым врагом народа коми», который якобы считает себя «зырянским апостолом» и силой навязывает свой алфавит (Цембер 1921). На Коми лингвистической конференции Главнауки, которая состоялась в 1929 г. Усть-Сысольске, было решено перейти с молодцовского на латинский алфавит ввиду того, что он препятствовал в силу своего своеобразия сближению коми с другими народами и являлся «узконационалистическим». В.А. Молодцов критику в свой адрес не принимал, считая ее попыткой помешать его работе, направленной на благо коми народа. Позднее Василий Александрович писал: «С появлением первых же моих работ <...> последовала вместо объективной критики настоящая травля, <...> которая шла через газеты, журналы, на общественных выступлениях». Между тем в первые послереволюционные годы В. Молодцов являлся ведущим специалистом по коми языку, принадлежал к числу наиболее активных работников культуры.

В марте 1926 г. В. Молодцов уехал на стажировку в Научно-исследовательский институт народов Востока. На родину он больше на длительный срок по своей воле уже не возвращался (за исключением четырехмесячного пребывания здесь в 1931 г.), занимался научной работой в Москве, Ленинграде, Вологде, Саратове, Нарьян-Маре. Во время стажировки В.А. Молодцов исследовал коми и удмуртский языки, побывал с

экспедициями в Удмуртии. На основе собранного материала он написал работу «Таблица фонем вотского языка по отдельным говорениям». В рецензии на эту работу Д.В. Бубрих отметил, что «значение работы выходит далеко за пределы рамок вотского языка», что она «чрезвычайно ярко отражает сложившееся в СССР понимание природы языка». Профессор НИИ народов Востока Н.Ф. Яковлев, руководивший стажировкой В. Молодцова, писал, что автор «обнаруживает тонкую наблюдательность», «из него выйдет подлинный исследователь-лингвист, вполне владеющий социологическими методами лингвистического исследования». В.А. Молодцов и в дальнейшем продолжал заниматься изучением удмуртского языка. Удмуртский НИИ выдвинул его своим внештатным сотрудником в качестве члена-корреспондента института с тем, чтобы Василий Александрович участвовал в диалектологических экспедициях, в исследовании удмуртского языка. В этот период он продолжает разрабатывать и актуальные вопросы коми языкознания (К грамматической классификации слов зырянского языка, 1928; Фонетика зырянского диалекта языка коми, 1929).

В 1929 г. В.А. Молодцов по рекомендации своего руководителя Н.Ф. Яковлева решил поступать в аспирантуру Академии наук СССР, уже начав писать диссертацию на тему «Возникновение и развитие социальных терминов». Однако в аспирантуру его не приняли, судя по всему, не слишком лестную характеристику дал ему В.И. Лыткин, учившийся в это время в аспирантуре НИИ народов Востока, к которому, возможно, обратились за дополнительными сведениями. В. Молодцов уехал в Ленинград, некоторое время исполнял обязанности старшего ассистента в пединституте. Собираясь поступить на работу в аппарат Всесоюзного центрального комитета нового алфавита, занимавшегося проблемами создания единого унифицированного алфавита, но его снова не приняли. В. Молодцов винил во всем В.И. Лыткина, полагая, что тот неправильно охарактеризовал его отношение к «новому алфавиту» и его сторонникам.

В начале 1930 г. В.А. Молодцов устраивается доцентом Мордовского отделения Саратовского университета, где он читал лекции по методологии языкознания. Но вскоре пришлось уехать, судя по словам Молодцова, местные языковеды не принимали учения Н.Я. Марра, на позициях которого стоял Василий Александрович. Позже один из его коллег, В. Удуратин, писал, что «создание невозможных условий для работы Молодцова по его специальности является результатом тенденциозных, мелочных побуждений профессиональной конкуренции». Василий Александрович обладал немалым талантом ученого и осознавал это, ожидая соответствующего к себе отношения.

Осенью 1930 г. Молодцова пригласили в Северный краевой пединститут (Вологда) заведовать коми отделением, на котором учились коми студенты. По окончании учебного года он был вынужден оставить и это учебное заведение, судя по словам самого В. Молодцова, «не выдержав один борьбы за материалистическое языкознание в условиях страстных нападков на яфетидологию со стороны формальной языковедческой школы и блокировавшихся с ними реакционных профессоров по другим дисциплинам».

Из Вологды Молодцов приехал в Сыктывкар, четыре месяца работал внештатным преподавателем педтехникума, занимался он переводами трудов В.И. Ленина на коми язык. Коми обком ВКП(б) собирался включить его в руководящую группу по организации коми пединститута, однако возник конфликт: Василий Александрович потребовал, чтобы В.И. Лыткина ни в коем случае не назначали заведующим кафедрой языка и литературы. В ответ В.И. Лыткин и П.Н. Пипуныров, приглашенные для работы в пединститут, по словам В. Молодцова, заявили, что с последним работать вместе не будут.

Уехав из Сыктывкара, В.А. Молодцов некоторое время работал в издательстве ЦК ВКП(б) (во всяком случае в июле он точно являлся его сотрудником). В феврале 1932 г. в Сыктывкаре состоялась конференция по вопросам нового алфавита. В принятом на ней по докладу В.И. Лыткина постановлении работы В.А. Молодцова характеризовались как «субъективно-идеалистические» и «национал-шовинистические». Сам Молодцов позднее признавал, что не считает разработанные им принципы коми правописания «на сто процентов правильными». Оснований для навешивания столь грозных ярлыков, конечно, не было. Василий Александрович хотел выступить на конференции, но, по его словам, Коми обком ВКП(б) не допустил его участия в этом научном форуме. В.А. Молодцов писал, что к этому времени критика в его адрес превратилась «на почве систематического обрабатывания молодежи в настоящую массовую травлю с искусственным, демагогическим ее подведением под идеологическую критику».

Несмотря на постоянные переезды, смену места работы, В. Молодцов продолжал заниматься исследованием коми языка. В начале 30-х гг. В.А. Молодцов написал вторую часть труда «Фонетика зырянского языка», хотел получить рецензию на нее от академика Н.Я. Марра, но рукопись отправили В.И. Лыткину. Василий Ильич высказал ряд критических замечаний, с которыми В. Молодцов категорически не согласился. Создается впечатление, что научной дискуссии между двумя видными коми лингвистами не получалось. Василий Александрович даже жаловался, что на его «Фонетику» из-за замечаний Василия Ильича было наложено «вето, и она фактически оказалась конфискованной (моя сестра не могла добиться разрешения

снять с нее копии)». Позднее В. Молодцов добился передачи рукописи на рецензирование другим ученым. Профессор Л.И. Жирков, сделав некоторые замечания по работе, отметил, что эта «работа в целом является ценной и актуально-интересной». В 1933 г. В. Молодцов в основном закончил диссертацию. «Работа представляет безусловный интерес по привлеченному и разработанному материалу, но все же имеет ряд недостатков», – отметил в своей рецензии на диссертацию академик И.И. Мещанинов.

В 1933–1936 гг. В.А. Молодцов работал в Ненецкой окружной совпартшколе. С первых дней пребывания в Нарьян-Маре он стал изучать ненецкий язык и уже в 1934 г. представил в окружной отдел народного образования исследование «Система фонем ненецкого языка в увязке с проблемой унифицированного алфавита». Академик И.И. Мещанинов в отзыве на этот труд писал, что «тов. Молодцов <...> принадлежит к числу, весьма немногочисленному, несомненных специалистов по сложным вопросам фонетики <...>. Настоящая работа <...> могла бы быть напечатана и явилась бы полезным трудом». 26 сентября 1935 г. Северный краевой отдел народного образования, рассмотрев работы В. Молодцова по фонетике ненецкого языка и социальным терминам и отзывы на эти работы, решил оба исследования напечатать «в ближайший срок». Однако это намерение не осуществилось.

Тем временем в Коми области шло обличие «национал-шовинистов», особенно развернувшееся в 1934–1935 гг. В газете «За новый Север» 27 апреля 1935 г. упоминалось о «явно контрреволюционных кулацких буржуазных националистах вроде Мартюшевых, Батиевых, Молодцовых и Сидоровых». После ответного письма сестры ученого А.А. Молодцовой редакция газеты признала, что «допустила ошибку, поставив «Молодцовых» и «Сидоровых» рядом с явными контрреволюционными националистами». Но вскоре в той же газете было объявлено, что В.А. Молодцов «далеко не сразу» принял «великие пролетарские идеи Октябрьской революции», что «его борьба за коми язык и культуру велась вплоть до последнего времени с позиций национал-шовинизма и доходила до контрреволюционных высказываний. Молодцов <...> в поисках особенности в языке коми дошел до геркулесовых столбов формализма». Подобные обвинения позднее были чреватые для В. Молодцова большими последствиями.

С октября 1936 г. В.А. Молодцов работал преподавателем кафедры коми языка на курсах редакторов-переводчиков произведений классиков марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б), сотрудничал во Всесоюзном ЦК Нового алфавита, с 1 апреля 1937 г. по совместительству работал в Ленинградском отделении Центрального института языка и письменности народов СССР, продолжая исследовательскую работу по коми языку.

С конца 1937 г. В.А. Молодцов преподавал в Вологодском пединституте. Он планировал защищать кандидатскую диссертацию «Возникновение и развитие социальных терминов» в Ленинградском отделении Центрального института языка и письменности народов СССР, отправил текст диссертации на рассмотрение. Заключение по работе дал академик И.И. Мещанинов, директор Института языка и мышления имени Н.Я. Марра: «Работа может быть представлена к защите <...> лишь по исправлению ее согласно указаний рецензентов». Переработать диссертацию В.А. Молодцов не успел. 29 сентября 1938 г. он был арестован по обвинению в причастности к мифической «контрреволюционной организации», будто бы занимавшейся «вредительством» в деле культурного строительства. 4 февраля 1939 г. Верховным судом Коми АССР Василий Александрович Молодцов был осужден по ст. 58–10 ч. 1, 58–11 УК РСФСР на четыре года лишения свободы и три года поражения в правах. В лагере ученый занимался изготовлением дощечек для ящиков. 31 августа 1940 г. В.А. Молодцов скончался в верхнечовском лагере. В 1957 г. Верховный суд РСФСР реабилитировал его за отсутствием состава преступления.

Куда бы не забрасывала В.А. Молодцова его беспокойная судьба, где бы и кем бы не пришлось ему работать, он остался верен своему призванию – изучать родной язык, развивать культуру коми народа. Оценивая вклад В.А. Молодцова в развитие коми языка и культуры, В.И. Лыткин еще в 20-е годы писал, что в 1918–1922 гг. Молодцову пришлось больше всех трудиться над развитием образования и культуры в Коми крае. «Благодаря его стараниям у нас есть теперь: 1) коми алфавит, 2) коми литературный язык, 3) правописание коми языка, 4) советская коми школа, 5) объединение единомыслящих писателей» (Лыткин 1926: 34). Василий Александрович Молодцов, человек столь мало оцененный при жизни, достоин того, чтобы он был известен не только как создатель уникального коми алфавита, названного по его фамилии «молодцовским». Несколько лет назад на его родине была установлена мемориальная доска с фотографией и краткой биографией ученого, его имя носит одна из улиц пригорода Сыктывкара.

Бараксанов Г.Г., Мартынов В.И. Развитие коми филологической науки. – Сыктывкар, 1975 (Серия препринтов «Научные доклады» Коми научного центра УрО РАН. Вып. 20).

Грен А.Н. К вопросу о применении латинского алфавита к языкам Коми и Удмурт // Коми му. – 1924. – № 3. – С. 50-59.

Визь. Зырянский литературный язык // Удж. – 1921, март 6-öd лун.

Жеребцов И.Л., Некрасова Г.А. Деятельность В.И. Лыткина в 1920–1930 гг. // Пермистика–5: Сб. статей. – Ижевск, 2002. – С. 47–59.

Жеребцов И.Л., Некрасова Г.А. Создатель коми алфавита // Они любили край родной. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. – С. 205–223.

Жеребцов И.Л., Некрасова Г.А., Бараксанов Г.Г. Биография без ретуши // Они любили край родной. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. – С. 138–157.

Жеребцов И.Л., Некрасова Г.А., Демин В.Н. В.И. Лыткин: жизнь и творчество. – Сыктывкар, 1997. – 58 с.

Жеребцов И.Л., Некрасова Г.А., Демин В.Н. Василий Ильич Лыткин – Сыктывкар, 1997. – 48 с. (Серия препринтов «Люди науки». – Вып. 21)

Лудыкова В.М. Коми гижод кыв история. – Сыктывкар: СыктГУ, 2007. – 160 л.б.

Лудыкова В.М. Литературный коми язык: история и современное состояние (социолингвистический аспект). – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2014. – 144 с.

Лыткин В.И. Коми гижысьяс. – М., 1926. – 176 с.

Лыткин В.И. «Друг» народа коми. Ответ на статью А. Цембера «Злой враг коми народа» // Удж. – 1921, февраль 21-од лун.

Материалы Коми лингвистической конференции Главнауки в Сыктывкаре. – Сыктывкар: Коми гос. изд-во, 1930. – 96 с.

Молодцов В.А. Лыддысьны велодчан. – Усть-Сысольск, 1920. – 28 л.б.

Молодцов В. (Сандрö Васьö) Коми грамматика туй писькöдысь. – Сыктывдин кар, 1921. – 172 л.б.

Молодцов В.А. Грен А.Н. К вопросу о применении латинского алфавита к языкам Коми и Удмурт // Коми му. – 1924. – 3 №; 1924. – 7–10 №. – 151–156 л.б.

Молодцов В. Критика на статью Сидорова А.С. «Морфологическая структура коми языка» // Коми му. 1924. – 7–10 №. – 148–151 л.б.

Молодцов В.А. К вопросу о коми терминологии // Коми му. – Устьсысольск-Сыктывкар, 1925. – 6–7 №. – 34–37 л.б.

Школаын лыддысянтор / под ред. В.А. Молодцова. – Усть-Сысольск: Коми кн. изд-во, 1926. – 216 л.б.

Молодцов В.А. (Сандрö Васьö) Некоторые принципы зырянского правописания. – Усть-Сысольск: Комигосиздат. (1926–1927). – VI. – 87 с.

Молодцов В.А. К грамматической классификации слов зырянского языка. – М.; Усть-Сысольск, 1928. – 128 с.

Молодцов В.А. Фонетика зырянского диалекта языка коми. – М.: Центр. изд-во народов СССР, 1929. – Ч. 1. – 64 с.

Молодцов В.А. К вопросу об орфографии простых и сложных композита с несоставными основами в языке коми // Материалы коми лингвистической конференции Главнауки в Сыктывкаре (15–21 июля 1929 г.). – Сыктывкар, 1929. – С. 13–33.

Молодцов В.А. О существительных и прилагательных в языках коми и удмуртов. 1933 (рукопись).

Молодцов В. Коми алфавит латинизируйтöм йылысь // Культура фронт. – 1930. – № 6. С. 42.

Национальный архив Республики Коми, ф. 1215, оп. 1, ед. хр. 1, 2, 3, 4, 5, 7.

Некрасова Г.А., Жеребцов И.Л. Лингвист В.А. Молодцов в Яренске // Вычегодский край в истории России : тез. докл. науч.-практич. конф. – Сыктывкар, 1994. – С. 84–86.

Некрасова Г.А., Жеребцов И.Л. Деятельность В.И. Лыткина в Комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка // *Linguistica Uralica*, 1996. – № 1. – С. 47-49.

Они любили край родной. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. – 304 с.

Пунегова Г.В. Графические принципы молодцовского национального алфавита // Вопросы финно-угорской филологии : межвузовский сб. науч. трудов / отв. ред. В.М. Лудыкова. – Сыктывкар, 2014. – С. 112–122.

Пунегова Г.В. Из истории коми графики // Пути развития пермских языков: история и современность. – Сыктывкар, 2014. – С. 68-85. (Тр. ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. Вып. 73).

Туркин А.И. В.А.Молодцов и формирование коми литературного языка. (к 100-летию со дня рождения) // Советское финно-угроведение. – 1986. – № 3. – С. 220–224.

Туркин А.И. Безносикова Л.М. Молодцов Василий Александрович // Коми язык : энциклопедия. – М., 1998. – С. 261–264.

Цембер А.А. Злой враг народа коми: [критика молодцовского шрифта] // Удж. – 1921, февраль 9-öd лун.

Цыпанов Е.А. Молодцовский алфавит // Коми язык : энциклопедия. – М., 1998. – С. 264–266.

Цыпанов Е.А., Плосков И.А. Коми гижан культура панысьяс. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2002. – 156 с.

СНЕГ С ОТЦОМ И С МАТЕРЬЮ И СО ВСЕЙ РОДНЕЙ

Е.А. Айбабина,
ведущий научный сотрудник
ИЯЛИ КомиНЦ УрО РАН
ajbabina.evgenya@yandex.ru

Снег является одним из атрибутов зимы, занимающей важное место в картине мира коми народа. Поэтому в диалектах коми-зырянского языка существует значительное количество слов для обозначения различных видов и состояния снега. В данной статье исследуются названия падающего снега, зафиксированные в двухтомном «Словаре диалектов коми языка», изданном в 2012–2014 гг. (СДКЯ 2012, СДКЯ 2014).

Как выяснилось, в коми языке имеются отдельные лексемы для обозначения мелкого сухого снега, падающего в морозную погоду, мокрого снега, снега с дождем, снежной крупы.

По своему происхождению исследуемая лексика относится к различным периодам существования языка.

Общее название для обозначения снега *лым*, распространенное повсеместно, в КЭСК и Уральском этимологическом словаре (UEW) относится к финно-пермскому периоду и сопоставляется с удмуртским словом *лымы*, марийским *лум*, финским *lumi*, мордовским *лов*, также имеющими значение 'снег' < **lume*- 'снег'. Под вопросом в названных работах допускается финно-угорское происхождение данного слова, если правомерно отнесение к данному ряду венгерских диалектных лексических единиц *lom*, *lam* 'жидкая грязь, слякоть; начинающийся ледоход на реке весной' (КЭСК: 164, UEW: 253-254). По мнению Ю. Норманской, слово имеет надежную праяуральскую этимологию. В своих выводах она опирается на данные этимологического словаря финского языка «Suomen Sanojen Alkuperä. Etymologinen Sanakirja» III (1992) и «Северно-селькупского словаря» Е.А. Хелимского (2007), в которых в эту этимологию также добавляется прасамодийская форма **jom*- 'идет снег' и сравнение с энецким *d'ud'i?* (ген. *d'ud'io*) 'пушистый свежавыпавший снег' (Норманская: 1).

1. Мелкий сухой снег (падающий в морозы) в диалектах коми языка имеет следующие наименования: *бусков* скр. (Зел.), *киж* лл. (Об.), *кижа* вв. вс. лл. печ. скр. сс., *китша* вым. (Кони) иж. уд. (Гл. Черн.), *китша пызöй* уд., *пакта* вв. (Пом.) печ. (Медв.), *тиж* лл. (Об.), *тижа* лл. скр., *тишавер* уд.

Примеры употребления названных лексических единиц: *бусков мунö* скр. (Зел.) 'идет мелкий снег', *китша киссьö* уд. (Черн.) 'падает мелкий сухой снег' (ПСД: 194; СДКЯ 2012: 672).

1.1. Четыре наименования (*киж*, *китша*, *тиж*, *тижа*) представляют собой фонетические варианты лексемы *кижа*, соотносимой с лексической единицей русского языка *кíжа* влг. 'снег, валящий большими хлопьями, густо и ложащийся рыхло' (Даль 2: 107), 'небольшая осенняя пороша' Сольвычег. Волог., 'первый снег, снег, выпавший осенью, весною, который быстро тает' Устюж. Волог. (СРНГ 13: 202).

Преобразования в звуковом составе рассматриваемой лексемы в коми языке вполне закономерны. В лузско-летском и присыктивкарском диалектах в начале слова перед переднерядным гласным *ц* могут встречаться как палатальный *т'*, так и задненебный *к* (ЛЛД: 31, ПСД: 32-33). Междиалектное звукосоответствие аффриката – фрикативный звук (*тиш* – *жс*) наблюдается в вымском, ижемском, удорском диалектах (ВД: 46-47; ИД:

40). Также в некоторых диалектах коми языка может иметь место отпадение конечного гласного корневыми морфем русских заимствований.

1.2. Наименование *пакта*, видимо, заимствовано из русских говоров Прикамья, ср. записанное в верховьях Вишеры и ее притока Колвы рус. *náhta* 'мелкий рассыпчатый снег, по которому трудно ездить', 'мягкий липкий снег' (СРНГ 25: 295, Гайдамашко 2015: 40).

1.3. Лексическая единица *бусков* скр. (Зел.) 'морось, изморось', 'мелкий снег' соотносима с глаголами *буситны* вс. лл. нв. печ. скр. сс., *бусйыны* иж. сс. (Пж.) 'моросить', *бускини* вв. (Ст.) скр. (О.), *бускыны* вс. вым. лл. (Пор.) уд. 'моросить', вс. (Гр.) 'идти мелкому снегу'. В КЭСК коми глагол *буситны* считается обратным заимствованием из русского языка (КЭСК: 42-43).

1.4. Компонент *пызöй* лексической единицы *китша пызöй* уд. имеет значение 'мука' (УД: 228). Таким образом, в названии мелкого сухого снега содержится сравнение с этим продуктом питания.

Происхождение слова *тиавер* уд. неясно.

1.5. Сухой снег имеет в диалектах также наименования, состоящие из слова *лым* 'снег' с определениями *дзузган*, *дзузыд* лл. (Чтв.) 'мелкий, сухой', *кос* вв. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. уд., *кöс* вс. 'сухой': *дзузган лым*, *дзузыд лым* лл. (Чтв.), *кос лым*.

2. Крупа (*снег в виде мелких шаровидных зёрнышек*) имеет следующие наименования: *гөрöк* уд., *катшапаноо* вым. (Кони) иж., *катшасин бугиль* вв. (Вольд.), *катшашыдöс* лл. (Об.) нв. печ. (Аб. У.-И.) скр. сс., *катшашыдэс* вв., *крупа* уд., *ракашыдöс* печ. (Пч.), *паноо* иж., *шыдöс* уд.

Примеры их употребления в диалектах: *катшапаноо усьö* (*киссьö*), *катшапанолөн лымъялö* вым. (Кони), *катшашыдöсөн лымъялö* лл. (Об.), *шыдöсөн лымйыс локтö* уд. (Остр.) 'падает крупа'; *У-у! Этша ракашыдöс усьöма* печ. (Пч.) 'Ну и напало крупы!' (СДКЯ 2012: 646, 647; СДКЯ 2014: 277, 819).

2.1. Рассматриваемое значение лексем *паноо* иж., *шыдöс* уд. и заимствований *крупа* уд. и *гөрöк* уд. является переносным. Основные значения, соответственно, 'крупа (*продукт, употребляемый в пищу*)' и 'горох'.

2.2. Компонент *катиш-* композиты *катшашыдöс* (*катшашыдэс*) в КЭСК сопоставляется с удмуртским *качко*, *кашка* 'белое пятно (*в какой-л. окраске*)' и возводится к праформе *каш- 'белый'. Предполагается, что слово может являться древнетюркским заимствованием. Таким образом, *катшашыдö(э)с* исходя из значений компонентов трактуется как 'белая крупа' (КЭСК: 118-119). По всей вероятности, так же может трактоваться и лексическая единица *катшапаноо*.

2.3. Наименование *ракашыдöс*, по-видимому, образовано по модели рассмотренного выше слова с ориентацией на народно-этимологическое

толкование композиты *катшашыдӱс*: 'сорочья крупа' (*катша* повс. 'сорока') – *ракашыдӱс* 'воронья крупа' (*рака* вв. вс. лл. нв. печ. скр. сс. уд. (Ваш.) 'ворона').

Следует отметить, что названия представителей фауны нередко используются и в наименованиях, относящихся к другим тематическим группам, в частности в лексике флоры, если в номинациях присутствует мотив настоящего: *ракачӱд* уд. 'вороника черная' (*букв.* воронья черника), ненастоящая черника, и т.п., *ракашыдӱс* – снежная (ненастоящая) крупа (СДКЯ 2014: 277).

Не исключается возможность подобного объяснения и смысловой структуры лексических единиц *катшашыдӱ(э)с*, *катшапаноо*, поскольку компонент *катша* 'сорока/сорочий' также активно используется в наименованиях, относящихся к другим тематическим группам: *катшаблюд* вв. (Бог.) 'ромашка', *катша пызандэра* лл. (Об.) 'папоротник' (*блюд* 'блюдо, блюдце; тарелка', *пызандэра* 'скатерть').

2.4. Мотивировка рассматриваемого значения лексической единицы *катшасин бугиль*, зафиксированной в верхневычегодском диалекте, неясна с точки зрения значений ее компонентов: *катшасин* 'ромашка', *бугиль* 'глазное яблоко', *груб.* 'глаз'. Возможно, более плодотворное рассмотрение трехкомпонентной лексической единицы: *катша син бугиль*, где *син бугиль* также 'глазное яблоко', 'глаз'. Таким образом, признаками, лежащими в основе номинации могут быть размер и форма глаз сороки. Можно отметить, что омонимичная лексическая единица в названном диалекте имеет значение 'вороника' (*растение семейства вересковых с небольшими черными ягодами*). Внутренняя форма последнего наименования представляется достаточно прозрачной: 'сорочий глаз' (СДКЯ 2012: 647).

3. В исследуемом материале значительное число наименований мокрого снега и снега с дождем представляет собой лексику, заимствованную из русских народных говоров.

3.1. Мокрый снег, слякоть обозначают следующие лексические единицы: *рапня* иж., *сьяка* лл. (Лет.), *сьякӱть* лл. (Лет.), *шляк* лл. (Пор. Пр.), *шляка* скр. сс., *шлякеть* уд. (Венд.), *шлякеч* уд. (Венд.), *шлякиша* вс. (Кб.), *шлякӱть* вс. (Гр.) лл. нв., *шлякыш* вс. (М.) лл. (Лет. Пор.) сс., *шляч* вым. уд., *шляча* вв. иж. нв. печ. уд. (Разг.).

Примеры их употребления в речи: *шляк петӱ* лл. (Пр.) 'на дворе слякоть'; *шлякиша усьӱ* вс. (Кб.) 'идёт мокрый снег'; *ва шлякыш лэдзӱ* лл. (Лет.) 'на дворе слякоть'; *лым да шляч петӱ* вым. (Кони) 'пошёл снег, стало слякотно'; *шляча шлячке* иж. 'идёт мокрый снег'; *шляча усьӱ, петтӱм шуд* уд. (Пыс.) 'идёт мокрый снег, выйти нельзя' (СДКЯ 2014: 779, 780, 806).

Лексическая единица *рапня* иж. 'мокрый снег', по-видимому, соотносима с рус. *дряпня* ряз. 'мокропогодица зимою, снег с дождем' (Даль 1: 497). Несколько смущает география бытования слова – самый северный диалект коми языка, тогда как фонетически оно может быть объяснено только из приведенной рязанской формы.

Очевидно, что прототипами остальных лексем, заимствованных коми языком, могут быть следующие слова русских народных говоров: *сляка* 'снег с дождем, мокрый снег' (СРНГ 38: 333), *слякоть*, *слякíша* сиб., *сляча* сев. и сиб. 'слякоть сверху, мокрый снег, снег с дождем' (Даль 4: 230), *шляча* пск. ниж. 'слякоть, снег с дождем' (Даль 4: 640).

3.2. Для наименования мокрого снега, снега с дождем в диалектах коми языка имеются также слова *слёт* вв. вым. (Весл. Кони) лл. нв. скр. сс. уд., *слёта* иж. лл. (Зан.) печ. (Пч.) сс.

Примеры использования этих слов: *слёт усьё* вым. (Весл. Кони) 'идёт мокрый снег'; *слёт толун, петтём суд, бур кёзйин понсё оз лэдз* уд. (Пыс.) 'сегодня идёт мокрый снег, выйти нельзя, хороший хозяин собаку не выпустит'; *слёта сія лым нисьё, ва нисьё* печ. (Пч.) 'слота – это не то снег, не то дождь'; *арся слётаыд кё босьтас, кёдыд ловё* сс. (Пж.) *примета* 'если осенью пойдёт мокрый снег, будет холодно' (СДКЯ: 395, 437).

Можно сравнить заимствованные коми лексемы с их прототипами в говорах русского языка: *слотá*, *слоть* вост. юж. 'слякоть; мокредь; снег с дождем, мокрый снег'. (Даль 4: 223; СРНГ 38: 305).

3.3. Конечно, для наименования мокрого снега в коми языке имеются собственные ресурсы. Однако эти названия представляют собой словосочетание определяемого слова *лым* 'снег' с определением со значением 'сырой, мокрый': *ва лым* повс., *лепыр лым* уд. (Гл.), *няпыд лым* иж., *няр лым* уд. (Чупр.), *улис лым* вым. (Кони), *ульёс лым* лл. (Пор.) и др.

Примеры: *улялö погоддьёыс, ва лым петö* лл. (Пр.) 'на улице подтаивает, идёт мокрый снег'; *няр лым усьёма* уд. (Чупр.) 'выпал сырой снег', *улис лым усьё* вым. (Кони) 'падает мокрый снег' (СДКЯ 2012: 1053; СДКЯ 2014: 654, 659).

4. Для наименования снега, падающего большими хлопьями, в диалектах коми языка используются следующие лексические единицы: *гырысь кока лым* уд. (Пучк.) (букв. большеногий снег), *корья лым* иж. 'снег хлопьями', *коч ку пасьта лым* вв. (Крч.) 'снег (хлопьями) с заячьей шкуркой', *коч лаптён лым* уд. 'снег (хлопьями) с заячьей лапой', *коч пель лым* уд., *коч пель пасьта лым* вв. (Вольд.) 'снег (хлопьями) с заячьим ухом', *лапта лым* уд. (Лат.), *ота кока лым* уд. (Косл.), *паськыд кока лым* уд. (Гл.) 'снег (хлопьями) с широкую ступню', *ота корья лым* вым. (Кони) иж., *паськыд корья*

лым иж. нв. 'снег крупными (букв. широкими) хлопьями', *ыж ку пасьта лым* печ. 'снег (хлопьями) с овечью шкурку' (СДКЯ 2012: 743, 818, 870).

Можно привести несколько примеров использования рассматриваемых лексических единиц: *гырысь кока лым усьõ* уд. (Пучк.), *лымйыс кõч лаптõн локтõ* уд. (Крив.), *ота кока лым усьõ* уд. (Косл.) 'идёт снег хлопьями' (УД: 198, 215).

Как можно видеть, большие хлопья снега уподобляются в названии различным реалиям: большой ступне, лапе, шкурке овцы. И, конечно же, не случайно, что снег, падающий большими хлопьями, сопоставляется с атрибутами зайца. В регионах с устойчивым снежным покровом зимой заяц-беляк имеет белую мягкую, пушистую шкурку. Крупные хлопья снега сравниваются по величине и другим, названным выше характерным внешним признакам: с заячьим ухом, с заячьей лапкой, с заячьей шкуркой.

Количество падающего снега и интенсивность снежных осадков в присыктивкарском и среднесысольском диалектах своеобразно описывается с привлечением терминов родства. Так, в среднесысольском диалекте обильный снегопад представлен следующим образом: *айнас и мамнас, рõднас и вужнас лымйыс мõдõс* сс. (Меж.) букв. 'пошёл снег с отцом и с матерью и со всей роднёй' (СДКЯ 2014: 302).

Проанализированный материал показывает, что наименования падающего снега представляют собой как исконную, так и иноязычную по происхождению лексику, проникшую в диалекты коми языка в результате языковых контактов, главным образом, с носителями русских народных говоров.

Значительная часть рассмотренных лексем демонстрирует полисемию в метеорологической сфере. Так, *бусков* скр. (Зел.), *тшавер* уд. – 'мелкий сухой снег' и 'мелкий дождь, морось'. *гõрõк* уд. – 'крупная (снег)', 'град'.

Рассмотренные метеонимы имеют семантические связи с другими тематическими группами: с лексикой сельского хозяйства, пищевой лексикой. В частности, лексема *паноо* в верхневычегодском диалекте имеет значение 'отруби; высевки', в вымском и ижемском – 'крупная (продукт питания)', в ижемском – 'крупная (снег)'.

Обозначения падающего снега представляют собой как отдельные лексеммы, так и устойчивые или свободные сочетания слов. Устойчивые словосочетания воспроизводят в названии особенности внешней характеристики обозначаемого явления (*китша пызõй* уд. 'букв. снежная мука', *кõч пель лым* 'букв. заячье ухо снег'). Свободные словосочетания в большинстве случаев называют рассмотренные типы снежных осадков по особенностям их агрегатного состояния (*няпыд лым* иж., *ульõс лым* лл. (Пор.) 'мокрый снег', *кос лым* повс. 'сухой снег'), по величине снежинок (*гырысь лым*

'крупный снег'), по восприятию человеком (*кокньыд лым* 'легкий снег', *чизыр лым* 'колючий снег', *чорыд лым* 'твердый, жесткий снег'), по интенсивности снегопада (*гежсӧд лым*, *шоч лым* букв. 'редкий снег').

Сокращенные названия диалектов коми языка: *вв.* – верхневычегодский, *вс.* – верхнесысольский, *вым.* – вымский, *иж.* – ижемский, *лл.* – лузско-летский, *нв.* – нижневычегодский, *печ.* – печорский, *скр.* – присыктывкарский, *сс.* – среднесысольский, *уд.* – удорский.

Сокращенные названия населенных пунктов

Аб. – д. Абар, *Бог.* – с. Богородск, *Ваш.* – бассейн Вашки, *Венд.* – д. Вендинга, *Весл.* – с. Весляна, *Вольд.* – с. Вольдино, *Гл.* – с. Глотова, *Гр.* – с. Грива, *Зел.* – с. Зеленец, *Кб.* – с. Кобра, *Косл.* – с. Кослан, *Лат.* – д. Латьяга, *Лет.* – с. Летка, *М.* – д. Мырпонаыб, *Медв.* – д. Медвежская, *Меж.* – с. Межадор, *О.* – с. Озёл, *Об.* – с. Объячево, *Остр.* – д. Острово, *Пж.* – с. Пажга, *Пом.* – с. Помоздино, *Пор.* – д. Поруб, *Пр.* – с. Прокопьевка, *Пч.* – с. Подчерье, *Пыс.* – с. Большая Пысса, *Разг.* – д. Разгорт, *Ст.* – с. Сторожевск, *У.-И.* – с. Усть-Илыч, *Черн.* – с. Чернутьево, *Чтв.* – с. Читаево. *Чупр.* – с. Чупрово.

Гайдамашко Р.В. Материалы к этимологии метеорологической лексики в русских говорах Прикамья: пахта, ромода // Северно-русские говоры. – СПб., 2015. – Вып. 14. – С. 37–45.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. – М.: Русский язык, 1978–1980.

ПСД – Жилина Т.И., Бараксанов Г.Г. Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. – М., 1971. – 272 с.

ВД – Жилина Т.И. Вымский диалект коми языка. – Сыктывкар: Пролог, 1998. – 440 с.

ЛЛД – Жилина Т.И. Лузско-летский диалект коми языка. – М.: Наука, 1985. – 272 с.

ИД – Сахарова М.А., Сельков Н.Н. Ижемский диалект коми языка. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976. – 288 с.

КЭСК – Лыткин В.И., Гуляев Е.С.. Краткий этимологический словарь коми языка / под ред. проф. В.И. Лыткина. Переизд. с доп. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. – 430 с.

Норманская Ю.В. Этимологии названий снега в сибирских (уральских и тюркских) языках // www.iling.-ran.ru/Normanskaya/normanskaya/10pdf (дата обращения: 30.03.2016).

СДКЯ 2012 – Безносикова Л.М., Айбабина Е.А., Забоева Н.К., Коснырева Р.И. Словарь диалектов коми языка: в 2 т. Т. 1 (А–О). – Сыктывкар: Кола, 2012. – 1096 с.

СДКЯ 2014 – Безносилова Л.М., Айбабина Е.А., Забоева Н.К., Коснырева Р.И. Словарь диалектов коми языка: в 2 т. Т. 2 (Ӗ–Я). – Сыктывкар: Кола, 2014. – 888 с.

СРНГ 13 – Словарь русских народных говоров. Вып. 13. Калун – Кобза / гл. ред. Ф.П. Филин. – Л.: Наука. Лен. отд-е, 1977. – 258 с.

СРНГ 25 – Словарь русских народных говоров. Вып. 25 Отчурить–Первачок / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. – Л.: Наука. Лен. отд-е, 1990. – 352 с.

СРНГ 38 – Словарь русских народных говоров. Вып. 38. Скинуть–Сметушка / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. – СПб.: Наука, 2004. – 372 с.

UEW – Uralisches etymomologisches Wörterbuch. – Вр.: Akadémiai Kiadó, 1986–1989.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ПРАКТИЧЕСКОЙ СТИЛИСТИКИ КОМИ ЯЗЫКА

О.Н. Баженова,
аспирант ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН
bazhenova-olga2011@mail.ru

Практическая стилистика как научная дисциплина имеет в коми языкознании относительно недавнюю историю. Возникновение её можно условно отнести к началу 1950-х гг., когда прошел период языковой стагнации и антиреформаторства марризма, и усилия лингвистов сконцентрировались на вопросах развития коми литературного языка, очищения его от излишних заимствований и пополнения лексических средств за счёт диалектов. Эти вопросы активно обсуждались на языковых конференциях 1952, 1960, 1989 гг.

К исследованиям практической стилистики можно отнести ряд статей коми учёных, объектом внимания которых были следующие вопросы: целесообразность употребления в коми литературном языке диалектизмов, неологизмов, заимствований, а также вопрос об использовании в письменной речи синонимов.

Впервые попытка создания единых норм коми литературного языка была осуществлена в 20-е гг. XX в. Тогда определились 3 основные точки зрения на пути развития литературного языка относительно целесообразности включения в него диалектизмов:

1. В.А. Молодцов и некоторые другие языковеды выступали против широкого привлечения диалектизмов в литературный язык. По их мнению, следовало ограничиться лишь введением тех слов, которые отсутствуют в опорном диалекте.

2. А.А. Чеусов и некоторые другие литературные работники были сторонниками так называемого «ва-коми» языка, т.е. выступали против всякого рода русизмов в коми языке (Бараксанов, 1964: 161).

3. Третья точка зрения манифестировалась в резолюции Коми лингвистической конференции Главнауки (15–21 июля 1929 г.). Тогда было принято решение о том, что необходимо максимально использовать богатства всех диалектов коми языка в отношении: а) словарного состава путём обогащения: 1) диалектными словами, которых нет в литературном языке; 2) местными словами, обозначающими всевозможные оттенки понятий; 3) синонимами; б) морфологии путём употребления семантически особых диалектических словообразовательных и словоизменительных суффиксов; в) фонетики путём использования диалектических вариантов в целях дифференциации значения (Материалы, 1929: 90).

Данная точка зрения возобладала над другими, её придерживались ведущие языковеды на протяжении многих лет. Так, в 1931 г. вышла статья В.И. Лыткина «Основные задачи строительства коми литературного языка», затем, уже в послевоенные годы, этой теме посвятили свои работы А.С. Сидоров («Пути развития коми литературного языка», 1952), А.Н. Фёдорова («Озырмодны коми литературной кыв» («Обогащать коми литературный язык», 1960), В.А. Сорвачёва (доклад на «Конференции по вопросам строительства литературного коми языка», 1960), Г.Г. Бараксанов («Коми литературный язык, история его формирования и диалектная основа», 1964), Л.М. Безносикова («Роль диалектной лексики в формировании словарного состава коми литературного языка», 1985). Вышеназванные авторы положительно оценивают включение диалектизмов в литературный язык. Но существовала и по сей день существует другая точка зрения. Её, в частности, придерживался писатель и историк П.Г. Доронин. В своей статье «Коми литературной кыв да сылӧн развияйтчан туйяс» («Коми литературный язык и пути его развития», 1960) он высказывается против активного вовлечения диалектизмов и неологизмов, а основным источником пополнения языка новыми словами считает русский язык (Доронин, 1960: 56).

В настоящее время в произведениях некоторых современных коми писателей (особенно тех, кто говорит на ижемском и удорском диалектах) наблюдается игнорирование критериев введения диалектизмов. Это обусловлено ослаблением редакторской правки или вообще её отсутствием. На данный момент пока нет специальных научных исследований, посвящённых данной проблеме.

Другой вопрос практической стилистики – употребление неологизмов – поднимался также в 20-е гг. XX в. Именно тогда зародилось течение сто-

ронников «ва-коми» («чисто коми») языка, многие термины были переведены на коми язык. Затем, в 30–40-е гг., в силу политических обстоятельств это движение прекратилось. Стремление пополнять литературный язык новыми словами возобновилось с 50-х гг., когда в СССР активно пропагандировалась критика марризма. Но и тогда существовала оппозиция по отношению создания «ва-коми» терминов. Одним из её представителей был А.С. Сидоров. В своём докладе на Научном совещании по вопросам языкознания, 1952 г., он называет словотворчество 1920-1930-х гг. «словесным хламом, внесённым буржуазными националистами» (Сидоров 1952: 9–10). Отрицательно оценивает создание неологизмов и А.Н. Фёдорова. В своей статье «Озырмӧдны коми литературной кыв» («Обогащать коми литературный язык», 1960) она выступает против коми пуристов и заявляет, что «Ва коми язык» обеднил язык коми художественной литературы, закрыл ему путь обогащения и возвышения» (Фёдорова, 1960: 60). Данной точки зрения придерживались и П.Г. Доронин (Доронин, 1960: 56), и Г.Г. Бараксанов (Бараксанов, 1962: 58–61).

Впервые в коми языкознании практика ва-комизации была позитивно оценена в 1989 г. в докладе Г.Г. Бараксанова и Г.В. Федюнёвой, где авторы предлагают активнее работать над созданием новых слов, развитием у старых слов новых значений, т.е. учитывать опыт зырянизации 20-х гг. (Бараксанов, Федюнёва, 1990: 39).

Начиная с конца 80-х гг. прошлого века в коми языке можно наблюдать резкую пуристическую традицию. За прошедшие два десятилетия термино-орфографической комиссией было предложено около 2000 неологизмов. Состав неологизмов отражён в специальных словарях и в материале четырёх бюллетеней, подготовленных термино-орфографической комиссией (Цыпанов, 2015: 31–32). Этот процесс исследован в монографии Т.А. Гудыревой «Неологизмы в коми литературном языке» (2008), в работах Е.А. Айбабиной и Л.М. Безносиковой (2008, 2011) и ряде статей Е.А. Цыпанова.

Таким образом, проблема введения неологизмов в литературный язык относительно исследована, но требует более детального изучения в отношении употребления неологизмов в разных функциональных стилях.

Вопрос о заимствованиях напрямую связан с вопросом о создании неологизмов. Те исследователи, которые выступали против ва-комизации, считали заимствования средствами обогащения коми литературного языка (Сидоров, 1952; Фёдорова, 1960; Доронин, 1960; Бараксанов, 1962). Начиная с конца 1980-х гг. очень остро ставится вопрос о необдуманном калькировании русских выражений, употребления русских слов вместо исконных коми. Данной проблеме посвящена статья к.ф.н. Г.В. Беляева «Мед

сернас и горнас ворсö» («Пусть играет красками и звуками»). В ней автор оценивает язык современной печати, приводит примеры грамматических ошибок, происходящих от буквального перевода мыслей с русского языка (Беляев, 1990: 65–71). На материале языка СМИ строит свой доклад и Е.А. Цыпанов, который акцентирует свое внимание на избыточных русских заимствованиях в коми языке и предлагает активизировать процесс создания неологизмов на базе собственных языковых ресурсов (Цыпанов, 1990: 124–125).

В настоящее время, в условиях абсолютного билингвизма, вопрос о заимствованиях особенно актуален. Эта проблема затронула все уровни коми языка (от фонетики до синтаксиса). Крайне остро стоит вопрос о качестве переводов русских текстов на коми язык: как художественных, публицистических, научно-популярных, так и официально-деловых. Из-за отсутствия квалифицированного редактирования эти тексты разрушают строй коми языка, хотя и номинально служат цели его развития. Данный вопрос необходимо детально исследовать в аспекте практической стилистики.

Синонимия как объект изучения практической стилистики также привлекает к себе внимание учёных. Так, П.Г. Доронин в своей статье «Коми литературной кыв да сылön развивайтчан туйяс» («Коми литературный язык и пути его развития»), 1960, указывает на необходимость пополнять литературный язык глаголами-синонимами, в том числе изобразительными (Доронин, 1960: 57). Особое внимание уделяет употреблению синонимов Е.А. Игушев. В статье «Олан-вылан, туан-быдман» (1988) Евгений Александрович приводит примеры употребления коми синонимов в трёх функциях: 1) заместительной; 2) уточнительной; 3) стилистической (Игушев, 1988: 51). Эта же тема затронута в ряде работ Е.А. Цыпанова. В своих статьях, посвящённых анализу языка произведений коми писателей, автор подчёркивает необходимость употребления в текстах синонимов, приводит примеры удачного их использования, указывает на повторяющиеся слова, которые делают язык произведения однообразным (Цыпанов, 2016).

Собственно исследованию практической стилистики коми языка посвящён ряд работ известного учёного Е.А. Игушева. В 1979 г. в Перми было издано первое в истории коми языкознания учебное пособие «Практическая стилистика коми языка». В 2002 и 2003 гг. переработанное и дополненное учебное пособие под названием «Коми кывлön стилистика» («Стилистика коми языка») было издано в Сыктывкаре. В нём автор даёт краткие характеристики 5 функциональных стилей коми языка: разговорного, делового, научного, публицистического и стиля художественной литературы. Далее подробнее рассматриваются лексическая стилистика, стилистика частей речи и синтаксическая стилистика коми языка. Стилистические

средства оцениваются в аспекте их воздействия на реципиента, способности наиболее точно выразить авторскую мысль («*Стилистика велӧдӧ, ӧткодь кыв позянлуныяс пиысь кутиӧмӧс бӧрйыны, мед мӧвныс лоис мӧрччанаджык*») (Игушев 2003: 4). Также в учебном пособии представлены примеры нарушения стилистических норм коми языка, причиной которых главным образом служит калькирование моделей русского языка.

Теоретико-практической стилистике посвящена работа М.С. Фединой. В 2008 г. в Сыктывкаре было издано её учебное пособие на коми языке «Коми кывлӧн стилистика: сёрнитан-вӧдитчан стильяс да сёрни культура» («Стилистика коми языка: функциональные стили и культура речи»). Здесь изложены основные теоретические положения стилистики, в том числе применительно к коми языку, подробно проанализирована система функциональных стилей современного коми языка с учетом лексических, морфологических и синтаксических особенностей каждого стиля.

В последнем разделе книги рассматривается теория культуры речи как составной части стилистики коми языка. Здесь обоснована актуальность данного раздела лингвистики, приведены примеры нарушения норм литературного языка, даны некоторые замечания о внедрении неологизмов, речевом этикете. Также поднят вопрос об отдельном исследовании нарушения норм коми литературного языка на всех его уровнях.

Такое исследование, непосредственно связанное с культурой речи, было проведено Е.А. Цыпановым. В 2015 г. был опубликован его доклад «Нарушения норм литературного языка в текстах комязычных СМИ в аспекте лингвофутурологии» (Цыпанов, 2015). В первой части данного доклада подробно рассматривается история вопросов о качестве коми литературного языка (начиная с 20-х гг. XX в.); анализируются изменения, происшедшие в коми-зырянском литературном языке в прошедшие двадцать лет (с 1990-х гг.), и выявляются основные тенденции развития литературного языка. Во второй части приводятся 30 видов нарушений норм литературного коми языка в области орфоэпии, лексики и идиоматики, морфологии, синтаксиса и орфографии; акцентируется внимание на причинах этих нарушений (недостаточно квалифицированная подготовка журналистов в вузах, отсутствие курсов повышения квалификации творческих сотрудников комязычных СМИ в республике, недостаточный уровень редакторской правки или отсутствие редактирования текстов статей и передач, прямое влияние русского языка на коми).

Игушев Е.А. Коми кывлӧн стилистика (Стилистика коми языка) : учебное пособие. – Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2003.

Игушев Е.А. Чужан кыв – менам олём да вёт. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1988.

Айбабина Е.А., Безносилова Л.М. Неологизмы в коми языке: социолингвистический аспект изучения. – Сыктывкар, 2008.

Айбабина Е.А., Безносилова Л.М. Место неологизмов в современном коми литературном языке // Динамические процессы в системах пермских языков. – Сыктывкар, 2011. – С. 6–12.

Бараксанов Г.Г. Формирование языковых норм коми литературного языка. – Сыктывкар, 1964.

Бараксанов Г.Г., Федюнева Г.В. Коми литературной кыв сөвман туйяс // Коми кыв ёния олөмын : материалы научно-практической конференции «Проблемы функционирования коми языка в современных условиях» (Сыктывкар, 28–30 марта 1989 г.). – Сыктывкар, 1990. – С. 30–41.

Безносилова Л.М. Роль диалектной лексики в формировании словарного состава коми литературного языка. – М., 1985.

Беляев Г.В. Мед сернас и горнас ворсö // Войвыв кодзув. – 1990. – 1 №. – 65–71 л.б.

Гудырева Г.А. Неологизмы в коми литературном языке. – Сыктывкар, 2008.

Ракин А.Н. Функционально-стилистическая характеристика лексики коми языка // Современный коми язык. Лексикология. – М., 1985. – С. 114–159.

Сидоров А.С. Пути развития коми литературного языка // Научное совещание по вопросам языкознания в г. Сыктывкаре (28-31 января 1952 г.): тезисы докладов. – М., 1952. – С. 8–14.

Федорова А. Озырмөдны коми литературной кыв // Войвыв кодзув. – 1960. – 6 №. – 59-62 л.б.

Федина М.С. Коми кывлөн стилистика: сёрнитан-вөдитчан стильяс да сёрни культура : велөдчан небöг. – Сыктывкар, 2008.

Цыпанов Е.А. Воис кад комионджык сёрнитны-гижны // Ёния кадö коми кывлөн сөвмөм: могъяс да кöсйөмъяс : материалы республиканской научно-практической конференции (Сыктывкар, 30 сентября – 1 октября 1999 г.). – Сыктывкар, 2000. – С. 186–189.

Цыпанов Е.А. Пути активизации неологизмов в коми-зырянском литературном языке // *Linguistica Uralica*. – 2014. – № 1. – С. 53–64.

Цыпанов Е.А. Нарушения норм литературного языка в текстах комиязычных СМИ в аспекте лингвофутурологии. – Сыктывкар, 2015. (Доклад на расширенном заседании Ученого совета ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Вып. 5).

Цыпанов Й. Вынийöра да мича – мянн коми кывным. – Сыктывкар: ООО «Анбур», 2016.

УДМУРТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ЛАНДШАФТЕ ИЖЕВСКА

Бартфай, Чаба,

аспирант

Университет г. Сегеда, Венгрия

bartfai.csaba.finn@gmail.com

Целью статьи является описание лингвистического ландшафта небольшой части города Ижевска, столицы Удмуртской Республики. В Удмуртской Республике функционируют два официальных языка – русский и удмуртский, однако на практике не наблюдается сбалансированного двуязычия. Закон о языках теоретически разрешает языкам меньшинств (как удмуртский) иметь официальный статус в качестве инструмента для ревитализации, но в действительности он несет символическую функцию (Zamyatin 2014: 124).

На территории Российской Федерации имеется небольшое количество исследований в области лингвистического ландшафта (далее – ЛЛ). Достаточно внимания со стороны исследователей ЛЛ получили из финно-угорских языков эстонский (Zabrodskaia 2009; Soler-Carbonnell 2015; Brown 2012; Pošeiko 2014), финский (Koskinen 2012; Syrjälä 2014) и венгерский (Bartha–Laihonen–Szabó 2013; Szabó Gilinger 2012; Kordić 2014). Имеются некоторые научные труды по лингвистическому ландшафту в самском языке (Salo 2012). Но в финно-угорских регионах России исследования в данной области пока не проводятся или их мало.

Этот небольшой анализ будет в качестве экспериментального для дальнейшего более полного исследования ЛЛ г. Ижевска.

Удмуртский язык является одним из широко применяемых из числа финно-угорских языков в России, а также одним из наиболее активных языков меньшинства в цифровой форме (Pischlöger 2014). В России проживает 552 299 удмуртов, 410 584 из которых живут в Удмуртской Республике, что составляет всего 28% населения. Русские составляют 62,2% всего населения республики (по данным Всероссийской переписи населения 2010 года).

Методология и материалы

Основная цель исследования – описание лингвистического ландшафта, прилегающего к Удмуртскому государственному университету, с использованием терминологии и методологии исследования по многоязычным городам. Ландри Боурхис дает следующее определение ЛЛ: «...представ-

ленность разных языков в общественных пространствах многоязычных городов или регионов мира, понимаемая как соотношение языков, на которых оформляются вывески, надписи на общественных зданиях, уличная реклама, дорожные знаки и указатели, таблички и прочее» (Landry–Bourhis 1997: 25).

Областью исследования является внешний вид зданий университета и их непосредственное окружение, как это видно на карте ниже:

В качестве исследования был выбран район, находящийся в центре города и имеющий много дорожных знаков. Нами был использован компактный цифровой фотоаппарат для фиксации всех знаков в указанном месте. Позже для всех знаков была создана база данных со следующими параметрами: ИД, фотоИД, язык, орфография, размер, постоянный/временный и т.д. Было пройдено расстояние длиной в 1,7 км и сделано по пути 294 фотографии, которые содержали 197 знаков. Общий объем всех изображений составил 1,05 ГБ.

Результаты

Лингвистический ландшафт исследуемого района представлен тремя языками: русским, удмуртским и английским. Основная цель зафиксированных уличных знаков – дать ту или иную информацию. Из всего наглядного материала, представленного в информативной знаковой форме, обна-

ружено, что надписей на русском языке значительно больше, чем на других языках, он доминирует над остальными. Русский был единственным языком уличных знаков и знаков на памятниках. Важно отметить, что почти каждый нерусский знак имеет свой перевод на русский язык.

Удмуртский язык в качестве языка коренного населения присутствует только на зданиях государственных учреждений и организаций. Только один удмуртско-русский двуязычный знак представлен на здании аптеки. Следует отметить, удмуртские и русские знаки на правительственных зданиях имеют одинаковый размер и формат. Очевидно, что удмуртские знаки несут в большей степени символический характер, чем информативный (Zamyatin 2014).

Английский язык в качестве маркера языковой глобализации (Shohamy–Gorter 2009) также присутствует в лингвистическом ландшафте исследуемого района г. Ижевска. Неудивительно, что английский присутствует только на вывесках коммерческих организаций. Есть примеры использования только английского языка в написании названий бизнес-организаций без их перевода на русский или удмуртский язык, но это не означает, что в данных заведениях с клиентами могут говорить на английском языке. В языковом ландшафте английский язык чаще используется, чем удмуртский.

Итак, лингвистический ландшафт исследуемого района представлен тремя языками. Русский язык доминирует над другими. Это позволяет говорить о том, что на практике не существует сбалансированного двуязычия и глобализация становится важным элементом в Удмуртской республике.

Bartha, Csilla–Laihonen, Petteri–Szabó, Tamás Péter. (2013) Nyelvi tájképkisebbségben és többségben: egy új kutatási területől. *Pro Minoritate*. 23/3:13–28.

Brown, Kara D. (2012) *The Linguistic Landscape of Educational Spaces: Language Revitalization and Schools in Southeastern Estonia*. Gorter, Durk–Marken,

Heiko F.–Mensel, Luk Van. *Minority Languages in the Linguistic Landscape*. Palgrave Macmillan. Eastbourne. 281–298.

Kordić, Ljubica. (2014) *Public Communication in the Multilingual Croatia*. IN Runcan, Patricia-Liciana. *Applied Social Psychology*. Cambridge Scholars. Cambridge. 152–156

Koskinen, Kaisa. (2012) *Linguistic Landscape as a Translational Space: The Case of Hervanta, Tampere*. *Studies across Disciplines in the Humanities and Social Sciences* 13:73-92.

Landry, Rodrigue–Bourhis, Richard Y. (1997) *Linguistic Landscape and Ethnolinguistic Vitality*. *Journal Language and Psychology*. March 1997. 23–49.

Pischlöger, Christian (2014) *Udmurtness in Web 2.0: Urban Udmurts Resisting Language Shift*. *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*, 38., 143-162.

Pošeko, Solvita. (2014) *Ergonyms of Educational and Cultural Spheres in Two of Baltic States Cities*. *Journal of Education Culture and Society*. 1:299–311.

Salo, Hanni. (2012) *Using Linguistic Landscape to Examine the Visibility of Sámi Language in the North Calotte* IN Gorter, Durk–Marken, Heiko F.–Mensel, Luk Van. *Minority Languages in the Linguistic Landscape*. Palgrave Macmillan. Eastbourne. 243-262.

Shohamy, Elena-Gorter, Durk (2009) *Linguistic Landscape: Expanding the Scenery*. New York. Routledge.

Shohamy, Elena (2015) *LL research as expanding language and language policy*. *Linguistic Landscape: An International Journal*. I.1/2:152–171.

Soler-Carbonnell, Josep. (2015) *Tallinn, A Multilingual City in the Era of Globalisation: The Challenges Facing Estonian as a Medium-Sized Language*. IN Boix-Fuster, Emili. *Urban Diversities and Language Policies in Medium-Sized Linguistic Communities*. *Multilingual Matters*. Bristol. 85–111.

Syrjälä, Väiniö (2014) *The Linguistic Landscapes in two Bilingual Cities in Finland: Language Users' Perceptions and Preferences [konferencia poszter]* IN *20th Sociolinguistic Symposium*. Jyväskylä.

Szabó Gilinger Eszter–Sloboda, Marián–Šimičić, Lucija–Vigers, Dick. (2012) *Discourse Coalitions For and Against Minority Languages on Signs: Linguistic Landscape as a Social Issue* IN Gorter, Durk–Marken, Heiko F.–Mensel, Luk Van. *Minority Languages in the Linguistic Landscape*. Palgrave Macmillan. Eastbourne. 263–279.

Zabrodskaja, Anastassia. (2009) *Linguistic Landscape in Post-Soviet Estonia*. IN Cuveller Pol–Vandekerckhove, Reinhild–Aerts, Ann. *Multilingualism from Below*. University of Antwerp. Antwerp. 111–115.

Zamyatin, Konstantin (2014) *An Official Status for Minority Languages?* Helsinki. PhD Thesis.

ОБРАЗНАЯ СИМВОЛИКА ЗВУКОПИСИ В ПРОИЗВЕДЕНИИ О. УЛЯШЕВА «ПАН ТУЙ»

Е.В. Вагнер,
специалист по кадрам АУ РК
«Издательский дом Коми»,
магистр филологических наук
vagnerlen03@yandex.ru

Одним из способов усиления выразительности и образности художественной речи является звуковая, либо словесная, инструментовка – «стилистический прием, состоящий в подборе слов близкого звучания» (<http://videotutor-rusyaz.ru/uchenikam/teoriya/322>).

Использование фоники в художественном тексте служит не только для живописного наполнения текста, но и для развития образного мышления читателя. Фоника здесь – это «проводник» в мир произведения, в его временное пространство.

Целью данной работы является раскрытие особенностей звукового наполнения лиро-эпического произведения О.И. Уляшева «Пан туй» («Путь Пана»), посвященного приходу крестителя пермлян Стефана Пермского на Вымь и противостоянии язычества (как старой веры) в лице Пана и христианства (как новой веры) в лице Стефана.

Звуковое оформление текста произведения «Пан туй» в большинстве своем состоит из следующих приемов, которые помогают сделать авторский язык более выразительным и эмоциональным: ассонанса, аллитерации, звукоподражания.

Ассонансом (от фр. *assonance* ‘созвучие’ <лат. *assonare* «отзываться эхом») в лингвистике принято называть «разновидность звукового повтора, состоящего в нагнетании одинаковых гласных звуков» (Москвин, 2004: 44).

Приведем несколько примеров ассонансов, встречающихся в тексте произведения «Пан туй».

*«А» – «Кыа бана-чужёма, шонді бана кымёса,
Лыа рёма дукёса, зарни таса тасмаа».*

«...на щеках зорьки, на лбу солнце,

Цвета речной косы кафтан, с золотыми рубежами тасма...»

(перевод здесь и далее. – О.У.)

Звук [а] вместе со звуком [ы], а также тот факт, что почти все слоги в данном примере открытые, придают отрывку текста словно убаюкивающую ин-

тонацию. Двустопный хорей с дактилем придают отрывку черты пестушки, жанра детского фольклора, находящегося между песней и игрой.

/ – / – / – –

/ – / – / – –

[y] – «*Ургыны кутис сувтса би*» («Загудел столбом огонь»).

Повторяющийся звук [y] приобретает оттенок характерного нагнетания, как темпового («горизонтального»), так и пространственного («вертикального»). В данном звукообразе слышится и видится всё «недовольство», величие природного. Огонь приобретает черты живого существа. Близкое к данному значению ассонанса [y] описывается Е.В. Остаповой при анализе стихотворения Илля Вася (В.И. Лыткина) «Хочу я», посвященного теме поэта и поэзии: «...настойчиво звучащий ассонансом в последних стихах звук «у» как бы рождает удаляющуюся вглубь дремучей тайги мелодию» (Латышева, Остапова, Филиппова 2009: 86).

В произведении О. Уляшева интересно сочетание гласных звуков [уы] – «*Ыкнитис гуысь Муыслён зэлалём ловруыс*» («Ухнула яма Земли напряжённым дыханьем»). Данный звуковой синтез придает высказыванию черты чего-то потустороннего, магического. От каждого гласного звука здесь веет прохладой. Возможно, это ощущение достигается тем, что в данном фрагменте автором используются только твердые согласные, за исключением одного момента в слове «гуысь».

Повторяющийся звук [о] придает каждому слову оттенок уверенности, степенности – «*Кад воё кокъяс чожмёдны*» («Время приходит ноги укреплять»).

Четыре рассмотренных примера как отзвуки четырех природных стихий. В первом случае – это стихия воды, такая же зыбкая, укачивающая; во втором – стихия огня: величественная, необузданная; в третьем – стихия воздуха: плавная, летящая; в четвертом – стихия земли: уверенная, устойчивая.

В произведении «Пан туй» на особом месте стоит повтор звука [ö]. Это самая употребительная гласная. Данная фонема придает тексту интонацию сказовости, черты национального колорита. Являясь близкой по звучанию гласной [о], она также наделяет текст размеренностью, покоем – тем, что присуще характеру коми человека, который живет в единстве с природой.

Приведем несколько примеров: «*Öкмыс төлысь чөж өкмис, пемёсысь вемёсё пёртсис Панпи*» («Девять месяцев зрел-вызрел, из личинки в личинку, из личины в лицо, из лица в лик превращаясь, Панпи»). «*Гёрддён гёрддзалисны гөг сюрёссё нэмён разьсьытём вылө*» («Узлом завязали пуповину от века на века»).

В каждом случае автор с помощью звукового воздействия (одно слово, цепляясь за другое, путем монотонного повторения звука [ö]) словно вводит читателя в трансное состояние. Поэтому, чтобы понять смысл прочитанного, необходимо остановиться, сделать паузу после каждого слова.

Другой довольно часто встречающийся в тексте прием – *аллитерация* (от лат. *ad* “к, при”; *littera* “буква”) – разновидность звукового повтора, состоящая в нагнетании одинаковых согласных звуков (Москвин 2004: 27). К примеру:

ШГ/ШД – «*Шеггьясьёны еньяс, шеггьясьёны йёз. Коми войтыр шегнас шогсё шудкөд йитё. Шогыс личкё-кусынтьё, Шудыс весккөдö-кыпöдö*» («Играют в альчики боги. Играют в альчики люди. Народ коми через альчики счастье и несчастье соединяет, радости и горести выравнивает. Печаль гнет-сгибает, Радость поднимает-выпрямляет»).

Слоги с корнями «шег-», «шог-», «шуд-» и сочетанием согласных звуков «шг/шд» каждый раз оказываются под ударением, что придает фрагменту игривость, озорство и непринужденность. Особенно это заметно во втором предложении, где появляется самый «народный», фольклорный стихотворный размер – хорей «*Коми войтыр шегнас шогсё шудкөд йитё*» (/ – / – / – / – / – / – / -). В этом примере автор так же играет звуками, как боги коми и люди коми играют в альчики в тексте. Фактом данной игры писатель сближает жизнь богов с жизнью коми народа. Любопытно, что на подобное сочетание звуков указывает В.А. Латышева при анализе лирики коми поэта А. Лужикова: «Фольклорное «шуда шег» (счастливая кость в игре) – символ счастья вообще, за которым в путь пускаются братья и сестры, не замечая, что прибавили морщин на лицах отца-матери» (Латышева, Остапова, Филиппова 2009: 108).

«Шеггьясьём», или игра в козны, альчики, была очень популярна у коми. Вторя своим богам, коми человек тоже, играя-гадая, «читал» свою судьбу по шегам. «Игра в бабки, как и прочие игры, основана на случайности, однако многое зависит от искусности игрока, как в жизни падение в бездну несчастья или взлет на крыльях удачи часто зависят от правильной оценки ситуации и умения выбрать» (Шеболкина, 2002: 79). Вплетая в сюжетную канву этнографический материал, автор еще теснее сближает читателя с временами предков, вызывая этим интерес к истории своего народа.

Рождение своего героя автор описывает так: «*Топалис-гартчис аслас гөг гөггöрыс, гөггалис дзоля гөрөд гөггөр*» («Сжался, скрутился вокруг пупка, закружился вокруг узла затянутого»).

Данное чередование согласных г/гр в сочетании с гласной [ö] придает фразе характер бесконечности. Развивая в последующих предложениях

мысль, автор как веретеном накручивает и натягивает нить повествования, передавая через звуковое изображение процесс рождения героя.

С/С' – «Мед нэмыс Панпилён шорт кузя кыссяс. Мед весьтён он весьтав, сывйён он сывъяв, быдсён он быдмав» («Чтобы век у Панни длиной с эту нить был и не обрывался. Чтобы пядью не измерить, чтобы саженью не объять, чтобы во всю длину не охватить»).

В представленном отрывке звуковое наполнение в сочетании с ритмизацией несет магическую функцию – функцию заговора. Здесь можно провести параллель с фольклорными текстами коми. Обычно, таким образом, приговаривали при обряде врачевания, например в бане, где при мытье и парении ребенку желали следующее: «Вөрö мунны – не вошны, ваö пырны – не вöйны, пу вылö кайны – не усьны» (Ильина 1997: 56).

В примере звук [с] помогает ярче передать смысл происходящего. Слово «кыссяс» (в переводе «потянется») содержит в себе три звука [с]. При использовании данного приема наполняется не только внешняя оболочка лексемы, но и ее внутренняя форма.

ЧК/ЧТ – «Чукöртöй. Лоас чук. Чук йылас лоö чут. Чут йылысь аддзас Чур. Сййö быд чут аддзö». («Собирайте. Наберется Гора. На Горе вырастет Вершина. На Вершине вас Ен-Чур увидит. Он каждую Вершину видит»).

Приведенный фрагмент – словно имитация фольклорного жанра приговора, своеобразной прозаической импровизации, имеющей определенную ритмическую организацию. Сочетание согласных ЧК/ЧТ в коротких по форме предложениях путем «нанизывания» помогают читателю систематизировать, упорядочить ход своих мыслей, не спеша обдумать все сказанное. Автор, внося частое употребление знаков препинания, как будто хочет сказать: «остановись, стой, не нужно торопиться». Он старается отвлечь читателя от повседневной суеты, предлагая вместе пофилософствовать, поразмышлять над сказанным.

В.В. Филиппова отмечает: «От заговоров приговор отличается тем, что приговоры общеизвестны и широко распространены среди носителей традиции. Заговоры же известны только узкому кругу знахарей (...) Их объединяет и то, что здесь язык принимается как действие. Объединяется с ним. Объясняет и усиливает его» (Латышева, Остапова, Филиппова 2009: 31).

Коми язык очень богат звукоподражательными словами. Смысловое наполнение большинства слов в нем передают с помощью звуковой окраски. Для того чтобы сделать речь своего произведения еще более выразительной, О.И. Уляшев использует большое количество звукоподражательных элементов: «ызö-базö», «окнитліс-чильстліс», «зутти-зутти кывліс», «туп-тап кывліс», «кравзіг-китикиг».

В некоторых отрывках отдельные слова в контексте одного предложения подобраны в тексте в звуковом соответствии друг с другом, чтобы не только передать действие с точки зрения лексической наполненности, но и помочь читателю «физически» оказаться в центре действия, наблюдать за ним, быть его объектом. Особую окраску придает использование повторяющихся звуков речи: *«Ньывлыс вольсалісны войпу нес вылө. Вольяс плавгисны лысьяс вылө»*. («Лапник пихтовый на них [на сушины] настелили. Шкуры кинули на лапник»). В данном примере чередование звуков [в] и [л], а также бессоюзные соединения простых предложений передают атмосферу выполняемого действия: неспешного, бессуетного, точного, совершаемого без лишних движений.

В главе «Пан пöрт» содержится самый яркий по звуковой передаче пример авторской версии заговора, в котором сочетание аллитераций и ассонансов в пределах одного предложения, а также повторение почти идентичных звуковых комплексов, состоящих из звукоподражательных слов, вводит читателя в совершаемый старшим поколением Панов языческий обряд «воскресения»: телесного и душевного оздоровления Панпи после кровопролитной встречи с воинственными манси:

«Шевгöм-шивгöмön шувгысис шевъялысь Шывган. Ойзöм-овзöмön овöстис вöйзöдис вöзъясьысь Войпель. Чискöмön чискыштис чусъялысь-чушьялысь Чишкан. Люньяліс-лювъяліс улиса улльöлön Лунпель» («Шорохом, шёпотом шумным шуриа, шухнулся Утренник. Воем вопя и визгом взывая, взвился воинственный полуночник. Сметающим свистом, неся снегоструи, снизился Вечерник. Лился лениво млечно-медлительный Полуденник»).

Из данного примера можно заметить, что в пределах каждого, представленного здесь, предложения имеется свой фонологический лейтмотив (доминанта): *Шев-шив-шув-шев-шив. Ойз-овз-ов-вöйз-вöз-вой. Чис-чис-чус-чуш-чиш. Люнь-люв-уль-уль-лун*. При помощи звукописи образуется цепочка семантически сближенных понятий.

Многократным и монотонным повторением звуковых комплексов в тесном содействии с ритмом автор добивается состояния особого гипнотического эффекта, что особенно актуально во время описания обрядов и магических ритуалов.

Исследуя тексты суггестивного характера, к которым относятся заговоры, молитвы, мантры, Е.И. Бойчук в работе «Восприятие ритма прозаического текста» также отмечает понятие «состояние гипнотического эффекта». Автор приходит к следующему выводу: «Многократные ритмические повторения простой и краткой молитвы <...> направлены, по существу, к тому, чтобы привести себя в гипнотическое состояние, отключающее со-

знание от насущных проблем, от мирских забот и направляющее мысли в одно русло...». Е.И. Бойчук также отмечает тот факт, что «звукоритмическое воздействие лежит в основе любой религиозно-магической системы» (Бойчук 2011: 39–44).

Таким образом, образная символика звукописи в произведении О.И. Уляшева «Пан туй» помогает читателю «погрузиться» в сюжетную канву произведения. Благодаря гармоничному сочетанию звукопоэтики и ритмики «текст воспринимается как сакральный» (Остапова 2011: 13). Талантливо созданные авторские версии фольклорных жанров заговора и приговора служат созданию магического мира художественного произведения.

Бойчук Е.И. Восприятие ритма прозаического текста // Актуальные вопросы филологических наук : материалы международной научной конференции (г. Чита, ноябрь 2011 г.). – Чита: Молодой ученый, 2011. – С. 39–44.

Выразительные средства фонетики [Электронный ресурс]. URL: <http://videotutor-rusyaz.ru/uchenikam/teoriya/322> (дата обращения: 21.09.2016)

Ильина И.В. Народная медицина коми. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1997. – 120 с.

Латышева В.А., Остапова Е.В., Филиппова В.В. Язык поэзии коми : монография. – Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2009. – 124 с.

Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры : терминологический словарь-справочник. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 248 с.

Остапова Е.В. «Калевала» как один из источников создания художественных произведений на коми языке // Финно-угорский мир. – 2011. – № 1 (7). – С. 11–15.

Шеболкина Е.П. Личность в межкультурной коммуникации : учеб. пособие. – Сыктывкар: КРИРОиПК, 2002. – 120 с.

Источники

Уляшев О.И. Пан туй // О.И.Уляшев. Излань зыран, зарни зыран. – Сыктывкар: ООО «Издательство “Кола”», 2014. – 25–73 л.б.

Уляшев О.И. Путь Пана // Арт. – 2012. – № 4. – С. 74–108.

УСЛОВИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОМИ-РУССКОГО ЭЛЕКТРОННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО РЕСУРСА «ОКРУЖАЮЩИЙ МИР» В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

М.А. Габова,

доцент

ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»,

В.Ф. Поберезкая,

доцент

ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»,

С.Н. Терентьева,

доцент

ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»

Система образования в многонациональной Российской Федерации должна учитывать этнокультурные потребности личности. Этнокультурное образование предполагает единство культурного и образовательного пространства, равноправие в сохранении и развитии языков народов, населяющих территорию региона.

Этнокультурное содержание образования может быть реализовано через этнокультурный компонент образования. Одним из способов реализации этнокультурного компонента является разработка и внедрение педагогических технологий и авторских программ, среди которых важная роль отводится средствам информационных и коммуникационных технологий.

Одной из задач начального общего образования является «сохранение и развитие культурного разнообразия и языкового наследия многонационального народа Российской Федерации, права на изучение родного языка, возможности получения начального общего образования на родном языке, овладения духовными ценностями и культурой многонационального народа России» (Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования).

В основе федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования лежит системно-деятельностный подход, который предполагает воспитание и развитие качеств личности, отвечающих требованиям информационного общества, инновационной экономики, задачам построения демократического гражданского общества на основе толерантности, диалога культур и уважения многонационального, поликультурного состава российского общества.

Разработанный авторами статьи электронный образовательный ресурс (ЭОР) предназначен для использования на уроках окружающего мира в

1 классе по системам «Школа России» (авторы А.А. Плешаков, М.Ю. Новицкая) и «Школа 2100» (авторы А.А. Вахрушев, О.В. Бурской, А.С. Раутиан) на коми и русском языках.

Цель ресурса – формирование этнокультурных представлений обучающихся в предметной области «Окружающий мир» на коми и русском языках.

При разработке авторский коллектив опирался на современные дидактические принципы развивающего обучения, выдвинутые Д.Б. Элькониным, В.В. Давыдовым и Л.В. Занковым, а также принцип интеграции разных образовательных областей.

ЭОР способствует формированию у обучающихся целостной научной картины природного и социокультурного мира и осознанию своего места в обществе. Пособие разработано в соответствии с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования и направлено на достижение предметных и метапредметных результатов первоклассниками.

Предметные результаты включают формирование конкретных знаний и умений в предметной области «Окружающий мир» (1 класс).

Познавательные метапредметные результаты достигаются с помощью интерактивных заданий, способствующих формированию логических действий сравнения, подведения под понятие, классификации объектов, установления причинно-следственных связей, замещения, моделирования.

В пособии представлены задания, стимулирующие осознанное и произвольное построение речевого высказывания в устной и письменной форме как на коми, так и на русском языке. Присутствует рефлексия способов, условий действия, контроль и оценка процесса и результатов деятельности.

Достижению **регулятивных метапредметных результатов** способствуют задания, направленные на развитие самоконтроля, коррекции и саморегуляции.

Коммуникативные метапредметные результаты достигаются путем использования заданий из ЭОР на уроке индивидуально или в группе для формирования умений с достаточной полнотой и точностью выражать свои мысли в соответствии с задачами и условиями коммуникации, овладения монологической и диалогической формами речи в соответствии с грамматическими и синтаксическими нормами родного языка.

Для достижения **личностных результатов** в пособии имеются материалы для формирования нравственных норм поведения в транспорте, на улице, в театре, уважительного отношения к людям разного пола, национальности и возраста, осознания своей этнической принадлежности в Российской Федерации, а также основ экологического сознания.

Материалы, включенные в пособие, решают задачу пропедевтики основных понятий курса химии, астрономии, физики, ОБЖ, литературного чтения.

Задания, представленные в ЭОР, могут быть использованы для индивидуальной работы детей за персональным компьютером на уроках и дома, а также для индивидуальной, фронтальной и групповой работы на уроке с применением интерактивной доски.

Вместе с вымышленными героями девочкой Агни и мальчиком Микитом первоклассники погружаются в увлекательное путешествие по Республике Коми, России и космическим просторам Вселенной.

Пособие состоит из 9 сцен (тем). Каждой сцене соответствует свой звезрек – герой коми промыслового календаря, который сопровождает обучающегося при изучении темы.

В структуре каждой сцены представлен теоретический материал, интерактивные задания и материал для проверки сформированности знаний (базового и основного уровней). Большинство сцен содержит ссылки на дополнительные интернет-ресурсы (видеозаписи, официальные сайты организаций), которые учитель может использовать на уроках и во внеурочной работе.

В конце каждой сцены как рефлексивный этап по теме представлен коми-русский словарики и награда за правильное выполнение всех заданий – «Собери пазл». Пазл двухуровневый – простой и сложный (отличие в количестве и размере деталей картинки).

Структура и содержание пособия «Окружающий мир 1 класс»

Сцена	Тема сцены	Герой, который сопровождает ученика	Цель	Особенности прохождения сцен
1	2	3	4	5
1.	Я и мой дом	Белка	Обучающийся, открывая новое вокруг нас, сможет рассказать о своей семье, профессиях, о семейных традициях и правилах безопасного поведения в быту	Животное (в правом верхнем углу экрана) используется как гиперссылка для перехода на следующий слайд
2.	Дорога в школу	Лиса	Обучающийся, овладев знаниями о правилах безопасности дорожного движения, сможет дойти до школы по карте-схеме	

1	2	3	4	5	
3.	Моя школа	Выдра	Обучающийся сможет самостоятельно определить назначение кабинетов по их оборудованию – библиотеку, актовый и спортивный залы, медицинский кабинет		
4.		Лось	Обучающийся, зная особенности комнатных растений, сможет определить последовательность развития растения, а также определить комнатные растения		
5.		Мой 1 класс	Росомаха	Обучающийся сможет рассказать о традиционном укладе коми семьи, об архитектурных особенностях жилища, традиционных праздниках и забавах. Научится классифицировать зимующих и перелетных птиц	
6.			Горностай	Первоклассник узнает о правилах поведения в общественном транспорте, об архитектурных достопримечательностях, культурных, исторических и промышленных объектах Сыктывкара	
7.	Сыктывкар – столица Коми	Олень	Обучающийся узнает о природных зонах (тундра, тайга), живой и неживой природе, достопримечательностях и традиционных праздниках	Красные маркеры на карте РК – это гиперссылки на слайды о соответствующих городах или районах, порядок может быть любой. Для возврата на карту гиперссылка на олене в правом верхнем углу экрана	
8.	Моя республика	Медведь	Обучающийся узнает об архитектурных, культурных, исторических, спортивных достопримечательностях Москвы и 7 чудесах России, путешествуя на различных транспортных средствах		
	Деревня				
	Москва – столица России				

1	2	3	4	5
9.	Мой дом – моя планета	Куница	Обучающийся узнает о космических телах – звездах, планетах, спутниках, кометах, и о нашей планете Земля: о материках, океанах, разнообразии животного мира	

Раскроем содержание двух сцен электронного образовательного ресурса.

В *сцене 6 «Сыктывкар»* Съёдбёж «горноста́й» встречает ребят на вокзале столицы Республики Коми – в Сыктывкаре. Дети пересаживаются на автобус и совершают путешествие по столице, используя тест, позволяющий актуализировать знания о правилах поведения в общественном транспорте. Авторами разработки представлены как старая карта города, где дается историческая справка о происхождении столицы, так и современная, по которой будет совершаться путешествие. Дети знакомятся с достопримечательностями города – административными зданиями, культурными сооружениями, памятниками, музеями. После «посещения» института геологии им. А.А. Чернова детям предлагается правильно назвать некоторые горные породы, а далее определить названия памятников. Рефлексивный этап данной сцены связан со сборкой пазлов – фотографий Сыктывкара.

После знакомства с Сыктывкаром первоклассники погружаются в *сцену 7 «Республика Коми»*. Дети вместе с Кёр «оленем» отправляются в путешествие по Коми республике и знакомятся со всеми городами и районами республики. Авторами ЭОР разработана интерактивная карта Республики Коми, поэтому путешествие можно начинать с любого района или города. После знакомства с городом или районом дети выполняют задания на знание природных зон, живой и неживой природы, культурного наследия и традиций коренного населения. Рефлексивный этап данной сцены связан со сборкой пазлов «Северное сияние в Республике Коми».

После прохождения всех сцен пособия ученики приходят к выводу: я, моя семья, мой дом, моя школа, моя республика, моя Россия, моя планета – все едино и взаимосвязано, и все прекрасно.

В пособии имеются материалы для формирования нравственных норм поведения, уважительного отношения к людям разного пола, национальности и возраста, к живой и неживой природе. С целью формирования осознания обучающимся своей этнической принадлежности гражданина Российской Федерации, Республики Коми в пособии предложены задания, которые знакомят первоклассников с государственной символикой России и Республики Коми, с достопримечательностями нашей большой страны.

Учебное пособие способствует формированию у обучающихся целостной научной картины природного и социокультурного мира, осознанию своего места в обществе. Использование данного ЭОР позволит учителю реализовать проектную и игровую технологию, формировать информационно-коммуникационную компетентность обучающихся и приобщить их к этнокультурным ценностям региона.

Описанный электронный образовательный ресурс представлен в открытом доступе на сайте Межрегиональной лаборатории информационной поддержки функционирования финно-угорских языков по адресу <http://fulab.ru/uchposobiya>.

Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования [Электронный ресурс]. URL: http://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/922/%D1%84%D0%B0%D0%B9%D0%BB/748/%D0%A4%D0%93%D0%9E%D0%A1_%D0%9D%D0%9E%D0%9E.pdf (дата обращения 7.11.2016).

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ПЕРМЯЦКИМ ЯЗЫКОМ «ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО УЧЕБНИКА РУССКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ЧЕРДЫНСКИХ ПЕРМЯКОВ» 1906 ГОДА*

Р.В. Гайдамашко,
младший научный сотрудник
Института лингвистических исследований РАН,
gaidamashko@gmail.com

Актуальность изучения рукописных документов и старых печатных изданий, представляющих собой ценные источники по истории языка, не вызывает никаких сомнений. Между тем до сих пор на территории РФ мы имеем немало языков, историческое развитие и состояние которых не получило должного описания, несмотря на имеющиеся рукописные и печатные книги. К одному из таких языков относится коми-пермяцкий, или пермяцкий.

История письменности (коми-)пермяцкого языка насчитывает всего лишь немногим более двух с половиной столетий. Имеется несколько исчерпывающих исторических обзоров по фиксации пермяцкого языкового материала (КПЯ: 146–151; Баталова 1975: 7–10; Öньö Лав 2009: 262–267;

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ МД-7005.2015.6.

Федосеева 2015: 3–9; Пономарева 2016: 15–24), повторять которые нет необходимости. К настоящему моменту специальных публикаций удостоились только рукописные словарь Ф.А. Волегова 1833 г. и грамматический очерк Ф. Любимова 1838 г. При этом известно о гораздо более богатых пермяцким материалом рукописях второй половины XVIII – начала XIX вв., которые находятся в разных библиотеках и архивах и до сих пор остаются неизданными и малоизученными. Не меньшую ценность для исследования истории пермяцкого языка представляют и ранние печатные издания до 1920-х гг. Сперва это были достаточно объемные для своего времени грамматика (1860 г.) и словарь (1869 г.) Н. А. Рогова, а также перевод Евангелия от Матфея (1866), в последующие годы преимущественно учебная литература – буквари и «книжки для чтения» (Попов 1894, 1904; Букварь 1897, 1899, 1900, 1908; Учебник 1906; Щапов 1909), публикация большинства из которых инициирована деятельностью Православного миссионерского общества «Братство святителя Гурия» и основанной при нем Переводческой комиссии (Журавский 2006: 490-492).

Ниже представлены фрагменты лингвистического анализа пермяцкого языка в «Первоначальном учебнике русского языка для чердынских пермяков» К.М. Мошегова (Учебник 1906). Данный труд (далее – Учебник), несмотря на упоминания в научной литературе (КПЯ: 34; Галкина 2013: 126; Федосеева 2015: 4; Пономарева 2016: 16 и др.) ранее, насколько нам известно, не становился предметом специального лингвистического исследования. Лишь Л. Г. Пономаревой были установлены такие особенности пермяцкого языка Учебника, которые характерны для всех севернопермяцких диалектов (Пономарева 2016: 16). Основное внимание в настоящей статье будет уделено обсуждению некоторых графических и лексико-семантических особенностей пермяцкого языка, представленного в Учебнике. Перед анализом языкового материала приведем краткую биографическую справку о К. М. Мошегове, что позволит предварительно выдвинуть версию о диалектной принадлежности пермяцкого языка в Учебнике.

Кондратий Михайлович Мошегов родился в 1881 г. в дер. Дурова Кочевской волости Чердынского уезда Пермской губернии. В 1901 г. окончил Казанскую учительскую семинарию, после чего работал в деревне Чазево Косинского района, где, как утверждает (Светлаков 1967: 92), он и написал свой «Букварь для пермяцких детей (на чердынском наречии)» (Букварь 1908). Работал также в Юксеевском начальном училище (1910-1913), после революции – учителем в школах Кочевского района и заведующим Косинского района (Светлаков 1967: 93). 15 августа 1937 г. арестован и меньше чем через месяц приговорен к 10 годам лишения свободы по обви-

нению в контрреволюционной деятельности¹; реабилитирован в 1962 г. (Светлаков 1967: 93).

Уроженец Кочевской волости, К.М. Мошегов был, очевидно, носителем кочевского диалекта северного наречия коми-пермяцкого языка, но по долгу службы мог быть хорошо знаком с особенностями говоров косинско-камского диалекта того же наречия. Вынесенное в заголовок Учебника понятие «чердынские пермяки» подразумевает здесь не географическое, а лингвистическое деление, т.е. означает не совокупность пермяков на территории Чердынского уезда Пермской губернии, а носителей северного наречия коми-пермяцкого языка. Это подтверждается как другими исследованиями (Öнью Лав 2006: 127; Пономарева 2016: 15), так и заглавием одного из букварей, см.: «Букварь для пермяцких детей (на чердынском наречии)» (Букварь 1908). Впрочем, территория распространения северного наречия в начале XX в. полностью входила в состав Чердынского уезда, среди прочих волостей которой были Гаинская, Косинская, Кочевская, Чураковская, Юксеевская. Таким образом, на предварительном этапе исследования можно предполагать, что пермяцкая часть Учебника отражает черты северного наречия².

К моменту публикации Учебника графика пермяцкого языка еще не была устоявшейся. Практически все пермяцкие печатные издания, вышедшие к началу XX в., пользовались различными графическими системами. Например, тексты так называемого роговского этапа в развитии национальной письменности (1860-1880-е гг.) изданы, по словам Öнью Лава, на «фонематической “полукириллице”», латинице и нефонематической «“почти” кириллице» (Öнью Лав 2009: 266). Разнообразной была и графика изданий последующего («казанского») этапа (1890-1910-е гг.). Набор графем, дополняющих русский алфавит, менялся с каждым изданием, ср.: принципиальный отказ от дополнительных графем (Попов 1894); *ж̣, з̣, ӧ, и̣, ы̣* (Букварь 1897); *ж̣, з̣, ӧ̣, ӧ̣, ӧ̣*, также диграфы *џи, џи, џи* (Букварь 1899); *ж̣, з̣, ӧ̣, ӧ̣, ы̣* (Букварь 1900); *д̣ж̣, д̣з̣, ч̣и̣, ӧ̣* (Попов 1904). Как видим, графическая система менялась даже у одних и тех же авторов при втором издании, ср. (Попов 1894 vs. Попов 1904) и (Букварь 1897 vs. Букварь 1900). На этом фоне графика последующих пермяцких изданий, связанных с именами

¹ Показательно, что в характерном для своего времени очерке истории образования в Коми-Пермяцком округе среди прочих «дореволюционных» учителей-пермяков имя К. М. Мошегова не упоминается (Кривошекова 1956: 29). Также в указанном очерке «Первоначальный учебник русского языка для пермяков» (sic! — без уточнения наречия/диалекта) небрежно назван Азбукой Е. Попова (Кривошекова 1956: 31).

² К такому же выводу приходит М. Е. Галкина, см.: «используется северный говор коми-пермяцкого языка: *лол* (лов), *кыл* (кыв), *ӧмвелдӧр*» (Галкина 2013: 126).

К. М. Мошегова и П. В. Шапова (Учебник 1906; Букварь 1908; Шапов 1909), отличается единообразием.

Инвентарь графем обсуждается не в самом Учебнике 1906 г., который фактически был издан только в 1907 г., а в «Букваре для пермяцких детей (на чердынском наречии)», в свою очередь вышедшем из печати почти на два года позже – во второй половине 1908 г. В подписанном К.М. Мошеговым предисловии к Букварю сначала даны 24 графемы в следующем порядке: *a, б, в, г, д, е (э), ж, з, i, j* (ниже по тексту следует примечание автора, что «буква *j* заменяется буквой *й*»), *к, л, м, н, о, ъ, п, р, с, т, у, ч, ш, ы*. Далее вводятся еще восемь, из которых первые семь, по К. М. Мошегову, «состоят из предшествовавших двух звуков»: *e=je, ё=jo, жс=дж, зс=дз, чс=чш, я=ja, ю=jy, и* (Букварь 1908: 4). В конце Букваря дан полный список всех букв в порядке, соответствующем русскому алфавиту (*а, б, в, г, д, е, ё, ж, жс, з, зс, и, i, й, к, л, м, н, о, ъ, п, р, с, т, у, ч, чс, ш, ы, э, ю, я*), и отмечено, что в русских заимствованиях могут также встречаться буквы *ф, х, ц, щ, ѿ* (Букварь 1908: 40). Примечательно, что в тексте Учебника подобные примеры фиксируются достаточно редко: *яхонт* (60)¹, *Иисусь Христось* (74), *цапля* (43), *жсеребец* (35), *щором*² (40).

В тексте Учебника имеются также графемы, употребление которых на страницах Букваря не обсуждается: *ÿ – нÿнпÿ* (48); *ы̣ – ты̣ян* (12), *сы̣з̣* (13).

В целом мы видим различия наборов графем в Учебнике и в современном нормативном словаре, где коми-пермяцкий алфавит представлен 35 буквами (все 33 буквы русского алфавита плюс *i* и *o*) (КПРС: 14).

Из диакритических знаков в Учебнике чаще всего встречаются акут [´] и гравис [˘]. В качестве диакритических также используются две разновидности апострофа: ['] и [’]. Нами не замечено какой-либо разницы в употреблении первых двух знаков для обозначения ударения и последних

¹ Здесь и далее, если в ссылке нет указания на источник, значит материал почерпнут из Учебника (Учебник 1906). При цитировании по возможности сохранены все графико-орфографические особенности оригинала.

² Представляется, что в данном случае перед нами все же опечатка вместо слова **шором*. Коми перм. *шором*, сев. *шором* ‘скирд, скирда’ (КПРС: 566), усол. *шоромь* ‘стог, скирд, кладь’ (РВВ: 96), вс. *шором, шором* ‘скирд, скирда’ (КСК 2: 792), скорее всего, является обратным заимствованием из русских диалектов, см. слово *шором* ‘конусообразный остов из кольев, на котором сушится горох или сено’, распространенное в севернорусских говорах с непосредственным коми влиянием (Арх.; Вят. (Киров.); Перм.; Свердл.) и говорах Сибири (Южн.-Сиб.; Новосибир.; Алт.), но при этом также единично на юге европейской части России (Аннинск. Ворон.) (КСРНГ). В свою очередь русское диалектное слово изначально полагается заимствованным из коми *сёром* ‘скирда’ при *сёр* ‘перекладина’ или *сёрйыны* ‘складывать’, см. подробнее: (Аникин 2000: 706). Форм с инициальным *щ* в доступных коми и русских диалектных источниках не встречено. С другой стороны, возможно, что *щ* отражает в данном случае «шепелявый» характер изначального коми фрикативного *с’*.

двух – для обозначения палатальности. Реже остальных на страницах Учебника появляется знак долготы [ː].

Ударение дано далеко не для всех слов. Как будет показано, его обязательная и корректная постановка не входила в задачи авторов Учебника.

Акут в качестве ударения может занимать любую позицию (анлаут, инлаут, ауслаут; открытый, закрытый слог) в словах с разным количеством слогов (2, 3, 4, 5) и ставиться над любой буквой, обозначающей гласный, кроме *i* и *ö*: **a** – *áйка* (9), *кика́р* (5), *киська́льны* (25), *изводáльны* (59), *карта́* (32); **e** – *éштöм* (25), *пéльбок* (4), *öмвёлдöр* (5), *ляд'вэй* (6); **ë** – *сэйны* (19), *нэ́льдас* (54), *нэ́льсу* (54), *нэ́штöм* (71); **и** – *и́зны* (40), *ки́тöм* (14), *кöсича* (4), *коклизíм* (6), *тури́* (43); **o** – *óрдлы* (5), *гóля* (3), *ичмóнька* (10); *синлóp* (4); **y** – *ýссэз* (4), *кúжны* (15), *карау́литны* (39), *зипу́н* (16); **ы** – *ы́ксыны* (44), *кымöс* (4), *туры́ннэз* (21), *кырымпы́дöс* (5), *синлы́с* (4); **э** – *тэ́чны* (17), *лэ́зны* (49), *зэ́лыт* (69); **ю** – *ю́гыт* (50), *ню́лалны* (19), *корю́ка* (63), *отс-мозю́рбытöм* (75); **я** – *ня́тя* (26), *кизя́льны* (17), *поталя́ннэз* (30), *чышья́н* (16), *шлия́* (33).

Употребление грависа аналогично, но встречается он гораздо реже, чем и обусловлены пропуски среди последующих примеров (гравис над *e*, *ë*, *i* и *ю* не зафиксирован): **a** – *ма́тича* (26), *тöл'ись-немдáн* (50), *дöрà* (17), *сере-дà* (56); **и** – *крöши́тны* (19), *кöйн* (41), *тимì* (16); **o** – *вöлькыт* (61), *юòрт'ис'* (76), *зöзöг* (38), *седлò* (34); **y** – *кокгум* (6), *лыаму́* (15); **ы** – *юрпы́дöс* (3), *асьным* (12); **э** – *сэтöр* (48); **я** – *пин'я́й* (5), *дуты́тян* (47), *пиня́* (34).

Прямым доказательством неразличения акута и грависа могут служить одни и те же слова (часто в соседствующих строках) с разными знаками ударения. Подобные примеры находятся как в пермяцкой, так и в русской части учебника: *учи́тик воротá* vs. *воротà* (32), *лы́сом* (3) vs. *лы́сöм* (5) (последние два факта являются вариантами написания одного и того же слова, см. далее); рус. *оди́нь глазъ* vs. *оди́нь ротъ* (7), *дя́тель* (43) vs. *дя́тель посту́киваетъ* (44). Пример с пермяцкими *воротá* и *воротà* примечателен еще и тем, что доказывает независимость постановки того или другого знака ударения от закрытости/открытости ударного слога.

О небольшой важности постановки акцента для авторов Учебника могут говорить как частые случаи отсутствия какого-либо ударения над словом, так и случаи наличия ударений над односложными словами: *то́рк* (29), *ви́ль* (30). Отмечена постановка двух акутов над словами *у́мöля* (44) (ср. *умöль* (67), *у́мöль* (72)), *ту́лыс* (55). В довершение всего можно привести редкий случай постановки над двусложным словом двух разных знаков ударения: *сёркни́* (24).

Многочисленными примерами можно проиллюстрировать также неразличение двух знаков апострофа при обозначении палатальности.

При обозначении палатальности ['] используется почти в три раза реже, чем [ʹ], см. примеры с последовательным употреблением того или иного знака: ['] – *ляд'вэй* (6), *с'олём* (6), *чул'* (6), *лопён'* (7), *пáс'кыт* (8), *пода-ноллёт'ис'* (10), *ан'кыч* (21), *л'ём* (23), *кул'ны* (25), *көзъткод'* (66) и др.; [ʹ] – *вузáсис'* (11), *т'и* (12), *н'обны* (15), *лыдд'отны* (15), *веш'ян* (16), *пиз'отны* (20), *шогд'и* (21), *с'өктán* (30), *бед'* (33), *сиз'* (43), *л'ёмпу* (48), *мөд'и-гөд* (55), *з'и* (58), *вес'кот'ис'* (64), *умөл'вйём* (64), *ви́зсис'* (65), *шуч-ол'ис'* (73, 74) и др.

Палатальность обозначается не только апострофами, но и собственно мягким знаком, который может занимать все те же позиции, что и знаки апострофа (перед гласным, между согласными, в абсолютном конце слова): *нэль* (7), *ичмóнь* (9), *пёрись морт* (9), *ми асьным* (12), *пасьтáльны* (17), *миськальны* (17), *пёрсь-яй* (18), *кольк* (18), *сизь-юр* (22), *бичуль* (23), *ставеньэз* (26) и т. д.

При этом разнобой в обозначении наблюдается в одних и тех же позициях и даже в одних и тех же словах или корнях: ['] vs. [ʹ] – *от'ик* (7), *от'ик кок* (7), но *от'ик* (53), *дасот'ик* (53), *кыкдас-от'ик* (54); *с'од* (8), но *с'од* (64); *өдд'өн ыжыт* (50), *өдд'өн бур* (73), но *өдд'өн дона* (71); [ʹ] vs. ь – *керись* (74), *быдкерись* (74), *чудокерись* (76), но *кёрис'* (74), *осчáнкерис'* (75); ['] vs. ь – *пэльбок* (4), *пэльтём* (70), но *пел'пón* (5); *пин'* (5), *пин'яй* (5), но *куйм пинь* (8), *пиньтём* (13); *чунь* (6), *вит чунь* (8), *чунькыш'* (17), но *кык чун'* (7), *от'ик чун'* (8); *шогал'ис'* (71), но *шогал'ись* (71).

Как и в случае со знаками ударения (см. выше *сёркни*), в пределах одного слова могут встречаться два разных способа обозначения палатальности. Выбор возможен только из двух комбинаций – ['] и [ʹ] или [ʹ] и ь, в то время как употребления ['] и ь в пределах одного слова не отмечено: ['] и [ʹ] – *лыдд'от'ис'* (10), *с'ылис'өз* (11), *ужал'ис'* (14), *лыс'т'ис'* (68), *шогал'ис'* (71), *лос'от'ис'* (74), *владгйт'ис'* (74); [ʹ] и ь – *красйт'ись* (10), *вурьн варт'ись* (10), *велот'ись* (11), *ыл'ись* (11), *мат'ись* (11), *мас'ись* (28), *тол'ись* (50), *терпит'ись* (65), *шогал'ись* (71), *вунот'ись* (72), *бурсет'ись* (73), *мортлюбит'ись* (74), *быдтөд'ись* (74), *дыртепит'ись* (75), *пет'ись* (75).

Беспрецедентен случай одновременной последовательной постановки ь и [ʹ]: *быдлаын-ол'ись'* (74).

Знак долготы поставлен в Учебнике только над четырьмя словами: *ём* (4) (но ср. далее *от'ик ём* (7)); *ылостём* (72); *милбся* (73); *от'ик* (75) (но ср. еще четыре разных способа передачи пермяцкого 'один' – *от'ик* (53), *от'ик* (7), *от'ик* (7) и даже – согласно правилам старой русской орфогра-

фии – *õt'икъ* (7)). В слове *ыл̄ост̄ом* (72) знак долготы также стоит фактически над *õ*, ср. нормированный коми-пермяцкий эквивалент в виде *ыл̄ост̄т̄ом* (отриц. прич. от *ыл̄ост̄ны*) (КПРС: 580). Таким образом, знак долготы в Учебнике появляется только над *õ*. Учитывая факты непоследовательной передачи *õ* в приведенных выше словах *õм* и *õtик*, а также то, что ни в Учебнике, ни в Букваре эксплицитно употребление графемы *ȭ* не объяснено, считаем появление в тексте Учебника *ȭ* не неизбежными оплошностями типографского набора начала XX в., а неумышленной передачей долгого *õ*.

На лексико-семантическом уровне Учебник представляет собой богатый источник пермяцких архаизмов и диалектизмов. Далее приведена лишь малая часть примеров:

йй ‘тело’ (3), так же в язвинском идиоме, ср. *йай* ‘тело человека’ (Лыткин 1961: 119). В совр. литер. *йй* прежде всего ‘мясо || мясной’, а уже вторым значением дано ‘тело; телосложение’ (КПРС: 592).

лы̄сом ‘туловище’ (3). В литер. ‘туловище’ скорее (ССПЯ: 228) выражается словами *тӯша* ‘туловище, стан; телосложение’, ‘рост’, ‘туша’ (КПРС: 592) или *вывт̄ыр* ‘тело’ (КПРС: 90). Известно также *лы̄син* ‘тело, телосложение’, ‘сила, силы’ (КПРС: 233), в котором и следует видеть нормированный вариант при архаичном или диалектном слове из Учебника. Любопытен современный диалектизм, присущий отдельным говорам северного наречия, но также формально отличающийся от *лы̄сом*: б.-коч., коч., хаз. *лыс'им*, дан., лев., пукс., чаз., юкс. *лыс'õм* ‘тело, телосложение’ (Федосеева 2015: 143). По форме с последней лексемой напрямую соотносится коми вв., вс., вым., иж., лл., нв., печ., скр., сс., уд. *лы-сьõм* ‘кости, скелет’ (КСК 1: 872). В связи этим может быть предложена конъектура **лы̄с'õм*.

мыш ‘спина’ (3). В литер. ‘спина’ – *мышк* (также в значениях ‘задняя часть (чего-л.)’, ‘зад, задняя сторона (чего-л.)’) (КПРС: 262). *Мыш* в качестве начальной формы сохранено в других пермских языках, ср. коми вв., вс., вым., иж., лл., нв., печ., скр., сс., уд. *мыш* (*мышк-*) ‘спина’ (КСК 1: 963) и удм. *мыш* (*мышк-*) ‘зад, обратная (тыльная) сторона; тыл; спина’ (УРС: 453).

пельбок ‘щека’ (4). В литер. для обозначения щеки есть слово *рожаб̄ан* ‘лицо’, ‘щека’ (КПРС: 407; ССПЯ: 253), а сочетание *пель бок* определено как ‘висок’ (КПРС: 329).

нырпыш ‘ноздри’ (4). В литер. ‘ноздря’ – *нырпыс* (КПРС: 280), а близкое к *нырпыш* Учебника совр. *ныр пытик* значит ‘носовая полость’ (КПРС: 279).

ныргõч ‘переносье’ (4). Очевидно, результат терминологической путаницы. Формально эквивалентом лексемы из Учебника можно считать ли-

тер. *ныр гӧч* с семантикой ‘носовой хрящ’ (КПРС: 279), тогда как ‘переносица’ обозначается в пермяцком словом *нырвуж* (ССПЯ: 162).

ӧмвѣлдӧр ‘нёбо’ (5). Архаизм. Понятие отсутствует в КПРС и ССПЯ. Для язьвинского идиома дано *ӱм нѣбо* ‘нёбо’ (РКЯС: 156). В коми диалектах см.: скр., сс. *вом ан*, нв., печ. *вом вылыс*, печ. *вом канан*, вым. *вом небе*, сс. *вом пӧтӧлӧк*, вв. *вом пӧтэлэк* ‘(анат.) нёбо’ (КСК 1: 240–242), вым. *небӧ* ‘(анат.) нёбо’ (КСК 1: 979). Пермяцкое слово *ӧмвѣлдӧр* ‘нёбо’ представляет собой композит, образованный исконными средствами на основе *ӧм* ‘рот || ротовой’, ‘пасть, зев (животного)’ (КПРС: 305) и *вевдӧр* ‘поверхность (чего-л.), верхняя наружная сторона’ (КПРС: 58) с поправкой последнего на *велдӧр* при учете «эловости» пермяцкого языка Учебника. Аналогично образовано коми нв., печ. *вом вылыс* (см. выше) при *вом* ‘рот; пасть, зев (у животных); клюв (у птиц)’ (КСК 1: 239) и *вылыс* ‘верх, верхняя часть, верхний слой, поверхность || верхний, находящийся вверху’ (КСК 1: 295).

Объем настоящего сообщения не позволил рассмотреть в полной мере все графические и лексико-семантические особенности. Более того за рамками исследования остались орфографические и морфологические особенности пермяцкого языка столетней давности. Рассматриваемый Учебник имеет большое значение для исторической пермистики и финно-угроведения в целом, так как является памятником, запечатлевшим в числе прочего фрагменты субстратных говоров северного наречия пермяцкого языка.

Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., испр. и доп. – М.; Новосибирск: Наука, 2000. – 768 с.

Баталова Р.М. Коми-пермяцкая диалектология. – М.: Наука, 1975. – 252 с.

Букварь 1897 – Букварь для (северо-восточных, иньвенских) пермяков: (Опыт). – Казань: Типолитография Императорского университета, 1897. – 14 с.

Букварь 1899 – Букварь для пермяков Иньвенского края: (Опыт). – Казань: Типолитография Императорского университета, 1899 (обл. 1897). – 14 с.

Букварь 1900 – Букварь для (северо-восточных, иньвенских) пермяков. 2-е изд. – Казань: Типолитография Императорского университета, 1900. – 14 с.

Букварь 1908 – Мошегов К.М., Щапов П.В. Букварь для пермяцких детей (на чердынском наречии). – Казань: Центральная типография, 1908. – 40 с. (Издание Переводческой комиссии при Управлении Казанского учебного округа. № 24).

Галкина М.Е. Кондратий Михайлович Мошегов: лингвистический портрет // Материальная и духовная культура народов Урала и Поволжья: история и современность: материалы Всероссийской научно-практической конференции

(г. Глазов, 13 декабря 2012 г.): сб. статей / отв. ред. Л.Н. Бехтерева. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2013. – С. 125–126.

Журавский А.В. Гурия казанского святителя Братство // Православная энциклопедия / ред. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006. – Т. 13. – С. 490-492.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь / сост. Р.М. Баталова, А.С. Кривощёкова-Гантман. – М.: Русский язык, 1985. – 620 с.

КПЯ – Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология : учебник для высших учебных заведений / авт.: Р. М. Баталова, Е. В. Ботева, А.С. Гантман, Е.С. Гуляев, В.И. Лыткин, Г.А. Нечаев, Б.А. Серебренников; ред. В.И. Лыткин. – Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 1962. – 340 с.

Кривощёкова А.Ф. Очерки истории коми-пермяцкой школы. – Молотов: Молотовское кн. изд-во, 1956. – 88 с.

КСК 1–2 – Безносикова Л.М., Айбабина Е.А., Забоева Н.К., Коснырева Р.И. Коми сёрнисикас кывчукёр = Словарь диалектов коми языка / под ред. Л.М. Безносиковой. – Сыктывкар: ООО «Издательство “Кола”», 2012, 2014. – Т. 1 : А–О; – 1096 с. – Т. 2 : Ö–Я. 888 с.

КСРНГ – Картотека Словаря русских народных говоров / Институт лингвистических исследований РАН.

Öньö Лав. Учебные пособия Ермолая Попова на пермяцком языке (опыт лингвистического анализа) // Пермистика XI: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : материалы XI Международного симпозиума (30–31 марта 2006 г., г. Пермь) / отв. ред. Л. Г. Пономарева. – Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2006. – С. 127–136.

Öньö Лав 2009 — Степанов В.А. (Öньö Лав). Опыт периодизации донациональной эпохи в истории коми-пермяцкого литературного языка // Вестник Чувашского университета. 2009. № 3 : Гуманитарные науки. С. 262–267.

Лыткин В.И. Коми-язьвинский диалект. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 228 с.

Пономарева Л. Г. Речь северных коми-пермяков : монография. – М.: Языки народов мира, 2016. – 514 с.

Попов 1894 – Выддем пермяк понда / гижис ученьшик Е. Попов. – Пермь: Типография Н-ков П. Ф. Каменского, 1894. – 15 с.

Попов 1904 – Выддем коми отир челядь понда: Азбука и первая книга для чтения в пермяцких школах / составил учитель Е. Попов. – Рязань: Типолитография Императорского университета, 1904. – 158 с.

РКЯС – Лобанова А.С., Кичигина К.С. Русско-коми-язьвинский словарь. – Пермь: Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т, 2012. – 244 с.

Светлаков В. Коми-пермяцкӧй письменностьлӧн зоралӧм (II) // Иньва: литературно-художественной сборник. 1967. – Пермь: Коми-пермяцкое отделение Пермского кн. изд-ва, 1967. – С. 86-94.

ССПЯ – Сравнительный словарь пермских языков / сост. Р.Ш. Насибуллин, С.А.Максимов, Е.А. Игушев, О.П. Аксёнова. – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2004. – 258 с.

УРС – Удмуртско-русский словарь = Удмурт-ӹуч кыллюкам / сост. Т.Р. Душенкова, А.В. Егоров, Л.М. Ившин, Л.Л. Карпова, Л.Е. Кириллова, О.В. Титова, А.А. Шибанов; отв. ред. Л.Е. Кириллова. 2-е доп., перераб. изд. 1983 г. – Ижевск: Удм. ин-т ИЯЛ УрО РАН, 2008. – 922 с.

Учебник 1906 – Первоначальный учебник русского языка для чердынских пермяков. – Казань: Типолиитография Императорского университета, 1906 (обл. 1907). – 77 с.

Федосеева Е.Н. Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2015. – 196 с.

Щапов П. Вторая книга для чтения и практических упражнений на пермяцком языке / издана под редакцией К. М. Мошегова и Д. Ф. Богданова. – Казань: Центральная типография, 1909. – 78 с.

PWV – Rédei, K. Permjakisches Wörterverzeichnis aus dem Jahre 1833 auf Grund der aufzeichnungen F.A. Wolegows. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1968. – 139 s.

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В КОМИ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТАХ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И СТРУКТУРНЫЙ АСПЕКТЫ

Н.И. Гуляева,
научный сотрудник
ИЯЛИ КНЦ УрО РАН
guljaevan@rambler.ru

Синтаксис коми фольклорных текстов своеобразен и уникален. В настоящем исследовании нами предпринята попытка проанализировать и описать специфику употребления вопросительных предложений в данных произведениях.

В коми фольклорных текстах употребляются как собственно-вопросительные, так и несобственно-вопросительные предложения. Отметим, что собственно-вопросительные предложения выполняют первичную функцию вопросительных конструкций, а именно служат для запроса информации.

Наиболее распространенным типом в исследуемых нами произведениях являются специальные вопросительные предложения. Они, как известно, выражают запрос, направленный на получение информации совершенно определенного свойства. Адресант употребляет специальные вопроситель-

ные предложения для выяснения места, причины, времени, действия и так далее. Данный вид вопросов обычно требует развернутого ответа, в которых должны содержаться новые сведения о запрашиваемых предметах, фактах, признаках, обстоятельствах. Средствами выражения вопроса в таких случаях обычно служат местоимения:

Петас гөбөчысь Ёма, а ныв абу. Кутас видны өдзөсөс:

– *Мыйла тэ лэдзин?* (КФ 2002: 143) «Поднялась из погреба Ёма (Баба-Яга), а девушки нет. Начнет ругать дверь: – Почему ты выпустила?».

Көні жө тэнад

Да нигөн кепысьыд? (ВВСМ 1986: 20) «Где же твои да шерстяные варежки?».

Распространены в коми фольклорных текстах специальные вопросительные предложения с двумя и более вопросительными словами:

– *Кытчө ті мөдід, барушня, кутшөм могьясөн?* (ВВСМ 1986: 224). «Куда вы собрались, барышня, и с какой целью?».

– *А тэ нө, доброй молодец, кодлөн, кытысь и кытчө мунан?* (КФ 2002: 152). «А ты, добрый молодец, чей, откуда и куда идешь?»

Употребляются в произведениях устного народного творчества также верификативные вопросительные предложения. Целью данного вида вопросительных предложений является получение спрашивающим от слушающего подтверждения или отрицания истинности высказанной в вопросе какой-либо мысли, достоверности в правильности информации. Как правило, это касается реальности / ирреальности того или иного события, явления, признака, объекта, субъекта и т.д.:

Баба и ювалө:

– *Но, вузалін төвартө?* (ВВСМ 1986: 155). «Женщина и спрашивает: – Ну, продала свой товар?»

– *Неужели, – шувө, – эз сюр?* (ВВСМ 1986: 98). «Неужели, – говорит, не нашлась?».

Пөрысь йөз юаласны: «Аддзылнныд-ө кок туйсө?» (КФ 2002: 176) «Пожилые люди спросят: «Видели ли следы?».

Широко распространены в коми фольклорных текстах альтернативные вопросительные предложения, в которых адресант предлагает возможность адресату выбрать ответ из двух или более вариантов, определив, которое из них является верным:

– *Кыті нө тэ локтін? Сухопутной туй кузя или морскойті?* (КФ 2002:150.) «Где ты шел? По сухопутной дороге или морской?»

Ивашко уяс муас, и Еруслан юалө: «Но пө тэд, Ивашко, смерть или живот колө?» (КФ 2002: 150). «Ивашка упал на землю, и Еруслан спрашивает: «Ну, Ивашка, живот или смерть?».

Наиболее употребительными являются конструкции, в которых вторая часть вопроса, обозначающая собственно выбор (альтернативу), имеет усеченную форму, а разделительные союзы отсутствуют. Отсутствие в вопросительных предложениях данного типа разделительных союзов является особенностью коми языка. Это исконная форма вопросов данного типа:

– *Но, вокъяс, талун сюри эз?* (ВВСМ 1986: 96). «Ну, братья, сегодня поймали (или) нет?»

Еруслан Лазаревич горөдіс богатырскöй гөлөсөн: «Эм абу пö тая йöз пытикас лолъя морт?» (КФ 2002: 152). «Еруслан Лазаревич закричал богатырским голосом: «Есть (или) нет среди этих людей живой человек?»».

Редко встречаются в коми фольклорных текстах несобственно-вопросительные предложения. Они, как известно, не направлены на поиск информации, несмотря на то, что имеют формальную организацию вопросительного предложения, а реализуют вторичную функцию, невопросительную: побуждение к совершению какого-либо действия, выражение эмоционального состояния. Данная группа вопросительных предложений в данных текстах представлена встречными вопросами и контактоустанавливающими и императивными предложениями.

Распространены в произведениях устного народного творчества контактоустанавливающие вопросительные предложения. Основной функцией вопросительных предложений данного вида является инициирование ответной реакции адресата для вовлечения его в контакт с целью последующего общения, какая-либо информация коммуниканта не интересует. Вопросительные предложения данного вида часто употребляются либо вместе с приветствием, либо в качестве приветствия, на них не требуется подробного ответа на поставленный вопрос, так как основной функцией конструкций данного вида является побуждение адресата к контакту (Гуляева 2010, 2011, 2012, 2013).

Кнопка аддзис, кнопка сэн вöлöма збыль, личкышитіс. И генерал ныв востіс öшинь.

– *Но, – шувис нимнас генерал пйöс, – тайö тэ вовин?* (ВВСМ 1986: 180). «Кнопку увидел, действительно там была кнопка, нажал, и генеральская дочь отворила окно. – Ну, – называет по имени генеральского сына, – это ты прибыл?»

Грима-грымакылö вовис вöö сы дінö.

– *Но, көзяин, кутшиöма олан?* (ВВСМ 1986: 200). «Громыхая, приблизилась к нему лошадь. – Ну, хозяин, как поживаешь?»

Встречаются в коми фольклорных текстах и императивные вопросительные предложения, выражающие побуждение к действию:

Бать шувё:

– *Но, тэ тай нё, пиё, век на тані, век на гортын?* (ВВСМ 1986: 114). «Отец говорит: – Ну, сын, ты все еще здесь, все еще дома?».

Менее распространены в произведениях устного народного творчества встречные вопросы, употребляемые коммуникантом вместо ответа и демонстрирующие не прямо, а имплицитно возражение или подтверждение тому, что выражено в вопросе собеседника. Не имея сильной экспрессивности, они чаще всего служат для выражения отрицательных оценок и суждений, направленных адресату:

– *Кытчö менсьым айöс да вокъясöс воитін? Вай бур ног!*

– *Кысь ме сета? Менам ай-мам найöс сёйисны* (КФ 2002: 148). «Куда моего отца и братьев дел? Верни их по-хорошему. – Откуда я верну? Мои родители их съели».

– *Здорово, Еруслан Лазаревич, кытчö мөдін?*

– *Кутшöм, – шуö, тэд делö, чужöй стариклы?* (СНК 2009: 250) «Здорово, Еруслан Лазаревич, куда собрался? – Какое, – говорит, – тебе дело, постороннему старику?».

В коми фольклорных текстах встречаются различные структурные типы вопросительных предложений. Наиболее распространенными являются простые вопросительные предложения:

Баяр ти шуö:

– *Ме сайö он мун?* (КФ 2002: 139). «Боярский сын спрашивает: За меня (замуж) пойдешь?».

Ювасьöны да висътасьöны:

– *Көн жö тiян да челядьясныд?* (ВВСМ 1986: 9) «Спрашиваю и рассказывают: Где же ваши да детушки?».

Употребляются в исследуемых нами текстах сложные вопросительные предложения:

– *Мый нö кутам керны, он-ö ачыд нето?* (ВВСМ 1986: 215). «Что же будем делать, не выйдешь ли сам?»

Кыдз жö эськö подойдитны, мед эськö стразу эз уськөдчыны? (ВВСМ 1986: 212) «Как же подойти, чтоб сразу не набросились?».

Встречаются также вопросительные слова-предложения:

– *Коді? – ювалö попаддя* (ВВСМ 1986: 145). «Кто? – спрашивает попаддя».

– *Пöчö!*

– *Муї?*

– *Мун нетав да рöзвальсьö тэ корлы.*

– *Муя?* (СНК 2009: 69) «Старуха! – Что? – Выйди и попроси розвальни. – Зачем?»

Менее распространены цепочки вопросительных предложений:

– *Муй, – шуд, – тикӧд лои? Муй горзанныд?* (СНК 2009: 67) «Что с тобой случилось? Что плачешь?».

– *Муя инӧ, пиӧ, воин? Из-ӧ кутшиӧм случай ло?* (СНК 2009: 168) «Зачем же, сынок, приехал? Как тебя случай к нам привел?».

Таким образом, на основании анализа коми фольклорных текстов можно сделать следующие выводы: в произведениях устного народного творчества широко употребляются все типы собственно-вопросительных предложений. Сравнительно реже встречаются несобственно-вопросительные предложения, нами зафиксированы одиночные контактоустанавливающие и императивные вопросительные предложения, а также встречные вопросы. Среди структурных типов наиболее распространены простые вопросительные предложения, реже встречаются сложные вопросительные предложения и цепочки вопросительных предложений.

ВВСМ 1986 – Висер вожса сьыланкывъяс да мойдкывъяс / чукӧртис И.А. Осипов. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1986. – 256 л.б.

Гуляева Н.И. Вопросительные предложения с контактной семантикой в коми языке // Материалы XXXIX Международной филологической конференции (15–20 марта 2010 г. Уралистика) / под ред. доц. Н.Н. Колпаковой. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. – С. 36–39.

Гуляева Н.И. Вопросительные контактоустанавливающие предложения как одна из форм приветствия (на примере коми языка) // Динамика структур финно-угорских языков : сборник научных статей на материалах Всероссийской финно-угорской языковедческой конференции, посвященной юбилеям двух видных коми финно-угроведов, 70-летию профессора Е.А. Игушева и 60-летию председателя Комитета финно-угроведов Российской Федерации А.Н. Ракина (11–12 ноября 2009 г., г. Сыктывкар). – Сыктывкар: ООО «Издательство “Кола”», 2011. – С. 67–71.

Гуляева Н.И. Контакттоустанавливающие вопросительные предложения вербальной идентификации в коми языке // Пермистика 13: Вопросы пермского языкознания. – Сыктывкар, 2012. – С. 41–44.

Гуляева Н.И. Вопросительные предложения в коми литературном языке: семантика, функции и структура : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саранск, 2013. – 25 с.

КФ 2002 – Коми фольклор : хрестоматия. – Сыктывкар: Коми небӧг лӧдзанін, 2002. – 328 л.б.

СНК 2009 – Сказки народа коми : коми мойдъяс / сост. Н.С. Коровина. – Сыктывкар: АУРК «Редакция журнала “Арт”», 2009. – 496 с.

О ФОРМАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ СЛОВ ЯЗЫКА БЕСЕРМЯН¹

В.А. Иванов,

заведующий сектором записи и обработки документов
отдела устной истории МГУ имени М.В. Ломоносова
vovagkmfc@yandex.ru

1. Изобразительные слова в пермских языках

Как известно, в пермских языках особую лексическую группу составляют неизменяемые слова, образно передающие звуковые, зрительные и иные характеристики различных явлений. Слова этой группы обычно называются изобразительными и выделяются на фоне всех прочих слов аномальными свойствами как в плане значения, так и в плане формы. Изобразительные слова характеризуются произвольной, фонетически мотивированной связью между звуковым обликом слов и лежащими в основе номинации признаками денотата.

Названная группа лексики недостаточно изучена до настоящего времени, хотя на богатство пермских языков изобразительными словами обращали внимание еще в XIX в. И.А. Куратов и Г.Е. Верещагин. Специальные исследования изобразительных слов в пермских языках начались с 1940-х годов в работах М.А. Сахаровой, Д.В. Бубриха, В.И. Алатырева, а затем продолжались А.С. Кривошековой-Гантман, К.Е. Майтинской. Интерес к изобразительным словам в пермистике был возобновлен после некоторого перерыва уже в 1990-х гг. в работах И.В. Тараканова, В.М. Лудыковой, С.В. Соколова, С.А. Максимова и др. На сегодняшний день исследования продолжаются в работах С.С. Шляховой, А.С. Лобановой, А.А. Шибанова, С.Н. Ширококовой, Ф.И. Рожанского и др.

В данном исследовании рассматриваются изобразительные слова языка бесермян – коренного малочисленного народа РФ, компактно проживающего на северо-западе Удмуртской Республики. Бесермяне говорят на бесермянском наречии (диалекте) удмуртского языка. Предметом рассмотрения является внутренняя структура изобразительных слов языка бесермян. Материалом работы послужили данные полевых исследований автора из экспедиций 2011-2016 гг. в д. Шамардан Юкаменского района Удмуртской Республики.

¹ Работа поддержана грантом РГНФ № 16-24-17003.

2. Морфологическая структура изобразительных слов

Общий подход и теоретическая база для описания изобразительных слов пермских языков пока не выработаны: нет четкого общепринятого определения и единого мнения относительно их места в языке. Грамматики рассматривают данную группу лексики вместе с наречиями или междометиями, но в настоящее время справедливо отмечается необходимость выделения изобразительных слов в отдельную категорию (Шибанов 2010: 133–137).

Изобразительными обычно называют неизменяемые слова, неспособные присоединять формообразовательные аффиксы. Именно неизменяемость оказывается тем свойством, на которое в первую очередь обращают внимание исследователи. Благодаря этому изобразительные слова рассматриваются в составе неизменяемых частей речи.

Однако языковой материал показывает, что присоединение формообразовательных аффиксов в некоторых случаях возможно. Например, в языке бесермян изобразительные слова способны присоединять показатель множественного числа *-эс'*, характерный для прилагательных в предикативной позиции: ср. *Вал'л'ос чъндър-чандърэс'*, *прос' соостъ л'аб с'удо* 'Лошади худющие, совсем их плохо кормят'. Слово *чъндър-чандър* выражает здесь чрезмерную худобу.

Почему в данном случае следует считать *чъндър-чандър* изобразительным словом, а не обычным прилагательным? Укажем ряд конкретных признаков. Во-первых, слово *чъндър-чандър* может служить интенсификатором прилагательного *вэчки* 'тонкий, худой' (*чъндър-чандър вэчки* 'очень худой'), в то время как обычные прилагательные не могут модифицировать другие прилагательные. Во-вторых, употребление слова *чъндър-чандър* вносит экспрессивно-оценочный компонент в высказывание, притом что интеллектуальная оценка могла бы быть выражена прилагательными *вэчки* 'тонкий, худой', *к'уан'эр* 'худой', *вос'тэт* 'тощий'. Экспрессивность является характерной особенностью изобразительных слов.

Наиболее ярко слово *чъндър-чандър* выделяется на фоне других слов своей морфонологической структурой. Здесь можно наблюдать редупликацию, дивергенцию гласного в корне, конечный формант *-ър*. Все эти особенности характерны именно для изобразительных слов.

Изобразительные слова характеризуются обычно как аморфные, т.е. неделимые на морфемы. В случае присоединения словообразовательных аффиксов к изобразительному слову образуются слова других частей речи. Однако в ряде языков, в том числе в языке бесермян, обнаруживаются особые форманты, регулярно присоединяющиеся к изобразительным словам и некоторым образом модифицирующие их значение, ср.: *тач* – *тачър*,

кўаж – кўажьр . Слово *тач* передает краткий треск, кўаж – хруст; формант *-ьр* добавляет к значению элемент длительности и диссонантности звучания. Сравните также *бъг – бьгьр, бьг – бьгьл'*, где все слова связаны с образом округлости форм. Формантами *-ьр, -ьл'* реализуется в языке берсермян типологически распространенное явление – передача в образительных словах значений множественности, протяженности, интенсивности так называемыми RL-формантами (формантами с сонантами *r, l*) (Воронин 1982).

Возникает вопрос о морфологическом статусе подобных формантов. С формальной точки зрения форманты *-ьр, -ьл'* можно признать морфемами, так как для них могут быть построены правильные «квадраты Гринберга». Однако признание формантов *-ьр, -ьл'* и подобных морфемами влечет существенную корректировку наших представлений об образительных словах в пермских и в ряде других языков.

Н.И. Ашмарин, исследовавший образительные слова в тюркских и финно-угорских языках Поволжья, намеренно ушел от ответа на вопрос о морфологическом статусе формантов, предложив для них термин «отличители» (Ашмарин 1928). Н.И. Ашмарин полагал, что часть «отличителей» возникла в результате переразложения «хаотической» основы образительного слова. Такое решение неизбежно приводит к вопросу о внутренней структуре или «внутренней морфологии» образительных слов. Проблема соотношения внутренних структурных элементов и сегментации в смысле обычной морфологии осознается исследователями образительной лексики самых разных языков (Samarin 1965: 120–121).

3. «Внутренняя морфология» образительных слов

Часть образительного слова за вычетом «отличителей» будем называть образительным корнем. Образительный корень вместе с «отличителями» составляет образительную основу. К образительной основе могут присоединяться словообразовательные аффиксы. Интересно, что от основ с «отличителями» и без них по-разному образуются глаголы, ср.: *тък-кет-ьнь, тъкьр-т-ьнь* ‘стучать’ (слово *тък* передает стук, *тъкьр* – дробный стук).

Некоторые образительные корни являются связанными, т.е. встречаются только в основах с «отличителями»: *зъкьр* ‘со скрипом’, *шьнгьл'* ‘невнятно (о речи)’, *шьн'ьр-шан'ьр* ‘неустойчиво, шатко’, при этом слова **зък, *шьнг, *шьн', *шан', *шьн'-шан'* отсутствуют в исследуемом наречии.

Изобразительные корни имеют в основном фонологическую структуру SVC с вариантами CCVC и CVCC. Фонологическую структуру SVC имеют многие корни пермских языков. Отличительная особенностьобрази-

тельных корней заключается в том, что они обнаруживают внутреннюю структуру, в которой можно четко выделить согласный анлаут, гласный инлаут и согласный ауслаут. Слова с изменением звуков одного из компонентов изобразительного корня часто составляют квазисинонимический ряд: *тачър* > *лачър* > *йачър* > *кўачър*; *тачър* > *такър*, *лачър* > *лакър*, *кўачър* > *кўажър* (все слова передают звуки треска, хруста).

Особенно регулярно наблюдается дивергенция гласных в инлауте изобразительного корня: *тъп* > *тап* > *топ*, *дъб* > *даб* > *доб* (передают резкий стук, звук удара). Чередование гласных в инлауте часто сопровождается редупликацией: *тъчър-тачър* (о треске), *кльп-клап* (о звуках при ходьбе).

Таким образом, можно сказать, что изобразительные слова образуют квазисинонимические ряды путем определенных преобразований: присоединения «отличителей», смысловой «замены» звуков в анлауте, инлауте или ауслауте корня, повторов корня. Структура изобразительного корня вкупе с «отличителями» составляют «внутреннюю морфологию» изобразительных слов.

4. Формант *-ак* в изобразительных словах

Формант *-ак* в языке бесермян служит для образования наречий от других наречий и прилагательных: *шори* ‘пополам’ > *шорийак* ‘то же’, *бъдэс* ‘полный’ > *бъдэсак* ‘полностью, целиком’. В данном случае формант *-ак* несомненно имеет статус морфемы. Сфера употребления суффикса *-ак* в языке бесермян несколько уже, чем в литературном удмуртском языке.

Значение данного суффикса может быть проиллюстрировано следующим примером: *Съсь пуэз шори / шорийак пъл'элизъ, пъл'эм бэрэ со луэ кусъл, кусълэн кэртълизъ майэгийостъ* ‘Ветку можжевельника разделяли пополам (вдоль), после чего из нее получается вязка, вязкой связывали колья’. В данном примере предпочтительно употребление наречия *шори*; использование варианта с *-ак* оказывается на грани допустимого. По-видимому, это связано с тем, что в глагольной форме *пъл'-ъл-и-з-ъ* ‘расколоть-ITER-PST-3-PL’ дважды выражена множественность: глагольная множественность суффиксом итератива (ITER) *-ъл-* и множественность субъекта суффиксом множественного числа *-ъ* (PL). В то же время суффикс *-ак* подразумевает однократность действия.

Если употребление форманта *-ак* с наречиями и прилагательными в языке бесермян ограничено, то его сочетание с изобразительными словами вполне продуктивно. Часто суффикс *-ак* присоединяется к основам звукоподражательных слов с «отличителем» *-ър*; обычно данный процесс сопровождается выпадением *ь*: *эькър* > *эькрак*. Вновь образованные звукоподражания выражают краткое и однократное звучание: *Эс эькър-эакър*

ўаз'э 'Дверь скрипит, поскрипывает'; Эс зъкрак ўаз'из 'Дверь скрипнула (один раз)'. Сравните также *Бодъ тачрак* / **тачър чигиз* 'Палка сломалась с резким треском', где употребление варианта без *-ак* не допускается, поскольку формант *-ър* передает длительность звучания. Здесь возможно, однако, употребление варианта без *-ър*: *Бодъ тач чигиз* 'То же'. Различие между *тач* и *тачрак* заключается в том, что *тач* может означать один «квант» повторяющихся кратких звуков (*тач-тач-тач ъбъл'л'ань* 'тач-тач-тач стрелять'), тогда как *тачрак* передает именно однократное звучание.

Рассмотрим также следующую пару примеров: *Йаблокйос шал'тър* / *шал'трак ус'изъ* 'Яблоки со стуком упали (с яблони)'; *Йаблокйос шал'тър* / **шал'трак кърдо* 'Яблоки со стуком сыпятся' (слово *шал'тър* передает дробный стук или звон от соударения мелких предметов друг с другом или с поверхностью). В первом примере допустимы оба варианта – *шал'тър* и *шал'трак*; вариант с *-ак* предполагает, что яблоки упали более или менее одновременно (например, если кто-то потряс яблоню). Во втором примере глагол *кърдо* 'сыпятся' исключает вариант с *-ак*, поскольку ситуация мыслится как протяженная во времени.

Иногда формант *-ак* присоединяется к звукоподражательным основам без «отличителей»: ср. *кўажак курчиз* 'откусил большой кусок'; *кўажак курчъса с'ийънь* 'жадно есть, откусывая большие куски'. Слово *кўаж* (ср. также форму с «отличителем» *кўажър*) передает хруст при пережевывании твердых сочных продуктов – свежих овощей, фруктов; выражение *кўаж-кўаж с'ийънь* имеет также значение 'есть с большим аппетитом'.

Формант *-ак* продуктивно сочетается также с изобразительными словами, выражающими незвуковые образы: *гом-гом зюань* 'сильно гореть, полыхать', *гомак зюань* 'быстро прогореть', *Тъл гомак бас'тиз гид'зэ* 'Огонь моментально охватил хлев'; *зир бэргань* 'быстро вращаться вокруг своей оси', *зирак бэрэкчикънь* 'резко обернуться (один раз)'. Образные слова с формантом *-ак* передают признак краткого по времени и/или однократного действия.

Целая серия изобразительных слов с формантом *-ак* передает значение 'резко, неожиданно', ср.: *търкак* 'резко, внезапно', *търкак дугдънь* 'резко остановиться', *търкак потънь* 'вздрагнуть' (ср. удм. изобразительный корень *тур-*, передающий дрожание); *кўал'как потънь* 'вздрагнуть' (*кўал'экийань* 'дрожать'); ср. также удм. *зуркак* 'резко', *зуркак потыны* 'вздрагнуть', (*зурекъяны* 'дрожать'). Сравните еще *зот(р)ак* 'резко, неожиданно' (сделать, сказать). Слово *шапър* передает шорох, *шапрак* – резкий шорох; также *шапрак* может указывать на резкий выход из состояния покоя, ср.: *Кўакаос шапрак каръса лобъизъ* 'Птицы с шумом (досл.:

шорох делая) взлетели’; *Кўакаос шапрак лобзизь* ‘Птицы резко взлетели’, *Бжйос шапрак пэгзизь* ‘Овцы вдруг разбежались’.

5. Заключение

Для изобразительных слов языка бесермян актуальной оказывается проблема соотношения внутренних структурных элементов («внутренней морфологии») и сегментации в смысле обычной морфологии. Вопрос вызывает прежде всего статус так называемых «отличителей» – формантов, регулярно присоединяющихся к изобразительным словам и модифицирующих их значение.

С формальной точки зрения «отличители» можно назвать морфемами. Так поступает С.А. Максимов, рассматривая особую группу изобразительных слов с конечным *-ы* в северном наречии удмуртского языка (Максимов 1994: 22–25). Суффиксами называются как «отличители» *-т'*, *-к*, придающие словам оттенок интенсивности действия, так и формант *-ак*, выражающий то же значение. При этом вопрос о статусе форманта *-ы* в указанной статье не затрагивается. Данный формант интересен тем, что, как и *-ак*, может присоединяться не только к изобразительным словам, но и к наречиям и прилагательным, образуя слова наречного типа. По мнению С.А. Максимова, все образования с конечным *-ы* относятся к изобразительным словам. В сочетаниях с наречиями и прилагательными формант *-ы* должен быть признан суффиксом.

Точно так же суффиксом признается формант *-ак*, когда он выступает в сочетании с наречием или прилагательным. Формально он может быть признан суффиксом и в сочетании с изобразительными словами. В этом случае встает вопрос о частеречном статусе образований на *-ак*: можно считать их наречиями, но более предпочтительным кажется решение считать их изобразительными словами, поскольку семантика образований на *-ак* вполне композициональна, а функция *-ак* сопоставима с функцией ряда «отличителей».

Для окончательного решения поставленных вопросов следует провести дополнительные исследования с привлечением большего количества материала по различным диалектам пермских языков.

Ашмарин Н. И. О морфологических категориях подражаний в чувашском языке. – Казань, 1928. – 160 с.

Воронин С. В. Основы фоносемантики. – Л., 1982. – 244 с.

Максимов С. А. О наречно-образительных словах с конечным *-ы* в северном наречии // Вестник Удмуртского ун-та. – 1994. – № 7. – С. 22–25.

Шибанов А.А. Наречия и подражательные слова в удмуртском языке // Вестник Челябинского гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. – 2010. – Вып. 49. – № 34 (215). – С. 133–137.

Samarin W.J. Perspective on African ideophones // African studies. – 1965. – Vol. 24. – Pp. 117–121.

О МОРФОЛОГИИ ИМЕН ГОВОРА ДЕРЕВНИ КУЗЬМОВЫР ИГРИНСКОГО РАЙОНА УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Л.М. Ившин,

научный сотрудник отдела филологических исследований
Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН
ivleo.75@mail.ru

Данная работа посвящена описанию некоторых морфологических особенностей имени говора д. Кузьмовыр Игринского района Удмуртской республики. В ней особое внимание уделено, с одной стороны, освещению языковых явлений, сближающих этот говор с соседними северноудмуртскими и срединными говорами, с другой – описанию специфических особенностей, которые не характерны для этих диалектов.

Кузьмовырским нами условно назван говор удмуртов, проживающих в деревне Кузьмовыр Игринского района Удмуртской республики. В исторических документах починок Кузьмувырской встречается в 1859 г.: «На Сибирскомъ почтовомъ трактѣ изъ Перми въ Казань по лѣвую сторону этого тракта – Кузьмувырской поч[инок] (при ключѣ Кузмувырѣ)» (Списокъ 1876: 57). Название деревни происходит от слов *кузь* ‘длинный, долгий’ и *мувыр* ‘возвышенность, пригорок, холм’: ‘длинная (долгая) возвышенность’ (Атаманов 2015: 458).

Говор д. Кузьмовыр еще не был объектом специального исследования. По наиболее характерным морфологическим чертам он близок, с одной стороны, к северноудмуртским говорам, с другой – к средневосточным, относящимся к срединным говорам. Кроме того, в языковой системе исследуемого говора выделяются некоторые специфические явления, не свойственные в целом вышеназванным говорам. Эти отличительные моменты, на наш взгляд, обусловлены историей формирования этого ареала. По сведениям переписных материалов XVII–XIX вв. и историческим документам, интенсивное заселение этого региона началось в XVII в. (Докум. 1958: 265). М.Г. Атаманов, опираясь на данные расселения воршуднородовых групп удмуртов, отмечает, что всю территорию Игринского райо-

на можно разделить между тремя крупнейшими родовыми группами – Эгра, Вортча и Пурга. Жители д. Кузьмовыр относятся к роду Эгра, который занимал территорию по реке Лозе. Родовая группа Эгра (Егра), по-видимому, первоначально проживала по р. Вятке, оттуда ушла в Карино (совр. Слободской район Кировской области), из Карино переселилась в Салю (совр. Игринский район Удмуртии), затем в с. Игру (Атаманов 2010: 104–106).

Большая часть анализируемого материала была собрана автором во время диалектологической практики в 1994–1995 гг. непосредственно от носителей описываемого говора, в основном от людей старшего возраста. Сбор материала проведен, главным образом, в ходе устного общения с коренными жителями деревни.

1. Сущестительное

1.1. Множественное число сущестительных в описываемом говоре образуется при помощи суффиксов *-ос* (в словах с основой на гласный) и *-йос* (в словах с основой на согласный), как и в большинстве других удмуртских говоров. Примеры-предложения: *со н'укын кыз'пуос гинэ будо*. ‘В том логу растут одни березы’; *пуныос толон у'йбыт вузизы*. ‘Вчера собаки выли всю ночь’. В некоторых среднечепецких (Карпова 2013: 39) и нижнечепецких (Тепляшина 1957: 130) говорах консонантный вариант суффикса употребляется также в словах, оканчивающихся на гласный.

Употребление показателей множественного числа не всегда связано с оппозицией единственного и множественного. Суффикс множественного числа может применяться:

а) при обозначении жителей населенных пунктов, а не множества самих населенных пунктов, например: *куз'мовыр'ёс* ‘жители Кузьмовыра’. Пример-предложение: *байвалйос туэ гыронбыттонын ичи вал* ‘Жителей деревни Байвал в этом году на празднике плуга было немного’.

б) в функции собирательности с собственными именами, выражающими родственные отношения: *зотикйос* ‘члены семьи рода Зотик’, *марпиос* ‘члены семьи Марфы’. Пример-предложение: *ма, он'эййос татын трос гинэ уло*. ‘Из рода Оней здесь многие живут’. Употребление формы множественного числа в подобных функциях описаны в соседних среднечепецких (Карпова 1997: 82–83) и средневосточных (Бушмакин 1971а: 207) говорах.

1.2. В рассматриваемом говоре, как и в литературном удмуртском языке, различается 15 падежей. В соседних средневосточных говорах их увеличение объясняется наличием своеобразного звательного падежа (Бушмакин 1971: 18), а в среднечепецких – функционированием особых местных падежей с элементом *-н'* (Карпова 1997: 85–89; 2013: 40–41; 2016: 210–211).

Из всех падежей в кузьмовырском говоре реже по сравнению с другими удмуртскими диалектами встречается аппроксиматив. Формам этого падежа со значением направления по месту или времени чаще всего соответствует сочетание существительного в номинативе с послелогом *пала* 'по направлению': *с'ик пала* 'по направлению к лесу', *бусы пала* 'по направлению к полю'. Пример-предложение: *кабанъёс зег пӧлти кӧшкэмман'ук пала вас'кизы*. 'Кабаны по ржаному полю пошли по направлению к логу Кӧшкэмман'ук'. Данное явление фиксируется исследователями также в говорах среднечепецкого диалекта (Карпова 1997: 90; 2013: 42).

1.3. Для выражения цели, причины, мотива действия вместо датива южноудмуртских говоров с показателем *-лы* в рассматриваемом говоре выступает сочетание существительного в номинативе с послелогом *дурэ* 'за, для, ради': *н'ан' дурэ* 'за хлебом'. Пример-предложение: *пичи дырйамы оччы кучкулад дурэ вэтлис'ком вал*. 'Когда мы были маленькими, туда за щавелем ходили'. В говорах среднечепецкого диалекта также используется подобное сочетание, только с послелогом *понна* 'за, для, ради' (Карпова 1997: 89).

1.4. Из суффиксов субъективной оценки встречаются *-и* (в именах, обозначающих родственные отношения, и личных именах): *баби* 'ласковое обращение к бабушке', *пет'и* 'Петенька' и *-(й)ок* (для выражения ласкательности с некоторым оттенком уменьшительности): *пийок* 'сын, сыночек', *нылок* 'дочка, доченька'. В среднечепецких диалектах исследователи отмечают и другие суффиксы: *-ка* (*иринка* 'Иринка') и *-уш* (*над'уш* 'Наденька') (Карпова 1997: 101–102), которые в исследуемом говоре не употребляются. В тыловайском говоре встречается другой суффикс субъективной оценки – *-у*: *л'уду* 'Людочка', *л'эну* 'Леночка' (личное сообщение Л. Л. Карповой), также нехарактерное кузьмовырскому говору.

1.5. Своеобразным в описываемом говоре является отсутствие специфических суффиксов со значением 'место действия' *-н'и* и *-ти*, которые употребляются в соседних средне-восточных (*-ти* – якшур-бодьинский, западная часть сосновского говоров; *-н'и* – шарканский, восточная часть сосновского говоров) (Бушмакин 1969: 61–62), прикильмезских (суффикс *-ти*) (Загуляева 1980: 106) и верхнечепецких (суффикс *-н'и*) (Алашеева 1982: 92) говорах, а также в среднечепецком диалекте (суффикс *-н'и*) (Карпова 1997: 99–100). Суффикс *-н'и* является специфичным формантом для северных диалектов удмуртского языка, а *-ти* характерен в большей степени для срединных говоров. Функции этих суффиксов в рассматриваемом говоре выполняют слово *инты* 'место' и русское заимствование *мэста* 'место' (последнее – чаще всего): *визнан инты* 'место, где рыбачат'; *губийан мэста* 'место, где собирают грибы', что характерно и дебесским говорам

(Карпова 2016: 201). Пример-предложение: *с'икын ал'и вэзд'э куйас'кон моста лэс'то*. 'В нынешнее время в лесах повсюду свалку устраивают'.

2. Прилагательное

Данная часть речи в кузьмовырском говоре, как и в удмуртском литературном языке, имеет три степени сравнения: положительную, сравнительную и превосходную.

2.1. Сравнительная степень образуется чаще всего присоединением к основе прилагательного суффикса *-гэм* (реже – *-гэс*): *зöкгэм* 'толще', *мургэм* 'глубже'. Пример-предложение: *бэн, мил'ам скалмы таузлэс'пэймытгем*. 'Да, наша корова темнее, чем эта'. В соседних средневосточных говорах (Бушмакин 1969: 63–65) наблюдается употребление суффиксов сравнительной степени *-гэзгэм* или *-гэмгэс*, *-жөжйа* и *-жык*, а в среднечепецком диалекте (Карпова 2013: 45) – *-гэсгэм* или *-гэмгэс*.

2.2. Для выражения превосходства качества сравниваемого предмета используются усилительное слово *са'мой* 'самый', причем прилагательное при этом чаще всего оформляется выделительно-указательным суффиксом: *са'мой жүжытэз кыз* 'самая высокая ель'. Пример-предложение: *оскод-а, уд-а, мыным папэд са'мой баззымзэ йаблоксэ с'отиз*. 'Поверишь ли, мне твой отец дал свое самое большое яблоко'. В соседних средневосточных говорах (Бушмакин 1971: 19) также употребляется лексема *са'мой* 'самый', только имеется некоторое различие: прилагательное не оформляется выделительно-указательным суффиксом. В других говорах северного наречия, например в нижнечепецких и среднечепецких (Карпова 1997: 109, Тепляшина 1970: 170), кроме указанного слова, для выражения превосходной степени используется слово-усилитель *с'эк* (< рус. *всех*).

Другим средством выражения превосходной степени в кузьмовырском говоре являются препозитивные местоимения *ва'н'мыз* 'все' и *ко'т'кин* 'хоть-кто, любой' в аблативе в сочетании с прилагательным в положительной степени: *ва'н'мызлэс' трос с'ииз* 'он (она) больше всех съел(а)', *ко'т'кинлэс' трос пудозы* 'у них больше всех скотины'. Употребление подобных местоимений (*вича'к* 'все', *ко'т'кин* 'хоть-кто, любой', *ко'т'ма* 'хоть-что') отмечается в среднечепецком диалекте удмуртского языка (Карпова 2013: 45).

2.3. Модератив (степень неполного качества) в рассматриваемом говоре образуется в основном при помощи суффикса *-алэс* (реже – *-мыт*): *курыталэс* 'горьковатый', *гордмыт* 'красноватый', причем ударение ставится на конечный слог. Пример-предложение: *йа, пийэ, вит'-ай, кытын кэ татын лызмыт кн'ига вал*. 'Ну, сынок, подожди-ка, где-то здесь синеватая книга была'. Показатель *-мыт* может присоединяться лишь к именам при-

лагательным, обозначающим цветовой признак. В среднечепецких говорах (Карпова 2013: 46), кроме указанных выше формантов, функционируют еще следующие суффиксы: *-пыр*, *-прэс*, *-гэс* и *-галэс* (< *-гэс* + *-алэс*). В нижнечепецком и верхнечепецком диалектах для выражения неполного качества отмечаются суффиксы *-мыт* и *-алэс* (Карпова 2016: 213).

2.4. Интенсив (высокая степень качества) в исследуемом говоре выражается двояко: 1) присоединением к положительной форме прилагательного следующих усилительных слов: *дото́во* ‘очень, слишком, чрезмерно’, *л'э́·ко́с* ‘очень, слишком, исключительно’, *ту́ж* ‘очень’, *ту́ж·сын* ‘очень’, *у́кыр* ‘чрезмерно, чересчур’: *дото́во л'э́к пуны* ‘очень злая собака’, *л'э́·ко́с ба́ньным бусы* ‘слишком большое поле’, *ту́ж·сын зё́к пу́жым* ‘очень толстая сосна’, и 2) редупликацией основ: *во́·ж·во́ж туры́н* ‘зеленая-зеленая трава’ *чю́·ж·чю́ж с'ас'ка* ‘желтый-прежелтый цветок’. Пример-предложение: *у́кыр пё́с' гу́жэм ды́рйа ы́жйосы́д, бы́жзэ́с у́рды́са, ворт-ты́са кы́зйос улэ́ пегэ́о*. ‘Когда чересчур жаркое лето, овцы-то, задрав хвосты, бегут под ели’. Кроме того, различные степени высокого качества образуются при помощи изобразительных слов и основной формы прилагательного: *т'о́·м·т'о́м пэймы́т уй* ‘очень темная ночь’, *чил' с'о́д йы́рс'и* ‘черные-черные волосы’. Из всех перечисленных средств выражения интенсификации чаще употребляется первый – использование усилительных слов. В северных диалектах удмуртского языка функционируют и другие усилительные слова: *йун* ‘очень’, *раттэм* ‘очень, слишком’ – в среднечепецких говорах (Карпова 2013: 47), *орчы́т*, *тыпы́л'а·к*, *ко́шкэм*, *бэ́да*, *прё́ч* с общим значением ‘очень, слишком, исключительно, чрезвычайно’ – в нижнечепецких (Тепляшина 1970: 170), которые для кузьмовырского говора не характерны.

3. Числительное

3.1. Для говора деревни Кузьмовыр не свойственны формы выражения дробных числительных с формантом *-мос*. Дробные величины, как правило, образуются описательным способом, например: *к'уйн' вэ́дрэ́з н'ыл' л'ук-этлы́ л'ук но́ учкы́ – бы́дэ́сэн уз ты́·рмы́ ни*. ‘Три ведра на четыре части раздели и посмотри – по целому не наполнится уже’. Смешанные дроби в речи среднего и старшего поколения употребляются лишь с половинными долями – со словом *жы́ны* ‘половина’: *4,5 – н'ыл' но́ жы́ны* ‘четыре с половиной’, *6,5 – к'у́ат' но́ жы́ны* ‘шесть с половиной’. С остальными дробными величинами смешанные дроби не используются.

3.2. Собирательные числительные в описываемом говоре образуются как синтетическим (при помощи суффикса *-на-* и лично-притяжательных суффиксов 1-го, 2-го и 3-го лица мн. числа), так и аналитическим способом

(сочетанием числительного и слова *куз'а* 'вместе, совместно'): *кыкна·мы* ~ *кык куз'а* 'мы вдвоем', *н'ыл'на·ды* ~ *н'ыл' куз'а* 'вы втроем'. Пример-предложение: *вит'на·зы ик турын пöлы ватскил'л'ам*. 'Они все впятером спрятались, оказывается, в траве'. Надо заметить, что наиболее распространенной формой выражения, как и в среднечепецком диалекте (Карпова 2013: 49) (правда, там вместо *куз'а* употребляется слово *çошэн* или *çо çэн*), является аналитический тип, который свойствен в основном североудмуртским диалектам, а также кукморскому и шошминскому говорам.

3.3. Порядковые числительные в кузьмовырском говоре выступают с суффиксом *-э·ти* (ударение при этом всегда падает на первый слог суффиксального показателя): *к'уйн'э·ти* 'третий', *укмысэ·ти* 'девятый', как и в соседних верхнечепецких говорах. В среднечепецком диалекте согласный *t* суффикса смягчается (Карпова 2013: 49).

На современном этапе вследствие непосредственного контакта удмуртского и русского населения удмуртские числительные заменяются русскими независимо от возраста говорящего (особенно при обозначении дат): *мон д'эвэццот трина·ццэтом году вордскэмын*. 'Я родился в [тысяча] девятьсот тринадцатом году'.

4. Местоимение

В исследуемом говоре выделяются те же разряды местоимений, что и в удмуртском литературном языке. Имеются некоторые особенности, сводящиеся к следующему.

4.1. Аккузатив личных местоимений 1-го и 2-го лица мн. числа образуется с помощью суффикса *-ды*, 3-го лица – *-ты*: *мил'эмды* 'нас', *тил'эдды* 'вас', *соосты* 'их'. Пример-предложение: *война дыр'яа мил'эмды кэкоранэ чугун с'урэс лэс'тыны кэл'азы*. 'Во время войны нас послали строить железную дорогу в Кекоран'. В среднечепецких говорах в 1-м и 2-м лице употребительны три параллельные формы: с аффиксами *-эсть*, *-дь* и *-эс* (Карпова 2013: 50), а третье лицо совпадает, за исключением гласного суффикса.

4.2. Датив личных местоимений 1-го и 2-го лица имеет усеченную форму, тогда как в других диалектах, особенно южных, он употребляется с падежным показателем *-лы*: *мил'эм* 'нам', *тил'эд* 'вам'. Пример-предложение: *сос'эд туннэ тил'эд турын вайоз*. 'Сосед сегодня вам сено привезет'. В среднечепецких говорах форма дательного падежа также имеет усеченную форму (Карпова 1997: 119; 2013: 50).

4.3. Аппроксиматив личных местоимений в кузьмовырском говоре имеет тенденцию к исчезновению. Формы *монлан'* 'по направлению ко мне, в сторону меня', *тилан'* 'по направлению к вам, в вашу сторону' упо-

требляются в основном в речи пожилого населения и заменяются на конструкции с послелогоми: *ми пала* ‘по направлению к нам, в нашу сторону’. Данное явление характерно также для других диалектов северного наречия удмуртского языка, например среднечепецких говоров (Карпова 2013: 50).

4.4. Усилительно-личные местоимения ничем не отличаются от соответствующих форм местоимений литературного удмуртского языка и большинства срединных и южных говоров: *ачим* ‘я сам’, *ачид* ‘ты сам’, *ачиз* ‘он сам’, *ас'мэос* ‘мы сами’, *ас'тэос* ‘вы сами’, *ас'сэос* ‘он сами’, тогда как в отдельных диалектах северного наречия – глазовском (Лыткин, Тепляшина 1959: 224), нижнечепецком (Тепляшина 1970: 177), среднечепецком (Карпова 1997: 120; 2013: 51) – эти местоимения во множественном числе имеют несколько иное фонетическое оформление: *ачимэс* ~ *ачымэс* ‘мы сами’, *ачидэс* ~ *ачыдэс* ‘вы сами’, *ачизэс* ~ *ачызэс* ‘они сами’.

4.5. Некоторые исследователи отмечают употребление притяжательно-го местоимения *аслам* в значении ‘мой, наш’ в нижнечепецких и среднечепецких говорах вместо *мынам* ‘мой’, *мил'ам* ‘наш’ других удмуртских диалектов (Тепляшина 1970: 175; Карпова 1997: 125; 2013: 51). В описываемом говоре данное явление не зафиксировано.

4.6. Кроме исконно удмуртских местоимений в речи носителей кузьмовырского говора широко функционируют и русские заимствованные местоимения типа *с'а-кой* ‘всякий’, *л'убой* ‘любой’, *ка-ждой* ~ *ка-ждый* ‘каждый’. Эта особенность является также характерной чертой среднечепецкого диалекта северного наречия (Карпова 1997: 127; 2013: 51).

5. Выводы

Сопоставляя морфологические особенности кузьмовырского говора, мы приходим к выводу о том, что в целом он (говор) ближе к северным диалектам удмуртского языка, чем к срединным говорам, поскольку большинство отмеченных явлений в той или иной мере находят отклик в северном ареале проживания удмуртов, а именно: 1) способ выражения превосходной степени имени прилагательного, 2) усеченная форма датива личных местоимений 1-го и 2-го лица и 3) замена аппроксиматива личных местоимений на конструкции с послелогом.

С другой стороны, для кузьмовырского говора характерны несколько явлений, которые сближают его со срединными говорами: 1) отсутствие палатализации *t* суффиксом *-эти* в порядковых числительных и 2) употребление усилительной частицы *ин*.

Но в то же время хочется отметить, что говор д. Кузьмовыр – это самостоятельный языковой островок, являющийся промежуточным между северными и срединными диалектами со своими специфическими особенно-

стями: 1) функционированием 15 падежей, 2) отсутствием суффиксов со значением 'место действия' *-н'и* и *-ти* и др.

Таким образом, описанный говор по своим морфологическим особенностям является частью верхнечепецкого диалекта севернудмуртского наречия удмуртского языка.

Условные сокращения:

вч. – верхнечепецкие говоры (верхнечепецкий диалект), *деб.* – дебесские говоры, *кез.* – кезские говоры, *лит.* – удмуртский литературный язык, *рус.* – русский язык, *ср.* – срединные говоры, *сч.* – среднечепецкие говоры (среднечепецкий диалект), *тыл.* – тыловый говор (тыловый диалект), *удм.* – удмуртский язык, *юж.* – южные говоры (южный диалект)

Алашеева А.А. Верхнечепецкие говоры I // Образцы речи удмуртского языка / НИИ при Сов. мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1982. – С. 91-105.

Атаманов М.Г. Происхождение удмуртского народа. – Ижевск: Удмуртия, 2010. – 576 с.

Атаманов М.Г. Язык земли удмуртской : историко-этимологический словарь топонимов Волго-уральского региона = Удмурт музъемлэн аснимъёсыз : Волгаен Урал ёросвыльёсысь интынимъёслэсь пуштроссэс эскерись кыллюкам. – Ижевск: Ижевская республиканская типография, 2015. – 976 с.

Бушмакин С.К. Морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка // СФУ. – 1969. – № 1 (V). – С. 59-69.

Бушмакин С.К. Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Тартуский ун-т. – Тарту, 1971. – 28 с.

Бушмакин С.К. Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка : дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск; М., 1971а. – 397 с.

Докум. 1958 – Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков / Удмуртский НИИ истории, экономики, литературы и языка при Сов. мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1958. – 420 с.

Загуляева Б.Ш. Морфологические особенности прикильмезских говоров // FU. – № 6. – 1980. – С. 103–109.

Карпова Л.Л. Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. – Тарту, 1997. – 223 с.

Карпова Л.Л. Лексика северного наречия удмуртского языка: Среднечепецкий диалект. – Ижевск, 2013. – 600 с.

Карпова Л.Л. Морфологические различия в северных диалектах удмуртского языка // LU. – 2016. – № 3 (LII). – С. 209–227.

Лыткин В.И., Тепляшина Т.И. Некоторые особенности глазовского диалекта // Записки / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. мин. Удм. АССР. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. – Вып. 19. – С. 218–227.

Списокъ 1876 – Списокъ населенныхъ мѣстъ по сведеніямъ 1859–1873 годовъ: Вятская губернія. – Санктпетербургъ, 1876. – СХХІV. – 993 с.

Тепляшина Т.И. Нижнечепецкие говоры северноудмуртского наречия // Записки / Удм. НИИ истории, экономики, лит. и яз. при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1957. – Вып. 18. Филология. – С. 156–196.

Тепляшина Т.И. Фонетическая характеристика тыловайского говора // Записки / Удм. НИИ истории, экономики, лит. и яз. при Сов. мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1970. – Вып. 21. Филология. – С. 114–140.

ХАНТЫЙСКИЙ КОМПОНЕНТ В КОМИ ГИДРОНИМАХ

Е.А. Игушев,
профессор кафедры финно-угорской филологии
и национального образования
ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»
pozhnja@gmail.com

Исследователи финно-угорских языков (Toivonen 1956, Rédei 1970) в своих работах отмечают исторические контакты коми с обскими уграми, которые проявляются в заимствованиях в хантыйском и мансийском языках. В работах ученых представлены коми слова хозяйственной, культурной и бытовой сферы, заимствованные хантами и манси в процессе многовекового общения.

Помимо названных групп лексики, в диалектах хантыйского языка функционируют топонимы коми происхождения:

Юильск – название поселения в верховьях Казыма. Данный топоним восходит к коми словосочетанию “ю йыл”, что означает «исток реки».

Наименование поселения *Шурышкары* восходит к коми словосочетанию “сюрись кар”, что означает «из Рогового». Основателями этого населенного пункта были коми, переселившиеся в XVIII в. из бассейна Печоры, с реки Роговой, в бассейне Оби. Гидроним Роговая является переводом коми названия «Сюр». Коми шепелявый согласный звук [с'] ханты восприняли как альвеолярный свистящий [ш].

Шеркалы – название населённого пункта на Оби, восходит к коми словосочетанию “шёр кар” «средний город». Название, вероятно, было дано в сравнении с поселениями, находящимися ниже и выше по течению реки Оби.

Как указывают исторические документы, в поселениях Шеркалы и Перегребное археологами обнаружены памятники материальной культуры коми-зырян, восходящие к XIII в. (Югория: 119).

На территории Коми республики имеются топонимы, не поддающиеся этимологизации средствами коми языка. Так, в бассейне реки Ижмы, левого притока Печоры, протекает река *Айюва*. В верховьях в нее впадает порожистая река с быстрым течением *Вонъю*. В переводе с коми языка Айюва означает «река отца» (ср. ай “отец”, ю “река”, ва ”вода”). А.И. Туркин в «Топонимическом словаре Республики Коми» в словарной статье, посвящённой топониму Айюва, приводит одну из топонимических легенд: «...вдоль речки Айюва раньше имелись многочисленные сенокосные и охотничьи угодья жителей волости Уквавом (Усть-Ухта). Однажды, ещё по безымянной реке, на лодке плыли отец и сын. Сын котелком почерпнул воду, подал отцу и сказал: “Ай, ю ва!” – ”Отец, выпей воду” (ай “отец”, ю – повелительная форма от глагола юны “пить” и ва “вода”). Звучное словосочетание легло в основу названия реки (Туркин 2015: 31). Однако с учётом особенностей грамматики ижемского диалекта данное восклицание должно было бы звучать как: «Айэ, васэ ю!». По нашему мнению, правомерно этимологизировать название данного гидронима, опираясь на материалы хантыйского языка. По сравнению с Ижмой *Айюва* является рекой с относительно меньшими размерами, поэтому логичнее предположить, что компонент *ай* восходит к хантыйскому слову со значением «маленький» (Молданова, Немысова, Ремезанова 1983: 11). Гидроним *Айю*, как гибридное образование, получает семантику «малая река». А.И. Туркин, рассматривая этимологию гидронима Айюва, также подчеркивает, что термин “ва” в гидронимах имеет значение «река», а не «вода». Это наталкивает на мысль, что гидроним был втянут в ряд названий на -ва под влиянием названий рек Уква, Изьва, Емва, Кедва (Туркин 2015: 31).

Река *Вонъю* по народной этимологии означает «река с пологом для защиты от комаров». А.П. Афанасьев так объясняет семантику данного гидронима: «Вонъю», вероятно, из коми *Вёнъю* «река (где раскинуты) палатки, река с палатками». Но предпочтительнее версия о гибридной форме названия. Обско-угорско-коми Вонъю «большая река», где хант. *вон* «большой» и коми *ю* «река» (Афанасьев 1996: 49).

В хантыйской топонимике привычны определения *ай* “малый” и *вон* “большой” по отношению к названиям рек, водных объектов: *Ай Ас* «Малая Обь, малый рукав Оби, в устье реки», *Вон Ас* «Большая Обь, большой рукав Оби, в устье реки» (DEWOS 1966). При этимологизации названий водных объектов необходимо учесть исторические контакты соседних

народов, чтобы не принять созвучные заимствования из хантыйского языка за исконные коми реалии.

Приведённые гидронимы, названия притоков реки Ижмы, являются субстратными. Субстратные топонимы бассейна Ижмы и Печоры были объектами исследования коми лингвистов (Ануфриева 1984, Афанасьев 1996, Туркин 2015). В работах ученых даны этимологии топонимов обско-угорского происхождения, таких как Вычеда, Емва, Мылва, Усть-Унья и др. Они свидетельствуют о длительных контактах коми с соседними обско-угорскими народами.

В приложении «Краткий грамматический очерк коми языка», помещённом к «Коми-русскому словарю» (1961), В.И. Лыткин и Д.А. Тимушев отмечают: «В XIII-XVII вв. коми находились в тесном отношении с ханты-мансийскими племенами, в результате чего в коми язык попал ряд ханты-мансийских слов, как то: войт “место в пойме реки, поросшее кустарниками”, кынь “песец”, пежгу “шкура молодого оленя”, где пеж “молодой олень”, гу<ку “шкура”, рып “береговая ласточка”, чумпель “черпачок из берёсты” и др.» (Лыткин, Тимушев 1961: 843).

В «Кратком этимологическом словаре коми языка» приведены этимологии хантыйских заимствований, представляющих безэквивалентную лексику коми языка:

Войт “место в пойме реки, поросшее кустарником и мелким лесом”: *vej̄t* уд, *uj̄t* вым. иж. < хант. N. *uj̄t*, Ni. *uj̄it* Kaz. *võit* “луг” (КЭСК 1999: 61).

Пежку, иж. пежгу: пеж “олень”, ку ”шкура”/ удм. пужей, мар. *рӣсо*, саам. *воасо*, манс. *рă̄i*, хант. *ре̄жа*. к. пеж < хант “тж”(КЭСК 1999: 218).

Кынь “песец” вым. иж. нв. печ. уд. ”тж”, коми < хант. *ка̄ñ* (КЭСК 1999: 153).

Рып “береговая ласточка” < хант. DN *гера ú̄'a*, *гär*, Kaz. *гар* “береговая ласточка”, *ӓ̄р* ”стриж” (КЭСК 1999: 247).

Таким образом, рассматриваемые в статье гидронимы *Айюва* и *Вонъю* нужно считать субстратными гибридными лексическими единицами, в которых определения *ай* “маленький” и *вон* “большой” представляют собой хантыйские компоненты с качественной характеристикой гидронимов, присоединяемые к коми апеллятиву *ю* “река”.

Ануфриева З.П. Угорские топонимы бассейна Печоры. – Сыктывкар, 1984.

Афанасьев А.П. Топонимия Республики Коми : словарь-справочник. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1996. – 208 с.

КЭСК – Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. – 430 с.

Латкин Василий Николаевич (1809–1867 гг.). К 200-летию со дня рождения. – Сыктывкар, 2009. – 546 с.

Лыткин В.И., Тимушев Д.А. Краткий грамматический очерк коми языка // Лыткин В.И. Коми-русский словарь. – М.: Изд-во национальных и иностранных словарей, 1961. – 923 с.

Молданова С.П., Немысова Е.А., Ремезанова В.Н. Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский. – Л.: Просвещение, 1983. – 286 с.

Туркин А.И. Топонимический словарь Республики Коми. – Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2015. – 364 с.

Югория – Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. – Югры / НИИ региональной энциклопедии Тюменского госуниверситета; гл. ред. Г.Ф. Шафранов-Куцев. – Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Сократ, 2000.

DEWOS – Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjäkischen Sprache, I-VIII, Lieferung. Berlin, 1966-78. Herausgegeben von Wolfgang Steinitz.

КОМИ НАИМЕНОВАНИЯ-РЕПРЕЗЕНТАНТЫ КОНЦЕПТОВ КОНЦЕПТОСФЕРЫ «КОМИ НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА» В РУССКОЯЗЫЧНОМ ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

А.А. Исакова,

аспирант ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»

totoshka_91@mail.ru

Республика Коми является многонациональной республикой, в которой, по данным переписи 2010 г., проживают более 120 национальностей (Постановление Правительства РК: URL). Наиболее весомую долю по численности населения занимают русские (59,58%) как основной этнос, населяющий Российскую Федерацию, а также коми (25,17%) как основной исторически сформировавшийся на своей территории этнос, населяющий Республику Коми. Сосуществование нескольких народов на одной территории не может не создавать межкультурных связей, как это можно видеть на территории Республики Коми. Одной из сфер, где происходит диффузия такого рода, является область средств массовой коммуникации, в частности газетное пространство.

Основной целью газетного дискурса является транслирование (или ретранслирование) информации различных типов, вследствие чего можно сделать вывод о том, что именно через СМК современный человек получает сведения о действительности, а значит, дополняет свою языковую картину мира. Масс-медиа «благодаря своей посредствующей функции не

только отображает события реальной действительности, но и, интерпретируя их (через свойства медиаканалов, идеологические установки, культурную специфику), создает особую – публицистическую – картину мира» (Нестерова, URL). При этом в Республике Коми имеется 9 печатных изданий, выходящих на коми языке (районные газеты, журналы и газеты для детей и молодёжи, литературные журналы (Информационный портал РК: URL)), вся остальная периодика рассчитана на русскоязычную аудиторию. Вместе с этим тематика, посвящённая вопросам коми национальности и коми культуры, освещается не только в коми-, но и в русскоязычных газетах. В силу того что пространство коми культуры формировалось под влиянием коми языка, русскоязычный газетный дискурс неизбежно пополняется лексемами, присущими коми языку. Подобное взаимодействие, по нашему мнению, отражает межкультурные связи и пополняет в сознании русскоязычного читателя концептосферу «коми национальная культура».

Под концептосферой мы понимаем «совокупность концептов» (Лихачёв: URL), «когнитивный конструкт», охватывающий «все концепты, характеризующие тот или иной фрагмент действительности ... в том или ином социуме» (Лебедько 2002: 198). Концепт, в свою очередь, как ментальное образование, являющееся результатом познавательной деятельности человека и общества, несет в себе комплексную, в том числе коннотативную, интерпретативную информацию об отражаемом предмете или явлении (Попова, Стернин 2007: 34).

В рамках концептосферы «коми национальная культура», формируемой в русскоязычном сознании посредством газетного дискурса, мы выделяем следующие базовые концепты: «коми язык», «коми литература», «коми национальное музыкальное творчество», «коми авторское изобразительное искусство», «коми народное искусство», «коми театр», «коми мифология», «коми национальная кухня», «коми национальные виды спорта», «географическое пространство Республики Коми». Каждый концепт, будучи ментальным, материально не оформленным образованием, имеет физическое воплощение в различных языковых единицах. Репрезентанты концептов концептосферы «коми национальная культура» представляют собой как лексемы русского языка, так и лексемы коми языка. Остановимся подробнее на коми репрезентантах концептосферы «коми национальная культура», принадлежащих сфере ономастики.

При обзоре газет Республики Коми («Красное знамя», «Красное знамя Севера», «Молодёжь Севера», «Республика», «Аргументы и факты Коми», «Комсомольская правда в Коми») за 2009–2015 гг. нами выявлено более 400 коми репрезентантов концептосферы «коми национальная культура»,

являющихся именами собственными, поэтому рассмотрим только наиболее яркие примеры.

Нет сомнения, что абсолютно все коми репрезентанты концептосферы «коми национальная культура» являются языковыми воплощениями концепта «коми язык» (подробнее о концепте «коми язык» см.: Исакова 2016: 101–104). Само слово-номинант звучит как «коми кыв», оно не является именем собственным, однако может послужить основой для создания других имён собственных: название самоучителя языку «*Коми кыв*» (пер. с коми «Коми язык» (КРК 2000: 325)) (Артеев 2015 (2): 7), наименование интернет-сайта *komikuv.ru* (Там же). Также в газетном дискурсе имеют место такие лексемы, как некоммерческая организация «*Ас кыв*» (пер. с коми «Родной язык» (КРК 2000: 31, 325)) (Артеев 2013: 3) и фестиваль-конкурс «*Менам кыв*» (пер. с коми «мой язык» (КРК 2000: 325, 391)) (Муравьёв 2015: 9). Очевидно, что сочетания «Мой язык» и «Родной язык», написанные на коми, подразумевают под собой номинацию коми языка. К лексемам, отражающим концепт «коми язык» можно отнести и наименование лексикографических изданий, например словаря коми-зырянских диалектов «*Коми сёрнисикас кывчукӧр*» (пер. с коми «словарь коми диалектов» (КРК 2000: 328, 586)) (Артеев 2015 (2): 7) или издательства «*Анбур*» (пер. с коми «Алфавит» (КРК 2000: 28)) (Там же).

С концептом «коми язык» тесно связан концепт «коми литература». Репрезентантами данного концепта являются наименования литературных произведений (поэма В. Лыткина «*Мунӧны*» (пер. с коми «Идут» (КРК 2000: 405)) (Артеев 2015 (3): 12)), коми варианты имён писателей и поэтов (*Илля Вась* (пер. с коми «Василий Ильич» (КРК 2000: 805, 806)) (Там же)), названия творческих мероприятий (литературная встреча «*Зэр йылысь...*» (пер. с коми «О дожде» (КРК 2000: 237, 254)) (Артеев 2015 (1): 7)), названия литературных журналов («*Арт*» (пер. с коми «Лад» (КРК 2000: 29)) (Там же)).

Следующий концепт концептосферы «коми национальная культура» мы определили как «коми национальное музыкальное творчество». В первую очередь, ономастические репрезентанты данной ментальной единицы отражают названия творческих коллективов (усть-куломский хор «*Эжваса дзоридзьяс*» (пер. с коми «Вычегодские цветы» (КРК 2000: 182, 801)) (Печорская 2012: 20)), названия песен и музыкальных произведений (песня «*Коми зон*» (пер. с коми «Коми парень» (КРК 2000: 230)) (Там же)) и музыкальных праздников и представлений (фестиваль современной коми песни «*Василей*» (Там же)).

Ещё одним направлением искусства является театр, в рамках концептосферы «коми национальная культура» мы выделяем концепт «коми театр».

К коми репрезентантам данного концепта относятся наименования спектаклей и имена его действующих лиц (*Вөрморт* (досл. с коми «лесной человек») (КРК 2000: 121, 398)) – герой спектакля «*Парма лов*» (пер. с коми «Душа Пармы») (КРК 2000: 354, 484)) (Артеев 2012: 5)), а также театральных фестивалей («*Сыктывкарса тулыс*» (пер. с коми «Сыктывкарская весна») (КРК 2000: 661)) (Что для вас – Коми? 2011: 3)).

Довольно широко в республиканском газетном дискурсе представлена тематика декоративно-прикладного искусства, а значит, и концепт «коми народное искусство». Языковое выражение данная единица имеет через номинации конкурсов среди мастеров-умельцев («*Зарни кияс*» (пер. с коми «Золотые руки») (КРК 2000: 226, 270)) (Деркаева 2011: 4)), названия ремесленных центров (центр ремёсел в с. Выльгорте «*Зарань*» (Юхнин 2010: 2)), а также отдельных произведений народного искусства (сувенир из бересты «*Зарни Ань*» (пер. с коми «Золотая женщина») (КРК 2000: 28, 226)) (Тренькина 2014: 8)). Концепт «авторское изобразительное искусство коми» в данном ракурсе представлен не очень широко. Отметим среди репрезентантов наименование симпозиума скульпторов «*Оттиётти*» (пер. с коми «Вместе») (КРК 2000: 475)) (Джавршян 2010: 10).

Мифология коми народа, напротив, довольно ярко предстаёт на страницах газет Республики Коми. В дискурсе представлены коми мифоантропонимы, мифоперсонимы, мифоэтнонимы, мифодримонимы, демонимы и теонимы (см. Исакова 2014: 162-167). Более того, множество мифоантропонимов являются базой для процесса трансонимизации (об этом см. Исакова 2015: URL), например, имя персонажа *Корт Айка* (досл. с коми «Железный Свёкор») (КРК 2000: 26, 305)) дало название одноимённому фестивалю кузнечного мастерства.

Концепт «коми национальные виды спорта» имеет несколько вариантов вербализаций. Во-первых, это прямые наименования (соревнования по национальным видам спорта «*Изъваса вермасьёмъяс*» (пер. с коми «Ижемские состязания») (КРК 2000: 92,790)) (Артеев, Потехина 2013: 17)), а во-вторых, номинации, в основу которых ложатся символы. К примеру, 2013 год в Республике Коми был объявлен Годом спорта, а его символом выбрали лосёнка Йёрапи. Коми лексема – «*Йёрапи*» (досл. с коми «Лосёнок») (КРК 2000: 252)); знания о том, что лось обитает в лесах Коми республики и присутствует на гербе региона и отдельных его районов, а также визуальный образ самого лосёнка, имеющего подтянутый вид и одетого в спортивную форму, формируют в сознании представителя русскоязычного сообщества концепт «коми национальные виды спорта».

Ещё один концепт, «коми национальная кухня», представлен в области ономастики не очень широко. В основном репрезентантами концепта яв-

ляются наименования праздников («*Чомёр*» (пер. с коми «праздник по случаю окончания сельских работ» (КРК 2000: 710)) (Вовк 2011: 3), «*Черинянь гаж*» (пер. с коми «Веселье по случаю рыбного пирога» (КРК 2000: 134, 702)) (Савеня 2015: 2)) и конкурсов («*Нянь да сов*» (пер. с коми «Хлеб да соль» (КРК 2000: 449, 601)) (там же)). В газетном дискурсе имеются наименования отдельных блюд, однако они не относятся к традиционным блюдам коми народа (бальзам, конфеты). Также нами найдена номинация фольклорного ансамбля «*Тагъя сур*» (пер. с коми «Пиво с хмелем» (КРК 2000: 634)) (Щербинина 2015: 11), однако она в большей степени отражает концепт «коми национальное музыкальное творчество», хотя отсылка к традиционному коми напитку здесь также прослеживается.

Вербализации концепта «географическое пространство Республики Коми» имеют отличительную особенность: репрезентанты данного концепта в газетном дискурсе реже всего имеют переводы на русский язык. Опираясь на классификацию Н.В. Подольской (см. Подольская 1978), мы выделяем астионимы (*Сыктывкар* (досл. с коми «город на Сысоле» (КРК 2000: 260, 798)) (Народная азбука 2011 (1): 21)), комонимы (*Вильгорт* (досл. с коми «Новый дом» (КРК 2000: 132, 149)) (Юхнин 2010: 2)), оронимы (национальный парк «*Югид ва*» (пер. с коми «Светлая вода» (КРК 2000: 76, 775)) (Народная азбука 2011 (2): 21)), лимнонимы (*Юрка-ты* (пер. с коми «озеро Юрки» (КРК 2000: 671)) (Сивкова 2013: 5)), потамонимы (*Эжва* (коми вариант «Вычегда» (КРК 2000: 801)) (Народная азбука 2011 (2): 21)), инсулонимы (*Ди* (пер. с коми «Остров» (КРК 2000: 187) (Артеев 2009: 17)), микротопонимы (камень *Ыджыд из* (пер. с коми «Большой камень» (КРК 2000: 239, 756)) (Башлыкова 2014:9)).

Итак, мы выяснили, что коми наименования в русскоязычном дискурсе Республики Коми активно используются. Разные вербализации отражают те или иные концепты концептосферы «коми национальная культура». В сфере собственных имён коми наименования представлены следующими классами:

- Идеонимы: соревнования Изъваса вермасьёмъяс, фестиваль «Сыктывкарса тулыс», конкурс «Зарни кияс», спектакль «Парма лов» и т.д.
- Топонимы: город Сыктывкар, река Эжва, национальный парк «Югид ва», камень Ыджыд Из и т.д.
- Эргонимы: ансамбль «Эжваса дзоридзъяс», журнал «Арт», дом творчества «Зарань» и т.д.
- Мифонимы: Ёиркап, Шыпича, Парма и т.д.
- Фиктонимы Вөрморт, Ошпи и т.д.
- Хрононимы: Чомёр и т.д.
- Антропонимы/ зоонимы: Илля Вась, лосёнок Ёбрапи и т.д.

– Хремотонимы: фигурка «Зарни Ань», коллекция одежды «Яг Морт» (досл. с коми «Боровой человек» (КРК 2000: 398, 782)) и т.д.

– Этнонимы: изьваса (пер. с коми «ижемский» (КРК 2000: 790))

Вышеупомянутые варианты вербализаций посредством СМК пополняют представление русскоязычных читателей о коми национальной культуре, формируя структуру одноимённой концептосферы.

Артеев А. Встреча с поэтом // Республика. – 2015. – 10 декабря. – С. 7.

Артеев А. Душа и краски легендарной Биармии // Республика. – 2012. – 24 января. – С. 1, 5.

Артеев А. Евгений Цыпанов: «Коми язык постоянно обновляется» // Республика. – 2015. – 12 февраля. – С. 7.

Артеев А. Жизнь и труды Илля Вася // Республика. – 2015. – 10 декабря. – С. 12.

Артеев А. Костры на заливных лугах // Молодёжь Севера. – 2009. – 9 июля. – С. 17.

Артеев А. Псалтырь на коми языке презентовали в Национальной библиотеке // Республика. – 2013. – 26 февраля. – С. 3.

Артеев А., Потехина А. Особенности северного многоборья // Республика. – 2013. – 26 апреля. – С. 8, 17.

Башлыкова Д. Тайны Коквицкой горы // Красное знамя Севера. – 2014. – 14 августа. – С. 9.

Безносилова Л.М., Айбабина Е.А., Коснырева Р.И. Коми-роч кывчукор: 31 кымын кыв / Россияса наукаяс Академиялөн Урал юкөнса Коми наука шөринлөн кыв, литература да история институт; Л.М. Безносилова редакция улын. – Сыктывкар: Коми небӓг лэдзанін, 2000. – 816 л.б. – КРК.

Вовк Л. Чомӓр по-сыктывдински // Красное знамя. – 2011. – 13 октября. – С. 3.

Деркаева Я. И красиво, и полезно // Красное знамя Севера. – 2011. – 2 апреля. – С. 4.

Джавршян Г. Не только для сада скульптур // Красное знамя Севера. – 2010. – 26 августа. – С. 10.

Информационный портал Республики Коми [Электронный ресурс]. URL: <http://komipress.ru/smi/> (дата обращения: 6.10.2015).

Исакова А.А. Концепт «коми язык» в региональном русскоязычном газетном дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 2-х ч. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 2 (56). – Ч. 1. – С. 101–104.

Исакова А.А. Мифонимы в газетном тексте // Газета – черновик истории : сб. статей / отв. ред. Т.В. Симашко. – Северодвинск: Северодвинская типография, 2014. – С. 162–167.

Исакова А.А. Трансонимизация коми мифонимов (на материалах региональных русскоязычных газет Республики Коми) [Электронный ресурс]. URL: <http://azbuka.in.ua/wp-content/uploads/2015/10/Isakova.pdf> (дата обращения: 20.10.2015).

Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка. URL: <http://www.lafa.ru/master199.html> (дата обращения: 6.05.2015).

Лебедько М.Г. Когнитивные аспекты взаимодействия языка и культуры: Сопоставление американской и русской темпоральных концептосфер : дис. ... д-ра филол. наук. – Владивосток, 2002. – 363 с.

Муравьёв В. По следам Перы // Красное знамя Севера. – 2015. – 26 марта. – С. 9.

Народная азбука: от А до Я // Красное знамя. – 2011. – 27 октября. – С. 21.

Народная азбука: от А до Я // Красное знамя. – 2011. – 3 ноября. – С. 21.

Нестерова Н.Г. Современный медиадискурс: в поисках подхода к изучению. URL: http://yspu.org/images/4/46/Нестерова_статья.doc (дата обращения: 4.08.2015).

Печорская Н. «Василей» в новом формате // Красное знамя. – 2012. – 19 января. – С. 20.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1978.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика : монография. – М.: АСТ: «Восток – Запад», 2007. – 314 с.

Об утверждении региональной программы Республики Коми по укреплению единства российской нации и этнокультурному развитию народов России «Республика Коми – территория межнационального мира и согласия (2014-2020 годы) : постановление Правительства РК от 19.12.2013 № 514 [Электронный ресурс]. URL: <http://minnats.rkomi.ru/left/doc/normrk/> (дата обращения: 20.06.2015).

Савеня А. Лучших поваров определяют на празднике «Черинянь гаж» // Республика. – 2015. – 20 июня. – С. 2.

Сивкова А. Зырянские богатыри // Республика. – 2013. – 23 февраля. – С. 1, 4–5.

Тренькина А. Удорская чудь // Красное знамя Севера. – 2014. – 5 августа. – С. 8.

Что для вас – Коми? // Красное знамя Севера. – 2011. – 20 августа. – С. 3.

Щербинина М. Театральный разъезд // Республика. – 2015. – 19 февраля. – С. 11.

Юхнин Я. Главе Коми протрубили о сыктывдинских перспективах // Молодёжь Севера. – 2010. – 10 сентября. – С. 2.

ГЕНЕТИЧЕСКИ И ТИПОЛОГИЧЕСКИ СХОЖИЕ И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ КОМИ И ОБСКО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ

А.Д. Каксин,
ведущий научный сотрудник
ХГУ им. Н.Ф. Катанова
adkaksin@yandex.ru

Коми язык и обско-угорские (хантыйский и мансийский) языки как представители одной семьи имеют много схожих черт. Упоминания о некоторых из них, обусловленных как родством, так и отнесенностью к одной типологической общности, можно обнаружить в энциклопедических и справочных изданиях (см.: Серебренников 1990; Цыпанов 2008: 44–62, 74–86), а также в исследованиях по частным вопросам грамматики названных языков.

Так, в сфере наклонений наблюдается и различие, и сходство. В хантыйском и мансийском языках ряд специализированных форм образуют особое, “неочевидное”, наклонение, а в коми языке этого не происходит (“аналогичные” глагольные формы выражают прежде всего временные значения, а эвиденциальная семантика для них – периферийная). Больше сходства – в сфере императива: для всех трех языков характерна (является ядерной в них) краткая глагольная парадигма, состоящая лишь из синтетических (суффиксальных) форм 2-го лица и 1-го лица мн. ч. (Каксин 2000: 10–13; Цыпанов 2003: 11; Лыскова, Игушев 2010: 80–81).

В хантыйском и мансийском языках слова в составе простого предложения характеризуются построением по схеме S–O–V, т.е. субъект-подлежащее – объект-дополнение (прямое) – предикат (Каксин 2010: 144–147; Лыскова, Игушев 2010: 100).

«В современных пермских языках употребляются модели словоупотребления, характерные как для SOV-, так и SVO-типа, причем прагматическое противопоставление между ними часто отсутствует. ... Отнесение удмуртского языка к типу SOV, а коми языков – к типу SVO во многом условно: при наличии в них одинаковых вариантов словоупотребления с одинаковыми функциями различия наблюдаются лишь в дистрибуции таковых» (Понарядов 2010: 95).

Есть много общего и в лексикологическом смысле, в т.ч. много общих слов, перекрестных заимствований, и часть заимствований определенно объясняется бывшими в прошлом и существующими сегодня языковыми связями. Языковые контакты непосредственно между коми и обскими

уграми (ханты и манси), после длительного периода отдельного развития пермских и угорских языков, начали складываться уже после распада единой пермской ветви в VIII в. н.э., особенно интенсивными были в XI–XIV вв. и менее регулярными – в последующий период.

Понятно, что целый ряд слов, которые встречаются и в коми языке, и в обско-угорских языках, являются не заимствованиями, а, напротив, наследием общего языка-предка. Круг этих слов давно определен финно-угроведами. В качестве первого ряда примеров приведем те слова, что фигурируют в одном из учебных пособий: слова со значениями ‘жила’, ‘кость’, ‘моча’, ‘перо’, ‘печень’, ‘подмышка’, ‘сажень’, ‘сердце’, ‘язык’, ‘яичко’, ‘дядя’, ‘деверь’, ‘имя’, ‘муж’, ‘невестка’, ‘вода’, ‘волна’, ‘заря’, ‘звезда’, ‘река’, ‘береза’, ‘ель’, ‘земляника’, ‘кедр’, ‘морозка’, ‘пихта’, ‘черемуха’, ‘нельма’, ‘олень’, ‘соболь’, ‘бояться’, ‘глотать’, ‘жить’, ‘идти’, ‘умирать’, ‘вариться’, ‘грести’, ‘сеть’, ‘стрела’, ‘длинный’ (Игушев 2006: 147–152).

Очевидно, что при заимствовании хантыйским языком из коми (или наоборот) происходят изменения в огласовке слова, поскольку разнятся фонетические системы двух языков. Фонетика каждого из этих языков складывалась исторически, развивалась специфически для каждого из них (поскольку они оказались в разных группах), и это развитие подробно описано финно-угроведами – лингвистами (см., напр.: Майтинская 1990; Серебренников 1990; Некрасова 2000).

В первую очередь это касается звонких согласных и аффрикат: в коми языке они естественны, а в хантыйском их почти совсем нет. Поэтому при переходе слов из коми языка в хантыйский язык происходит оглушение звонких согласных и замена аффрикат на близкие по артикуляции звуки. Второй ряд примеров, иллюстрирующих названные процессы, взят из «Диалектологического и этимологического словаря хантыйского языка» (DEWOS).

lătkaş (KazSt.): *lătkaş* $\chi\varrho$ (=w ϱ l'a $\chi\varrho$) freigebiger Mensch, der immer schenkt, schenken will / щедрый человек.

Wohl < sy., vgl. V *liškïd* ‘freigebig’. Die ostj. Form kann durch Metathese < **lăškat* entstanden sein (St.) [DEWOS, 812].

tăškam (Ni.), Kaz. *lăškam*, Sy. *lăškam*, O *liškâm*, PB *leškam*, Reg. *leschkâm* geräumig, weit (z. B. Haus, Stube: Ni.–O; Weideland: Ni.); weit, lose (Kleidungsstück, Gürtel; Ni. Kaz. O); исправный, genügend groß, passend (Schuh; Ni.); gut auskommend, gut, ohne Mangel lebend (Mensch; Ni. Kaz. O); wohlhabend, begütert (O); reich (an Speisen; PB). – Sy. *lăškam* $\chi\varrho$ t geräumiges Haus.

Ni. *tăšət* = *tăškam*. Hierher wohl: Ahl. *lāseł* [-l statt -t!] geräumig. – KT 1095.

< sy., vgl. V *leşid* ‘passend, angemessen ua.’; **leşgęm* (Congressus FU 1, 193). Sy. wohl auch > wog. T *lat’šat*, KU-M *lašt*, LO So *lošit* ‘geräumig’ (St.; vgl. dagegen Liimola, FUF 33, 331) [DEWOS, 813-814].

lakat- (Kaz.), LitKaz. 14: 7 *lakam-* verachten / презирать; – als schlecht bezeichnen, tadeln, bemängeln (z. B. der Kaufmann die Felle, wenn er den Preis hinunterdrücken will; Kaz.)

Ahl. *lakta-* verachten, geringschätzen. – KT 477b.

Wohl < sy. **l’akęd-*, vgl. Wied. *l’ak-* ‘beschmutzen, ... tadeln, mißbilligen ...’ (Fokos-Fuchs, 1959 mündlich) [DEWOS, 829].

И, напротив, при переходе слов из хантыйского языка в коми язык часто происходит озвончение глухих согласных, а также появляются аффрикаты, заменяющие определенные согласные хантыйского языка. О таких словах можно прочесть в одной из работ Е.А. Игушева.

«В коми языке можно обнаружить ряд лексических заимствований, восходящих к хантыйскому и мансийскому оригиналам, представляющих собой реалии из быта, хозяйственно-трудовой деятельности и естественно-географических условий жизни обских угров.

Рассмотрим некоторые из них:

Хант. *jo//rte p/r* – бурав > коми *пыридз* «пешня»

Манс. *uns, us* «нельма», в хантыйском – *unc, wuns* > коми удж. Данный вид рыбы встречается в обско-угорских языках, а также в селькупском. На коми языке это название не этимологизируется. Оно было заимствовано из обско-угорских языков вместе с реалией, которую при переселении с юга, с Камы, коми встретили в местах проживания северных соседей – обских угров.

Манси: N vos: *ruta-vasa* «seine Verwandtschaft, seine Abkommlinge» – вуж: родыд-вужыд; N *vostal* «ohne Erbe» – без наследства, дословно: без корня;

Хант. *wac: ix wac* «Grenze zwischen Kopf und Hals» – корень головы, дословно: граница между головой и шеей, в «Уральском этимологическом словаре» это слово отмечено как заимствование из коми языка (UEW: 548)» (Игушев 2005: 126–128).

Значительный вклад в изучение вопроса иноязычного происхождения слов в хантыйских диалектах внесли В. Штейниц и его сотрудники, о чем можно судить по словарю, вышедшему отдельными выпусками в течение почти 30 лет. Примечательным является и сама форма подачи материала в данном словаре: даются все диалектные варианты слова, его значения (также по диалектам), а также сведения о происхождении (при этом обычно имеется ссылка на другие работы в области финно-угроведения). Далее

приведем еще несколько примеров, свидетельствующих о результативности работы, проведенной авторами-составителями DEWOS.

kqs Kaz. ... сила, (durch Wohlstand verliehene) Kraft, Macht; Wohlstand.

< sy. *qos* '... Vorteil, Gewinn' ... [DEWOS, 690].

walək (VT Vj.), SurT walek, SalT wolek, Ni. wolax, Kaz. wolak, O walax, Ahl. volix скользкий, гладкий, *glatt*, *glitschig* (schneefreies Eis, Stelle auf dem Weg ua.); – чистый, открытый, безлесый, *offen*, *baumlos* (Vj.). – Vj. walek-jar чистый сор. ...

< sy. V usw. volk 'Glatteis; glatt' (Redei. Sy. Lehnw. im Wog. 92) [DEWOS, 1592].

wet'sə (Š), Kaz. welsi, Sy. welsi, am Ob und weiter unterhalb welos, O welos, PB veltsi сейчас, soeben; sofort (Kaz. Sy. O); недавно, vor kurzem (S O); потом, danach (Š Kaz. Sy.). – Kaz. ma talti werlempa, nan welsi wuje wenn ich (das Gefäß) leer mache, dann nimm es!

< sy., vgl. V vel'is 'gerade jetzt' (FUF 32, 24) [DEWOS, 1593].

Таким образом, словарь В. Штейница и его сотрудников служит серьезным подспорьем для специалистов в области финно-угорской этимологии. Что касается нашей темы: судя по этому словарю, заимствований из коми-зырянского в хантыйские диалекты – достаточно много, что позволяет говорить о том, что было несколько периодов тесных и длительных контактов между двумя языками за последние три тысячелетия (т.е. после распада финно-угорского единства). По характеру данной лексики можно пытаться установить и сами эти периоды, но это уже тема специального исследования.

Сокращения языков и диалектов в DEWOS

Kaz. – казымский диалект хантыйского языка; *Ni.* – низямский диалект хантыйского языка; *O* – обдорский диалект хантыйского языка; *Sy.* – сыньский диалект хантыйского языка; *su.* – коми (зырянский) язык; *Š* – шеркальский диалект хантыйского языка; *V* – ваховский диалект хантыйского языка; *Vj.* – васюганский диалект хантыйского языка.

Игушев Е.А. Хантыйские реалии в диалектах коми языка (по материалам героического эпоса) // Героический эпос обских угров: наследие и современность : материалы VI Югорских чтений : сборник научных статей. – М.: Изд-во «ИКАР», 2005. – С. 123–128.

Игушев Е.А. Применение данных финно-угроведения в школе : учебно-методическое пособие для студентов / Югорский государственный университет. – Ханты-Мансийск, 2006. – 164 с.

Каксин А.Д. Категория наклонения-времени в северных диалектах хантыйского языка. – Томск: Изд-во Томского университета, 2000. – 122 с.

Каксин А.Д. Казымский диалект хантыйского языка / Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок. 2-е изд., доп. – Ханты-Мансийск, 2010. – 176 с.

Лыскова Н.А., Игушев Е.А. Историческая грамматика мансийского языка : учебное пособие для студентов / Югорский государственный университет. – Ханты-Мансийск, 2010. – 166 с.

Майтинская К.Е. Финно-пермские языки // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 548-549.

Некрасова Г.А. Коми кывлӧн историческӧй фонетика. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2000. – 170 л.б.

Понарядов В.В. Порядок слов в пермских языках в сравнительно-типологическом освещении (простое предложение) / ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 2010. – 120 с.

Серебренников Б.А. Финно-угорские языки // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 549.

Цыпанов Е.А. Категория наклонения коми глагола. Императив. – Сыктывкар, 2003. – 32 с. (Научные доклады / Коми НЦ УрО РАН. Вып. 458).

Цыпанов Е.А. Сравнительный обзор финно-угорских языков / ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар: Кола, 2008. – 216 с.

Steinitz W. Dialektologisches und etimologisches Wörterbuch der Ostjakischen Sprache (DEWOS). – Berlin, 1966-1993. – 2023 s.

Uralisches etymologisches Wörterbuch (UEW) / Karoly Redei, unter Mitarbeit von Marianne Bakro-Nagy, Sandor Csucs, Istvan Erdei, Laszlo Honti, Eeva Korenchy, Eeva K. Sal und Edit Vertes. – Budapest: Akademiai Kiado, 1988. – 905 s.

КОМИ ЯЗЫК И ЛЕКСИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ: ГЛАГОЛЫ ПАДЕНИЯ¹

Е.В. Кашкин,
научный сотрудник
Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

1. Введение

Статья посвящена семантике глаголов падения в коми языке в типологическом аспекте. Глаголы этой зоны описывают неконтролируемое движение сверху вниз без контакта с поверхностью в процессе движения (ср. рус. *упасть, свалиться, опрокинуться, рухнуть, вылиться, осыпаться*,

¹ Исследование поддержано грантом РГНФ № 14-04-00476.

шлепнуться и др.). Несмотря на обширный интерес лингвистов к глаголам движения, глаголы падения, будучи важным их подклассом, долгое время оставались на периферии исследований.

Данная работа включена в направление лексической типологии, которая изучает межъязыковое варьирование структуры семантических полей, ср. проекты по изучению глаголов плавания (Майсак, Рахилина (ред.) 2007) или температурных выражений (Koptjevskaja-Tamm (ed.) 2015). Мы следуем фреймовому подходу к лексической типологии, обобщенному в работе Е.В. Рахилиной и Т.И. Резниковой и предполагающему сочетаемостный анализ лексем как базу их семантического описания (Рахилина, Резникова 2013).

Наше исследование выполняется в рамках типологического проекта, о первых результатах которого см. (Кузьменко, Мустакимова 2015; Reznikova, Vugenkova 2015; Кашкин, Плешак 2015; Кашкин и др. 2015). На текущий момент проект учитывает данные 23 языков (славянских, германских, романских, уральских, алтайских, кавказских и др.).

Материал статьи собран в 2015-2016 гг. в ходе полевой работы с носителями ижемского диалекта в Ямало-Ненецком АО (села Мужи, Овгорт, Самбург, отдельные примеры от носителей, проживающих в с. Белоярск и в г. Салехарде). Собранный материал сопоставлялся с доступной в словарях информацией о литературном языке и о других диалектах, но результаты этого сопоставления не обсуждаются в данной статье подробно.

Мы рассматриваем прямые употребления глаголов падения (ср. рус. *Мальчик упал с дерева; Бутылка упала на пол*), ориентируясь в первую очередь на имеющуюся систему признаков (Кузьменко, Мустакимова 2015). Нестандартные для этой системы явления коми языка будут обсуждаться отдельно. Метафорические расширения (ср. рус. *Курс рубля падает*) не рассматриваются в этой статье, за исключением отдельных случаев, наиболее важных для нашего изложения.

2. Базовые глаголы падения

2.1 Доминантный глагол: *усьны*

Базовым глаголом падения в обследованных идиомах является лексема *усьны*. Именно она является нейтральной для описания падения человека или животного: *Мужык усис мушку вылас* ‘*Мужчина упал на спину*’ (с. Самбург). Она же характеризует падение субъекта с одной поверхности на другую: *Картопельыс пызан кузяыс тыраліс и усис нос вылас* ‘*Картофелина покатила по столу и упала на пол*’ (с. Самбург).

Глагол *усьны* не налагает ограничений на тип начальной точки. Помимо падения с одной поверхности на другую, он может описывать выпадение

ние субъекта из контейнера: *Джидж усис позсьыс* ‘Птичка **выпала из гнезда**’ (с. Овгорт); из плотной среды (например, о зубе из десны) ср: *Челдьыслэн усис том пиньыс* ‘У ребенка **выпал молочный зуб**’ (с. Самбург); падение с подвеса: *Яй пёртнум усема крjочоксьыс, колэ кыпэдны* ‘Наш котел для мяса **упал с крючка**, надо поднять’ (с. Самбург); или из положения вокруг к.-л. объекта: *Менам чуньсьыс уси чунькытши* ‘У меня с пальца **упало кольцо**’ (с. Овгорт). Этот же глагол характеризует падение субъекта, сопровождающееся его отделением от того объекта, к которому он прикреплен: *Визьлысян усема стенсьыс* ‘Зеркало **упало со стены**’ (с. Самбург).

Глагол *усьны* применим в обследованных говорах и к выпадению осадков (*Лым усэ* ‘Снег идет (букв.: падает)’ – с. Овгорт). По отношению к дождю более естествен глагол *зэрны* ‘идти’ (о дожде), но и возможность использования глагола *усьны* не отвергается опрошенными носителями.

Наконец, глагол *усьны* описывает местоположение ниже нормального уровня (*Юрси усэ син вылам* ‘Волосы падают мне на глаза’ (с. Самбург)).

2.2. Падение из вертикального положения: *пёрны*

Еще один глагол – *пёрны* – характеризует падение из вертикального положения в горизонтальное (например, таких субъектов, как бутылка, забор, стол, падающая на бок нарта), сравните: *Ме гырдянам вёрзеді сулиясэ, и сулияыс пёрис / #усис*¹ ‘Я задел локтем бутылку, и **бутылка опрокинулась**, оставшись при этом на столе (с. Самбург)’ vs. *Сулияыс усис / *пёрис пос вылэ* ‘**Бутылка упала** на пол со стола (с. Самбург)’; *Поскыс бероо, да пызаныс пёрри* ‘Пол косой, и **стол опрокинулся**’ (с. Мужи). В данном случае коми язык отражает типологически частотную оппозицию. Интересно при этом, что глагол *пёрны* обычно не применяется к человеку, так как его падение обычно описывается глаголом *усьны*.

Некоторые контексты допускают вариативность глаголов *пёрны* и *усьны*. Так, они оба применимы к падающему дереву или столбу: *Топыд тйсьыс нияыс пёрис / усис* ‘От сильного ветра **лиственница упала**’ (с. Самбург); *Кыдьдьыс сисьмема и пёрэма / усема* ‘**Береза сгнила и упала**’ (с. Мужи). Можно предположить, что глагол *усьны* равнодопустим здесь с *пёрны* как результат метонимического переноса, изначально описывающего падение верхушки на наблюдателя, затем – падение целого дерева или столба. Некоторые опрошенные информанты предлагают другую интерпретацию, понимая глагол *усьны* как указывающий на завершённое падение, а глагол *пёрны* – как на незавершённое падение, наклон: *Пуыс*

¹ Глагол *усьны* возможен в этом предложении, но тогда оно будет означать, что бутылка упала с одной поверхности на другую, например со стола на пол.

тай *пӧрэма*, *абу пыр-пырэдь му вылас* ‘Дерево наклонилось, не до конца к земле’ (с. Мужи), *Потшэсыс нин зэй важмема, и сыя нин пӧрэма* ‘Забор уже совсем постарел, и он уже покосился’ (с. Овгорт).

2.3 Жидкости, сыпучие вещества, множественные субъекты: *киссьыны*

В коми языке значения ‘литься’ и ‘сыпаться’ выражаются одним и тем же глаголом – *киссьыны*: *Ва киссье* ‘Вода льется’ (с. Мужи); *Пызьыс киссьис* ‘Мука просыпалась’ (с. Мужи). Только в зоне жидкостей противопоставляется падение массы ‘литься’ и отдельных квантов ‘капать’, последнее значение выражается глаголом *виёоны*, не сочетающимся с названиями сыпучих веществ.

Интересно, что глагол *киссьыны* распространяется на некоторые контексты падения множественного субъекта (например, спелой морошки, листьев с дерева, шишек с кедра, а также зубов): *Арнас корьясыс пуяссъыс киссьеныс* ‘Осенью листья с деревьев падают’ (с. Мужи); *Пӧрысь дедлэн став пиньыс нин киссьисныс* ‘У старого дедушки все зубы уже выпали’ (с. Овгорт). В таких контекстах возможен и глагол *усьны*. В свою очередь, глагол *киссьыны* не используется с единичным субъектом: *Дедэлэн водь пиньыс усис / *киссьис* ‘У моего дедушки передний зуб выпал’ (с. Овгорт).

Поскольку типологически зона множественного субъекта падения изучена пока не очень подробно и данные коми языка вносят вклад в понимание ее устройства, сочетаемостные ограничения глагола *киссьыны* оказываются не вполне тривиальны. Так, этот глагол нельзя употребить по отношению к множеству дискретных крупных предметов (например, о падении чашек со стола или людей из лодки): *Пызан выысьыс став чашкаясыс усисныс/*киссьисныс и жугласисныс* ‘Со стола все чашки упали и разбились’ (с. Мужи), и в целом он связан с падением множеств, структура которых приближена к сыпучей массе. Вместе с тем лексема *киссьыны* не применяется к таким субъектам, как волосы и шерсть: *Дедэлэн став юрсиыс усема/*киссьема* ‘У дедушки все волосы выпали’ (с. Мужи). Из этой закономерности можно усматривать исключение – приведенный выше контекст выпадения зубов у пожилого человека. Его, однако, можно связывать с другой особенностью семантики *киссьыны* (это соответствует и языковой интуиции некоторых информантов) – сдвигом данного глагола в контексты обветшания/разрушения (см. раздел 3.3). Тем самым в выборе лексем *киссьыны* для описания множественного субъекта сложным образом взаимодействует целый ряд факторов: степень дискретности субъекта, наблюдаемость падения как единого процесса, разрушение субъекта в процессе падения.

3. Смежные классы

Для семантической зоны падения отмечается смежность с другими семантическими полями. В некоторых случаях она проявляется в полисемии лексем (ср. сдвиг рус. *полететь с лестницы* в семантику падения). Иногда смежность полей отражается в конструкционном варьировании, см. (Кашкин, Плешак 2015) о вариативности управления типа *имякнуться на что-л.* vs. *о что-л.*: в первом случае глагол используется в той же конструкции, что и глагол *упасть*, а во втором случае – в той же, что и глагол *удариться*. В этом случае происходит сближение зон падения и удара, поскольку конструкции обеих зон реализуются у одной и той же лексемы. Такие примеры поднимают целый ряд интересных вопросов к типологии – в частности, о том, какие ситуации падения описываются глаголами, смежными с другими полями, какие именно поля смежны с полем падения и как эта смежность проявляется в языке. Рассмотрим далее вклад коми языка в решение этих вопросов.

3.1 Утопление

Е.А. Кузьменко, Э.Г. Мустакимова в качестве периферии зоны падения рассматривают контексты проваливания в слой или под к.-л. поверхность (ср. рус. *провалиться в снег, под лед*) (Кузьменко, Мустакимова 2015: 149–160). В коми языке такие контексты покрываются глаголом *вӧйны*, этимологически (Лыткин, Гуляев 1970: 66) означавшем ‘тонуть’: *Ме пидесэде вӧйи теликас* ‘Я по колено **провалился в сугроб**’ (с. Самбург), *Ме вӧйи йи улэ* ‘Я **провалилась под лед**’ (с. Овгорт). Поведение глагола *вӧйны* интересно сопоставить с его русским переводным эквивалентом *провалиться*, а также с мокшанским когнатом *vajats* ‘тонуть, провалиться’. Русский и мокшанский глаголы, помимо упомянутых контекстов, используются в ситуации падения в отверстие (например, если человек провалился в яму или монетка провалилась в щель в полу). В свою очередь, глагол *вӧйны* в таких контекстах не употребляется: он может сочетаться с конечной точкой – названием отверстия, но тогда внутри этого отверстия должна находиться жидкость или топкое вещество, что необязательно для русского или мокшанского глаголов. Так, предложения типа *Пемыднас ме вӧйи гӧнтас* ‘В темноте я **провалился в яму**’ (с. Овгорт) возможны, по оценкам информантов, только если яма заполнена водой или какой-либо топкой массой.

Таким образом, коми язык, во-первых, демонстрирует связь периферийных (в рамках типологической схемы) контекстов падения с зоной утопления, а во-вторых, при сопоставлении с материалом других языков помогает выявить не учтенную ранее точку типологического варьирования – контекст падения в отверстие. Полисемия этого глагола высвечивает и

проблемную точку типологической анкеты: если в зону падения включаются контексты проваливания в снег, в целом укладывающиеся в общее понимание этой зоны, но предполагающие контакт субъекта с внешней средой, то, не исключено, следует рассматривать в этой же зоне и глагол ‘тонуть’, точно так же описывающий неконтролируемое движение вниз внутри плотной среды.

3.2 Звук

В типологическом исследовании глаголов звука (Kashkin et al. 2012) отмечалась смежность поля падения с обозначениями ситуаций появления звука. Лингвистически это проявляется на конструкционном уровне, ср. приведенные в (Kashkin et al. 2012) немецкие примеры *Als er fiel, hat es wirklich geplumpst* ‘Когда он упал, **раздался** сильный **грохот**’ и *Der Sack plumpste auf den Boden* ‘Сумка **грохнулась** на пол’. Глагол звука *plumpsen* во втором примере наследует валентность конечной точки из фрейма падения. Такие примеры встречаются и в коми языке: *Кӧрт усяс да брингысяс* ‘Железо упадет и **брякнется**’ (с. Мужи) vs. *Восьтанъяс брингысисныс поскас* ‘Ключи **брякнулись** на пол’ (с. Мужи). В первом примере глагол *брингысьны* ‘брякнуться’ описывает звук соударения небольшого металлического предмета с конечной точкой падения, а во втором примере он сам приобретает валентность конечной точки и конструкционно сдвигается в класс падения. Сам выбор глагола звука регулируется при этом параметрами, свойственными для поля звука, – это акустические характеристики звука, тип субъекта, тип ситуации и др., см. (Kashkin et al. 2012).

Некоторые глаголы коми языка обозначают одновременно падение и сопутствующий звук. Наиболее интересен в этом отношении глагол *бузгысьны*. Он может аналогично русскому ‘бултыхнуться’ описывать падение тяжелого предмета в воду: *Сьӧкыд изйыс бузгысис ваас* ‘Тяжелый камень бултыхнулся в воду’ (с. Мужи). Наряду с этим глагол *бузгысьны* применяется к шумному падению самой воды: *Ваыс тай бура бузгысис кыське* ‘Вода сильно выплеснулась откуда-то’ (с. Мужи), а также, что примечательно, встречаются примеры его использования в ситуации шумного падения сыпучей массы: *Бура тай панолыс бузгысис* ‘Сильно крупа высыпалась’ (с. Мужи). Тем самым идея лексического объединения жидкостей и сыпучих веществ, реализующаяся в семантике базового глагола *киссьыны* ‘литься, сыпаться’, проявляет себя и в области идеофонных глаголов, обозначающих падение со звуком.

3.3 Разрушение

Согласно типологическим данным, особым типом ситуации является падение в процессе разрушения, ср. рус. *дом рухнул; берег обвалился; ста-*

рый мост обрушился. Материал коми языка соответствует этому предсказанию, но одновременно в этой зоне развивается не обсуждавшееся ранее в типологии противопоставление между падением и одновременным разрушением, с одной стороны, природного объекта и, с другой – артефакта. В рассмотренных нами идиомах используется глагол *буждыны*, описывающий обрушение берега, массы снега, земли, камней: *Киеватын берегыс зэй буждэ, ин мун матэ, усян ваас* ‘В Киевате берег очень **осыпается**, не подходи близко, упадешь в воду’ (с. Мужи); *Ваас буждӱсныс изьясыс бересыс* ‘В воду **обвалились** камни с берега’ (с. Мужи). Что же касается артефактов, например дома или моста, то к ним глагол *буждыны* в рассматриваемых нами говорах не применяется. Их падение, сопровождающееся разрушением, описывается доминантной лексемой *усьны* ‘падать’, либо эта ситуация сдвигается в смежный фрейм и характеризуется глаголом *жугласьны* ‘ломаться, разрушаться’. Заметим, что в коми диалектах глагол *буждыны* развивает, по данным (КСК 2012: 112), и другие значения из зоны разрушения, уже не ограниченные, как в говорах зауральских ижемцев, природными объектами: ‘износиться, обветшать’ (об одежде); ‘развалиться’ (например, о доме). С другой стороны, тот же диалектный словарь фиксирует у этого глагола переносное значение ‘родить’, развитие которого можно связывать уже с фреймом перемещения. Оно известно и некоторым пожилым носителям говора с. Мужи, хотя и оценивается ими как устаревшее: *Абу на буждэма* ‘Не **родила** еще’ (с. Мужи). В целом, вся семантическая сеть глагола *буждыны* в диалектах коми языка указывает на смежность семантических зон падения и разрушения.

Связь с зоной разрушения обнаруживается у глагола *киссьыны* ‘литься; сыпаться’. Этот факт уже был упомянут в разделе 2.3 в связи с тем, что контекст выпадения многих зубов, характерный для этого глагола, иногда связывается носителями именно с идеей разрушения. Помимо этого, глагол *киссьыны* развивает значения ‘износиться, изорваться’ (об одежде), ‘развалиться’ (например, о старом доме): *Эта дӱрэмьслы комын во, сьа ставнас киссьис, сӱе колэ шыбитны* ‘Этой рубашке тридцать лет, она вся **изорвалась**, ее надо выбросить’ (с. Белоярск); *Керкаыс важ нин и киссье* ‘Дом старый уже и **разваливается**’ (с. Овгорт). В контекстах деформации с узко ограниченной локализацией глагол *киссьыны* не используется. Можно предполагать, что такая ситуация более далека от падения объемной сыпучей массы, чем разрушение субъекта на большой площади: *Менам вьль дӱрэме косясис / *киссьис: ме тӱрмаси и кӱрттуе ерми* ‘У меня новая рубашка **порвалась**: я торопился и зацепился за гвоздь’ (с. Белоярск).

3.4 Вращение

Еще одним классом, смежным с зоной падения, оказываются глаголы вращения. Связь этих зон отмечалась в других языках, ср. мордовский глагол *велямс*, означающий в мокшанском языке ‘падать, опрокидываться’, а в эрзянском – ‘кружиться’ (например, в танце или о листьях). В коми языке смежность зон падения и вращения проявляется в системе метафор. Глагол *пӧрны*, исходно описывающий падение из вертикального положения (раздел 2.2), продуктивно развивает значение ‘превращаться во что-л.’: *Вабыс пӧрис йиэ* ‘Вода превратилась в лед’ (с. Самбург); *Детинаыс пӧрис ыджыд морт вылэ* ‘Мальчик превратился во взрослого человека’ (с. Самбург). В то же время, метафоры превращения свойственны и для глагола *бергеччыны* ‘повернуться, перевернуться’: *Мойдас детинаыс бергеччис теляэ* ‘В сказке мальчик превратился в олененка’ (с. Самбург). Встречаются такие метафоры, согласно (Круглякова 2010), и у глаголов вращения в других языках, ср. в английском *to turn green*. Надо заметить, что в коми языке возникает дифференциация между метафорами превращения из двух смежных зон: для глагола *пӧрны* такие употребления весьма продуктивны и, по нашим данным, не несут дополнительной окраски, тогда как для глагола *бергеччыны* они сводятся к ситуациям быстрого превращения, часто в сказочных контекстах.

4. Итоги

Итак, коми язык, в целом укладываясь в типологическую схему, демонстрирует ряд особенностей устройства глаголов падения. Во-первых, это неоднородность контекстов падения из вертикального положения (объекты типа дерева с верхушкой выше наблюдателя могут описываться не только специальным глаголом *пӧрны*, но и более общим глаголом *усьны*). Во-вторых, одна и та же лексема передает значения ‘литься’ и ‘сыпаться’, захватывая также некоторые типы множественных субъектов. В-третьих, в зоне падения с разрушением противопоставлены природные объекты и артефакты. Кроме того, наш материал демонстрирует лингвистическую смежность глаголов падения с другими семантическими зонами (утопление, разрушение, звук, вращение), проявляющуюся в полисемии, сочетании элементов значения (глаголы падения со звуком) и конструкционном варьировании. Отметим, наконец, перспективу и необходимость дальнейшего применения типологического подхода к детальному исследованию лексики коми языка.

Безносикова Л.М., Айбабина Е.А., Забоева Н.К., Коснырева Р.И. Коми сёр-нисикас кывчукөр / Словарь диалектов коми языка : в 2 т. – Сыктывкар: Кола, 2012. – 1096 с.

Глаголы движения в воде: лексическая типология / под ред. Т.А. Майсак, Е.В. Рахилина. – М.: Индрик, 2007. – 752 с.

Кашкин Е.В., Жорник Д.О., Закирова А.Н., Кожемякина А.Д., Плешак П.С. К лексической типологии глаголов падения: данные уральских языков // Двенадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей : тезисы докладов (Санкт-Петербург, 19–21 ноября 2015 г.). – СПб.: Нестор-История, 2015. – С. 41–44.

Кашкин Е.В., Плешак П.С. Идеофонические глаголы падения: семантические наблюдения и перспективы типологии (корпусное исследование) // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 3. – С. 137–142.

Круглякова В.А. Семантика глаголов вращения в типологической перспективе : дис. ... канд. филол. наук. – М.: РГГУ, 2010. – 350 с.

Кузьменко Е.А., Мустакимова Э.Г. Глаголы падения в лексико-типологической перспективе // Типология морфосинтаксических параметров. – М.: МПГУ, 2015. – Вып. 2. – С. 149–160.

Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. – М.: Наука, 1970. – 986 с.

Рахилина Е.В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. – 2013. – № 2. – С. 3–31.

Kashkin E.V., Reznikova T.I., Pavlova E.K., Luchina E.S. Verbs describing sounds of inanimate objects: towards a typology // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2012 г.). Вып. 11 (18) : в 2 т. Т. 1. Основная программа конференции. – М.: Изд-во РГГУ, 2012. – С. 227–236.

Linguistics of temperature / Ed. M. Koptjevskaja-Tamm. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2015. – 934 p.

Reznikova T., Vyrenkova A. Semantics of falling: a cross-linguistic approach // HSE Working Papers. Series: Linguistics, WP BRP 40/LNG/2015. Электронная публикация. – URL: <https://www.hse.ru/data/2015/12/29/1136293661/40LNG2015.pdf>.

ИЗ ИСТОРИИ БУКВЕННОЙ ФИКСАЦИИ АФФРИКАТ В УДМУРТСКОЙ И КОМИ-ПЕРМЯЦКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ*

В. К. Кельмаков,

профессор Удмуртского государственного университета,
finnugor@mail.ru

Проблема, обозначенная заголовком доклада к XVI Международному симпозиуму по пермским языкам, в целом-то не нова, если учесть то, что к этому времени уже:

1) история удмуртской графики, в том числе и буквенной фиксации аффрикат, получила определенное освещение в небольших обобщающих статьях Т.И. Тепляшиной (1965), И.В. Тараканова (2000; 2007), В.К.Кельмакова (2003; 2008) и др.;

2) написана кандидатская диссертация об аффрикатах современного удмуртского языка и изданы по ней препринт и ряд статей (Белова 2000; 2000а; 2000б; 2001; 2002; и др.);

3) подробно исследовано становление и развитие удмуртской графики в XVIII и в начале и середине XIX вв. Л.М. Ившиным в его монографии и серии статей, в которых определенное внимание обращено и на фиксацию аффрикат (Ившин 2010; 2011; 2012; и др.).

В данной же работе ставятся несколько иные задачи, такие как: 1) проследить постепенную мену букв и/или их сочетаний, служащих для обозначения специфических звуков удмуртского языка, какими являются также и аффрикаты, по некоторым, хронологически последовательным, памятникам удмуртской письменности конца XVIII – начала XX века; 2) выявить использование некоторых удмуртских знаков-букв также и на коми-пермяцком письме.

Четко структурированная микросистема четырех аффрикат удмуртского и коми языков, состоящая из оппозиции пары велярных (č, ž) паре палатальных (č', ž') согласных (т. е. č : č' и ž : ž'), с одной стороны, и пары глухих (č, č') паре звонких (ž, ž') консонантных единиц (т. е. č : ž и č' : ž'), – с другой, была сформирована, как общеизвестно (см., напр.: (Uotila 1933: 21)), еще в прапермский период на базе финно-угорской пары глухих аффрикат *č и *č' (или *č') двумя основными способами:

*Искренне признателен Л.Г. Пономаревой за то, что некогда обратила мое внимание на употребление “удмуртских” букв č, ž и ž' в одном из коми-пермяцких букварей, изданном в 1908 г. в Казани (Букварь 1908), а также А.С. Лобановой за предоставление в мое распоряжение электронной копии коми-пермяцких букварей, изданных на рубеже XIX и XX вв. (Букварь 1897; 1900; 1908).

1) путем деназализации финно-угорского инлаутного сочетания носовых согласных с гоморганными глухими аффрикатами (фуг. *-nč- > прап. *-ž(-); *фуг. *-ńč'- > прап. *-ž'(-));

2) путем спорадического озвончения анлаутных глухих согласных, в их числе и инициальных аффрикат (фуг. *č- > прап. *č- ~ *ž-; фуг. *č'- > прап. *č'- ~ *ž'-), а порою и между 1-м и 2-м слогами финно-угорской непроемной основы.

Частотность анлаутных звонких аффрикат в праудмуртский период несколько увеличилась за счет субституции финно-угорского инициального *r- звонкими аффрикатами: в зависимости от комбинаторных условий – (а) или согласным *ž-; (б) или *ž'- (подробнее см.: (Uotila 1933: 47–51; Бубрих 1948: 81–82); и др.).

Таким способом к началу возникновения удмуртской письменности в первой трети XVIII в. (как на латинице, так позднее и на кириллице) большинство удмуртских (да и коми) диалектов оказалось наиболее аффрицированными среди всех других финно-угорских языков. Они-то (аффрикаты) и представляли собой особую сложность для фиксации в ранних памятниках удмуртской письменности средствами как латинской графики, так и кириллицы. Речь в данной работе пойдет лишь об отдельных из тех памятников, которые составлены и изданы на кириллице.

Характерное для ранних памятников удмуртской письменности обозначение глухих аффрикат однобуквенно: фонемы č – буквой ч, фонемы ч – буквой ц; звонких же аффрикат žс и žс сочетанием двух букв – дж и дз (+ палатальность, отмеченная буквой ъ или йотированными гласными е, ё, ю, я и буквой и) – появилось в самых крупных письменных памятниках XVIII в. – в грамматиках 1775 и 1786 гг. (Соч. 1775; Могилинъ 1786) и словаре 1785 г. (Кротовъ 1785), напр., в первой удмуртской грамматике:

č (= č) = ч: *Чинкы́дь* 'небо, твердь' (Соч. 1775: 13); *Чукъ* 'утро' (Соч. 1775: 14); *Кочò* 'сорока', *Чанà* 'галка' (Соч. 1775: 27) и др.;

ч (= č') = ц (ц'): *Цебэ́ръ* 'красота', *Ареки́янь* 'обманъ' (Соч. 1775: 15); *Цирдыкись* или *цирдысь* 'чтець', *Цюры́къ* 'строчка' (Соч. 1775: 17); *Кúць* 'крестъ', *Цини́* 'палець' (Соч. 1775: 19); *Цюмо́лѳ* 'копна' (Соч. 1775: 21); *Цеце́гъ* 'синица' (Соч. 1775: 27); *Куця́нѳ* 'щенокъ' (Соч. 1775: 29) и др.;

žс (= ž) = дж: *Джы́тъ* 'вечеръ' (Соч. 1775: 13); *Джомы́тъ* 'сумерки' (Соч. 1775: 14); *Джы́къ* 'каша' (Соч. 1775: 24); *Вуджы́* 'лучокъ' (Соч. 1775: 34); *Джужы́тъ* 'высокій' (Соч. 1775: 39) и др.

žс (= ž') = дз (дз'): *Дзе́цъбусъ* 'доброй духъ' (Соч. 1775: 13); *Дзы́ръ* 'зоря' (Соч. 1775: 14); *Дзю́сь* 'лавка' (Соч. 1775: 30); *Дзю́ць* 'рускій' (Соч. 1775: 39) и др.

В этой четко структурированной системе обозначения аффрикат в Сочинениях можно заметить три вида отступлений:

1) явно ошибочная запись слов с аффрикатами, где перепутаны буквы, напр., использование в единичных случаях буквы *з* с последующей йотированной буквой (= *з'*), вместо сочетания *дз*, для обозначения фонемы *ѣ*: *Зюцьгуби* 'грибъ' (букв. 'русский гриб') (Соч. 1775: 21) – но: буквосочетания *дз* в том же самом корне: *Дзюць* 'рускій' (Соч. 1775: 39). (Кстати, ошибочное употребление буквы *ч* для фиксации фонемы *ч* в другом памятнике XVIII в. – словаре З. Кротова – встречается весьма часто, ср.: *чукъ* 'утро' (совр. *џук*), *чупеть* 'зарубка' (совр. *џупет*) – но: *чурьить* 'жестокій, твердый, твердь' (совр. *чурьит(-)*), *чутыско* 'хромаю' (совр. *чутійсько*) и др. (Кротовъ 1785: 259–260));

2) фиксация аффрикаты *ѣ* посредством одной лишь буквы *з* в сочетаниях данной аффрикаты с предшествующим согласным, напр.: *бадзімъ визъ* 'великій постъ' (Соч. 1775: 15) ~ совр. *бадзім* 'большой'; *Кырзянь* 'пѣсня' (Соч. 1775: 18) ~ совр. *кырзан*; *Кензьяль* 'ящерица' (Соч. 1775: 26) ~ совр. *кензали*; *юрзимьяськò* 'гнушаюся, брезгую' (Соч. 1775: 99) ~ совр. *юрзім* 'противный'; *гудзиськò* 'рою, копаю' (Соч. 1775: 101) ~ совр. *гудзісько*; *лыдзиськò* 'читаю' (Соч. 1775: 101) ~ совр. *лыдзісько* 'читаю'; *небзиськò* 'мякну' (Соч. 1775: 104) ~ совр. *небзісько*; и др. Впрочем, подобный способ фиксации аффрикаты был впоследствии воспринят и узаконен также и в некоторых последующих письменных памятниках, напр., в учебно-методических публикациях В.А. Ислентьева: *бадзімъ чеськыт сяръчы* 'большую сладкую репу', *Христось улзиз* 'Христось воскресъ', *чипы мумы адзем* 'увидала наседка' (Ислентьевъ 1888: 144–145) (совр. лит. *бадзім чеськыт сяртчы*, *Христос улзіз*, *чипы мумы адзем*) и др. – но: *дзеч-бур* 'добро', *дзёргылиос* 'воробій' (Ислентьевъ 1888: 145–146) (совр. лит. *ѣечбур* 'здравствуй', *ѣольгыриос*); и др.;

3) в ряде слов вместо буквы *ч*, призванного обозначить фонему *џ*, в Сочинениях стоит буква *ц*, используемая для обозначения палатальной аффрикаты *ч*, напр.: *Цюжъ кушманъ* 'морковь' (Соч. 1775: 23), т. е. *чуж* *кушман* ~ совр. лит. *џужкушман*; *Цюжъёмъ* 'солодъ' (Соч. 1775: 24), т. е. *чужьем* ~ совр. лит. *џужьем*; *Цэжъ* 'утка' (Соч. 1775: 27), т. е. *чэж* ~ совр. лит. *џөж*; *Цюшьяль* 'южь' (Соч. 1775: 28), т. е. *чушьял* ~ совр. лит. *џушьял*; *цежмеръ* 'горностаи' (Соч. 1775: 28), т. е. *чэжмер* ~ совр. лит. *џөжмер*; *Цюжонъ* 'метла, вѣникъ' (Соч. 1775: 31), т. е. *чужон* ~ совр. лит. *џужон*; *Цюжъ* 'желтый' (Соч. 1775: 28), т. е. *чуж* ~ совр. лит. *џуж*; и др. Однако

в данных формах употребление буквы **ц** для обозначения (“якобы”) велярной фонемы *č* является, вопреки мнению И.В. Тараканова¹, не случайным отклонением или ошибкой, а закономерным отражением диалектного *ч-*, возникшего в результате диссимилятивного перехода анлаутного *č-* в позиции перед *-Vš(-)* и *-Vž(-)* в *ч-*, характерного для кукморского говора (Кельмаков 2006: 88–89), языковые материалы из которого не могли не быть включены в Сочинения.

В наиболее известных памятниках середины XIX столетия – переводах Евангелий от Матфея и Марка на «глазовское» и от Матфея на «сарапальское» наречия удмуртского языка – продолжена та же линия обозначения всех четырех аффрикат, что и в Сочинениях, напр.:

1) **буква ч** для обозначения *č*: сар., глаз. *лучкэмь* ‘тайно’ (Еванг. Сар. 1847: 4; Еванг. Глаз. 1847: 4); сар. *Со-пучкынъ* ~ глаз. *Солэнь-пучказь* ‘въ Ней’ (Еванг. Сар. 1847: 5; Еванг. Глаз. 1847: 5); сар. *кэчэкэ-но* ~ глаз. *кэчэкэ* ‘всякое’ (Еванг. Сар. 1847: 13; Еванг. Глаз. 1847: 13); сар., глаз. *кудь-чоужь* ‘пока’ (Еванг. Сар. 1847: 25; Еванг. Глаз. 1847: 25);

2) **буква ц** для обозначения фонемы *ч*: сар. *Воць* (Глаз. *вицякъ или долакь*) *бонъ выжйосъ* ~ глаз. *Вицякъ бенъ выжйосъ* ‘И такъ всѣхъ родовъ’ (Еванг. Сар. 1847: 4; Еванг. Глаз. 1847: 4); сар. *Та бонъ воцякъ* ~ глаз. *Та бенъ вицякъ* ‘Сіе же все’ (Еванг. Сар. 1847: 5; Еванг. Глаз. 1847: 5); сар., глаз. *поцй эвэль* ‘не меньше’ (Еванг. Сар. 1847: 7; Еванг. Глаз. 1847: 7);

3) **буквосочетание дж** для обозначения *č*: сар., глаз. *шунды джуужанъ паланъ* ‘на востокъ’ (Еванг. Сар. 1847: 6; Еванг. Глаз. 1847: 6); сар., глаз. *джуужйтъ гурезь-вылэ* ‘на ... высокую гору’ (Еванг. Сар. 1847: 16; Еванг. Глаз. 1847: 16); сар., глаз. *Джуватыса-но* ‘И зажегши’ (Еванг. Сар. 1847: 25; Еванг. Глаз. 1847: 25);

4) **буквосочетание дз** для обозначения *č*: сар., глаз. *дзець* ‘добрь’ (Еванг. Сар. 1847: 4; Еванг. Глаз. 1847: 4); сар., глаз. *заридзэ* ‘в море’ (Еванг. Сар. 1847: 19; Еванг. Глаз. 1847: 19); сар. *Маръ кэмь дзіоскыть капка* ~ глаз. *Маръ кэмь дзіоскыть зэзі* ‘Какъ узки врата’ (Еванг. Сар. 1847: 42; Еванг. Глаз. 1847: 42); и т. д.

Во второй половине XIX – начале XX в. в связи с увеличением количества и разнообразия публикаций на различных диалектах удмуртского языка множатся и способы буквенного обозначения специфических звуков удмуртского языка, в их числе и аффрикат, что попытаемся пронаблюдать в хронологическом порядке на материале Евангелия от Матфея различных годов издания (Еванг. 1877; 1882; 1904; 1912), учебных пособий

¹ “...аффриката *ч* (передается) через *ч* или реже *ц*: *чана* «галка» (совр. лит. *чана*), *цэжъ* «утка» (совр. лит. *чөж*)...” (Тараканов 2007: 78).

В. А. Ислентьева (Ислентьевъ 1888; 1889; 1889а) и двух изданий «Краткого славяно-вотского словаря» (Слав.-вот. сл. 1892; 1897); и др.

В более ранних памятниках на казанском диалекте, где аффрикаты предельно уменьшились (в особенности в кукморской его версии) не только в синтагматическом функционировании, но и в парадигматике, для обозначения аффрикат употреблены лишь три буквы: **ч**, **щ** и **ж**, к тому же последняя буква служила одновременно и для обозначения палатального согласного *з'*.

При этом буква **ч** чаще всего фиксирует фонему *ч*, но иногда предположительно *č*, напр.:

1) для обозначения фонемы *ч*: *ачыз* (Еванг. 1877: 5) 'он сам', *кижличи-* (Еванг. 1877: 5) 'звездочет', *кылчиш* (Еванг. 1877: 6) 'ангел', *соин вачэ* (Еванг. 1877: 7) 'тем временем', *чукындыриш* (Еванг. 1877: 7) 'креститель', *чабей-* (Еванг. 1877: 8) 'пшеница', *чилеп-* (Еванг. 1877: 10) 'сеть', *чын покчи-* (Еванг. 1877: 11) 'самый младший';

2) для обозначения *ч* или *č*, т. е. возможны оба диалектных варианта произношения: *кычэке но пис-пуэз* (Еванг. 1877: 7) 'любое дерево' (т. е. *кьчэ кэ* и *кьčэ кэ*); *уд ченды* (Еванг. 1877: 9) 'не коснешься' (т. е. *уд чэндь* или *уд čэндь*); *чукажэ* (Еванг. 1877: 16) 'завтра' (т. е. *чуказ'э* или *čуказ'э*).

Буква же **ж** чаще всего употреблена для фиксации фонемы *з'*, напр.: *кижли* (Еванг. 1877: 5) 'звезда' ~ совр. лит. *кизили*; *ожы* (Еванг. 1877: 5) 'так' ~ совр. лит. *озьы*; *кижы* (Еванг. 1877: 14) 'как' ~ совр. лит. *кызьы*; и др. Поэтому не совсем ясно, что обозначает инициальная буква **ж** в позиции перед «-V + фрикативный» в формах типа: *шунды жужан* (Еванг. 1877: 5) 'восток', *жужыт* (Еванг. 1877: 9) 'высокий', *жесэ ивор* (Еванг. 1877: 10) 'добрая весть' и др., поскольку в том диалекте, для носителей которых издан данный памятник, возможен двойкий анлаут: *шундъ жужан*, *жужыт*, *жэс'* или *шундъ д'ужан*, *д'ужыт*, *д'эс'* (~ совр. лит. *шунды жсужан*, *жсужыт*, *жеч*). В других комбинаторных условиях анлаутная аффриката *жс-*, по всей видимости, уже вовсе не употреблялась, заместившись согласным *жс-*, поэтому на ее месте стоит буква **ж**: *жуатозы* (Еванг. 1877: 7) 'сожгут' ~ совр. лит. *жсуатозы*; *жутыса* (Еванг. 1877: 9) 'вознесши' ~ совр. лит. *жсутыса*; и др.

Изредка на месте инициальной аффрикаты *ч-* также стоит буква **с**, обозначающая фрикативный согласный *с'*: *сорыг* (Еванг. 1877: 9, 17) 'рыба' ~ совр. лит. *чорыг*.

Впервые в письменных текстах именно этого цикла, кажется, появляется буква **щ** для обозначения велярной аффрикаты *č* в составе сочетания *-тč-*, по крайней мере в рассматриваемом Евангелии от Матфея (Еванг. 1877) она встречается несколько раз в различных формах одного и того же

глагола, напр.: *кортцоганы* (Еванг. 1877: 77) 'распять' ~ совр. лит. *корт-
*цоганы**; *кортцогасйос* (Еванг. 1877: 78) 'распавшие' ~ совр. лит. *кортцо-
гасьёс*; *кортцогалдам* (Еванг. 1877: 78) '(они) распали, оказывается' ~
совр. лит. *кортцогаллям*; *кортцогаскэм ёродйос* (Еванг. 1877: 79) 'разбой-
ники распятые' ~ совр. лит. *кортцогаськем уродьёс*; и др.

Почти аналогичная картина с употреблением и фиксацией аффрикат об-
стоит дело и в других памятниках удмуртской письменности казанского
цикла этого периода, напр.: (Св. Ист. 1877; Ёгет 1878; и др.).

Гельсингфорское издание Евангелия от Матфея 1882 г., отличающееся
от всех других изданий своего времени эклектичным сочетанием особен-
ностей весьма далеких друг от друга казанского и северных диалектов уд-
муртского языка, относительно обозначения аффрикат явно примыкает к пе-
реводам 1847 г., продолжившим традиции Сочинений (Соч. 1775), напр.:

буква ч для обозначения фонемы *ç*: *лучкем* (Еванг. 1882: 5) 'тайно';
кыче-кено (Еванг. 1882: 10) 'всякий'; *чук-азе* (Еванг. 1882: 17) 'завтра'; *чо-
гыса* (Еванг. 1882: 19) 'срубив'; *ыче* (Еванг. 1882: 20) 'такой'; и др.;

буква ц для обозначения фонемы *ç*: *ациз* (Еванг. 1882: 5) 'он сам'; *му-
мыэныз валце* (Еванг. 1882: 6) 'вместе с матерью'; *цябей-* (Еванг. 1882: 8)
'пшеница'; *цёрыг* (Еванг. 1882: 10, 18) 'рыба'; *цилкыт* 'чистый' (Еванг.
1882: 11); *уг но церсо* 'и не прядут' (Еванг. 1882: 17) и др.;

буквосочетание дж для обозначения фонемы *ç*: *шунды джуужан*
(Еванг. 1882: 5) 'восток'; *джуатозы* (Еванг. 1882: 7) 'сожгут'; *джуужыт
гурезь* (Еванг. 1882: 9) 'высокая гора'; *кизэ джутыса* (Еванг. 1882: 20)
'подняв руку' и др.;

буквосочетание дз для обозначения фонемы *ç*: *пегдзи* (Еванг. 1882: 6)
'беги'; *дзёз* (Еванг. 1882: 7) 'акриды'; *дзець карысьёс* 'милостивые' (Еванг.
1882: 11), *дзецьгем* (Еванг. 1882: 13) 'лучше'; *дзёскыт* (Еванг. 1882: 18)
'узкий, тесный' и др.

Учебные пособия В.А. Ислентьева, составленные для южных удмуртов
(Елабужского уезда Вятской губернии), относительно обозначения аффри-
кат также продолжили традиции XVIII в. с одним лишь отличием – ис-
пользованием для обозначения фонемы *ç* особого знака – **ч** (**ч** с хвостиком), ср.: *куч* 'кресть', *бурдчинь* 'шелкь', *бёчы* 'жукь', *чаль* 'идй', *татчы*
'сюда', *кеч* 'коза', *черс* 'веретено', *бакча* 'огородь', *чорыг* 'рыба', *чырты*
'шёя', *дзюч* 'русскай' и др. (Ислентьев 1889: 34).

Для обозначения других аффрикат на письме использовались традици-
онные знаки: **ч** – для обозначения фонемы *ç*, напр.: *муч* 'кочка', *уробо-чог*
'чекá' (Ислентьев 1889: 33); **дж** – *ç*, напр.: *джуйы* 'мохь', *удж* 'д'фло'
(Ислентьев 1889: 39, 44); **дз** – *ç*, напр.: *дзицьы* 'лисица', *кеньдзяльы*
'ящерица' (Ислентьев 1889: 40, 41).

Своеобразным «водоразделом» между старой системой фиксации аффрикат на письме и новой, современной, явились два издания (или варианта) одной и той же книги «Краткій славяно-вотскій словарь» (Слав.-вот. сл. 1892 и Слав.-вот. сл. 1897). Если в первом издании (или варианте) данного словаря аффрикаты обозначались следующим образом: *ѷ* – буквой **щ**, *ч* – буквой **ч**, *ѣс* – буквосочетанием **дж**, *ѣз* – буквосочетанием **жж** (1-й столбик нижеследующей таблицы), то во втором, переработанном и дополненном, издании для обозначения большинства из аффрикат (за исключением *ч*) были придуманы буквы с надбуквенными точками (**Їѷ**, **Жж** и **Ѕз**), полностью совпадающие с буквами современного алфавита (2-й столбик), ср.:

Слав.-вот. сл. 1892	Слав.-вот. сл. 1897	Перевод
Буква щ для обозначения аффрикаты <i>ѷ</i>		
<i>котъ кѷщэ</i> (с. 5)	<i>котъ кыѷе</i> (с. 7)	'всякий'
<i>ыщэйос гнэ</i> (с. 5)	<i>ыѷейос гнэ</i> (с. 8)	'тацѣхъ бо'
<i>щукаѣзэйаз</i> (с. 9)	<i>ѷуказеяз</i> (с. 12)	'во үтрий'
<i>палащ пуртэс</i> (с. 10)	<i>палаѷ пуртэс</i> (с. 14)	'влагалище'
Буква ч для обозначения аффрикаты <i>ч</i>		
<i>кылчиѣ</i> (с. 2)	<i>кылчинь</i> (с. 2)	'ангель'
<i>учкыны</i> (с. 9)	<i>учкыны</i> (с. 13)	'взира́ти'
<i>валче</i> (с.10)	<i>валче</i> (с. 14)	'вкúпѣ'
<i>чырты</i> (с. 13)	<i>чырты</i> (с. 18)	'вѣя'
Буквосочетание дж для обозначения аффрикаты <i>ѣс</i>		
<i>джыт луэм бэрэ</i> (с. 6)	<i>ѣсыт лүэм бере</i> (с. 8)	'пóздѣ же бѣв-шу'
<i>джыт сѷицкон</i> (с. 9)	<i>ѣсыт сѷон-луон</i> (с. 12)	'вечеря'
<i>джуатыны</i> (с. 9)	<i>ѣсуатыны</i> (с. 12)	'вжигáти'
<i>джуатыны</i> (с. 46)	<i>ѣсутыны</i> (с. 62)	'созидáти'
Буквосочетание жж или ж (после согласных) для обозначения аффрикаты <i>ѣз</i>		
<i>лжэч ливор</i> (с. 2)	<i>ѣзч ливор</i> (с. 2)	'благая вестъ'
<i>лжүч кыл-</i> (с. 3)	<i>ѣзүч кыл-</i> (с. 4)	'русское слово'
<i>лжэч</i> (с. 4)	<i>ѣеч</i> (с. 5)	'благій'
<i>инжы</i> (с. 4)	<i>инѣы</i> (с. 5)	'бѣсеръ'
<i>пэжжыса улыны</i> (с. 10)	<i>пегѣыса улыны</i> (с. 13)	'вита́ти'. И др.

Итак, судя лишь по рассмотренным мною печатным источникам, современные буквы для обозначения удмуртских аффрикат **Чч**, **Їѷ**, **Ѕз** и **Жж** в полном составе появились, кажется, в «Краткомъ славяно-вотскомъ слова-

ре» в 1897 г. Хронологически более точным «водоразделом» между старыми и новыми графиками и орфографиями в удмуртском письме, по моим – возможно, не совсем точным – сведениям, проходит между **1896** и **1897** годами, о чем свидетельствуют следующие факты: если «Книга для воскреснаго чтенія» (Воскр. чт. 1895) и «Вѡсаѡкон книга. Молитвенникъ» (Вѡсаѡкон книга 1896) были изданы еще в прежней графо-орфографической традиции, то издания, начиная с 1897 г. – второго варианта «Краткаго славяно-вотскаго словаря» (Слав.-вот. сл. 1897) – уже выходили в новой графике и орфографии (см., напр.: (Житіе 1900; Михеевъ 1907; 1907а) и др.). И с этого времени издатели твердо придерживались этой установки: по крайней мере, последующие издания Евангелия от Матфея в составе Четвероевангелий (Еванг. 1904; Еванг. 1912) использовали эти новые буквы.

Эта дата (1897 г.) вполне достаточна для освидетельствования того, что буквы с точками (**Її**, **Ѕѕ** и **Жж**) для фиксации соответствующих аффрикат появились в коми-пермяцких азбуках несколько позднее, чем в удмуртских изданиях, и, по всей вероятности, не без влияния со стороны последних. Дело в том, что некоторые коми-пермяцкие буквари рубежа XIX–XX вв., отойдя от старой традиции письма, в отличие от современной практики, три аффрикаты – *č* (= совр. кп. и кз. *тш*), *ž* (= совр. кп. и кз. *дж*) и *ž'* (= совр. кп. и кз. *дз*) поэтапно начали переходить к обозначению их одной буквой, но с использованием диакритических знаков – дужкой или точками над соответствующими буквами:

1) **Шш** (= совр. **тш**), **Жж** (= совр. **дж**) и **Ѕѕ** (= совр. **дз**) (все с дужкой сверху) (Букварь 1897);

2) **Її** (= совр. **тш**), **Жж** (= совр. **дж**), **Ѕѕ** (= совр. **дз**) (одна буква с двумя точками и две – с дужкой сверху) (Букварь 1900);

3) **Її** (= совр. **тш**), **Жж** (= совр. **дж**), **Ѕѕ** (= совр. **дз**) (Букварь 1908), ср.:

Букварь 1897	Букварь 1900	Букварь 1908	Перевод
Знаки для обозначения фонемы <i>č</i> (= <i>тш</i>)			
<i>шак</i> (с. 4)	<i>ѡак</i> (с. 4)	<i>ѡак</i> (-) (с. 19, 26)	'гриб'
<i>шын</i> (с. 4)	<i>ѡын</i> (с. 4)	<i>ѡын</i> (с. 19)	'дым'
<i>кайа</i> (с. 4)	<i>каѡа</i> (с. 4)	<i>каѡа</i> (с. 19, 29)	'сорока'
<i>пый</i> (с. 4)	<i>пыѡ</i> (с. 4)	<i>пыѡ</i> (с. 19)	'блоха'
<i>ыйкыны</i> (с. 6)	<i>ыѡкыны</i> (с. 6)	<i>ыѡкыны</i> (с. 19)	'косить'
Знаки для обозначения фонемы <i>ž</i> (= <i>дж</i>)			
<i>жэндѡс</i> (с. 4)	<i>жэндѡс</i> (4)	<i>жэндѡс</i> (с. 23)	'холст'
<i>жэжъ</i> (с. 5)	<i>жэж</i> (с. 5)	<i>жэж</i> (с. 31)	'чурбан'
<i>ыжытъ</i> (с. 5)	<i>ыжытъ</i> (с. 5)	<i>ыжытъ</i> (с. 21, 24)	'большой'

Знаки для обозначения фонемы $\text{ʒ}' (= dz)$

сöž (с. 4)	сöž (с. 4)	сöž (с. 14)	'прозрачный'
žöžog (с. 4)	žöžog (с. 4)	žöžog (с. 22)	'гусь'
кöžны (с. 6)	кöžны (с. 6)	кöžны (с. 22)	'сеять'
кыž (с. 8, 9)	кыž (с. 8, 9)	кыž (с. 33, 37, 38)	'как'

В коми-пермяцком письме использование соответствующих букв с двумя точками для обозначения аффрикат č (č), ž (ž) и $\text{ʒ}'$ (ž) оказалось лишь эпизодом, впоследствии же коми-пермяки отказались от них (мне не известно, когда) в пользу привычных для обоих коми языков **тш**, **дж** и **дз**, в то время как в удмуртском языке они (буквы **Čč**, **Žž** и **Žž**) прижились и функционируют до сих пор. Правда, перед самым появлением новых букв с точками для обозначения удмуртских аффрикат Г.Е. Верещагин выступил с предложением о реформировании удмуртской графики, в том числе принять в удмуртский алфавит коми (саввайтовские) и коми-пермяцкие (роговские) обозначения аффрикат (Верещагин 1895: 6–7), однако эти предложенные Г.Е. Верещагиным новшества не были использованы на практике даже самим автором. Вот как объясняет это он сам: “Слова вотского языка изображаются русскими буквами (кириллицей). В составе этих букв – для означения своеобразных звуков вотской фонетики (в первую очередь аффрикат. – В. К.) – следовало бы взять из алфавита угрофинских языков, например пермяцкого (речь идет о книге Н.А. Рогова (Роговь 1860) – В.К.), но – *за неимением шрифтов и по непривычке к новым знакам* (выделение жирным курсивом здесь и далее мое. – В.К.), *на первый раз* приходится обойтись без них. Знаки эти изображены в моей брошюре „О книгах на вотском языке“ (в сн.: О книгах на вотском языке. – Вятка, 1895 г.) (Верещагин 1924: 5).

Однако указанное автором “на первый раз” длится до сих пор.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Фрагменты из разновременных переводов Евангелия от Матфея на удмуртский язык, иллюстрирующих употребление различных букв для фиксации на письме аффрикат.

1. ⟨...⟩ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко (Библия 1988: 1025):
сар. *Мынамъ бонъ (нуэмэ) косэмэ дзэць, нупіэтэ-но капцй* (Еванг. Сар. 1847: 79) ~ глаз. *Мынамъ бенъ косэмэ дзэць, нупіэмэ-но капцй* (Еванг. Глаз. 1847: 79).
Мынам возэ жес, Мынам кызмэтэ капчи (Еванг. 1877: 29).
Мынам бен косэме дзэць ныпіете но капци (Еванг. 1882: 31).
Мынам сіэсэ жэч, мынам ныпіялтэсэ капчи (Слав.-вот. сл. 1892: 6).
Мынам сйесэ жеч, мынам ныпіялтэсэ капчи (Слав.-вот. сл. 1897: 8).
Мынам секытэ жеч, ныпіялтэсэ капчи, шуэм (Еванг. 1904: 34).

Мынам секытэ **зѣч**, ныпйялтэсэ (в сн.: нупыетэ, ныпыетэ) **капчи**, шуэм (Еванг. 1912: 34).

Мынам зйбетэ **зѣч**, ныпъетэ **капчи** (Библия 2013: 1270).

2. <...>всякий грех и хула простятся человеку<...> (Библия 1988: 1026):

сар. <...>всякой селъикъ, курламъ-но кельтыськодъ адымиосъ-лы<...> (Еванг. Сар. 1847: 85) ~ глаз. <...>всякой селъикъ, сытэмъ карэмъ-эзъ-но кельтскдъзъ адымидсъ-лы<...> (Еванг. Глаз. 1847: 85).

<...>муртйослы **котъ кычэ** сѣлык но котъ мае курлам но кечыришкоз<...> (Еванг. 1877: 31).

<...>**кыче-кено** селык но **кыче-кено** курлам но куштыськоз<...> (Еванг. 1882: 65).

Аламилэн **котъ коще** сѣлыкэз но курламэз куштышкоз<...> (Слав.-вот. сл. 1892: 65).

Адымилэн **котъ кыче** сѣлыкэз но курламез куштыськоз<...> (Слав.-вот. сл. 1897: 65).

<...>**котъ кыче** сѣлык но, курлан (в сн.: сйтэм-сантэм карон) но, муртѣссы куштыськоз<...> (Еванг. 1904: 37).

<...>**котъ кыче** сѣлык но, курлан (в сн.: сйтэм-сантэм карон) но, муртѣссы куштыськоз<...> (Еванг. 1912: 35).

<...>**котъкыче** сѣлык но курлан адымиослэсь куштйськозы<...> (Библия 2013: 1271).

3. <...>Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного (Библия 1988: 1035):

сар. <...>Кылдысинъ-йосъ со-ослэнъ инъ-вылынъ пракъ **адзид** инъ-вылысь Мынамъ Атай-лэсь банъ-зэ (Еванг. Сар. 1847: 135) ~ глаз. <...>Кылдысинъ-йосъ содслэнъ инъ-вылынъ пыракъ **адзид** инъ-вылысь Мынамъ Аилэсь бамъзэ (Еванг. Глаз. 1847: 135).

<...>сойослэн **кылчиѣоссы** иѣ вылын мынам иѣмиш Атайелэн тјусэ лалан **аджыса** уло (Еванг. 1877: 47).

<...>соёлэн **кылдсинъёссы** инъ вылын мынам инъмисъ айлэсь банзэ пырак **адзё** (Еванг. 1882: 52).

Сойослэн **кылчиѣоссы** иѣмын лалан Мынам Атайелиш тјусэ **ажыса** уло (Слав.-вот. сл. 1892: 13).

Соёлэн **кылчинъёссы** инъмын лалан Мынам Атаелись тјусэ **адзыса** уло (Слав.-вот. сл. 1897: 18).

<...>соёлэн **кылчинъёссы** инмысь Атайдэс лалан **адзыса** уло (Еванг. 1904: 59).

<...>соёлэн **кылчинъёссы** инмысь Атайдэс лалан **адзыса** уло (Еванг. 1912: 59).

<...>Инмысен соослэн **кылчинъёссы** Инмысь Атаелэсь ымнырзэ пырак **ёже адзыса** уло (Библия 2013: 1281).

Условные сокращения языков и диалектов:

глаз. – глазовское наречие удмуртского языка (по: ЕвангМф. Глаз. 1847); диал. – диалект, диалектное; кз. – коми-зырянский язык; кл. – коми-пермяцкий

язык; *прап.* – прапермский язык; *сар.* – сарапульское наречие удмуртского языка (по: ЕвангМф. Сар. 1847); *совр. кз.* – современный коми-зырянский язык; *совр. кп.* – современный коми-пермяцкий язык; *совр. лит.* – современный удмуртский литературный язык; *фуг.* – финно-угорский праязык.

Белова Е.Б. Аффрикаты удмуртского языка (в экспериментальном освещении) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Удм. гос. ун-т. – Ижевск, 2000. – 18 с.

Белова Е.Б. Функционирование удмуртских аффрикат / Удм. гос. ун-т; Удм. ин-т ист., яз и лит. УрО РАН. – Ижевск, 2000а. – 47 с.

Белова Е.Б. Вторичные аффрикаты в удмуртском языке // Финно-угроведение. – 2000б. – № 2. – С. 73–81.

Белова Е.Б. Эволюция обозначения удмуртских аффрикат латиницей // Пермистика 8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сб. ст. / Сыктывкар. гос ун-т. – Сыктывкар, 2001. – С. 53–59.

Белова Е.Б. Развитие кириллического изображения аффрикат // Первой удмуртской грамматике 225 лет : сб. ст. / РАН, УрО, Удм. ин-т ист., яз и лит. – Ижевск, 2002. – С. 98–105.

Библия 1988 – Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета: Юбилейное издание, посвященное тысячелетию Крещения Руси. – М.: Изд. Московской Патриархии, 1988. – 1371 с. + Приложение (4 карты и Денежные единицы в Новом Завете).

Библия 2013 – Библия: (удмурт кылын) / Библияз берыктонъя Институт; (берыктйз Михаил Атаманов). – Хельсинки: Библияз берыктонъя институт. – Ижкар, 2013. – 1696 б. – удмурт кылын.

Бубрих Д. В. Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком) / НИИ ист., яз., лит. и фольклора при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1948. – 112 с.

Букварь 1897 – Букварь для (сѣверо-восточныхъ, иньвенскихъ) пермяковъ. (Опытъ) – Казань, 1897. – 13 с.

Букварь 1900 – Букварь для (сѣверо-восточныхъ, иньвенскихъ) пермяковъ / Изд. 2-е. – Казань, 1900. – 14 с.

Букварь 1908 – Мошеговъ К.М., Щаповъ П.В. Букварь для пермяцкихъ дѣтей (на чердынскомъ нарѣчїи). – Казань, 1908. – 40 с.

Верещагинъ Г. О книгахъ на вотскомъ языкѣ. – Вятка, 1895. – 21 с.

Верещагин 1924 – „Удморт“ /руководство к изучению вотского языка. – Ижевск: Изд. Вотского издательского т-ва „Удкнига“, 1924. –120 с.

Воскресн. чт. 1895 – Книга для воскреснаго чтенїя. Избранные „троицкіе листки“ на вотскомъ языкѣ. – Казань, 1895. – 73 с.

Вѣсақкон книга 1896 – Вѣсақкон книга. Молитвенникъ. На вотскомъ языкѣ / 2-е изд. – Казань, 1986. – 76 с.

ЕвангМф. Глаз. 1847 – Господа нашего Иисуса Христа Евангелїя отъ св. Евангелистовъ Матѣея и Марка на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Глазовскаго

нарѣчія. – Казань, 1847. – 138 с. [Переизд. в кн.: Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие / УИИЯЛ УрО РАН. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. – Ижевск, 2003. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 3). – С. 13–386].

ЕвангМф. Сар. 1847 – Господа нашего Иисуса Христа Евангеліе отъ св. Евангелиста Матѣя на русскомъ и вотятскомъ языкахъ, Сарапульскаго нарѣчія. – Казань, 1847. – 234 с. [Переизд. в кн.: Первые печатные книги на удмуртском языке: Сарапульское наречие / УИИЯЛ УрО РАН. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. – Ижевск, 2003. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 4). – С. 11–248.].

Еванг. 1877 – Милям Господь Иисус Христослэн чѣн Евангеліеез. Матѣей гоштэм Евангеліе / Господа нашего Иисуса Христа святое Евангеліе. Отъ Матѣя / Изд-іе Православнаго Миссіонерскаго Общества. – Казань, 1877. – 82 б.

Еванг. 1882 – Господа нашего Иисуса Христа святое Евангеліе отъ Матѣя на вотяцкомъ языкѣ. Милям Господьмы Иисус Христослэн Дзэць йыворез, Матѣей гоштем Дзэць йывор уд морт кылын. – Гельсингфорсь, 1882. – 92 (+ 1) с.

Еванг. 1904 – Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангеліе отъ Матѣя, Марка, Луки и Иоанна на вотскомъ языке. – Казань, 1904. – 338 с.

Еванг. 1912 – Господа нашего Иисуса Христа святое Евангеліе отъ Матѣя, Марка, Луки и Иоанна на удмуртском языке. – Казань, 1912. – 327 с.

Житіе 1900 – Житіе святителей Христовыхъ Гурія, Варсонофія и Германа, Казанскихъ чудотворцевъ, на вотскомъ языке. – Казань, 1900. – 24 с.

Ившин Л.М. Становление и развитие удмуртской графики и орфографии в XVIII – первой половине XIX века / УрО РАН. – Екатеринбург; Ижевск, 2010. – 236 с.

Ившин Л.М. Рукописное Евангелие от Луки на удмуртском языке: графико-орфографический анализ // Ежегодник финно-угорских исследований. – Ижевск, 2011. – Вып. 3. – С. 30–37.

Ившин Л.М. Первый опыт перевода Евангелия от Иоанна на удмуртский язык: графико-орфографический анализ // LU. – 2012. – Т. 48. № 4. – С. 276–283.

Ислентьевъ 1888 – Учебникъ русскаго языка для вотяковъ Елабужскаго уѣзда. Составилъ Инспекторъ народныхъ училищъ Елабужскаго уѣзда Владиславъ Ислентьевъ. – Елабуга: Скоропечатня И.Н. Кибардина, 1888. – 254 с.

Ислентьевъ 1889 – Букварь и Первая учебная книжка для вотяковъ Елабужскаго уѣзда. По способу нагляднаго обученія составилъ Инспектор народныхъ училищъ Елабужскаго уѣзда Владиславъ Ислентьевъ. Изданіе Потомственнаго Почетнаго Гражданина Петра Капитоновича УШКОВА. – Типографія Императорскаго Казанскаго Университета, 1889. – 136 с.

Ислентьевъ 1889а – Руководство къ преподаванію грамоты и русскаго языка по букварю, первой учебной книжкѣ и учебнику для вотяковъ В. Ислентьева. Въ двухъ частяхъ. Составилъ Инспекторъ народныхъ училищъ Елабужскаго уѣзда Владиславъ Ислентьевъ. – Казань: Типографія Императорскаго Казанскаго Университета, 1889а. – 146 с.

Кельмаков В.К. Краткий курс удмуртской диалектологии / Удм. гос. ун-т. Каф. общего и финно-угор. языкознания; изд. 2-е, стереотип. – Ижевск, 2006. – 386 с.

Кельмаков В.К. Из истории удмуртской графики: (Б. Гаврилов и Г. Верещагин) // *Permistica et Uralica: Ünnepi könyv Csúcs Sándor tiszteletére / szerkesztette Molnár Zoltán és Zaicz Gábor.* – Piliscsaba, 2003. – С. 96–104.

Кельмаков В.К. Из истории удмуртской графики (Б. Гаврилов и Г. Верещагин) // В.К. Кельмаков. Очерки истории удмуртского литературного языка : учеб. пособие / Удм. гос. ун-т. Фак. удм. филологии. Каф. общ. и финно-угор. языкознания. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2008. – С. 125–132.

Лыткин В.И. Историческая грамматика коми языка. Ч. I: Введение. Фонетика. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1957. – 136 с.

Михеев И.С. Букварь для вотскихъ дѣтей. – Казань, 1907. – 48 с.

Михеев И.С. Первая книга для чтенія на вотскомъ языкѣ. – Казань, 1907а. – 80 с.

Роговъ Н. Опытъ грамматики пермяцкаго языка. – С.-Петербургъ, 1860. – 166 с.

Св. Ист. 1877 – Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта. На Вотяцкомъ языкѣ / Изд-іе Православнаго Миссіонерскаго Общества. – Казань, 1877. – 190 с.

Слав.-вот. сл. 1892 – Краткій славяно-вотскій словарь: Пособіе къ чтенію Церковно-славянскаго текста Новаго Завѣта. – Казань, 1892. – 70 с.

Слав.-вот. сл. 1897 – Краткій славяно-вотскій словарь: Пособіе къ чтенію и пониманію Церковно-славянскаго текста Новаго Завѣта (опытъ). Для казанскихъ вотяковъ – Казань, 1897. – 86 с.

Соч. 1775 – Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка. – Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ 1775 года. – 113 с. (В кн.: Первая научная грамматика удмуртского языка / Удм. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. мин. Удм. АССР. – Ижевск: Удмуртия, 1975. – С. 3–15 + 113 + 17).

Тараканов И.В. История удмуртской графики / *Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum, Tartu, 7–13.8.2000.* – P. VI. *Dissertationes sectionum: Linguistica III.* – С. 297–300.

Тараканов И.В. Из истории удмуртской графики // И.В. Тараканов. Удмуртский язык: становление и развитие: сб. ст. – Ижевск: Удмуртия, 2007. – С. 79–96.

Тепляшина Т.И. Из истории удмуртской графики // Всесоюз. конф. по финно-угроведению: тез. докл. и сообщ. / АН СССР. Ин-т языкознания. Коми филиал. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1965. – С. 111–114.

Ўгет 1878 – Ўгет. Святой Тихон дѣшетем жеҥ кыльёс / Наставленіе христіанское Св. Тихона – Казань: Изд-іе Православнаго Миссіонерскаго Об-ва, 1878. – 35 с.

Uotila T. E. *Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen.* – Helsinki, 1933. – XVIII + 446 S.

О ГЕЛЬСИНГФОРССКОМ ИЗДАНИИ ЕВАНГЕЛИЯ ОТ МАТФЕЯ В ПЕРЕВОДЕ НА УДМУРТСКИЙ ЯЗЫК (1882)

В.К.Кельмаков,

профессор Удмуртского государственного университета,
finnugor@mail.ru

Евангелие от Матфея оказалось, пожалуй, самой популярной среди удмуртов книгой из всей Библии; не случайно до последнего времени было известно несколько вариантов переводов и 10 изданий его на удмуртском языке: 1) первые 2 издания в 1847 г.: на “глазовскомъ” (ЕвангМф. Глаз. 1847) и “сарапупльскомъ (ЕвангМф. Сар. 1847) нарѣчіяхъ”; 2) лондонское издание Ф.Й. Видеманна в 1863 г. (Evang. 1863); 3) издание в переводе на казанский диалект (ЕвангМф. 1877); 4) 2 издания (в 1904 и 1912 гг.) в составе Четвероевангелия в предположительном переводе И.С. Михеева (ЕвангМф. 1904: 1–102; ЕвангМф. 1912: 3–96); 5) стокгольмское переиздание в составе того же самого Четвероевангелия 1912 г. (ЕвангМф. 1973: 3–96); 6) 3 издания (в 1992, 1997 и 2013 гг.) в переводе М.Г. Атаманова: в составе Четвероевангелия (ЕвангМф. 1992: 1–76), Нового Завета (ЕвангМф. 1997: 2–93) и Библии (ЕвангМф. 2013: 1255–1301).

В 2016 г. я лично для себя и для общественности республики “открыл” еще один вариант перевода Евангелия от Матфея на удмуртский язык, опубликованный в Хельсинки в 1882 г. Он был найден почти что случайно в личной библиотеке В.Л. Шибанова – литературоведа, кандидата филологических наук, члена Союза писателей РФ. Евангелие было подарено ему, тогдашнему студенту Удмуртского государственного университета, приехавшему в Тартуский университет на научную студенческую конференцию, в марте 1982 г., ровно столетие спустя после его издания, академиком Паулем Аристэ с его *Ex libris*-ом и автографом. Сознательные поиски в республике едва ли что бы дали: хотя оно (Евангелие) и значится в «Каталоге дореволюционных книг и рукописей на удмуртском языке», составленном Б.И. Каракуловым (Каракулов 2006: 137), однако ни в фондах Национальной библиотеки УР, ни – тем более – в Научной библиотеке УдГУ или библиотеке Удмуртского ин-та ИЯЛ УрО РАН оно не значится.

Графика и орфография – это первые, что бросаются в глаза, когда берешь в руки любое старинное издание. Графика переводного издания оказалась достаточно “демократичной” в сравнении с весьма сложной (“вычурной”) графической системой трех предшествующих изданий Евангелия от Матфея на кириллице (ЕвангМф. Глаз. 1847; ЕвангМф. Сар. 1847;

ЕвангМф. 1877) и, естественно, лондонским изданием Ф.Й. Видеманна на латинице (Evang. 1863). К примеру, из ЕвангМф. Глаз. 1847 и ЕвангМф. Сар. 1877 были заменены буквы *ïð* и *ïö* на гласную букву *ë* под ударением и без него; сняты знаки (акут и графис) над гласными, фиксирующие ударение; из ЕвангМф. 1877 буквы *ј, ж, л, ѣ, љ, њ, њ*, означающие палатальные согласные *д', з', л', н', с', т'*, были заменены на обычные *д, з, л, н, с, т* в сочетании с последующими йотированными гласными буквами *е, ё, ю, я*, буквами *и* и *ь*; и др. Как и в предшествующих изданиях 1847 и 1877 гг., сохранены следующие буквы со специфичными функциями: 1) *і* – для обозначения фонемы *и* перед *й* и гласными); 2) *дз* и *ц* с указанием палатальности – для фиксации фонемы *ѣ и ч*; 3) *ч* – для фонемы *ѣ*; 4) *дж* – для фиксации фонемы *ѣ*; и др.

Более подробное специальное исследование языка и стиля данного издания Евангелия от Матфея на удмуртском языке (1882) еще только предстоит, однако и при рекогносцировочном просмотре можно заметить примечательную особенность (ЕвангМф. 1882: 14–15).

С одной стороны, обильно использованы фонетико-морфологические и лексические явления казанского диалекта и других южных говоров, напр.: 1) палатализация *н* в позиции после *и* (*иньмысь* 'с неба; небесный' ~ сев. *инмыс'*); 2) показатель аккузатива *-ыз* (*тиледыз* 'вас' ~ сев. *тил'эдды*) *сойосыз* 'их' ~ сев. *сойосты*); 3) наличие показателя датива личных местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа *-лы* (*тиледлы* 'вам' ~ сев. *тил'эд(-ø)*); 4) суффикс деепричастия с временным значением *-кы* (*сётыкыд* 'когда ты даешь' ~ сев. *с'отыкуд*); 5) узкодиалектные ("казанские" и неизвестного происхождения) слова, не имеющие параллелей в северных и других южных говорах: *садака* 'подавание', *зуоп* 'награда'; и др.;

С другой стороны, встречаются достаточно заметные северноудмуртские особенности, напр.: 1) показатель элатива *-ысь* (*иньмысь* 'с неба; небесный' ~ каз., южн. *ин'мис'*); 2) суффикс причастия *-ысь* (*дзецьяськысь* 'лицемер' ~ каз., южн. *-ис'*); 3) собственно лексические и фонетико-лексические особенности: *айды* 'отец ваш' (каз., южн. *атайды*), *бен* 'ведь, да' (кукм., южн. *бон*); и др.

Весьма примечательно стремление переводчика к синонимизации междиалектных лексических соответствий, напр.: 1) в случае со словами *эн ушьяськы* 'не хвались' и *мед макталозы* 'пусть похвалят' (ЕвангМф. 1882: 14–15) переводчик сохраняет синонимичную междиалектную пару, впервые использованную в переводах Евангелия от Матфея на "сарапульское" и "глазовское нарѣчія", ср.: сар. *энь мактаськы* (глаз. *энь ушьяськы*) и *медь макталозы* (ЕвангМф. Сар. 1847: 31) ~ глаз. *энь-ушьяськы* и *медь макталозы* (ЕвангМф. Глаз. 1847: 31), и сохраненную в лондонском изда-

нии его: *ön ušjašky* и *med maktalozy* (Evang. 1863: 16); 2) в случае же с дважды повторенным словом *награда* оригинала предшествующие удмуртские издания или дважды употребили одно и то же слово *мэдъ ~ медь-* (ЕвангМф. Сар. 1847: 31; ЕвангМф. Глаз. 1847: 31); *med ~ med-* (Evang. 1863: 16), или использовали разные слова из своей же диалектной системы: каз. *зуон* 'награда' и *кулэзес* 'причитающееся им, должное для них' (ЕвангМф. 1877: 14). В издании же 1882 г. произведена синонимизация разнодиалектных слов: общеудм. *мед* и каз. *зуон* (последнее подано в скобках), т. е. *мед (зуон)* (ЕвангМф. 1882: 14). И пр.

Причина подобного смешения/слияния двух крайностей – элементов южного и северного диалектов – заключается, по всей вероятности, в том, что переводчик, перелагая текст Евангелия на удмуртский язык, имел не только неплохое представление о казанском диалекте, являющемся основой языка этого перевода, но и возможности пользоваться более ранними образцами переводов. Казанскую диалектную основу, заимствованную из перевода Евангелия от Матфея 1877 г. (ЕвангМф. 1877), переводчик мог постоянно контролировать с учетом глазовского варианта 1847 г. и лондонского издания 1863 г. с той целью, чтобы: 1) “редактируя” предшествующие издания, улучшить свой вариант перевода, разнообразив язык последнего; 2) таким образом не только приблизить свой перевод к языку носителей северных говоров, но и придать языку своего перевода определенный наддиалектный характер.

Автор перевода, к сожалению, не назван, но некоторые прямые и косвенные доводы свидетельствуют, кажется, в пользу того, что им мог бы оказаться Т.Г. Аминофф (1838–1881), финский языковед и этнограф, первый зарубежный исследователь удмуртских диалектов в полевых условиях, автор/составитель ряда удмуртоведческих работ: “Образцы удмуртской речи” (Aminoff 1886), “Сведения из удмуртской мифологии” (Aminoff 1893) и “Очерк фонетики и морфологии удмуртского языка” (Aminoff 1896).

На Т.Г. Аминоффа указывает и Г.С. Лыткин в своей книге “Зырянский край при епископах пермскихъ и зырянский языкъ” (Лыткинъ 1889). В разделе “Молитвы”/“Келмӧмјас” этой книги наряду с русскими молитвами в параллельном переводе на коми язык, приводя отрывок из Евангелия отъ св. Матѳея на Вотскомъ языке (VI, 9–13): “Матвеј гожем д'еч` јывор Уд морт кылын”, он (в сноске) сообщает: “Перевод покойнаго докт. А м и н о в а, изд. Библейск. Депо, Гельсингфорсъ, 1882 г. Между скобками помѣщены Зырянскія слова, соотвѣтствующія Вотскимъ словамъ” (Лыткинъ 1889: 226). Графика включенного в эту книгу удмуртского фрагмента переведена на его, лыткинскую, ср.:

...иньмысь аймы, тынад нимыд буре мед ваиськоз; Тынад инь дуньезд мед лыктоз; тынад эрыкед музем вылын но инь вылын кадик мед луоз (ЕвангМф. 1882: 15).

→ *In`myś* (вылысвылса) *ajmy* (ajöj), *тынад* (тенад) *n`имыд* (n`имыд) *бу-ре* (вежаö) *мед* (мед) *вајі́скоз* (вајы́скас); *Тынад* (тенад) *in` дунјейд* (му југыдыд) *мед* (мед) *лыктоз* (локтас); *тынад* (тенад) *öрыкыд* (колöмыд) *му-зем вылын но* (му вылын нö) *in` вылын кад'ик* (вылысвыл вылын код'өн) *мед* (мед) *луоз* (лоас) (Лыткинъ 1889: 226).

Первые мои впечатления от такого “открытия” были удивление и сомнение: мог ли финский ученый Т.Г. Аминофф (T.G. Aminoff) перевести – в целом-то весьма прилично – на удмуртский язык Евангелие, а не ошибся ли Г.С. Лыткин?

Однако в осведомленности коми ученого в области удмуртской филологии его времени сомневаться, по-видимому, не приходится: он в своей книге обильно пользуется удмуртскими материалами, в частности, в Приложении к книге “Зырянскій край и зырянскій языкъ” под названием “Зырянско-вотско-русскій букварь и сведѣнія изъ грамматики церковно-славянскаго и русскаго языка” (Санктъпетербургъ, 1887) не только дает удмуртские соответствия коми словам, но и прилагает в параллельном переводе на коми и русский языки удмуртские загадки, заимствованные из книги Б. Гаврилова (как он сам не совсем точно называет) “Произведения Народн. Слов. Вотяковъ”, изд. Правосл. Миссіонер. Общ., Казань, 1880 (Гавриловъ 1880).

Что касается Т.Г. Аминоффа, то он приехав к удмуртам в 1878 г., значительное время, собирая фольклорно-диалектологический материал, находился на территории распространения казанского диалекта (современного кукморского говора) удмуртского языка в старинном удмуртско-кряшенском селе Ошторма-Юмья Мамадышского уезда Казанской губернии (ныне Кукморский район Республики Татарстан), время от времени выезжая и в соседние населенные пункты: в д. Старая Юмья (в 1 километре от с. Ошторма-Юмья) и в с. Нырья (в 13 километрах); а затем на довольно длительное время отправился в с. Якшур-Бодья (ныне один из районных центров Удмуртской Республики) – к носителям срединных говоров. За это время он мог приобрести весьма приличный опыт в практическом владении удмуртским языком. Об этом, кажется, свидетельствует и тот факт: записывать удмуртские фольклорные тексты первоначально ему помогали, по-видимому, грамотные удмурты (во всех трех селах были, естественно, церковь и школа – значит, и грамотные люди), однако в двух случаях к записям загадок в с. Нырья (Nörjasta) (5 загадок) и Старая Юмья (Vužguitista – э: Vužgurtista) (19 единиц) он дает приписку *itse*, т. е. ‘сам’ (Aminoff

1886: 35–37). К тому же при переводе Евангелия в его распоряжении уже были несколько вариантов печатных изданий Евангелий от Матфея на удмуртском языке: издания на “сарапульском” и “глазовском нарѣчїяхъ” (Еванг. Сар. 1847; Еванг. Глаз. 1847), лондонское издание (Evang. 1963) и издание на казанском диалекте (ЕвангМф. 1877). Судя по предварительному сравнительному обзору, Т.Г. Аминофф действительно опирался на эти переводы, в особенности на лондонское издание 1863 г. и казанское – 1877 г.

П р и л о ж е н и е. Фрагменты переводов Евангелия от Матфея на удмуртский язык:

(ЕвангМф. 6, 1–4) Истинно говорю вам: они уже получают награду свою. У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно (Библия 1988: 1017).

1847: *’Шонѣръ вераськò тиледъ-лы, содсь медъ-зэ басьтызы-ини. Тонъ бенъ милостыня-зэ озь сїотъ, паллянь кидъ мэдазъ-тодъ-валъ бурэдъ-лэнъ карэмъ-зэ. Медъ лудъзъ милостиня тынадъ лучкэмъ; Инъ вылынъ Аидъ-но тынадъ, лучкэм-эзъ адзисъ сїотозъ тыныдъ шард’* (здесь и далее перевод фрагментов на удмуртский язык на курсив произведен мною. – В. К.) (Еванг. Глаз. 1847: 31–32).

1863: *’<...>šoner veraško til'edly, sojos medzes baštyzy ini. Ton bõn deuletdede ozi kar, paljan kied medaz tod val buredleš karemzä. Med luoz deuleted lutškem, in vylyn aied lutškemzä šotoz tynyd šara’* (Evang. 1863: 16).

1877: *’Тиледлы чынэник вэрашко, сойос ини аселы кулэзес бастьязы. Тон садака сотыкыд паллян кидэ но бур кидлэс мар карэмзэ медаз шоды. Тынад садакаед аулак ажын медло, аулак ажын лүэмэз аджис Атайед тыныд мурт сиң ажын берыктоз’* (ЕвангМф. 1977: 14)..

1882: *’<...>шонерен верасько тиледлы, соёс ини медзэз басьтызы. Тон бен садакадэ сётыкыд паллян кидэ бур кидлэс ма карэмзэ медаз тоды. Тынад садакаэд лучкем мед луоз, лучкемез но адзисъ иньмысь айэд тыныд шарак сётоз’* (ЕвангМф. 1882: 14–15).

Условные сокращения диалектов удмуртского языка

глаз. – глазовское наречие (покн.: Еванг. Глаз. 1847); *каз.* – казанский диалект (в ранних изданиях); *кукм.* – кукморский говор; *общеудм.* – общеудмуртский язык; *сар.* – сарапульское наречие (покн.: Еванг. Сар. 1847); *сев.* – северные диалекты; *южн.* – южные диалекты.

Библия 1988 – Библия: Книги священного писания Ветхого и Нового Завета: Юбилейное издание, посвящ. тысячелетию Крещения Руси / Изд. Московской Патриархии. – М., 1988. – 1371 + 5 с.

Гавриловъ Б. Произведенія народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній. – Казань, 1880. – 189 с.

ЕвангМф. Глаз. 1847 – Господа нашего Иисуса Христа Евангелія отъ св. Евангелистовъ Матѳея и Марка на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Глазовскаго нарѣчія. – Казань, 1847. – 138с. [Переизд. В кн.: Первые печатные книги на удмуртскомъ языке: Глазовское наречіе / УИИЯЛ УрО РАН. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. – Ижевск, 2003. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 3). – С. 13–386].

ЕвангМф. Сар. 1847 – Господа нашего Иисуса Христа Евангеліе отъ св. Евангелиста Матѳея на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Сарапульскаго нарѣчія. – Казань, 1847. – 234 с. [Переизд. вкн.: Первые печатные книги на удмуртскомъ языке: Сарапульское наречіе / УИИЯЛ УрО РАН. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. – Ижевск, 2003. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 4). – С. 11–248.].

ЕвангМф. 1877 – Господа нашего Иисуса Христа святое Евангеліе отъ Матѳея. Милям Господь Иисус Христослэн чѣн Евангеліеез. Матѳей гоштэм Евангеліе: Изданіе Православнаго Миссіонерскаго Общества. – Казань, 1877. – 82 с.

ЕвангМф. 1882 – Господа нашего Иисуса Христа святое Евангеліе отъ Матѳея на вотякскомъ языкѣ. Милям Господьмы Иисус Христослэн Дзэць йыворез, Матѳей гоштем Дзэць йывор уд морт кылын. – Гельсингфорсъ: Въ Типографіи Литературнаго Общества, 1882. – 92 с.

ЕвангМф. 1904 – Матфей гоштэм Евангеліе // Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангеліе отъ Матѳея, Марка, Луки и Іоанна на вотскомъ языкѣ. – Казань, 1904. – С. 1–102.

ЕвангМф. 1912 – Матфей гоштэм Евангеліе // Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангеліе отъ Матѳея, Марка, Луки и Іоанна на вотскомъ языкѣ. – Казань, 1912. – С. 3–96.

ЕвангМф. 1973 – Матфей гоштэм Евангеліе // Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангеліе отъ Матѳея, Марка, Луки и Іоанна на вотскомъ языкѣ. – [Стокгольм] 1912. – С.3–96.

ЕвангМф. 1992 – Матфей гоштэм Евангеліе // Евангеліе – Ѕеч ивор / Библиез берыктонья Институт. – Стокгольм – Хельсинки, 1992. – 3–96-тй б.

ЕвангМф. 1997 – Матфейлэсь Ѕеч ивор // Выль сйзэн. – Стокгольм – Хельсинки, 1997. – 1–93-тй б.

ЕвангМф. 2013 – Матфейлэсь Ѕеч ивор // Библия: [удмурт кылын] / Библиез берыктонья Институт; [берыктйз Михаил Атаманов]. – Хельсинки: Библиез берыктонья Институт. – Ижкар, 2013. –1255–1301-тй б.

Каракулов Б.И. Удмурт литературной кыллэн сюресэз: XVIII–XXI даурь-ёс=История удмуртского литературного языка: XVIII–XXI века. – Ижевск: Удмуртия, 2006. – 208с.

Лыткин Г.С. Зырянскій край при епископахъ пермскихъ и зырянскій языкъ. 1383–1501. – Санкт-Петербург. 1889. – VIII + 88 + (Отдѣль II. Зырянскій языкъ) IV + 232 + (Зырянскій языкъ. Русско-вотско-зырянскій словарь. – Санктпетербург. Въ Синодальной типографіи, 1884) 60 + (Зырянско-вотско-русскій букварь

и Свѣдѣнія изъ грамматики церковно-славянскаго и русскаго языка. – Санктпетербург. Въ Синодальной типографіи, 1887) 33 с.

Aminoff T.G. Wotjakilaisia kielinäytteitä // JSFOu. – (Helsinki) 1886. – 1. – S. 32–55.

Aminoff T.G. Tietoja wotjaakkien mytologiasta. – Helsinki, 1893. – 47 s.

Aminoff T.G. Wotjakin äänne- ja muoto-opin luonnos // JSFOu. – (Helsinki) 1896. – 2 (XIV). – P. 1–48.

Evang. 1863 – Das Ewangelium des Matthaus wotjakisch, mit Hülfe eines eingeborenen Wotjaken redigiert von F.J. Wiedemann, Mitgliede der Kaiserl. Akad. d. Wissenschaften in St. Petersburg. – London, 1863. – 112 s.

ЛИТЕРАТУРНАЯ И РЕАЛЬНАЯ ТОПОНИМИЯ СЕЛА ВУЖ МУЛТАН (СТАРЫЙ МУЛТАН)

Л.Е.Кириллова,

старший научный сотрудник отдела филологических исследований
Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, Ижевск
kirlud@rambler.ru

Тема данной статьи продиктована тем, что в 2005 г. я участвовала в работе Международной научной конференции «М.П. Петров и литературный процесс XX века», посвященной 100-летию со дня рождения классика удмуртской литературы М.П. Петрова, и выступила с докладом «Особенности топонимов в романе М. Петрова “Старый Мултан”». В процессе подготовки доклада и статьи, я обратила внимание, с какой теплотой изображает писатель окрестности села Старый Мултан (ныне село Короленко Кизнерского района), восхищается красотой этих мест, описывает расположение селения. Вот небольшой отрывок из романа: *Пумтэм-йылтэм нюлэсьёс пöлын, кыдѣкысен адскись выр интыын, пуке Вуж Мултан. Солэн податной нюлэсэз гурезь улысь шур сьöрысен ик кутске. Возьёслы инты сётыса, кыстйсько Мултан возьёс...* (Петров 1977: 5). ‘Среди бескрайних лесов, на далеко виднеющейся возвышенности расположено с. Старый Мултан. Его Податный лес начинается прямо у речки, [протекающей] под горой. Давая место лугам, он отступает все дальше и дальше. Постепенно расширяясь, далеко-далеко, к реке Люга, тянутся Мултанские луга’.

Для своего исследования я использовала издание романа 1977 г. Когда заново перечитала роман, у меня возникла мысль обязательно побывать в этих местах. В сентябре 2013 г. мне удалось осуществить свою мечту: я и моя коллега, сотрудница нашего института, Ольга Владимировна Титова поехали в экспедицию по сбору лингвистического материала в с. Короленко Кизнерского района. Я поставила перед собой цель: собрать все имеющиеся топонимы и микротопонимы окрестностей с. Короленко и сопоста-

вить с топонимами, которые использует М. Петров в своем романе «Вуж Мултан». Мы обследовали с. Короленко, дд. Новый Мултан, Асинер. Экспедиция наша проходила осенью, в конце сентября, и окружающая природа точь-в-точь напоминала то, как она описана в произведении писателя.

Следует отметить, что в названном романе используется большое количество топонимов. Это, в первую очередь, ойконимы, т.е. названия населенных пунктов, причем расположенных не только в окрестностях с. Вуж Мултан, но и за пределами данной территории, а также микротопонимы (наименования рек, улиц и переулков, логов и ложбин, лесов, полей, лугов, дорог, тропинок и развилок, полевых ворот, мельниц, святылиц, объектов хозяйственного назначения), названия более крупных географических объектов (городов и других поселений, территориально-административных центров России и за ее пределами).

В данной статье рассматриваются встречающиеся в романе М. Петрова топонимы с. Вуж Мултан (Старый Мултан) и его окрестностей в сопоставлении с реальной топонимией села Короленко (это современное название села Вуж Мултан) Кизнерского района Удмуртской Республики. Географические названия были зафиксированы нами в ходе лингвистической экспедиции в 2013 г. Отметим, что М. Петров задумывает писать свое произведение после 1934 г., в 1940 г. драму о мултанском деле под названием «Зйбет зурка» перерабатывает для театральной постановки под названием «Вуж Мултан», затем постоянно исправляя, изменяя детали, подробности, в 1954 г. заканчивает роман под «Вуж Мултан» (Домокош 1993: 331–332).

«Вуж Мултан» – это исторический роман. Поэтому автор счел необходимым дать представление об истории и культуре не только страны, России, но и определенного места на ее территории, а именно удмуртские и русские деревни Малмыжского уезда Вятской губернии, где в XIX в. разворачиваются страшные события, описанные в романе, когда десять крестьян-удмуртов с. Вуж Мултан были ложно обвинены в человеческом жертвоприношении языческим богам. Мултанский процесс продолжался в течение 1892–1896 гг. И это тревожное для всего удмуртского народа время автор со всей полнотой попытался представить в своем произведении.

Основным центром развития действий в названном романе является село *Вуж Мултан* (Старый Мултан), чаще всего автор именует его просто *Мултан*. Местные удмурты, как мы выявили во время экспедиции, называют его *Вуж Мултон* ~ *Мултон*. Из текста романа узнаем, что селение расположено среди лесов, на возвышенном месте. Действительно, когда идешь по дороге со станции Саркуз мимо д. Новый Мултан, село хорошо просматривается. Его видно издалека.

Мы интересовались, кем и когда основано это селение. Но местные жители уже не знают время основания и кто его основал. В романе М. Петро-

ва имеется предание о происхождении с. Старый Мултан, введенное писателем в роман в форме рассказа смертельно больного Буграш Семона своему сыну Педору (Федору):

– *Асьме гурт татчы туж кемалась интыяськемын ни, пие. Кы же ке Анна эксэй дыръя Учурьсь лыктйллям татчы. Секыт вылэм соку улон, Россиен Анна эксэйлэн дусымез Бырон нимо лек адыми кузёяськем. Чино адымиос киндэ-мардэ учкытэк кыскало, пе, вал. Огпол сйзбыл, луд уж бырем бере, учуръёс отчаме люкаськиллям. Лазарь песятаелэн атаез бадзым вöсьясь вылэм. Со бордысен кутске асьмелэн дано выжымы. Буграш вылэм солэн нимыз. Кытчы ке көчоно, пегзöно шуэм со отчамын. Выль инты утчаны дас вить арес Лазар пиеныз потэм. Нюлэсьестй йыромылыса быдэс арня ветлйллям. Сизыметй нуналаз сьод нюлэс шортй бызись шулдыр интыез шедьтйллям. Дась сутскем интыез чоггёсын шуккыса котыртйллям песятайёсмы, али со интыын черк сьлэ ни. Арысь аре, выжыысь выжые, нюлэсэз сайкыса, учурьсь лыктэмъёс кыр интыос кылдытъяллям. Трос аръёс ортчыса, Мултан пыр Вавож пала, отысен Сибирь тракт вылэ садо сюрес ортчем. Гурт кылдэм бере ог кызь вить ар ортчыса, тани асьме коркамылэсь вылланегес черк пуктйллям. Черкы бадзым гырлы зырт кезыт толалтэ ог ньыльдон мурт, бурдо дöдъе кыткиськыса, витьтон иськемысь Вятской Полянаысь ваиллям. Черкез усьтэм берегес ик, Мултан базар луыны кутскем. Лазар песятаймы лавка усьтэм... (Петров 1977: 67–68). 'Наша деревня обосновалась здесь очень давно, сынок. Пришли сюда из Учуря во времена правления царицы Анны. Тяжелая тогда была жизнь, Россией правил полюбовник Анны, злой Бырон. Чиновники тащили у удмуртов все. Однажды осенью, после окончания осенних полевых работ, учурцы собрались на сход. Отец моего дедушки Лазаря был тогда старшим жрецом. С него начинается наш славный род. Звали его Буграш. На сходке он сказал: «Надо переселяться, скрыться». На поиски нового места он взял с собой пятнадцатилетнего сына Лазаря. Целую неделю плутали они по лесам. На седьмой день они нашли речку, которая бежала в дремучем лесу. Готовую выжженную поляну наши прадеды загородили, забив колья, сейчас на этом месте стоит церковь. Из года в год, из рода в род учурцы, расчищая лес, образовывали поляны. Через много лет через Мултан в сторону Вавожа, а оттуда в Сибирь прошла садовая дорога. Примерно через пять после основания селения на улице повыше нашего дома построили церковь. В очень холодную зиму около сорока человек привезли из Вятских Полян большой колокол для церкви, тянули его на розвальнях пятьдесят верст. Вскоре после открытия церкви стал собираться Мултанский базар. Дед мой Лазарь открыл лавку... '.*

Можно предположить, что писателю еще удалось в свое время записать это историческое предание о возникновении селения, а какие-то моменты, возможно, автор придумал сам. Это предание имеет полифункциональный характер: мы узнаем не только об истории с. Старый Мултан и местной церкви, но и историю рода Буграша, становлении героя романа.

Для меня, как топонимиста, интересно было узнать, каким представляет писатель это селение в годы описываемых событий, большое оно или маленькое, в несколько домов. Писатель ненавязчиво, от главы к главе знакомит своих читателей с этим населенным пунктом. Это не просто деревня, а село, где имеется церковь – *Мултан черк* (Мултанская церковь), открытая в 1850 г. (Православные храмы Удмуртии: 258). В настоящее время эта церковь стоит в самом центре села и является действующей. Лавка, о которой упоминает писатель, – это, возможно, бывшая лавка на первом этаже старого купеческого дома, сейчас это здание сельского краеведческого музея.

Село, судя по роману, расположено на реке *Мултан* (*Мултан шур*). Местные удмурты называют ее *мултон/шур*. В настоящее время это небольшая речка. И что интересно, во время экспедиции мы выявили, что по селу протекают две речки под названием *мултон/шур* и *лыдо/мултон*. Затем они сливаются в одну реку *Мултанку* (*мултон/шур*), впадающую в реку *Люга* недалеко от села (у М. Петрова *Люгы шур*, по нашим экспедиционным записям – *л'угы/шур*). Вдоль реки Мултанки тянутся *Мултанские луга* (у М. Петрова: *Мултан возьёс*, местные удмурты называют *мултон/воз'йос*). Кроме того, из романа узнаем, где расположено это селение: *Мултанозь татысен [Вятской Полянаысен] витьтон иськем шуэ станцилэн кузёез* (Петров 1977: 257). 'До Мултана отсюда [от Вятских Полян] пятьдесят верст, как говорит начальник станции'.

Вокруг Старого Мултана расположено множество удмуртских и русских селений (см. табл. 1):

Таблица 1

Названия удмуртских и русских селений, расположенных вокруг Старого Мултана

Названия селений, используемые в романе М. Петрова «Вуж Мултан»	Названия селений, выявленные в экспедициях	Названия селений в современных официальных документах
1	2	3
<i>Анык</i>	<i>онык</i>	д. Старый Анык (Кизнерский р-н)
<i>Бадһым Уча</i>	<i>уча</i>	с. Большая Уча (Можгинский р-н)
<i>Выль Мултан</i>	<i>вил'/мултон</i>	д. Новый Мултан (Кизнерский р-н)

1	2	3
<i>Вавож</i>	<i>вавож</i>	с. Вавож (Вавожский р-н)
<i>Дубровка починка</i>	<i>дуброфка</i>	д. Дубровка (Кизнерский р-н)
<i>Кузнерка</i>	<i>кузн'эрка</i>	д. Кузнерка (Кизнерский р-н)
<i>Копки</i>	<i>кõпка ~ кõпки ~ кыпка</i>	Старые Копки (Кизнерский р-н)
<i>Ныши</i>	<i>ныши</i>	Ныша (Кизнерский р-н)
<i>Вуж Мултан</i>	<i>вуж/мултон ~ мултон</i>	с. Короленко (Кизнерский р-н)
<i>Трык</i>	<i>тирык</i>	д. Старый Трык (Кизнерский р-н)
<i>Пазял</i>	<i>нумйа ~ наз'аўнумйа</i>	д. Пазял-Зюмья (Можгинский р-н)
<i>Пазял-Жикья</i>	<i>наз'аў</i>	д. Пазял (Можгинский р-н)
<i>Пельга ~ Волипельга</i>	<i>вол'и ~ вол'ипэл'га</i>	с. Волипельга (Вавожский р-н)
<i>Чулья</i>	<i>чул'л'ы ~ чул'л'и</i>	д. Чулья (Кизнерский р-н)

Все это названия реально существовавших в то время и существующих ныне или уже исчезнувших деревень. Несомненно, с тех времен произошли изменения. Село *Старый Мултан* в 1939 г. постановлением Президиума Верховного совета Удмуртской АССР было переименовано в село имени *В.Г. Короленко* (СБЗА 1971: 127) в честь русского писателя, публициста, общественного деятеля, широко известного своей правозащитной деятельностью в деле защиты крестьян-удмуртов, несколько позже село начали называть просто *Короленко*. Исчезли деревни *Анык*, *Чулья*, *Кузнерка* и починок *Дубровка*.

В романе также широко представлены микропонимы окрестностей с. Старый Мултан и соседних деревень (см. табл. 2):

Таблица 2

Микропонимы окрестностей с. Старый Мултан

Микропонимы, используемые в романе М. Петрова «Вуж Мултан»	Микропонимы, выявленные в экспедиции
1	2
<i>Анык бусы</i>	<i>онык/бусы</i> (название поля)
<i>Бадньым урам</i>	<i>бадьньым/урам</i> (название улицы)
<i>Казна нюлэс</i>	<i>казна</i> (название леса)
<i>Люгы шур</i>	<i>л'угы/шур</i> [р. Люга] (название реки)

1	2
<i>Мултан возъёс</i>	<i>мултон/воз'йос</i> (название луга)
<i>Мултан луд</i>	<i>мултон/бусы</i> (название поля)
<i>Мултан черк</i>	<i>мултон/чэрк</i> (название церкви)
<i>Мултан шур</i>	<i>мултон/шур</i> [р. Мултанка] (название реки)
	<i>лыдо/мултон</i> (название реки)
<i>Податной нюлэс</i>	<i>податно·й</i> (название леса)
<i>Самсон нюк</i>	<i>самсон/н'ук</i> (название лога)
<i>Чулья сюрес</i>	<i>чул'лы/с'урэс</i> (название дороги)
<i>Шурдошур</i> (название реки)	<i>шурдо/шур</i> (название луга и поля)
Микротопонимы, представленные в несколько ином оформлении:	
<i>Анык палась мынһсь сюрес</i>	<i>онык/с'урэс</i> (название дороги)
<i>Мултан бусы капка</i>	<i>мултон/капка</i> (название полевых ворот)
<i>Мултан нюлэс</i>	<i>вуж/мултон/н'уўэс</i> (название леса)
<i>Садо сюрес</i>	<i>с'ибирской/тракт ~ кыс'пуо/с'урэс</i> (название дороги)

Хочется отметить, что некоторые географические наименования в романе придают дополнительный экспрессивно-стилистический эффект. Так, микротопоним *Шурдошур* (речка Шурдо) (*Шурдо* < удм. *шурдыт* 'страшный, опасный; боязный', *шурдыны* 'бояться') соотнесен с местонахождением трупа убитого нищего Матюнина. И этот эффект еще более усиливается картиной надвигающейся грозы. При чтении романа сразу возникает вопрос: а есть ли в с. Короленко речка *Шурдошур* или это название придумал писатель для описания упомянутых событий? В наших экспедиционных материалах есть микротопоним *Шурдошур*, но он представлен в качестве названия поля и луга. Еще выявлены такого же типа наименования: *Вал кулон нюк* (в романе М. Петрова) и *анна/куўон/н'ук* (в наших экспедиционных материалах). Возможно, эти названия были в этих местах, а вполне может быть, что писатель видоизменил встречающиеся микротопонимы.

Таким образом, проанализировав топонимы, используемые М. Петровым в романе «Вуж Мултан» и реальные топонимы с. Короленко и его окрестностей, можно прийти к выводу, что писатель с целью достоверно показать непростые для удмуртского народа времена в период царской России специально ездил и собирал географические названия на той территории, где происходят события, описанные в его романе. Наши предположения подтвердил в одном из наших разговоров в 2013 г. профессор

Удмуртского государственного университета И. В. Тараканов, имевший тесные связи с известным удмуртским писателем М. П. Петровым.

Домокош П. История удмуртской литературы / пер. с венгерского В. Васовчик. – Ижевск: Удмуртия, 1993. – 448 с.

Петров М. Вуж Мултан: Роман. – Ижевск: Удмуртия, 1977. – 352 с.

Православные храмы Удмуртии : справочник-указатель / сост. И.Н. Зайцева, Г.И. Самарцева. – Ижевск: Удмуртия, 2000. – 480 с.

СБЗА – Сборник законодательных актов по административно-территориальному делению Удмуртской АССР (1920–1970 гг.). – Ижевск, 1971. – 276 с.

ПРОГРАММНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБУЧЕНИЯ ДЕТЕЙ КОМИ ЯЗЫКУ КАК ГОСУДАРСТВЕННОМУ В ДОШКОЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

Е.А. Клепцова,
магистрант ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»
eklepczova@mail.ru

Принятие Закона Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» 25 октября 1991 г. стало одной из мер по сохранению культурного и языкового разнообразия в России.

Первым важным шагом в расширении и формировании регионального этнокультурного образовательного пространства явилось принятие Закона Республики Коми «О государственных языках Республики Коми» 28.05.1992 г., провозглашающий следующее: «Государственными языками Республики Коми являются коми и русский языки. В Республике Коми как единственной и исконной территории обитания и компактного проживания коми народа коми язык является объектом особой заботы государства и находится под его защитой. Русский язык на территории Республики Коми и является основным средством межнационального общения» (цит. по: Остапова 2014: 225). Для успешной реализации данного Закона была разработана «Концепция этнокультурного образования», в которой важное место придается диалогу культур. «Особое место этнокультурного образования в общей образовательной системе Российской Федерации определяется ее полиэтничным составом, поликультурностью российского общества. Не является исключением и Республика Коми – исторически много-

национальный и многоконфессиональный регион. В этих условиях важно создание гибкой, многоуровневой системы этнокультурного образования, способствующей как сохранению и развитию коми языка и культуры, так и консолидации народов республики на основе диалога культур» (Концепция образования этнокультурной направленности в Республике Коми).

В настоящее время ведутся исследования проблем развития коми языка как родного и государственного и освещение данных в научных трудах, СМИ и т.д. Но одной из важнейших условий функционирования коми языка является изучение его в образовательных учреждениях.

В современных условиях модернизации системы образования эта задача может быть решена через основные общеобразовательные программы, основные профессиональные образовательные программы и дополнительные образовательные программы. Требования Федеральных государственных образовательных стандартов к структуре основных образовательных программ соответствующего уровня образования определяют подходы к целям, содержанию и организационным механизмам реализации содержания образовательной программы, отражающей этнокультурные особенности.

В связи с этим «пересмотру также подвергаются программные и методические документы, связанные со школьной практикой, с преподаванием филологических дисциплин в вузах республики» (Остапова 2014: 80–81).

«Теперь большинство учебных планов и программ должны быть ориентированы на развитие у обучающегося умения правильно и быстро находить необходимую информацию, критически её анализировать и интегрировать. Кроме этого, меняется и роль педагога в образовательном процессе. Теперь он должен стать именно консультантом и в некотором роде помощником, а не «единственным источником передачи знаний» (Попова 2014: 325).

В настоящее время Коми республиканским институтом развития образования подготовлены и выпущены программно-методические материалы для организации в ДОУ занятий по коми языку как родному – «Дзолюк» (Малышок) – и коми языку как государственному – «Чолём, ёртёй! Здравствуй, друг!».

Программно-методические материалы опираются на лучшие традиции отечественного дошкольного образования, его фундаментальность: всестороннее воспитание, амплификацию (обогащение) развития на основе организации разнообразных видов детской творческой деятельности. Особая роль уделяется игровой деятельности как ведущей в дошкольном детстве (А.Н. Леонтьев, А.В. Запорожец, Д.Б. Эльконин и др.).

Программа «Чолём, ёртёй! Здравствуй, друг!» разработана в 2012 г., написана на русском и коми языках для организации занятий по коми языку как государственному (Остапова, Москвина 2012: 5).

Согласно данной программе, в настоящее время на первый план выдвигается формирование лингвистической, коммуникативной и культурологической компетенции детей дошкольного возраста. Программа для организации занятий по коми языку как государственному для детей 4–7 лет распределена на три возрастные группы с учетом преемственности языкового материала и возрастных особенностей детей дошкольного возраста. По результатам научных исследований, наиболее оптимальный возраст для организации занятий коми языку как государственному является четырехлетний возраст ребенка, именно в этом возрасте дети очень восприимчивы к овладению новым языком, они легко учатся понимать речь на неродном языке, успешнее усваивают новую лексику.

Методический материал состоит из трех разделов: программы для организации занятий по коми языку как государственному для детей 4–7 лет; примерного тематического планирования; дидактического материала «Игры и игровые ситуации для организации занятий по коми языку как государственному».

Основными целями организации занятий по коми языку как государственному являются:

- формирование элементарных навыков речевой деятельности в разных ее видах: аудирование и говорение на коми языке в семейно-бытовой и игровой сферах;
- овладение звуковой стороной коми языка – формирование произносительных навыков (в частности, специфических коми звуков [ö], [ž'] (дз), [ž] (дж), [ч] (чи));
- овладение определенным лексическим запасом, необходимым для общения на коми языке;
- формирование у детей положительного настроения и готовности к общению на коми языке;
- постижение через устное народное творчество и коми литературу системы духовных ценностей народа;
- создание основы для формирования в будущем личности как умелого хранителя, пользователя и создателя социокультурных ценностей и традиций Коми края.

В тематическое планирование языкового материала включены те знания из области фонетики, лексики, грамматики (морфологии и синтаксиса), которые наиболее часто используются (или уместно было бы использовать) детьми 4–7 лет в процессе речевого общения, оно имеет следующие структурные разделы:

- кыввор (лексика): включены слова как для активного, так и для пассивного усвоения – *нывка* (девочка), *зонка* (мальчик), *ме* (я), *менам* (моя), *котöрт* (беги), *сувтöй* (встаньте);

– шуанног (произношение): включены специфические коми звуки, парные звуки по твердости/мягкости; задача воспитателя – научить детей произносить звуки изолированно, в слогах и словосочетаниях: *тшак* (гриб), *мач* (мяч), *син* (глаз), *сьолём* (сердце);

– грамматика: представлены конструкции словосочетаний и предложений, наиболее употребляющиеся в коми языке по формуле *тайӧ* + *эмакыв* (это + сущ.): *тайӧ чача* (это игрушка);

– сёрни (связная речь): содержатся образцы разговорных текстов – диалоги, монологи.

Дидактический материал «Игры и игровые ситуации для организации занятий по коми языку как государственному» включает образцы дидактических игр, направленных на закрепление умений и навыков, понимание и употребление в речи слов и их грамматических форм, предусмотренных программой.

Все игры и упражнения распределены по речевым задачам. Внутри каждого раздела нашли отражение пальчиковые, двигательные, сюжетные, настольно-печатные, словесные игры.

Задача фонетических игр, например «Песенка веселого язычка» (Гажа кывлӧн сьылӧм), – правильно научить произносить в словах твердые и мягкие согласные; игры с пальчиками, например «Оводы» (Лӧдзьяс) – направлены на правильное произношение звука [ž’].

Лексические игры, например «Найди игрушку» (Корсь чача), помогают вспомнить детям названия игрушек; игра «Отгадай» (Тӧдмав) требует выработки умения отвечать на вопросы.

Грамматические игры закрепляют в речи детей вежливые слова («Дайте мне» (Вайӧ меным...)); учат понимать значение послелогов («Что, куда?» (Мый, кытчӧ?).

Игры для развития связной речи закрепляют умение вести диалог («Заказ по телефону» (Телефон пыр сёрни), активизируют в речи детей знакомые слова и учат составлять предложения («Отгадай, кто это» (Тӧдмав, кодӧ тайӧ).

По мнению авторов программы, «в процессе таких игр ребенок не просто активизирует свой словарный запас, но и учится соотносить слова с действительностью, углубляет и уточняет значение слов и форм слов, учится применять знания в деятельности, вырабатывает привычку практически пользоваться коми языком» (Остапова, Москвина 2012: 56).

Педагоги отмечают, что при организации двуязычного воспитательно-образовательного процесса в детском саду очень важна правильная позиция родителей. В настоящее время идёт поиск наиболее эффективных форм сотрудничества детского сада с семьёй в целях повышения позитивного отношения к коми языку, понимания важности двуязычного образо-

вания. Для достижения наилучшего результата необходимо разработать для родителей буклеты, рекомендации, методические пособия, ориентирующие на положительное приобщение к коми языку, историко-культурным ценностям своего народа и родного края, формирование позитивного отношения к этнокультурному разнообразию.

Концепция образования этнокультурной направленности в Республике Коми [Электронный ресурс]. URL: [http:// komishkola.ucoz.ru/konceptija_ehtnokulturnogo_obrazovanija.doc](http://komishkola.ucoz.ru/konceptija_ehtnokulturnogo_obrazovanija.doc) (дата обращения: 10.11.2016).

Остапова З.В., Москвина Т.А. Чолём, ёртёй! (Здравствуй, друг!): программно-методические материалы для организации занятий по коми языку как государственному в дошкольных образовательных учреждениях. – Сыктывкар: ООО «Анбур», 2012. – 160 с.

Остапова Е.В. Переводная художественная литература в образовательном пространстве Республики Коми // Диалог традиций и инноваций в условиях трансформации общества и культуры : сборник научных статей и методических рекомендаций по материалам I Международного форума словесников (19–20 октября 2012 г., Санкт-Петербург) / науч. ред. и сост.: доктор пед. наук, проф. Н.Л. Мишати́на, доктор пед. наук, доц. Е.Р. Ядровская. – СПб.: ООО «Книжный Дом», 2014. – 456 с.

Остапова Е.В. К вопросу о функционировании переводной художественной литературы в образовательном пространстве Республики Коми // Вопросы финно-угорской филологии / отв. ред. В.М. Лудыкова. – Вып. 10. – Сыктывкар, 2014. – С. 80–87.

Попова Р.П., Лудыкова В.М., Остапова Е.В., Пунегова Г.В., Молчанова В.А. Кафедра коми и финно-угорской филологии Сыктывкарского государственного университета в условиях меняющейся образовательной парадигмы // Родной язык в современных условиях двуязычия : сборник статей / под общей ред. Е.В. Остаповой и С.Н. Терентьевой. – Сыктывкар: ООО «Издательство “Кола”», 2014. – С. 323–332.

КОМИ ТЕРМИНОЛОГИЯ, СВЯЗАННАЯ С ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Е.В. Кожевина,
аспирант ИЯЛИ КомиНЦ УрО РАН,
переводчик Бюро официального перевода при КРАГСиУ
cose2010@mail.ru

В Республике Коми два государственных языка – коми и русский. Согласно статье 12 Закона Республики Коми «О государственных языках

Республики Коми» «при подготовке и проведении выборов в органы власти и управления всех уровней, референдумов и других общественно-политических мероприятий используются коми и русский языки» («О государственных языках...»).

Использование коми языка в избирательной деятельности также закреплено в пункте 7 статьи 62 Закона Республики Коми от 1998 года № 26-РЗ «Кодекс Республики Коми о выборах и референдумах в Республике Коми»: «Избирательные бюллетени, бюллетени для голосования печатаются на русском и коми языках» («Кодекс Республики Коми...»).

В настоящее время переводом текстов избирательных бюллетеней для голосования на выборах различных уровней на коми язык занимается Бюро официального перевода при Коми республиканской академии государственной службы и управления.

При переводе используется существующая терминология, созданная в 20–30-е годы прошлого века и представленная в терминологических словарях (Тарабукин 1934; Сахарова 1953). При необходимости сотрудниками Бюро официального перевода создаётся новая терминология.

Стоит отметить, что важную роль в рассмотрении и утверждении коми терминологии играет созданная в 1994 г. Республиканская терминоорфографическая комиссия при Главе Республики Коми.

Как известно, для коми языка наиболее характерным является морфологический способ образования новых слов, которой позволяет создавать термины по типовой словообразовательной модели (Федюнева 1981, 2000; Федюнева, Пунегова 2002; Карманова, Панюкова 1999 и др.). Этим обеспечивается семантическая взаимосвязь производных слов в рамках терминологической системы. Например, с помощью суф. *-õм* от глаголов регулярно образуются 1) имена действия: *бõрйысьõм* «выборы» < *бõрйыны* «выбрать, выбирать»; *гõлõсуйтõм* «голосование» < *гõлõсуйтны* «голосовать»; 2) адъективные составляющие сложных терминов, вроде: *бõрйõм морт* «выборное лицо» < *бõрйыны* «выбрать»; *пасйõм кандидат* «зарегистрированный кандидат» < *пасйыны* «отметить, обозначить, зарегистрировать»; с помощью суф. *-ысь* – лица, участвующие в избирательном процессе, напр., *бõрйысьысь* «избиратель», *бõрйысян комиссияõн веськõдлысь* «председатель избирательной комиссии»; с помощью суф. *-ан* образуются названия различных документов и других реалий избирательного процесса, напр.: *бõрйысян бюллетень* «избирательный бюллетень», *бõрйысян участок* «избирательный участок»; *бõрйысян комиссия* «избирательная комиссия» и т.д.

При переводе текстов избирательных документов переводчики используют как общеупотребительную, так и специально созданную лексику. Однако отсутствие необходимых терминов зачастую приводит к необхо-

димости заимствования их из русского языка. Например: *комиссия, участок, мандат*.

Многие термины, используемые в избирательной деятельности сегодня, созданы по русским моделям, т.е. калькированы. Калькированием называется «переводческий прием, заключающийся в том, что составные части слова (морфемы) или словосочетания заменяются их прямыми соответствиями на языке перевода» (Нелюбин 2003: 73). Различаются:

– лексические кальки – слова, созданные из материала родного языка, но по иноязычной словообразовательной модели (Нелюбин 2003: 73). Например, *отувъя бөрйысян кытш* «единый избирательный округ», *дінму юкөн* «региональное отделение» и т.д.;

– полукальки – частичные заимствования, состоящие частью и из своего собственного материала, а частью из иноязычного (Хакимова «Приемы...»). Например, термины *пасйём кандидат* «зарегистрированный кандидат», *бөрйысян комиссия* «избирательная комиссия» являются полукальками. Первые компоненты данных терминов *пасйём, бөрйысян* являются исконными элементами коми языка, а вторые – *кандидат, комиссия* – русскими заимствованиями.

Для официально-делового стиля коми языка весьма характерным является калькирование сложных и составных терминов, включающих как оригинальную коми лексику, так и заимствованную, например: *вына гөлöса инöd* «право решающего голоса»; *ставроссияса кансяма ютыр* «всероссийская политическая партия»; *Коми дінму юкөн* «Коми региональное объединение»; *отувъя бөрйысян кытш* «единый избирательный округ»; *дінму юкөн* «региональное отделение»; *участокса бөрйысян комиссия* «участковая избирательная комиссия»; *бөрйысян отув* «избирательное объединение»; *гусьён гөлöсуйтöм* «тайное голосование»; *öти мандата бөрйысян кытш* «одномандатный избирательный округ» и т.д.

В последние годы ведется активная работа по созданию аббревиатур, хотя этот способ словообразования не характерен для коми языка (Федюнева 1985).

В информации о кандидате обычно содержатся данные о месте работы и занимаемой должности (роде занятий), поэтому при переводе этой части бюллетеней аббревиатура используется часто.

Вот примеры из рассмотренных текстов:

ООО «Шоколад» = «Шоколад» ИКК < *Ичöt кывкутана котыр* «Общество с ограниченной ответственностью»;

ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина» = «Питирим Сорокин нима Сыктывкарса канму университет» ВТШВ ФКСУ < *Вылыс тшупöда велöдан федеральной канму*

сьёмкуд учреждение «Федеральное государственное общеобразовательное учреждение высшего образования»;

Местное отделение Коми РО ПП КПРФ в Сыктывкаре = *КПРФ КЮ Коми ДЮ Сыктывкарын меставывса юкӧн* < *КПРФ кансяма ютырлӧн Коми дӧнмуса юкӧн* «Коми региональное отделение политической партии КПРФ»; ОАО «Газпром» = «*Газпром*» *ВАК* < *Восьса акционер котыр* «Открытое акционерное общество»;

ЗАО «КНЭМА» = «*КНЭМА*» *ПАК* < *Пӧдса акционер котыр* «Закрытое акционерное общество».

Из изложенного видно, что в Республике Коми проводится большая работа по обеспечению функционирования коми языка в сфере избирательной деятельности. Создана, утверждена и активно используется коми терминология, разработана соответствующая документация. С текстами избирательных бюллетеней может ознакомиться любой житель республики. Перевод на коми язык располагается под текстом на русском языке, что упрощает понимание терминов на коми языке.

В заключении стоит отметить, что использование коми языка на государственном уровне повышает его статус и престиж среди населения республики.

Кодекс Республики Коми о выборах и референдумах в Республике Коми : закон Республики Коми. URL: <http://docs.cntd.ru/document/951605067> (дата обращения: 20.11.16);

О государственных языках Республики Коми : закон Республики Коми. URL: <http://law.rkomi.ru/files/11/4149.pdf> (дата обращения: 20.11.16);

Карманова А.Н., Панюкова О.В. Торъякывъяс артмӧдан кыввор. [Словообразовательный словарь]. – Сыктывкар: КРИРО и ПК, 1999. – 155 с.

Нелюбин И.И. Толковый переводоведческий словарь. – 3-е изд., перераб. – М.: Флинта: Наука, 2003.

Русско-коми терминологический словарь / сост. М.А. Сахарова. – Сыктывкар: Коми книгоиздат, 1953. – 118 с.

Коми терминология словарь (делӧвӧй гижӧд кузя) : проект / сост. И.И. Тарабукин, К.И. Туркин. – Сыктывкар: Коми ГИЗ, 1934. – 95 с.

Федюнева Г.В. Словообразовательные суффиксы существительных в коми языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Сыктывкар, 1981.

Федюнева Г.В. Словообразовательные суффиксы существительных в коми языке. – М., 1985.

Федюнева Г.В. Коми эмакыв артмӧм. – Сыктывкар, 2000.

Федюнева Г.В., Пунегова Г.В. Коми кывйын торъякывъяс артмӧм. – Сыктывкар, 2002.

Хакимова Ш.Р. Приемы перевода интернациональных реалий. URL: <http://moluch.ru/conf/phil/archive/107/4876/> (дата обращения: 20.11.16).

**КОМИ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ И ИХ СООТВЕТСТВИЯ В РУССКОМ,
ЭСТОНСКОМ И ФИНСКОМ ЯЗЫКАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ В.В. ТИМИНА «ЭЖВА ПЕРЫМСА
ЗОНКА» ('МАЛЬЧИК ИЗ ПЕРМИ ВЫЧЕГОДСКОЙ'))**

Паула Кокконен,
магистр философии, лексикограф
Киркконумми
paula.kokkonen@alumni.helsinki.fi

Фразеологизмы (поговорки, пословицы) или идиомы, их также называют устойчивыми описательными выражениями, являются трудными с точки зрения перевода. Переводчику приходится думать о стратегии перевода отдельно для каждой идиомы, потому что идиомы обычно тесно связаны как с языком, так и с культурой. Рекомендуется искать по возможности эквивалентный перевод или переводить фразеологизм или идиому исходного языка дословно на язык перевода, что не всегда возможно. Очень часто в исходном языке существуют культурные и местные реалии, для которых в целевом языке нельзя найти эквивалент.

Термин идиома происходит от греческого *idiōma* 'своеобразное выражение'. Идиома понимается как выражение, первоначальное значение которого во многих случаях через метафорическое или образное употребление затемнено и которому специально было сформировано новое самостоятельное значение. По мнению О. Лаухакангас, идиомой называют оборот речи, который непонятен без объяснения (Лаухакангас 2014: 10).

В отношении идиом принято говорить о конвенционализме. Это означает то, что членам языкового сообщества выражение знакомо или же его можно интерпретировать с помощью уже известных идиом. Некомпозициональность же идиомы означает то, что значение выражения нельзя вывести на основании значений его частей. Значение получается не буквальное, а переносное/образное.

Идиомы состоят из двух или более слов и имеют свой синтаксический строй. Идиома может быть застывшей синтаксически или лексически. Значения идиом нужно учить отдельно, так же как значения слов. Пословицы – это целые предложения, в то время как идиомы кажутся оставшимися в промежутке лексики и грамматики. Задачи идиом следующие:

- оживлять текст;
- изображать интенсивную деятельность;
- выразить позицию говорящего как по отношению к событию, так и по отношению к обстоятельству или к лицу;

- стремиться выражать интересные стороны увиденного;
- характеризовать идиолект какой-либо личности;
- преодолеть табу (Muikku-Werner 2008: 5-8 и 2009: 84–86).

Как идиомы, так и культурные реалии часто бывают проблематичными для переводчика. Например, коми *чомкост*, согласно словарю, по-русски означает ‘расстояние между двумя шалашами’, ‘расстояние в пять-семь километров’. В финском языке соответствует термину *kodanväli* ‘расстояние между шалашами’, ‘расстояние между двумя шалашами’. Хотя в финском языке есть старая мера дороги *peninkulma*, по словарю, по-русски обозначает ‘миля’, однако это слово не подходит для перевода коми слова *чомкост*, потому что его значение ‘дорога, на которой слышен лай собаки’. Расстояние мили примерно 10 километров, значит, примерно в полтора раза больше, чем расстояние *чомкост*-а.

В данной статье я сравниваю коми идиомы с их соответствиями в русском, эстонском и финском языках на материале повести В.В. Тимина *Эжва Перымса зонка* (ЭПз) (‘Мальчик из Перми Вычегодской’).

1. Перевод универсальных фразеологизмов и идиом легче, чем перевод идиом, связанных с культурой. Когда хотят выразить, что ‘кто-то держит данное обещание’, используют отрицательное выражение. Это видно из приведенных ниже примеров: коми букв. ‘не меняю своего слова’, русское и эстонское букв. ‘не беру назад своего слова’, финское букв. ‘не ем своих слов’.

(ЭПз, 109): – *Тайӧ тэнад. Тадз вӧлі шуӧма. Ме ассьым кывйӧс ог вудж.*

(рус, 114): – *Это твое! Я своего слова назад не беру!*

(эст, 161): – *See on sinu oma! Mina oma sõna tagasi ei võta!*

(фин, 91): – *Tämä on sinun. Niinhän oli sovittu. Minä en syö sanojani.*

2. Вторая универсальная идиома возникла из представления, что кошка и собака не ладят между собой. Писатель В. Тимин использовал много раз выражение *гыжъя-вежъя*, которое, по словарю, означает: ‘1) скот, копытные животные; 2) вряд ли; 3) диал. неважный, незавидный/неважно, незавидно’ (КРК 2000: 166), но в качестве идиомы его значение другое. Мы все три переводчика при переводе этой идиомы выбрали выражение ‘как кошка с собакой’. Правда, при разговоре о вере лучше подходит финское слово *eräkunnioittavasti* ‘неуважительно’, чем идиома *kuin kissa ja koira* ‘как кошка с собакой’.

(ЭПз, 201): – *Гыжъя-вежъя оланньд вежа эскӧмкӧд!*

(ЭПз, 214): *Мӧкуа да Казань важысянь нин олісны гыжъя-вежъя.*

(рус, 186, 197): – *Как кошка с собакой живете со святой верой.*

Москва и Казань издавна жили как кошка с собакой.

(эст, 265, 283): – *Te elate siin püha usuga nagu koer kassiga.*

Moskva ja Kaasan eläsid juba ammu nagu kass ja koer.

(фин, 154, 163): – *Te elätte pyhän uskon kanssa epäkunnioittavasti.*

Moskova ja Kazan olivat jo iät ajat eläneet kuin kissa ja koira.

3. К кошке или собаке относится и следующая коми идиома *гар бӧжӧн/люнь бӧжӧн* ‘с поднятым хвостом/с опущенным хвостом’. По-фински лучше звучит *pää pystyssä* ‘с высоко поднятой головой’, чем *häntä pystyssä* ‘с поднятым хвостом’, но слово *koipi* ‘лапа’ вместо слова *jalka* ‘нога’ говорит о том, что идиома возникла при наблюдении за собакой.

(ЭПз, 143): *Асыка гар бӧжӧн локтіс, люнь бӧжӧн муніс.*

(рус, 134): *Асыка направлялся сюда с задраным хвостом, а обратно ушел с поджатым.*

(эст, 194): *Asõka oli siia tulnud, saba püsti, kuid läinud, saba jalge vahel.*

(фин, 109): *Asyka oli tullut pää pystyssä, mutta saanut lähteä häntä koipien välissä.*

4. Ворона – хорошо известная птица в коми идиомах. С помощью вороны описывают насквозь промокшего, она смеется над неудачником, её следы являются странными для чтения. Сравнительная формула ‘мокрая как х’ является универсальной. Вместо коми *рака* ‘ворона’ в русском языке выступает *кураца*, в эстонском языке – *тряпка*, в финском языке – *выкупанная собака*.

(ЭПз, 20): – *Косьтысь, а то, видзӧда да, няв рака моз кӧтасьӧмьд.*

(рус, 20): – *Сушишь, а то, смотрю, как мокрая кураца.*

(эст, 30): – *Kuivata ennast, oled ju märg nagu narts.*

(фин, 15): – *Kuivattelehan itseäsi, näytät olevan märkä kuin uitettu koira.*

Интересно привести здесь ещё несколько примеров идиомы ‘мокрая, как х’ из других языков: в английском языке ‘мокрая, как утонувшая крыса’, в испанском – ‘мокрый, как суп’, в шведском – ‘до кожи мокрый’, во французском – ‘мокрый до костей’ (Pouttu-Delière 2009: 120).

5. Как сороки, так и вороны смеются насмешливо в русских и в эстонских идиомах. В коми языке, по всей видимости, смеются только вороны, а в финском – сороки.

(ЭПз, 53): – *Ракаяс сераласны, куш киӧн кӧ бӧр воам.*

(ЭПз, 124): – *а ме повзи гачтӧм пӧтей моз. Тадзнад и аслад вуджӧрысь весьӧпӧран. Ракаяс сераласны вак-вакӧн.*

(рус, 55, 120):

– *сороки сильно трещали, с пустыми руками, кричат, вернетесь.*

– *а я испугался, как беситанный сопляк. Ветер шумит, а мне голос слышится. Воронам на смех.*

(эст, 80, 169):

– *aga miskipärast harakad kädistasid, et tulete tagasi tühjade kätega.*

– *mina aga lõin araks nagu püksatu jõmpsikas. Varesedki hakkavad niisuguse asja peale naerma.*

(фин, 42, 95): – *Harakatkin nauravat, jos tyhjin käsin palaamme.*

– *ja minä pelästyin kuin pikkulapsi. Tällä tavoin sitä säikkyu vielä omaa varjoaankin. Harakatkin ihan nauravat.*

В данном примере присутствует еще одна сравнительная идиома *gachtõm nõтей моз* ‘как бесштаный сопляк’. Подобным же образом эта коми идиома переводится на русский и эстонский языки. Финский перевод этой коми идиомы – *kuin pikkulapsi* ‘как маленький ребёнок’ – является адекватным переводом, хотя и менее выразительным.

6. В коми языке неудача первого выстрела – это *сьод рака* ‘черная ворона’. Перевод на финский – пример буквального перевода – при отсутствии хорошего эквивалента. В финском, русском и эстонском переводах добавляется объяснение о том, что это коми поговорка.

(ЭПз, 55): – *Медводз дõра – гõрõдõсь, медводз лыйõм – сьод рака, – тэры-*

ба шуис Ирьянко, и – ёртъяс чõвталисны вугыръяснысõ вайõ.

(рус, 57): – *Первая холстина – узлом, первая стрела – черная ворона, – торопливо произнес Ирьянко старинный заговор.*

(эст, 84): – *Esimene kangas sõlme, esimene noolega must vares, lausus Irjanko kiiresti vanaaegse mana.*

(фин, 44): – *Ensimmäisestä kankaasta tulee solmuinen, ja ensimmäinen laukaus*

antaa mustan variksen, tokaisi Irjanko muistaen vanhan komilaisen sanonnan, jonka mukaan aina ensimmäinen yritys tapaa epäonnistua.

7. Во многих языках неизвестное или неразборчивое письмо выражается с помощью идиомы. Герой романа Tikõ знакомится с буквами *анбур*-а (коми азбуки) и рассматривает их в качестве следов вороны. Однако в русском, эстонском и финском языках неясные фигуры письма – это следы сороки (в финском языке – каракули сороки).

(ЭПз, 54): *Кык ёрт бура тõдисны пармаын артмõм шыпасъяс, кужлисны шуны кольõм кок туйяс серти, кутшиõм немõс да кодарõ мунис. А Ивõ Чуд пõльлõн паськыд пõв вылын рака кок туйясыс нинõм йылысь сэки эз висьтавны. – Мый позьõ гõгõрвоны рака кок туйясысь?*

(рус, 56): *Разве можно что-то понять по следам сороки?*

(эст, 82): *Kas sai siis mitadagi haraka jälgede põhjal mõista?*

(фин, 43): *Mutta tämä ukon leveä lauta ja siihen riipustetut harakanvarpaat eivät kertoneet yhtään mistään.*

8. Рябчик также является хорошо известной птицей в идиомах, в качестве примера – коми идиома *сьола кодь рам* букв. ‘кроткий, как рябчик’. В

финском языке *руу* ‘рябчик’ выступает в поговорках: *Pienenee kuin ruu maailmanlopun edellä* ‘Уменьшается, как рябчик, перед концом света’ и *Ei ruussä ole kahden jakoa* ‘Одного рябчика на двоих не разделишь’. В этих поговорках коннотация рябчика передает не кроткий или скромный характер, а маленький, ничтожно малый размер. По финской народной традиции рябчик умещается пройти через кольцо при приближении конца света (Muikku-Werner 2008: 281; Tammi 2008: 591).

(ЭПз, 158): *Mate, mödarö, сёрнитис этиа, ньöжмыда и вöли – сьöла кодь рам.*

(рус, 147): *Mate говорил мало, медленно и был – скромный, как рябчик.*

(эст, 213): *Mate rääkis vähe ja aeglaselt ning oli tagasihoidik nagu põldprüü.*

(фин, 121): – *toisenlainen oli Mate. Hän puhui vähän ja hitaanlaisesti, ja oli – lauhkea kuin lammas.*

9. Нам, переводчикам романа *Эжва Перымса зонка* ‘Мальчик из Перми Вычегодской’, пришлось искать подходящие выражения также для коми идиом, связанных с культурой, например при переводе метафоры *тшаква*. Согласно контексту романа, *тшаква* не является синонимом слову *тшака шыд* ‘грибной суп’ (хотя *юква* ‘уха’ наводит на такую мысль!). В романе слово *тшаква* обозначает ‘пустяк, мелочь, пустяковое дело’ (рус. *пустяк*, эст. *köömes* ‘пустяк’ и фин. *pikkuseikka* ‘пустяк’, но более выразительным является финское выражение *itikan nitistys* ‘как комара прихлопнуть’).

(ЭПз, 157): *Ушкуйникъясыд ветлөдлөны рөзбой вöчны 20-30 морта котыръясөн, а тайö Чердындылы тшаква.*

(рус, 146): – *эта для Чердыни пустяк.*

(эст, 212): – *olid Tšerdini jaoks köömes.*

(фин, 120): *Niiden voittaminen olisi Tšerdinille kuin itikan nitistys*

10. Сравнительная идиома *kuin itikan nitistys* ‘как комара прихлопнуть’ известна как в коми, так и в русском и эстонском языках.

(ЭПз, 120): *Морт виöмыд пель пöла йöграыды номйöс шлачкөм кодь.*

(рус, 99): *Ведь вогулу человека убыть, что комара прихлопнуть.*

(эст, 144): *Mansile on ju inimene sama mis sääsk laiaks litsuda.*

(фин, 79): *Ihmisen tappo on korvapuolimansille kuin itikan nitistys.*

11. Глагольную идиому *гöгныс орö* букв. ‘их пупок рвётся’ писатель В. Тимин использует в романе три раза (ЭПз, 145, 177, 179). Она соответствует такой же идиоме в русском и эстонском языках, но не соответствует в финском языке (финское – *turpiinsa ottavat* ‘в морду получают’).

(ЭПз, 177): – *Уськөдчасны! – Мед! Гöгныс орö.*

(рус, 163): – *Ведь погибнут! – Пусть! Нас взять – пупок порвут!*

(эст, 235): – *Las saavat. Küllap nad meid vallutades oma naba üri nihestavad.*

(фин, 136): – *Osansa saavat nekin – turpiinsa ottavat.*

12. Избежание табу (например, слова *смерть*) с помощью идиомы является обычным приёмом. В романе В. Тимина бабушка Еника, говоря о смерти, использует идиому *дась мусö люкавны* букв. ‘готова землю бодать’. В переводах дается нейтральный оттенок, говорится о готовности уйти под землю. В финском переводе можно было бы дать из многих десятков глагольных идиом, описывающих смерть, например, такие, как: *nukkuu pois* букв. ‘заснуть вон’, *muuttaa majaa* букв. ‘поменять жилище’, *heittää lusikka nurkkaan* букв. ‘бросить ложку в угол’ или *vaihtaa hiirrakuntaa* букв. ‘изменить епархию’, но переводчик должен быть верен стилю автора.

(ЭПз, 21): – *Me öd немтор ог тöд, бур пий. Тайö шевайй быдлаё нырсö суййö, а ме дась нин мусö люкавны. Пöрысь, жеб.*

(рус, 21): – *Сама-то я уж в землю готова сунуться, старая, занозистая.*

(эст, 31): – *Ise olen ma valmis mulla sisse minema, olen vana osakas.*

(фин, 16): – *Minä olen jo valmis mullan alle. Vanha kun olen ja heikko.*

При выборе соответствий в переводе ключевым является эквивалентность, т.е. равноценность. Переводчик должен решить, выбрать ли эквивалент, аналогию или адекватное соответствие. Из моих примеров видно, что переводчики часто находили для перевода коми идиом эквиваленты или равноценные соответствия из своего языка (напр. идиома *как кошка с собакой* в русском, эстонском и финском языках).

Иногда приходится полагаться на аналогии или ситуативные эквиваленты (напр., при переводе коми идиомы *гöгныс орö* ‘пупок порвут’ финской идиомой *turpiinsa ottavat* ‘в морду получают’). Об адекватном эквиваленте можно говорить, например, тогда, когда коми метафора *тшаква* переводится на финский язык идиомой *itikan nitistys* ‘как комара прихлопнуть’ или сравнительная коми идиома *сьöла кодь рам* букв. ‘кроткий, как рябчик’ переводится на финский *lauhkea kuin lammas* ‘кроток, как овца’.

Основное понятие функционального переводоведения, разработанного Юджином Найдой [Eugene Nida], – динамическая эквивалентность, согласно которой перевод должен произвести в целевом языке такое же воздействие, как и в исходном языке. Основным принципом для переводчиков должно быть то, что читатель перевода должен получить такое же эстетическое воздействие, как и читатель оригинального текста.

КРК – Коми-роч кывчукöр / отв. ред. Л.М. Безносикова. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. – 814 л.б.

Jänis, Marja 2010: *Venäjältä suomeksi ja suomesta venäjäksi*. Aleksanteri Series 4/2010. WS Bookwell Oy. – Jyväskylä. – 155 s.

Lauhakangas, Outi 2013: *Parempi pyy: Sananparsioipas*. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. – Helsinki. 185.

Muikku-Werner Pirkko – Jantunen, Jarmo Harri – Kokko, Ossi 2008: *Suurella sydämellä ihan sikana*. Suomen kielen kuvaileva fraasisanakirja. Gummerus Kirjapaino Oy. Jyväskylä. 467.

Muikku-Werner Pirkko 2009: Moninaisuus idiomeissa. – Kalliokoski, J., T. Nikko, S. Pyhäniemi & S. Shore (toim.) 2009. *AFinLA-e Soveltavan kielitieteen tutkimuksia 2009 / n:o 1*. Helsinki. – S. 77–90.

Pouttu-Delière Päivi 2009: *Kielikuvia ja fraaseja 6 kielellä*. Gummerus Kirjapaino Oy. Jyväskylä. – 222 s.

Tammi Jari 2008: *Suuri vertailusanakirja*. Gummeruksen Kirjapaino Oy. – Jyväskylä. – 592 s.

Wikipedia = Idiomi [<https://fi.wikipedia.org/wiki/Idiomi>] (Дата обращения 12.10.2016).

ЭПз = Тимин В.: *Эжва Перымса зонка: Ылыс кад йылысь повесть*. – Сыктывкар: Эскөм изд-во, 2000. – 253 л.б.

рус (venäjä) = Тимин Владимир: *Мальчик из Перми Вычегодской: Историческая повесть для детей*. Перевод с коми Елены Габовой. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2001. – 236 с.

эст (viro) = Timin, Vladimir: *Vana-Permi poisi Tikö seiklused*. Tõlkinud Arvo Valton. Trükitud trükikojas Greif. – Tallinn 2006. – 333 s.

фин (suomi) = Timin, Vladimir: *Tikö, Vähä-Permin poika*. Kertomus kaukaisista ajoista. Komin kielestä käänntänyt Paula Kokkonen. M. A. Castrénin seuran e-kirjasto, 2016. 191 s.

<http://www.macastren.fi/suomennettua/index.html>

НЕФОРМУЛЬНО-ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНАЯ СТЕРЕОТИПИЯ В КОМИ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ¹

Н.С. Коровина,
старший научный сотрудник
ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН,
nadezhdakorovina@mail.ru

Традиционные формулы – один из видов стилистической стереотипии. Вместе с тем не только они стабилизируют текст сказки. Помимо традиционных формул сказка включает в себя значительный слой неформульной

¹ Статья подготовлена в рамках проекта фундаментальных исследований УрО РАН в 2015-2017 гг. № 15-13-6-30.

повествовательной стереотипии. По мнению Д.Я. Адлейбы, неформульно-повествовательная стереотипия – это «словесно-стилевое воплощение явлений троичности и повторов» (Адлейба 1991: 61).

Неформульных лексических повторов сказка содержит множество. Легче всего установить их градацию по количественным признакам. Таких внешних формальных признаков два: количество повторений и объем стереотипа. По структуре неформульный повтор может состоять из разного количества частей. Чаще это удвоение или утроение, но число повторений может возрасти иногда и до семи. Объем повторяющейся части варьируется в широком диапазоне: от одного слова до значительного эпизода.

Предметом данной статьи являются типизированные повторы в коми народной сказке.

Цель настоящего исследования – выявление особенностей функционирования системы неформульно-повествовательной стереотипии коми народной сказки. В связи с недостаточной изученностью данного вопроса возникла необходимость обратиться к решению следующих задач: установить типы повторов, определить их своеобразие, место в композиции сказки путем сопоставления их с русскими стереотипами.

Как известно, повторы являются ярким средством создания дополнительных лексических значений в семантической структуре слова. В частности, в глаголе усиливается значение, связанное с самой семантикой части речи: это значение длительности, повторяемости, интенсивности и т.д.

Основной текстологической базой исследования послужили материалы фольклорно-этнографических, лингвистических экспедиций в различные районы Республики Коми, хранящиеся в архиве Коми НЦ УрО РАН. В работе использованы публикации коми текстов из сборников И.А. Осипова, Ф.В. Плесовского, Ю.Г. Рочева, а также материалы, собранные автором статьи в ходе фольклорных экспедиций.

Рассмотрим некоторые типы повторов.

1. Характерная черта языка коми сказок – смежное лексическое повторение. Большая часть смежных лексических повторов ограничена семантически. Обычно они образуются посредством повтора глаголов движения. К примеру, для русских сказок характерно употребление двух одинаковых глаголов несовершенного и затем глагола совершенного вида: «Ивашко спустился и пошел; шел да шел, и дошел до медного царства...» (Афанасьев 1985: 187). В коми языке категория вида отсутствует, поэтому способ создания аналогичных формул иной: глаголы движения повторяются, а затем употребляется лексема, близкая по смыслу: «*Мунас, мунас, мунас, мунас, озеро дорё воас*» [НА КНЦ. Ф.5. Оп.2. Д.89. Л.116] – «Шел, шел, шел, шел, до озера дошел»; «*Кывтасны, кывтасны карабён да коркё и воасны*

Василей-саревич ордö» (Рочев 1991: 145) – «Плыли,плыли на корабле да когда-то и доплыли до Василия-царевича».

Повторы иногда состоят из трех и более членов перечисления: *«Мунісны, мунісны, мунісны. Мен висьтавны öдйөн, код тöдас, мый дыра найö мунісны. Коркö и воисны карö» (Рочев 1991: 120) – «Шли, шли, шли. Мне рассказывать быстро, кто знает, сколь долго они шли. Когда-то они и пришли в город». Подобные сложные конструкции повторов выражают длительность действия, протяженность его во времени.*

Глаголы других семантических групп (чувства, мысли, речи и т.д.) встречаются в сказочных повторах реже: *«Стрöй кутас бöрдны. Бöрдас, бöрдас, бöрдас да: «Час, – шуö, – ветла бöрдысьöс корсьны» (Рочев 1991: 15) – «Строй начал плакать. Плакал, плакал, плакал и: «Сейчас, – говорит, – пойду плакальщицу поищу».*

2. Вторая группа проанализированных повторов – это слова разнокорневые, но близкие по значению, употребляющиеся как очень близкие по значению синонимы: *«Но ладнö, чай пузьöдiсны-шонтiсны и пуксисны чай юны» [АА] – «Ну ладно, чай вскипятили-согрели и сели чай пить»; «Но, коркö, бать висьмис... Сiя корис пиянсö и шувö: «Тi пö менö дзевöй-гувалöй кулöм мысьтöм» (Осипов 1986: 94) – «Ну, когда-то, отец заболел... Он позвал сыновей и говорит: «Вы меня похороните после того, как я умру»; «Сэсся салдат ва каталас, сойсö гартлас-тöбас и виччысьö» (Рочев 1991: 57) – «Затем солдат воду наносил, руку замотал и ждет».*

Нередки случаи употребления в подобных сочетаниях стилистически неоднородных глаголов: *«Сэсся кайис коймöд судтаö (Гуак Гуаликович. – Н.К.) Лидия Григорьевна дiнö. Сёйисны-юисны, сёрнитiсны-баитiсны» (Рочев 1991: 177) – «Затем поднялся на третий этаж (Гуак Гуаликович. – Н.К.) к Лидии Григорьевне. Поели-попили, поговорили»; «Иван Яблокин ачыс локтiс вины-начкыны змейöс» (НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 93 (т. 7). Л. 245) – «Иван Яблокин сам пришел убивать змея».*

В указанных примерах представлены конструкции глаголов, одна из которых является словом литературного языка, вторая – диалектным.

3. В коми сказках встречаются интересные повторы, имеющие при себе второй глагол, поясняющий, характеризующий первый:

а) Есть пары, в качестве второго элемента в которых выступает глагол, заимствованный из русского языка: *«Сёрнитiсны-тöлкуйтiсны, мый вöчны, кыдзи Митрей саревичöс садьмöдны» (НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 94. Л. 73)– «Разговаривали-толковали, что дальше делать, как царевича Дмитрия разбудить»; «Кудз тай сiя великанöс ётишкис-толкнитiс, великан уси дай сэтчö и кулi» [АА] – «Как он великана толкнул, великан упал и там же и умер»; «Öтчыд Öдöття Поповна лэччис ва дорö и аддзис – зэв мича мо-*

лодеч ветлӧдлӧ-похаживайтӧ берег пӧлӧн» (Осипов 1986: 103) – «Однажды Авдотья Поповна спустилась к реке и увидела – очень красивый молодец ходит-похаживает по берегу». Повторы, указанные выше, – специфическое явление диалектной речи, как правило, второй глагол имеет характер экспрессивного синонима.

б) В коми сказках отмечена большая группа повторов, в качестве второго элемента в которых выступает изобразительный или выразительный (дескриптивный) глагол. Некоторые примеры: «...сейчас сійӧс (Кривдаӧс. – Н.К.) **чашийӧдлісны-косявлісны**. Кривдалы пом вовис» (Осипов 1986: 171) – «... тотчас же его (Кривду. – Н.К.) растерзали-загрызли. Кривде конец наступил»; «**Вокъясӧс сувӧдіс да ёна и клопӧдіс-нӧйтис**» (Осипов 1986: 96) – «Братьев догнал да сильно и похлопал-побил их»; «**Ӧлексей, зонмӧ, эз повзъы да плешас мӧлӧтнад колскис-кучкис**» (Осипов 1986: 108) – «Алексей, смотри-ка, не испугался и в лоб молотом сильно ударил»; «...сэссия-й дякӧнӧс юрсидӧдыс кватитис да **брункнитис-шыбытитис** кольтаяс сорыс» (Осипов 1986: 144) – «...затем дьякона за волосы схватил и с грохотом швырнул вперемежку со снопом».

Довольно часто встречаются и в коми сказках парные устойчивые сочетания. Образуясь от междометий, они воспроизводят звуки природы, зрительные, слуховые, моторные и другие представления: «**Ная** (Сучко-Белько. – Н.К.) ... **шурк-шарк** разисны морӧссӧ, аддзисны Кӧин пинь» (Осипов 1986: 107) – «Они (Сучко-Белько. – Н.К.) ... мгновенно разорвали одежду с груди, увидели Волчий зуб»; «...малыштас кӧ пӧ сия (дедыд. – Н.К.) **вичкотӧ, пусь-пась** жугалас, нинӧм оз коль» (Осипов 1986: 108) – «...погладит если он (дед. – Н.К.) церковь, то она вдребезги разобьется, ничего от нее не останется»; «...**грым-грам** петкӧдас дяк тыра пельсатӧ, пунктис ва кыскалан доддӧдӧ да пондіс мунны» (Осипов 1986: 146) – «...с грохотом дьяк выносит кадку, кладет ее на водовозную лошадь и едет». Повторы в устойчивых выражениях коми языка, в том числе и в диалектах, были проанализированы Е.А. Игушевым (Игушев 1981).

4. Характерная особенность коми сказок – повторы из фразы в фразу: «**Оліс-выліс важӧн коркӧ сар Лазарь Лазаревич. Лазарь Лазаревичлӧн коркӧ некоркӧ чужис ни. Пиыслы пунктисны нимсӧ Ерослан. Ерослан Лазаревичӧн пондісны тӧдны**» [АА] – «Жил-был когда-то давно царь **Лазарь Лазаревич**. У **Лазаря Лазаревича** когда-то родился сын. **Сына** называли **Еруслан**. **Ерусланом Лазаревичом** стали звать».

5. Длительность и неопределенность времени в сказках могут определять и устойчивые повторы, состоящие из слов, антонимичных по своей семантике. В текстах они выступают в основном в качестве переходных формул. В русских сказках – «долго ли, коротко ли», «близко ли, далеко

ли», «низко ли, высоко ли», «скоро ли, долго ли», «ни много, ни мало» и т.д.: «Долго ли, коротко ли – едут мимо прекрасного сада» (Афанасьев 1985: 222); «Пошел Иван-царевич от своего отца; шел ни много, ни мало, и захотелось ему пить» (Афанасьев 1985: 167). В коми сказках – «дыр-ö, регыд-ö» («долго ли, скоро ли»), «коркö-некоркö» (букв.: «когда-то–некогда-то»), «дыр ли, недыр ли» («долго ли, недолго ли»), «коркö» («когда-то»): «Дыр ли, недыр ли мунисны, воисны ыджыд кар дорö» (Рочев 1991: 133) – «Долго ли, недолго ли ехали, приехали к большому городу»; «Коркö-некоркö кылö сйö керка сайсянь сёрни» (НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 188. Л. 133) – «Когда-то (букв.: «когда-то–некогда-то») слышится из-за дома разговор».

К собственно антонимичным компонентам парного сочетания можно отнести и такую специфическую русскую сказочную формулу – «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается». Исследователи считают, что «по форме – это предложение или афоризм, максимально свободный от контекста» (Разумова 1991: 73). В коми сказке рассматриваемая формула используется в основном в усеченном виде: «Мойдтö висътавны öдйö – мунны дыр» – «Сказку рассказывать быстро – идти долго». Объединяясь и комбинируясь с другими формулами времени, они образуют довольно разнообразными конструкции: «Мунис да мунис, висъталныд регыд-а колöкö, мый дыра мунис» (НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 93 (т. 3). Л. 73) – «Шел да шел, рассказывать быстро, а, может, сколь долго шел»; «Коркö некоркö, дыр ли недыр ли, старикыд и кулі» (Рочев 1991: 60) – «Когда-то, скоро ли, не скоро ли, старик и умер»; «Мунисны, мунисны, мунисны, мен висътавны öдйöн, код тöдас, мый дыра найö мунисны. Коркö и воисны карö» (Рочев 1991: 120) – «Шли, шли, шли, мне рассказывать быстро, кто знает, сколь долго они шли. Когда-то они и пришли в город». Формулы времени такого типа – одни из самых популярных в коми сказочной традиции. Приведенные примеры свидетельствуют, что неформульная повторяемость и формульность не только сочетаются, но и совмещаются в сказке.

6. Соотношение формульной неформульной стереотипии в сказке представляет особый интерес. В конкретных текстах эти виды стереотипии существуют, переплетаются. В сказках многочисленны устойчивые сочетания, которые воспроизводятся в раз и навсегда заданной форме, ритме, составе и всякий раз повторяются, по крайней мере, трижды в рамках сказочного повествования. Эти устойчивые формулы представляют собою предложения или группу предложений, ритмически организованных внешней или внутренней рифмой, лексическими повторами.

Например, довольно популярна в коми сказках формула, представляющая собой диалог между героем и его противником – многоголовым змеем

(гундыром) перед боем: «<...> гундыр шуё багатырлы: «Татчө на и кыкөн воёмайсь, ме өтикөс сарлысь кори-а, сёям и кыкөс». А багатыр өтвейтө: «Нөрөвитлы, куштытөг, ин пу, а, пүтөг, ин сёй, коді кодөс на вермас» (НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 187. Л. 14]) – «<...> гундыр говорит богатырю: «Сюда и двое пришли, а я одну у царя просил, съедим и двоих». А богатырь отвечает: «Погоди, не общипав, не вари, а не сварив, не ешь, кто кого еще победит». Эти формулы повторяются в сказках три или более раз, при встрече с трех-шести-девятиголовым змеем.

Данная формула известна в ряде вариантов, изменения касаются в основном только некоторых деталей: «Море көлэбаччис, көлэбаччис да кум юра гундыр петі. О-о, бур тай, висьталэ, сарыс. Öтик юрлы öтик глөтөк кори, а менум на, висьталэ, кум юрлы кум глөтэк ыстэма. А, висьталэ, гундыре, прөклятэе, ин на лый да ин на кушты, а сёйны нин мөдан, код төдас, кутшем кусөкен джагалан» (НА КНЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 89. Л. 290-291) – «Море колебалось, колебалось, и трехголовый змей вышел. О-о, хороший, говорит, царь. Одной голове один глоток просил, а моим, говорит, трем головам три глотка прислал, оказывается. А, говорит, змей проклятый, не стрелял и не ощипывал еще, а съесть уже хочешь, кто знает, каким куском подавишься».

Обращает на себя внимание, что в диалог героя со змеем включена известная поговорка, которая подчеркивает формульность повествования. Необходимо отметить, что поговорки и поговорки используются в коми сказках довольно широко, хотя они и не играют в текстах организующей роли: употребление такого рода изречений можно опустить, и в сюжете не произойдет никакого изменения. Сказочниками они используются в том числе для более лаконичного и доходчивого выражения своих мыслей. Пословицы и поговорки придают повествованию выразительность, экспрессивность, создают морально-нравственную окраску, включение их в текст отражает определенные дидактические цели, которые преследует сказочник. Например, Волчий царь хочет съесть Алексея и призывает его подойти к нему. Герой сказки насмешливо отвечает ему изречениями: «Няньыс шыр дорас оз волы, а шырыс – нянь дорө»[АА] – «Хлеб к мышке не ходит, а мышь – к хлебу»; «Меша, мөскыс дорас яслиыс оз волы, а мөскыс – ясли дорас»[АА] – «Я же говорю, что не ясли к корове ходят, а корова – к яслям». Главная функция подобных сказочных формул – усиление выразительности, поэтичности сказки.

7. Усиливает ритмико-мелодическую структуру сказки и обилие рифмованных вставок, повторяющихся много раз. В сказках многих сюжетных типов имеются повторяющиеся песенные вставки (см., например, песню девушки, потерявшей братьев, в сказках сюжетного типа «Братец и сест-

рица» (СУС 450)). В сказке «*Ольона*» (Алёна) также была использована песенка такого типа: двое из трех братьев героини застряли на деревьях, один из оставшихся, испив воды из-под копыта барана, превратился в барашка: «*Но сэсся и межкөд кутасны мунны водзö. Мунасны да мунасны, куст улö пуксясны. А көнкö сэн матын öксы пиян да баяр пиян дзоллясьöны да мачасьöны. Сэсся и съывны кутас Ольона:*

*Öксы пиян дзоллясьöны, дзоллясьöны,
Баяр пиян мачасьöны, мачасьöны,
Мачыс мунö вит кар йывті, вит кар йывті.*

Дзолльыс мунö квайт кар йывті, квайт кар йывті» (Плесовский 1976: 14-15) –

«Ну вот, они с барашком идут дальше. Шли они, шли, под куст сели. А где-то близко сыновья княжеские да сыновья боярские играли чижиком да мячом. Затем Алена петь стала:

*Сыновья княжеские чижиком играют, чижиком играют,
Сыновья боярские мячом играют, мячом играют,
Мяч летит через пять городищ, через пять городищ.
Чижик летит через шесть городищ, через шесть городищ».*

Песня Алёны повторяется в сказке три раза. Подобный стилистический прием усиливает эквиритмичность сказки. Повторение больших кусков текста формирует ритм более крупного масштаба, усиливает его общую композиционную стройность. Переплетение многообразных повторов создает своеобразный ритм сказочной прозы. С.Ю. Неклюдовым сделан интересный вывод о том, что «сказка, не имеющая метрической организации, обладает гораздо более четким и формализованным сюжетно-композиционным ритмом, чем, скажем, былина, язык которой построен в песенно-стихотворном размере» (Неклюдов 1972: 207).

В целом, можно сказать, что повторы в коми сказках представляют собой активное и продуктивное явление, практически ни один сюжет не обходится без повторов. Проанализированные тексты коми сказок убеждают в справедливости выводов, сделанных Д.Я. Адлейбой, на основе абхазских сказок: «Типизированные повторы – это не частное явление, а повествовательная основа сказки» (Адлейба 1991: 95).

Стилистическая повторяемость в сказке проявляется по-разному. Виды ее достаточно многочисленны: от повторов одного слова до повторения значительных фрагментов текста. При этом повторы не создают впечатления монотонности повествования, не мешают восприятию сказки, а, напротив, являясь традиционным художественно-изобразительным приемом, свойственным языку устного народного творчества, они создают за-

медленность, плавную неторопливость речи, тон эпического спокойного повествования. Набор формул, их повторения в тексте сказки оказывают своеобразную помощь сказочнику: эти ритмико-стиховые устойчивые сочетания легко запоминаются.

Список сокращений

АА – авторский архив, *НА КНЦ* – научный архив Коми научного центра Уральского отделения РАН, *Ф* – фонд, *Оп.* – опись, *Д.* – дело, *Л.* – лист, *т.* – тетрадь.

Адлейба Д.Я. Устные стилевые основы сказки. – Сухуми, 1991.

Народные русские сказки А.Н. Афанасьева : в 3 т. / изд. подгот. Л.Г. Бараг и Н.В. Новиков. – М.: Наука. 1985. – Т. I. – 511 с.

Игушев Е.А. О повторах в устойчивых выражениях коми языка // Историко-культурные связи пермских народов (по данным фольклора и языка). – Ижевск, 1981.

Неклюдов. Особенности изобразительной системы в долитературном повествовательном искусстве // Ранние формы искусства. – М., 1972.

Висер вожа сьыланкывъяс да мойдкывъяс / сост. И.А. Осипов. – 2-е изд. – Сыктывкар, 1986. – 256 с.

Коми мойдъяс / сост. Ф.В. Плесовский. – Сыктывкар, 1976. – 135 л.б.

Разумова И.А. Стилистическая обрядность русской волшебной сказки. – Петрозаводск: Карелия, 1991. – 152 с.

Коми мойдъяс / сост. Ю.Г. Рочев. – Сыктывкар, 1991. – 231 л.б.

НЁБДИНСА ВИТТОРЛӨН СЕРАМБАНА ГИЖАННОГ ЙЫЛЫСЬ

Г.К. Лисовская,
научный сотрудник ИЯЛИ КНЦ УрО РАН;

Е.А. Цыпанов,
зам. директора ИЯЛИ КНЦ УрО РАН

Коми литература пансян-сөвман кадколастө, 20-өд воясө, быдмис нельгырысь гижысь, на сайын сэкса матө став шедөдөмторйыс лоёма. Тайө Нёбдинса Виттор, Тима Вень, Юсь, Илля Вась. Медся бура öнiя коми лыддысьысь төдө, юрас кутө Виттор Савинлысь гижөдъяссө, дерт, оз ставсө, а медся-медсясө. На пыись медводз лирикаөн озыр да серамсора кывбурьяс, ворсанторьяс (пьясяс), серпаскывьяс да висьтъяс.

Витторлөн олөмыс вөлөма абу кокни, сөмын ачыс мортыс вөлөма зэв кыпыд да бурө эскысь, йөз дорө сибалысь да найөс бура котыртысь. Татшөм йөзыс овлө шоча. Чужлөма Виттор 1888-өд вося вольгым төлысь 21-өд лунө Нёбдін сиктын му вөдитысь котырын. Велөдчөма сөмын кык класса велөдчанінын Дереваннөйын, сэсся писаравлөма. Позьё шуны, томлунсө коллялөма Рочын: 1906-өд воын айыскөд нажөвитчөма Из (Урал) гөгөрын, пес вөчанінгясын, а сэсся 1911-өд восянь уджавлөма көртшом перьянінгясын Кривой Рог дорын. Комиө бөр воөма 1918-өд вося лөддзаномгя төлысьө, медводз му вөдитлөма, а сэсся лэччөма карө, уджавлөма уналаын, кызвынсө журналиставлөма, редакторавлөма. Сэки буретш воссьөма сылөн ыджыд енбиыс: лоөма Виттор медводдза гижысьясысь өти, подулалөма коми театр, быдмөма шылад тэчысьөдз, котырталөма коми рыггяс, чукөртөма фольклор да уна на мукөдтор вөчлөма. 30-өд воясө енбиыс сылөн чусмө, 1937-өд воө сійөс мыжтөг йөршитөны дзескыдінө, а 1943-өд вося моз 11-өд лунө сійө кувсьөма Сибирын Итатка станция дорын. Нёбдінса Витторлөн олөм да сійөс туялөм йылысь дженгыда гижөма В.И. Мартынов аслас өти небөгын (Мартынов 2000: 161-163).

Коми войтырлы Нёбдінса Витторлөн медбур гижөмторьясыс бура төдсаёсь, медводз сыланкывьясыс, серамбана кывбур-поэмаясыс да ворсанторьяс, на пиысь медмусаёсь «Райын» да «Инасьтөм лов» пьесаясыс. Виттор Савинлөн серамбана гижанног йылысь гижлісны нин литература туялысьяс Т.Л. Кузнецова (2003) да Г.К. Лисовская (2009, 2010, 2013, 2014), дерт, кызвынсө асланыс методика подув вылын. Татчө видлам юөртны гижысьлөн серам петкөдлана медшөр кыввөдитчанногсө, сылөн гижөдгьяссыс видлөггяс вайөдөмөн. Туялөмыс медводз инмө кывворө, сыөн Витторлөн кужөмөн вөдитчөмө. Тайө гижөдыс содтөд пыдди лоө Цыпанов Йөлгиньлөн өти неважөн йөзөдөм небөг дорө (Цыпанов 2016). Дерт, серамбана гижөд артмө оз сөмын лексика отсөгөн, та могысь унджыкысьсө лөсьөдөны аслыспөлөс торьялана сюжетгяс, думыштөны тешкодь геройяс да лоөмторьяс. Сөмын туялысьяс важөн нин казьявлісны, мый буретш кыввор вөдитчөмнас Нёбдінса Виттор вөчө гижөдгьяссө ловьяөн да мөрччанаөн, сибыдөн да гажаөн. Илля Вась стөча шуө, серамыс пө Витторлөн сылөн кывьяс (Лыткин 1994: 82). Коми литературоведгяс век пасйивлөны, серамбана нырвизыс пө гижысьыслөн төдчө сідз шусяна теш-серам петкөдлан гижөдгьясысь, кытчө пыртлөны «Райын» да «Инасьтөм лов», «Ва шыр» пьесаяс, «Вен», «Тутуруту Семө» кывбурьяс да «Аркирей» поэма. Збыльысьсө серамбана ног гижөма зэв уналаын, тшөтш и дзоньнассө немся абу тешкодь гижөдгьясын.

1. Улыс стилия, быдлунся йөзкост сёрниысь босьтөм мисьтөм кывворөн вөдитчөм. Видчанкывьяссө гижөдө пыртөмыс тшөкыда артмөдө контраст,

кор попяяс, еньяс да мути-бесьяс видчöны ичöт культураа прöст йöз моз. Дай мукöд йöзлөн сёрниын татшöм кыввöдитчöмыс нюм петкöдлö. Вайöдам некымын видлöг:

антикрисст чужöм

Катя (сьöлыштö). Тьпу! Антикрисст чужöм... (Вабергач);

антус пызь мути, чöрт, дявöл, бес

1-й мути. Ме кута нырöн кывзыны. Тэ – пельяснад! Гөгөрвоин. Эк, ук, ок, антус пызь!;

мисьтöм бугыль

Дарья. Вөрзьöдчы, мисьтöм бугыль... Кылан он тэ?..;

морён лыянтор лёк, абу прамöй морт

Антус (гөгөр видзöдö). Но, көнöсь нö мутиясыс? Ук, морён лыянторьяс, тадзи ти и кыйöданныд?;

Дарья. Дырджык сэни... (Ырыштчö быгыльтанөн.) Шöть гортö, пон горш...;

тöкаритан голя винагаг, пьянник

Дарья. (матыстчö. Мый нö, тэ менö он нин тöд, тöкаритан голя?.. Пеж бугыльясыд нин кылалöмаöсь?;

трасича чужöм

Катя (ёна пузьö). Тьпу! Ёма-баба ни! Кузьö рöд! Мамтö сьылöд, трасича чужöм!;

югыд бугыль ылöдлысь, сöмуститчысь морт

Катя. Антикрисст! Югыд бугыль! Пеж горш! Тьпу! (Пöдлалö öшиньсö).

Мукöд видчанкывйыс кольöма сöмын Виттор гижöдьясö, öнiя коми йöз наөн оз нин вöдитчыны да. Сёрниыс мунö *трушиöна* кыв йылысь, кодöс абу пыртöма ни öти коми кывкудйö. «Аркирей» поэма помасьö тадзи:

Йöз кор воис – ёна шензис.

Опонь попкöд зэв нин вензис

«Трущöнаөн!...»

Вель тшöкыда серамсö содтöны ёрччан-видчан кывтэчасьяс, шуам кöть, «*Ме вот тэныд... косьышта, мед черлыыд вежыньтчас, трустлөн*» («Луча»).

2. Нёбдинса Виттор кужöмөн пыртö сiдз шусяна серпасалана ономато-поэтической кывьяс, кодьяс отсöгөн поэтьö дивитöмөн да сералöмөн юöртны персонажлөн керöм-вöчöмьяс йылысь. Видлөгьяс «Аркирей» поэмаысь:

Муртса пöрччис паськыд ряса

Тур-тар мунi öшинь тасö...

Öтеч Ласей тонгöм бöрын

Зур-зöр пырис вичко шöрö... (дурк вöраса морт моз, гораа).

Тшөкыда гижөдө авторыс пырталө и омоль, улө уськөдан вежөртаса кадакывъяс, кодъяс асьныс нин висьталөны керөм вөчысьлөн тырмытөм-торьяс йывсьыс, корсюрө тайө овлө өткодьялана тэчас пытшкын, шуам көть, «Аркирейын» поп гөтыр висьталө верөсыслы: *«Мый тэ, отчө», «Пытш моз жөдзан; «Ставныд татчө вичко дорө Öдийө кысьсөй!»* (поп корө сиктсаясөс).

3. Персонажъяслы тешкодъ ним да нимтанкыв артмөдөм да бөрйөм. Тайөс казялан Витторлөн матө быд гижөдысь. Серпасалөм могысь вайөдам татчө сөмын «Тутуруту Семө» кывбурысь став персонаж нимтөмсө: ачыс верөспуыс Тутуруту Семө, Öгрө Марпа гөтырпуыс, Ласей Мөсей, Чукля Педөр, Пөрысь Ярө, Ныртөм Петыр, Варгысь Көсьта, Гөгрөс Öгрө, Куран Марья, Кекур Надьө, Бырган Дарья, дона гөсьтъяс. Нимтанкывъяс өти лыддьөдлөмсыйс нин вашьялан.

4. Роч кывья материал аслыспөлөса пыртөм, сыөн ворсөдчөм. Төдөмысь, Нөбдинса Виттор коми литератураын медводдзаяс лыдын пондїс зэв паськыда пыртавны рочысь босьтөм кывьяс, кывтэчасьяс да дзонь сөр-никузяс аслас гижөдьясө, медводз серам петкөдлана да сатира пестана могьясөн. Видлалам водзө тайөторйыслысь сикасьяссө. Медводз, роч да мукөд кывьясысь босьтөмторйыс кывбурьясын зэв бура артмөдө стөч рифмаяс, өтьюргысь кывбурвизьяс. Видлөг «Вен» кывбурысь:

Талун муртса синмөс восьті –

Төдтөминын?.. Дивө босьтіс!

Рочөн шуа: «Где нө я?»

Кодкө шуис: «Генуя»..»

Чеччис сэки Пуанкарэ:

«Ме по мунам Париж карө,

Сэсся нинөм төйтны тан.

Көні менам чемодан?»

Нөбдинса Витторлөн вөлөма ыджыд лөглун Сыктывдинкарын коми йөзлөн рочасьөм вылө, кодыр автономия пансьөм бөрын коми юркарын унджык служакыс рочасьө вөлөм, көть став сертиыс позис дай колїс кок-ниа вуджны коми кывйө. Төдчөдам: буретш 20-өд воясө коми кывсө вөлі кыпөдөны кагаалан кыв тшупөдө, ыджыд өдөн да көсьөмөн, но зэв сьөкы-да вөлі нуөдөны сїдз шусяна зырянизация, коми кыв веськөдлан аппаратө пыртөм. Коми карса чиновникъяслөн вывті рочасьөм йылысь Витторлөн чужлөма некымын кывбур, код пиысь торьялө «Кыдья роч» гижөд. Вайөдам сэтысь өти нельвизя:

Моски кузя мунө «роч»,

Мича ныв туй сайын.

Чья нё эта? Чья но дочь?

– Я тай нё не знаю...

Серамысь кындзи мукөд гижөдас выналө ёсь сатира. Тайö бура төдчө «Суд мунё!» кывбур панасысь:

Пыри өтчөд суддя ордө,

Самөй вөли мунё суд.

Суддя сэни лёкысь горзө:

Здесь идет народный суд,

И нельзя вам, подсудимый,

По-зырянски здесь болтать!

Показанья допустимо

Лишь по-русски излагать!..

Дерт сідз... батюшко... кыдз шуны...

Ах, ты хочешь суд сорвать?!

Я тай, зонмө... ручкөй... вуні...

Я прошу вас замолчать!»

Зэв кужомөн Нёбдинса Виттор ворсөдчө роч сёрниө кежалөмөн аслас ворсөм-пъесаясас. Медводз, тайөн сійө серам сорөн петкөдлө коми йöзлысь и сэки нин кыдья, сораса сёрнисө, абу өд дивө: комиясысь унаөн роч кывъяс пырталөмөн көсйöны быттьö петкөдлыны ассьыс төдөмлуньяссө, татшөм ногөн ошйысьышталöны быттьö, торйөн нин коми айловьяс. Шуам, «Луча» серпаскывйысь Тист Иван өтторья пырталө аслас сёрниас роч кыв да кывтэчасьяс: «Чолөм, другьяс, **здрасьте!**», *ме ог «кое-как» другьяс, ов, «ме ордө пырө, милости просим», «бырөдам леригиозной дурмансө»*. Сөстөм серам, юмор казьявлан вель тшөкыда вочасёрнияссь. Со Матвей да сылөн анделыс сёрнитöны:

А н д е л. Ок, тэ тай нинөм на он төд! Анделыд абу ныв ни, абу зон ни, абу баба ни, абу мужик ни.

М а т в е й. Коді нө эськө?

А н д е л. Анделыд — андел и эм!

*М а т в е й. Сідзкө тай абу жö тэ зэв нимкодътор!.. Тэ дорысь менам Марпа бурджык на лоө!.. **Покранимерө гөтыр, баба!..***

Торйөн серамтө петкөдöны рочө кежалөмьясыс попьяс да еньяс сёрниын, шуам, «Райын» сернитöны Сюзь Матвейлөн Степан пиыс да поп тадзи:

С т е п а н: Вина юёмсьыд нө абу өмөй грек?

*П о п. Уна юөмысь грек, а ичөтика пыр позьö. Сы вылө и саломын шуөма: **вино пö веселит сердце человека** (Юө.)*

Роч кывъя содтӧдъясыс векджык овлӧны коми сямӧсь, миян шыкуд оланпасьяс серти вежӧмаӧсь, сідзкӧ попьяс аслас сёрнинас оз торъявны прӧст йӧзысь, му уджалысьясысь. Тайӧн тшӧтш серамыв вайӧны. Со, шуам, кызди помасьӧ «Аркирей» поэмаыс: *То нӧ нетӧ божья матер, Петӧ унапӧлӧс святой – Том и пӧрысь; Дяклы шуӧ: Сэсся татӧ «Исполати деспота Сьылӧй паныд!*

Буретш татшӧм кыввор да шуӧмъяс пыртӧмнас вӧчӧ Нӧбдинса Виттор ассьыс гижӧдъяссӧ кокниӧн, зэв мӧрччанаӧн да серамбанаӧн. Неважӧнся историяыс бара дасьтис миянлы парадокс: комияслы зэв колана «Райын» да «Инасьтӧм лов» ворсӧмъяссӧ демократия выналан кадӧ дугдिसны пуктыны каналан театръясын, бара вичкокӧд йитчӧм тема пыддиыс. Артмӧ тадзи, ӧти идеология жугӧдӧма лои да мӧдлӧн налькӧ сюрим: ӧні нин нинӧм лӧксӧ ни шмонитанасӧ роч веськыда эскана вичко йылысь петкӧдлыны пӧ посйӧдсянь оз нин позь. Коляс миянлы сӧмын гора лыддыны гортъясын Витторлысь серамбана гижӧдъяссӧ да нимкодьясьны сылӧн мича да кокни коми кывнас.

Кузнецова Т.Л. Литература сӧвман туйяс: гижысь да кад. (Гижӧд чукӧр). – Сыктывкар, 2003.

Лисовская Г.К. Традиции менниповой сатиры в творчестве В. Савина // Материалы XXXVIII Международной филологической конференции. Уралистика. – СПб., 2009. – С. 67–74.

Лисовская Г.К. Творчество В. Савина в контексте карнавальной традиции // Финно-угристика 9 : межвузовский сб. науч. тр. – Саранск, 2010. – С. 99–104.

Лисовская Г.К. Стиль В. Савина в контексте эпохи и литературной традиции // Роль личности в становлении и развитии национальных культур : сборник статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции (Сыктывкар, 19–20 ноября 2008 г.). – Сыктывкар, 2013. – С. 33–39.

Лисовская Г.К. В. Савин как основоположник иронико-юмористического направления в коми литературе // Художественный опыт литератур финно-угорских народов: общее и особенное : сборник статей по итогам Всероссийской научной конференции (с международным участием). (Сыктывкар, 21–22 ноября 2013 г.). – Сыктывкар, 2014. – С. 49–54.

Лыткин В.И. Коми поэзия гижысьяслӧн мыгӧръяс // Илля Вась. Мый медся дона да муса. – Сыктывкар, 1994.

Мартынов В.И. Литераторы земли Коми : библиографический справочник. – Сыктывкар, 2000.

Цыпанов Е.А. Вынйӧра да мича – миян коми кывным. – Сыктывкар, 2016.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИКЛИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ¹

А.С. Лобанова,

доцент кафедры методики преподавания русского языка и литературы
Пермского государственного гуманитарно-педагогического
университета
lobanova@pspu.ru

Время, пространство и человек, как известно, являются языковыми универсалиями. Из них категорию времени многие исследователи называют одной из труднейших категорий. «Никто и ничто, никакие явления, процессы и свойства не могут существовать вне времени, не меняться с течением времени и быть ему не подвластным, именно поэтому категория времени имеет для человека большое значение. Вместе с тем хотелось бы отметить, что восприятие времени в каждой культуре является уникальным и имеет свои разнообразные связи с другими понятиями и лексическими полями» (Казаченко www.evestnik-mgou.ru).

Реально существующее время во всем множестве своих проявлений отражается в языке. В языке коми-пермяков средства его репрезентации существуют на грамматическом и лексическом уровнях. К их числу относятся видовременные формы глагола, аналитические формы времени глагола (прошедшего и будущего), морфемы с темпоральным значением, темпоральные лексические единицы, устойчивые выражения, реализующие данное значение, и др.

В лингвистике феномен времени чаще рассматривается с позиций семиотики, этнолингвистики, лингвокультурологии или когнитивной лингвистики.

Лингвистическое время сложно и многомерно, в нем реализуются научные понятия и наивные представления носителя языка. Неоднозначность его толкования связана в первую очередь с существующими различными представлениями о нем: бытовое, научно-физическое, научно-философское, грамматическое и пр., что накладывает определенные сложности в анализе феномена времени.

Размышляя о способах реализации семантического поля «время» в коми-пермяцком языке, задаемся следующими актуальными (в плане этнической лингвокультурологии) вопросами. Какими лексическими возможностями располагает коми-пермяцкий язык для реализации этой категории?

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ 16-14-59602 «а(р)» «Лексика и фразеология коми-пермяцкого языка в этнолингвистическом аспекте».

Как далеко вперед можно заглянуть, используя средства языка, и насколько это конкретизировано и детализировано? И, наоборот, с помощью каких лексических средств и значений язык описывает прошедшие события? Как важно языку продемонстрировать события настоящие?

Актуальность исследования состоит в том, что до настоящего времени лексические средства репрезентации данной категории в плане национальной лингвокультурологии не выделялись и не анализировались.

С древнейших времен в сознании человека сосуществуют две основные модели времени – время «циклическое» и время «линейное». Циклическое представление о времени как о вращении по кругу, как о последовательности однотипных событий было характерно для передачи семантики чередования природных явлений. Данная модель времени находит отражение преимущественно в лексическом составе языка. А вот линейное время как время без конца и начала, как правило, отражается его грамматическим строем.

Коми-пермяцкое *кад* «время, пора, срок» по своему происхождению является древним словом (эквиваленты имеются в современном марийском и финском языках) (КЭСКЯ: 114). Оно отвечает за абстрактное значение, что по большому счету не очень характерно для исследуемого языка. Абстрактность в нем реализуется относительно незначительным количеством лексем. Может по этой причине слово *кад* способно иметь довольно широкий спектр понятий – время, пора, срок. И, возможно, поэтому в языке функционирует довольно большое количество выражений (определятельных словосочетаний), определяемым словом в которых является *кад* «время, пора, срок». Очевидно, что их общая семантика связана с категорией «время». В смысловом плане эти выражения транслируют важные моменты деятельности человека, приведем некоторые примеры: *садитчан кад* или *садитчан коста* (время, когда производятся посадки, т.е. весна), *ытшикисян кад* или *ытшикисян коста* (пора сенокоса, т.е. лето), *карч дзимлялан кад* или *карч дзимлялікӧ* (время уборки овощей, т.е. осень), *начкисян кад* или *начкисян коста* (пора, когда колют домашнюю скотину, т.е. глубокая осень) и др. Интересные варианты сочетания слова *кад* «время, пора, срок» с иными лексемами встречаются и в художественных текстах. Приведем некоторые примеры. *Локтіс төвсья кузь праздник – розосво, кынӧм пӧтан кад* (М. Лихачев). «Наступил зимний продолжительный праздник – рождество, сытное время». *Стречалунсянь, лист потан, веж турун кудрийӧн путриктан-быдман кадсянь, чулаліс месяц* (М. Лихачев) в зн. «С троицы, с того времени, когда распускается лист, активно растет трава, прошел месяц». Компонент *кад* в подобных выражениях указывает не столько на физическое время, сколько – на

важность какой-либо работы в определенный период либо на физическое состояние человека или природное состояние также в определенный период. *Кад*, сочетаясь с различными лексемами (примеры показывают, что в сочетаниях преобладают причастия), может реализовать значение конкретного временного промежутка не только годового цикла, но и суточного. Так выражением *пода дозирайтан кад* коми-пермяки указывают на время, когда надо поить-кормить домашнюю скотину, т.е. это утреннее и вечернее время. В словосочетании *би шедтан кад* (досл. «время добывания огня») речь идет о том, что пора включать свет (это также либо утреннее, либо вечернее время). *Сунасян кад* в зн. «время дремать» – время, когда следует готовиться ко сну. То есть каждый вид деятельности привязан к определенному промежутку времени или периоду. Важно не упустить это время, выполнить именно в этот период конкретную работу. Для разного времени года характерны разные виды деятельности (весной сеять, летом косить, осенью убирать и т.д.). С другой стороны, один и тот же вид деятельности (работы) в разное время года может выполняться в разные временные периоды. Скажем, свет весной и осенью включают в разное время, поскольку продолжительность дня весной длиннее, а осенью – короче. Тем не менее в сутках наступает момент, когда надо включать свет, и этот промежуток назовут *би шедтан кад* (время, когда надо включать свет). Язык очень четко демонстрирует привязанность, взаимосвязь времени и вида деятельности. Это интересные, на наш взгляд, наблюдения, связанные с широкими возможностями реализации средствами языка семантического поля «время», когда анализируемая коннотация связана с темпоральной лексемой *кад*.

Словарный состав анализируемого языка демонстрирует, что в миропонимании коми-пермяков самым длительным циклическим периодом был год. Активно используемая и в современной речи, и в национальной паремии лексема *век* является иноязычной. Скорей всего, она была заимствована со всеми семантическими вариантами, функционирующими в языке-оригинале. *Вексö тай сідз олісö* в зн. «Всегда так жили». *Век кежö я мый я мунан?* в зн. «Навсегда что ли уходишь?»

Коми-пермяки (как и все народы) четко выстраивают ориентиры во времени, учитывая четыре основных цикла года: *тулыс* «весна», *гожум* «лето», *ар* «осень», *тöв* «зима», объединённых итоговым словом *во* «год». Народные пословицы демонстрируют важность практически каждого из них для этноса. *Тулыс чужтö, гожум быдтö, арыс сісьтö* «Весна рождает, лето выращивает, осень подвергает гниению». *Тулыс – кöдзсян куда, гожум – косаа, ар – чарлаа* в зн. «Весна – время для посевного короба, лето – для косы, осень – для серпа». *Арöн вузасян, тулысöн босьтасян* «Осе-

ню торгуешь, весной покупаешь». *Гожумыс – мам, тӧлыс – матишка* «Лето – мать, зима – свекровь».

Исконная лексема *во* «год», упомянутая выше, в современном коми-пермяцком языке самостоятельно уже не используется, она сохранилась только в составе наречия *таво* «в этом году». Анализируемая лексическая единица *во* «год» представлена в словаре Н.А. Рогова 1869 года издания (Рогов 1869: 31). Напомним, что Н.А. Рогов не был этническим пермяком, он не был лингвистом, логично было бы предположить, что при составлении своего труда он фиксировал наиболее активные в семантическом и функциональном плане лексемы. Следовательно, в начале второй половины XIX века семантика слова *год* реализовывалась исконным вариантом. Сегодня повсеместно употребляется русское слово *год* (сев. *гӧд*). Риторическим вопросом остается: что послужило причиной отказаться от своего варианта и изменилась ли ассоциативная нагрузка при замене исконного слова иноязычным?

Итак, язык демонстрирует, что для коми-пермяка изначально был и остается (хотя сегодня семантика реализуется русским словом) важным этот год (*таво* «в этом году»), год будущий (*мӧдӱгод* досл. «другой, следующий год»), год прошедший (*мӧйму* «в прошлом году») и позапрошлый год (*одзза год* досл. «предшествующий год»). То есть философия такого циклического промежутка времени, как год, такова: я помню два минувших года, мне интересен этот год и планирую год будущий. Более длительный промежуток времени меня интересует в меньшей степени. Северные коми-пермяки для реализации семантики «позапрошлый год» знают еще несколько вариантов: *одззуну* (фон. *одззынӧ*), *секмӧйму*, *шестьмӧйму*. Все они очень интересны по структуре и по своему образованию. Во-первых, конечный компонент *-у* в их составе этимологически восходит к *у* «год» (КЭСКЯ: 176). *Во* и *у* – это разные фонетические варианты одного слова, возможность появления которых связана с наличием в прошлом в коми языках закрытого *о* звука, реализовавшегося впоследствии в диалектах разными вариантами (КЭСКЯ: 59). Во-вторых, литературный вариант *одзза год* и диалектный *одззуну* в плане семантической составляющей их компонентов являются полными синонимами. Компоненты *одзза* и *одз-* представлены полной и усеченной формами исконного слова *одзза* «предшествующий, прежний», а компоненты *год* и *у* отвечают за семантику «год», только один из них заимствованный, а другой – исконный. В-третьих, лексемы *секмӧйму* и *шестьмӧйму* имеют в своем составе дополнительные компоненты-уточнения: *сек* от рус. *всех* досл. «всех прошлый год» и *шесть-* от *сэсса* «затем» досл. «затем прошлый год». Компонент *шесть-* нам еще встретится при анализе некоторых темпоральных лексем.

Таким образом, цикл год был важным составляющим в миропонимании коми-пермяка, но он был слишком продолжительным, чтобы его связывать с конкретными делами. Это был целый период жизни, который заключал в себя иные циклы, значительно короче года по продолжительности.

Выражения *оран тӧлісь* (досл. «рвущийся месяц, луна») «убывающий месяц» и *быдман тӧлісь* (досл. «растущий месяц, луна») «растущий месяц» служат ориентирами в вопросах месячного цикла, с которыми у коми-пермяков связано много запретов и предписаний. В первую очередь, они соблюдаются при ведении домашнего хозяйства, например нельзя стричь овец в убывающую луну, заниматься посадкой овощных культур и т.д. А вот заготовкой древесины для строительства нового дома занимались как раз в убывающую луну, якобы, тогда древесина меньше трескается при сушке (Климов 2007: 229). Печку в новом доме бьют тоже при старой луне, чтобы не трескались стенки при сушке. А новоселье справляется в новолуние: с ростом луны будет «расти» и богатство нового дома (Климов 2007: 240) и т.д.

Коми-пермяцкий язык лексическими средствами передаёт семидневный цикл: *талун* «сегодня», *ашын* «завтра», *мӧдлун* (досл. «следующий день») «послезавтра», *шесьмӧдлун* (от *сэсся мӧдлун*, где *сэсся* «затем», досл. «затем следующий день») «после-послезавтра», *тӧн* «вчера», *удерлун* «позавчера», *шесьудерлун* «поза-позавчера». Производная лексема *удерлун* «позавчера» состоит из двух компонентов: *удер* (к-з. *войдӧр*) «прежде, раньше, сначала» и *лун* «день». То есть при ее дословном переводе получается, что *удерлун* – это день, который был раньше, прежде. То есть все логично. При выявлении семантических составляющих в составе производной *шесьудерлун* «поза-поза вчера», компонент *шесь* (от *сэсся* «затем, сначала») немного нарушает логику построения выражения, зато сохраняется принцип составления понятия, отвечающего за семантику «два дня до сегодняшнего дня» или «два дня после сегодняшнего дня». Этой структурной составляющей и является *шесь* (от *сэсся* «затем»). Семь вариантов, реализующих как бы недельный цикл, вполне удовлетворял потребности передачи именно этого количества времени. Его отсчет идет не от определенного дня недели, а от сегодняшнего дня, поэтому его нельзя воспринимать в привычном значении «неделя». Важны были прошедшие или будущие события от дня сегодняшнего. Здесь уместна пословица *Тӧннясӧ касьтывлы, ашыныс йылісь – пыр юрат видз* (Вчерашнее помни, завтрашний день всегда в голове держи).

Зато как много дел надо было переделать в течение дня (светового времени), вот где категория времени проявляется во всей красе. Коми-пермяцкий язык располагает средствами для весьма детализированного

обозначения первой части суток: *асывъяв* в зн. «раннее утро», *шондипетандор* в зн. «время, когда всходит солнце», *асыв* «утро», *асыяпон* в зн. «позднее утро», *югдандор* в зн. «рассвет», *оторас лоз югдис* в зн. «рассветло», *асыв паськалис* в зн. «утро наступило». В летнее время добавляется еще одно выражение, отвечающее за определенный период времени – *лысваыс эшö эз на косьмы* в зн. «солнце еще не в зените, роса еще не высохла».

День был ознаменован ежедневным тяжелым трудом, что и реализовано в языке: *лун* «день», *уджалан кад* «рабочее время, пора», *шондыс юр вевдöрын* (досл. «солнце над головой») в зн. «полдень», *шондыс бергöтчис* (досл. «солнце повернулось») в зн. «послеобеденное время», т.е. солнце проделало уже больше половины своего пути.

После трудового дня, наконец, наступал вечер (*рыт*). Для реализации этого суточного промежутка времени язык знает довольно много выражений: *рытьяв* в зн. «ранний вечер» или просто *рыт* «вечер». Выражение *Шондыс пуксис* (досл. «солнце село») указывает на то, что вечер уже наступил, потому что солнце спряталось за горизонт. Значение сумерки в коми-пермяцком языке реализуется лексемой *немдандор* (досл. «край темноты»), значит, наступает следующий этап – это *би шедтан кад* в зн. «время, когда надо зажигать свет». Завершает вечерний промежуток безличный глагол *немдис* «стемнело».

Разные промежутки ночного времени реализуются следующими лексемами: *рытьяой* (досл. «вечерняя ночь») в зн. «время, когда вечер переходит в ночь», *ой* «ночь», *ойшөр* «полночь», *пыдой* «глубокая ночь» и *асыяой* (досл. «утренняя ночь») в зн. «время, когда ночь переходит в утро».

Получается, что для обозначения такого цикла, как сутки, важно не само астрономическое время, а физические изменения в природе, к которым привязан своей жизнедеятельностью человек. Для коми-пермяцкой модели времени суток структурно наиболее значимыми являются моменты пробуждения, начала и конца дневной деятельности.

Названные лексические маркеры указывают на конкретный отрезок времени в сутках, который для каждого времени года, даже для каждого месяца будет абсолютно самостоятельным. Эта семантика реализуется чаще всего производными или сложными именами существительными, где каждый компонент отвечает за свою миссию. *Пон* – это конец чего-либо, *дор* – край чего-либо, за которым следует уже следующий важный период; *шөр* – середина, центр чего-либо; компонент *-яв* отвечает за начало чего-либо. Конкретное время реализуется и безличными глаголами. В этой группе активны и устойчивые выражения. Одним словом, язык использует

разные слова и выражения для реализации семантики конкретного, определенного отрезка времени.

Не менее богато в речи коми-пермяков представлено обозначение временных отрезков неопределенной длительности: *дыр* «долго», *недыр* «недолго», *важын* «давно», *неважын* «недавно», *пыр* «всегда», *кӧр* «когда», *некӧр* «никогда», *сы коста* «в это время», *чожа* «скоро», *кӧтковну* и *ӧнтай* в зн. «неопределенного прошедшего времени» и др.

Таким образом, в коми-пермяцком языке циклическое время представлено богатой лексической составляющей. Наиболее длительным циклом является год, наиболее коротким – сутки, большую значимость в которых играли их составляющие временные отрезки. При реализации концепта «время» для коми-пермяка важно не астрономическое время, а различные изменения в природе, к которым привязан своей жизнедеятельностью человек.

Казаченко О.В. Концепт «время» в русской языковой картине мира: новые перспективы развития URL: (www.evestnik-mgou.ru.) (дата обращения 16 октября 2016 г.).

Климов В.В. Корни бытия. Этнографические заметки о коми-пермяках. – Кудымкар, 2007. – 368 с.

КПФС – Коми-пермяцкий фразеологический словарь / Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. VII / авт.-сост. О.А. Попова. – Пермь, 2010. – 344 с.

КЭСКЯ – Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. – М., 1970. – 386 с.

Пармалӧн шыӧз / Голоса Пармы : проза на коми-пермяцком языке. – Кудымкар, 1997. – 456 с.

Рогов Н.А. Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь. – СПб., 1869. – 421 с.

Хайдарова И.Н. Лингвоспецифические характеристики концепта «время» // III Международные Бодуэновские чтения : И.А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23–25 мая 2006 г.) : труды и материалы: в 2 т. / Казан. гос. ун-т; под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. – Казань, 2006. – Т. 1. – С. 125–128.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ ОБЩЕЙ ОЦЕНКИ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ

В.М. Лудыкова,

профессор кафедры финно-угорской филологии и национального образования ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»

Значительное место в системе прилагательных занимают субъективные, выражающие не собственный признак предмета, а отражающие отношение, точку зрения говорящего субъекта, обозначающие субъективный признак. Они характеризуют предмет с точки зрения вкусов, привычек, дают представления о норме, существующей в языковом сознании. Признаки в этом случае имеют субъективную сторону, как известно, один и тот же предмет, лицо разными субъектами могут характеризоваться, оцениваться по-разному. При обозначении признака на передний план выдвигается говорящий, наблюдающий субъект, к примеру: *Керкаыс бур* «Дом хороший» – *Ме чайта, абу зэв бур, выті ыджыд* «Мне кажется, не очень хороший, слишком большой»; *Уджыс бур* «Работа (его) хорошая» – *Меным кажитчö, абу зэв бур* – «Мне кажется, не очень хорошая, шумная, утром надо рано уходить».

Справедливо замечает Е.М. Вольф, что «язык отражает мир с различных сторон. Прежде всего, в языке представлена объективная действительность, имеющиеся в мире предметы, свойства, действия, включая человека с его мыслями, чувствами, поступками и их соотношения. Эту сторону языковых выражений можно рассматривать как дескриптивную. Кроме реальных предметов, фактов, действий, признаков в языке отражается также характеристика действительности и человека в самых разных аспектах, одним из которых является оценочный: объективный мир делится говорящим с точки зрения его целостного характера – добра и зла, пользы и вреда и т.п., это вторичное членение, обусловленное социальное, весьма сложным образом отражено в языковых структурах» (Вольф 2002: 5). При оценке всегда подразумевается присутствие говорящего, поэтому «кваликативная структура связана с прагматическим аспектом высказывания» (Вольф 1978: 35).

Оценка является универсальной категорией, вероятно, в любом языке имеется выражение понятий «хороший/плохой», «хорошо/плохо». Оценочное значение выражается при помощи слов различных категорий, среди которых ведущее место занимает имя прилагательное. В коми языке, как и в других языках, можно выделить особую группу оценочных адъективных слов.

Оценочными являются прежде всего качественные прилагательные, как отмечают исследователи, «оценочные прилагательные сохраняют особую

связь с качественностью, благодаря тому, что оценки основываются на качествах, хотя сами по себе о них не информируют» (ТФГ 1996: 24–25).

К субъективным оценкам относятся **общеоценочные** и **частнооценочные** типы (Арутюнова 1998: 183, 194; Вольф 2002). Соответственно, **имена прилагательные** делятся на **общеоценочные** и **частнооценочные**. Выделение общеоценочных и частнооценочных прилагательных актуально и для коми языка. К прилагательным **общей оценки** относятся прилагательные *бур* «хороший» – *лѣк* «плохой». Давая общую оценку предмету, субъект должен хорошо знать различные свойства, качества предмета, он должен эксплицитно или имплицитно мотивировать свою оценку, «прилагательные типа хороший/плохой выражают (противоположные) оценки в чистом виде, за их употреблением стоит знание отношений вещей, но выражаются или непосредственно только реакции субъекта на какие-то свойства объекта. Это «только» и составляет специфическую особенность семантики прилагательных типа хороший/плохой» (ТФГ 1996: 21). При общей оценке присутствует субъективный аспект, соотнесение субъекта оценки системой ценностей, ценностных представлений, имеющихся у него. Общая оценка дается по совокупности признаков: *бур керка* «хороший дом», имеется в виду и то, что он теплый и крыша не протекает, и крепкий, и удобный для проживания, светлый, большой и т.п. В конкретном высказывании из общего объема оценки выделяются те качества, свойства, черты предмета, которые важны для данной ситуации, для данного времени.

Для разных объектов существуют разные стандарты, поэтому оценка хороший/плохой дается для разных предметов по разным критериям, основаниям: одна и та же оценка может быть дана представителям одного класса и разных классов: *бур нув* «хорошая брусника», общая оценка подразумевает то, что брусника созревшая, крупная, сочная, сладкая; *бур гождѣм* «хорошее лето» – теплое, солнечное, в меру дождливое; *бур велӧдысь* «хороший учитель» – хорошо знающий свой предмет, владеющий методикой преподавания, строгий, опытный, понимающий ученика и т.п.; *бур му* «хорошая земля» – плодородная, мягкая, без камней, не кислая и т.д. Каждый из этих предметов обладает разными свойствами, при этом всем дана общая оценка *бур* «хороший», однако критерии оценки у каждого из них разные. В оценку *бур* «хороший» включены разные признаки. Разные критерии объектов в разной степени имплицитно подразумевают те требования, которые должны быть удовлетворены для их общей положительной квалификации. Если оценивается лицо, человек, то оценка дается по определенным морально-этическим качествам, по отношению к другим людям, принятым в данном социуме. Если оценивается специалист, – то по определенным профессиональным качествам, ребенок – по качествам, свойствам, прису-

щим детям, предмет – по своим качествам, свойствам. Во всех случаях имеется мотивировка оценки. Она эксплицитно может быть не выражена, но имплицитно присутствует в высказывании. «Наиболее определенны требования, предъявляемые к специализированным предметам-орудиям, инструментам, приспособлениям, машинам и другим видам артефактов, предназначенных для выполнения определенной практической задачи. Оценочные прилагательные в сочетании с инструментальным именем или именем номинативного класса получает фиксированное содержание (хороший шахматист, хороший вратарь). Но и в сочетании со многими номинативными классами функционального типа, которым оценка дается по фиксированному аспекту, общеоценочные прилагательные сохраняют прагматическую обусловленность. Так, сочетание *хороший педагог* может быть отнесен к педагогу, о котором известно, что он опытен, строг, знает свой предмет, владеет методикой преподавания, требователен, возможно, суховат. С другой стороны, этим же сочетанием может быть охарактеризован преподаватель, увлеченный своим предметом и умеющий увлечь своих учеников, при этом допускается дефицит опытности, методики преподавания, строгости, требовательности и систематичности, т.е. как раз тех качеств, которые ставятся в особую заслугу «хорошему преподавателю» в первом случае (Арутюнова 1998: 200–201). Совершенно так же может быть дана оценка и другим объектам. Во всех случаях при общей оценке важен прагматический аспект, оценка определяется высказыванием, ситуацией речи, знаниями объективной действительности, картины мира.

При общей оценке объект оценивается как «хороший» или «плохой». Оценка «хороший» означает соответствие определенной норме, стандарту. Оценка «плохой» – отклонение от нормы, стандарта, «...хорошее значит соответствующее идеализированной модели микро- или макромира, осознаваемой как цель бытия человека, а следовательно, и его деятельности; плохое значит не соответствующее этой модели по одному из присущих ей параметров» (Арутюнова 1998: 181). Необходимо иметь в виду и то обстоятельство, что «положительная оценка предполагает не только наличие у объекта тех или иных достоинств, но также и то, что их общий «вес» превосходит «вес» отрицательных свойств. Точно так же отрицательная оценка объекта указывает не только на его изъяны, но и на то, что имеющиеся позитивные качества недостаточны для того, чтобы их компенсировать. Действующая в этой области система партнеров (она всегда субъективна) не сводится к численному соотношению. Она сводится с иерархией ценностей, в которой внешним достоинствам придается меньший вес, чем внутренним качествам» (Там же: 203–204).

По совокупности определенных признаков общая оценка дается лицам, событиям, предметам. Она может быть дана в конкретной ситуации, с конкретной коммуникативной целью, в определенной обстановке: *Сыктывкарын первой олі домработничаын. Зэв бур семьяё веськалі* (Изьюров 1984: 61) «В Сыктывкаре сначала была домработницей. В очень хорошую семью попала (я)»; *Рад вöлі Даньщиков бур гöстьяс воöмысь* (Изьюров 1975: 26) «Рад был Даньщиков приходу хороших гостей»; *Лёк олём заводитчö, лёк олём!* (Напалков 2000: 60) «Плохая жизнь начинается, плохая жизнь»; *Быдöн кутлöны Доменьлысь да Зоялысь кияссö, ошкöны бур уджысь* (Изьюров 1984: 49) «Все пожимают руки Доменя и Зои, хвалят за хорошую работу»; *Артмис зэв бур пос* (Васютов 2002: 55) «Получился очень хороший мост»; *Ми костанум выйимöсь на лёк войтыр* (ИД 1976: 107) «Среди нас еще имеются плохие люди»; *Талун медся лёк видзыс виччысьö миянöс* (В. Торопов 1980: 12) «Сегодня нас самый плохой луг ожидает»; *Колö кызкö Ольöкансö йöйталöмсьыс олöдны, бертышитны сы юрысь лёк думьяссö да көсйöмсö* (Попов 2001: 164) «Надо как-то отвлечь Олекана от плохих мыслей, выкинуть из его головы плохие мысли и желания».

Общеоценочным является и прилагательное *омöль* «плохой, скверный, дурной, худой», которое имеет более ограниченное употребление: оно распространено в южных диалектах и литературном языке: *Воддза воясас зэв омöлик олём вöлі тани* (Савин 1985: 55) «В прежние годы очень плохая жизнь здесь была; *Омöль, зонмö, олём пондiс лоны* (Сажин 1987: 96) «Плохая, парень, жизнь началась»; – *Ме дзевлала? ... – пондiс вензьины Ёгор да кысь нин, артист сийö вöлі омöлик, зэв омöлик* (Фёдоров 1979: 225) «– Я прячу (хлеб)? – начал спорить Егор, да куда уж там, артист он был плохой, очень плохой».

Как было отмечено, за положительной или отрицательной оценкой могут стоять различные признаки объекта, в конкретной ситуации, в конкретных коммуникативных целях субъект оценки в качестве критериев берет определенные признаки. Поэтому нередко оценочные прилагательные нуждаются в экспликации. В высказывании может быть дан конкретный комментарий общей оценки. Основанием оценки бывают признаки, качества неодушевленного или одушевленного предмета, поступки людей, определенные действия, состояния, явления природы: *Бур чом артмис кык коз костын – ыджыд и шоныд* (Торопов 1995: 178) «Хороший шалаш получился между двумя елями – большой и теплый»; ... *таво тулысыс вöлі лёк, чорыда кынтавлiс* (Фёдоров 1979: 252) «В этом году весна была плохой, были сильные заморозки».

Мотивация, причина оценки может быть оформлена сложноподчиненными предложениями: *Туруныс таво лёк, гожöмыс зэв кос вöлі да* «Трава в этом году плохая, потому что лето было очень засушливым».

Содержательный комментарий положительной или отрицательной оценки говорящим субъектом может быть дан в ближайшем контексте. В некоторых случаях общая оценка дается в предшествующем высказывании, а в последующих высказываниях – ее комментарий: *Комиясыд, буракө, абу лёк йөз... сьөлөма и гөгөрвоысь йөз... Вөра көдзыд муад кузятө олигөн, ме чайта, велалөмаөсь кывны мөд мортөс... Со тай мянлы маджасаясыс кутишөма отсасисны баракъястө лэптигөн... Вөлөн и быдторйөн... Төвнад со быдса йөраөс кыйисны да колисны посёлокө... Кутишөма мездисны тиыгъялөмысь* (Торопов 1995: 53) «Коми, видимо, хорошие люди... Сердечные, понимающие люди... Проживая в лесных холодных краях, я думаю, (они) научились понимать другого человека... Вот нам как помогали жители села Маджа строить бараки... Лошадью и всем другим... Зимой вот целого лося поймали и оставили в посёлке... Как избавили от голода»; *И век жө мян шудным вөлөма на. Көнкө ылын кутисны пөртмасьны машина бияс. А сэсся и шыыс кутис кывны. И со мянкөд орччөн сувтис грузөвөй автомашина. Шоферыс бур вөлөма. Могмөдис тырмымөн бензинөн, мед воөдчыны матысса заправочнөйөдз. Ас кежын эг өтычыдысь казавлы, мый пөшти век ылі туйын шоферьяс зильöны отсавны пикө воөмаяслы* (Белых 1997: 156) «И все же еще было у нас счастье. Где-то вдаль засверкали огни автомашины. А потом ее шум стал слышен. И вот рядом с нами остановилась грузовая автомашина. Шофер оказался хорошим человеком. Дал нам достаточно бензина, чтобы доехать до ближайшей заправочной. Не один раз замечал (я), что почти всегда в дальней дороге шоферы стараются помочь тем, кто попал в беду».

Общая оценка может обобщать, оценка может быть дана как некий результат на основе событий, поступков, признаков, которые сообщены в предшествующих высказываниях. Высказывания, содержащие оценку, располагаются после высказываний, сообщающих содержательный комментарий оценки: *Ставсө тайөс аслым бара казьтышити да быттьө полөмпырысь йөткышитчи пелысөн берегсянныс. Но весьшөрө тай весьшөрө тай вөлөма полөмөй. Менам кокныдик веткиөй эз нин сэтишөма катлась быд лолышитөмысь да ышловзёмысь. Зэв тювкөс вөлөма. Сөмын удит пелыснад ваас инмөдчышитны, быттьө ачыс водзлань мунө. Да и васө некутишөма оз лэдз. Бур пыж вөчлөма Василей дедыд* (Белых 1997: 12) «Обо всем об этом вспомнил про себя и как будто боязливо оттолкнулся веслами от берега. Но напрасно боялся. Моя легкая маленькая лодка не так уже раскачивалась от каждого дыхания и вздоха. Оказывается, была очень юркой. Только успевай веслами коснуться воды, как будто сама вперед идет. Да и воду совсем не пропускает. Хорошую лодку сделал (когда-то) дед Василий»; *Мыйла тайө мортсө Рака Ваньөн нимтывлөмаөсь,*

бөрүнджык гөгөрвои жө нин. Ыкша. Шмонитны радейтысь. Рака кодь жө гора вома. Сійос неуна кывзыштөм бөрын пыр и вөлі серөктан. Колис ас йывсыыс сиктын бур память (Белых 1997: 159) «Почему этого человека прозвали Рака Ваней, уже позже (я) понял. Шаловливый. Любитель пошутить. С громким голосом, как ворона. После того как немного его послушаешь, сразу и засмеешься. Оставил о себе в селе хорошую память».

Вполне разделяем утверждение лингвистов о том, что «нужда в расшифровке отрицательных свойств продиктована часто стремлением устранить дефекты. Конкретизация хорошего нередко проистекает из дидактических целей. Сопутствующая общеоценочным предикатам экспликация определяет привычное для них место в тексте: они регулярно предваряют дескриптивные фрагменты либо их резюмируют (Арутюнова 1998: 205): *Гожөмыс бур вөлі. Вөлі шоныд, эз ёна зэр. Вөлі уна вотос да тиак. Бура быдмисны градыв пуктасьяс* «Лето было хорошее. Было тепло, не очень много дождей. Было много грибов и ягод. Хорошо созрели овощи»; *Дипломной уджыслөн темаыс восьтөма тырвийө, видлалөма уна материал, эмось асиөр видзөдласьяс, доньялөм. Уджыс бур* «Тема дипломной работы раскрыта полностью, проанализирован большой материал, имеется своя точка зрения, оценки. Работа хорошая» *Темасө уджыслысь абу тырвийө восьтөма, материалыс этша, эмось öшыбкаяс. Литературасө видлалөма этша. Уджыс лёк* «Тема раскрыта не полностью, материала мало, имеются ошибки. Литература изучена недостаточно. Работа плохая». Оценочные предикаты информативно недостаточны. Вслед с оценочным предикатом, как правило, всегда следуют мотивы оценки, развертывание оценки, события.

Однако такие комментарии оценки бывают не во всех случаях. Мотивы оценки могут и отсутствовать. Их «не указывают тогда, когда они уже известны из опыта, предмета или какого-либо иного источника. В этом случае оценочное высказывание утрачивает свою информативность и его функция ограничивается коммуникативными целями. Оценочное высказывание может выражать похвалу, одобрение, поощрение, комплимент, осуждение, удовлетворение или недовольство (Арутюнова 1998: 207 со ссылкой Вольф 1985: 163). *Луныс, ен ськөд, кутшиөм бур көсийө лоны!* (Фёдоров 1979: 50) «День, бог с ним, каким хорошим обещает быть!» Для коммуниканта нет необходимости указывать на мотивы оценки. Говорящему и слушающему известно, какие качества входят в оценку бур «хороший», когда говорят о хорошем летнем дне. Качества представлены имплицитно. *Бур вöрсө кералөм вöсна кыйсян угоддьöыс гөльмис, төдчымөн чинис пөтка и зверь* (Фёдоров 1979: 147) «Из-за того что вырубili хороший лес, охотничьи уголья стали бедными, сократилось число дичи и зве-

рей» – коммуникантам также известно, какие качества входят в объем оценки *бур*. *Õтикõд сёрниõ воим да сэк тõдмалі... И некыдз ог вермы гõгõрвоны, мый тәнõ кыскис сэтчõ (пединститутõ). Тэ жõ механик. И, шуõны, абу нõ лёк* (Торопов 1995: 80) «Разговорились с одним и тогда узнал... И никак не мог понять, что тебя потянуло туда (в пединститут). Ты же механик. И, говорят, неплохой»; *Муыд, шондїбан, бур кõзьяинõс радейтõ, – небыдика кутїс висьтавны мельник* (Фёдоров 1979: 174) «Земля, дорогой, хорошего хозяина любит»; *Кутшїõм мичаõсь да югыдõсь кодзувьясыс! Век кõtь видзõд... И кутшїõм шуда синьясõн быттьõкõ неважõн на нимкодясис Сашка... Кор кольõдчис Оксанакõд... Ясыд кодзувьясыс моз жõ югзьявлїсны сэки гырысь синьясыс пõсь шудõн ыпьялысь нывлõн... Дзыкõдз õмõй нõ ставыс тайõ помасис?.. Некор нин сэссия оз ло?.. Оз вермы бõрсõ лоны? Лёк олõмыс да лёк йõз ставсõ тайõ нырыштісны налысь?..* (Торопов 1995: 58) «Какие красивые и яркие звезды! Хотя беспрестанно смотри... И какими счастливыми глазами как будто недавно еще любовался Сашка... Когда провожал (вечерами) Оксану... Тогда красивые большие глаза девушки светились так же, как яркие звезды... Неужели все это закончилось?.. Никогда уже не будет больше?.. не может вернуться?.. Плохая жизнь и плохие люди все это уничтожили у них?»

В оценочных конструкциях возможны ограничения. В них говорящий субъект указывает на цель, аспект объекта, относительно которой дается оценка: *Картупельыс видзõднысõ бур, а пытшкõсыс сїсь* «На вид картошка хорошая, а внутри гнилая»; *Вõлыс гõрны бур* «Лошадь хороша для пахоты»; *Понїыс вõравны бур* «Собака хороша для охоты».

Общая оценка может быть экспрессивно окрашенной. В высказывании проявляется резко отрицательное отношение коммуниканта к какому-либо объекту, который может совпадать с субъектом речи. Такое оценочное значение имеют прилагательные *пеж* «поганный, скверный, отвратительный, подлый», *урõс* «недоразвитый, хилый, неопрятный, паршивый, пакостливый», *зывõк* «противный, отвратительный, гнусный, презренный». В отличие от стилистически нейтрального оценочного прилагательного *лёк* «плохой» они имеют ограниченную сферу употребления. Перечисленные адъективные слова наблюдаются в устной спонтанной речи, а также в языке художественных произведений: *Ок и пеж морт жõ эськõ ме да!.. Колõ жõ выльысь на унмовсьлыны татшїõм здукõ!* (Торопов 1995: 71) «Ох и скверный же я человек! Надо же было уснуть в такой момент»; – *О, енмõй, мыйта мян пытшкын олõ пеж веськодьлуныс! – мыйтакõ личмуныштõм гõлõсõн нин шуис Люся* (Там же: 112) «О, боже, сколько подлого равнодушия в нас живет! – немного ослабленным голосом сказала Люся»; *Матев вомысь петысь тайõ кывьяссõ кывзїгõн ме бара думышті: «А ме, гашкõ,*

збыльысь на эг садьмы да?» (Там же: 122) «Слушая эти поганые слова, выходящие из уст Матева, я опять подумал: «А я, наверно, действительно еще не проснулся?»; *Пеж винаыд кыдз ёдлө ми воктө* (Там же: 131) «Поганое вино как портит нашего брата»; *Урөс ловпу сөмын чаший-быдмө* (Там же: 172) «Хилая ольха только растет»; *Питирим шыбитис нопсө, тэрыба пондис чегъявны кос увъяс, кульны урөсiник кыдзьяслысь сямөд* (Там же: 174) «Питирим бросил (свой) рюкзак, стал быстро ломать сухие ветки, снимать бересту с хилых берез»; *Ачыс аслыс сийө таысь вөли зывөк* (Фёдоров 1979: 344) «Она сама себе была противной».

Прилагательные общей оценки *лөк* «плохой», *пеж* «поганый, скверный, отвратительный, подлый» могут быть употреблены в одном ряду, следовать друг за другом. Последующее *пеж* усиливает значение оценки *лөк*, вносит в оценочное высказывание ярко выраженную эмоциональную окраску: *Сэки өд, сийө жө важ олөмас, йөзлысь вөрөдысьясыс медся лөк, медся пеж йөзнас лыддысьлисны комияс пөвстын. Торйөн нин вөралысьяс пөвстын!* (Торопов 1995: 236) «Ведь тогда, в той старой жизни, те, которые брали чужое, считались самыми плохими, самыми скверными людьми у коми, особенно среди охотников».

Синонимом общеоценочного прилагательного *бур* «хороший» является адъектив *лөсьыд* «хороший»: *А, пиө, кор сывсьө, сэки став сьыланыс лөсьыд!* (Торопов 1995: 42) «А, сынок, когда поется, тогда все песни хороши!».

Как уже было отмечено, общую оценку выражают качественные имена прилагательные, которые в предложении выполняют предикативную и атрибутивную функции, в том числе функцию обособленного и предикативного определения. Подробно синтаксические функции адъективных слов рассмотрены в работах автора (Лудыкова 2003а, 2003б, 2005а, 2005б, 2006а, 2006б, 2007, 2008, 2009а, 2009б, 2010).

Таким образом, в жизни человека оценка занимает важное место. В коми языке для выражения значения общей оценки получили развитие имена прилагательные.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1998.

Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательного: (на материале иберо-романских языков). – М., 1978

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – 2-е изд., доп. – М.: УРСС, 2002.

Лудыкова В.М. Коми кывбердлөн синтаксис (Синтаксис имени прилагательного в коми языке). – Сыктывкар, 2003а.

Лудыкова В.М., Федюнева Г.В. Местоимение и прилагательное в грамматической системе коми и русского языков. – Сыктывкар, 2003б.

Лудыкова В.М. Особенности согласования прилагательного в коми языке // Вопросы коми филологии : сб. науч. статей. – Сыктывкар, 2005а.

Лудыкова В.М. Предикативное прилагательное в коми языке. – Сыктывкар, 2005б.

Лудыкова В.М. Иллотивная форма коми прилагательного // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. – СПб., 2007. – Вып. 1. (Ч. 1). – С. 48–52.

Лудыкова В.М. Атрибутивные прилагательные в коми языках: функционально-семантический аспект : монография. – М.: ВНТИ, 2006а. (эл. изд. № рег. 50200601081).

Лудыкова В.М. Синтаксис имени прилагательного в коми языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Ижевск, 2006б.

Лудыкова В.М. Определение в агглютинативных языках (на материале коми языка) : монография. – Сыктывкар, 2008.

Лудыкова Коми кывйын кывтэчас да прёстой сёрникузя (Словосочетание и простое предложение в коми языке). – Сыктывкар, 2009.

Лудыкова В.М. Виды подчинительной связи атрибутивного прилагательного в коми языке // Вопросы коми филологии : сб. науч. трудов. – Сыктывкар, 2009б. – С. 14–18.

Лудыкова В.М. Имя прилагательное в синтаксисе агглютинативных языков: функционально-коммуникативный аспект: монография. – Сыктывкар, 2010.

ТФГ – Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. – СПб.: Наука, 1996.

Список источников

Белых И. Ёзйы, менам бипурёй. – Сыктывкар, 1997.

Васютов Ю. Шондіа вой. – Сыктывкар, 2002.

ИД – Сахарова М.А., Сельков Н.Н. Ижемский диалект коми языка. – Сыктывкар, 1976.

Изьюров И. Судзёд меным ёшкамёшка. – Сыктывкар, 1975.

Изьюров И. Миян грездса нывъяс. – Сыктывкар, 1984.

Напалков В. Чолём и прёщай. – Сыктывкар, 2000.

Попов А. Чудь мыльк. – Сыктывкар, 2001.

Савин В. Мусюр сайын. – Сыктывкар, 1985.

Сажин И. Ён тыш. Сё сикас. // Ытва дырйи. – Сыктывкар, 1987. – 80-115 л.б.

Торопов В. Менам вёр-ва. – Сыктывкар, 1980.

Торопов И. Оштё эн лый кыкысь. – Сыктывкар, 1995.

Федоров Г. Повестьяс. – Сыктывкар, 1979.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД КАК ПРОЦЕСС

Л.Д. Матвеева,

редактор Бюро официального перевода
Коми республиканской академии
государственной службы и управления
matveeva.lyuba2013@yandex.ru

В Республике Коми функционируют два государственных языка – русский и коми. Согласно ст. 7 закона Республики Коми «О государственных языках Республики Коми» (в ред. Законов РК от 16.07.2002 № 76-РЗ, от 06.07.2009 № 63-РЗ, от 07.10.2013 № 95-РЗ, от 26.09.2014 № 116-РЗ): «Акты органов государственной власти Республики Коми публикуются на коми и русском языках и обладают одинаковой юридической силой». Пункт 5 ст. 8 Федерального Закона № 149-ФЗ от 27 июля 2006 года «Об информации, информационных технологиях и защите информации» также устанавливает необходимость предоставления общественно значимой информации на государственных языках: «Государственные органы и органы местного самоуправления обязаны обеспечивать доступ к информации о своей деятельности на русском языке и государственном языке соответствующей республики в составе Российской Федерации в соответствии с федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации и нормативными правовыми актами органов местного самоуправления». Предоставление официальной информации на государственных языках Республики Коми в части перевода осуществляет Бюро официального перевода Коми республиканской академии государственной службы и управления. В его функции входят перевод нормативно-правовых актов Республики Коми на коми язык, поддержка коми версии официального интернет-портала Республики Коми, официального сайта Коми республиканской академии государственной службы и управления, сопровождение деятельности Избирательной комиссии Республики Коми и т.д. В данной работе будет рассматриваться перевод «как процесс и как работа переводчика – устная или письменная» (Нелюбин 2003: 94).

В научной литературе существуют различные классификации перевода, но все они связаны со стилем текста (художественный, научный, технический, официально-деловой и т.д.) или способом осуществления перевода (устный и письменный). Так, в работе В.Н. Комиссарова приводятся две основные классификации перевода – жанрово-стилистическая и психолингвистическая. Психолингвистическая классификация переводов, учитывающая способ восприятия оригинала и создания текста перевода, под-

разделяет переводческую деятельность на письменный и устный перевод (Комиссаров 1990: 94–109). В отличие от художественного перевода, при котором создается художественный образ, художественная среда в производстве, перевод официально-деловых текстов характеризуется объективностью и точной передачей информации на другом языке.

Отличительной чертой письменного перевода в сравнении с устным переводом является то, что переводчик воспринимает письменный текст и письменно его воспроизводит. Данный вид перевода предоставляет переводчику больше времени на изучение текста, на нахождение более точного варианта перевода термина, на сопоставление оригинала и перевода.

Общеизвестно, что нормативно-правовые акты большинству людей достаточно сложны для восприятия. Следовательно, переводчику во время своей работы необходимо не только понять смысл текста, но и правильно перевести текст. При переводе официальной информации важно учитывать его своеобразие. Рассмотрим на конкретных примерах.

Например, Закон Республики Коми от 20 апреля 2015 года № 9-РЗ *«Об установлении налоговой ставки в размере ноль процентов для индивидуальных предпринимателей при применении упрощенной системы налогообложения и патентной системы»* на коми языке передается следующим образом: *«Коми Республика мутасын вот перьян кокньоддём системаён да вот перьян патентной системён вёдичигён асиёр уджалысьяслы ноль прёчент мындаын вот ставка урчитём йылысь»*.

В первую очередь при переводе необходимо выделить основную мысль предложения, которая в данном случае состоит в том, что индивидуальным предпринимателям упрощают систему налогообложения. Понимание смысла является важным, поскольку законодательные акты регулируют отношения людей в обществе. Следующий шаг – это работа над терминами. Для подбора адекватных терминов (в нашем случае *«индивидуальный предприниматель»*, *«упрощенная система налогообложения»*, *«патентная система»*) переводчики используют Общероссийскую сеть распространения правовой информации «КонсультантПлюс», электронные словари GoldenDict и справочник «Административно-территориальное и муниципальное устройство Республики Коми на 1 августа 2006 года». Опираясь на большое количество разных источников, есть возможность найти наиболее адекватный вариант для термина. Вышеназванные термины в переводе на коми язык представлены как *«асиёр уджалысь»*, *«вот перьян кокньоддём система»*, *«вот перьян патентной система»*.

В качестве другого примера возьмем Постановление Правительства Республики Коми от 21 марта 2016 года № 148, название которого на русском языке звучит как: *«О некоторых вопросах в сфере проведения мони-*

торинга соответствия планов закупки товаров, работ, услуг, планов закупки инновационной продукции, высокотехнологичной продукции, лекарственных средств, изменений, внесенных в такие планы, оценки соответствия проектов таких планов, проектов изменений, вносимых в такие планы, требованиям законодательства Российской Федерации, предусматривающим участие субъектов малого и среднего предпринимательства в закупке», на коми языке – «Россия Федерацияса оланпастэчаслӧн корӧмъяслы, кутшӧмъяс урчитӧны ичӧт да шӧр предпринимательство субъектъясӧн закупкаын участвуйтӧмсӧ, вузӧс, уджъяс, услугаяс ньӧбан планъяслӧн, инновационнӧй прӧдукция, высокотехнологичнӧй прӧдукция, бурдӧдчан средствояс ньӧбан планъяслӧн, татшӧм планъясӧ пыртӧм вежсьӧмъяслӧн лӧсялӧм бӧрся мониторинг, татшӧм план балаяслысь, татшӧм планъясӧ пыртан вежсьӧм балаяслысь лӧсялӧмсӧ донъялӧм нуӧдан юкӧнын ӧткымын юалӧм йылысь».

Основной смысл предложения заключается в том, что проводят мониторинг и оценку соответствия планов закупки требованиям законодательства. При переводе предложения такого объема важно проследить последовательность и логику связи обеих частей предложения. В первой части важна мысль о проведении мониторинга соответствия, во второй – проведение оценки соответствия. Как следует из перевода на коми язык, данная связь частей предложения выполнена в нужной последовательности. В приведенном примере присутствуют однородные члены предложения: «планы закупки товаров, работ, услуг», «планы закупки инновационной продукции, высокотехнологичной продукции, лекарственных средств», «изменения, внесенные в такие планы», «проекты таких планов», «проекты изменений, вносимых в такие планы». При переводе необходимо учитывать их последовательность и расположение как в оригинале, поэтому на коми язык они переведены как «вузӧс, уджъяс, услугаяс ньӧбан планъяс», «инновационнӧй прӧдукция, высокотехнологичнӧй прӧдукция, бурдӧдчан средствояс ньӧбан планъяс», «татшӧм планъясӧ пыртӧм вежсьӧмъяс», «татшӧм план балаяс», «татшӧм планъясӧ пыртан вежсьӧм балаяс».

На приведенном примере продемонстрированы особенности законодательных текстов, а именно: большой объем предложений, значительное количество придаточных предложений, однородных членов предложения, повторов терминов и целых фраз.

Следующим видом письменного перевода, реализуемого Бюро официального перевода, является перевод на коми язык информации на Официальном интернет-портале Республики Коми и официальном сайте Коми республиканской академии государственной службы и управления.

Тексты, представленные на Официальном интернет-портале Республики Коми и на официальном сайте Коми республиканской академии государственной службы и управления, относятся к газетно-публицистическому жанру. При переводе такого вида текста важны объективность, точность, эмоциональная окраска, а также адекватное восприятие читателем текста перевода. По сравнению с переводами законодательных текстов такого рода переводы более свободны.

Рассмотрим это на конкретном примере. На Официальном интернет-портале Республики Коми в новостной ленте 15 апреля 2016 года была опубликована статья о берегоукрепительных работах реки Сысолы. Русский вариант текста: *«Работы по берегоукреплению ведутся на условиях софинансирования из средств Республики Коми и бюджета МО ГО «Сыктывкар». Кроме того на строительство берегоукрепительных противопопозневых сооружений на левом берегу реки Сысолы выделена субсидия из федерального бюджета. Сумма софинансирования проекта составит более **65,7 миллиона рублей**»* (Основные работы по берегоукреплению реки Сысола в районе Кировского парка в Сыктывкаре должны быть закончены к 20 августа 2016 года // <http://rkomu.ru/news/39187/>). На коми язык он переведен так: *«Берегъяс зумыдмодан уджъяссö нуодöны Коми Республикалön сьöm да «Сыктывкар» кар кытшса муниципальной юкöнса сьöмкудйысь сьöm вылö. Таысь кындзи, Сыктыв юлысь шуйгавыв берег зумыдмодан да буждöмысь видзан стрöйбаяс стрöитöм вылö сетöма федеральной сьöмкудйысь субсидия. Проект вылö софинансируйтан сьöмыс **65,7 миллион шайтысь унджык**»* (Сыктывкарса Киров нима паркын Сыктыв юлысь берегъяс зумыдмодан шöр уджъяссö колö помавны 2016 вося моз тöлысь 20 лунöдз // <http://rkomu.ru/km/news/39187/>). При переводе данного текста важна точность передачи цифровых данных и названия территории. Текст оригинала написан официальным стилем, а перевод – доступным для читателя, более свободным, при этом сохранена суть оригинала.

Сотрудники Бюро перевода также осуществляют устный перевод. Данный вид перевода характеризуется тем, что переводчик однократно воспринимает текст оригинала, при котором нет возможности последующего сопоставления или исправления перевода после его выполнения. Переводчик на слух воспринимает текст и в устной форме воспроизводит его. В свою очередь устный перевод делится на последовательный и синхронный перевод (Комиссаров 1990: 98–99).

При последовательном переводе переводчик воспринимает на слух небольшой отрывок текста и воспроизводит его после того, как выступающий закончит свою речь. Данный вид перевода требует запоминать боль-

шие отрезки речи и точно воспроизводить текст. При синхронном переводе переводчик воспринимает и сразу воспроизводит текст, у него нет возможности сопоставить оригинал и перевод, вернуться к тексту. Кроме этого переводчику необходимо воспринимать эмоции говорящего и также эмоционально воспроизводить текст. При синхронном переводе очень важным фактором, влияющим на качество перевода, является скорость речи говорящего, его манера излагать свои мысли, последовательно или непоследовательно передавать информацию.

На конференциях и съездах коми народа сотрудники Бюро официального перевода осуществляют синхронный перевод с коми языка на русский и с русского на коми, особенности которого можно проследить на следующем примере: *«Медводдза коми йӧзлӧн съезд вылын юргис коми кыв. Быттьӧ ытва дырйи потласьысь йи чаййис-писькӧдчис водзлань да ызгӧмӧн пузьӧдӧс бузгысь-бызгысь васӧ, шызьӧдӧс гӧгӧр ставсӧ да ылькнитӧс вывлань вежнясянь-зыртчысь чорыд йияс костсьыс, сӧдз и коми кывйыс ратшмунӧ ыджыд ӧдӧн да юргис республика пасьта. Но ытва помасис. Ылькнитӧс туша-снагаяс кузяным пӧсь вир, ыпъялышитӧс-ворсӧс би моз чужӧманым, а сӧсся кӧйдӧс-кусӧс ставыс, кыдзи ӧгыр»*. Перевод на русский язык звучит так: *«На первом Съезде коми народа прозвучал коми язык. Словно лед на реке вздрогнул во время половодья, река взбунтовалась, сквозь пласты льда вышла вода – так и коми язык прозвучал на всю республику. Но половодье закончилось. Некоторое время еще было желание работать на благо коми языка, но потом все стихло, потухло, как угли в костре»*. В тексте оригинала присутствует эмоциональная окраска, художественное наполнение высказывания. Оригинал и перевод отличаются по объему. Сжатость информации – это особенность синхронного перевода, так как переводчик обладает незначительным количеством времени для переработки и воспроизводства информации, но в это же время смысл предложения и эмоциональная составляющая переданы в полном объеме.

Рассмотренные примеры письменного и устного перевода позволяют сделать вывод о том, что главная функция перевода – коммуникативная. При письменном переводе переводчик работает над печатным текстом, у него есть время для понимания и точной передачи значений слов и текста в целом, для работы над структурой предложений. При устном переводе (последовательном или синхронном) переводчик, как большая энциклопедия, должен вмещать в себя большое количество информации из различных сфер деятельности, учитывать эмоции говорящего и в то же время правильно, точно и эмоционально передавать суть содержания. Но общим для всех видов перевода является точность переведенной информации.

Нелюбин Л.Л. Толковый переводческий словарь. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с.

Административно-территориальное и муниципальное устройство Республики Коми (на 1 августа 2006 года) / ГУ «ГФИ РК». – Сыктывкар, 2006. – 278 с.

Алексеева И.С. Введение в переводоведение : учеб. пособие. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.

Об установлении налоговой ставки в размере ноль процентов для индивидуальных предпринимателей при применении упрощенной системы налогообложения и патентной системы : закон Главы Республики Коми от 20 апреля 2015 года № 9-РЗ // Ведомости нормативно-правовых актов органов исполнительной власти Республики Коми. – 2015. – № 7. – Ст. 65.

О некоторых вопросах в сфере проведения мониторинга соответствия планов закупки товаров, работ, услуг, планов закупки инновационной продукции, высокотехнологичной продукции, лекарственных средств, изменений, внесенных в такие планы, оценки соответствия проектов таких планов, проектов изменений, вносимых в такие планы, требованиям законодательства Российской Федерации, предусматривающим участие субъектов малого и среднего предпринимательства в закупке : постановление Правительства Республики Коми от 21 марта 2016 года № 148 // Ведомости нормативно-правовых актов органов исполнительной власти Республики Коми. – 2016. – № 6. – Ст. 81.

Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учеб. пособие. – М.: Высш. школа, 1990. – 253 с.

Российские граждане не понимают языка, на котором пишутся законы. URL: gnum.ru/news/polit/2036286.html (дата обращения: 23.04.2016).

Коми электронные словари URL: [GoldenDict// http://wiki.fulab.ru/index](http://GoldenDict//http://wiki.fulab.ru/index).

К.Ф. ЖАКОВЛӢН «БИАРМИЯ» ПОЭМАЫН ИННИМЪЯС¹*

А.Г. Мусанов,
зав. сектором языка ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН
musanov@mail.illhkomisc.ru

Удж сиӧма Палалей Кальӧлӧн «Биармия» поэмаын иннимъяс туялӧмлы. Татшӧмсяма уджъяс петавлісны нин торъя гижӧдъясын, шуам П.Ф. Лимеров да Е.К. Созина кутшӧмакӧ видлалісны йитны ассыныс туялан нырвизьсӧ иннимъясӧн да гӧгӧрвоӧдны найӧс культурология да философия

¹ Топонимия в поэме К.Ф. Жакова «Биармия».

* Работа выполнена по Программе фундаментальных научных исследований УрО РАН, Проект № 15-13-6-22 «Трансформации языковых средств коммуникации в условиях билингвизма Республики Коми».

аспектын (Лимеров, Созина 2014: 12). Эмось и мукөд туялөмьяс, көні татшөмторйыс тшөтш тыдовтчө (Ведерникова 2008: 92–99; Рочев 1993: 54 да мукөд), но тайө уджъясас эз вөв могөн тырвыйө да паськыда донъявны унджык коми иннимсө, найөс вайөдөма сөмын видлөг пыдди.

Мукөд коми художествоа гижөдъяс (шуам, Г. Юшковлысь, В. Юхнинлысь да с.в.) өткодялөмөн кө тыдовтчө, мый К. Жаков «Биармия» поэмаас абу уна инним, но гижөд сюрөсас зэв паськыд да ыджыд инъяс йылысь юөр, кузьтаыс кодлөн сюрс километрысь унджык шымыртөм ин. Эжва йывсянь Вына юөдз иннимъяс, ю нимъяс паныдасьёны поэмаын тшөкыд-джыка, шуам: Вычегда, Вымь, Сыктив-ю, Локчим-ю, Симты, Сейты, Донты, Кой-ты¹ да мукөд, а водзө Вына-ю бердын казьтывсьө сөмын некымын ним. Мый йитөдын татшөм серпасыс? Стөча шуны сьөкыд, вермас лоны, мый сийө кадө уна инним эз на казьтывсьы, но мөдарсянь, позьө стөча индыны, мый некымын ним, кодъяс юргөны поэмаын (Княжпогост да мукөд) эз на вөвны. Гашкө, тайө художествоа гижөдлы и лөсяланатор.

Тшөкыда Палалей Кальө вайөдө ю нимлысь и коми вариантсө, шуам Вычегда да Эжва, но поэмасө лыддигөн оз позь стөча гөгөрвоны, мый кыкнан нимыс петкөдлөны өти и сийө жө объектсө. Уна ю нимлөн эм коми мөд ним, но гижөдын татшөмторйыс оз тыдовтчы (шуам, Сыктив – Сысола, Вымь – Емва да мукөд). Эмось нимъяс, кодъяс оз колананогөн петкөдчыны поэмаын: Печора, Синдор, Сімты, Луза да с.в.

Аслас «Биармияын» К. Жаков пыртөма мөд муясысь иннимъяс, кодъяс оз пырны тайө видлалан ковтысьясө, шуам: Колва, Тобол, Обь, Енисей да мукөд, весиг эм и Китай йылысь юөр.

Поэмаын тыдовтчө и сэтшөм тырмытөмтор, кодөс өнія кадөдз абу на вөчөма, пыртөма олөмө, тайө ас нимъяс гижанног. Колис нин сө во, а тайө визьын нинөм выльторыс абу, пыр на гижам иннимъяс быд ногөн, ёнджыка кыдзи көсьям.

Но мөдарсянь, видлалан поэмалөн могыс абу таын – лыддьөдлыны иннимъяс, тайө абу кутшөмкө география гижөд, кыдзи «Книга Большому Чертежу» небөг либө И. Лепехинлөн «Дневные записки...» да мукөд.

К.Ф. Жаков пасйөдъяс серти «Биармия» – тайө Европа войвыв – асывылын легендарной мулөн ним, озыр дона куясөн, эзысьөн да морж лыөн; төдса скандинавия сагаясысь, викинг немөдз. Та йылысь уна нин гижлісны, эм уна туялөм. И ставөн воёны өти мөвпө, мый *биармия* кывйыс йитчөма, лоас өти позйын скандинавия *бьярмаланд*, важ роч *пермь*, *перемь* да балтикабердса *перямаа* кывъяскөд, вежөртасыс «ылысса, войвыв муяс». Öні весиг эм и комиөдөм ним – *тай му*.

¹ Тані иннимъяс гижанногсө вайөдөма поэмаын моз.

Өткымын историк лыддьоны, мый Биармия – тайö Еджыд саридзлөн дор да Вына-ю бердса муяс. Дерт, эмось и сэтшөмьяс, кодьяс нюжөдöны тайö муяссö Эжва да Кама юясöдз.

Сидз, поэмаса шөр геройыс олöма Джеджимпармаын, мөд ног, важджыкөн – Жежим пармаын. Тайö нимыс, дерт, зэв важся, кызди и ю нимьяс. Жежим пармаыс – вылынн, Кулөмдин да Пожег костянь нюжалöма рытив-войвылө Нившераөдз, Очпарма вылынөдз, пырö Тиман кряж системаö. Тиманыс паськалöма зэв ыджыд муяс вылын, заводитчö Эжва йывсянь да кыссьö Чёшкөй лайколаөдз, сюрс километр гөгөр; юкө тайö инсö кык пельö – Вына да Печора ковтысьяс вылө. Медся ыджыд вылынн Тиман чойяс пөвстысь – Джеджим парма чурк (370 м), гашкө, татысь лоас и Биармияса, сёмөм тошкаа Яур. Тайö керөс нимсянь артмысны и мукөд орчча нимьяс: Джеджим сикт (Эжва ю дорын Кулөмдинын), Жежим ю (Эжвалөн веськыд вож), артмөма Асыввож да Рытиввож кык неыджыд юысь.

Джеджим кывйыс, дерт, важ коляс, гөгөрвоөдны öнйя кывьяс отсөгөн зэв сьökыд, эмось кутшөмсюрö вариантьяс, шуам, А.И. Туркин лыддьö, мый Жежимпарма (Джеджимпарма) йитчöма коми *джеджны* «ветлыны, шöйтны, жуны, шежлыны» кадакывкөд; öткодялө удмурт кывйысь *джеджны* «шöйтны, жуны, бергавны» вежöртасын; *парма* «пемыд вөр, керөс». Весиг вайөдö татшөм преданньö – тайö иньясын абу вөлöмаось бур туйяс, и, медым локны колана сиктöдз, ковмылöма зэв дыр шöйтны, шежлавны вöрса нöрысьяс кості (Туркин 1986: 34–35). А.П. Афанасьев вöзйö тайö нимьяссö видлавны торйөн; сы серти, оз позь öтувтны Джеджим сикт нимсö *джеджны* кывкөд. Ойконимыс артмөма Жежим-ю нимысь, кызди и Жежим-парма керөс нимыс; туялысь йитö *жежим* кывсö коми сёрнисикасысь *джедже* кывкөд «ичöt, латшкөс» вежöртасын (Афанасьев 1996: 62–63).

Дерт, медводз колö пасйыны, мый тайö нимьясыс топыда йитчöмны öта-мөдныскөд. Гөгөрвоана, мый сикт ним артмөма нин сёрөнджык, вермас лоны либö ю нимысь, либö керөс нимысь. Кулөмдинса сикт Жежим (Джеджим) история гижөдьясын паныдасьö 1707 воын: Кежемска сикт Эжва ю дорын; 1846 вося мусерпасьясын – Джеджем. Ним гижанногыс меводдза гаралöмын торьялө талуныясысь. Öнй нин бура тöдса, мый Урал бердса керөсьяс, весиг ачыс Урал нимыс, кызвыннас артмөмны абу сöмын финн-йöгра кывьясысь, вель уна ним йитчöма тюрк кывьяскөд (Мусанов 2008:136; Мусанов 2009 (а):17). Видлалан *жежим* торьякывйыс вермас лоны тюрк кывьясысь важ колясөн, шуам казак *кезен* «изйын (керөсын) улынн», киргиз *кезенг* «керөс потанн».

Сэсся тайö чукöрын мөд керөс ним Очпарма (джудждаыс 250 м). А.И. Туркин öткодялө нимсö хант *оч* «пу вылын быдмөмтор», мордЭ. *уца*

«чук, сурса лы, гӧрб» кывъяскӧд и лыддьӧ, мый комияс тадзи петкӧдлісны кутшӧмкӧ абу ёна вылынін (Туркин 1986: 84). Очпармасынь заводитӧ визу-втны Очью, Нившералӧн шуйга вож.

А.П. Афанасьев туялысь лыддьӧ мӧд ног, сы серти, керӧс ним артмӧма ю нимысь, кӧні *оч* тайӧ манси кывйысь *осься* «векнъыд» – «векнъыд ю» (Афанасьев 1996: 119).

Ме чайтӧм серти, тайӧ фин-перым кадся кутшӧмкӧ важ коляс, позьӧ вайӧдны татшӧм кывъяс: фин *otsa* «керӧс йыв», вепс *ос* «пӧкат», люд. *осс*, *оӧс*, *оӧсе*, *оӧси* «керӧс йыв» (Мусанов 2009 (б): 184).

Водзӧ поэма текст серти мунӧны Вымь, Сыктыв-ю, Локчим, Двина, Вишера, Луза да мукӧд ю нимьяс.

Шӧр геройлӧн войвылӧ ветлӧмыс помасьӧ Кардорын. Тайӧ медбӧръя ним, дерт, ӧнія кар – Архангельск. П.Ф. Лимеров лыддьӧ, мый Кардор – тайӧ «гӧрд кар» (Лимеров 2014: 12), татшӧмторйыс, мый йылысь пасйӧ туялысь, тыдовтчӧ поэма текстсьыс: «Красным камнем среди топазов / Возвышался этот город» (Жаков 1993: 52). Меводз колӧ пасйыны, мый важӧн *кар* кывлӧн вӧлӧма ӧнія серти мӧдджык вежӧртас, *кар* – тайӧ вылынін, джуджыдін, а сӧсся серӧнджык нин кутісны нимтыны мортлысь оланінсӧ (Мусанов 2003: 195; 2006: 33).

Тӧдса, мый Архангельск кар тырвыйӧ артмывлӧма латшкӧсінын, но эмӧсь и кутшӧмсюрӧ вылынінъяс, шуам медся тӧдса на пӧвстысь Коноша да Няндомы, а войвыв-рытыввылын нюжӧдчӧма Пай-Хой керӧс.

Ставнас, художествоа гижӧдын паныдасьлысь иннимьяс и ӧні бергалӧны Комиын да матысса муясын, сӧмын ӧткымыныс шуанног серти ёна вежсьысны, шуам миян республикаын найӧ рочмисны.

Афанасьев А.П. Топонимия Республики Коми. – Сыктывкар, 1996.

Ведерникова О.В. «Калевала» и «Биармия»: сопоставительный аспект // Тайӧ сьылӧм – коми олӧм = В этой песне коми жизнь : сб. трудов об основоположниках коми литературы. – Сыктывкар, 2008. – С. 92–99.

Жаков К.Ф. Биармия: коми литературный эпос. – Сыктывкар, 1993.

Лимеров П.Ф., Созина Е.К. «Биармия» Каллистрата Жакова как реконструкция северного эпоса // Уральский исторический вестник. – Екатеринбург, 2014. – № 3 (44). – С. 6–15.

Мусанов А.Г. Названия, отражающие типы и виды поселений // И.А. Куратов и проблемы современного финно-угроведения. – Сыктывкар, 2003. – С. 194–198.

Мусанов А.Г. Оронимия бассейна р. Язьвы: к вопросу о языковом происхождении // Ономастика Поволжья. Марийский государственный университет. – Йошкар-Ола, 2008. – С. 136–140.

Мусанов А.Г. Топонимия средней Язвы // Доклад на заседании президиума Коми научного центра УрО РАН. – Сыктывкар, 2009 (а). – Вып. 504.

Мусанов А.Г. Топонимия бассейна реки Буб // Творчество И.А. Куратова и развитие литератур финно-угорских народов : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 170-летию со дня рождения крупнейшего коми поэта Ивана Алексеевича Куратова (1839–1875). – Сыктывкар, 2009 (б). – С. 182–185.

Мусанов А.Г. Полевые материалы 1998–2010 гг. // Отчет о НИР. – Сыктывкар, 2010.

Мусанов А.Г. Географические названия Лузско-Летского бассейна Республики Коми. – Сыктывкар, 2006.

Рочев Ю.Г. К.Ф. Жаков и фольклор // К.Ф. Жаков. Проблемы творчества. – Сыктывкар, 1993. – С. 54.

Туркин А.И. Топонимический словарь Коми АССР. – Сыктывкар, 1986.

ОРИГИНАЛЬНАЯ ТОПОНИМИЯ ИЛЫЧ-ПЕЧОРСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

А.Г. Мусанов,
зав. сектором языка ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН
musanov@mail.illhkomisc.ru

Илыч-Печорское междуречье¹ до сих пор остается недостаточно топонимически обследованным регионом, несмотря на то, что эта территория природно-географически и историко-этнографически представляет огромный интерес для исследования разнородного субстрата, а также исконной коми топонимии. Предпринятые ранее (1981 г.) попытки сбора ономастической лексики известным ученым А.И. Туркиным, по сути, были незначительными по объему собранного полевого материала и масштабу исследования. Выводы ученого, позже дополненные исследователями коми топонимии А.П. Афанасьевым (Мезенского бассейна Республики Коми) и З.П. Ануфриевой (Ижмо-Печорского бассейна), показывают существова-

¹ Рассматриваемая территория совпадает с локализацией одного из десяти диалектов коми языка – печорского, относящийся к числу новых диалектных образований, наряду с верхневычегодским диалектом. Впервые печорский диалект был дифференцирован финским ученым Ю.Й. Вихманом в начале 20 в., в 1916 году, 100 лет назад. Он опубликовал несколько сказок, записанных со слов носителей печорского диалекта (из Троицко-Печорска, Савинобора и Щугор). Системное научное исследование диалекта было предпринято в 60-х гг. XX в. сотрудниками Коми филиала АН СССР М.А. Сахаровой, Н.Н. Сельковым, Н.А. Колеговой, Н.И. Лоскутовой, Э.К. Павловой (Сажина 2001; 2003; 2004).

ние на территории Печорского бассейна, включая верховья реки, субстрата обско-угорского происхождения, особенно в гидронимии. Теоретически эта точка зрения вполне справедлива в силу пограничного контактирования с обско-угорскими языками, но тем не менее новые исследования (Мусанов 2010: 2005: 72–80) позволяют утверждать о незначительном влиянии на топонимическую систему исследуемого региона обско-угорских языков.

Ретроспективный анализ демонстрирует многостратную по языку происхождения топонимическую систему исследуемого региона. Так, первый значительный приток Печоры, Унья, р., лев.; ср. мансийские данные, где *ун* «большая», *я* «река», «Большая река» (Афанасьев 1996: 149); Якша, руч., лев. приток р. Печоры; в районе пос. Якша; производное от личного имени Яков либо трансформированное из коми Ягса; < коми *яг* «сосновый бор», *-са* – суффикс принадлежности; Кирша, руч., лев. приток р. Печоры; в районе пос. Якша; < от собственного имени Кирилл либо из коми Кырса; < коми *кыр* «обрыв»; Илыч (коми Ылдыз), р., пр. приток р. Печоры; фиксируется в топонимической литературе, к примеру, А.И. Туркин сравнивает название с коми *ыл*, *ылыс* «далекий, дальний, отдаленный», *-ыдз* – суффикс, указывающий на нахождение объекта; Ылдыз «дальняя, отдаленная река»; З.П. Ануфриева гидроним считает метафорическим и приводит данные из угорских языков; < манс. *ольс* «тетива», как отмечает исследователь, так манси называли стремительную реку, которая с горы впадает в реку Печору (Ануфриева 1985: 9). Хотя река Илыч характеризуется как река узкая и очень извилистая, но со спокойным течением и низкими болотистыми берегами; < рус. *ольс* «болото с зарослями ольхи, частично березы» – «болотная река», «река с болотными берегами»; т.е. геоморфологические характеристики полностью совпадают с именем; главные притоки р. Илыч: Когель (коми Кокыль), пр. приток, возможно сравнение с материалами коми языка; < коми *кок* (в топонимии) «выступ, порог»; А.П. Афанасьев приводит данные обско-угорских языков; < об.-угор. *когы игыль* «болотная река» (Афанасьев 1996: 75); Палью, л. приток; <, рус. *пал/паль*; Мыртью, пр. приток; < кар. *murta, murdei*, люд. *murdo*, вепс. *murd* «омут, водоворот»; Большая Ляга (коми Ыджыд ляга ёль), лев. приток; < рус. *ляга* «лог, ложбина»; Сарью, р., лев. приток; < фин. *saara*, кар. *šoara, šuara*, ливв. *šoaru, šuaru*, люд. *suar*, вепс. *sar* «разветвление, ветвь», вепс. *sara* «разветвление», саам. *suorr, surr* «ветвь, развилка», «ответвление реки».

Причем гидронимы русского и прибалтийско-финского происхождения ареально концентрированы. Кроме того, на пограничных с исследуемым районом территориях, например в Усть-Куломском, также фиксируется страт прибалтийско-финского происхождения, ср., Кук/ю, р., лев. приток р. Нем; < вепс. *kukkaz* «холм, горка», *kuk, kukoi* «петух», фин. *kukku* «кони-

ческая вершушка», кар. *kukkula, kukkura, kukkuri*, ливв. *kukkuri* «крутая гора; холм; вершина горы или сопки», саам. *kuk* «длинный»; Пузла, р., лев. приток р. Вычегды; < кар. *puvaš, puvaž, puvaz, puaz* «узкий пролив между берегом и островом; более узкий и мелкий рукав реки; углубление под порогом», фин. *pudas*, саам. *poovces, póutás* «рукав реки, протока» и т.д. Аналогичные по происхождению названия фиксируются в Ижмо-Печорском междуречье, к примеру Кедва, р., лев. приток р. Ижмы, Ухтинский район; Кедвавом, с. в Ухтинском районе; коми *вом* «рот», в топонимии «устье»; < фин. *keto*, кар. *keto, kedo*, ливв., люд. *kedo* «заросшая подсека, поляна, залежь»; Пута, р., лев. приток р. Печоры, Усть-Цилемский район; < фин. *pudas*, саам. *póutás* «рукав реки, протока», карел. *puvaš, puvaž, puvaz, puaz* «узкий пролив между берегом и островом; более узкий и мелкий рукав реки; углубление под порогом»; Максара, р., лев. приток р. Нерицы; Усть-Цилемский р-н; < фин. *mäki* «гора, холм», *mägi* «гора, холм, возвышенность»; Савосара, р., лев. приток р. Усы; Усть-Цилемский р-н; ср. саам. *savo, sävo, sava, sava* «плёс, участок реки со спокойным течением между двумя порогами; озеровидное расширение реки», фин. *savanto, suvanne* «плёс»; сара < фин. *saara*, кар. *šoara, šuara*, ливв. *šoaru, šuaru*, люд. *suar*, вепс. *sar* «разветвление, ветвь», вепс. *sara* «разветвление», саам. *suorr, surr* «ветвь, развилка», «ответвление реки» и т.д.

Большинство рассматриваемых субстратных названий имеют аналогичные основы на территории Русского Севера. Исследования последних лет позволяют довольно четко дифференцировать ареал прибалтийско-финского субстрата, начиная от западных границ РК до левобережья реки Печоры. Некоторые географические названия прибалтийско-финского происхождения совпадают с таковыми саамского происхождения. Причем большинство из них сосредоточены на севере республики. Хотя имеются фиксации саамских названий в виде незначительных вкраплений на юго-западе РК.

Афанасьев А.П. Топонимия Республики Коми. – Сыктывкар, 1996.

Ануфриева З.П. Топонимы угорского происхождения в бассейне Печоры. (Научные доклады Коми филиала АН СССР. Вып. 139.) – Сыктывкар, 1985.

Сажина С.А. История изучения коми-зырянских диалектов // Пермистика 8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сб. статей. 2001. С. 242–247.

Сажина С.А. Выражение множественного числа существительных и прилагательных в коми-зырянских диалектах // *Studia Juvenalia* : сборник работ молодых ученых Института языков, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН / Российская академия наук. Уральское отделение. Коми научный центр. Институт языка, литературы и истории. – Сыктывкар, 2003. С. 204–215.

Сажина С.А. К вопросу о диалектном членении коми языка // Вопросы коми диалектологии. Сер. «Труды Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН» / редкол.: Г.В. Федюнева (отв. ред.), Л.М. Безносилова, Г.А. Некрасова. Сыктывкар, 2004. С. 134–142.

Мусанов А.Г. Потамонимы Республики Коми // Прибалтийско-финское языкознание : сб. статей, посвященный 80-летию Г.М. Керта / науч. ред.: Н.Г. Зайцева. – Петрозаводск, 2003. – С. 68–79.

Мусанов А.Г. Обско-угорская топонимия на территории Коми (к вопросу о расселении обских угров // Север Евразии: этносоциокультурные и социально-экономические процессы. – Сыктывкар, 2005. – С. 72–80.

Мусанов А.Г. О распространении субстратной топонимии прибалтийско-финского происхождения на территории Республики Коми: к постановке вопроса // Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте : материалы научного симпозиума / Институт языка, литературы и истории Карельского НЦ РАН; сост. И.И. Муллонен. – Петрозаводск, 2007 (а). – С. 99–110.

Мусанов А.Г. Словарь географических названий Прилузья. – Сыктывкар, 2007 (б).

Мусанов А.Г. Полевые материалы 1998–2010 гг. // Отчет о НИР. – Сыктывкар, 2010.

Туркин А.И. Топонимический словарь Коми АССР. – Сыктывкар, 1986.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ В ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ (КОМИ ЛЕКСИКА В СЛАВЯНО-РУССКОМ КОНТЕКСТЕ)¹

С.А. Мызников,
заведующий Словарным отделом ИЛИ РАН;
заведующий кафедрой уральских языков, фольклора
и литературы РГПУ им. А.И. Герцена
Санкт-Петербург
myznikovs@rambler.ru

В настоящее время в рамках исторической географии как самостоятельной области научного знания принято выделять следующие главные направления: физическую географию, экономическую географию, географию населения, политическую географию и географию культуры (см.

¹ Эта статья является продолжением работы автора над некоторыми вопросами этимологии коми лексики. См. Мызников С.А. О коми заимствованиях в севернорусских говорах // Уралистика : материалы XXXVII Международной филол. конференции 11–15 марта 2008 г. / под ред. Н.Н. Колпаковой. СПб., 2008. Вып. 11. С. 57–63; Он же. О коми влиянии на лексику севернорусских говоров // Лыткин: грани наследия :

Вампилова 2008, Вампилова 2012, Вампилова 2013). В данной статье предпринимается попытка анализа коми лексики на широком этнолингвистическом фоне, что может приводить к выводам этногенетического характера. Как справедливо писал А.С. Герд, «именно в области истории формирования того или иного этноса, народа нередко высказывается немало фантастических гипотез и чисто конъюнктурных соображений. Как показывает опыт, представители каждой из гуманитарных наук обычно весьма охотно прикрепляют те или иные этнические бирки к своим материалам. Если оставаться на почве фактов, то именно на уровне синтеза данных разных наук совсем не так легко обнаружить и выявить те или иные конкретные этносы на протяжении многих тысячелетий до эпохи раннего средневековья, и с каждым шагом вглубь истории это становится всё труднее и проблематичнее. Многие признаки и параметры, используемые при моделировании понятия «этнос» применительно к живым современным народам (самосознание, живой язык, материальная и духовная культура), трудно применимы к определению этого понятия в эпоху неолита, бронзового или железного века и даже раннего средневековья. Этнические признаки человеческих коллективов древнейшей поры с трудом очерчиваются в общем тумане миграций и смены культур» (Герд 2013: 113).

Кроме того, по мнению А.С. Герда, в аспекте исторической диалектологии можно говорить только о том, что в ареале той или иной историко-культурной зоны в определенную эпоху развиваются такие-то языковые признаки. Сумма этих признаков в границах какой-либо зоны и выделяет старый диалект. Ареальное членение диалектов лишь намечает пути становления диалекта, анализ его связей с другими диалектами, прокладывает пути к истории его формирования. Далее А.С. Герд высказывает мысль, что никакие археологические, этнографические или языковые факты нельзя привязать к племенам дописьменной поры (Герд 2013: 114).

материалы международной научной конференции, посвященной 115-летию со дня рождения выдающегося финно-угроведа Василия Ильича Лыткина. Сыктывкар, 25–26 ноября 2010 г. Сыктывкар, 2010. С. 197–200; Он же. О лексике коми происхождения в севернорусских говорах // Лексический атлас русских народных говоров : материалы и исследования. СПб.: Наука, 2010. С. 297–302; Он же. О некоторых аспектах этимологического анализа коми лексики // Пермистика XIV: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : Международный симпозиум, 18–19 мая 2012 г., г. Кудымкар : сборник научных статей. Кудымкар, 2012. С. 76–80; Он же. Некоторые аспекты этимологического анализа лексики коми языка // Труды Карельского научного центра РАН № 3. 2014. С. 90–98; Он же. О некоторых аспектах этимологического анализа коми лексики // Пермистика XIV: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками Международный симпозиум, 18–19 мая 2012 г., г. Кудымкар : сборник научных статей. Кудымкар, 2012. С. 76–80.

Уже указывалось на то, что наследие коми языка в русском языковом континууме объемно и многогранно, кроме того, как представитель пермских языков, коми язык вступал в ходе своей истории в контакты с иранскими, тюркскими, прибалтийско-финскими языками, самодийскими, обско-угорскими языками, саамским языком (Туркин 1985), а в недавний период своей истории находится под русским влиянием. И при этимологической разработке лексики коми языка эти обстоятельства, несомненно, должны учитываться. Причем в исторической ретроспективе границы и зоны различных этносов весьма подвижны и нередко не соответствуют современным. Так, например в КЭСКОЯ указывается примерно на 180 единиц ненецкого происхождения, более 500 случаев взаимодействия с хантыйским языком, однако вполне вероятно, что все эти данные отражают сравнительно поздние языковые контакты.

Весьма обширны в КЭСКОЯ прибалтийско-финские этимологии, которые в ряде случаев можно рассмотреть на более широком языковом фоне. Так, например, коми удар. *нут*: *нута нут* 'невод с рыбой' рассматривается как прибалтийско-финское заимствование, сопоставляемое с вепс. *not* 'невод' (КЭСКОЯ: 196). Однако прибалтийско-финские данные, которые восходят к скандинавским источникам, имеют также соответствия и в севернорусских говорах, ср.: **но'та** 'невод' Лодейноп. Ленингр.¹ (КСРГК). **Нот** «горизонтально располагаемая сеть для лова сельдей и сайды, сажень до 17 длиною с большим посадом на окаймляющих ее подборах и с грузиками, – так, что образует собой мешок. Сеть эту дубят два или три раза в лето для того, чтобы по своему темному цвету была менее заметна в воде» Онеж., Кем., Кольск. (Подвысоцкий: 126). А. Подвысоцкий к слову **НОТ** дает помету – норвежское (Подвысоцкий: 126). Ср. также: фин. *nuotta*, ливв. *nuottu*, люд. *nuot*, *nuotta*, вепс. *not*, водск. *nōtta*, *not*, эст. *noot* 'невод', при сам. норв. *nuotte*, саам. инар. *nyetti*, кильд. *nū̄ht*, саам. терск. *nihte* 'невод' (SKES: 402). На германской почве, норв. *not* 'большая сеть, невод', швед. *not*, др.-норв. *nōt* связано с англ. *net*, голланд. *net*, швед. *nät*, норв. *net* 'сеть' (EONDS: 555, 549).

Русские говоры нередко являлись посредником передачи прибалтийско-финского материала в коми язык. Ср., например, коми *шыньгавны* 'трепать, пушить (лен, шерсть)' (КЭСКОЯ: 326). В прибалтийско-финском континууме, ср. фин. *singota* 'бросать, швырять', *sinkaista* 'быстро бросить', кар. сев. *singata* 'толкать, пихать', ливв. *šingata* 'бросить, метнуть', *šīnkahuttoa* 'толкнуть, ударить, бросить; быстро идти', люд. *šingota* 'раскидывать, разбрасывать', вепс. *šingotada* 'раскидывать сено', данное гнездо фиксиру-

¹ Географические пометы даются в сокращениях, принятых в «Словаре русских народных говоров».

ется только в финско-карельско-вепсском ареале при неудовлетворительной, на наш взгляд, этимологии; авторы SKES считают приведенное гнездо контаминационным ответвлением от глагола фин. *sinkua* 'визжать' (SKES: 1031), ср., однако, морд. мокш. *шенгомс* 'ощипывать птицу' (МКРСС: 862). Весьма обширны русские диалектные данные, представляющие результат карельско-вепсского воздействия, насчитывающие сотни фиксаций, приведем в качестве примера лишь некоторые из них.

Ши'нгать 'ворошить, разбрасывать скошенную траву из валка, сено из копен' Вытегор. Волог., Подпорож. (Согиницы, Усланка, Хевроньино), Лодейноп. Ленингр. (ПЛГО). **Ши'нгать** 'щипать, раздергивать, пушить шерсть' Няндом. (Кянда) Арх., Бабаев. (Янишево) Волог. (ПЛГО). «Приготовлять шерсть для прядения, растаскивать» Мошен., Пест. (НОС 12: 93). «Чесать шерсть, лен, пеньку» Мурман. (Меркурьев 1997). **Ши'ньгать** 'то же' Онеж. (Пиела, Лямца, Кянда), Кирил. (Кленово), Белозер. (Кузнецово), Каргоп. (ПЛГО). Вытегор. Волог. (КСРНГ). Кирил. (КСРНГ). Кадн., Великоуст. (Дилакторский). – *Дали по 10 коп. в сутки за то, что шерсть шингали.* Ярен. Волог. Мезен. Арх., Усть-Цилем. Коми АССР (КСРНГ). «Бить шерсть». Верхотур. Перм., Волог. (Опыт). **Ши'нгать** 'щипать, раздергивать, пушить шерсть' Пудож. (Гладкино) Карел., Кандалакш. (Ковда) Мурман. (КСРГК). – *Шерсть сначала руками шингают, потом на чесалках чешут.* Сокол. Волог. (ПЛГО). **Ши'нгать** 'раздергивать кудель льна, конопля' Устюг Великий (Симони 1757). «Разделать на части, на пласты, напр. лен» Вытегор. (Коштуги) Олон. (Куликовский). «Трепать, взъерошить, теревить» Холмог. Арх. (Грандилевский). – *Раньше коноплю на картах шингуют.* Помор. (Нюхча, Колежма, Сум. Посад) (Сало 1966).

Некоторым коми данным, имевшим ранее пермское этимологическое прочтение, можно добавить скорректированную версию. Например, коми *урӧс* пренебр. 'хилый, неопрятный', 'замухрышка, паршивец'; *урӧс* вс. нв. 'беда, несчастье, неприятный случай, *урес* ижем. (устар.) 'призрак, привидение, которое будто бы показывается родственникам или друзьям перед смертью кого-л.', 'двойник человека'. Отмечается, что В.И. Лыткин это слово связывает с удм. *урод* 'плохой, дурной, худой' и восстанавливает общепермскую основу (КЭСЖЯ: 298). Однако, как нередко бывает в отношении единиц с неоднозначной этимологией, коми данные нельзя рассматривать только на пермской почве, в отрыве от других территориально смежных языков. Ср., например, чрезвычайно обширные русские диалектные данные, которые к тому же имеют весьма широкое распространение.

У'рос, у'рас 'об упрямом животном' Терск. Мурман. (Меркурьев 1979: 167). **У'рос** 'капризный ребенок' Соликам. Перм. (КСРНГ). **У'рос** 'о ленивом человеке' Терск. Мурман. (КСРГК). **У'рас** 'о норовистой лошади',

'упрямый человек' Арх., Онеж., Холмог., Шенк. (Подвысоцкий: 179). **У'рос** 'упрямство, норов (о человеке, животном)': – Он (дитя) или она (лошадь) с уросом. Сольвыч. Волог., 1819. Гдов. Петрогр. У меня лошадь с уросом. Волог. Яран. Киров. Баба-то у его с уросом; заупрямится, дак ничего не делает: он и дрова носит, и печь топит. Перм. Урал., Свердл. Корова смирененька, только маненько урос есь. Челябин. Девочка, однако, заплакала еще сильнее: Гляди-ка ты, с уросом. Алт. Жеребец был с уросом, его запрягут, а он не идет, его бьют – не идет. Новосибир. Среднеобск., Том., Южн. Краснояр. Он свой урос с малых лет показал. Забайкалье. Бурят., Сиб. Вот урос пройдет, поедем на покос. Амур. 'Каприз, непослушание' Оренб., 1849. Коми АССР, Яран. Киров., Перм., Свердл., Тобол., Новосибир., Том. В ясли собираться – урос придет. Хакас. Краснояр. Иркут., Енис., Сиб., Якут. **У'рос** 'об упрямом, капризном человеке': – Экой он урос! Арх., Шенк. Арх., 1852. Полез с печи, я говорю: уросов-то не кормят, зачем лезешь к столу есть-то? Пинеж. Арх. Усьян.-Дмитр. Сев.-Двин., Терск. Мурман. Ну и урос твой ребенок. Коми АССР. Волог., Пск., Ср. Поволжье, Вохом. Костром., Вят., Киров. Экой ты урос! Скажи этому уросу, чтобы он перестал губу дуть, а то я из его выбью урос-то. Перм. Курган., Урал., Челябин., Свердл., Зауралье. Урос, когда капризничает, уросит. Новосибир. Горно-Алт., Вост.-Казах., Киргиз. ССР, Том. Избалуют их (детей), оне у них и уросят. Он ить уж большой, а урос, исповадили его, ухаживают за ним. Кемер. Хакас. Краснояр., Южн. Краснояр., Иркут., Сиб., Бурят. От уроса и требовать нече. С уросом ниче не поделаешь. Забайкалье. Амур., Хабаров. **У'рос** 'об упрямой лошади' Перм., 1895. Не лошадь, а урос проклятый. Вохом. Костром., 1972. Волог. Ну и лошадка, урос. Не скоро запрягешь. Арх. И лошадей уросом зовут несмирных. Мурман. Р. Урал, Челябин., Свердл., Зауралье, Курган., Горно-Алт. Урос – лошадь и лошадь, а запрягешь, она не хочет идти, сразу на дыбы, а потом вскочит и пошла. Кыштов. Новосибир. Южн. Краснояр. Это такой урос, ты на нем не уедешь. Иркут. Забайкалье, Бурят., Сиб., Амур., Хабаров. (СРНГ 47: 351). **У'ро'са** 'о ребенке, который капризничает, упрямится': – Ты ко мне, уроса, не подходи, а то получишь. Пинеж. Арх., 1964. Такая она уроса, что и делать с ней, отец все поваживает. Арх. **У'роса**. У людей ребята как ребята, а у нас уроса кака-то, все время уросит. Сухолож. Свердл., 1996. **У'роса** 'о лошади с норовом': – Уй, лошадь такая уроса! Уросит. Кич.-Городец. Волог., 2005 (СРНГ 48: 5).

Распространено толкование из тюрк. *ıgıs* 'русский', якобы потому что татары считают русских упрямыми (Даль 4: 1061), однако вряд ли это может быть достоверным. Ср. коми ижем. *урес* упрямый, непослушный (например о лошади)', коми летск., нижневычег. *урõса* 'упрямый, норови-

стый (о лошади)' (ССКЗД: 400). На почве коми языка кажутся сомнительными сопоставления коми *урӧс* 'беда, несчастье, неприятный случай', ижем. *урес* 'призрак, привидение, которое будто бы показывается родственникам перед смертью кого-л.', 'двойник человека' и коми *urês* 'порча' с удм. *урод* 'плохой, дурной, худой' (КЭСКЯ: 298). Вероятно, коми *urês* 'порча' напрямую восходит к русск. **ураз**, которое в XVIII веке входило в состав русского общенародного языка, ср. **ураз** 'ушиб': – *Пластырь, примочка от ураза* (САР 2). Причем в вологодских говорах данное слово имеет значение «ушиб в смысле его сверхъестественной случайности», и другие коми данные также исторически связаны с русскими (Попов 1903; Терехова 1970: 172).

Углубленный сравнительно-сопоставительный анализ коми лексики в ряде случаев может предложить новые версии локализации пермского континуума в языковом пространстве территорий северо-востока европейской части России и наметить хронологические границы некоторых этноязыковых контактов.

Безносикова Л.М., Айбабина, Е.А., Коснырева Р.И. Коми-роч кывчукӧр. – Сыктывкар, 2000. – 814 л.б. (в тексте – КРОЧК).

Вампилова Л.Б. Региональный историко-географический анализ. Система методов исследования в исторической географии : монография. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2008. – Кн. 2. – 148 с.

Вампилова Л.Б. Историческая география на рубеже веков: итоги и перспективы // География и природные ресурсы. – 2012. – № 1. – С. 164–165.

Вампилова Л.Б. Историко-географическое районирование для подготовки серии монографий «Историческая география России» // Сборник статей Международного научного конгресса, посвящённого 100-летию со дня рождения Л.Н. Гумилёва. – 2013. – С. 425–428.

Герд А.С. Историческая география и регионалистика: взаимоотношение в процессе изучения историко-культурных зон // Псковский регионологический журнал. – Псков, 2013. – С. 107–116.

Грандилевский А. Родина М.В. Ломоносова. Областной крестьянский говор // Сб. ОРЯС. – 1907. – Т. 83. – № 5. – С. 87–304.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд., испр. и значительно умноженное по рукописи автора. – М.; СПб., 1880–1882. – Т. 1–4.

Картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» (в тексте – КСРГК).

Картотека «Словаря русских народных говоров» (в тексте – КСРНГ).

Куликовский Г.И. Словарь областного олонецкого наречия его бытовом и этнографическом применении. – СПб., 1898.

Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999 (в тексте – КЭСКОЯ).

Лыткин В.И. Вепско-карельские заимствования в коми-зырянских диалектах // Сб. Академику В.В. Виноградову. – М. 1956. – С. 173–189.

Новгородский областной словарь / отв. ред. В.П. Строгова. – Новгород, 1992–1995. – Вып. 1–12 (в тексте – НОС).

Меркурьев И.С. Живая речь кольских поморов. – Мурманск, 1979. – 184 с.

Меркурьев И.С. Сказки поморов Мурманской области. – СПб., 1997.

Мокшанско-русский словарь / под ред. Б.А. Серебренникова, А.П. Феоктистова, О.Е. Полякова. – М., 1998. – 920 с. (в тексте – МКРСС).

Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. – СПб., 1852. – 275 с. (в тексте – Опыт).

Полевое лингвогеографическое обследование автора (в тексте – ПЛГО).

Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. – СПб., 1885.

Попов Г. Русская народно-бытовая медицина. – СПб., 1903.

Сало И.В. Влияние прибалтийско-финских языков на севернорусские говоры поморов Карелии : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1966. КСРНГ.

Симони П. К. Два старинных областных словаря XVIII столетия // Живая старина. – 1898. – Вып. 3. – С. 444–447.

Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. – СПб., 1806–1822. – Т. 1–6 (в тексте – САР 2).

Словарь вепского языка / сост. М.И. Зайцева, М.И. Муллонен. – Л., 1972 (в тексте – СВЯ).

Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / сост. Г.Н. Макаров. – Петрозаводск, 1990. – 495 с. (в тексте – СКЯМ).

Словарь карельского языка (тверские говоры) / сост. А.В. Пунжина. – Петрозаводск, 1994. – 396 с. (в тексте – СКЯП).

Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А.С. Герд. – СПб., 1994–2005. – Т. 1–6 (в тексте – СРГК).

Словарь русских народных говоров. – М.; Л.; СПб., 1965–2015. – Т. 1–48 (в тексте – СРНГ).

Терехова В.С. О местных медицинских названиях в лечебниках XVII–XVIII вв. // Вопросы изучения севернорусских говоров и памятников письменности : материалы к межвузовской научной конференции. Краткое содержание докладов. – Череповец, 1970. – С. 170–174.

Туркин А.И. Этногенез народа коми по данным топонимии и лексики : препринт ИЯЛ АН Эстонской ССР. – Вып. 31. – Таллин, 1985.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М., 1964–1973. – Т. 1–4.

Федюнева Г.В. О прибалтийско-финском компоненте в коми языке // Известия Уральского государственного университета. 2008. – № 55. – С. 172–180.

Etymologisk ordbog over det norske og det danske sprog. – Oslo, 1999. –1089 s. (В тексте – EONDS).

Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. – Helsingfors, 1915.

Karjalan kielen sanakirja. O. 1–5 // LSFU, XVI, 1–5. – Helsinki, 1968–1997 (в тексте – KKS).

Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7. – Helsinki, 1955–1981 (в тексте – SKES).

Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1–3. – Helsinki, 1992–2000 (в тексте – SSAP).

АППРОКСИМАТИВ И ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО-МЕСТНЫЕ ПАДЕЖИ КОМИ ЯЗЫКА В ЗЕРКАЛЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Г.А. Некрасова,
ведущий научный сотрудник
ИЯЛИ КомиНЦ УрО РАН
komilang@gmail.com

Пермские языки имеют развитую падежную систему, основную часть которой составляют местные падежи. Формирование большинства из них проходило на основе падежей, унаследованных от финно-угорского праязыка. В период самостоятельного развития языков происходило расширение падежной системы в результате агглютинации послелогов и контаминации двух суффиксов (Баталова 1975: 136–141; Тепляшина 1981; Некрасова 1985; 1989; 2000; 2001; Цыпанов 2008: 78–79). Аппроксиматив (показатель *-лань*) имеется во всех пермских языках. В удмуртском языке этот падеж ограничен в употреблении, в периферийно-южных (кукморском, буйско-таныпском, красноуфимском) и южных (кырыкмасских и др.) диалектах он вышел из употребления (Кельмаков 1998: 117–118; Насибуллин 1978: 96–97; Карпова 1997; 2011; Кондратьева 2011). Падеж имеет низкую частотность в удмуртском литературном языке. В Корпусе удмуртского языка (КУЯ) содержится 5427 единиц, содержащих суффикс *-лань*, среди просмотренных первых случайных 300 примеров с этим суффиксом существительных в аппроксимативе не оказалось. Судя по описаниям грамматики удмуртского языка, а также по анализу материала из КУЯ приблизительно-местные падежи в удмуртском языке отсутствуют. Между тем, рассматривая морфологические особенности говора Старая Ирга Граховского района, относящегося к южному диалекту удмуртского языка, М.Г. Атаманов отмечает функционирование в говоре вариативных суффиксов аппроксиматива *-лан'*, *-лан'ти*, *-лан'ис'эн*, *-лан'ис'* (Атаманов 2005: 175). Приве-

денные в качестве иллюстрации словоформы даны без контекста и без перевода: *гурт-лан'*, *гурт-лан'ти*, *гурт-лан'ис'эн*, *гурт-лан'ис'*, поэтому определить точное значение каждого суффикса не представляется возможным. В текстах, включенных в работу (Атаманов 2005), словоформы с отмеченными суффиксами обнаружить не удалось.

В коми-зырянском и коми-пермяцком языках аппроксиматив сохраняет статус падежа, реализуя пространственные и непространственные значения (Некрасова 1995; Кузнецов 2011; 2012: 254–264). Частотная характеристика падежа в коми диалектах специально не изучалась, только при грамматическом описании говора с. Ловозеро, относящемся к ижемскому диалекту, отмечено, что параллельно с аппроксимативом используется послеложная конструкция, состоящая из словоформы с суффиксом *-лас* и послелога *дорэ*: *пошталас дорэ муни* ‘ушел в направлении почты’, *школалас дорэ муни* ‘ушел в направлении школы’ (Сахарова, Сельков 1960: 140).

Приблизительно-местные падежи выделяют только в коми литературных языках (подробнее об образовании и семантике падежей см.: Некрасова 1985; 1987; 1990; 2000; 2004: 27; 63–64; Цыпанов 1999: 42). При описании падежной системы коми диалектов суффиксы *-лань(-)* не рассматриваются (Баталова 1975: 141; Сажина 2012; Сажина 2014; Попова, Сажина 2014: 99).

В данной работе анализируются частотные характеристики проксимативных суффиксов в коми-зырянском и коми-пермяцком языках на основе корпусных данных. Корпусный характер исследования и объем использованных корпусов позволит получить более достоверные сведения о функционировании суффиксов.

Частотность употребления суффиксов *-лань(-)* в коми-зырянском языке

При определении частотности употребления суффиксов *-лань(-)* в зырянском языке опирались на Корпус коми языка (ККЯ). Была проанализирована встречаемость суффиксов в девяти подкорпусах ККЯ: Основной (художественная проза) (9747097)¹, Документальная проза (740009), Поэзия (1334681), Драма (1141669), Фольклор (380492), Переводная художественная литература (4145829), Газетный (1508520), Научный (505222), Официально-деловой (823699). В системе корпуса не предусмотрен поиск по грамматическим параметрам, поэтому для сбора данных в графе поиск был введен соответствующий суффикс, например «лань», «ланьын», «ланьысь» и т.д. Такой поиск позволил выявить общее количество единиц

¹ В скобке указано количество словоупотреблений в подкорпусе.

с суффиксом *-лань(-)*. Полученные данные, которые отражены в табл. 1, включают не только субстантивные и местоименные формы, но и наречия, послелого, образованные на основе проксимативных форм локативных существительных (об образовании наречий в коми языке см.: Федюнева 1995). При подсчетах не были учтены словоформы, содержащие после *-лань(-)* посессивный суффикс и суффикс сравнительной степени *-джык*.

Таблица 1

Частотность употребления суффиксов *-лань(-)* в Корпусе коми языка

суффикс \ подкорпус	<i>-ланьӧ</i>	<i>-ланьын</i>	<i>-ланьысь</i>	<i>-ланьсянь</i>	<i>-ланьӧд</i>	<i>-ланьті</i>	<i>-ланьӧдз</i>	<i>-лань</i>
Художественная проза	1319	458	84	45	11	12	8	6237
Документальная проза	54	32	6	1	-	-	-	266
Поэзия	283	20	6	3	-	-	-	1278
Драма	58	17	7	2	-	-	1	328
Фольклор	7	5	1	-	-	-	1	116
Переводная художественная литература	225	64	5	1	1	3	-	2293
Газетный	70	15	-	-	-	-	-	285
Научный	30	13	1	-	-	-	-	166
Официально-деловой	2	-	-	-	-	-	-	40
Всего	2288	634	114	53	15	15	10	11162

Из таблицы видно, что единицы с проксимативным значением наиболее употребительны в художественной прозе, поэзии и переводной художественной литературе. Все проксимативные суффиксы представлены в подкорпусе Основной; в подкорпусе Переводная художественная литература отсутствует терминативная форма. Наиболее частотны в текстах суффиксы *-лань*, *-ланьӧ*, *-ланьын*, *-ланьысь*, менее употребительны суффикс *-ланьӧдз* и пролативные суффиксы *-ланьті* и *-ланьӧд*. При рассмотрении примеров из подкорпусов Основной, Поэзия и Драма была предпринята попытка определения встречаемости суффиксов в текстах разных авторов. Наиболее распространенный суффикс *-ланьӧ* можно обнаружить в текстах каждого автора. Вторым по употребительности является суффикс *-ланьын*, который встречается в текстах большинства авторов. Остальные суффиксы имеют низкую частотность, соответственно, они не представлены во всех текстах. Перечислим авторов, в текстах которых были обнаружены редко

употребляющиеся суффиксы. Словоформы с суффиксом *-ланьöдз* встречаются в текстах И. Пыстина, Я. Рочева, В. Савина, В. Ширяева, В. Юхнина; с суффиксом *-ланьті* – в текстах М. Игнатова, И. Изьюрова, Е. Рочева, Я. Рочева, И. Торопова; с суффиксом *-ланьöд* – в текстах В. Безносикова, В. Напалкова, Я. Рочева, И. Сажина, И. Торопова, Г. Юшкова; с суффиксом *-ланьсянь* – в текстах М. Елькина, М. Игнатова, И. Куратова, Н. Куратова, Н. Никулина, И. Пыстина, А. Размыслова, В. Торопова, И. Торопова, В. Юхнина; с суффиксом *-ланьысь* – в текстах В. Безносикова, И. Изьюрова, М. Игнатова, И. Куратова, Н. Куратовой, В. Напалкова, И. Пыстина, Я. Рочева, В. Тимина, В. Торопова, И. Торопова, Г. Федорова, В. Юхнина. В подкорпусах Основной (художественная проза), Переводная художественная литература, Поэзия, Драма и Документальная проза единицы с проксимативным значением используются при обозначении пространственных и непространственных отношений.

Многие писатели, изображая деревенскую жизнь, используют диалектные слова и устойчивые словосочетания, которые вводятся преимущественно для характеристики речи персонажа. Нередко в текстах встречаются диалектизмы и вне речи персонажа, причем не только лексические, но и грамматические. Поэтому если принять во внимание диалект автора текста, то получается такая картина. Проксимативные суффиксы чаще употребительны в текстах носителей лузско-летского, сысольского, верхнесысольского, присыктывкарского, печорского, ижемского, верхневычегодского диалектов. В текстах носителей удорского, вымского и нижневычегодского диалектов проксимативные суффиксы использованы реже, встречаются преимущественно суффиксы *-лань*, *-ланьö* и *-ланьын*.

В официально-деловых и научных текстах обнаружены единичные примеры с суффиксами *-лань* (-). Официально-деловому стилю, обслуживающему правовую и административно-общественную сферы, присущи строгость, точность, ясность, объективность, не характерны эмоциональность, субъективная оценочность. Поэтому в таких текстах единицы с проксимативным значением ограничены в употреблении. Анализ данных из Официально-делового подкорпуса показал, что основная часть слов (30 примеров), содержащих суффикс *-лань*, приходится на слово ***социальнойлань*** в составе термина ***социальнойлань муньысь абу коммерческой организации*** ‘социально ориентированная некоммерческая организация’. Зафиксированы единичные употребления суффикса *-лань* в темпоральном значении: *во помлань* ‘к концу года’ (2 примера); а также в значении «направление изменения ситуации»: *лёклань (омольлань) вежсьыны* ‘ухудшиться’ (3 примера), *кыпöдöмлань, ыдждöдöмлань* ‘в сторону увеличения’ (1)–(2).

(1) *Коми Республикаын видз-му овмӧс организациясын да крестьяна (фермер) овмӧсьясын 2012 во серти 2015 во помлань картофель быдтӧм содас 13 прӧцент вылӧ.* (Постановление Правительства № 277, 2013) ‘В сельскохозяйственных организациях и в фермерских хозяйствах Республики Коми выращивание картофеля к концу 2015 г. по сравнению с 2012 г. возрастет на 13 %’.

(2) <...> *уджалӧмысь пенсия содан условиясыс да пӧрадокыс вежсисны омӧльлань* (Постановление Конституционного суда от 28.10.14) ‘<...> условия и порядок увеличения пенсии по старости ухудшились’.

В этом подкорпусе обнаружили два примера с суффиксом *-ланьӧ* в значении «направление изменения ситуации» (3), который в этом значении употребляется параллельно с суффиксом *-лань*.

(3) <...> *оз позь лёкланьӧ бергӧдны индӧд* <...> (Указ Главы РК № 54, 2012) ‘<...> нельзя ухудшать закон <...>’.

Научный подкорпус ККЯ представлен гуманитарными текстами, преимущественно это литературоведческие тексты: литературно-критические работы, биографические описания, авторами которых являются А.Е. Ванеев, И.М. Ванеева, А.К. Микушев, В.А. Латышева, Л.В. Лыткина, В.А. Лимерова, П. Доронин, В.И. Лыткин, В. Савин. В литературно-критических работах аппроксимативные словоформы употребляются преимущественно в предложениях, в которых пространственные отношения описываются метафорически, при этом тип отношений между объектом и ориентиром хорошо сохраняется (4)–(5).

(4) *Нёбдинса Виттор ёна вӧлі зільӧ матыстны лирикасӧ фольклорлань.* (А. Ванеев) ‘Виктор Савин очень старался приблизить свою лирику к фольклору’.

(5) *Тайӧ метафоричнойӧй выражениеыс ёна матыстчӧ «Менам муза» кывбурса татшӧм строкаяслань* <...> (А. Ванеев) ‘Это метафорическое выражение близко к таким строкам стихотворения «Менам муза» <...>’. Аппроксиматив в пространственном и непространственных значениях представлен в цитатах из анализируемых художественных произведений (6), а также в биографических описаниях (7).

(6) *Мед шонділань быдӧн Пыр восьлалас-мунас, Мед шондіа туйсӧ Оз вевттьыв сьӧд ру!* (А. Ванеев) ‘Пусть каждый шагает к солнцу, пусть мгла не затмит дорогу, освещенную солнцем!’

(7) *Сэні велӧдіс А.С. Сидоров, кодӧ ачыс нырчис наукалань да велӧдчысьясӧс сэтчӧ кыскис.* (И. Ванеева) ‘Там учителем был А.С. Сидоров, который сам стремился к науке и настраивал на этот путь учеников’.

**Частотность употребления суффиксов -лань(-)
в коми-пермяцком языке**

Определение частотности употребления падежей в коми-пермяцком языке проводилось на материале фольклорных текстов (Перем), а также текстов писателей-классиков (В. Баталов, С. Можаяев, Т. Фадеев, С. Федосеев). Источники подверглись сплошной выборке, из текстов были извлечены все случаи употребления суффиксов -лань(-). Полученные данные отражены в табл. 2.

Таблица 2

Частотность употребления суффиксов -лань(-) в коми-пермяцком языке

суффиксы источник	-ланьӧ	-ланьын	-ланись	-ланьсянь	-лань
Баталов	143 (172) ¹	1 (3)	3 (2)	- (5)	6 (284)
Можаяев	6 (9)	-	-	-	3 (81)
Фадеев	-	- (8)	1 (1)	1 (7)	31 (437)
Федосеев 1991	-	2 (2)	-	- (4)	50 (101)
Федосеев 1994	1 (-)	3 (3)	-	6 (9)	105 (254)
Перем	15 (36)	- (7)	- (3)	-	16 (143)
Всего	165 (217)	6 (23)	4 (6)	7 (25)	211 (1300)

В выбранных для анализа источниках наиболее частотен суффикс -ланьӧ, который в текстах, авторами которых являются носители южного диалекта, встречается чаще, чем суффикс -лань. Остальные суффиксы заметно уступают по частотности суффиксам -лань и -ланьӧ. В коми-пермяцком языке по сравнению с коми-зырянским эгрессивная форма используется чаще, чем элативная. Это объясняется тем, что эгрессив в коми-пермяцком языке имеет более широкое употребление, чем в коми-зырянском (подробнее см. в: Некрасова 2004: 55–56). В текстах не обнаружены проксимативные формы пролатива и терминатива, являющиеся достаточно редкими в языке.

Таким образом, аппроксиматив и приблизительно-местные падежи в зырянском и пермяцком языках сохраняют функционирование. В каждом из языков наиболее употребительным является суффикс -ланьӧ, крайне редко используются проксимативные суффиксы пролатива и терминатива.

Атаманов-Эргапи М.Г. Песни и сказы удмуртских эпох. Эгра кызӓа, Эрга ве-ра. – Ижевск: Удмуртия, 2005. – 248 с.

¹ В скобках общее количество употреблений суффикса, вне скобки – количество употреблений падежных суффиксов

- Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. – М.: Наука, 1975. – 252 с.
- Карпова Л. Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. – Тарту, 1997. – 224 с.
- Карпова Л.Л. Особенности функционирования падежей в северных диалектах удмуртского языка // Вестник Красноярского гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева. – 2011. – № 4. – С 231–236.
- Кельмаков В.К. Краткий курс удмуртской диалектологии. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. – 386 с.
- Кондратьева Н.В. Категория падежа имени существительного в удмуртском языке: монография. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 2011. – 256 с.
- Кузнецов Н. Периферийные употребления аппроксиматива в коми языке // *Linguistica Uralica* 47 (3). – 2011. – С. 191–198.
- Кузнецов Н. Пространственная семантика местных падежей коми языка (когнитивный анализ). – Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 2012. – 244 с.
- Насибуллин Р.Ш. Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия. – Ижевск, 1978. – С. 86–151.
- Некрасова Г.А. О падежах на *-лань(-)* в коми языке // *Fenno-Ugristica* 12 : тр. по финно-угроведению. – Тарту: Изд-во ТГУ, 1985. – С. 147–154.
- Некрасова Г.А. Л-овые падежи в коми языке : дис. ... канд. филол. наук. – Тарту, 1987. – 243 с.
- Некрасова Г.А. Функциональная модель местных падежей коми языка. – Сыктывкар, 1989. – 13 с. (Серия препринтов «Научные доклады». Вып. 210).
- Некрасова Г.А. К проблеме возникновения вторичных падежных суффиксов в современном коми языке // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. – М.: Наука, 1990. – Т.2. – С. 138–140.
- Некрасова Г.А. Семантическая структура аппроксиматива в пермских языках // Грамматика и лексикология коми языка : труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 1995. – Вып. 58. – С. 67–77.
- Некрасова Г.А. Коми кывйын кык вежлӧг формалӧн ӧттшӧтш паныдасьлӧм // Коми слово в грамматике и в словаре : тр. ИЯЛИ КомиНЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 2000. – Вып. 62. – С. 30–41.
- Некрасова Г.А. К вопросу о статусе вариативных форм эгрессива и инструменталю в диалектах коми-зырянского языка // *Пермистика-8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками.* – Сыктывкар, 2001. – С. 197–203.
- Некрасова Г.А. Вежлӧг перым кывъясын: пертас, вежӧртас, артманног. – Сыктывкар, 2004. – 118 с.
- Пунегова Г.В. Выражение пространственных отношений падежными формами имени существительного в коми языке // *Пермистика 9: Вопросы пермской и финно-угорской филологии.* – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский ун-т», 2002. – С. 201–203.
- Сажина С.А. Падежная система верхнекамского наречия коми-пермяцкого языка // *Пермистика 13: Вопросы пермского языкознания.* – Сыктывкар, 2012. – С. 189–196.

Сажина С.А. Особенности морфологии верхнекамского наречия коми-пермяцкого языка // Филологические исследования-2014. Источники, их анализ и интерпретация в филологических науках. – Сыктывкар, 2014. – С. 181–185.

Сажина С.А., Попова Р.П. Фонетические и морфологические особенности коми диалектов (сравнительный аспект исследования). – Сыктывкар: СыктГУ, 2014. – 272 с.

Сахарова М.А., Сельков Н.Н. Некоторые особенности говора кольских коми // Историко-филологический сборник. – Сыктывкар, 1960. – Вып. 6. – С. 130–151.

Тепляшина Т.И. О новых удмуртских падежах // CIFU V. – Turku 1981. – Pars VI. – С. 285–292.

Цыпанов Е.А. Перым-коми гижод кыв. – Сыктывкар: Пролог, 1999. – 178 с.

Цыпанов Е.А. Сравнительный обзор финно-угорских языков. – Сыктывкар, 2008. – 216 с.

Федюнева Г.В. Структурные типы коми наречий // Грамматика и лексикология коми языка : тр. ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 1995. – Вып. 58. – С. 99–122.

Источники

Баталов В. Õктõм проза. URL: <http://www.Fulib.ru>

Можяев С. Комиõн гижõм. URL: <http://www.Fulib.ru>

ККЯ – Корпус коми языка. URL: <http://komicorpora.ru/>

КУЯ – Корпус удмуртского языка. URL: http://web-corpora.net/UdmurtCorpus/search/?interface_language=ru

Перем коми отирлõн висьтасьõм [Электронный ресурс]. URL: www.Fulib.ru

Фадеев Т. Ыбшар. – Кудымкар, 1989. – 352 с.

Федосеев С. Кусõм бизэз. – Кудымкар 1991. – 302 с.

Федосеев С. Съод цветтез. – Кудымкар 1994. – 328 с.

СОЧЕТАНИЯ ДЕЕПРИЧАСТИЙ С ГЛАГОЛАМИ ДВИЖЕНИЯ В КОМИ-ЗЫРЯНСКОМ И КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКАХ

О.И. Некрасова,

научный сотрудник ИЯЛИ КНЦ УрО РАН

Lesik3108@yandex.ru

В работах, посвященных сравнительному изучению синтаксических конструкций с формами глагола (глагол с инфинитивом) в финно-угорских языках, а именно в коми и финском (Дубровина 1990, 2016; Лудыкова 1984; 1990; 2012), выявляется полное совпадение синтаксических функций финского III, или *m*-ового, инфинитива и так называемого *m*-ового инфинитива коми-зырянского языка, которые, сочетаясь с глаголами опреде-

ленных лексико-семантических групп и подчиняясь закону соотнесенности, обозначают действие субъекта непереходного глагола и в предложении выступают в функции сказуемого (Дубровина 2016: 433; Лудыкова 2012: 118–127). В составе конструкции инфинитив выступает как основной носитель лексического значения, а глагол, от которого он зависит, согласуется с подлежащим в лице и числе, а также выполняет грамматическую функцию выражения времени, залога и т.п. (Дубровина 2016: 433).

Вследствие дискуссионности вопроса относительно трактовки природы *м*-овых образований в коми-зырянском языке необходимо привести также мнение Е.А. Цыпанова, считающего, что не стоит выделять в коми языке II (*м*-овый) инфинитив по аналогии с финскими грамматиками, так как «в коми языке мы имеем дело с рассматриваемыми именами (отглагольными) в предикативной функции, в сочетании с определенными глаголами» и далее «подобные коми сочетания, типологически близкие финским, генетически им не родственны. Они возникли в процессе десемантизации финитных глаголов, перерастания глагольно-именных словосочетаний в устойчивые и выполняют в предложении предикативную функцию» (Цыпанов 1997: 34), исследователь приводит аналогичные сочетания из удмуртского языка, а также с другим отглагольным именем – на *-ан*.

Одну из самых многочисленных лексико-семантических групп глаголов, сочетающихся с инфинитивами финского, коми-зырянского языков в указанных конструкциях составляют глаголы движения, например, фин. *tappä* 'идти, отправляться', *tulla* 'приходить', к-з. *вуджны* 'переезжать', *уськӧтчаны* 'бросаться', *лэччысьны* 'погружаться' и т.д. В ряд таких конструкций коми-зырянского языка включаются также сочетания непереходного лексически ослабленного глагола движения *воны* 'доходить до чего-либо' с *м*-овым инфинитивом в форме предельного падежа (терминатива) с показателем *-ӧдз*, например, *Сэсся и тӧдмасьӧмӧдз воим* 'Затем и познакомились' (Дубровина, Лудыкова 1990: 64). Субъект действия, выраженного *м*-овым инфинитивом, является и субъектом действия, выраженного вспомогательным глаголом. Спрягаемая форма глагола и *м*-овый инфинитив являются единым, нерасчлененным членом предложения – составным сказуемым (Лудыкова 2012: 120). В конструкции инфинитив в терминативной форме указывает на то, что выраженное им действие доводится до определенного предела, до определенного результата (Лудыкова, 2012: 127), глагол движения в большей степени используется для обозначения начала действия (Лудыкова 2012: 116).

Дальнейшее исследование коми-зырянского и коми-пермяцкого языков выявило альтернативные конструкции глагола движения кз. *воны* 'прибыть, прийти; дойти', к-п. *локны* 'идти, двигаться', *вовлыны* 'приходить,

ходить' с деепричастием на *-тöдз*, функцию которых в предложении также следует трактовать как сказуемое (предикат). Им посвящена настоящая статья, так как подобные сочетания в грамматиках и исследованиях коми языков ранее не фиксировались, хотя в коми-зырянском и коми-пермяцком языках функционирует сказуемое (главный член) с деепричастием на *-тöдз* в составе, но с другим вспомогательным глаголом (Некрасова 2012: 101–107).

Сходство (близость) значений «вербального наречия на *-тöдз* терминативной форме второго вербального существительного» замечалось рядом ученых начиная с XIX в. (Wiedemann 1884: 177; Stipa 1960: 209; Ylikoski 2003: 202). В коми-пермяцком языке терминатив в непространственном употреблении, как отмечает Г.А. Некрасова, «описывает достижение предельного состояния как изменение состояния участника ситуации, переход из одного состояния в другое: *кулöм-öдз* 'до смерти (умер)', *бöрдöм-öдз* 'до слез (заплакал)'. Конкуренцию субстантивным словоформам составляют деепричастия с суффиксом *-тöдз*, которые тоже могут выражать высшую степень действия, выраженного финитным глаголом (Некрасова 2015: 207). В этой связи отмечается также, что «в диахронии деепричастие восходит к терминативной субстантивной словоформе со словообразовательным суффиксом *-т*. Деепричастие и словоформа с показателем терминатива взаимозаменяемы».

Конструкции терминативной формы *м*-ового инфинитива (или *м*-овых отглагольных имен) *-öмöдз* с глаголом *воны*, как и конструкции деепричастия на *-тöдз* с глаголами кз. *воны*, к-п. *локны*, *вовлыны*, встречаются в коми-зырянском и коми-пермяцком языках, однако соотношение употребления и распространения конструкций в языках совершенно разное. В коми-зырянском языке широко распространены конструкции глагола с *м*-овым инфинитивом в форме терминатива и описаны в научной литературе (см. работы В.М. Лудыковой), конструкция с деепричастием на *-тöдз* представляет собой окказиональное явление, обнаруженное в материале по окраинному удорскому диалекту коми языка:

к-з. уд. Важ. *Кино видзöди да, сивтэдз (CONV) вои.*

'Кино смотрел, и запел (букв. пришел до пения)' (УД 1990: 81).

Конструкция указывает на возникновение, начало действия, переход к новому состоянию. В случае замены деепричастия *м*-овым инфинитивом (=м-овым отглагольным именем) в терминативной форме значение конструкции и функциональная нагрузка не изменяются:

Кык друг сьылöмöдз (TERM) воисны: <...>

'Два друга запели' (Попова 1993: 223).

В отличие от коми-зырянского языка в коми-пермяцком частотность использования конструкций глаголов движения *локны*, *вовлыны* с деепричастием на *-тӧдз* выше, в то же время встречается употребление конструкций с *м-овым* образованием в терминативной форме, хотя исследователи (Некрасова 2005: 159) отмечают тенденцию вытеснения терминатива (в т.ч. терминативного деепричастия) в коми-пермяцких диалектах послелогом (*вотӧдз*), напр., вместо *локтӧмӧдз*, *локтӧдз* 'до прихода' – *локтӧм вотӧдз* 'тж':

к-п. **Вовліс горзӧмӧдз** (TERM), *кор сія вдруг паджсьыліс, пыравліс тупикӧ*.

'Доходил до плача (т.е. начинал плакать, даже плакал), когда вдруг ошибался, попадал в тупик' (Климов 1974: 265);

к-п. – *Бура мырсим, – баитіс сыборын Ермаков, – но кӧдзан плансӧ тыртім. Кор и горзытӧдз* (CONV) **вовлім**, *но мый коліс – керим...* (Канюков В.И. // <http://www.studfiles.ru/preview/3562386>);

' – Тяжело работали, – рассказывал потом Ермаков, – но план посевных выполнили. Когда и плакать начинали (букв. до плача доходили), но что нужно было – сделали';

к-п. <...> *быд коста, кӧр сія [нывка] казавліс лӧньсьӧм ыбшарлісь увлань «усьӧм», повзьӧмувья нельки сьӧлӧмыс ёткӧтны дугдывліс – вовліс кулавтӧдз* (CONV).

'каждый раз, когда она (девочка) замечала «падение» вниз умолкнувшего жаворонка, от страха даже сердце переставало биться – доходила до потери сознания несколько раз (=даже теряла сознание)' (Фадеев Т.П. // [http://www.studfiles.ru/preview/3562383/page: 53/](http://www.studfiles.ru/preview/3562383/page:53/));

к-п. *Эта жӧ басныс баитсис ны коласын рытісь-рыт эшӧ и неделя, и мӧдік сьӧрна. Унаись эта коста вовлісӧ спориттӧдз* (CONV), **видчитӧдз, горзытӧдз, нельки ӧтамӧд вылӧ лӧгасьтӧдз**.

'Этот же разговор повторялся между ними каждый вечер еще неделю и в течение следующей. Много раз за это время начинали (даже) спорить (спорили), ругаться (ругались), плакать (плакали), даже друг на друга обижались' (букв. *доходили до спора, ругани, слез, даже обиды друг на друга*). (Фадеев Т.П. // [http://www.studfiles.ru/preview/3562383/page: 43/](http://www.studfiles.ru/preview/3562383/page:43/)).

В сочетаниях, отличающихся семантической целостностью, грамматическое значение сказуемого передается с помощью десемантизированного глагола движения *воны*, *локны*, *вовлыны*, лексическое передает деепричастие. Синтаксическая нечленимость описательных оборотов определяется неполнозначностью глагольного компонента.

По нашим наблюдениям, в предложениях с рассматриваемыми конструкциями ситуации ограничиваются сферой человеческих эмоций, физического состояния, отношений, например, *горзыны* 'плакать', *кулавны* 'те-

рять сознание', *усявны* 'падать', *споритны* 'спорить', *лӧгасьны* 'обидеться' и т.д. Привлечение более широкого контекста обычно обнаруживает предшествующую каузирующую ситуацию, вследствие которой и возникает в качестве ответной реакции действие, выраженное конструкцией глагола движения с деепричастием на *-тӧдз*, например,

к-п. – *Да эг ме сійӧ, тетка, эг нес, – тэрмасьӧмӧн пондӧс дорйисьны зоночкалӧн мамыс. – Тшыг сия менам, нач и нач тшыг. Неделя сьӧрна и крошка нянь эшӧ эг адззылӧ. Усялтӧдз вот локтис. А усялтӧнныс эшӧ коксӧ вирӧдз дойдӧс* (Фадеев Т.П. // <http://www.studfiles.ru/preview/3562383/page:53/>).

'Да я его, тетка, не била, – торопливо стала оправдываться мать мальчика. – Голодный он у меня, совершенно голодный. Целую неделю крошки хлеба не видели. Вот стал падать' (т.е. перестал на ногах держаться = букв. дошел до падения).

С помощью конструкции более экспрессивно выражается причинно-следственная взаимосвязь между ситуациями (в отличие от «нейтральной» конструкции-эквивалента, который может быть выражен глаголом или глагольно-инфинитивной конструкцией), она призвана усилить, интенсифицировать восприятие ситуации (при переводе предложений с рассматриваемой конструкцией на русский язык и подборе глагольного эквивалента носитель коми-пермяцкого языка, к которому мы обращались, использовал вместе с глаголом усилительную частицу *нельки* 'даже').

Судя по всему, конструкции глаголов действия с *м*-овой глагольной формой (инфинитивом/отглагольным именем) в терминативе и деепричастием на *-тӧдз* имеют общекоми происхождение, однако вследствие конкуренции близких по значению и взаимозаменяемых форм в коми-зырянском языке развитие получила конструкция с *-м*-овой формой отглагольного имени (инфинитива) в терминативе, а в коми-пермяцком параллельно употребляются пока обе конструкции – с деепричастием на *-тӧдз* и *м*-овой формой в терминативе. Деепричастия на *-тӧдз* в рассматриваемых конструкциях коми-пермяцкого языка с неполнозначным финитным глаголом составляют сказуемое, выполняют предикативную функцию, не несут значения добавочного действия. Значит, функции деепричастий на *-тӧдз* в коми-пермяцком языке не ограничиваются сферой второстепенного члена предложения – обстоятельства.

Условные сокращения

Важ. – с. Важгорт Удорского района Республики Коми; *к-з.* – коми-зырянский язык; *к-п.* – коми-пермяцкий язык; *уд.* – удорский диалект коми-зырянского языка; *CONV* – конверб, деепричастие; *TERM* – терминатив (предельный) падеж.

Безносилова Л.М, Сорвачева В.А. Удорский диалект коми языка. – М., 1990. – 283 с.

Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис простого предложения. – Ижевск, 1970. – С. 136–137.

Дубровина З.М. Избранные труды / отв. ред. Н.Н. Колпакова. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2016. – 504 с.

Дубровина З.М., Лудыкова В.М. Некоторые черты исконного родства в синтаксисе прибалтийско-финских и пермских языков (м-овый инфинитив) // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. – М.: Наука, 1990. – Т. 2. – С. 60–65.

Канюков В.И. Бригадалён юралысь // Öктём проза [Электронный ресурс]. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/3562386> (дата обращения 10.2016).

Климов В. Туйсö бöрийö сьёлöм // Пармаын асыв. Бöрийöм коми-пермяцкой проза. – Кудымкар, 1974. – С. 255–290.

Лудыкова В.М. Глагол в предложении коми языка. – Сыктывкар: СГУ, 2012. – 239 с.

Лудыкова В.М. Сказуемое с м-овым инфинитивом в коми языке // Советское финно-угроведение. – 1984. – XX. – № 3. – С. 173–177.

Некрасова Г.А. Альтитерминатив в падежной системе коми-пермяцкого языка // *Linguistica Uralica*. – 2015. – № 3. – С. 202–211.

Некрасова Г.А. Основные линии развития семантической структуры падежей в пермских языках // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов : материалы III Всероссийской научной конференции финно-угроведов. – Сыктывкар, 2005. – С. 157–60.

Некрасова О.И. О некоторых конструкциях с деепричастиями на -тöдз, -мön в коми и коми-пермяцком языке // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 28 (282). – С. 101–107.

Попова Э. Сюрприз // Дзирья öшинь дорын : висьтьяс, повесть. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. – С. 222–224.

Фадеев Т.П. Öктём проза [Электронный ресурс]. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/3562383> (дата обращения 10.2016).

Цыпанов Е.А. Причастие в коми языке: история, семантика, дистрибуция. – Екатеринбург, 1997. – 212 с.

Ylikoski Y. Defining non-finites: action nominals, converbs and infinitives // *SKY Journal of Linguistics* 16. – Helsinki: The Linguistic Association of Finland, 2003. – Pp. 85-237.

Stipa G. Funktionen der Nominalformen des Verbs in den permischen Sprachen. – Helsinki, 1960. – 290 s. – (Memoires de la Societe Finno-ougrienne, 121).

Wiedemann F. I. Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen. – Revel, 1884.

КОНЦЕПТ *ДОБРО* В КОМИ ЛИТЕРАТУРНОМ ЭПОСЕ К.Ф. ЖАКОВА «БИАРМИЯ»

Н.В. Немирова,

зав. кафедрой филологического образования
ФГБОУ ВО «СГУ имени Питирима Сорокина»
nvnemirova@yandex.ru

«Биармия» (1916) – одно из интереснейших произведений К.Ф. Жакова, «в котором причудливо переплетены историко-психологические, эпико-героические и фольклорно-фантастические пласты коми национального сознания» (Демин 1997: 56) и, добавим, философско-эстетические воззрения автора. Художественно-мифологическое пространство коми литературного эпоса К.Ф. Жакова «Биармия» следует рассматривать через призму созданной им философии лимитизма, под которой понимается «система формул, содержание которых 1) система наук, 2) система философий и 3) система религий» (Жаков 1929: 97). «Лимитизм, – по утверждению К.Ф. Жакова, – признает семь граней бытия»: «отношения пространственные, временные, материальные, душевные, разумного, прекрасного, доброго» (Жаков 1929: 96). Философская теория К.Ф. Жакова создается с целью усовершенствования мира, поэтому важными в ее структуре являются проблемы воспитания. К.Ф. Жаков в статье «О воспитании» подчеркивал значение мифов в процессе воспитания: «Законы эстетики раскроются при изучении мифов, сказок поэм» (Жаков 1917: 11). «Эстетическое имеет свою закономерность. Прекрасный образ имеет бесконечное значение, вызывает бесконечные размышления и переживания. Закономерность эстетического выражается формулой $\infty = 1$ » (Жаков 1917: 6). Таким образом, формула эстетического может быть применена для иллюстрации множественности интерпретации анализируемого художественно-мифологического контекста. К.Ф. Жаков выводит «закон доброго», который выражается формулой: $1 = \infty$: «Один нравственный человек заражает к добру бесконечное число последователей» (Жаков 1917: 6).

Рассмотрим особенности репрезентации абстрактного концепта *ДОБРО* в коми литературном эпосе К.Ф. Жакова «Биармия». Л.О. Чернейко подчеркивает «многоликость и неоднородность экстенционала термина «абстрактное имя», за которым стоят и существительные (совесть, везение, белизна), и прилагательные (весомый и интеллигентный), и глаголы (созидать, вопрошать)» (Чернейко 1997: 5), поэтому репрезентантами абстрактного концепта *ДОБРО* являются использованные в контексте «Биармии» наименования – имя существительное и производное от него имя прилага-

тельное. Кроме того, представляется интересным рассмотрение аксиологических когнитивных признаков, основанных на аксиологических значениях репрезентантов анализируемого концепта. Аксиологические значения, по мнению Н.Д. Арутюновой, являются разновидностью прагматического значения, которое «слово (или высказывание) приобретает в речи» (Арутюнова 1988: 5), в нашем случае в художественно-мифологическом контексте. Общеоценочные значения, характеризующиеся оппозицией хорошей/плохой, осложняются частнооценочными значениями, выделенными Н.Д. Арутюновой, такими как сенсорно-вкусовые, психологические (интеллектуальные и эмоциональные), рациональные (эстетические, этические, утилитарные, нормативные, телеологические) (Арутюнова 1988: 75-76). Логично предположить, что репрезентанты анализируемого концепта транслируют общеоценочное значение 'хороший', и частнооценочное этическое значение.

В «Биармии» К.Ф. Жакова, по мнению В.Н. Демина, представлено «три уровня жизни, воспринимаемые древним человеком: первый – уровень Мироздания, в котором господствует великий Ен, второй – межличностных отношений; третий – мир природы» (Демин 1997: 255). Уровни коми литературного эпоса – это, по сути, контекстная модель данного произведения.

Анализируемый концепт представлен прежде всего на «уровне Мироздания»; эта особенность проявляется, например, в транслируемом К.Ф. Жаковым космогоническом мифе о Ене и Оксоле (Омоле), отражающем оппозицию добра и зла: эпитет добрый в сочетании с именем Ен использован Жаковым 6 раз, например: «Оскорбился добрый Енмар И ушел на крышу неба» (Жаков 1993: 128).

Анализируемый абстрактный концепт чаще всего использован для характеристики уровня «межличностных отношений» (30 раз), например: «Царь Оксор уже проснулся, Править начал вновь страну. Восточку он посылает, И добра он вам желает» (Жаков 1993: 70).

Уровень «природы» представлен репрезентантом анализируемого концепта 1 раз: «Всех животных, всех по чину Расположил он в порядке, Добрыми создал вначале» (Жаков 1993: 128).

Для объективации концепта *ДОБРО* в коми литературном эпосе «Биармия» характерны следующие лингвистические и лингвостилистические особенности:

1. Репрезентанты концепта *ДОБРО* существительное добро прилагательное добрый встречаются в контексте эпоса 39 раз.

2. Эпитет добрый в сочетании с именем Ен объективирует когнитивные признаки 'символизирующий добро', 'несущий добро': «И для птиц небес-

ных дал он, Добрый Енмар, путь молочный Меж звездами, по равнине С севера на юг далекий» (Жаков 1993: 129). В контексте реализован положительный аксиологический этический когнитивный признак.

3. Прилагательное добрый с когнитивным признаком 'милосердный' и существительное добро с когнитивным признаком 'милосердие' представлены в следующем контексте, в котором няня Зарнигэтыр учит Югыморта: «Будешь добрый – придет месяц, Как бы зайчик на крылечко. Сядет месяц, ухмыльнется – Светлый, белый, серебристый. Ты погладь его рукою» (Жаков 1993: 93); «... и добру все дальше учит: “Коль придет медведь к нам в гости, Ты не бей его ручонкой”» (Жаков 1993: 93). В контексте транслируется положительный этический аксиологический признак.

4. Самым частотным является употребление эпитета добрый в сочетании с лексемой слово (19 раз), например: «Яур, князь рыжебородый, Доброе тут молвил слово: “Ты, Вэрморт, бери-ка домбру, Спой-ко песни, чары-притчи, Заговоры и заклятья”» (Жаков 1993: 114). Прилагательное доброе в анализируемом контексте реализует когнитивный дифференциальный признак 'выражающее доброжелательность' и положительный этический аксиологический когнитивный признак. В.А. Латышева подчеркивает, что «высокий уровень нравственности отличал весь народ коми: честность, доброта, гостеприимство, трудолюбие, чистоплотность, отзывчивость. Неудивительно, что Яур ... постоянно “слово доброе промолвил”. Неспроста поэма заканчивается его добрым завещанием: “Вы живите меж собою Дружелюбно и согласно И не ссорьтесь по-пустому”» (Латышева 2005: 107).

Прилагательное доброе объективирует когнитивный признак 'желанное' и положительный нормативный аксиологический когнитивный признак: «Поклонились Богу солнца Витязи страны лесистой И молились долго, долго. Яур, князь рыжебородый, Доброе тут молвил слово: “Мы построим здесь кумирню То жилище Бога Енмар”» (Жаков 1993: 121).

Прилагательное доброе транслирует когнитивный признак 'примирительное' и положительный этический когнитивный признак: «“Стой ты, Ошпи Лыадорса, Не сердись ты зря, некстати,” – Слово доброе промолвил Яур, князь рыжебородый» (Жаков 1993: 43).

5. Прилагательное доброе в сочетании со словом дело реализует когнитивный признак 'полезное': «Тут промолвились все сосны: “Дело доброе свершили Яур, князь рыжебородый, С ним же Ошпи Лыадорса И Вэрморт, игрок великий: Указали путь народу – Как пахать новины в пармах, Как косить траву близ Эжвы”» (Жаков 1993: 109-110). В анализируемом контексте транслируется положительный утилитарный аксиологический когнитивный признак.

6. Прилагательное доброе в сочетании со словом дело реализует когнитивный признак 'объясняющее': «Продолжал он речь такую: “Голова ты великана! Слушай доброе известье!”» (Жаков 1993: 43). В данном контексте транслируется положительный этический аксиологический когнитивный признак.

7. Эпитет добрый использован в контексте эпоса с когнитивным признаком 'хорошего качества', зафиксированным в качестве значения прилагательного добрый, имеющего стилистическую помету «нар. -поэт., обл.» (ТСУ. URL): «Охмеленные напитком – Добрым суром, пивом черным, Той домашнею усладой» (Жаков 1993: 87). В приведенном выше контексте объективирован положительный сенсорно-вкусовой аксиологический когнитивный признак.

8. Существительное добро, заключенное в кавычки, транслирует противоположный смысл, объективируя когнитивный признак 'зло': «Тут возьми ты Югыморта, Пятью пальцами возьми ты Из поющей зыбки–люльки, На руки бери мальчонка И тащи к себе в избушку. Все так просто, не печалься, Мудрая хозяйка леса. Так “добру” тут научила Бабу Йому в черной парме Кошка черная Марагди, Из колдуний чародейка» (Жаков 1993: 102). В анализируемом контексте объективирован отрицательный этический аксиологический когнитивный признак.

9. Концепт ДОБРО может быть представлен имплицитно, в тех частях эпоса, в которых Жаков описывает проявление добра: например, вогулы, прибывшие «...деревни грабить, Убивать людей нещадно...», отпускаются с миром: «Все вогулы вновь вернулись К берегам реки прозрачной. Сели в лодки молчаливо, Вниз спустились, к устью Сыктив, Чтоб вернуться к женам, детям За Урал, за Камень дальний» (Жаков 1993: 123).

Следует также отметить, что и отрицательные персонажи, например образ Йомы, транслируются через идею добра. К.Ф. Жаков, анализируя языческое мирозерцание зырян, подчеркивает, что «в народных сказках везде упоминается Йома (Йомала) – злая волшебница, которая опять же могла до принятия христианства быть старухой, богиней тех или иных сторон хозяйства: так как она и теперь иногда ворует детей и в сказках везде является вороватой, то можно думать, что она любила человеческие жертвы, в особенности детей» (Жаков.URL). Только часть этих особенностей языческого образа объективирована в контексте эпоса «Биармия». С одной стороны, «Ёма – хозяйка флоры и фауны, живет в гремучем лесу» (ЭУМ: 156): ср. «Все деревья ведь внучата Бабушке – хозяйке леса» (Жаков 1993: 32); с другой – «Ёма – людоед, пытается запечь детей в печке, посадив их на хлебную лопату» (ЭУМ: 156), в противоположность этому в контексте эпоса К.Ф. Жакова, несмотря на то, что Йома украла Югыморта, у прецедент-

ного имени Ёма формируется символическое – когнитивный признак ‘нерезализованное материнство’: «Йома-баба тут сказала: “...А люблю я Югйдморта Пуще жизни в темной Парме”» (Жаков 1993: 101).

Итак, анализируемый абстрактный художественно-мифологический концепт *ДОБРО* опирается на мифологию, проявляя такой признак, как интертекстуальность. Второй признак данного художественно-мифологического концепта – диффузия концептосфер и концептов, относящихся к разным уровням эпоса.

Художественно-мифологическая картина мира коми литературного эпоса К.Ф. Жакова «Биармия» представлена диффузией разнообразных концептосфер человека, пространства, времени и др., объективированных взаимопроникновением концептов, включенных в эти концептосферы.

Особенность репрезентации анализируемого концепта в структуре «Биармии» состоит в том, что именно он является ее организующим началом, философской методологической основой: В.А. Латышева отмечает, что «“Биармия” овеяна романтическим мироощущением автора, в ней все возвышенно и прекрасно: природа, персонажи, благородные обычаи народа, очеловеченные звери пармы, добрые кудесники и песнопевцы» (Латышева 2005: 94).

Таким образом, абстрактный концепт *ДОБРО* имеет важное значение в структуре эпоса: его репрезентанты пронизывают всю структуру эпоса, являются средством характеристики героев и объяснения мироздания, в контексте созданной автором философии лимитизма показывает его значимость в предложенной автором структуре бытия, в котором грань «доброе» определяет нравственно-этические межличностные отношения.

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.

Демин В.Н. История и типология жанров коми поэзии. – Екатеринбург: УрО РАН, 1997. – 313 с.

Жаков К.Ф. Биармия: коми литературный эпос / сост., предисл., комментарии А.К. Микушева; перевод на коми М.В. Елькина. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. – 312 с.

Жаков К.Ф. Лимитизм: Единство наук, философии и религии. – Рига: Limitskas filosofijas biedribas Latvija izd., 1929. – 226 с.

Жаков К.Ф. О воспитании. Издание Кружка латышских офицеров-слушателей лекций профессора К.Ф. Жакова в Юрьеве. – Юрьев: Типо-литография Эд. Бергман, 1917. – 16 с.

Жаков К.Ф. Языческое мирозерцание зырян [Электронный ресурс]. URL: http://zyrians.foto11.com/komi_paganism (дата обращения 12.06.2017).

Латышева В.А. Поэма К. Жакова «Биармия» // Латышева В.А. Певец зырянского края. – Сыктывкар, 2005. – С. 89–124.

ТСУ – Толковый словарь Ушакова онлайн [Электронный ресурс]. URL: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=12848> (дата обращения 12.06.2017).

Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1997. – 352 с.

ЭУМ – Энциклопедия уральских мифологий. Т. 1. Мифология Коми. – М.: Сыктывкар, 1999. – 479 с.

FLASH-ПОСОБИЕ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ НА КОМИ ЯЗЫКЕ: ЦЕЛИ, СТРУКТУРА, СОДЕРЖАНИЕ

Н.В. Остапов,

преподаватель ГПОУ «Сыктывкарский колледж сервиса и связи»

onw-555@yandex.ru

Значимую роль в освоении человеком определённого социального пространства играет знакомство с прошлым семьи, народа, государства. История в процессе самоидентификации личности предстаёт на уровне переживаемого культурного самосознания. «Одним из условий современного образования является расширение образовательного пространства» (Остапова 2014: 80). Носители каждого языка с особым строем мышления и способом познания мира должны иметь возможность описывать, анализировать, интерпретировать наряду с художественными текстами факты, события и процессы прошлого на родном языке.

Цель данной статьи – описать новый, мультимедийный, образовательный продукт по истории на коми языке для общеобразовательных школ.

Автором статьи в 2011 г. были подготовлены и опубликованы терминологические словари по истории и обществознанию на коми языке для общеобразовательных школ в рамках программы Совета Европы и Европейского союза для РФ «Национальные меньшинства в России: развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества». Сравнительно-сопоставительный анализ словарей, созданных на пяти финно-угорских языках (коми, марийском, удмуртском, мокшанском и эрзянском), представлен в исследовании руководителя проекта Яноша Пустаи «Анализ словарей школьной терминологии коми языка» (Пустаи 2014). Немаловажен тот факт, что «терминологические словари были одобрены терминоорфографическими комиссиями данных финно-угорских республик» (Пустаи 2014: 9).

В 2012–2013 учебном году с воспитанниками Гимназии искусств были проведены пробные занятия по истории на тему «Индустрия кадколастын йӧзлӧн гӧгӧртас кылӧм (Мировоззрение человека индустриальной эпохи)». С одной стороны, идея изучения истории на коми языке понравилась ученикам, которые регулярно пользовались коми языком в быту, однако, с другой стороны, стали очевидны проблемы реализации данного проекта на практике: 1) отсутствие учебно-дидактических материалов к занятиям по истории на коми языке; 2) ограниченное число учителей истории в Республике Коми, которые могли бы на практике свободно общаться на коми языке в рамках школьной программы, при этом корректно используя исторические и обществоведческие термины.

Следующим шагом в реализации проекта стала работа по созданию мультимедийного учебного пособия по истории России на коми языке, в котором должны быть представлены в определённой системе учебно-дидактические материалы по всем основным периодам отечественной истории. Учебные тексты, исторические карты, терминология, хронология, исторические портреты, разработанные задания по основным умениям и видам познавательной деятельности должны создать условия для самостоятельных занятий по предмету.

Собранные нами материалы являются вспомогательным инструментом обучения, содержащим краткое систематическое изложение событий по истории России с VIII века до начала XIII века.

Приведём некоторые ключевые понятия, использованные нами при подготовке мультимедийного учебного пособия (Остапов 2011).

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ – глава великого княжества на Руси в X–XV вв. и Русского государства XV – сер. XVI вв. В Российской империи – член императорской фамилии.	ЫДЖЫД ӦКСЫ – Ыджыд ӧксыулӧн Роч муын X–XV нэмъясӧ да Роч канмуӧн XV–XVI нэмъясӧ юралысь, Россияса империяын Ыджыд ӧксы – император ордын вывтыр йитас.
ДАНЬ – натуральный или денежный побор с покоренных племен и народов. На Руси известна с IX века.	ОРТСЫ ВОТ – кывзысьысь пыгыдлӧн да войтырлӧн вынйӧра войтырлы кӧм-паськӧма да съӧма вот. Роч муын вӧлӧма IX-ӧд нэмсянь.
ДРЕВНЯЯ РУСЬ – общее собирательное название восточнославянских княжеств IX–XIII вв.	ВАЖДЫРСЯ РОЧ МУ – IX–XIII-ӧд нэмъясӧ асыввыв славяна ӧксыувъяслӧн ӧтувъя ним.

<p>ИСТОРИЯ – это наука о прошлом людей. Факты, события и процессы изучаются на базе исторических источников. История состоит из всемирной (всеобщей) истории и истории отдельных стран и народов; подразделяется на историю первобытного общества, древнюю историю, средневековую историю, новую историю, новейшую историю.</p>	<p>ВАЖВЫЛӨМ – тайё важ йөзлысь олөм туялысь төданбур. Лоөмторьясыс да налөн быднога мунөмыс туявсьөны важвылөм өшмөсьясысь, йөз коляс серти. Важвылөмысь торйөдоны туялысьяс ставмуыввса, канму да войтыр юкөньяс. Лоөмторьяс кад мунөм серти важвылөм овлө: 1) первобытнөй важвылөм; 2) важдырся важвылөм; 3) шөр нэмьясса важвылөм; 4) выль кадея важвылөм; 5) медвыль кадея важвылөм.</p>
<p>КНЯЖЕСКАЯ ДРУЖИНА – отряд воинов, объединявшихся вокруг племенного вождя или князя, привилегированный слой общества.</p>	<p>ӨКСЫЛӨН ОЖМАН КОТЫР – пыгыд юрнуөдысьлөн либө өксылөн тышкасьысь котыр, йөзкотыр пөвстын торья инөда йөз.</p>
<p>КНЯЗЬ – вождь племени, глава дружины; в средневековье – правитель, глава княжества. На Руси старший из князей назывался великим, остальные – удельными. С XVIII века князь – это почетный наследственный дворянский титул.</p>	<p>ӨКСЫ – важдырся нэмын вөлі пыгыдөн да дружина котырөн юрнуөдысь, шөр нэмын – өксылөн веськөдлысь. Важдырся Роч Канмуын медея ыджыд айсө Рюрикович ордысь шулывлісны Ыджыд Өксылөн, мукөдсө – уделса өксылөн. ХУШ-өд нэмсянь өксы лои дворяналөн ай-мамсянь кольөм нимөдана пас.</p>

В мультимедийном учебном пособии «Роч муяслөн важвылөм (VIII–XIII-өд нэмьяс)» / «История России (VIII–XIII вв.)» содержатся следующие ресурсы.

I. Организованные текстовые материалы, в которых концентрированно изображены все ключевые факты, явления, процессы отечественной истории. Предложенные тексты ученику можно преобразовать в структурно-логическую схему, конспект, опорные знаки, что позволяет без помощи учителя понять и воспроизвести материал, уяснить взаимосвязи между фактами, событиями для получения представления общей динамики исторического процесса. При знакомстве с текстами для обучающегося доступны сопутствующие справочные или дополнительные материалы (исторические карты, термины, карты, даты событий, портреты деятелей). Обучающийся имеет возможность в любой момент переключиться на определённое время к сопутствующим сведениям справочного характера и

обратно вернуться на нужную страницу простым перемещением или щелчком компьютерной мыши. Представленный материал позволяют варьировать темпы усвоения учебной информации в соответствии с индивидуальными особенностями учеников, а также обращаться к расширяющим, углубляющим знания дополнительным ресурсам.

Приведем для примера небольшой начальный текстовый фрагмент на коми языке из звукового файла, записанного нами:

«Важдырся Рочмуын медважся войтырсикас да налӧн оласногыс

Рочмуын медводз йӧзыс овмӧдчӧмны коркӧ 700 сюрс во сайын Кубань нима ю пӧлӧн войвыв Кавказын. Поводдяыс сӧні вӧлӧма шоныд, лӧсьыд, сы вӧсна войтыр гӧгӧр котралӧмны быдсяма пемӧс да му вывсьыс вӧлӧм позянлун ӧктыны уна сикас быдмӧг. Сӧкся важдырся йӧз кужлӧмны нин дӧзьӧритны би, сӧмын абу на сяммылӧмны шедӧдны бисӧ.

Олӧмыс йӧзлӧн сӧк вӧвлӧма сӧкыд, ӧткӧн ловйӧн кольны морт эз вермы, сы понда неыджыд чукӧрӧн, 20–30 мортӧдз, найӧ кокныдджыка вермӧмны корсьны сӧян-юан. Медводдза тшупӧд сӧвмӧмын йӧзыс ӧтув уджалӧмны да корсьӧмны сӧян-юан, налӧн сӧк вӧвлӧма ӧтласа эмбур да йӧзкостса ӧтвесьтлун. Татшӧм йӧзкотырса артмӧм олансикасӧ шуӧны **первобытнӧй мортчукӧрӧн.**

80 сюрс во сайын поводдяыс му вылас ӧна вежсьӧма кӧдзыдлань. Азия да Европалысь войвывса юкӧнсӧ кӧдзыдыс дзоньнас тупкӧма йиӧн. Шоныдӧнын олысь пемӧсьясӧс вежӧмаӧсь мамонтъяс, бизонъяс, кузь гӧна носорогъяс, войвывса кӧръяс, вӧвъяс. Татшӧм поводдя вежсьӧмъяс дорӧ йӧзлы вӧлі велавны сӧкыд. Вочасӧн йӧз велалӧмны шедӧдны би да кыйны вӧрса пемӧсьясӧс кытш босьтӧмӧн. Вочасӧн йӧз овмӧдчӧмны Волга ю пӧлӧн, первобытнӧй мортчукӧръяс вежсьӧмны **рӧдув котыръясӧн.** Некумын ӧтув олысь рӧдув котыр вӧлі артмӧдчӧмны ӧти **пыгыдӧ.** 40 сюрс во сайын му вылын артмӧма, ортсыладор боксянь кӧ видзӧдны, дзик ӧнія кодь морт».

Всего переведено на коми язык и озвучено около 100 страниц учебного текста.

II. Электронные рабочие тетради для самостоятельной работы содержат множество разнообразных заданий с терминами, картой, портретами с возможностью фиксации полученных результатов каждой страницы с помощью принтера. Эти задания можно использовать при закреплении учебного материала по теме или разделу. Все задания можно классифицировать следующим образом:

а) Группа заданий, которая предполагает сопоставления сведений из двух столбиков перемещением контента с помощью компьютерной мыши.

б) Вторая группа – это самостоятельное определение с помощью изображения соответствующей исторической личности, города, события в специально выделенном поле для ввода текста.

в) Третья разновидность заданий – это заполнение пустот в тексте словами (названиями, датами, фамилиями, понятиями), чтобы сохранилось с точки зрения смысла и логики первоначальное состояние авторского текста.

г) Четвёртая группа – это небольшие кроссворды по темам с возможностью заполнения на странице и фиксации результата.

III. Небольшие по объёму контрольные образовательные тесты для самопроверки по темам с автоматической обработкой результатов. Каждый тест содержит 7 вопросов, правильные ответы на которые необходимо указывать щелчком мыши. Тесты содержат ключевые позиции по каждой теме и позволяют при ответах закрепить, уточнить, корректировать полученные знания, однако они не могут быть использованы как средство объективного контроля знаний по предмету.

Образовательный продукт создавался в программе Macromedia Flash MX и опубликован в одной папке как совокупность определённым образом связанных друг с другом swf-файлов с запускающим *История.exe* файлом. Общеизвестно, что достоинства таких файлов следующие:

1. При работе с swf-файлами можно не беспокоиться об установке специальных программ для работы из-за наличия повсеместно распространённого сегодня на персональных компьютерах флэш-плеера для работы с такого рода продуктами. Файлы с таким расширением уже давно широко используются для создания рекламных баннеров, анимации, игр, а также воспроизведения на веб-страницах видео- и аудиозаписей.

2. Flash-файлы, как правило, небольшой размерности, поэтому не требуют к компьютерам особых требований к производительности.

3. Материалы с расширением .swf. могут быть размещены в Интернете и просмотрены с помощью большинства интернет-браузеров на любой компьютерной платформе. Такой файл можно легко отправить по почте, и он будет отображаться прямо в почтовом клиенте, а также парой щелчков мыши может быть развёрнут на весь экран.

4. Разделённые на отдельные файлы Flash-материалы несложно использовать как в предложенной нами системе, так и отдельно друг от друга, запуская каждый файл самостоятельно. При изучении материала у учащегося появляются альтернативы: либо следовать заданному автором пособия алгоритму последовательных учебных действий при изучении тем, построенных на основе проблемно-хронологического принципа, либо по своему выбору знакомиться фрагментарно с отдельными историческими периодами, персонажами, проблемами.

В предлагаемом образовательном ресурсе заложена как линейная, так и нелинейная навигация. С файлов распределителей по запросу обучающегося можно открыть необходимый элемент напрямую в зависимости от возникших потребностей и вернуться к исходному положению для изучения локальной проблемы (например, карты страны), повторения даты события или получения кратких сведений о деятеле. Нами намеренно не были включены в материалы видеофильмы и анимации, так как они значительно бы увеличили размеры созданного ресурса и могли бы привести к существенному повышению требований к системным требованиям персонального компьютера пользователей.

На наш взгляд, выбор языка для изучения истории и обществознания находится сегодня в плоскости научно-практической реализации. Созданный нами ресурс создаёт условия для того, чтобы носитель коми языка был в состоянии использовать родной язык не только в быту. Расширение сферы функционирования коми языка является благодатной почвой формирования личности, свободно использующего как минимум два языка в разных коммуникативных ситуациях.

Данилов А.А., Косулина Л.Г. История России с древнейших времен до конца XVI века : 6 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений. – М.: Просвещение, 2012. – 272 с.

Остапов Н.В. Словарь терминов по истории на коми языке для общеобразовательных школ. – Сыктывкар; Ижевск; Йошкар-Ола; Саранск; Бадачоньтомай: Изд-во Мордовского университета, 2011. – 78 с.

Остапов Н.В. Словарь терминов по обществознанию на коми языке для общеобразовательных школ. – Сыктывкар; Ижевск; Йошкар-Ола; Саранск; Бадачоньтомай: Изд-во Мордовского университета. 2011. – 38 с.

Остапов Н.В. «Роч муяслӧн важвылӧм (VIII–XIII-ӧд нэмъяс)» / «История России (VIII–XIII вв.)» : мультимедийное учебное пособие на коми языке для учащихся 6 класса общеобразовательных школ. – Сыктывкар, 2015. URL: <http://fu-lab.ru/uchposobiya> (дата обращения 23.11.2016).

Остапова Е.В. К вопросу о функционировании переводной художественной литературы в образовательном пространстве Республики Коми // Вопросы финно-угорской филологии / отв. ред. В.М. Лудыкова. – Сыктывкар, 2014. – Вып. 10. – С. 80–87.

Пустаи Я. Анализ словарей школьной терминологии коми языка // Collegium Fenno-Ugricum. III. – Badacsonytördemic, 2014. – 442 с.

ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД В РАБОТЕ С ИНТЕРАКТИВНЫМ УЧЕБНЫМ ПОСОБИЕМ ПО КОМИ ЛИТЕРАТУРЕ «ГУЛЮСЯНЬ ЮÖР» («ВЕСТЬ ОТ ГОЛУБЯ»)

Е.В. Остапова,

доцент кафедры финно-угорской филологии
и национального образования
ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»
ost-1966@yandex.ru

В современном понимании педагогов-исследователей процесс учения – это процесс деятельности ученика, направленный на становление его личности в целом. Обучать деятельности – это значит «делать учение мотивированным, помогать ребенку самостоятельно ставить перед собой цель и находить пути, в том числе средства ее достижения (т.е. оптимально организовывать свою деятельность), помогать ребенку сформировать у себя умения контроля и самоконтроля, оценки и самооценки» (Леонтьев 2001: 4). В целом, знаниями можно назвать ориентировочную основу учебной, а затем и внеучебной деятельности. Навыки – способность ученика осуществлять «технологическую» сторону деятельности учения.

Определяя приоритеты образовательно-педагогического прогнозирования XXI в., ведущие российские ученые-педагоги подчеркивают «необходимость исследования путей повышения эффективности педагогического процесса на основе его принципиальной переориентации» (Гершунский 1998: 214).

Одно из изменений должно произойти от преимущественно исполнительской, репродуктивной деятельности учащихся – к преобладанию творческого, поискового начала на всех этапах учебного процесса. Как показывает опыт, процесс информатизации образования актуализирует разработку подходов к использованию технических и дидактических потенциалов информационных технологий для развития личности обучаемого, повышения уровня его креативности и т.д.

В образовательном пространстве Республики Коми активно используются созданные на базе научно-образовательного центра «Инновации в национальном гуманитарном образовании» Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина мультимедийные учебные пособия по коми литературе на коми языке с грифом Министерства образования РК, а также ряд других интерактивных образовательных ресурсов. По виду деятельности это интерактивные тестирующие задания и фрагмент аудиохрестоматии («Небыд, мича, гора»/«Мягкий, красивый,

звучный» (2007), демонстрационная программа («Шудторйой, кодзулйой»/ «Счастье моё, звёздочка» (2009), аудиохрестоматия для 5 класса («Мый меддонаыс»/ «Что дороже всего» (2009), мультимедийный альманах на пермских языках «Виль чужём»/ «Новое лицо» (2011), интерактивная игра «Чуня-чалля» с прослушиванием текста, сборкой пазлов и раскраской для младших школьников (2012). Особенности данных образовательных продуктов освещены в выступлениях и публикациях авторов, сами ресурсы внедрены в учебный процесс школ республики (Попова 2014: 328). «Подобные ресурсы способствуют модернизации образовательной среды, развивают перспективное направление в национальном гуманитарном образовании» (Остапова 2014: 273).

В 2015 г. нами осуществлено создание электронного интерактивного учебного пособия «Гулюсянь юёр»/ «Весть от голубя», представляющего собой новый образовательный ресурс на коми языке для учащихся 5–6 классов. Работа выполнена в рамках международного проекта «Создание электронных учебных пособий по предметам школьного курса на родном языке», инициированного Венгерским институтом языковой стратегии. Разработчиком мастер-диска является преподаватель истории ГПОУ «Сыктывкарский колледж сервиса и связи» к. ист.н. Н.В. Остапов.

Учебное пособие подготовлено в соответствии с новой программой по коми литературе для 5–6 классов общеобразовательных школ. Оно состоит из 4 разделов, представляет собой синтез отсутствовавших до настоящего времени элементов учебно-методического комплекса для 6 класса, таких как рабочая тетрадь и аудиохрестоматия. В качестве упражнений учащимся предложены четыре вида заданий, названных в соответствии с деятельностно-компетентностным подходом: «Кывзы» («Слушай»), «Тёдмав» («Узнай»), «Чукорт» («Собери»), «Тэч» («Сложи»).

Элементы аудиохрестоматии представлены в разделе «Кывзы» чтением стихотворений В.Т. Чисталева и В.Г. Лодыгина, сопровождающимся классической музыкой. Исполнителями являются студенты (ныне выпускники) кафедры финно-угорской филологии и национального образования СГУ им. Питирима Сорокина Ольга Баженова и Василий Чупров. Данный аудиоматериал можно использовать при обучении выразительному чтению стихотворений, предложив учащимся после прослушивания текста ответить на вопросы: понравилось ли чтение произведения, какие чувства испытывали слушатели, сумел ли чтец передать авторское настроение, передана ли основная мысль произведения, каким образом это сделано; что хотел подчеркнуть чтец, а что, может быть, он «спрятал»; захотелось ли выучить и запомнить стихотворение, предложить своё прочтение... Можно предложить учащимся составить частичную или полную партитуру изучаемых произведений и, конечно же, подготовиться к выразительному чте-

нию стихотворения. При этом чтение можно записать на имеющиеся гаджеты, предложив тем самым свою версию звучания произведений и создав свой аудиоресурс. Работа над выразительным чтением произведений должна вестись системно, в течение всего учебного года, но она должна быть разнообразной, привлекательной, интересной, современной.

В разделе «Төдмав» предложено решение кроссвордов по актуальным темам коми фольклора и литературы. Приведём примеры заданий по теме №6: «Вомён – 1. Спектакль пуктігён ворсысьясён, ворсёмён веськөдлысь, шөр визьсё индысь. 2. Пьеса серти сцена вывсянь петкөдлантор. Сувтсён – 1. Пьесаын авторлөн гөгөрвоодана индөд. 2. Театрлөн юкөн, вылынін, көні мунё петкөдланторыс. 3. Художествоа гижёдын, сцена вылын лоөмторьяс-сё шөр вёчысьяс пөвстысь өти. 4. Кык персонажлөн өта-мөдкөд сёрни. 5. Театрын (пьесаын) персонажлысь рольсё олөмө пөртысь».

Решение кроссвордов с вопросами повторительно-обобщающего характера в интерактивной форме можно превратить в занимательную игру, можно выполнять индивидуально и в команде, в классе и во время внеклассной, домашней работы.

Раздел «Чукөрт» содержит пазлы из фрагментов обложек двадцати книг, рекомендуемых для чтения, к каждой из которых имеется аннотация, адаптированная к детскому чтению. Приведем несколько примеров из данного раздела.

«Тимин Владимир Васильевич. Эжва Перымса зонка.

Тайё повесьтыс зэв ылыс кад йылысь, кор весиг эз на вөв востёма Америка. Тикё нима коми зонкакөд вөлі уна шензьөдана лоөмтор. Оліс сійё Емдінын, ветліс ас парма-ягөд, сэсся веськаліс йөгра войтыр пөвстө, сэсся Чердіно, Ыджыд Перымө...

«Тикё пыдөджык пуктіс айыслысь ньөввужсё. Сьөлөм вылас лои лөсьыд, быттьө айыскөд аддзысьліс. А Микал өксай... Сійё мөд ай.

– Аттьө тэныд, Микал өксай, – шуис Тикё.

Микал топөдыштис сійөс ас бердас.

– Кутчысь, Эжва Перымса зоночка, тэнад ставыс на водзын. И кут юртө вылын, тэ өд Емдінса Турөб Яраш Тикё – Тикөн Ярөславич. Век мед лооны тэкөд Ен да бур йөз!».

«Юхнин Василий Васильевич. Биа нюр.

В.В. Юхнинлөн «Биа нюр» повесьт медводдзаысь петавліс 1952-өд воө. Висьтавсьө, кыдзи кык велөдчысь – Сеня Майбыров да Митя Кушманов – төдмалісны биа нюрлысь гусяторсё. Оттиөтти төдмасын вөралысьлөн уджён, нэмьясён артмөм традициясён да оласногөн. Шензян коми пармалөн мичлунөн да озырлунөн».

«Бабин Вячеслав Леонидович. Вёрса качай.

Лоны зільён, радейтны чужан вёр-ва, неуна вильшасьны, пыдди пуктыны верстьёясёс да ёртъясёс – татиём бурторьясё велёдө ичөт войтырёс тайё небөгыс.

Быдмытөдзыд удит лыддьыны тайё мичаа серпасалём да лөсьыда гижём кывбурьяссө!»

Раздел «Тэч» посвящен выбору из нескольких вариантов пропущенных выражений в фольклорных текстах (песнях-сказках, пословицах, поговорках) с текстом для самопроверки. Несколько примеров:

1. «Катша да шыр» йөзкостса мойд:

Шыр кывтө-катө,
_____ пыжа,
_____ пелыса,
_____ зібья,
_____ пася,
_____ шебраса,
_____ вольпася.

Кыркөтш дорсө сыныштө,
Лыа дорсө зібйыштө».

(Көин ку, Мой лапа, Руч ку, Ур бөж, Катша көя, Көч ку)

Прөверит асьтө:

Шыр кывтө-катө,
Катша көя пыжа,
Мой лапа пелыса,
Ур бөж зібья,
Көч ку пася,
Руч ку шебраса,
Көин ку вольпася.
Кыркөтш дорсө сыныштө,
Лыа дорсө зібйыштө».

2. «Седун» йөзкостса мойд:

«Эстөн, эстөн ылын эм сар, а сарлөн эм куим ныв: Марья, Василиса и Марпида. Найё бөрийёны рөвесьникёс мужик вылө. Сар сетас нывьяслы шөвк чышьянъяс. Öтилөн _____, мөдлөн _____, а меддзоляыслөн, Марпида Саревналөн, _____».

(сыысь мича, би моз öзйө, мича-мича).

3. Шусьӧгъяс да кывйӧзъяс:

«Мый курыштан, сійӧс и _____»

(сёйыштан, кокыштан, ньылыштан)

«Мый кӧдзан, сійӧс и _____»

(сетан, нуан, босьтан)

«Коді нянь уджалӧ, сылӧн нэмыс _____»

(нюжалӧ, дженьдаммӧ, мичаммӧ)

«Васьыс пыдӧ он вӧй, мусьыс улӧ он ____»

(мун, усь, пыр)

«Гожӧмын кӧ коктӧ кыскалан, тӧвнас _____ кыскас»

(китӧ, рушкитӧ, мыштӧ).

Интерактивное мультимедийное учебное пособие по коми литературе «Гулюсянь юӧр» / «Весть от голубя» является новым, не имеющим аналогов в образовательном пространстве Республики Коми, продуктом, адаптированным к современным условиям образовательного процесса. Образовательный продукт создан в программе Macromedia Flash MX и опубликован в одной папке как совокупность связанных друг с другом swf-файлов с запускающим *exe* файлом. Разделённые на отдельные файлы Flash-материалы несложно использовать как в предложенной автором системе, так и отдельно друг от друга, запуская каждый файл самостоятельно.

Учебное пособие направлено на решение актуальных проблем воспитательно-образовательного процесса. Предлагаемый ресурс предоставляет возможность интерактивного подключения детей к постижению ценностей фольклорного и литературного наследия коми народа. Дидактический материал направлен на интеллектуальное и эстетическое развитие детей. Возможность самопроверки выполненных заданий позволяет повторить и закрепить изучаемый материал, использовать данное пособие на занятиях в школе, а также самостоятельно, в домашних условиях, в кругу семьи. Выполнение на компьютере литературных заданий может быть полезным для вовлечения учащихся в круг чтения на коми языке, а также для развития мышления, внимания, памяти детей. Особенно актуально данное положение для обеспечения современного языкового и литературного образовательного процесса на родном языке.

Представленный ресурс предполагает обучение таким видам деятельности, как проектная, групповая, познавательная, информационная, коллективно-распределенная. Работая с интерактивным учебным пособием «Гулюсянь юӧр», учитель и учащийся могут организовать выполнение всех этапов технологии деятельностного подхода, таких как: 1) самоопределение к деятельности; 2) актуализация знаний; 3) постановка учебной

задачи; 4) решение учебной задачи; 5) первичное закрепление; 6) самостоятельная работа с самопроверкой; 7) включение в систему знаний, повторение. Исходя из нашего опыта мы дополняем этот список необходимым, на наш взгляд, этапом – творческим преобразованием и созданием нового образовательного ресурса.

Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века. – М., 1998. – С. 214.

Леонтьев А.А. Что такое деятельностный подход в образовании? // Начальная школа: плюс-минус. – 2001. – № 1. – С. 3–6.

Остапова Е.В. «Гулюсянь юёр» («Весть от голубя») : мультимедийное учебное пособие на коми языке для учащихся 5–6 классов общеобразовательных школ. Сыктывкар, 2015. URL: <http://fu-lab.ru/uchposobiya> (дата обращения 23.10.2016).

Остапова Е.В. Мультимедийные литературно-образовательные ресурсы на коми языке // Родной язык в современных условиях двуязычия: сборник статей / под общей ред. Е.В. Остаповой и С.Н. Терентьевой. – Сыктывкар: ООО «Издательство “Кола”», 2014. – С. 267–274.

Попова Р.П., Лудыкова В.М., Остапова Е.В., Пунегова Г.В., Молчанова В.А. Кафедра коми и финно-угорской филологии Сыктывкарского государственного университета в условиях меняющейся образовательной парадигмы // Родной язык в современных условиях двуязычия : сборник статей / под общей ред. Е.В. Остаповой и С.Н. Терентьевой. – Сыктывкар: ООО «Издательство “Кола”», 2014. – С. 323–332.

НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ОТДЕЛЬНЫХ «ОСОБЕННОСТЯХ» УДМУРТСКИХ АНАЛИТИЧЕСКИХ ДЕЕПРИЧАСТНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Пишлёгер, Кристиан,
докторант Венского университета (Австрия)
christian.pischloeger@gmail.com

Аналитические деепричастные конструкции или «спаренные глаголы» (о различных названиях ср.: Pischlöger 2001: 45, Honti 2005: 33, Пишлёгер 2013: 202, более подробно о терминологии Bradley 2016: 35-45), как известно, в удмуртском языке образованы сочетанием деепричастий на *-са* с изменяемыми или неизменяемыми формами определенного круга глаголов (Кельмаков 1995: 90). Характерным для этих глаголов является то, что они теряют свое лексическое и семантическое значение и становятся (о терми-

нологии сравни Bradley 2016: 45-47) «вспомогательными глаголами» (Кельмаков 1995: 90). В таком случае мы можем говорить о грамматикализации. В работе М.К. Каракуловой (1987) можно найти примеры спаренных глаголов в удмуртском языке. Например, может меняться порядок слов, при котором финитный глагол опережает деепричастие и стоит перед ним: *лэзь кисьтыса, мед быдтоз уни вераса* (Каракулова 1987:181). М.К. Каракулова также отмечает, что между деепричастием и финитным глаголом могут быть подлежащее, дополнение, обстоятельство места (Каракулова 1987: 181). Именно о таких явлениях и их значении для степени грамматикализации спаренных глаголов в удмуртском языке пойдет речь в данной статье.

Что такое грамматикализация на примере испанского (вспомогательного) глагола «estar»?

Прежде чем говорить об удмуртских спаренных глаголах, хотелось бы привести пример из испанского языка, где произошел подобный процесс грамматикализации сочетания деепричастия с глаголом. Это сочетание служит для образования настоящего продолженного времени, подобно Present Continuous английского языка:

Que tu marido está en la ribera, de la mar et que ha por amigo un ximio; et están ambos comiendo et solazándose (13 th c., Calila e Dimna).

‘that your husband is at the seaside and that he has befriended a monkey; and they are [there] both of them eating and sunning themselves’ / ‘что ваш муж находится у моря и что он подружился с обезьяной; и они [там] оба едят и загорают.’

В испанском языке не произошла фонетическая редукция (Cacoullos – Walker 2011: 227), как в других языках, например в камасинском (Klumpp 2005), и в марийском (Bradley 2016: 79), что характерно для грамматикализации. Но имеются другие показатели грамматикализации сочетания деепричастия и (вспомогательного) глагола, которые можно показать с помощью статистических методов, как это сделали Какоуйос и Вокер (Cacoullos – Walker 2011). Именно смежность/соседство («adjacency»), т.е. отсутствие промежуточных элементов («lack of intervening material»), и взаимосвязь («association»), т.е. отсутствие многократных деепричастий («absence of multiple gerunds»). В течение веков явление смежность/соседство («adjacency») возросло: от 36% в XIII в. до 78% в XIX в. Взаимосвязь («association») возросла с 80% (XIII в.) до 92% (XIX в.) (Cacoullos/Walker 2011: 227-228). Прежде всего смежность/соседство служат свидетельством того, что синтагматическая вариабельность уменьшается с увеличением грамматикализации (Lehmann 1995: 158).

«Особенности» удмуртских спаренных глаголов

По мнению М.К. Каракуловой, приведенные ниже формы являются особенностями удмуртских спаренных глаголов: *Гольык пыд кариськиз, ачамаос кузя тубиз, коньы сюрэ вылтй бызьыса огнал пумысеныз мукет пал пумозяз шыр кадь кошкиз, ява*. ‘Разулся, поднялся по стропилам и, как мышшь, пробежал с одного конца слуги на другой’ (Каракулова 1987: 181–182). В приведенном примере мы видим, что между деепричастием и вспомогательным глаголом находятся семь элементов.

Беднакъёс но батракъёс вылын ворттылыса, вир юисъ чонарыос музэн тордыса кылиллям. ‘Ездили на бедняках и на батраках, набухали, как кровопийцы-пауки’ (Каракулова 1987: 184). В этом примере мы видим, что вспомогательный глагол управляет двумя деепричастиями и между двумя деепричастиями находятся также пять элементов.

Нош Павка Корчагин ке озьы дауртысал? Соос ке тазы бырйиськыса улысалзы? Да ужысь пегаса? Кузь коньдон утчаса? ‘А если бы Павка Корчагин так поступал? Если бы они так выбирали? Да с работы сбегали? Да длинный рубль искали?’ (Каракулова 1987: 184). Как считает М.К. Каракулова, в данных предложениях вспомогательный глагол управляет не только несколькими деепричастиями, между которыми могут находиться другие элементы, но связь может действовать и за пределами предложений.

В других языках такие явления у спаренных глаголов не встречаются, т.е. между деепричастием и вспомогательным глаголом не могут стоять знаменательные слова (Bradley 2016: 74, Ганиев 1963: 38).

Вопросы и выводы

Действительно ли приведенные М.К. Каракуловой примеры являются спаренными глаголами? Приведенные выше примеры дают основание говорить об обратном. Но все же можно предположить, на это имеются некоторые причины: исследователь как носитель языка считает, что свободные сочетания между деепричастиями и вспомогательными глаголами являются спаренными глаголами. А именно другие, так называемые спаренные, глаголы в удмуртском языке не имеют такую сильную связь, как в других языках, где есть аналитические деепричастные конструкции такого же типа. Может быть, удмуртский язык в зависимости от диалектов в различной мере заимствовал некоторые деепричастные конструкции как кальки из соседних языков, но это не стало продуктивной частью удмуртской грамматики, за исключением некоторых периферийно-южных диалектов (по данным Кельмакова 1995). По крайней мере, это слабое соседство/смежность («association») и взаимосвязь («adjacency») вместе с другими факторами:

более редкое использование спаренных глаголов, чем в соседних языках, отсутствие аллегрформ, их сомнительная продуктивность (Пишлëгер 2016), могут быть свидетельством, что они остались на лексическом уровне и не стали частью грамматики.

Ганиев Ф.А. Видовая характеристика глаголов татарского языка. – Казань, 1963.

Каракулова М. К. О некоторых особенностях удмуртских спаренных глагола // Советское финно-угроведение. – Tallinn, 1987. – № 23. – С. 179–185.

Кельмаков В.В. Спаренные глаголы в удмуртском языке: На материале кукморского диалекта // Вопросы удмуртского языкознания : сб. ст. / Удм. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1975. – Вып. 3. – С. 90–105.

Пишлëгер К. Удмуртские аналитические деепричастные конструкции в кросслингвистической перспективе // Языковые контакты народов Поволжья: актуальные проблемы морфологии и синтаксиса : материалы IX Междунар. симпозиума, Саранск, 13–15 июня 2013 г. / редкол.: М.В. Мосин (отв. ред.) [и др.]. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. – С. 202–208.

Пишлëгер К. Еще раз об аналитических деепричастных конструкциях в удмуртском языке. 2016 (в печати)

Bradley J. Mari Converb Constructions: Productivity and Regional Variance. – Wien, 2016.

Cacoullos R.T., Walker J.A. Collocations in Grammaticalization and Variation. // Bernd Heine & Heiko Narrog (eds.). The Oxford Handbook of Grammaticalization. 2011. – P. 225–238.

Honti L. Uráli «páros igék». / L. Honti // Folia uralica debreceniansa 12./ подред. L. Keresztes и др. – Debrecen: A Debreceni egyetem finnugor nyelvtudományi tanszékének kiadványai, 2005. – С. 61–84.

Klumpp G. Aspect markers grammaticalized from verbs in Kamas. Acta linguistica hungarica. – Vol. 52. – 2005. – P. 397–409.

Lehmann Ch. Thoughts on grammaticalization (LINCOS studies in theoretical linguistics 01). Lincom. – München – Newcastle, 1995.

Pischlöger Ch. Hilfsverbverbindungen in einigen uralischen und nichturalischen Sprachen // Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum: 7. – 13.8.2000 Tartu. 6, / под ред. Т. Seilenthal. – Tartu, 2001. – С. 45–52.

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ НАЗВАНИЙ ПРАЗДНИКОВ В РЕЧИ СЕВЕРНЫХ КОМИ-ПЕРМЯКОВ

Л.Г. Пономарева,

исследователь коми-пермяцкого языка,

Общественная организация «Живой язык», г. Хельсинки

dojegpl@gmail.com

В жизни каждого человека праздники занимают особое место, они отличают будни, дают повод для веселья и отдыха. В традициях проведения праздников теми или иными народами проявляются их особенности культуры и мировосприятия.

Как у многих народов, у коми-пермяков народные праздники и почитаемые дни связаны с датами православного календаря. При этом, как показывают полевые материалы, в праздновании многих христианских праздников у коми-пермяков отмечается множество языческих обрядов. Можно сказать, что в традициях проведения христианских праздников у коми-пермяков мирно сосуществуют и православие, и язычество. А.В. Черных (2007) отмечает, что на календарную обрядность коми-пермяков оказали влияние традиции соседнего русского населения. В то же время в народном календаре коми-пермяков имеются обряды, которые сближают их с другими финно-угорскими народами Поволжья и Приуралья.

Описанию праздников у коми-пермяцкого народа посвящено немало работ (Рогов 1860; Добротворский 1883; Струминский 1904; Белицер 1958; Климов, Чагин 2005; Черных 2007 и др.). В данной статье анализируются наименования праздников с лингвистической точки зрения, что до сих пор не нашло отражения в трудах ученых. Фактическим материалом для написания статьи послужили коми-пермяцкие диалектные тексты северного наречия¹, собранные автором с 1999 г. по 2015 г. в северных районах Коми-Пермяцкого округа. В этих диалектных текстах нашли отражение 29 наименований праздников северных коми-пермяков. Отметим, что при записи диалектных текстов мы не концентрировались на фиксации именно этой лексико-тематической группы, поэтому данная статья не претендует на полное освещение предложенной темы. Диалектный материал собирался без опоры на какую-либо специальную программу, он отражает разные аспекты духовной и материальной культуры северных коми-пермяков, в том числе некоторые названия праздников, которые здесь будут проанализированы с лингвистической точки зрения.

¹ Книга, отражающая речь северных коми-пермяков на современном этапе, находится в печати.

Зафиксированный материал по данной проблеме показывает, что северные коми-пермяки для передачи понятия *праздник* используют русское слово *пра-з'н'ик* (д. Кышка Коч. р.: *о-джджык си-йа пра-з'н'икыс ло-ктö, дак сурсö кэ-рам, с'уро-мкасö...* 'Раньше [как] праздник-то приближается, так готовим пиво, крепко настоящее домашнее пиво...') Следует отметить, что в прошлом в языке коми-пермяков для обозначения этого понятия существовало свое исконное слово *вежалун* (букв. 'святой день'). Об этом говорят данные Коми-пермяцко-русского словаря 1985 г., где это слово зафиксировано с пометой устаревшее. В последнее время в Коми-Пермяцком округе пытаются эту исконную лексему вернуть в активный словарный состав, ее используют на телевидении и в газетах. Наряду с этим словом для передачи понятия *праздник* также нередко можно услышать слово *гажлун* или *гажалун* (букв. 'веселый день'). К сожалению, эти исконные слова в значении *праздник* в большей степени можно услышать в речи коми-пермяцкой интеллигенции, другие же носители коми-пермяцкого языка для передачи этой семантики используют русское слово.

Для передачи значений *праздновать, гулять* северные коми-пермяки также пользуются словами, заимствованными из русского языка:

– *празну-йтны* 'праздновать' (д. Кышка Коч. р.: *празну-йтлисö та-тöн возн'эс'э-н'ийэ*. 'Праздновали здесь Вознесение');

– *гул'а-йтны* 'гулять' (с. Кочевое Коч. р.: *о-джджык ой кыдз гул'а-йтисö!* 'Раньше ой как гуляли во [время праздников]!').

Значение *веселиться*, что является одним из основных действий во время празднования, передается исконным словом *га-жöччыны* (д. Пыдосово Кос. р.: *кутшиö-м ко-ркö пра-з'н'икыс вö-ли?! а ры-тнас тö-кö и га-жöччисö, по дома-м вэ-тлötисö. гармо-шка*. 'Какой раньше праздник-то был?! А вечером только и веселились, по домам ходили с гармошкой').

Суровый климат, каждодневный тяжелый труд, отсутствие еды наложили свой отпечаток на проведение праздников северными коми-пермяками. Многие из информантов сообщают, что они не отмечали праздники или праздновали их очень скромно: (пос. Жемчужный Гайн. р.: *у-мöл'а о-лимö. мэ бы-дми, рошво-сö эк тö-длы, н'э строи-чаэсö, гөрны, уджалны ко-лö. пра-з'н'икйэсö эг и адзды-ллы. н'э-мэн празну-йтны, н'а-н'ыс эд а-бу. с'о-йны а-бу*. 'Плохо мы жили. Я росла, ни Рождества, ни Троицу не знала, надо пахать, работать. Праздники я и не видела. Нечем праздновать, хлеба ведь нет. Кушать нечего. '; д. Пыдосово Кос. р.: *гаври-лов д'эн'. ко-миöн вöл пра-з'н'ик шу-ллимö... то-л'ко йурбы-тлисö. э-зö эд э-тадз йö-ктыллö, да с'ы-ллö, да мый*. 'Гаврилов день. По-коми Лошадиным праздником называли... Только молились. Не танцевали, не пели и [не веселились] ведь [по-разному] так, [как сейчас]'; д. Пыдосово Кос. р.:

вёл пра-з'н'ик... ко-ркё лэ-ччасё кы-дзыс ды-нё. лэ-ччасё, йу-рбытасё, и ка-йёны, и му-нёны на рабо-ту. 'Лошадиный праздник... Раньше спустятся к березе. Спустятся, помолятся, и [обратно] поднимаются, и идут на работу'. Однако это не говорит о том, что северные коми-пермяки совершенно не знают праздников. Данные этнографических исследований, а также собранный нами материал по данной проблеме говорят о функционировании большого разнообразия праздников в жизни северных коми-пермяков.

Собранный лексический материал о наименованиях праздников у северных коми-пермяков позволяет классифицировать их по следующим тематическим группам:

1. Названия национальных языческих праздников (2):

Пестера: *нэс'т'эра* (с. Большая Коча Коч. р.) ~ *нэс'т'э-ра* (д. Петухово Коч. р.). Этот праздник не имеет фиксированной даты в календаре, отмечается перед Троицей. Люди в этот день ходят молиться на старые захоронения давно умерших предков, чтобы снять проклятия умерших. По мнению жителей Кочевского района, данный обряд получил название от слова *нэс'т'э-р* 'пестерь, кузов (из берёсты для ягод, грибов и т. п.)' (КПРС 1985), куда люди складывают еду, питье для поминок. Лексема *нэс'т'э-р* является заимствованной из русского языка – *пестерь* 'средней величины корзина, по грибы, по ягоды, которую носят на спинѣ' (Даль 1990 (III): 104);

День смены травы: *туру-н вэжа-н лун* (с. Большая Коча Коч. р.). Отмечается в Кочевском районе в конце июля, когда в лесу отцветут цветы и на них появятся семена (Климов, Чагин 2005: 173). По мнению Г. Н. Чагина (Климов, Чагин 2005: 177), праздник с цветами обозначал в народном календаре границу сезонов: цветущего растительного мира и угасающего, но обязательно продолжающегося. Название праздника исконное, состоит из трех компонентов: *туру-н* 'трава', *вэжа-н* 'сменяющий' (от *вэжны* 'сменять') и *лун* 'день'.

2. Названия праздников церковного православного календаря (21):

День Святой Троицы (сокр. Троица): *тро-ица* (д. Кукушка Коч. р.) ~ *тро-ича* (с. Большая Коча Коч. р.) ~ *стро-ица* (д. Петухово Коч. р.) ~ *строи-ца* (д. Лямпино Кос. р.) ~ *стрöи-ча* (пос. Верхний Будым Гайн. р.);

Масленица: *ма-с'л'эн'ица* (д. Петухово Коч. р.) ~ *ма-сл'эн'ица* (пос. Гайны Гайн. р.);

Великий четверг: *ыджы-т чэт'вэ-рг* (д. Лобозово Коч. р.) ~ *ы-джыт чэ-твэрг* (с. Большая Коча Коч. р.) ~ *ыджы-т чэт'вэ-рк* (д. Малая Коча Коч. р.) ~ *ы-джыт чэтвэ-рк* (д. Петухово Коч. р.) ~ *ы-джыт чэтвэ-рг* (д. Абрамово Кос. р.) ~ *чи-стой чэтвэ-рг* (д. Абрамово Кос. р.) ~ *чи-стой чэ-т'вэ-рк* (пос. Жемчужный Гайн. р.);

Светлое Христово Воскресение, Пасха: *па-ска* (д. Кышка Коч. р.) ~ *па-сха* (д. Чазёво Кос. р.) ~ *ы-джыт лун* (д. Пыдосово Кос. р.) ~ *ыджыт лун* (д. Лямпино Кос. р.) ~ *паска-кристо-вöй го-спод'н'а* (пос. Жемчужный Гайн. р.);

Крещение Господне: *крэс'э-н'н'о* (с. Большая Коча Коч. р.) ~ *крэшэ-н'н'э* (д. Маскали Кос. р.) ~ *крэшэ-н'н'о* (пос. Сергеевский Гайн. р.);

Рождество Христово: *рожд'эство* (д. Малая Коча Коч. р.) ~ *рöшво* (д. Пыдосово Кос. р.) ~ *рöжд'эство* (пос. Сергеевский Гайн. р.) ~ *рошво* (д. Мысы Гайн. р.);

Вознесение Господне (Вознесение): *возн'эс'э-н'ийэ* ~ *возн'эс'э-н'н'о* (д. Кышка Коч. р.);

День Святителя Николая Чудотворца (Никола Зимний): *а-рс'а мико-ла* букв. 'Осенний Никола' (с. Кочево Коч. р.);

День Святителя Николая Чудотворца (Никола Летний, Никола Вешний): *ту-лыс'с'а мико-ла* букв. 'Весенний Никола' (с. Кочево Коч. р.) ~ *ту-лыс'с'а ми-кола* (пос. Жемчужный Гайн. р.);

Петров день: *пэты-р лун* (д. Малая Коча Коч. р.);

Ильин день: *ил'йи-н д'эн'* (д. Иванчино Гайн. р.) ~ *и-л'л'а лун* (пос. Сергеевский Гайн. р.);

Егорий Вешний: *його-рöй* (д. Пыдосово Кос. р.);

День Фрола и Лавра: *прол и ла-вры* (д. Чазёво Кос. р.) ~ *про-ллуи* (пос. Жемчужный Гайн. р.);

Семика: *с'э-мик* (пос. Верхний Будым Гайн. р.) ~ *с'эми-к* (д. Чазёво Кос. р.);

Макаров день: *мака-ров д'эн'* (д. Ошово Коч. р.);

Покров день (Покров): *покро-л* (д. Лямпино Кос. р.);

День Казанской иконы Божией Матери: *каза-нка* (д. Петухово Коч. р.);

Святки: *свэт'т'о* (д. Малая Коча Коч. р.);

Введение во храм Пресвятой Богородицы: *вэд'э-н'овка* (д. Кышка Коч. р.);

День великомученицы Параскевы, нареченной Пятница: *параскэ-вы пйа-т'н'ицы* (д. Чазёво Кос. р.);

Гаврилов день: *гаври-лов д'эн'* (д. Бачманово Кос. р.) ~ *вöл пра-з'н'ик* букв. 'Лошадиный праздник' (д. Пыдосово Кос. р.);

Аграфена Купальница: *купа-л'н'ица* (д. Подгора Кос. р.).

3. Трудовые праздники, связанные с хозяйственными занятиями коми-пермяков (1):

Дожинки: *выжимнö-й бра-га* (д. Митино Коч. р.) ~ *вы-жиннöй бра-га* (д. Несоли Кос. р.). Праздник отмечается осенью в честь завершения уборки урожая с приготовлением разного питья: сюромки 'крепко настоящее домашнее пиво', браги и домашнего пива. Наименование праздника состоит из двух компонентов, заимствованных из русского языка. Прилагатель-

ное *выжмнӧ-й* ~ *вы-жиннӧй* образовано от русского глагола *выжинать* – сымать серпом всю жатву (Даль 1989 (I): 289).

4. Государственные праздники, установленные государством, зафиксированные в советском календаре и связанные с разными историческими событиями (1):

День Великой Октябрьской социалистической революции: *с'эд'мо-вонойабрйа* (пос. Верхний Будым Гайн. р.). Праздник получил название от даты его празднования, восходит к русскому грамматическому оформлению, указывающему на время.

5. Исторические праздники, связанные с разными историческими событиями и эпохами (1):

Старый Новый год: *ста-рӧй но-вӧй год* (д. Мысы) ~ *ста-рӧй но-вӧй гӧд* (пос. Верхний Будым Гайн. р.). Название праздника представляет собой заимствование из русского языка.

6. Семейные праздники, связанные с частной жизнью людей (3). В нашем распоряжении имеются только такие названия праздников, которые связаны со свадьбой и поминками, а именно:

Свадьба: *сва-д'ба* (д. Кукушка Коч. р.);

Поминки на девять дней: *д'эвэт'и-на* (д. Малая Коча Коч. р.);

Поминки на сорок дней: *сорочи-ны* (д. Малая Коча Коч. р.).

Все эти названия семейных праздников по происхождению являются русскими заимствованиями.

Из приведенного материала нетрудно заметить, что подавляющее большинство зафиксированных наименований праздников по происхождению являются заимствованиями из русского языка. Помимо этого, наименования праздников в речи северных коми-пермяков имеют разнообразные варианты, которые обусловлены:

1) действием фонетических законов коми-пермяцкого языка при заимствовании наименований праздников из русского языка:

а) отсутствующие в фонемной системе коми-пермяцкого языка русские согласные [ц], [х] и [ш] в наименованиях праздников могут передаваться носителями северных говоров без изменений, или же эти согласные заменяются своими исконными звуками: русское [ц] → коми-пермяцким [ч], русское [х] → коми-пермяцким [к], русское [ш] → коми-пермяцким [ш] или [с']: *тро-ица* ~ *тро-ича* 'Троица', *па-сха* ~ *па-ска* 'Пасха', *крэс'э-н'н'о* ~ *крэшэ-н'н'э* 'Крещение Господне';

б) русские сочетания согласных, являющиеся неудобными для коми-пермяцкого языка, могут передаваться более удобным способом:

– к русскому начальному сочетанию *тр-* добавляется согласный *с-*: *стр-*: *тро-ица* ~ *стро-ица* 'Троица';

– сочетание согласных *-жд'*- может упрощаться до единичного согласного *-ш-*: *рожд'эство* ~ *рöшво* 'Рождество Христово';

в) на месте русского гласного *о* может выступать *ö*, как во многих русских заимствованиях, встречающихся на территории проживания северных коми-пермяков: *тро·ица* ~ *стрöи·ча* 'Троица', *рожд'эство* ~ *рöжд'эство* 'Рождество Христово';

2) колебанием ударения: *пэс'т'эра* ~ *пэс'т'э·ра* 'Пестера', *тро·ица* ~ *строи·ца* 'Троица', *ы·дэжыт лун* ~ *ыдэжы·т лун* 'Пасха';

3) функционированием исконного (коми-пермяцкого) названия праздника наряду с русским: Пасха: *па·сха* ~ *ы·дэжыт лун* букв. 'Большой день'; Ильин день: *ил'йи·н д'эн'* ~ *и·л'л'а лун*; Гаврилов день: *гаври·лов д'эн'* ~ *вöл пра·з'н'ик* букв. 'Лошадиный праздник';

4) существованием полного названия праздника и его упрощенной формы: *паска кристо·вöй го·спод'н'а* ~ *па·ска* 'Пасха';

5) наличием двойного (прямого и переносного) наименования праздника в народе: *ы·дэжыт чэ·твэрг* ~ *чи·стой чэ·твэ·рг* 'Великий четверг (Страстной четверг, Чистый четверг)'. *Великий четверг* получил в народе второе название *Чистый четверг* в силу того, что по представлениям людей к этому дню надо в доме всё вымыть и навести порядок.

Проанализированный материал по предложенной теме позволяет сделать следующие выводы:

1. Наша статья представляет собой первый опыт анализа названий праздников, встречающихся в речи северных коми-пермяков. Как указывалось выше, статья основывается на материале, сбор которого не предполагал фиксацию именно этой лексико-тематической группы, поэтому в нем названия праздников отразились далеко не в полной мере. Для полного представления системы наименований праздников у коми-пермяков необходимы дальнейшие специальные исследования по этой теме.

2. Проанализированный материал по данному вопросу показал, что в системе народных праздников у северных коми-пермяков имеется большое количество названий праздников церковного православного календаря. Помимо этого наличествуют наименования своих национальных языческих праздников, а также государственных, исторических, трудовых и семейных.

3. По происхождению большинство зафиксированных нами названий праздников являются заимствованными из русского языка.

4. Названия праздников у северных коми-пермяков характеризуются большой вариативностью, которая обусловлена разными причинами.

Сокращения

Коч. р. – Кочёвский район; *Кос. р.* – Косинский район; *Гайн. р.* – Гайнский район.

Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми XIX – начала XX вв. – М., 1958.

Даль 1989 (I) – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Изд-во Русский язык, 1989. – Т. 1. – 699 с.

Даль 1990 (III) – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Изд-во Русский язык, 1990. – Т. III. – 556 с.

Добротворский Н. Пермьяки // Вестник Европы. – 1883. – № 4.

Климов В.В., Чагин Г.Н. Круглый год праздников, обрядов и обычаев коми-пермяков. – Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 2005. – 256 с.

КПРС 1985 – Коми-пермяцко-русский словарь / Р.М. Баталова, А.С. Кривошекова-Гантман; Ин-т языкозн. АН СССР. – М.: Рус. яз, 1985.

Рогов Н.А. Материалы для описания быта пермяков. – М., 1860.

Струминский В.Я. Современные пермяки в отношении религиозном и нравственном // Пермские епархиальные ведомости. – 1904. – № 30–40.

Черных А.В. Народы Пермского края. Культура и этнография. – Пермь, 2007. URL: <http://www.culturemap.ru/?region=140&topic=13&subtopic=46&id=2276> (дата обращения: 27.04.2016).

УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ В АССОЦИАТИВНОМ ПОЛЕ КОМИ-ПЕРМЯКОВ

О.А. Попова,

директор МБУ ДПО «Межшкольный методический центр»
olga.popova.00@mail.ru

Природа, являясь средой обитания этноса, оказывает влияние на психологический склад народа, его социальные, духовные, культурные ценности. Одной из форм репрезентации национально-культурного образа природы выступает ассоциативное поле (АП).

Представленное исследование строится на материале свободного ассоциативного психолингвистического эксперимента. Целью его явилось исследование культурно-национальной специфики устойчивых сравнений, употребляемых коми-пермяками для установки типичных эталонов человека, связанных с его внешними и внутренними качествами.

Данная цель решает следующие задачи: 1) определить, как коми-пермяцкий язык будет категоризировать в своих эталонах национальное поведение человека; 2) установить наиболее частотные реакции, в которых коми-пермяк оценивает самого себя; 3) выявить, как влияет прошлый и современный опыт человека при описании самого себя.

Для достижения поставленной цели и решения задач нами была выдвинута гипотеза: будучи вписанными в природу, коми-пермяк с детских лет мыслит и соотносит себя как природное существо. Все, что связано с мышлением, социальными и духовными ценностями человека, должно соотноситься с природными объектами.

Эксперимент проводился на родном языке со студентами 1–5 курсов коми-пермяцкого отделения филологического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета г. Перми. В эксперименте приняли участие 60 респондентов. Получено 972 ответа. Для исследования нами использовалась тематическая группа, состоящая из 18 слов-стимулов, включающих динамическую, эмоциональную характеристику человека, свойства его характера и поведение для сравнения с объектами внешнего мира. Однотипные ассоциативные реакции рассматривались нами как типичные для группы испытуемых, а также для языковой национальности в целом. Единичные ответы рассматривались в том случае, если имели долю уникальности, специфичности в ассоциативном поле.

Испытуемым была предложена следующая анкета:

<i>Видзöтö кызд...</i>	<i>Ошшасьö кызд...</i>
<i>Горöтö кызд...</i>	<i>Повзьöм кызд ...</i>
<i>Горзö кызд...</i>	<i>Ситалö кызд ...</i>
<i>Думайтö кызд...</i>	<i>Сейö кызд...</i>
<i>Котöртö кызд...</i>	<i>Сералö кызд...</i>
<i>Кылö кызд...</i>	<i>Сярзьö кызд...</i>
<i>Лöгасьö кызд ...</i>	<i>Уджалö кызд...</i>
<i>Ляксьö кызд ...</i>	<i>Узьö кызд...</i>
<i>Мунö кызд...</i>	<i>Юö кызд...</i>

Среди задействованных устойчивых сравнений-стимулов выделяются следующие тематические группы:

– сравнения, отражающие динамическую характеристику человека: *мунö кызд/идет как, узьö кызд/спит как, видзöтö кызд/смотрит как, уджалö кызд/работает как, котöртö кызд/бежит как, ситалö кызд/испражняется как;*

– сравнения, демонстрирующие его интеллектуальные свойства: *думайтö кызд/думает как;*

– сравнения, характеризующие поведение: *сёйö кызд/ест как, оишасьö кызд/хвастается как, ляссьö кызд/лепится как, кылö кызд/слышит как, юö кызд/пьёт как;*

– сравнения, рисующие картину эмоциональной характеристики: *лöгасьö кызд/обижается как, повзьöм кызд/испугался как, сярзьö кызд/трещать как, сералö кызд/смеется как, горзö кызд/плачет как, горötö кызд/кричит как.*

Рассмотрим результаты эксперимента по каждой тематической группе.

1. Устойчивые сравнения, являющиеся стимулами для динамической характеристики человека.

Ядро АП *мунö кызд/идет как* представлено разными синтагматическими атрибутивными реакциями, которые описывают характеристики движения – интенсивность, манеру: *ош/медведь (9%), мös/корова (9%), черепаха (10%), код/пьяный (13%), öшöм/потерявшийся, тормоз, шатласьö/качается* Оди-ночные реакции: *роч акань/русская кукла, модель, чегöм/сломанная, руч/лиса* передают представления коми-пермяка о красоте движения.

Котöртö кызд/бежит как. Большая часть реакций этого АП относится к ядру, что составляет 35% от АП. Ядро представлено синтагматической реакцией: *вöв/лошадь.* Часть АП представлена именными реакциями: *ю/река, шор/ручей, Иньва (12%).* В сознании этноса слова *котöртö/бежит* и *ю/река* сливаются в единый образ, представляющий уже систему экологических ценностей.

Центр АП *видзötö кызд/смотрит как* составляют синтагматические реакции: *кöин/волк (13%), кырныш/ворон, (кай)варыш/ястреб (10%).* Периферию ядра составляют реакции: *тупка, сюзь/сова, филин (5%), враг, надзиратель (5%).* Все ответы корреспондентов обозначают диких хищников, представителей животного мира и имеют отрицательную коннотацию. Подобное значение имеют реакции, представленные фразеологизмами: *век адззывлытöм/букв. век невидимый, бытьтö некöр эз адззыв/букв. будто никогда не видел(а) (5%).* Объясняется подобная недоверчивость в подсознании народа, видимо, тем, что в нем прочно сидит пережиток к боязни сглаза.

43% ядра АП сравнения-стимула *уджалö кызд/работает как* занимает синтагматическая реакция *вöв/лошадь.* У коми-пермяков это животное издревле олицетворяет мощь, силу, выносливость. По 6% занимают реакции: *ош/медведь, кöдзыв/муравей, мош/пчела.* Периферию АП представляют одиночные реакции, выраженные словосочетаниями и связанные с устоявшейся народной оценкой: *бур работник/хороший работник, бур мужик/хороший мужик, бытшöм морт/хороший человек.* Реакция *батрак* напоминает о прошлом историческом народа.

Ядро АП *узъё кыдз/спит как* представлено реакциями: *кань/кошка, кот* (28%), *ош/медведь* (11%), *суслик, сурок* (6%), *тупка, сюзь/филин, сова* (5%). Все перечисленные объекты животного мира известны своей способностью к долгому сну. Периферийные реакции указывают на степень действия: *кага/ребенок, младенец* (8%), *кулём/умерший* (7%), *паровоз* (4%), *пожарный, богатырь*.

АП *ситалё кыдз/испражняется как* показывает, что для коми-пермяка данное действие – это прежде всего естественный физиологический процесс, поэтому сравнение в сознании народа происходит по объему результата действия: *мёс/корова* (28%), *вёв/лошадь* (13%), *баля/овца* (11%), *гут/муха* (7%).

Таким образом, национальное восприятие движения актуализируется природными объектами, обозначающими прежде всего действия диких и домашних животных, окружающих человека.

2. Следующая группа, демонстрирующая интеллектуальные свойства человека дана одним устойчивым сравнением стимулом: *думайтё кыдз/думает как*. Ядро АП (35%) представлено синонимичными реакциями, дающими уважительно положительную оценку данному внутреннему процессу: *учёной/ученый, велётись/учитель, умной/умный, Ленин, Эништейн, депутат, профессор, ФЕ ыджыт юра/с большой головой, Дом Советов*. И наоборот, одиночные реакции в своей массе имеют отрицательную коннотацию: *баран, ош/медведь, индюк, тугодум, таракан, пу/дерево, тупка/сова, ФЕ бытьтё эм мый думайтны/будто есть, о чем думать* и др.

3. Устойчивые сравнения, являющиеся стимулами для характеристики поведения человека.

Центр ядра АП *сёйё кыдз/ест как* представлено реакцией *порсь/свинья* (50%). Осуждение ли это самого действия или указание на большой объем принимаемой пищи? Думается, что вторая частотная реакция *мёс/корова* (11%) поддерживает второе значение. Одиночные реакции: *ашной/алчный, прожорливый, пёттём/ненаедающийся, тшыг/голодный* поддерживают указание на физическое состояние человека.

Национальное сознание отвергает хвастливое поведение для всего этноса, осуждает данный процесс. Наверное, этим объясняется факт того, что в основе АП *ошшасьё кыдз/хвастается как* лежат самые разнообразные реакции-сравнения, основанные не на реальных, а на фольклорных и литературных образах: *руч/лиса* (25%), *рака/ворона* (12%), *нетук/нетух* (8%), *царевна*. Реакция *роч/русский* конкретизирует, переводит подобное поведение на другой этнос. В периферийных реакциях: *кыдз воныс/как его брат, кыдз соседыс/как его сосед*, происходит конкретизация данного поведения на определенный объект с отрицательной коннотацией.

Ядро АП *ляксё кыдз/лепится как* состоит из одной реакции *корёсь лист/ (банный) лист* (36%). Ее значение представлено неприемлимым отношением человека к подобному поведению. Оно поддерживается и другими реакциями АП: *сир/смола* (23%), *шишибар* (10%), *ма/мед* (5%), *гут/муха* (5%).

В АП *кылё кыдз/слышит как* реакции носителей коми-пермяцкого языка составили две противоположные по значению группы: «плохо слышать» – «хорошо слышать». Первая группа представлена реакциями: *тупка, сюзь/филин, сова* (20%), *пёрись баб/старая бабушка* (10%), ФЕ *вукёй пешня/глухая пешня*. Вторая группа – реакциями: *пон/собака* (13%), *кай/птица* (6%), *кань/кошка, кот*.

Ядро АП *юё кыдз/пьёт как* составляют реакции: *мёс/корова* (43%), *вёв/лошадь* (13%), *баля/овца* (8%), *кукань/теленоч* (8%), в значении «о много пьющем человеке». Думается, данные реакции поддерживают осудительное поведение человека, увлекшегося горячительными напитками. Народная оценка выражена и в одиночных реакциях: *(век) пётлытём/(век) ненасытившийся, прорва*.

Итак, видим, что наиболее частотными в анализируемой тематической группе сравнений-стимулов являются реакции, где положительное и отрицательное поведение человека, сопоставляются с определенными действиями и поведением таких домашних и диких животных, как *пон/собака, кань/кошка, мёс/корова, пороз/бык, руч/лиса*.

4. Исследователями пермских народов отмечается, что «характер пермских народов формировался под воздействием климата, почв и рельефа; под их влиянием складывались особые формы социальных отношений, традиции и обычаи» (Шкляев 1998: 7). Обильных выражений чувств и эмоций у типичного коми-пермяка не проявляется, ему присущи сдержанность и молчаливость. Находим этому факту подтверждение и в нашей анализируемой группе устойчивых сравнений, являющихся стимулами для характеристики эмоциональных качеств и свойств коми-пермяка.

В АП *лөгасё кыдз/обижается как* лексическое ядро составляют реакции: *пороз, ошка/бык* (13%), *кёин/волк* (10%), *пон/собака* (8%), *баран* (6%). Перечисленные животные – представители животного мира, характеризующиеся своей силой, непримиримостью, упрямостью. И наоборот, непосредственность анализируемого состояния человека выражена реакцией *кага/ребенок, младенец* (13%).

50% ответов-реакций в АП *повзём кыдз/испугался как* приходится на лексическое ядро *кёч/заяц*. Периферию АП составляют антонимичные между собой реакции: *шыр/мышь* (6%) и *кань/кошка, кот* (6%). Появление реакции *баля/овца* (5%) основано на коми-пермяцком фразеологизме

шардём (йёймём) баля/дикая овца. Вновь зафиксирована реакция *кага/ребенок, младенец* (3%).

Ядро АП *сералё кыздз/смеется* как представлено типичной реакцией *вёв/лошадь* (46%), имеющей отрицательную, осуждающую оценку. В антонимичном АП *горзё кыздз/плачет* как центр ядра выражен лексемой *кага/ребенок, младенец* (55%), имеющей значение «естественное поведение». Другое значение данного АП «несвойственное поведение» поддерживается реакциями: *кань/кошка, кот* (10%), *бёбёв/ненормальный* (7%), *кукань/теленок* (5%), *нывка/девушка, девочка* (5%), *няру/няра*.

Центр ядра АП *горётё кыздз/кричит* как составляет реакция *кага/ребенок, младенец* (55%) со значением «естественное состояние, поведение при определенных условиях». Противоположное значение «неестественное поведение» несут в себе остальные периферийные реакции АП: *няру/няра, нывка/девочка, девушка, бёбёв/неонормальный, инька/женщина, кань/кошка, кот*.

АП *сяззё кыздз/трещать* как неоднородно. Ядро составляют реакции: *рака/ворона* (12%), *катша/сорока* (10%), *кай/птица* (6%). Выбор данных лексем объясняется, видимо, тем, что коми-пермяк по своей природе немногословен, краток в своих речах и мыслях, поэтому он осуждает в своем сознании тех, кто много и долго говорит. Подтверждение данному факту находим и на периферии АП: *тараторка, базар вылын/на базаре, сяркан/колокол, (тарзан) баля/(блеющая) овца*.

Итак, проведенный нами эксперимент является ценным источником информации, который позволил выявить объективно существующую в сознании носителей языка связь между словом и реалиями окружающего мира. Экспериментальные данные дают основание выделить стереотипные сравнения, эталоны, характерные для носителей определенного языка, культуры, отражающие не только национальное мировидение, но и национальное миропонимание, то, чем образно измеряется мир носителей языка. Для коми-пермяцкого народа среди таких эталонов выделяются следующие лексемы:

ош/медведь – символ леса, его хозяин, олицетворение силы. Образ медведя возникает при таких сравнениях, как: *уджалё кыздз/работает как, мунё кыздз/идет как, узьё кыздз/спит как*;

вёв/лошадь – образ лошади в сознании коми-пермяков неотъемлем от образа силы, мощи, тяжелого труда, терпения. Он возникает при сравнениях типа: *уджалё кыздз/работает как, котёртё кыздз/бежит как*;

мёс/корова – образ коровы является символом кормилицы, она – источник пропитания человека, его семьи. Но содержание животного и уход за ним требует больших усилий, терпения, поэтому лексема *мёс* – центральная в АП: *сёйё кыздз/ест как, юё кыздз/пьет как, ситалё кыздз/испражняется как*;

пон/собака – верный и надежный друг человека, его охрана, помощник в охоте. Лексема *пон* является ядром АП: *видзётö кыздз/смотрит как, кылö кыздз/слышит как, лögасьö кыздз/обижается как*;

кань/кошка – символ дома, домашнего уюта, спокойной и сытной жизни. Данная лексема встречается почти во всех АП, отражающих динамические и эмоциональные характеристики. Но надо заметить, что возникает она и в одном ряду с лексемами: *пон/собака, кöин/волк*;

кага/ребенок, младенец – появляется в сознании коми-пермяка при презентации образа природы в своей естественности, непосредственности, целомудренности: *узьö кыздз/спит как, повзьöм кыздз/испугался как, лögасьö кыздз/обижается как, сералö кыздз/смеется как, горзö кыздз/плачет как*.

Сравнения в АП коми-пермяков происходят с фольклорными персонажами (*лешак, царевна, богатырь*), географическими объектами (*Иньва*), социальным положением (*профессор, инвалид, сосед, богатöй*), возрастом и национальностью (*пöрись старука/старая старуха, пöрись дед/старый дед, роч/русский, тунгус*), определенной профессией (*спортсмен, философ, депутат, комик, пожарнöй/пожарный*).

На одно слово-стимул могут встретиться синонимичные либо антонимичные реакции, например: *кырныш/ворон, (кай)варыш/ястреб; учёнöй/ученый, умнöй/умный, ьдэжыт юра; шыр/мышь* – *кань/кошка, кот*.

Различие ответов-реакций проявляется на уровне диалектов языка, например, в АП *горётö (ыксö) кыздз/кричит как* реакции: *арттöм, ылöстöм* в значении ‘глупый, бестолковый’, представлены северными диалектами коми-пермяцкого языка, а реакция *бöбöв* – южными диалектами.

По своей структуре реакции в основном простые, однословные, но встречаются свободные словосочетания (*бытшиöм морт/хороший человек, роч акань/русская кукла, пöрись баб/старая бабушка*) так и фразеологически связанные (*век бы эз адззыв/век бы не видел, вукöй пешня/глухая пешня, век тшыг/век голодный*).

Несомненно, современная действительность, культура наложили отпечаток на сознание сегодняшнего коми-пермяка. Мышление на русском языке, русские языковые штампы прочно входят в речь коми-пермяка (реакции на русском языке: *трактор, умный, депутат, на всю Ивановскую* и др.).

Таким образом, в ассоциативных полях устойчивых сравнений конкретного этноса находят выражение и национальный тип поведения этноса, и его внешний и внутренний мир, и психологический портрет.

Об этнической психологии удмуртов : сб. статей / сост. Г.К. Шкляев. – Ижевск, Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1998. – С. 5–25.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВАРИАТИВНЫХ ЛИЧНО-ЧИСЛОВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ГЛАГОЛА В КОМИ И КОМИ-ПЕРМЯЦКИХ ДИАЛЕКТАХ

Р.П. Попова,

зав. кафедрой финно-угорской филологии
и национального образования
ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»
rimmapp@mail.ru

Вариативность свойственна любому языку и может проявляться на всех уровнях его функционирования: фонетическом, лексическом и грамматическом. На уровне грамматики она проявляется в том, что одна и та же грамматическая форма может быть использована для выражения различного содержания или одно и то же содержание может быть выражено различными грамматическими формами.

Категория лица-числа является одной из основных грамматических категорий глагола в коми языке. Коми и коми-пермяцкие диалекты отличаются наличием большого количества вариативных форм лично-числовых показателей глагола (Попова, Сажина 2014: 197–211; Цыпанов 2005). Следует отметить, что в диалектах коми-пермяцкого языка их значительно меньше, чем в диалектах коми языка. В данной работе в качестве объекта исследования выбраны глаголы 2-го лица единственного и множественного числа. Функционирование вариативных форм обусловлено рядом причин, на которых хотелось бы остановиться в данной статье.

1. Наличие в коми и коми-пермяцких диалектах междиалектных корреспонденций гласных *ö~э*, *ы~и* стало причиной возникновения следующих вариантов:

а) суффикса 2-го лица единственного числа II неочевидного прошедшего времени: *-öмыд* (лл., вс., сс., скр., печ., вым., уд.), *-эмид* (вв.), – *öмыт*, *-öмат* (мыс., к-кам., коч., к-иньв., оньк.), – *эмыт* и *-эмат* (луп.): лл. *мунöмыд* «ты, оказывается, ушел», *пуктöмыд* «ты, оказывается, положил» (ЛЛД, 79); вс. *мунöмыд*, *пуктöмыд* (ВСД, 119); скр. *мунöмыд*, *пуктöмыд* (ПСД, 131); вым. *мунöмыд*, *пуктöмыд* (ВД, 119); вв. *мунэмид* (ВВД, 99); уд. *Гэжасны*, *кор тиужöмыд*, *кор кулöмыд* «Напишут, когда родился, когда умер» (УД, 71); луп. *кылзэмыт*, *тупкэмат* (Пономарева 2002:135); к-кам. *вэтлöмыт* «ты, оказывается, сходил», *шогалöмыт* «ты, оказывается, болел» (Дмитриева 1998: 131). В удорском диалекте наряду с формой *-öмыд* функционирует суффикс с финальным глухим согласным *-öмыт*, как в большинстве коми-пермяцких диалектов: *Водöмыт сик*, *куйлы* «Коли

легла – лежи» (УД, 71). В данном случае имеет место сохранение более древнего фонетического облика суффикса 2-го лица единственного числа. В ижемском диалекте неочевидное прошедшее время 2-го лица единственного числа представлено суффиксом *-эма*: *Тэ бураа потиэма* «Ты хорошо загорел, оказывается», *Тэ мэ мэстаа пукс'эма* «Ты, оказывается, сел на мое место» (ИД, 83). В названном диалекте суффикс *-эма* характерен также для 1-го и 3-го лица единственного числа неочевидного прошедшего времени;

б) суффикса 2-го лица множественного числа II неочевидного прошедшего времени: *-өмныд* (лл., сс., скр., печ., нв., вым., уд.), *-өмныдөс'*, *-өмыдөс'* (лл., сс., скр.), *-эмнид* (вв.), *-эмаас'* *-эмаэс'* (иж.), *-өмас'* (к-иньв., н-иньв.), *-өмөс'* (к-кам., коч.), *эмныт* (луп.): скр. *Ти тай зэв н'ин бура мутө потиөмныд* «Вы, оказывается, очень хорошо загорели поле», *Пэтөмыдөс' да вангад* «Вышли на улицу и болтаете» (ПСД, 133); сс. *Тийө тай мунөмыдөс' н'ин* «Вы, оказывается, уже ушли», *Ми волим, да ти водөмныд н'ин вөли* «Мы приходили, но вы, оказывается, легли спать» (ССД, 51); вс. *Тию тай выл' самөвар н'ин бос'төмаөс'* «Вы, оказывается, уже новый самовар купили», *Өткөд'өс' инмөмаөс' тийө кыкнаныд* «Вы сошлись оба одинаковые» (ВСД, 122); печ. *Ти мунөмныд* «Вы, оказывается, ушли» (ПД, 36); вым. *Ти тай кэрканыдө вузалөмныд* «Вы, оказывается, свой дом продали» (ВД, 122); уд. *Кэсныттө кол'өмныд* «Вы оставили, оказывается, клещи», *Гол'төг мунөмныд ти* «Вы ушли, не предупредив» (УД, 71); иж. *Ти тай окас'эмаас'* «Вы, оказывается, целовались», *Ти тай мунэмаэс' клубэ* «Вы, оказывается, в клуб ушли» (ИД, 83); к-кам. *Кыччө нө ассапонс'ан' вэтлөмөс'* «Куда вы с утра ходили?» (Дмитриева 1998:131), к-иньв. *Пөттөдз с'ойөмас'* «Досыта наелись» луп. *Ти мунөмныт н'и* «Вы уже ушли» (Пономарева 2002: 131).

Диалектные показатели 2-го лица множественного числа неочевидного прошедшего времени отличаются не только инициальными *э~ө*, но и наличием или отсутствием в своем составе показателя множественности *-өс'* (*-эс'*). Глаголы с суффиксом *-өс'* функционируют в южных диалектах коми языка, говорах с. Ыб, с. Пажга присыктывкарского диалекта, ижемском диалекте и коми-пермяцких диалектах. В ижемском диалекте суффикс *-өс'* встречается в форме *-эс'*, который может подвергаться ассимиляции и употребляться в форме *-ас'*: *Ти фотосэ видзэдэмаас'* «Вы посмотрели фото» (ИД, 83). В остальных коми-зырянских диалектах показатель *-өс'* отсутствует. Отличительной особенностью показателя 2-го лица множественного числа неочевидного прошедшего времени в коми-пермяцких диалектах от диалектов коми языка является отсутствие в его составе притяжательно-го суффикса *-ныт* (к-з. *-ныд,-нид*), за исключением лупьинского говора,

что дает возможность предположить о более позднем развитии этой формы в коми диалектах.

В южных коми диалектах показатель 2-го лица множественного числа неочевидного прошедшего времени встречается в двух вариативных формах: *-ӧмныдӧс'*, *-ӧмыдӧс'* (лл., сс., скр.). Появление варианта *-ӧмыдӧс'* можно объяснить двумя причинами: образованием ее от формы единственного числа *-ӧмыд* с присоединением суффикса множественности *-ӧс'* и выпадением согласного [н] из состава суффикса *-ныд* на стыке морфем при стечении двух сонорных согласных [мн].

2. Выпадение согласных на стыке морфем и финальных согласных повлияло на появление вариативных форм глаголов 2-го лица множественного числа настоящего времени и I очевидного прошедшего времени.

Так, показателем 2-го лица множественного числа настоящего и будущего времени в печорском, вымском, ижемском диалектах и в некоторых говорах присыктывкарского и среднесысольского диалектов является суффикс *-анныд*, в верхневичегодском – *-анныд*. В верхнесысольском, нижневичегодском, удорском диалектах, в лузском говоре лузско-летского диалекта и отдельных говорах среднесысольского диалекта функционирует суффикс *-аныд*. В ибском, межадорском, чухломском, палаузском говорах среднесысольского диалекта бытуют суффиксы *-аны*, *-анны*: скр. *Мыйла пырид сэччӧ, вӧйанныд* «Почему туда забрались, увязнете» (ПСД, 133); сс. *Быдлаӧ жӧ нын тийӧ шаширитчаны* «Ну и лазаеете же вы повсюду», *Мый горзанны?* «Что вы кричите», *Торйаланныд да дугданныд скӧралныд* «Расстанетесь и перестанете злиться друг на друга», *Пропат'таныд мэтӧг* «Пропадете без меня» (ССД, 50); лл. луз. *Густӧ пукс'ӧданыд* «Вы часто сажаете (о рассаде)», *Порс'тӧ видзаныд на* «Свинью еще держите» (ЛЛД, 79-8); вс. *Мэным л'убӧ, тийӧ волланыд да* «Мне радостно, потому что вы захаживаете»; *Пыжсӧ пӧрӧданыд* «Лодку опрокинете» (ВСД, 120); печ. *С'этанныд кӧ пӧ, муна, он кӧ – ог мун* «Если выдадите – пойду, если же нет – не пойду» (ОКЗР, 298); вым. *Ти йэшитшэ и с'эраланныд* «Вы еще и смеетесь» (ВД, 120); иж. *Ти сэж н'ин ставныд вис'анныд* «Вы тогда уже все болеете» (ИД, 85); уд. *Кужаныд бӧрдныс* «Умеете плакать?» (УД, 66); вв. *ти мунанныд* «вы уходите» (ВВД, 100).

Показателями 2-го лица множественного числа I очевидного прошедшего времени являются суффиксы *-инныд* (скр., сс., печ., вым., иж.), *-иныд* (луз., вс., сс., нв., уд), *-иннид* (вв.), *-инны* (ины) (сс.): скр. *Гус'а с'орн'и эрд вылӧ пэткӧдинныд* «Вы разгласили тайный разговор», *Мыйла пырид сэччӧ* «Зачем вы зашли туда» (ПСД, 133); сс. *Тийӧ йона мудзиныд* «Вы сильно устали», *Тийӧ водз на воинныд* «Вы еще рано пришли», *Удзӧдины, эг уд'ит локныс* «Обделили едой, не поспел вовремя» (ССД, 50); вс. *Пел' сад'ӧс*

бырöдиныд «Все уши прожужжали», *Турипул вотиныд?* «Вы клюкву собирали?» (ВСД, 120); печ. *Сидз и мунинныд* «Так и ушли» (ПД, 37); вым. *Кытйасöд ти вэтлöдлинныд?* «По каким местам вы ходили?» (ВД, 120); иж. *Ти фотосэ видзэдинныд* «Вы фото посмотрели» (ИД, 83); уд. *Мийандö йоныс' вэрдиныд* «Нас вы хорошо кормили» (УД, 70); лл. *Кытчиэдз вэтлинныд?* «До куда ходили?» (ЛЛД, 80); вв. *ти муниннид* «вы ушли» (ВВД, 100).

3. В отдельных диалектах и говорах коми языка, а именно летском говоре лузско-летского диалекта, в куратовском, пыелдинском, пажгинском, палаузском говорах среднесысольского диалекта, в некоторых говорах присыктывкарского диалекта, в аныбском, деревянском, ручском говорах верхневычегодского диалекта показателем 2-го лица множественного числа выступает суффикс *-ад(ö)* в настоящем времени, *-идö, -ид* (лет., сс., скр., вв.) в прошедшем очевидном времени: лл. *Муй йылыс' баитадö* «О чем вы говорите?» (ЛЛД, 79-80); скр. *Эн уйалöй, турунсö л'акад* «Не бродите, траву помнете», *Мый нö би н'и ва олад?* «Почему без огня сидите» (ПСД, 133); вв. *ти мунад* «вы идете» (ВВД, 100); лл. *Мул'а мусö эжс'öдидö?* «Почему пашню запустили?», *Наштö этчö пыридö* «Почему сюда зашли», *Кыс' ти öктид мырпонсö?* «Где вы собрали морошку?» (ЛЛД, 80); вв. *ти мунид* «вы ушли» (ВВД, 100).

Для диалектов коми-пермяцкого языка показателями глаголов 2-го лица множественного числа настоящего времени и I очевидного прошедшего времени являются суффиксы *-ат(ö), -ит(ö)*. В мысовско-лупьинском диалекте коми-пермяцкого языка суффиксы 2-го лица множественного числа настоящего и I прошедшего времени представлены двумя формами *-атö, -анö; -итö, -инö*: м-луп. *Тийö уз'анö на?* «Вы еще спите?», *Мый нö тийö кератö?* «Что вы делаете?», *Можот петкötланö* «Может, покажете», *Кытөн уджалинö* «Где вы работали?» (Баталова, 1975:183; Пономарева, 2002:128). Суффикс *-анö* в свое время был зафиксирован в верхнекамском наречии Г.А. Нечаевым (Нечаев 1931: 14-32). Относительно функционирования суффиксов *-анö* и *-инö* в мысовско-лупьинском диалекте исследователями были высказаны следующие предположения. Р.М. Баталова объясняет возникновение данного суффикса влиянием форм 2-го лица единственного числа (Баталова 1975: 182). Л.Г. Пономарева ставит под сомнение данную гипотезу и связывает функционирование данного суффикса с экстралингвистическими факторами, в частности влиянием соседнего верхневычегодского диалекта (Пономарева 2002: 129). По нашему мнению, это как раз тот случай, когда правы оба исследователя. Суффиксы *-анö* и *-инö* возникли от формы 2-го лица единственного числа с присоединением форманта *-ö* как показателя множественности, по аналогии с суф-

фиксами *-amö*, *-imö*. Функционирование этой формы исключительно в мысовско-лупьинском диалекте коми-пермяцкого языка объясняется географическим положением данного диалекта, отдаленностью от других диалектов и территориальной близостью к коми диалектам.

Относительно суффикса *-amö* можно утверждать, что это наиболее древняя и полная форма 2-го лица множественного числа настоящего времени. По мнению Б.А. Серебренникова, первоначальная схема образования настоящего времени в коми языке древнейшей поры может быть гипотетически представлена следующим образом: 1 лицо *-a+m*; 2 лицо *-a+t*; 3 лицо *-a+sö*, где за сохранившимся вокалом *ö* в древности следовал исчезнувший показатель множественности *-к. (Серебренников 1960: 248).

4. В отрицательных формах также наблюдается вариативность. В отрицательных формах глаголов первого прошедшего времени она обусловлена междиалектной корреспонденцией гласных *э~и*. Отрицательной формой 2-го лица единственного числа первого прошедшего времени является *эн* (лл., вс., сс., скр., печ., вв.), *ин* (нв., вым., уд., иж.): лл. *эн мун* «не пошел» (ЛЛД, 79); сс. *эн пыр* «не зашел» (ССД, 49); скр. *эн мун* (ПСД, 131); печ. *эн мун* (ПД, 36); нв. *ин мун* (НВД, 48); вым. *ин мун* (ВД, 119); уд. *ин кар* «не сделал» (УД, 68); иж. *ин мун* (ИД, 80). В диалектах коми-пермяцкого языка отрицательный глагол с и-овой огласовкой встречается в оньковском и нижнеиньвенском диалектах, в остальных диалектах употребляется отрицательная форма *эн*: н-иньв. *ин верд* «не накормил», *ин тöd* «не знал» (Баталова 1975:184).

Междиалектная корреспонденция гласных *у~ы* непервого слога явилась причиной образования вариативных отрицательных форм глагола 2-го лица единственного числа II неочевидного прошедшего времени *абу*, *абы* (лл., вс., сс.). Глагол при отрицательной форме оформляется суффиксом *-öмыд*, *-эмид* (вв.), *-эма* (иж.): лл. *абы мунöмыд* «ты не пошел, оказывается» (ЛЛД, 79); вс. *абы мунöмыд* (ВСД, 119); сс. *абы*, *абу пырöмыд* «не зашел, оказывается» (ССД, 49); скр. *абу мунöмыд* (ПСД, 131); уд. *абу карöмыд* «не сделал, оказывается» (УД, 68); вв. *абу мунэмид* (ВВД, 100); иж. *абу мунэма* (ИД, 81). В северных диалектах коми-пермяцкого языка также имеет место употребление отрицательной формы *абы*: к-кам. *абы вэтлöмыт* «ты, оказывается, не ходил», коч. *абы öктöмыт* «ты, оказывается, не собрал» (Баталова 1975: 79).

Отрицательная форма глаголов 2-го лица множественного числа настоящего и I будущего времени образуется с помощью отрицательного глагола *од(ö)* в летском говоре лузско-летского диалекта, в сыктывкарском, тентюковском, кочпонском говорах присыктывкарского диалекта и в коми-пермяцких диалектах, *он(-ö, -э)* в остальных коми диалектах. В среднесыольском и присыктывкарском диалекте отрицательный глагол может выступать

также в форме *оной*: скр. *Талун одо мой пэслас'о* «Разве вы сегодня не стираете», *Оной пыралой?* «Разве не зайдете?» (ПСД, 134); сс. *Он эрмой* «Не можете» (ССД, 52); уд. *он каро* «не делаете» (УД, 68); нв. *оно муно* «не идете» (НВД, 48); вв. *онэ мунэ* «не идете» (ВВД, 100); иж. *он мунэ* (ИД, 81); печ. *оно муной* (ПД, 37); вым. *он пукто* «не положите» (ВД, 119); вс. *он муно, он пукто* (ВСД, 119); лл. лет. *Одо кот' постуйто* «Не соблюдаете ли вы пост?», луз. *Оно модо карад лэччыны* «Ехать в город не собираетесь?» (ЛЛД, 85).

Показателями отрицательной формы 2-го лица множественного числа I прошедшего времени являются отрицательные глаголы *эд(ө)* в летском говоре лузско-летского диалекта, некоторых говорах присыктывкарского диалекта и коми-пермяцких диалектах; *эн(-ө, -ой, -э)* в среднесысольском, верхнесысольском, присыктывкарском, печорском, верхневычегодском диалектах и лузском говоре лузско-летского диалекта; *ин(-ө, -э)* в нижневычегодском, вымском, удорском и ижемском диалектах: иж. *ин мунэ* «вы не пошли» (ИД, 81); вым. *ин пукто* «вы не положили» (ВД, 119); нв. *ино муно* (НВД, 48); уд. *ин каро* «вы не сделали» (УД, 68); вв. *эн мунэ* «вы не ушли» (ВВД, 100); сс. *эной пырой* «вы не зашли» (ССД, 49); вс. *эн пукто* «вы не положили» (ВСД, 119); лл. лет. *Чут' эдо отлао пукс'о* «Вы чуть вместе не сели», луз. *эн пукто* «не положили» (ЛЛД, 83); скр. *Ти эд на аддзылой сийос?* «Вы его еще не видели?», *Эдо пырой* «Вы не зашли», *Эныстыс'ой* «Вы не ссылались» (ПСД, 134).

Итак, диалектам коми и коми-пермяцкого языков характерно наличие вариативных глагольных суффиксов. Исследованный материал дает основание говорить о том, что основной причиной возникновения вариативных показателей являются фонетические процессы, происходящие в диалектах. В отдельных случаях наблюдается сохранение исторических форм.

Условные сокращения

вв. – верхневычегодский диалект; *вс.* – верхнесысольский диалект; *вым.* – вымский диалект; *иж.* – ижемский диалект; *к-кам.* – косинско-камский диалект; *к-иньв.* – кудымкарско-иньвенский диалект; *коч.* – кочевский диалект; *луп.* – лупьинский говор мысовско-лупьинского диалекта; *луз.* – лузские говоры лузско-летского диалекта; *лет.* – летские говоры лузско-летского диалекта; *лл.* – лузско-летский диалект; *м-луп.* – мысовско-лупьинский диалект; *нв.* – нижневычегодский диалект; *н-иньв.* – нижнеиньвенский диалект; *печ.* – печорский диалект; *скр.* – присыктывкарский диалект; *сс.* – среднесысольский диалект; *уд.* – удорский диалект.

Баталова Р.М. Коми-пермяцкая диалектология. – М.: Наука, 1975. – 251 с.

Дмитриева Р.П. Косинско-камский диалект коми-пермяцкого языка (фонетика, морфология : дис. ... канд. филол. наук. – Йошкар-Ола, 1998.

ПСД – Жилина Т.И., Бараксанов Г.Г. Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. – М.: Наука, 1971. – 276 с.

ВСД – Жилина Т.И. Верхнесысольский диалект коми языка. – М.: Наука, 1975. – 268 с.

ЛЛД – Жилина Т.И. Лузско-летский диалект коми языка. – М.: Наука, 1985. – 272 с.

ВД – Жилина Т.И. Вымский диалект коми языка. – Сыктывкар: Пролог, 1998. – 440 с.

ССД – Колегова Н.А., Бараксанов Г.Г. Среднесысольский диалект коми языка. – М.: Наука, 1980. – 228 с.

Нечаев Г.А. Отношение окружного коми литературного языка к северным диалектам Коми округа // Сб. комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка. – М., 1931. – Вып. II. – С. 14–32.

Попова Р.П. Междиалектная корреспонденция гласных в коми-пермяцком языке // Развитие коми языка на современном этапе: проблемы и перспективы : материалы республиканской практической конференции. – Сыктывкар, 2000. – С. 78–81.

Попова Р.П. Междиалектные корреспонденции гласных в коми языке // Вопросы коми филологии : сб. науч. статей / отв. ред. В.М. Лудыкова. – Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2008. – Вып. 4. – С. 43–51.

Попова Р.П., Сажина С.А. Фонетические и морфологические особенности коми диалектов (сравнительный аспект исследования). – Сыктывкар.: Изд-во СыктГУ, 2014. – 272 с.

Пономарева Л.Г. Фонетика и морфология мысовско-лупьинского диалекта коми-пермяцкого языка : дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2002.

ИД – Сахарова М.А., Сельков Н.Н. Ижемский диалект коми языка. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976. – 288 с.

ПД – Сахарова М.А., Сельков Н.Н., Колегова Н.А. Печорский диалект коми языка. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976. – 152 с.

Серебренников Б.А. Историческая морфология пермских языков. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 392 с.

УД – Сорвачева В.А., Безносикова Л.М. Удорский диалект коми языка. – М.: Наука, 1990. – 282 с.

НВД – Сорвачева В.А. Нижневычегодский диалект коми языка. – М.: Наука, 1978. – 228 с.

ВВД – Сорвачева В.А., Сахарова М.А., Гуляев Е.С. Верхневычегодский диалект коми языка // Историко-филологический сборник / АН СССР. Коми филиал. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1966. – Вып. 10. – 254 с.

НВД – Туркин А.И. Нижневычегодский диалект коми-зырянского языка. – Таллинн; Гамбург, 1998. – 161 с.

Цыпанов Е.А. Грамматические категории глагола в коми языке. – Сыктывкар, 2005.

АКУСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЛАСНЫХ В ИЖЕМСКОМ ДИАЛЕКТЕ КОМИ ЯЗЫКА

Г.В. Пунегова,
старший научный сотрудник
ИЯЛИ КНЦ УрО РАН
galina.syktsu@mail.ru

Данные о языке извлекаются из нескольких источников. Источниками диалектной речи являются, как правило, устные тексты цифровых (или магнитофонных) записей, позволяющие при филологическом исследовании многократно воспроизводить один и тот же отрезок звукового текста. Однако при фонетическом исследовании звукозаписи на сегодняшний день недостаточно слухового анализа, «вследствие развития компьютерной техники это состояние изменилось, и путь от акустического «testis unicus» к уху филолога может быть включен в работу в соответствии с текстологическими принципами» (Сапрок 2001: 150).

Связную речь можно разделить на различные друг от друга звуки. Это подразумевает образование определенной звуковой системы языка. В то же время «выделение отдельных звуков и оценка их как одинаковых или разных зависит от особенностей языкового строя» (Бондарко 1998: 6). В настоящее время максимально точное описание фонетических явлений невозможно без использования данных спектрального анализа. На основе изучения спектральных картин в речи ижемских коми были выявлены формантные значения F I и F II гласных звуков и уточнены их артикуляционно-акустические характеристики.

В ижемском диалекте коми языка, как и в литературном языке, выделяют семь кратких гласных фонем, однако в классификационных таблицах наравне с краткими фонемами приводят также долгие гласные, которые противостоят соответствующим кратким и выступают в роли смысловоразличителей. В монографическом труде М.А. Сахаровой и Н.Н. Селькова (Сахарова, Сельков 1976: 8) гласные ижемского диалекта классифицируются следующим образом (см. табл. 1):

Таблица 1

Гласные фонемы ижемского диалекта коми языка

	Передний ряд	Средний ряд	Задний ряд
Верхний подъем	/i/	/ы/ – /ыы/	/y/ – /yy/
Средний подъем	/e/	/ö/ – /öö/	/o/ – /oo/
Нижний подъем		/a/ – /aa/	

Относительно обозначения долготы гласных и их образования имеются разные точки зрения ученых. Одни из них склоняются к версии, что первичны долгие гласные, сложившиеся в результате удлинения гласного за счет этимологического /л/, например: [пӯ] < [пул], [вõ] < [вõл] (Лыткин 1970: 259; Терентьев 1970: 255); другие исследователи опровергают эту точку зрения, сравнивая с аналогами других лексем, оканчивающихся на гласный в позиции открытого слога. Э. Итонен считает, что долгий гласный в словах типа [лõ] (< [лол]) является более поздним образованием, поскольку исконные гласные в позиции открытого слога краткие: [би], [ки], а удлиненные гласные перед звонкими согласными в закрытом слоге типа [кõз] ученый относит к первичным (Itkonen 1971:13). Тем не менее записи современной речи ижемских коми свидетельствуют о непоследовательном использовании долгих и удлиненных гласных, поскольку они имеют различную долготу. Исследователи, экспериментально изучившие долготу гласных в ижемском диалекте коми языка, объясняют это явление со смысловым или эмфатическим ударением в экспрессивной речи (Игушев 1970: 56; Сахарова, Сельков 1976: 13–14). Когда выражения стилистически не равноценны, имеет место противопоставление гласных по их долготе. Причем, по утверждению Е.А. Игушева, в стилистически экспрессивной речи «гласная фонема в корне глагола перед глухим согласным произносится несколько длиннее» (Игушев 1970: 56), чем перед звонким согласным в нейтральной речи. Тем не менее некоторые проблематичные вопросы о долготе гласных ждут еще своего исследования.

Для определения качества гласных в ижемском диалекте с помощью метода широкополосной спектрографии нами исследованы их формантные значения, которые характеризуют артикуляционные признаки ряда и подъема. Для эксперимента на цифровые носители была записана спонтанная речь ижемских коми (трех мужчин и трех женщин), преимущественно старшего поколения, возраст которых составлял от 53 до 67 лет. Оцифрованные записи обработаны с помощью специальной программы для фонетических исследований и произведен анализ гласных в разноместных позициях слова отобранных фраз. Всего проанализировано 267 случаев употребления всех гласных ижемского диалекта коми языка. Результаты эксперимента представлены в табл. 2.

Формантные значения гласных в ижемском диалекте коми языка

Дикторы	Форманты гласных	Формантные значения гласных в речи дикторов						
		/u/	/e/	/ы/	/ö/	/o/	/y/	/a/
Диктор 1	F I	280	615	265	565	540	280	735
	F II	2140	2000	1380	1220	715	810	1165
Диктор 2	F I	315	635	290	515	490	305	790
	F II	2050	2080	1175	1265	805	695	1260
Диктор 3	F I	310	700	295	620	475	310	805
	F II	2080	1970	1120	1300	790	815	1275
Диктор 4	F I	245	685	270	585	505	300	740
	F II	2135	2010	1255	1215	845	890	1190
Диктор 5	F I	300	710	300	600	535	305	765
	F II	2175	2005	1285	1295	860	745	1200
Диктор 6	F I	285	670	280	605	505	245	825
	F II	2100	2005	1260	1275	815	780	1185
Среднее значение формант	F I	290	670	285	580	510	290	780
	F II	2115	2010	1245	1260	805	790	1210

Гласный /u/. Область формантных значений гласного [и] на спектральных картинах дикторов имеет весьма небольшой отрезок и сосредоточен на уровне от 280 Гц до 315 Гц первой форманты, и от 2050 Гц до 2290 Гц второй форманты. Гласный /и/ характеризуется наибольшей частотой второй форманты, в отличие от всех других гласных, что свидетельствует о его переднерядном образовании. По формантной структуре для гласного /и/ характерно понижение первой форманты и повышение второй. Частотные значения формант сосредоточены в спектральной картине (здесь данные акустических параметров приведены в среднем значении формант по всем информантам) на уровне ≈ 290 Гц (F I) и ≈ 2115 Гц (F II). Сдвигнутость второй форманты в верхнюю часть спектральной картины гласного в артикуляционной интерпретации говорит о его переднерядном образовании, локализация F I в низких частотах спектра указывает на узкий характер гласного, т.е. при артикуляции гласного [и] отражается движение языка в верхней части ротовой полости. Расположение формант на F-картине (высокая F II, низкая F I) характеризует гласный /и/ высокого подъема и переднего ряда образования.

Гласный /e/. На сонограмме гласного /e/ отчетливо прослеживаются полосы затемнения, сконцентрированные на уровне 615–710 Гц первой форманты и на уровне 1970–2080 Гц второй форманты. Любопытно, что

частоты второй форманты в речи всех испытуемых представлены достаточно широко, колебание частот в расположении F II составляет около 150 Гц. Если сравнить акустические показатели гласного /e/ в ижемском диалекте коми языка и в литературном языке, окажется, что акустические сведения анализируемого гласного будут отличаться расположением второй форманты в спектре. Сравните, в литературном языке частотность второй форманты сосредоточена на уровне 2120–2250 Гц (об этом см.: Пунегова 2001), в ижемском диалекте на уровне 1970–2080 Гц. Низкое значение частот второй форманты гласного [e] в речи ижемских коми, характеризующее сдвинутостью по ряду назад (на \approx 150–170 Гц), может указывать на его «открытый» характер. Кроме того, частотные характеристики первой форманты гласного /e/ выше среднего значения и могут быть отнесены к средневысокому показателю F I, что характеризует гласный /e/ как фонему средненизкого подъема. В свою очередь, в коми лингвистике учеными было выявлено, что исторически открытый вариант гласного /e/ в ижемском диалекте образован от общепермского переднерядного открытого гласного [ɛ]. Этот гласный развился из финно-угорского [*ä], о чем в своих трудах писали Е. Itkonen (Itkonen 1954: 304) и В.И. Лыткин (Лыткин 1964: 236). Таким образом, широкое распределение частот второй форманты с его низкой частотой и высокой частотой первой форманты объясняется многовариантностью основной фонемы /e/, зависящей от качества впередистоящего согласного (об этом см.: Канева 2003). На спектральных картинах экспериментального анализа выявлено, что самая низкая частота второй форманты гласного /e/ зафиксирована на участке гласных в сочетаниях с предшествующими твердыми согласными, например: после губных согласных: [кы $\underline{н}$ м $\underline{е}$ ма], [во $\underline{ј}$ м $\underline{е}$ дны], после переднеязычных согласных: [нас'т $\underline{е}$ да], [д $\underline{е}$ д $\underline{е}$], [ворс $\underline{е}$ дны], после заднеязычных согласных: [д'ик $\underline{е}$ ј], [ж'иг $\underline{е}$ дны] и др.

Гласный /ы/. Спектральная картина гласного /ы/ отличается низким показателем частоты первой форманты (265–300 Гц) и средненизким значением частотных показателей F II (1120–1380 Гц). Таким образом, гласный /ы/ по своей формантной структуре напоминает гласный /у/, однако его F II локализуется в более низких частотах, чем у гласного /ы/. Тем не менее акустические характеристики гласного /ы/ (в частности, по расположению второй форманты в спектральных картинах) дают основание классифицировать фонему как гласный среднего ряда образования, продвинутый назад, поскольку данному звуку свойственна средненизкая локализация первой форманты и низкая локализация второй форманты.

Гласный /ö/. Для гласного /ö/ характерно по сравнению с другими гласными среднее значение частот первых двух формант. По данным всех

испытываемых усредненные значения F I составляют ≈ 567 Гц, F II – ≈ 838 Гц. Поскольку формантные показатели гласного сосредоточены в средних значениях частот по отношению к другим гласным ижемского диалекта коми языка, как и в литературном коми языке, анализируемый звук можно отнести к «нейтральным» гласным, а в артикуляционном плане охарактеризовать как фонему, занимающую в артикуляционном пространстве положение среднего ряда и среднего подъема.

Гласный /o/. Значения формант гласного /o/, характеризующиеся низкой частотой F II и средней частотой F I, определяют фонему как гласный среднего подъема и заднего ряда образования. В отличие от гласного /ö/, первая форманта которого также локализуется в средних значениях частот, полосы затемнения на F-картине гласного /o/ локализируются в более низких частотах (F I – 475–540 Гц), однако диапазон отличительных значений совсем незначительный (для гласного /ö/ F I составляет 515–620 Гц). Уровень второй форманты гласного /o/ (F II составляет 715–860 Гц) мало отличается от значений формант гласного /y/ (его F II составляет 695–890 Гц). Таким образом, гласный /o/ локализуется на одном уровне с гласным /y/ (по F II) и на одном уровне с гласным /ö/ (по F I).

Гласный /y/. Для данного гласного характерна самая низкая частота всех формантных значений. Полосы затемнения на спектре гласного /y/ локализируются на уровне 245–310 Гц первой форманты и 695–890 Гц второй форманты, что, в свою очередь, характеризует звук как гласный верхнего подъема и заднего ряда образования. Наименьшие частотные показатели первой форманты гласного /y/ – свидетельство того, что данный гласный верхнего подъема. Низкая частота второй форманты определяет гласный как фонему заднерядного образования. Значения второй форманты гласного /y/ сходны с формантными значениями F II гласного /o/. Однако диапазон распространения гласного /y/ немного шире, чем у /o/ (соотношение 195: 145).

Гласный /a/. Гласному /a/ свойственно наибольшее частотное значение F I – 735–825 Гц (не имеет такие высокие частотные показатели ни один из других гласных) и средне-низкое значение F II, на спектральной картине локализирующееся на уровне 1165–1260 Гц. По акустической теории речеобразования известно, что форманта F I характеризует звук по признаку открытости–закрытости, чем выше частота F I, тем гласный считается более открытым, и наоборот (Бондарко 1974; 1977; 1998). Показатели второй форманты гласного /a/ на спектральных картинах сосредоточены практически на одном уровне формант гласных /ы/ и /ö/. Однако диапазон распространения гласного /ы/, в отличие от звуков /ö/ и /a/, шире (сравните соотношение гласных /ы/, /ö/, /a/ по величине их распространения на плос-

кости: 260 : 85 : 110). Данные свидетельствуют о том, что для гласного /*ö*/ характерна компактная локализация, для гласного /*a*/ – более широкая локализация с концентрацией в низких частотных значениях (1165–1275 Гц – для гласного /*a*/; 1215–1300 Гц – для гласного /*ö*/). Любопытно, что гласный /*ы*/ занимает менее низкие частотные значения, в отличие от /*a*/ (1120–1380 Гц для /*ы*/, 1165–1275 Гц для /*a*/), и более высокие, в отличие от /*ö*/ (1380 > Гц для /*ы*/, 1300 > Гц для /*ö*/), что говорит о его широком диапазоне распространения. В отличие от гласного /*ы*/ диапазон распространения гласного /*a*/ в два раза уже. Средние значения второй форманты гласных (/*ы*/ – ≈1245 Гц; /*ö*/ – ≈1260 Гц; /*a*/ – ≈1210 Гц) позволяют точнее определить их артикуляционные характеристики. Локализация в более высоких или в более низких частотных показателях выявляет особенность продвинутости гласного по ряду. Относительно гласного /*ö*/, занимающего формантное значение в абсолютно среднем положении на артикуляционной плоскости, гласные /*ы*/ и /*a*/ отличаются более низким частотным значением и сдвинуты назад. Таким образом, акустические данные дают основание отнести фонему /*a*/ в ижемском диалекте к гласным нижнего подъема (F I свидетельствует о ее открытом характере) и среднего ряда образования, артикуляционно продвинутого назад (по средненизкому значению второй форманты).

Среднее значение формант гласных позволяет выделить на плоскости поля их реализации. В целом говоря о реализации гласных в речи ижемских коми, необходимо заметить, что визуально артикуляционная картина незначительно отличается от картины областей формантных значений литературного коми языка, за исключением гласного /*e*/, отчасти гласного /*a*/. Расположение формант у гласного /*e*/ концентрируется в средневысоких частотах F I (≈ 670 Гц) и F II (≈2010 Гц), гласный /*a*/, в отличие от литературного, характеризуется более низкой F II (≈ 1210 Гц). Существенное отличие при реализации звуков /*e*/ и /*a*/, наблюдающееся в F картине, акустически выражается сдвигом гласных по ряду назад. Колебания частотных значений остальных гласных незначительны. По расположению первой форманты, в артикуляционном плане отражающей движение языка в вертикальной плоскости в полости рта, гласные выстраиваются в следующей последовательности (от высокого к нижнему подъему): /*и*/ и /*у*/ (≈ 290 Гц) – /*ы*/ (≈ 285 Гц) – /*о*/ (≈ 510 Гц) – /*ö*/ (≈ 580 Гц) – /*e*/ (≈ 670 Гц) – /*a*/ (≈ 780 Гц). По расположению второй форманты в спектре, в артикуляционном плане отражающее движение языка в горизонтальной плоскости в ротовой полости, гласные располагаются следующим образом (от переднего ряда образования к заднему ряду образования): /*и*/ (≈ 2115 Гц) – /*e*/ (≈2010 Гц) – /*ö*/ (≈ 1260 Гц) – /*ы*/ (≈ 1245 Гц) – /*a*/ (≈ 1210 Гц) – /*о*/ (≈ 805

Гц) – /y/ (\approx 790 Гц). Анализ экспериментального исследования гласных в ижемском диалекте коми языка позволяет внести некоторые уточнения по артикуляционно-акустическим характеристикам:

/i/ – переднего ряда образования, высокого подъема, нелабиальный (низкая F I, высокая F II);

/e/ – переднего ряда образования, продвинутого назад, средненизкого подъема, нелабиальный (средневысокая F I, средневысокая F II);

/ö/ – среднего ряда образования, среднего поъема, нелабиализованный (средняя F I, средняя F II);

/ы/ – среднего ряда образования, продвинутого назад, высокого подъема, нелабиальный (низкая F I, средненизкая F II);

/a/ – среднего ряда образования, продвинутого назад, низкого подъема, нелабиальный (высокая F I, средне-низкая F II);

/u/ – заднего ряда образования, высокого подъема, лабиальный (низкая F I, низкая F II);

/o/ – заднего ряда образования, среднего подъема, лабиальный (средняя F I, низкая F II).

Несмотря на то что в системном составе артикуляционно-акустические характеристики гласных фонем в ижемском диалекте и литературном коми языке мало отличаются в изолированном произнесении основных фонем, в речи наблюдаются выраженные, заметные отличия. Они характеризуются наличием или отсутствием долготы гласных, а также способностью иметь или не иметь варианты или аллофоны фонем. Следовательно, при реализации гласных в диалектной речи ижемских коми и в речи литературного коми языка обнаруживается лишь частичное фонетическое сходство.

Безносикова Л.М. Ижемский диалект // Коми язык : энциклопедия / отв. ред. Г.В. Федюнева. – М.: ДИК, 1998. – С. 143–145.

Бондарко Л.В. Звуковой строй современного русского языка. – М.: Просвещение, 1977. – 175 с.

Бондарко Л.В. Акустические характеристики речи // Слух и речь в норме и патологии. – Л., 1974. – Вып. 1. – С. 11–12.

Бондарко Л.В. Фонетика современного русского языка. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1998. – 276 с.

Воронцов П.И. Вокализм удмуртских диалектов (в экспериментальном освещении) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 1999. – 19 с.

Воронцов П.И. О вокализме шошминского диалекта удмуртского языка (по данным формантного анализа) // Пермистика 7: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сб. статей / КомиНЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 1999. – С. 50–55.

Воронцов П.И. О качестве гласных срединных говоров удмуртского языка (в свете экспериментальных данных) // Пермистика 8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сб. статей. – Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2001. – С. 68–75.

Игушев Е.А. Экспериментальные данные по долготе гласных ижемского диалекта // Советское финно-угроведение. – 1972. – № 1. – С. 55–57.

Игушев Е.А. Коми диалектология : студентъяслы велӧдчан пособие. – Сыктывкар: СыктГУ, 1996. – 92 л.б.

Канева С.А., Пунегова Г.В. Аллофонное варьирование звука /e/ в ижемском диалекте коми языка (на материале экспериментального анализа фонетически представительного текста) // Символ в системе культуры: проблемы интерпретации текста : доклады научной конференции. – Сыктывкар: Коми пединститут, 2003. – С. 119–121.

Лыткин В.И. Исторический вокализм пермских языков. – М.: Наука, 1964. – 270 с.

Лыткин В.И. Несколько слов о вокализме ижемского диалекта коми языка // СФУ. – 1970. – № 4. – С. 259–261.

Пунегова Г.В. Некоторые характеристики полей реализации сегментных единиц в коми языке (в сопоставлении с русским языком) // Вестник Сыктывкарского университета. – Серия 9. Филология. – 2001. – Вып. 4. – С. 161–167.

Сахарова М.А., Сельков Н.Н. Ижемский диалект коми языка / под ред. В.И. Лыткина. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976. – 287 с.

Savela, Janne. Tutkimus komisyraänin ja suomen vokaalifoneemien rakenteesta // Sananjalka. – 41. – Turku, 1999. – S. 167–176.

Терентьев В.А. О долготах гласных и согласных в ижемском диалекте коми-зырянского языка // Советское финно-угроведение. – 1970. – № 4. – С. 255–257.

Itkonen E. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tscheremissischen und in den permischen sprachen [К истории вокализма первого слога в марийском и пермских языках] // Finnisch-ugrische Forschungen. – Bd. XXXI. – H. 3. – Helsinki, 1953-1954. – S. 149-361.

Itkonen, E. Spuren der Quantitätskorrelation der Vokale im Syrjänischen // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. 71. – Helsinki, 1971. – S. 13.

Sappok, Christian Русские диалекты и критическое издание звуковых записей // 100 лет экспериментальной фонетике в России : материалы международной конференции (Санкт-Петербург, 1-4 февраля 2001). – СПб., 2001. – С. 149–151.

ОБОЗНАЧЕНИЯ РЫБОЛОВНЫХ СРЕДСТВ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

А.Н. Ракин,
главный научный сотрудник
ИЯЛИ КНЦ УрО РАН
anatolij.rakin@mail.ru

Лексика рыболовства предназначена для номинации одной из древних форм хозяйственной деятельности любого народа, на территории проживания которого имеются водные пространства. Для удмуртов, как и для других пермских народов, традиционным является озерно-речное рыболовство.

Корпус рыболовной лексики удмуртского языка, составленной на основе имеющихся лексикографических источников, а также на материале, выявленного нами путем опроса по специальному вопроснику некоторых носителей исследуемого языка, состоит из 316 лексических единиц. Вся эта совокупность обозначений относится к 165 объектам номинации. Как показывают статистические данные, количество объектов номинации и количество названий, используемых для их обозначения, не совпадает. Это объясняется прежде всего тем, что в речевой практике для одного и того же объекта номинации часто употребляется не одно, а два и более названий. Например, *удочка* – 1) визнан, 2) кармак; *острога* – 1) бетон, 2) бышкон, 3) шибоды; *загородка (запруда)* – 1) мурдо хыпет, 2) тымет, 3) урдым, 4) хыпет; *ботало* – 1) бот, 2) ботан, 3) ботэт, 4) дымбыр, 5) чокмор; *удилище* – 1) визнан ньөр, 2) визнан ныд, 3) визнан шача, 4) визнан шачы, 5) кармак ньөр, 6) кармак ныд и т.д.

С другой стороны, определенное количество названий является полисемантическими наименованиями, относящимися к нескольким объектам номинации: *калтон* – 1) невод, 2) бредень; *кармак* – 1) удочка, 2) крючок удочки; *чёлтыны* – 1) поставить сети, 2) закинуть удочку; *шакас* – 1) горловина верши, 2) мотня, 3) зацепа крючка и т.д.

Основная масса названий, относящихся к рыболовству, принадлежит лексике литературного языка и имеет повсеместное распространение, например *чорыг* «рыба», *визнан* «удочка», *пыж* «лодка», *пёт* «приманка», *пырич* «пешня» и т.д. Часть обозначений является диалектными словами, которые в нормативных словарях снабжены соответствующими пометами: *дымбыр* диал. «ботало», *рыл* диал. «дождевой червь», *пулсан* диал. «весло», *корсись* диал. «короед» и т.д. Во многих случаях диалектные назва-

ния являются синонимами литературных слов, ср. *нйзили* «дождевой червь», *полыс* «весло», *пычей* «короед» и т.д.

Лексика рыболовства удмуртского языка неоднородна по своему составу. В зависимости от предметно-понятийного содержания номинативных единиц в ней можно выделить 11 структурных компонентов, например **общепонятийные обозначения**, относящиеся к лексике рыболовства в целом (*чорыг кутылон* «рыболовство», *чорыган тйрлык* «рыболовные принадлежности»), **названия рыболовных снастей** (*кыскаса чорыг поттон тйрлык* «волоковые рыболовные снасти», *курукен чорыг поттон тйрлык* «крючковые рыболовные снасти»), **обозначения субъекта рыболовства** (*чорыгась* «рыбак», *визнаськись* «удильщик»), **обозначения объекта рыболовства** (*чорыг* «рыба», *ты чорыг* «озерная рыба», *шур чорыг* «речная рыба», *сьось чорыг* «хищная рыба») и т.д.

В свою очередь, многие подразделения рыболовной лексики имеют внутреннюю дифференциацию и позволяют провести более дробную классификацию. Так, в составе обозначений рыболовных снастей различаются названия: **сетных снастей** (*казь* «сеть», *ботан казь* «ботальная сеть», *бадрым сеть* «невод», *калтон* «невод; бредень», *намот* «намёт», *недодка* «холстяной невод»), **крючковых снастей** (*визнан* «удочка», *кумы* «жерлица», *чилясь* «блесна», *спиннинг*, *мормышка*), **черпальных снастей** (*сак*, *чилеп* «сак»). К группе названий приманок и наживок относятся: а) обозначения некоторых видов продуктов питания, используемых в процессе рыбной ловли (*нянь* «хлеб», *ыльнянь* «тесто», *ук* «каша»), б) названия водных насекомых и их личинок (*вунумыр* «ручейник», *тысэра* «пиявка», *луо нумыр* «пескоройка», *чибинь нумыр* «мотыль»), в) обозначения земляных и наземных насекомых и их личинок (*нйзили* «дождевой червь», *пычей* «короед», *кузьылипуз* «муравьиное яйцо»), г) обозначения летающих насекомых и их личинок (*вукарнан* «стрекоза», *кут* «муха», *кутнумыр* «опарыш», *лузь* «слепень», *бубыли* «бабочка»).

Основная цель нашей статьи – рассмотреть обозначения ловушек и орудий для них, рыболовных орудий и транспортных средств, относящихся к числу основных компонентов лексики рыболовства.

I. Ловушки являются одним из древних видов рыболовных средств. Они представляют собой устройства, куда рыба свободно заходит, а обратно выйти не может и становится добычей рыбака.

В удмуртском языке обозначаются два вида ловушек – верша (или морда) и вентерь (или мерёжа). Оба вида ловушек имеют целый ряд общих признаков, например являются ставными средствами лова рыбы, которые находятся в закреплённом и неподвижном состоянии в водоеме. Непосредственное участие человека при рыбной ловле данными орудиями имеет

место лишь в начальной и последней стадиях процесса. Корпус ловушек имеет коническую форму, который опирается на деревянные или металлические обручи и т.д. Основное различие между ними заключается в материале изготовления. Корпус верши деревянный, состоящий из дранок или прутьев, а у вентера – сетный в виде мешка, по бокам входного отверстия которого располагаются небольшие направляющие крылья. Если для использования верши требуется строительство различного рода загородок (запруды) поперек всей реки или у берега, то вентер устанавливается на дне водоема кольями без каких-либо сооружений.

Видовые обозначения ловушек являются заимствованиями:

мерожа < рус., ср. *мерёжа* «рыболовная снасть конусообразной формы, состоящая из сетки, натянутой на обручи» (СРЯ-2: 252);

мурдо < рус., ср. *морда* «рыболовная снасть, сплетенная обычно из ивовых прутьев, в виде узкой круглой корзины с воронкообразным входом» (СРЯ-2: 298; СРЯ-1: 154).

Остальные названия данной группы представляют собой сочетания заимствования *мурдо* с исконными словами, указывающими на отдельные части обозначаемого предмета: *мурдо йыр* «головка морды» (йыр «голова»), *мурдо ым* «горлышко морды», (ым «рот, горло»), *мурдо пась* «воронка морды» (пась «дыра, отверстие») и т.д.

Необходимыми условиями пользования ловушками типа верши является строительство различных видов загородок, запруды. В удмуртском языке они обозначаются следующим образом: *мурдо хынет*, *хынет* «загородка, запруда», *тымет* «плотина, запруда», *урдым* «запруда для ловли рыбы, загородка».

Название *хынет* является производным словом от глагола *хытыны* «запрудить, прудить» (УРС-1: 491). Близкородственное соответствие – кз. *тишуп* «учуг, рыболовная загородка». Удмуртские и коми соответствия возводятся к общеп. **Cirini* или **Cirini* «запрудить, загородить» (КЭСК: 291).

Тымет «загородка, запруда» этимологически связано со словом *тымыны* «запрудить, прудить» (УРС-1: 433) < общеп. **tümet* «загородка, запруда» (КЭСК: 293). Коми-зырянское соответствие *тымөд* в качестве рыболовного значения теперь не употребляется, оно имеет значение «загородка (по сторонам силка)», «завал, устраиваемый при охоте на крупных животных» (КРК: 673).

Урдым «запруда для ловли рыбы, учуг» (УРС-2: 699), данное слово, имеющее наряду с рыболовным значением также семантику «плетень; частокол», является, видимо, производным образованием от глагола *урдыны* «поставить, ставить стоймя; привалить к чему-л. (напр. жерди, доски)» (УРС-2: 699). В КЭСК (207) удмуртский глагол сопоставляется с коми

названием *ордым* «просека, тропа, тропинка» без реконструкции праформы, так как сопоставляемые слова имеют совершенно разную семантику.

II. Рыболовные орудия, вспомогательные средства, сопутствующие предметы, инструменты. Относящиеся к данной группе предметы характеризуются неодинаковой степенью применения на различных стадиях рыболовного процесса. Одни из них являются непосредственными орудиями добычи рыбы (например, острога), другие выступают в качестве дополнительных средств при использовании соответствующих снастей (например, ботало), третьи представляют собой сопутствующие рыболовные принадлежности (например, садок), четвертые применяются не в самом процессе рыболовства, а до или после него (например, *арда* «вешалка для сушки невода», *сеть керттон вень* «игла для вязания сетей»).

Обозначения остроги: *бетон*, *бышкон*, *шибоды*. Данное орудие является колющим рыболовным средством. На это указывают *шибоды* и *бышкон*. Первое из них состоит из двух компонентов: *ши* «штык, острие», *боды* «палка» (букв. палка со штыком). Компонент *ши* соответствует кз. *шы* «копье; рогатина; штык» и имеет древнее происхождение: общеп. **Sü* «копье» (КЭСК: 325) < ф.-п. **Suje* «шип, колючка, острие» (Rédei: 787). Компонент *боды* также относится к древнему словарному фонду: кз. *бедь* «палка» < общеп. **bedi* «палка» (КЭСК: 38) < ф.-п. **ponte* «палка, жезл, стебель, стержень» (Rédei: 734). Название остроги *азьлас* в коми языке этимологически не связано с удмуртским *шибоды* (см. КЭСК: 31). Слово *бышкон* также является исконным удмуртским обозначением, образовано от *бышкыны* «колоть, тыкать».

Все названия ботала являются заимствованиями. К числу русских заимствований относятся *бот*, *ботан*, *ботэт* «ботало», ср. рус. *бот* «ботало, шест для ботания, сгонки рыбы» (Даль: 119). Как показывают приведенные примеры, они представляют собой полностью заимствования (*бот*) или производные образования с заимствованной основой (*ботан*, *ботэт*). Следующие два обозначения ботала относятся к словам тюркского происхождения: *дымбыр* «ботало» < тат. *дүмбе* «ботало» (ТРС: 142); *чокмор* «ботало» < тат. *чукмар* «дубинка» (РТС: 143), чув. *чукмар* «дубина, дубинка» (РЧС: 174).

Иноязычное происхождение в удмуртском языке имеет и слово *садок*, ср. рус. *садок* «устройство для сохранения пойманной живой рыбы» (СРЯ-4: 12). Данное заимствование использовано и при образовании составного названия для этого же объекта номинации *чорыг визён садок* «рыбий садок».

Пешня, используемая главным образом при зимней рыбалке, обозначается следующими словами: *пешня* (УРС-2: 524), *прич* и *пырич*. Первое слово является русским заимствованием, ср. рус. *пешня* «тяжелый лом на де-

ревянной рукоятке, которым долбят лёд, мерзлую землю и т.п.» (СРЯ-3: 120). *Прич* и *пырич* относятся к исконному словарному фонду, генетическими соответствиями являются кз. *пыридз* «пешня» (КРК: 549), кп. *пыридз* «пешня» (КПРС: 319). Выводится из прапермского **p̥iriC'* «пешня» (КЭСК: 236), возводимого к ур. **pura* «сверлить» (Rédei: 405).

Обозначения *арда* «вешалка для сушки невода» и *сеть керттон вень* «игла для плетения сетей» являются собственно удмуртскими названиями, в других языках, как в родственных, так и в неродственных, они не употребляются.

III. Рыболовные транспортные средства и их принадлежности. Основным транспортным средством при летнем рыболовстве является лодка. Она дает возможность заниматься добычей рыбы на больших водоемах, находящихся как вблизи, так и далеко от населенных пунктов. Понятие «лодка (вообще)» обозначается словом *пыж*. Соответствия в коми-зырянском (*пыж* «тж») и в коми-пермяцком (*пыж* «тж») языках полностью совпадают с удмуртским словом. Данные обозначения лодки в пермских языках унаследованы из финно-угорского праязыка: ф.-у. **puCW* «челн, лодка, судно» (Rédei: 378) > общеп. **piž* «лодка» (КЭСК: 235).

Различные типы лодок, их отличия по размерам, материалу и способу изготовления, по конструктивным особенностям, по выполняемым функциям в удмуртском языке называются следующим образом:

чорыган пыж «рыболовная лодка», букв. лодка для ловли рыбы (чорыган «ловля рыбы»);

пичи пыж «долблёный рыбацкий челнок», букв. маленькая лодка (пичи «маленький»);

бадрым пыж «большая лодка» (бадрым «большой»);

пу пыж «деревянная лодка» (пу «дерево, деревянный»);

корт пыж «рыбацкая лодка с днищем из железного листа» (корт «железо, железный»);

резина пыж «резиновая лодка» (резина «резина, резиновый»);

гыркъем пыж «долблёный рыбацкий челнок» (гыркъем < гыркйыны «долбить, выдолбить»);

пипулэсь гыркъем пыж «лодка-долблёнка из осины» (пипу «осина, осинный»);

пуллэсь пыж «дощаник, дощатая лодка» (пул «доска, дощатый»). Данный тип лодки строится полностью из досок различной толщины;

хошкыт пыдэсо пыж «дощаник, дощатая лодка», букв. лодка с плоским днищем (*хошкыт* «ровный, плоский»);

полысо пыж «вёсельная лодка» (полысо «с веслом, вёсельный»);

моторной пыж «моторная лодка». Так называется лодка, которая приводится в движение не веслом, а с помощью установленного на ней стационарного или подвесного двигателя;

казен чорыган пыж «лодка для ловли рыбы неводом» (казь «сеть, невод»);

ботан пыж «лодка для ловли рыбы ботанием», букв. ботальная лодка.

Обозначения частей и деталей лодки:

Пыж ныр «носовая часть лодки» (ныр «нос, носовая часть»).

Пыж бер «корма лодки» (бер «зад, задняя часть предмета»).

Пыж дур, пыж урдэс «борт, борта лодки» (дур «край, кромка», урдэс «бок, боковая сторона»).

Пыж пыдэс «днище лодки» (пыдэс «дно, днище»).

Пыж пукон «сиденье лодки» (пукон < пукыны «сидеть»). В зависимости от того, где находится сиденье в многоместной лодке, различаются: *азь пыж пукон* «переднее сиденье лодки» (азь «перед, передний»), *шор пыж пукон* «среднее сиденье лодки» (шор «середина, средний»), *бер пыж пукон* «кормовое сиденье лодки» (бер «зад, задний»).

Полыс хог «уключина», букв. колышек весла (полыс «весло», хог «колышек»), представляет собой приспособления в виде втулки на бортах лодки с одной и с другой стороны для уключинных вёсел.

В составе рассмотренных выше лексических единиц не только основное название лодки, но и целый ряд других обозначений полностью совпадает с наименованиями данных предметов в других пермских языках: удм. *пу пыж* «деревянная лодка», кз. *пу пыж* «тж», кп. *пу пыж* «тж»; удм. *пыж ныр* «носовая часть лодки», кз. *пыж ныр* «тж», кп. *пыж ныр* «тж», удм. *пыж пыдэс* «днище лодки», кз. *пыж пыдос* «тж», кп. *пыж пыдос* «тж»; удм. *пыж бер* «корма лодки», кп. *пыж бөр* «тж». Не исключено, что подобного рода названия существовали уже в прапермскую эпоху.

Весло и его названия:

Полыс «весло». Слово прапермского происхождения: **pelis* «весло» (КЭСК: 218). Соответствия в других пермских языках: кз. *пелыс* «тж», кп. *пелыс* «тж». В диалектах удмуртского языка для обозначения данного объекта номинации употребляются также названия *пулыс* юж., *пулсан* ср., *пулсан боды* кр. юж. «весло» (Борисов 1988: 234).

Для обозначения конструктивных особенностей весла и специфики выполняемых ими функций в удмуртском языке употребляются следующие обозначения:

азь полыс «кормовое весло» (азь «перед, передний»). Кормовым веслом гребут сидя в середине или задней части лодки вперед лицом по направлению движения лодки. Именно этот факт, видимо, и послужил основой номинации при обозначении данного вида весла;

бер полыс «уключинное весло» (бер «зад, задний»), данный тип весла вставляется в уключину с обеих сторон лодки и гребцы (один или двое) сидят задом по направлению движения лодки. Это обстоятельство, вероятно, обусловило появление данного словосочетания с компонентом *бер*;

зёк полыс «рулевое весло», букв. толстое весло (зёк «толстый»). Этот тип весла обычно является принадлежностью многоместной лодки, которая приводится в движение уключинными вёслами. Задача находящегося на корме человека, смотрящего вперед, – обеспечивать с помощью рулевого весла нужное направление. По сравнению с другими разновидностями рулевое весло выглядит более массивным.

Названия, обозначающие отдельные части весла и их особенности:

полыс бурд «лопасть весла», букв. крыло весла (бурд «крыло»). Компонент *бурд* (< общеп. **bord-* «крыло») в составе данного словосочетания имеет переносное значение и употребляется только в удмуртском языке. В других пермских языках лопасть обозначается словом *лон* (< ур. **lappe* «плоский, плоскость»), а лопасть весла – кз. *пелыс лон*, кп. *пелыс лон*;

полыс ныд «рукоятка весла» (ныд «рукоятка, ручка») – часть весла, находящаяся между лопастями, за которую держатся руками во время гребли;

одйг бурдо полыс «однолопастное весло», букв. весло с одним крылом. У такого весла лопасть имеется лишь на одном конце, за другой конец обычно держатся рукой. Веслом такой конструкции, как правило, гребут, попеременно опуская его в воду то с одной, то с другой стороны лодки. При наличии уключинных вёсел однолопастное весло выполняет функции рулевого;

кык бурдо полыс «двухлопастное весло», букв. весло с двумя крыльями. У данного вида гребного средства лопасти имеются на его обоих концах. Такое весло предназначено для рыбацких лодок небольшого размера, пользуются ими обычно в сидячем положении.

Таким образом, лексика рыболовства удмуртского языка представляет собой целостную систему, ядро которой составляет исконный фонд номинативных единиц, сложившийся на протяжении многих тысячелетий, начиная с прауральской эпохи. Высокая степень исконности и древности рассмотренной отрасли словарного состава напрямую связана с соответствующими показателями обозначаемого объекта, являющегося одним из важнейших компонентов материальной культуры. Неисконная часть лексики рыболовства удмуртского языка, не имеющая древней составляющей (например, названий индоиранского и древнебулгарского происхождения), сформировалась на основе двух внешних источников. Часть заимствований проникла в удмуртскую речь в результате контактирования с соседними тюркскими народами. Для обозначений русского происхождения в качестве источника послужила лексика как литературного языка, так и русских народных говоров.

Условные сокращения

диал. – диалектное слово, *кз.* – коми-зырянский язык, *кп.* – коми-пермяцкий язык, *кр. юж.* – крайне-южный диалект удмуртского языка, *общеп.* – общепермский язык-основа, *рус.* – русский язык, *ср.* – средний диалект удмуртского языка, *тат.* – татарский язык, *удм.* – удмуртский язык, *ур.* – уральский праязык, *ф.-п.* – финно-пермский праязык, *ф.-у.* – финно-угорский праязык, *чув.* – чувашский язык, *юж.* – южный диалект удмуртского языка

Борисов Т.К. Удмурт кыллюкам. – Ижевск, 1988.

Даль – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1989. – Т. 1.

КПРС – Баталова Р.М., Кривощекова-Гантман А.С. Коми-пермяцко-русский словарь. – М., 1985.

КЭСК – Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. – Сыктывкар, 1999.

КРК – Безносилова Л.М., Айбабина Е.А., Коснырева Р.И. Коми-роч кыв-чукор. – Сыктывкар, 2000.

РТС – Русско-татарский словарь / под ред. Ф.А. Ганиева. – М., 1984.

РЧС – Русско-чувашский словарь. – Чебоксары, 1972.

СРЯ-1 – Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1981. – Т. 1.

СРЯ-2 – Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1982. – Т. 2.

СРЯ-3 – Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1984. – Т. 3.

СРЯ-4 – Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1984. – Т. 4.

ТРС – Татарско-русский словарь. – М., 1966.

УРС-1 – Удмуртско-русский словарь / под ред. В.М. Вахрушева. – М., 1993.

УРС-2 – Удмуртско-русский словарь. – Ижевск, 2008.

Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. – Band 1–2. – Budapest, 1988.

В.И. ЛЫТКИН, ЕГО УЧЕНИКИ И ПОСЛЕДОВАТЕЛИ

А.Н. Ракин,

главный научный сотрудник

ИЯЛИ КНЦ УрО РАН

anatolij.rakin@mail.ru

Василий Александрович Молодцов, которому посвящен данный симпозиум, и Василий Ильич Лыткин, о котором пойдет речь в нашем сообщении, являются знаковыми фигурами в коми науке и культуре. Между этими двумя личностями много общего. Прежде всего, как видим, имена у них одинаковые. Далее, оба они являются выходцами из села Тентюково, рас-

полагавшегося в пригороде Усть-Сысольска, так тогда назывался г. Сыктывкар. Оба они родились с небольшой разницей во времени в конце XIX-го столетия: В.А. Молдцов – 13 января 1886 г., В.И. Лыткин – 27 декабря 1805 г. Еще в царское время они поступили учиться в Тотемскую учительскую семинарию, которую В.А. Молодцов закончил в 1907 году, В.А. Лыткин – в 1916 году. После Октябрьской революции 1917 г., изменившей весь мир, обоим представилась возможность для проявления своих способностей и талантов на ниве просвещения и науки. Чем они без промедления воспользовались и сыграли выдающуюся роль в деле создания коми литературного языка. В тридцатые годы оба были репрессированы. Для В.А. Молодцова это закончилось трагически – он скончался в заключении в 1940 г. В.И. Лыткину удалось сохранить себя и прожить долгую жизнь до 86 лет.

**Лыткин Василий Ильич
(1895–1981)**

Имя В.И. Лыткина мне знакомо с моих ранних лет, прежде всего как автора популярных в народе стихотворений для детей. Позже, когда я учился уже в старших классах, на меня произвел сильное впечатление его сборник, вышедший в 1959 г. под названием «Шонді петігён», куда были включены не только стихотворения, но и поэма о гражданской войне «Мунёны». Эта поэма благодаря своим высоким идейно-художественным достоинствам вошла в золотой фонд коми классической литературы.

В годы учебы на историко-филологическом факультете Коми государственного педагогического института мне открылась еще одна сторона деятельности Василия Ильича как крупного лингвиста-ученого. На занятиях по коми языку мы постоянно пользовались его публикациями – статьями, монографиями, а также учебниками и словарями, в подготовке и издании которых он принимал непосредственное участие. Приезжал ли в те годы В.И. Лыткин из Москвы в Сыктывкар, я сейчас сказать не могу. Но точно помню, что каких-либо встреч маститого ученого со студентами коми отделения ни разу не было.

В 1970 г. мы начали учиться на последнем курсе нашего пединститута. Этот год был юбилейный для Василия Ильича – ему исполнялось 75 лет. На факультете было решено в декабре отметить эту дату – провести вечер, посвященный жизни и деятельности великого земляка. В связи с этим студентам коми отделения, в том числе и мне, было поручено подготовить несколько докладов и выступить с ними на этом студенческом мероприятии. В качестве гостя на вечер был приглашен кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Коми филиала АН СССР (так тогда назывался Коми научный центр РАН) Е.С. Гуляев – бывший аспирант В.И. Лыткина. В своем выступлении Евгений Семенович рассказал о своем научном руководителе, а также о том, как проходила их совместная работа по составлению «Краткого этимологического словаря коми языка», который недавно вышел в Москве, и показал нам это уникальное издание.

В следующем году после окончания пединститута меня пригласили в Коми филиал АН СССР для поступления в целевую аспирантуру при Институте языкознания АН СССР в Москве. При этом мне было сказано, что моим научным руководителем согласился быть профессор В.И. Лыткин, который в то время являлся заведующим сектором финно-угорских языков в Институте языкознания. После приезда в Москву осенью мне сообщили, что мой будущий научный руководитель находится в отпуске и собирается уехать на месяц на юг. И я вместе с одним коми аспирантом, также обучающимся в столице, но уже знакомым с В.И. Лыткиным, решил поехать на вокзал, чтобы увидеть Василия Ильича перед отправлением поезда, на котором он уезжал на отдых. На этой первой нашей встрече профессор пожелал мне успешно сдать все вступительные экзамены и стать аспирантом, чтобы после его возвращения вплотную заняться решением моих дел, и в первую очередь определиться с темой моей диссертации.

Потом с первого курса аспирантуры меня призвали на службу в армии. После того как я отслужил, оказалось, что Василий Ильич ушел на пенсию и как научный консультант только изредка появлялся в Институте. Но это изменение несколько не повлияло на характер его отношений со своими

учениками. Общаться с ним всегда было легко и просто, потому что он считался с нами как с равными собеседниками, невзирая на разницу всемирно известного ученого и человека, делающего только первые шаги в науке. Наш учитель всегда стремился быть в курсе не только наших аспирантских, но и домашних дел. У меня, например, часто спрашивал, что нового в Деревянске, как живут мои родители и т.д.

Оказывается, он не раз бывал в моей деревне – останавливался в доме родителей Е.С. Гуляева – во время следования в село Помоздино для участия в мероприятиях, посвященных коми писателю Тима Веню, а в молодости после демобилизации из царской армии и до призыва в Красную армию в период гражданской войны работал у нас учителем в школе.

**Здание Деревянской школы, открытое в 1900 году
и просуществовавшее до 1984 года**

Если возникала необходимость в срочной консультации или передаче ему для проверки какого-либо написанного раздела диссертации или статьи для журнала, он приглашал нас к себе домой. Такие встречи всегда заканчивались чашкой чая на их уютной кухне. Если же у кого-либо из его аспирантов заканчивался срок учебы в Москве и тот собирался возвращаться домой, Василий Ильич по такому поводу собирал у себя всех своих учеников и устраивал посиделки. В этом отношении аспиранты других институтов, проживающие в нашем общежитии, завидовали нам, потому что, как они рассказывали, их руководители не являлись такими «доступными», как наш, а просьбы о встрече постоянно откладывали то на неделю, то на месяц, а то и на полгода из-за чрезмерной занятости, или из-за подготовки выезда за рубеж, или по какой-либо иной причине. А если речь шла о завершающей стадии нахождения в аспирантуре, то выпускник обязан был организовать прощальную встречу со своим руководителем или в ресторане, или в кафе.

Много раз за помощью к Василию Ильичу я обращался в Ленинской библиотеке. Его можно было найти в читальном зале для докторов наук, куда он частенько приходил для ознакомления с новой научной литературой по своей теме исследования или по теме диссертации аспиранта, которая отсутствовала в его домашней библиотеке. В таких случаях мы с ним выходили в фойе библиотеки и обсуждали интересующую нас проблему. При этом время от времени к Василию Ильичу подходили какие-то люди и с большим почтением здоровались и разговаривали с ним. Многие из этих людей были его коллегами или бывшими аспирантами. Бросалось в глаза, что мой учитель искренне радовался успехам своих учеников. Потом, когда мы оставались опять одни, он с гордостью говорил мне, что вот этот человек еще совсем молодой, а уже доктор наук.

Действительно, велика заслуга В.И. Лыткина в подготовке кадров для отечественной науки. Список его аспирантов состоит из 29 человек. 28 из них защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук. Среди его аспирантов были не только коми-зыряне и коми-пермяки, но и удмурты, марийцы, мордва, карелы, эстонцы, русские.

Из Коми республики под руководством В.И. Лыткина подготовили и защитили диссертации десять человек (Г.Г. Бараксанов, Е.С. Гуляев, Е.А. Игушев, З.И. Кузнецова, В.А. Ляшев, А.Н. Ракин, Э.С. Сергеенко, В.С. Суханова, А.И. Туркин, Э.Е. Хозяинова), из различных областей Российской Федерации – пять человек (Е.Н. Борисова, О.П. Ермаков, З.П. Никулина, В.Н. Новпокровская, В.Г. Руделев), из удмуртии – четверо (В.К. Кельмаков, Р.Ш. Насибуллин, С.В. Соколов, Т.И. Тепляшина), из марийской республики – трое (М.Ф. Дружинина, Н.Т. Пенгитов, В.А. Саваткова), из Коми-пермяцкого округа – двое (Р.М. Баталова, Е.В. Ботева). По одному человеку защитили диссертации из Эстонии (А.-Р. Хаузенберг), из Карелии (И.В. Сало), из Мордовии (А.В. Якушкин). Впоследствии из числа аспирантов В.И. Лыткина 8 ученых стали докторами наук, в том числе по пермским языкам – шесть человек: Е.А. Игушев, А.Н. Ракин, А.И. Туркин – по коми зырянскому языку, В.К. Кельмаков, Р.Ш. Насибуллин – по удмуртскому языку, Р.М. Баталова – по коми-пермяцкому языку.

Надо отметить, что многие всемирно известные ученые, хотя и не были непосредственными аспирантами В.И. Лыткина, его также считали своим наставником, например венгерские профессора Карой Редей и Петер Домокош, немецкий профессор Вольфганг Феэнкер, коми фольклорист, литературовед и критик А.К. Микушев.

Большую работу В.И. Лыткин проводил в качестве авторитетнейшего эксперта в области отечественной филологии. Его часто приглашали оппонировать диссертационные работы не только по лингвистике, но и по

фольклору и литературоведению, в том числе и у представителей коми науки. Он являлся официальным оппонентом при защите диссертаций А.Е. Ванеева, Ю.Г. Рочева, В.В. Пахоруковой.

В.И. Лыткин для меня навсегда останется примером порядочности, принципиальности, скромности, искренности, уважительного отношения к окружающим, высокого чувства ответственности по выполнению своих обязанностей, трудолюбия и беспредельной преданности любимой профессии.

Бурлыкина М.И. Финно-угровед Василий Лыткин (Илля Вась). Жизнь и творчество. – Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2013. – 432 с.

Коми язык : энциклопедия. – М.: ДиК, 1988. – 608 с.

Марийские лингвисты : библиографический сборник / Мар. гос ун-т. – Йошкар-Ола, 2005. – 284 с.

Мордовские языки : энциклопедия / НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск, 2012. – 384 с.

Туркин А., Феэнкер Волфганг. К столетию со дня рождения Василия Ильича Лыткина // Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica, Heft 17. – Hamburger 1995. – 92 s.

Ученые Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН : библиографический справочник. – Сыктывкар, 2000. – 212 с. (Коми научный центр УрО РАН).

Христолюбова Л.С. Ученые-удмурты : библиографический справочник. – Ижевск: Удмуртия, 1997. – 860 с.

В.И. ЛЫТКИН – ПЕРЕВОДЧИК ВЕНГЕРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Н.А. Ракин,
научный сотрудник ИЯЛИ КНЦ УрО РАН
nikrakin@yahoo.com

Первая публикация коми переводов произведений венгерских авторов датируется 1928 годом. Эту дату можно считать отправной точкой в процессе ознакомления коми читателей с венгерской литературой. На сегодняшний день, по нашим данным, на коми языке можно прочесть более ста произведений шести десятков венгерских поэтов и писателей, а также фольклорные тексты (Ракин 2014а: 19–20; Ракин 2014б: 19–21; Raikin 2015).

Первым, кто обратился к переложению венгерских произведений на коми, был В.И. Лыткин (Илля Вась, 1895–1981). В 1927 г. коми поэт и ученый находился на учебе в Будапеште, где имел возможность освоить вен-

герский язык и познакомиться с венгерской литературой и культурой. Именно в это время он напрямую с оригинала переводит на коми язык наиболее близкие ему произведения венгерских классиков Шандора Петёфи (Petöfi Sándor, 1823–1849) и Эндре Ади (Ady Endre, 1877–1919), одно стихотворение менее известного поэта Дюлы Сэнтэши (Szentessy Gyula, 1870–1905) и одну народную песню. В.И. Лыткину принадлежат также первые переводы из других финно-угорских литератур: финской («Калева-ла», Ю.Х. Эркко), удмуртской (Кузубай Герд, Ашальчи Оки) (Ракин 2009: 73; Ракин 2014а: 64–65; Ракин 2014б: 21, 25; Ракин 2015; Ракин 2016; Rakin 2014).

В 1928 г. в журнале «Ордым» («Тропа») был напечатан перевод стихотворения Ш. Петёфи «Ночь» («Вой»/«Ej van...»). Это же произведение вошло в сборник стихов и переводов В. И. Лыткина «Кывбурјас» («Стихотворения»), изданный в 1929 г. Здесь же опубликованы переложения стихотворений Э. Ади «Кони смерти» («Кулёмлөн вөвьяс»/«A halál lovai»), венгерской народной песни «Майский жук» («Кальёзур»/«Cserebogár, sárga cserebogár») и ещё одного произведения без указания его автора: «Идут годы» («Мунёны войяс»).

Позже, в 1959 г., В.И. Лыткин в свой сборник стихов «Шонді петігөн» («На восходе солнца») включает следующие осуществленные им в 1956 г. переводы из Ш. Петёфи: «Любишь ты весну...» («Гажа тулыс дона тэд...»/«Te a tavaszt szereted...»), «Чёрный хлеб» («Сьод нянь»/«Fekete kenyér»), «Разлилася речка...» («Туёма тай ваыс»/«Kicsapott a folyó...»), «Неприятно это утро...» («Абу гажа арся асыв»/«Kellemetlen őszi reggel...»), «Сны» («Вөт...»/«Az álom...»).

К 1958 г. относится перевод «Герои в дерюге» («Сыри-летки паськёма геройяс» / «Rongyos vitézek»), а к 1973 г. – «Национальная песня» («Национальной сылланкыв»/«Nemzeti dal») и «Прощание» («Янсөдчөм»/«Vucsú»), опубликованные в журнале «Войвыв кодзув» («Северная звезда») в 1958 и 1973 гг. соответственно.

За исключением трёх последних, перечисленные переложения стихов Ш. Петёфи опубликованы также в сборнике произведений В.И. Лыткина «Дзордзав жё, Коми му» («Расцветай же, Коми край») в 1985 г.

В 1958 г. в журнале «Войвыв кодзув» под заголовком «Шандор Петёфилён стихьяс» (‘Стихи Шандора Петёфи’) вместе с вышеуказанными переложениями из Петёфи, относящимися к 1956 г., опубликован еще один перевод: «Ловья кёнкё, чөтлач синма нылёй?» (‘Жива, наверно, моя девочка с глазами, как голубика?’). Для данного переложения нами до сих пор не установлен оригинал. Возможно, оно ошибочно приписывается Ш. Петёфи и на самом деле принадлежит какому-либо другому венгерско-

му поэту, либо же это оригинальное произведение Лыткина, созданное по мотивам какого-либо венгерского стихотворения. Еще один перевод, опубликованный без указания автора подлинника – «Мунёны войяс» ('Идут годы'; сборник «Кывбурьяс», 1929 г.) – также некоторыми исследователями приписывается Ш. Петёфи (Туркин 1973: 57; Туркин 1974: 125). В действительности же, как указывает Д.Р. Фокош-Фукс, это переложение стихотворения «Mennek az évek» ('Идут годы') Дюлы Сентешши (Fokos 1931: 75).

«Майский жук»

Народная песня. Записи текста известны с конца XVIII в. Была очень популярна в XIX – начале XX вв. Известно большое количество вариаций. Исполнялась почти всеми более-менее значительными венгерскими цыганскими ансамблями. Ссылки на нее и упоминания встречаются у многих венгерских классиков.

*Cserebogár, sárga cserebogár,
Nem kérdem én tőled, mikor lesz nyár.
Azt se kérdem, sokáig élek-e?
Csak azt mondd meg: rózsámé lesz-e?*
Майский жук, рыжий майский жук,
Не спрашиваю я у тебя, когда будет лето.
И не спрашиваю, долго ль буду жить?
Скажи лишь: буду ли я принадлежать своей розе?

*Кальöзурöй, тувсов рытлөн гажöй,
Ог ме юав, кодыр воас гожöм,
Ог ме юав тенсьыд: дыр-ö ола ме...
Висьтав: сьöлöмиöрöйлөн-ö лоа ме?*
Майский жук, весеннего вечера радость,
Не спрашиваю я, когда придет лето,
Не спрашиваю я тебя: долго ль буду жить я...
Скажи: буду ль я принадлежать милой (милому)?

(Здесь и далее подстрочный перевод на русский язык с венгерского и коми. – Наш.)

В.И. Лыткин точно передает на коми языке содержание и форму песни, заменяя лишь эпитеты-определения майского жука и меняя местами последние строки текста. Венгерский текст является скорее обращением героя мужского пола к своей возлюбленной, так как обращение «роза» в венгерском фольклоре и поэзии используется для обозначения девушки, тогда как коми текст носит более общий характер и не указывает на то, какого пола действующие лица. Происходит это в силу замены образного обра-

щения «роза» на более общее *сьёләмшөр* 'милый/милая, любимый/ любимая, сердечный/сердечная, ненаглядный/ненаглядная'.

Дюла Сэнтэши: «Идут годы»

Дюла Сэнтэши – малоизвестный и в настоящее время забытый венгерский поэт. Его стихи о заводах и рабочих являлись предшественниками более поздней социалистической поэзии на эти темы.

*Mennek az évek,
Gyűlnek a vágyak!
Tűnik a napfény,
Nőnek az árnyak.
Hívös idő jár, — alkonyodik
És a bolond szív álmodozik...*
Идут годы,
Копятся желанья!
Исчезает солнечный свет,
Растут тени.
Становится прохладно, – смеркается
И сумасшедшее сердце мечтает...

*Мунёны войяс,
Кёсйёмным содö.
Рытланьын вуджөр
Кузьджыка водö.
Ывлаыс ыркаммö,
Лöz енэж сьодасьö.
Йöй сьёлём пемыдын
Мыйкö пыр вöтасьö...*
Идут годы,
Наши желанья растут.
Под вечер тень
Длиннее ложится.
Погода становится прохладнее,
Синее небо чернеет.
Сумасшедшее сердце в темноте
Все что-то грезит...

Коми текст на две строки длиннее оригинала из-за того, что в некоторых местах предложение в одну строку передается предложением, занимающим две строки. В остальном перевод очень точно передает содержание и форму подлинника.

Эндре Ади: «Кони смерти»

Эндре Ади – один из самых выдающихся венгерских поэтов XX в., яркий представитель венгерской политической журналистики. Тематика его поэзии охватывает все стороны человеческого бытия: стихи, написанные о родине или любви, являются такими же важными в его творчестве, как и стихи о свободе, равенстве, вере и брэнности человеческой жизни. Наряду с Шандором Петёфи и Аттилой Йожефом входит в тройку, которой очерчивают историю венгерской поэзии и которая более всего повлияла на её развитие. Поэзия Ади отличается от его предшественников, она дала начало целому литературному направлению, его стихи обновили литературный венгерский язык.

*Holdvilágos, fehér uton,
Mikor az égi pásztorok
Kergetik felhő-nyájokat,
Patkótlanul felénk, felénk
Ügetnek a halál-lovak....*

На освещенной луной, белой дороге,
Когда небесные пастухи
Погоняют стада-облака,
Без подков к нам, к нам
Несутся рысью кони смерти...

*Tölyes veyshöryin edjyid tui kuzya,
Kor enéj pastukjyas-tövjyas
Kymörsö-stadasö vötlöny,
Kykkokjyiv mortjyaslanь shunьgöny
Kulömlön borda kodь vövjyas...*

Лунной полуночью по белой дороге,
Когда небесные пастухи-ветры
Тучи-стада гонят,
Галопом к людям бесшумно несутся
Смерти крылатые кони....

Переводчик очень точно, почти дословно, передает содержание, образную систему, атмосферу произведения Э. Ади. Только в нескольких местах происходит раскрытие, объяснение некоторых образов оригинала: небесные пастухи → небесные пастухи-ветры, несутся без подков (неподкованными) → несутся бесшумно.

Поэзия Шандора Петёфи

Шандор Петёфи – крупнейший венгерский поэт XIX в., один из руководителей революции и освободительной борьбы 1848–1849 гг., её символ. Наиболее выдающийся и известный представитель венгерской поэзии, написавший за свою короткую жизнь (26 лет) почти 1000 стихотворений. Своим творчеством он ввел в венгерскую поэзию ранее неизвестные ей темы. Писал простым, понятным всем языком, чем способствовал проникновению в литературу повседневного народного языка. В его стихах в центре внимания мысль, а не внешняя форма.

О некоторых коми переводах из Петёфи в своих статьях писали венгерский литературовед Петер Домокош и коми лингвист Адольф Туркин (Domokos 1962; Туркин 1979; Turkin 1979). Анализируя переводы, они приходят к заключению, что В.И. Лыткин хорошо передаёт не только содержание, но и форму оригиналов. Как отмечает А.И. Туркин, В.И. Лыткин любил поэзию Ш. Петёфи, старался при переводе как можно точнее передать мысли поэта.

Действительно, переводы В. И. Лыткина точны по содержанию и форме. Однако встречаются и расхождения с оригиналом. Так, переводчик в своих переложениях часто как бы объясняет, раскрывает мысли автора, вследствие чего коми тексты становятся менее лаконичными, чем оригинал. Например, в стихотворении «Сны»: *Álmában a király/Nem büntet, nem kegyelmez, nem bírál.../Nyugalmat élvez.* ('Во сне король/Не карает, не милует, не судит.../Наслаждается покоем') – *Вӧтнад корольыд оз дур:/Шыӧн-пуртӧн вӧрӧгӧс оз такӧд,/Некодӧс оз судит ни оз джагӧд,/Узьӧ сылӧн сэки юр.* ('Во сне король не бесится:/Копьём-ножом врага не успокаивает,/ Никого не судит и не травит,/Спит у него тогда голова'). Коми перевод в данном случае содержит 17 строк вместо 16-ти в оригинале.

В стихотворении «Разлилася речка...» переводчик, как и во многих других переложениях, заменяет характерное обращение к любимой девушке *роза* (в данном случае *édes rózsám* 'моя милая роза') на более нейтральное *кӧзюк* 'милая'.

Точно, почти дословно, на коми язык переложено стихотворение «Герои в дерюге», в котором говорится о том, что поэзия, стихи, сила слова также являются оружием в достижении свободы и счастья, как и непосредственно борьба на поле боя. В переводе отсутствует вторая строфа оригинала. Трудно установить, является ли это результатом невнимательности переводчика либо же типографской ошибкой – стихотворение опубликовано один раз в 1958 г., более поздних публикаций нет.

Перевод стихотворения «Неприятно это утро...» точно передает настроение поэта, его мысли и тоску, вызванную мрачной погодой поздней осени и разлукой с близкими людьми. В некоторых местах переводчик опускает сравнения оригинала, но в то же время компенсирует их по мере возможности в других местах перевода.

В стихотворении «Черный хлеб» ржаной хлеб выступает в качестве символа бедности матери поэта, которая беспокоится, что не может накормить сына белым хлебом. В отличие от Венгрии, где ели и едят в основном белый пшеничный хлеб, употребление черного хлеба у коми не являлось признаком бедности, поэтому переводчик заменяет две строки оригинала, где более прямо указывает на бедность: *Мыйла тӧждысян тэ, муса мамӧй,/Сы понда, мый няньным миян съӧд?/Кодыр керка помад нянь тор абу,/Еджыд няньӧн лоан ӧмӧй пӧт?* ('Почему тревожишься ты, милая мама,/Потому что наш хлеб черный?/Когда дома куска хлеба нет,/Белым хлебом разве наешься?'). Тогда как в оригинале об этом говорится более индифферентно: *Miért aggódol, lelkem jó anyám,/Hogy kenyéreted barna, e miatt?/Hisz meglehet: ha nincs idehaza,/Tán fehérebb kenyérrrel él fiad.* ('Почему ты беспокоишься, душенька матушка,/Что хлеб наш черный, из-за этого?/

Ведь может быть: если не дома,/Может на более белом хлебе живет твой сын’).

Дальше, чем остальные переводы, от оригинала отстоит более сложная для переложения «Национальная песня» – призыв венгров на революционную освободительную борьбу. Стихотворение переводилось посредством русского языка, коми текст во многом повторяет перевод Л. Мартынова, чем и объясняются расхождения между ним и подлинником. Этим же обусловлено и отсутствие у В.И. Лыткина пятой строфы в переводе «Прощания».

Для переводов В.И. Лыткин выбирает в основном ранние стихи Ш. Петёфи, не относящиеся к наиболее значительным и известным его произведениям (исключение составляет «Национальная песня»). Объясняется это, возможно, тем, что данные тексты, написанные в народном стиле, в силу своей несложности в языковом плане были более легки для понимания и переложения на коми язык. Тематика выбранных для переложения произведений также близка творчеству В. И. Лыткина как поэта и коми литературе тех лет в целом.

Владение венгерским языком, родство пары языков, участвующих в процессе перевода, филологическая, лингвистическая подготовка и собственный поэтический талант переводчика способствуют тому, что В. И. Лыткин создает точные, адекватные оригиналу коми переложения из венгерской поэзии. В любом художественном переводе неизбежны расхождения с подлинником, связанные с невозможностью передачи той или иной особенности языка, формы или содержания оригинала. Особенно это относится к поэтическим переводам. Отступления от исходного текста встречаются и в переводах В.И. Лыткина. Вероятно, из-за этих изменений (минимальных) под всеми переводами коми поэта стоит *Петёфи серти* (‘по Петёфи/по мотивам Петёфи’), *Ади вылысь* (‘с Ади’). Данная практика характерна не только для переводов с венгерского языка, но и для остального переводческого творчества В.И. Лыткина.

Ракин Н.А. О некоторых финно-угорских переводах «Калевалы» // Финно-угроведение. – 2009. – № 2. – С. 69–76.

Ракин Н.А. «Калевала» на коми языке в контексте некоторых аспектов теории и практики художественного перевода. – Тарту: University of Tartu Press, 2014.

Ракин Н.А. Приложения к работе «„Калевала” на коми языке в контексте некоторых аспектов теории и практики художественного перевода» // «Калевала» на коми языке в контексте некоторых аспектов теории и практики художественного перевода. – Тарту: University of Tartu Press, 2014.

Ракин Н.А. «Калевала» на коми языке: переводы В. И. Лыткина, А. И. Туркина, А. Истоминой (М. Елькина, В. Т. Чисталева) // Vabaduse kontsept Ida-Euroopa kirjandustes. Концепт свободы в литературах Восточной Европы. The concept of freedom in the literatures of Eastern Europe. Teesid / Тезисы / Abstracts. – Narva: Tartu Ülikooli Narva Kolledž, 2015. – С. 28.

Ежегодник финно-угорских исследований. – 2016. – № 2. – С. 49–57.

Туркин. А.И. Венгриялӧн первой поэт (Шандор Петёфи чужан лунсянь 150 во тыригкежлӧ) // Войвыв кодзув. – 1973. – 1 №. – 55–57 л.б.

Туркин. А.И. Венгеро-коми литературные связи // Север. – 1974. – № 8. – С. 122–126.

Туркин А.И. Илля Вась – Шандор Петёфиӧс комиӧдысь // Войвыв кодзув. – 1979. – 12 №. – 51–53 л.б.

Domokos P. Litkin Vaszilij – Petöfi komi (zürjén) fordítója // Irodalomtörténet. – 1962. – № 2. – S. 325–329.

Fokos. D. Új zürjén irodalom (Negyedik közlemény) // Magyar Nyelvör. – LX. – 1931. – S. 75–76.

Rakin N. Mutual Komi – Finnish translations // Mitteilungen der societates uraloaltaica. Heft 28. 30. Internationale Finnougristik-Studierendenkonferenz. Georg-August-Universität Göttingen, 9. – 12. April 2014. Zusammenfassungen. – Göttingen, 2014. – S. 104–105.

Rakin N. Hungarian – komi and komi – hungarian translations // XXXI. International Finno-Ugric Students' Conference (Pécsi Tudományegyetem. 15). – 18.04.2015. Abstracts. – Pécs, 2015. – S. 82–83.

Turkin A. Petöfi komi fordítója // Szovjet Irodalom. – 1979. – № 11. – S. 158–160.

НОВЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИЖЕМСКОМУ ДИАЛЕКТУ КОМИ ЯЗЫКА

А.Н. Рассыхаев,
старший научный сотрудник
ИЯЛИ КНЦ УрО РАН
rassyhaev@mail.ru

Участие в экспедициях с целью сбора фольклорно-этнографических материалов по ижемским коми, организованных при финансовой поддержке Этнокультурного центра Ненецкого автономного округа, позволило окунуться в необычный мир культуры оленеводов и языка коми-ижемцев – «*изьва кыы*».

Полевые исследования были проведены в нескольких населенных пунктах с компактным проживанием коми-ижемцев, хорошо владеющих родным языком. В июне 2014 г. материалы были собраны в г. Нарьян-

Маре, дер. Волоковой и в чуме у р. Захарьин (Тиманская тундра); в августе 2015 г. – в пос. Каратайка (Большеземельская тундра), в марте 2016 г. – в пос. Харута (Большеземельская тундра), находящегося на территории Усинского р-на Республики Коми. За время экспедиций удалось пообщаться с 70 информантами, родившимися и большую часть жизни прожившими в Канино-Тиманской, Малоземельской или Большеземельской тундрах, но в настоящее время живущими в вышеназванных населенных пунктах. Интервью были записаны преимущественно на цифровой диктофон, в некоторых случаях – на видеокамеру, выполнено более 74 часов записи.

Как исследователя традиционной духовной культуры, меня интересовали материалы, отражающие фольклорную традицию ижемских коми. Собранные полевые материалы использовались при подготовке сборника фольклорных текстов (Рассыхаев, Кудряшова 2014), статей в научных журналах и СМИ. При расшифровке аутентичных материалов и подготовке текстов к публикации возникали трудности с переводом отдельных слов на русский язык. При поиске значений слов были использованы академические издания, такие как диалектные словари коми языка (ССКЗД 1961; Безносилова 2012; Безносилова 2014), монография «Ижемский диалект коми языка» (Сахарова, Сельков 1976), «Словарь Мужевского говора ижемского диалекта коми-зырянского языка» (Кузнецова 2010). Однако в некоторых случаях в словарях отсутствовала интересующая нас лексика. Причиной этого, на наш взгляд, является недостаточное изучение говоров ижемского диалекта на территории Ненецкого автономного округа. Ижемский диалект был исследован в Республике Коми в бассейне Ижмы и ср. Печоры (Сахарова, Сельков 1976: 5–7), Тюменской области (с. Мужы и Шурышкары – Жилина Т.И., Колегова Н.А., 1959 г.; Кашкин Е.В., Бирюк О.Л., Усачева М.Н., 2008–2010 гг.), Мурманской области (Сахарова М.А., Сельков Н.Н., 1959 г.; Бараксанов Г.Г., 1985 г.). Однако нет никаких сведений о том, что в НАО организовывались диалектологические экспедиции; имеется лишь упоминание, что в НАО значительная часть ижемцев проживает в Нарьян-Маре, Тельвиске, Волоковой и Несь (Сахарова, Сельков 1976: 3). К сожалению, в монографии нет указания на то, что при составлении диалектных словарей коми языка использовались материалы экспедиций, проводимых в 1960-1970-х гг. фольклористами ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Соответственно, лексика, характерная для ижемских говоров НАО, не была приведена в изданных работах.

Прежде чем перейти собственно к выявлению новой лексики ижемского диалекта коми языка, хотелось бы остановиться на некоторых наблюдениях, касающихся владения родным языком носителями диалекта.

По Всероссийской переписи населения 2010 г., на территории НАО проживало более 40 тысяч человек, из них – более 7 тысяч ненцев, 3623 коми, в т.ч. 1 коми-ижемец (ВПН 2010). В этой связи следует подчеркнуть, что преобладающее большинство коми населения в округе говорит на ижемском диалекте, а общественное движение «Изьватас» в своих региональных представительствах в течение двух десятилетий проводило работу, направленную на этническую самоидентификацию коми-ижемцев как отдельного народа. В беседах информанты называли себя коми, коми-зырянами, зырянами, ижемцами, коми-ижемцами. При этом к ижемцам себя отнесли лишь несколько человек, знакомые с работой МОД «Изьватас» и участвовавшие когда-либо в мероприятиях движения.

Опрошенные в 2014 г. в Нарьян-Маре информанты советовали нам в поисках сохранившихся традиций и языка коми отправиться в Хонгурей, Харуту, Хорей-Вер, Волоковую, Усть-Кару. Это населенные пункты были образованы в начале XX в. Мнения нарьян-марских рассказчиков совпали с нашими ожиданиями: в этих деревнях и поселках звучит коми речь. Анализ исторических документов и рассказов старожилов позволяет сказать, что ижемские коми в этих селениях являются или первопоселенцами (пос. Харута), или одними из первых жителей наряду с другими народностями – ненцами и русскими. Обосновались они в конце XIX – начале XX вв., отойдя от кочевого оленеводства (дер. Волоковая), или в годы коллективизации, спасаясь от репрессий (дер. Волоковая), также в период образования оленеводческих культурных баз для кочевников (пос. Каратайка, Хонгурей, Хорей-Вер). В предвоенные годы в НАО оказались ижемцы, успевшие в 1920–1930-х гг. получить образование в школах Коми АССР и владеющие литературным коми языком. В эти населенные пункты коми прибывали и во второй половине XX в. В основном это были специалисты для образовательных и культурных учреждений, рыболовных, оленеводческих и охотничьих артелей и хозяйств. Педагогические кадры занимались обучением в школах коми языку на факультативной или урочной основе, снабжали выпущенными в Коми АССР изданиями по литературе, фольклору, языку, создавали самостоятельные фольклорные коллективы.

Таким образом, в НАО проживают коми-ижемцы, попавшие в округ в результате разных волн миграции. В наших аудиозаписях представлены лексические данные, зафиксированные от ижемцев, родившихся в тундре или во вновь образованных поселках и деревнях округа.

Относительно уровня владения языком в населенных пунктах Волоковая, Нарьян-Мар, Каратайка и Харута наблюдается следующая тенденция: старшее поколение (70–80-летние собеседники) уверенно говорит на ижемском диалекте, 40–50-летние ижемцы предпочитают общаться на

русском языке, употребляя иногда в беседе родную речь, молодёжь и дети не только не говорят на коми языке, но и не понимают и не идентифицируют себя как ижемцы.

В настоящее время коми язык в НАО преподают на факультативной основе в школе-интернате г. Нарьян-Мар. Землячество «Коми чукер» проводит языковые курсы при этнокультурном центре НАО. Коми язык в качестве включенного в учебный план урока преподается в начальном звене школы пос. Харута. Программа основывается на старых учебниках для 1 и 2 класса, подготовленных и изданных в Республике Коми. Возможно, именно благодаря обучению в харутинской школе коми языку в 2016 г. нам удалось услышать коми речь от школьников и молодежи.

По мнению исследователей, в ижемских говорах аффрикаты произносятся несколько мягче, чем в остальных коми диалектах (Сорвачева 1961: 456). В среде ученых распространено мнение о том, что за пределами Республики Коми, в местах компактного проживания ижемских коми, сохранились исконные черты «материнского говора». Прежде всего, отмечают мягкость произношения аффрикат: **видя** – лит. **видза**, **телядь** – лит. **челядь**, **тём** – лит. **чом**, **дёдег** – лит. **дзодзюг** и др. Лингвисты приходят к выводу, что «аффрикаты в диалекте не имеют единого произношения. Колебание в произношении аффрикат зависит не столько от фонетических условий, сколько от возраста, пола, степени образованности говорящих» (Сахарова, Сельков 1976: 25). Наши наблюдения за речью ижемских коми, проживающих в НАО, приводят к таким же выводам.

В данной работе приведена лексика, не зафиксированная в диалектологических словарях. Для иллюстрации к каждому слову подобран контекст, указан информант, место записи. В некоторых случаях в квадратных скобках даны соответствия из опубликованных работ. Отметим также, что собранный в экспедициях материал требует дальнейшей детальной обработки, поэтому в представленной работе дана небольшая часть новой лексики.

ГУГУНЫР – кукла из утиного или гусиного клюва.

Гугунырыслысь нинэмен синсэ он кар – аслас топ ныр вылас эм кутшемке рузьторьяс – бусьтэ сыа синьясыс / Гугуныру глаза не делали – на самом клюве есть какие-то отверстия – как будто это глаза (Рочева А.И., 1933 г.р., пос. Каратайка, 25.08.2015 г.).

ИЗ (букв. камень) – В Тиманской тундре так называют Тиманский кряж. Ми доранум тоже, ми дорам волісныс Из дінэ / К нам тоже, к нам приезжали на Тиманский кряж (Терентьева Ф.А., 1932 г.р., дер. Волоковая, 2014 г.). Ср. ИЗ – Урал (вв., иж., печ., уд.) (Безносилова 2012: 583).

КЫЧНАВНЫ – оцениться.

Миян приплодсэ сетіс, пыр вöлі упряжкаад аслад, мыйке медлане кыч-наліс да, быдтор / У нас [собаки] приплод давали, всегда в упряжке свои, главное, чтоб оценились (Чупров А.И., 1938 г.р., пос. Каратайка, 31.08.2015 г.). Ср. КЫЧНАСЬНЫ, КЫЧАНАСЬНЫ – оценить, собака оценилась (вым., печ., уд., лл., скр., сс.) (Безносикова 2012: 805).

ЛЕСТАН – оселок, точильный брусок.

Пурт вöлі. Важен ме кодлэнке лестан – брусочек / Нож был. Раньше я когда-то [видел] оселок – брусочек. (Чупров А.И., 1938 г.р., пос. Каратайка, 31.08.2015 г.). Ср. ЛЕСТАН – оселок (продолговатое точило из мелкозернистого природного камня, используется для заточки ножей и для подравнивания заточенных предметов) (Кузнецова 2010: 99).

ОТСЭГЛАСДОРАВНЫ – слаженно работать

Мам шьет, и всё шила, шьет и всё поёт. Мама, песни-то старые ты очень много пела здесь. Ну, отсэгласдоралэ / Ну, слаженно работаете (Терентьева Ф.А., 1932 г.р., дер. Волоковая, 2014 г.).

ПЫРР – команда собаке собрать оленей в стадо.

Кинад макнитан и шуан «пырр!» / Руками махнешь и скажешь [собаке] «пырр!» (Канева Д.А., 1928 г.р., г. Нарьян-Мар, 15.06.2014 г.).

ЧЕЛЮК – кличка оленя.

Ог тöд, нимьяссэ пуктэныс ли оз ли. Сяке ног ни – Хорейко да, Челюк да, кутшемке сэтшем / Не знаю, клички дают или нет. По-разному – Хорейко, Челюк и какие-то такие (Артеева Д.Ф., 1939 г.р., г. Нарьян-Мар, 14.03.2014 г.).

РУБЕЖ – медные бляхи на оленеводческом поясе (тасма).

А сья эта кöртъясыс / А это – эти железки-бляхи. (Чупров А.И., 1938 г.р., пос. Каратайка, 31.08.2015 г.). Ср. РУБÖЖ – в этом же значении используется в романе Г.А. Юшкова «Бива».

ТШУКЕМ – сглаз.

Тшукем – значит, кодке вомдзалис. И вот без конца кучас чарзыны челядыс / Тшукем – значит, кто-то сглазил. И вот без конца дети будут реветь (Терентьева Ф.А., 1932 г.р., дер. Волоковая, 2014 г.).

ТШУКЕМ ВИСЕМ – сглаз.

А вот думайтэныс, тшукем, бабъяс висьталэныс, тшукем, тшукем висем / А вот думают, сглаз, бабушки говорят, сглаз, болезнь сглаз (Терентьева Ф.А., 1932 г.р., дер. Волоковая, 2014 г.).

ТШУКНЫ – сглазить.

Ог тöд, кудь, кудь вомдзалэныс. Пыр тай висьталасныс, тшукема мыйке, вомдзалэмась, тшыкема / Не знаю, как, как сглазят. Всё время говорят, сглазили что-то, сглазили, испортился (Терентьева Ф.А., 1932 г.р., дер. Волоковая, 2014 г.).

ТЭЧСЬЫНЫ – проводить жертвоприношение.

Чиститэмась тай быдсэн сэтысь, ёгсэ и быдсэн мыйке – бара тэчсьыны ли ёшлыны мёдэныс ли. Ог тёд, мый мёдэныс карны / Почистили там всё, мусор и всё остальное – снова собираются проводить жертвоприношение или вешать вещи. Не знаю, что будут делать (Терентьева Ф.А., 1932 г.р., дер. Волоковая, 2014 г.).

ТЭЧСЯН МЕСТЭ – место жертвоприношения.

И сэтэн выйим мыйке, сэтшем мича тэчсян местэ / И там есть это, такое красивое место для приношения даров (Терентьева Ф.А., 1932 г.р., дер. Волоковая, 2014 г.).

ЧУЖАЛАН – лечение больного прикладыванием зажженной древесной губы. «Грибной нарост на березах («пакула») сушат, и из него вырезают небольшой конус (приблизительно 10 мм диаметром основание, 30 мм высотой чужалан или ядро)» (Рассыхаев, Кудряшова 2014: № 51). Ср. ЧУЖАЛЭМ (вв. – Вишера) – то же (Безносилова 2014: 733).

ЧУЖАВНЫ – лечить с помощью зажженной древесной губы.

Сэсса мушку вылам чужалісныс – и ставыс справиччис / Потом на спину «чужалан» поставили – и справился (Рассыхаев, Кудряшова 2014: № 52).

ЯНДО – не оленевод; любой человек, не имеющий отношения к жизни в тундре, в чуме.

Маме из Ижмы, а айэ – из Сизябска, Ыб. Оленевод вёлэма тоже, а мамес Ижмаысь босьтлэма – яндо – велэдэма чомъяс оонысэ / Мама из Ижмы, а отец – из Сизябска. Оленеводом он был, а маму из Ижмы взял – яндо – научил жить в чуме (Чупрова М.П., 1933 г.р., г. Нарьян-Мар, 16.03.2014 г.) Ср. ЯНДО – северная овчарка (с короткой шерстью и стоячими ушами) (Сахарова, Сельков 1976: 155; Безносилова 2014: 878); ЯНДО – несведующий в оленеводстве человек (Кузнецова 2010: 191).

Безносилова Л.М., Айбабина Е.А., Забоева Н.К., Коснырева Р.И. Коми сёрнисикас кывчукёр. Словарь диалектов коми языка : в 2 т. / ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН; под ред. Л.М. Безносиловой. – Сыктывкар: ООО «Изд-во “Кола”», 2012. – Т. I.: А–О. – 1096 с.

Безносилова Л.М., Айбабина Е.А., Забоева Н.К., Коснырева Р.И. Коми сёрнисикас кывчукёр. Словарь диалектов коми языка : в 2 т. / ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН; под ред. Л.М. Безносиловой. – Сыктывкар: ООО «Изд-во “Кола”», 2014. – Т. II.: П–Я. – 888 с.

ВПН 2010 – Всероссийская перепись населения 2010 года. Т.4: Национальный состав и владение языками, гражданство // Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf (дата обращения: 10.11.2016 г.).

Бирюк О.Л., Кашкин Е.В., Кузнецова А.И., Усачёва М.Н. Словарь мужевского говора ижемского диалекта коми-зырянского языка / под ред. А.И. Кузнецовой. – Екатеринбург: Баско, 2010. – 320 с.

Фольклор ижемских коми в Ненецком автономном округе: сборник фольклорных текстов / сост. А.Н. Рассыхаев, В.М. Кудряшова. – Сыктывкар; Нарьян-Мар, 2014. – 504 с.

Сахарова М.А., Сельков Н.Н. Ижемский диалект коми языка. – Сыктывкар, 1976. – 285 с.

Сорвачева В.А. Краткий грамматический справочник по диалектам коми-зырянского языка // Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / сост. Т.И. Жилина, М.А. Сахарова, В.А. Сорвачева; под общ. ред. В.А. Сорвачевой. – Сыктывкар, 1961. – С. 456-489.

ССКЗД 1961 – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Сост. Т.И. Жилина, М.А. Сахарова, В.А. Сорвачева; под общ. ред. В.А. Сорвачевой. – Сыктывкар, 1961. – 492 с.

ШКОЛЬНОЙ УДЫСКЫЛЬЁСЪЯ ПРОЕКТ НО УДМУРТ КЫЛЭЗ ДЫШЕТОН ШКОЛАОСЫН

Салминен Эса-Юсси

лектор финского языка, УдГУ
ejsalminen@gmail.com

2007-тй арын Европакысь Союзлэн но Россилэн огъя бадзым финн-угор проектэз малпамын вал, кудйзлэн одйгез азьмугез таёе: вить финн-угор кыльёсын (коми, пор, эрзя, мокша но удмурт) нош ик школаосын дышетон мед кутскоз шуыса (дышетон предмет сяна). http://szdsz.blog.hu/2007/07/19/unios_tamogatas_az_oroszorszagi_finnugor.

Со проектлэн кивалтйез тодмо венгер тодосчи, финно-угровед Янош Пустаи.

Туала вакытэ финн-угор кыльёслэсь югдурзэс умоятон понна та тужгес но кулэ луись вамыш луысал шуыса малпало. Проект кутскиз терминологической кыллюкамьёс бордысен: финн-угор кыльёсын дышетон понна удыскыльёс кулэ. Котькуд кыллэн школалы нимкыльёс дас удысьёсыя поттэмын: кыл, литература, история, обществензнание, география, биология, химия, физика, математика но информатика.

Озыен, та проектъя лэсьтэмын но печатламын 50 удыскыльёсын кыллюкамьёс, котькудаз ог 40–60 бам, сюосын нимкыльёс. Та ини умой вамыш финн-угор кыльёсты утёнын. Таос сяна, Я. Пустаи поттйз на котькуд кыллэсь кыллюкамьёссэ огазеяса терминьёсыя анализ. Соос возматэмын

мукет ньыль кылэн чӧшатыса. Та ужын сӓрттӓмын-пертчемын, кылсярысь, кызы кылдытӓмын та нимкыльӓс, ас кылысь-а соос луо яке зӱч кылысь-а яке зӱч кыл пыр вуэмын-а?

Мокша, эрзя, коми но пор кыльӓсы лӓсьтӓм эскерон ужӓс потӱзы ини азьлогес, 2013–2015-тӱ арӓсы. Таиз уж удмурт кыллӓсь школалы удыскыльӓсты эскеронъя иське проектлэн берпуметӱез эскерон уж луэ (Пустаи 2015). Татын вань мукет кыльӓсысь (мокша, эрзя, коми но пор) удыскыльӓсты удмуртэн чӧшатыса возматӓмын. Соин ик лыдзись туж капчиен адзӱны быгатӓ, кыче кыльӓсын шедьтӓмын ас кыльем удыскыл, кыче кылын со зӱч кылысь яке зӱч кыл пыр асӓстӓм луэ но о. а. Таӓе ӓзвиян уж (анализ) одно ик азьланяз но ӧнерчиослы удыскыльӓс бордын ужаны юрттоз. Нош ӓшшо но пыр-почгес ӓзвиян, удыскыльӓсты 70 пӧртӓм туркымлы люкон (отын ик 14–17-тӱ бамӓсын), мынам малпамея, мултӓс схематической но детализированной луэ нимаз-нимаз удыскыльӓс бордын ужан понна. Мукет кыльӓсын чӧшатоно ке, удмурт кылын куд-ог удысьӓсын трогес ас кылысь удыскыльӓс. Номыр но паймымонӓз ӧвӧл, мокша но эрзя кыльӓсын асӓстымтӓ кыльӓс ӧжытгес шуыса, мукет кыльӓсын чӧшатыса.

Вань удысьӓсысь нимкыльӓсты огазеян юрттӓ югдурез валаны, удысьӓсты чӧшатыса учкыны (отын ик 420–421-тӱ б.). Кылтодонъя, биология, обществознания, география но литература удыскыльӓс чӓмысь асӓстымтӓ кыльӓс луо, нош мукет удысьӓсын чӓмгес кутӓмын асӓстӓм яке калыккуспо удыскыльӓс. Таиз валамон: та удысьӓсын кулӓ луись кыльӓс чӓмысь огшоры кыльӓс луыса нуналлы быдӓ улонын кутӱсько. Химия, физика, математика но история удыскыльӓсысь тросӓз сыӓе чӓм огшоры улонын уг кутӱсько. 1920-тӱ но 1930-тӱ арӓсын уже кутӓм выль удыскыльӓс но та проектн лыдӓ басьтӓмын. Соку информатика чик азинскемын ӧй на вал, соин ик таяз удысын тужгес но трос асӓстӓм удыськыльӓс, нош озы ке но асӓстымтӓосыз но вань – 22,2 %.

Удмурт но пор кыльӓсын информатика удыскыльӓсты азьло проектӓсын поттӓмын ини (учкы: <http://translatedby.com/you/anglo-russko-marijsko-udmurtiskij-it-slovar/into-udm/>), нош нокытын но гожтӓмын ӧвӧл кадь, таос Я. Пустаилэн бадзӱм проектаз лыдӓ басьтӓмын, яке ӧвӧл. Кӧня ке пӧртӓмлыкӓс та кык кыллюкамӓс вискын вань ик: кылсярысь, *курсор* валӓктон Я. Пустаилэн кивалтӓмез улсын проектӓ *курсор* шуыса гинӓ пусьемын, нош азьло кыллюкамын со *возматӓт* шуыса нимамын.

Удыскыльӓсын огъя список, кудазын пӧртӓм удысьӓсысь, нош турлы кабӓсын нимкыльӓс пумиськисько, туж пайдалыко (отын ик 417-тӱ бам). Таӓе удыскыллэн пуштросӓз одӱг, соин ик трос вариантӓс луыны кулӓ ӧвӧл. Кылсярысь история кыллюкамын *национализация* гожтӓмын, нош

обществознания кыллюкамын со интые *кунваньбуртон* пумиське. Я. Пустаи ваньзэ та выллем вариантёсты уг пусйы. Кылсярысь, *слог* валэктон кылтодонъя кыллюкамын *кыльёз* шуыса гожтэмын, литература кыллюкамын *куара герзет*, нош огазям кыльёслэн кутсконазы эшшо *слог* кутйське на. Умой луысал таёе учырёсты эскерыны, но трос вариантёс интые одйгзэ гинэ юнматыны.

Нош мар огъя проект сярысь верамын, өжыт валантэмгес кыле. Та проектлэн азьмугез финн-угор кыльёсты школаосы пöртэм предметёсты дышетонэ пыртон луэ (яке оло сыёе азьмуг ик öй вал, зэмзэ верано ке?). Табере удыскыльёс сэрттэмын-пертчемын ини, кыллюкамёс вань. Мар эшшо кулэ на? Малы ке проект уг ни азинскы кадь? Кыззы Я. Пустаи пусье, та нырысь ик политической юан, дышетонъя политикаен герзаськемын. Со гожтэ на, кыззыгес проектэз азылантоно: терминологиез эшшо волятоно, ас кылын дышетскон книгаосты гожтоно, дышетйсьёсты дасяно. Мон соглаш соин, та ваньмыз туж кулэ, нош мынам малпамея, юнме могзетёсты но кылдытоно öвöл.

Нырысь ик терминология сярысь. Сое умой-умой азыланыны уг луы, практикае, улонэ пычатытэк. Соосты уже кутыса гинэ, валаны луэ, яралозы-а соос. Та сярысь ик вераскон мынэ «Удмурт кылтодон нимкыллык» справочниклэн азыкылаз: «Та бичетэ пыртэм нимкыльёс одно ик кутон понна пыртэмын öвöл, соос возматом, сыёе термин вань (яке вал) шуыса, но кудзэ бырьёз улон яке туалы кыллюкамёс – соиз ини мукет ужпум... Пумаз сётэм буш бам юромом творческой лыдзисьёс понна чакламын: выль малпанёс, выль нимкыльёс одно пусйиськыса мед кылёзы, малпан дуннеямы гинэ ышыса медаз кыле» (Сергеева 2012: 4).

Тужгес но умой луысал, удыскыльёсты кылдытон уж но соосты уже кутон артэ мынысалзы ке. Соин ик, терминологияын кыёе ке тырмымтэосты чакланы луэ ке, со нокыёе могзет öвöл соосты уже кутон понна: нимысьтыз, соку одно ик уже кутон, умойгес сое тупатыны мед быгатомы шуыса. Школа понна радьям терминологиез но азыланьтыны луонлыкёс кылдысалзы, соосты школаосын уже кутысалзы ке. Нимкыллык ас понназ дышетоньын самой валтйсь ужпум öвöл: нылпиос нырысь ик валаны кулэ олокыёе но явлениосты, малпанёсты, нош кыззы соосты умойгес ниманы, соиз ини бöрсяз мынйсь ужпум. Эшшо малпан кылдэ: пöртэм предметёсты удмурт кылын нуыны кутскизы ке, ёемгес ик со нырысетй классёсын луоз дыр. Нырысетй классёсын тодослыко нимкыльёс трос-а кулэ? Терминология ноку но нокыёе но кылын дась уг луы: со улонлэн ортчемеяз но наукалэн азинскемезья воштйськыны кулэ.

Удмурт кылэз но литератураез котьку но дышетйзы удмурт сямен. ХХ даурлэн кыкетй жыныяз дышетскон зуч терминологиез уже кутысагес орт-

чиз, но удмурт кылын гожтэм дышетскон книгаос но, грамматикаос но зуч нимкыльёсты уже кутыса гожтэмын вал. Соку умойтэм терминология дышетонын но кычѐ могзѐт ѓз кылдыты бере, малы меда али ас кылын терминологийсы тырмымтѐос люкетыны быгатысалзы? (Та чурьѐсты гожтѐсь но 1997-тѐй арын удмурт кыллы дышетскиз удмурт кылын зуч терминологиез уже кутыса гожтэм грамматикаосъя. Зуч кылѐз тодѐсьтэм адямины но та бадзѐым ужпум ѓй вал – кѐнялы ке гинѐ дышетсконлы люкетѐз).

Удмурт кылын дышетонѐз школаосын паськытатонѐ ке, выль дышетскон книгаос кулѐ. Бен, таин соглаш луонѐ, нош мукет куньѐсысь примерѐс возматѐ: дышетсконѐз кулѐ дырѐяз радѐяны луѐ одѐг кылын, нош дышетскон книга мукет кылын луыны быгатѐ. Удмурт кыл сярысь ке малпано, котькытын туала вакытѐ пумиськыны луѐ суро-пожо удмурто-зучо кылѐн. Школаын кулѐ дырѐяз озы ик луиз ке, мар кышкытѐз со бордын? Удмурт кылын дышетыны быгатѐсь ѓнерчиосты шедьтыны туж ик секыт ѓвѐл, али но трос усто удмурт кылѐз тодѐсь тодосчиос но пѐртэм удысьѐсья дышетѐсьѐс вань ини.

Тунсыко чѐшатыны удмурт кылѐз саам кыльѐсын туала вакытѐ. Трос дырѐя Финляндиын но Россиын но адямиос шуѐ, малы финнѐс критиковать каро Россиез, кукѐ Финляндиын саамѐслѐн ситуацизы но урод. Зѐм, саам кыльѐслѐн но югдурзы идеальной ѓвѐл. Азьло удмурт кыллѐн югдурез (1960-етѐй арѐсозь) школаосын трослы умойгес вал, саам кыльѐслѐн туж урод. Туннѐ нуналѐ на оборот луиз. Али саам кыльѐсын дышетскыны луѐ ни куд-ѓг школаосын тросгес но тросгес предметѐсты. Та сярысь информация но точной статистика шедьтыны луѐ капчиен интернет бамѐс пыр но, (кыл сярысь: <http://www.samediggi.fi>). Удмурт кыл удмурт кыльѐя но литературая урокѐс сяна кытын ке кутѐське-а, со сярысь нокин но уг тоды, информация но сычѐм секытен гудыса шедьтоно, что со вуонѐ нимаз статьяослѐн темазы луоз. Сूपыльтонѐс вань уг, кытын ке кычѐ ке экспериментѐс лѐсьтѐмын ни шуса. Пусьѐм на: Финляндиын саамѐс 10000 пала гинѐ, удмуртѐс примерно 60 поллы тросгес.

Пустаи Я. Анализ словарей школьной терминологии удмуртского языка. TERMINOLOGIA SCHOLARIS – Analysis – V. NH-Collegium Fenno-Ugricum. – Badacsonytördemic. 2015. – 427 с.

Сергеева Н.А. Удмурт кылтодон нимкыллык – Ижкар: Удмурт университет книгапоттонни, 2012. – 498 с.

КАТЕГОРИЯ ЛИЦА-ЧИСЛА ГЛАГОЛА В ЯЗЫКЕ КИРОВСКИХ ПЕРМЯКОВ

С.А. Сажина,
старший научный сотрудник
ИЯЛИ КНЦ УРО РАН
sazinas@rambler.ru

Язык кировских пермяков, традиционно именуемый верхнекамским наречием коми-пермяцкого языка, представляет собой уникальную форму коми языка, развивавшуюся в определенных исторических и социальных условиях. Исследуемый идиом распространен в верховьях Камы, на территории Афанасьевского района Кировской области. Изолированность от основного этнического массива, сильное влияние окружающих русских говоров, отсутствие письменности и литературного языка способствовали формированию в нем целого ряда специфических особенностей.

Данная территориальная разновидность коми языка не являлась объектом специального синхронного научного исследования. Некоторые его особенности отражены в ряде научных статей: Г.А. Нечаева (Нечаев 1930), Е.Н. Федосеевой (Федосеева 2008, 2008а, 2010, 2015), автора настоящей статьи (Сажина 2014, 2014а, 2016, 2016а); обобщающем труде по коми-пермяцкой диалектологии Р.М. Баталовой (Баталова 1975: 221–223).

Нами был предпринят лингвистический анализ грамматических категорий глагола в языке кировских пермяков: выявлены изменения и их причины в образовании и дистрибуции членов грамматических категорий. Эмпирическую базу исследования составили языковые материалы диалектологических экспедиций автора в район проживания кировских пермяков в период с 2002 по 2012 гг. Теоретической основой для исследования верхнекамского глагола послужила работа Е.А. Цыпанова «Грамматические категории глагола в коми языке» (Цыпанов 2005). Исследователь выделяет шесть грамматических категорий коми глагола:

- 1) категория наклонения, через которую реализуется глагольная модальность;
- 2) категория лица-числа, формальными средствами которой выражается глагольная персональность;
- 3) категория времени, посредством которой выражается глагольная темпоральность;
- 4) категория залога, через которую реализуются глагольные диатезы;
- 5) категория способа глагольного действия, выражающая глагольную аспектуальность;

б) категория степеней действия глагола, формальными средствами которой выражается интенсивность/эффективность действия (Цыпанов 2005: 27).

Имеющийся лингвистический материал по языку кировских пермяков позволяет охарактеризовать пять грамматических категорий верхнекамского глагола: наклонения, лица-числа, времени, залога и способа глагольного действия. Категория степеней действия глагола не рассматривается, так как употребление с глаголами специальных формантов со значением степени проявления действия в исследуемом идиоме не зафиксировано. Интенсивность/эффективность действия выражается в нем синтаксически, посредством приглагольных наречий.

Предметом исследования в настоящей статье является базовая словоизменительная категория глагола – категория лица-числа, функциональным предназначением которой является выражение глагольной персональности. Данная категория в исследуемом идиоме представлена грамматическими формами 1-го, 2-го, 3-го лица единственного и множественного числа.

Система лично-числовых показателей верхнекамского глагола дана на примере глагола *мунны* ‘идти’ в трех синтетических временах в табл. 1. В таблице не приведены лично-числовые показатели во II прошедшем времени, так как имеющийся диалектный материал демонстрирует лишь формы 3-го лица единственного и множественного числа: ед. ч.: *мунӧма* ‘он, оказывается, ушел’, *абы/абу мунӧма* ‘он, оказывается, не ушел’; мн.ч. ‘*мунӧмас’ // мунӧмӧс’* ‘они, оказывается, ушли’; *абы/абу мунӧмӧс’ // абы/абу мунӧмас’* ‘они, оказывается, не ушли’.

Таблица 1

Система лично-числовых показателей глагола верхнекамского наречия

<i>Лицо/число</i>		<i>Время глагола</i>		
		<i>настоящее</i>	<i>I будущее</i>	<i>I прошедшее</i>
1 лицо ед. ч	положит.	<i>муна</i>	<i>муна</i>	<i>муни</i>
	отрицат	<i>ог мун</i>	<i>ог мун</i>	<i>эг мун</i>
1 лицо мн. ч.	положит.	<i>мунам(ӧ)</i>	<i>мунам(ӧ)</i>	<i>муним(ӧ)</i>
	отрицат	<i>ог мунӧ</i>	<i>ог мунӧ</i>	<i>эг мунӧ</i>
2 лицо ед. ч.	положит.	<i>мунан</i>	<i>мунан</i>	<i>мунин</i>
	отрицат	<i>он мун</i>	<i>он мун</i>	<i>эн мун</i>
2 лицо мн. ч.	положит.	<i>мунанӧ</i>	<i>мунанӧ</i>	<i>мунинӧ</i>
	отрицат	<i>он мунӧ</i>	<i>он мунӧ</i>	<i>эн мунӧ</i>
3 лицо ед. ч.	положит.	<i>мунӧ</i>	<i>мунас</i>	<i>мунис</i>
	отрицат	<i>оз мун</i>	<i>оз мун</i>	<i>эз мун</i>
3 лицо мн. ч.	положит.	<i>мунӧны</i> <i>мунӧнӧ</i> <i>муныны</i>	<i>мунасӧ</i>	<i>мунисӧ</i>
	отрицат	<i>оз мунӧ</i>	<i>оз мунӧ</i>	<i>эз мунӧ</i>

Формы 1-го лица единственного и множественного числа, 3-го лица ед. числа в исследуемом нами идиоме представлены вполне стандартно, как и в других коми диалектах. Среди лично-числовых показателей верхнекамского глагола особый интерес вызывают положительные формы 2-го лица множественного числа в настоящем/будущем и I прошедшем временах, а также положительные формы 3 лица множественного числа настоящего времени.

Формы 2-го лица множественного числа. В верхнекамском наречии положительные формы 2-го лица множественного числа в настоящем/будущем и прошедшем временах образованы соответственно с помощью суффиксов *-анӧ*, *-инӧ*. Примеры: *мый дырна эшӧ о ланӧ татӧн* 'как долго вы еще пробудете здесь?'; *ти йурбитанӧ?* 'вы молитесь?'; *кыз' нӧ шэ динӧ таччӧ?* 'как вы попали сюда?'; *ы лыс'ӧ та лун ло ктинӧ?* 'издалека ли сегодня вы приехали?'

Идентичные формы обнаруживаем лишь в мысовско-лупьинском диалекте коми-пермяцкого языка: наст. вр. *гижанӧ* 'вы пишете', *кэранӧ* 'вы делаете'; прош. вр. *мунинӧ* 'вы ушли', *пыринӧ* 'вы зашли' (Баталова 1975: 183; Пономарева 2002: 133); во всех остальных коми-пермяцких диалектах рассматриваемые формы образуются посредством *т*-овых маркеров: *-атӧ* (наст. вр. *мунатӧ*), *-итӧ* (прош. вр. *мунитӧ*); в коми-зырянских – *-анныд/аныд*, *-инныд/иныд*.

По мнению Р.М. Баталовой, форманты *-анӧ*, *-инӧ* развились в результате влияния формы 2-го лица ед. числа *-ан*; *-ин* (Баталова 1982: 140). Л.Г. Пономарева, исследовавшая мысовско-лупьинский диалект, подвергает сомнению приведенное выше предположение по причине того, что изменения произошли именно в мысовско-лупьинском диалекте и не затронули другие коми-пермяцкие диалекты. Она полагает, что данные суффиксы в мысовско-лупьинском диалекте появились под влиянием соседних верхневычегодских говоров (ср. вв. *-аннид*, *-иннид*) (Пономарева 2002: 129). В.В. Понарядов данные суффиксы считает рефлексамии старых позднепрапермских форм (Понарядов 2002: 18).

Похожие формы с выпадением конечного *-д* бытуют в ряде среднесысольских говоров: *-аны*, *-анны* в настоящем и *-ины*, *-инны* в прошедшем времени: *Мый вис'таланы?* 'Что скажете?'; *Мый горзанны?* 'Что вы кричите?'; *Удзӧдины, эг уд'ит локныс* 'Обделили едой, не поспел вовремя?'; *мыйкӧ тай надзминны, зэл надзӧн кутинны мунны* 'что-то вы замедлили ход, совсем тихо стали идти' (Колегова, Бараксанов 1980: 49–51). Варианты *-аны* и *-ины* наиболее близки к верхнекамским и мысовско-лупьинским формам. Можно предположить, что верхнекамские глагольные суффиксы *-анӧ/-инӧ* имели аналогичное среднесысольским развитие:

-анныд / -аныд > -анны / -аны > -анö;
-инныд / -иныд > -инны / -ины > -инö.

Переход ауслатного *ы* в *ö* мог быть обусловлен влиянием форм 1-го и 3-го лица множественного числа.

Формы 3-го лица множественного числа. В настоящем времени положительного спряжения данные формы представлены вариативными формами на *-öны*, *-öнö* и *-ыны*, их употребление дифференцировано территориально (по говорам). Форманты *-öнö* и *-ыны* развились из *-öны* в результате ассимилятивных процессов. Примеры: *Т'ийас динö ку'чыс'асö, круг ыжыд т'ёрны, йöктöны, пэс'н'айас с'ылöны* 'За руки возьмутся, делают большой хоровод, танцуют, песни поют'; *нö'шöн нö'шалöнö л'он* 'колотушкой колотят лён'; *трубайасыс вот тай тшындöдöнö* 'трубы вот дымят'; *га'гйас вэтлöнö* 'насекомые ползают'; *ö'ни вэд'уж по'лöнö с'ö'кыда ту ужа'лыны* 'сейчас ведь боятся тяжелой работы'.

Если форма на *-öнö* встречается и в других коми диалектах (лл, нв., южн. кп), то вариант *-ыны* не представлен более ни в одном из них. Он зафиксирован в южных говорах верхнекамского наречия (дер. Першино. Порошино, Меркучи, Карасюрово) и является новообразованием, развившимся вследствие регрессивной ассимиляции. Примеры: *муныны пэ'с'н'айасöн, гармошка бос'тасö* 'идут с песнями, гармошку возьмут'; *ас'ны'с с'ы'лыны, йö'ктыны, о'рсыны* 'сами поют, танцуют, играют'; *празнуй-тисö и час празнуйтыны* 'праздновали и сейчас празднуют', *н'и'а мö'дкод'эма ба'итыны* 'они по-другому говорят'.

В целом, для верхнекамского наречия характерны ассимилятивные явления в области гласных (сравни, *өрö'ш* < *ырöш*, *л'о'мпу* < *л'öмпу*, *карс'а* < *корс'а*, *мо'длун* < *мöдлун*, и др.), в связи с этим появление формы на *-ыны* вполне объяснимо.

Кроме форм на *-ыны* в этих же говорах в речи некоторых информантов нами зафиксированы формы с показателем *-ины*: *тэчины* 'складывают', *вöчины* 'делают', *кы'йины* 'вяжут', *гы'ччас'ины* 'качаются', *вэ'шс'ас'ины* 'обмениваются'. При анализе текстов изначально данные формы мы восприняли за формы прошедшего времени. Однако во всех верхнекамских говорах они образуются посредством суффикса *-исö*. Подтверждением тому служат примеры, в которых формы настоящего и прошедшего времени соседствуют: *Зөр и'засö, тожно' зö'рыс' вö'чины өрö'ш, бра'га. Брага тö'миталисö, вö'чисö, и сы'өн ко'дэдзисö* 'Овёс смелют, затем из овса делают квас, брагу. Брагу томили, делали, и от неё хмелели'. Предположительно, данный вариант появляется после мягких согласных. Хотя переход *ы* в *и* после мягких согласных для верхнекамского наречия в целом не характерен: *тэнс'ыд* 'у тебя', *с'ылны* 'петь', *л'эччыны* 'спускаться'.

По образованию форм 3-го лица множественного числа в будущем (-асö) и I прошедшем времени (-исö) исследуемый идиом примыкает к коми-пермяцкому диалектному ареалу. Примеры: *пыза`н сайö ну`кс'асö* ‘за стол сядут’; *д'эз кө`рталасö* ‘веревку привяжут’; *коди вэ`рэк сайö му`нисö* ‘некоторые замуж вышли’; *пö`рыс'йöзыс ба`итаисö* ‘старые люди говорили’ и др. В коми-зырянских диалектах отмеченные формы образуют суффиксы -асны // -асни // -асныс // -аныс // -аны в будущем и -исны // -исни // -исныс // -иныс // -ины в прошедшем времени (Попова, Сажина 2014: 209).

Специфика отрицательной парадигмы спряжения глагола заключается в том, что отрицательный глагол 2-го лица множественного числа в языке кировских пермяков имеет *н*-овую форму, как и в коми-зырянских диалектах. В коми-пермяцких диалектах – *од/одö, эд/эдö*. Примеры: *он мунö* ‘не пойдете’, *он с'этö* ‘не отдадите’; *эн гижö* ‘не пишите’, *эн с'о`рн'итö* ‘не разговаривайте’, *ти ол'а банка ордад эн воллö сэкöсти* ‘вы к бабке Оле не приходили тогда?’.

Говоря о выражении глагольной персональности в языке кировских пермяков, отдельно следует привести положительную парадигму спряжения глагола *вöлны* ‘быть, иметься, существовать’, употребляющегося только в прошедшем времени:

Таблица 2

Спряжение глагола *вöлны*

	Единственное число	Множественное число
1 лицо	<i>вöлин</i>	<i>вöлинö</i>
2 лицо	<i>вöлин</i>	<i>вöлинö</i>
3 лицо	<i>вöлин</i>	<i>вöлинö</i>

Как видно из таблицы, в верхнекамских говорах наблюдается неразличение форм данного глагола по лицам. В парадигме закрепились формы 2-го лица. Указание на лицо при этих формах осуществляется посредством личных местоимений, в 3-м лице также существительных. Примеры: *мэ и`чöт ышö` вö`лин* ‘я ещё маленькая была’; *мэ эшö томын'ик ны`лочка вö`лин* ‘я ещё молоденькой девушкой была’; *Быданцэвйас вö`линö ми* ‘Быданцевы мы были’; *тэ вö`лин ичэ`т'ик* ‘ты был маленьким?’; *көн ти та`лын вö`линö?* ‘где вы сегодня были?’; *көн у`шна вö`лин* ‘конюшня была’; *а`йыс вö`лин ко`н'ухöн* ‘отец был конюхом’; *о`з'жык эд э`шиöм д'эрэвн'айас вö`линö ы`жыдöс'* ‘раньше ведь деревни такими большими были’. Причина данного явления, вероятно, кроется в природе глагола *вöлны* ‘быть’ – отвлеченного глагола, лишённого вещественного значения и имеющего только грамматическое значение.

Таковы вкратце основные особенности грамматических форм, составляющих категорию лица-числа в языке кировских пермяков.

Баталова Р.М. Коми-пермяцкая диалектология. – М., 1975.

Баталова Р.М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки). – М.: Наука, 1982. – 167 с.

Колегова Н.А., Бараксанов Г.Г. Среднесыольский диалект коми языка. – М., 1980. – 228 с.

Нечаев Г.А. Нечаев Г. Характеристика зюздинского диалекта коми языка // Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка. – Сыктывкар, 1930. – Вып. 1. – С. 7–27.

Понарядов В.В. Фрагмент исторической морфологии пермского глагола: категория лица. – Сыктывкар, 2002. – 28 с.

Пономарева Л.Г. Фонетика и морфология мысовско-лупьинского диалекта коми-пермяцкого языка : дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2002. – 207 с.

Попова Р.П., Сажина С.А. Фонетические и морфологические особенности коми диалектов (сравнительный аспект исследования). – Сыктывкар, 2014. – 272 с.

Сажина С.А. Функционирование языка кировских пермяков в условиях межъязыкового взаимодействия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 3. – Ч. 2. – С. 172–174.

Сажина С.А. Язык кировских пермяков: к проблеме генезиса // Вопросы финно-угорской филологии. – Сыктывкар, 2014(а). – С. 130–136.

Сажина С.А. Консонантизм языка кировских пермяков // Сибирский филологический журнал. – 2016. – № 1. – С. 240–249.

Сажина С.А. Фонетические и морфологические маркеры языка кировских пермяков // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2016(а). – № 2 (12). – С. 40–48.

Федосеева Е.Н. Лексические заимствования в словарном составе языка верхнекамских коми // Ашмаринские чтения : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Чебоксары, 2008. – С. 188–192.

Федосеева Е.Н. Лексические особенности языка кировских пермяков // Пермистика XII: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. – Ижевск, 2008. – С. 338–342.

Федосеева Е.Н. К вопросу о месте верхнекамского наречия в системе коми языков (на материале лексики) // Материалы XXXIX Международной филологической конференции (15–20 марта 2010 г.) Уралистика. – СПб., 2010. – С. 88–93.

Федосеева Е.Н. Общее и частное в лексике верхнекамского наречия коми-пермяцкого языка // Современное удмуртоведение в контексте компаративистики, контактологии и типологии языков. – Ижевск; Будапешт, 2015. – С. 505–511.

Цыпанов Е.А. Грамматические категории глагола в коми языке. – Сыктывкар, 2005. – 284 с.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ ЧИСТЫЙ / ГРЯЗНЫЙ, ПРОЗРАЧНЫЙ / МУТНЫЙ В КОМИ ЯЗЫКЕ

М.А. Сидорова,
студент МГУ им. М.В. Ломоносова
b.originative@gmail.com

1. Введение: задача и типологический фон

В статье рассматриваются лексемы, принадлежащие к семантическим полям качественных признаков ЧИСТЫЙ, ПРОЗРАЧНЫЙ, ГРЯЗНЫЙ и МУТНЫЙ. Материал собран в ходе полевой работы с носителями зауральских говоров ижемского диалекта коми языка в 2016 г. в с. Мужы и с. Овгорт Шурышкарского р-на ЯНАО. В качестве фона приводятся также данные от носителя говора с. Няшабож Ижемского р-на Республики Коми (1966 г.р., с 2011 г. проживает в с. Овгорт). В исследовании выявляются параметры, структурирующие данные семантические поля в коми языке. Полученные результаты сопоставляются с типологическими данными (в рамках фреймового подхода к лексической типологии, опирающегося на сочетаемостный анализ лексем, см. (Рахилина, Резникова 2013).

Семантические поля ЧИСТЫЙ / ГРЯЗНЫЙ и ПРОЗРАЧНЫЙ / МУТНЫЙ на данный момент изучены мало. Единственное типологическое исследование представлено в (Архангельский и др. 2011), где на материале пяти языков (русского, английского, китайского, восточноармянского и греческого) показаны некоторые типологические параметры организации данных семантических полей. Так, для ЧИСТОГО важно различие между отсутствием грязи vs. отсутствием примесей, поскольку в некоторых языках для этих фреймов могут использоваться различные лексемы. В зоне ПРОЗРАЧНОГО значимо агрегатное состояние вещества, поскольку в некоторых языках для описания данного признака применительно к жидкостям и газам используется одна лексема, а к твердым веществам – другая. Для ГРЯЗНОГО, как и для МУТНОГО, релевантна степень проявления признака. В МУТНОМ возможны разные лексемы для объектов, которые плохо пропускают свет (вода с посторонними частицами), и для непроницаемых объектов (матовое стекло). В зоне ГРЯЗНОГО варьирует количество противопоставлений – бывают языки, развивающие одно противопоставление (негрязный vs. грязный), но есть языки и с двумя противопоставлениями в этой области (негрязный vs. грязный vs. очень грязный, ср. англ. *filthy*, обозначающее высокую степень загрязненности).

Кроме того, в (Архангельский и др. 2011) подчеркивается, что рассматриваемые семантические поля являются смежными, в пользу чего говорит несколько фактов. Во-первых, существуют объекты, для которых один признак имплицитно подразумевает другой (как вода и воздух). Например, если вода чистая, то ничто не мешает разглядеть дно, и это равносильно тому, что вода прозрачная (ср. армянский: *včit* ‘чистый, прозрачный’). То же самое в этом контексте верно для пары признаков ГРЯЗНЫЙ – МУТНЫЙ.

Во-вторых, метафоры ЧИСТОГО и ПРОЗРАЧНОГО часто пересекаются: один и тот же сдвиг может в одних языках развиваться у лексемы со значением ‘чистый’, в других – со значением ‘прозрачный’ (ср. *честный* – в греческом языке из зоны ЧИСТОГО, в китайском – из зоны ПРОЗРАЧНОГО).

Нами также были собраны данные некоторых других финно-угорских языков (мокшанского и хантыйского), позволяющие уточнить набор релевантных противопоставлений для исследуемых семантических полей. В нашем изложении они будут привлекаться в качестве фона.

2. Данные коми языка

2.1. Чистый, прозрачный

Семантическая зона ЧИСТОГО в коми представлена в основном лексемой *сӧстэм*, а зона ПРОЗРАЧНОГО – лексемами *сӧдь* и *сэзь*. На периферии данного семантического поля находится лексема *югыд*. В идиолекте носителя из с. Няшабож в зоне ПРОЗРАЧНОГО, как правило, используется лексема *прозрачнэй*.

2.1.1. Лексема *сӧстэм*

Данная лексема имеет значение ‘чистый, опрятный’ (представляет собой морфологический каритив от *сӧс* ‘грязь’ (КРС 1961: 640) и является доминантной в семантической зоне ЧИСТОГО. Она имеет широкую сочетаемость и может описывать разные классы объектов, например среды (вода и воздух: *Миян юанум ваыс сӧдь / ^{ОК}сӧстэм¹ да чӧскыд* ‘У нас в реке вода вкусная и чистая’), различные поверхности (оконное стекло, посуда, стол, пол), одежду, части тела (волосы, лицо, руки), помещение (например, дом). Данная лексема покрывает как фрейм отсутствия грязи (*Сӧстэм посудасэ колэ димлӧоны шкапас* ‘Чистую посуду нужно убрать в шкаф’), так и фрейм отсутствия примесей (*Сыа выйыс зэй сӧстэм, сэтче нинэм абу соттэмась* ‘Это масло очень чистое, туда ничего не добавляли’).

Кроме того, лексема *сӧстэм* используется в контекстах отсутствия чего-либо постороннего, но не грязи, в пространстве (например, дорога, с ко-

¹ С помощью ^{ОК} обозначаются лексемы, разрешенные носителями в рассматриваемых контекстах, но не являющиеся первой реакцией на стимул.

торой зимой убирают снег) или на поверхности (чистое лицо – то есть лицо без веснушек, прыщей и т.д., ср. *Этия детинаыслэн абу прыщикьяс, рожаяс сӱстэм* ‘У этого мальчика нет прыщей, лицо чистое’).

У данной лексемы не обнаружилось сочетаемостных ограничений на одушевленность/неодушевленность объекта (*Пыысян бӱрас сӱстэм мортыс* ‘Человек **чистый** после бани’, ср. с примерами неодушевленных объектов выше).

Заметим, что в идиолекте носителя из с. Няшабож сочетаемость лексемы *сӱстэм* устроена иначе. Довольно частотным является заимствование *чистэй*, в то время как носители зауральских говоров, как правило, не признают его как слово коми языка. Лексема *сӱстэм* в материалах от этого носителя часто возникает, во-первых, с названиями сред (вода и воздух), а во-вторых, в контекстах, где чистота является результатом некоторого воздействия (например, ‘чистые волосы’, но не ‘чистый лес’). Данная лексема не покрывает фрейм отсутствия чего-либо постороннего, а также не описывает одушевленные объекты. При этом выявленные для говора с. Няшабож закономерности пока представляют собой скорее тенденции, чем четкие правила.

2.1.2. Лексема *сӱдӱ*

Согласно словарям (КРС 1961: 639), (КЭСКЯ 1970: 262), (ССКЗД 1961: 344) *сӱдӱ* имеет значение ‘прозрачный, чистый, ясный’.

В зауральских говорах данная лексема имеет только значение ‘прозрачный, чистый’ применительно к таким объектам, как вода и воздух, при этом она скорее принадлежит к зоне ПРОЗРАЧНОГО. Так, если в примере *Миян юанум ваыс сӱтишэм сӱдӱ / ^{OK}сӱстэм, дажэ изъяс тыдалэныс* ‘У нас в реке вода такая **прозрачная**, что даже камни видны’ исключить признак чистоты, но оставить признак прозрачности, *сӱдӱ* будет по-прежнему возможно (*Миян юанум ваыс сӱтишэм сӱдӱ / *сӱстэм, дажэ изъяс тыдалэныс, но ва вылас выйым ёг* ‘У нас в реке вода такая **прозрачная**, что даже камни видны, но на поверхности плавает какой-то мусор’). Лексема *сӱдӱ* не сочетается с именами, обозначающими пространства, помещения, части тела, непрозрачные поверхности.

Согласно словарям, в особенности (КЭСКЯ 1970), лексема *сӱдӱ* также имеет значение ‘чистый, беспримесный’ (о ценных металлах, волокне и др.), т.е., в нашей терминологии покрывает фрейм отсутствия примесей, однако в исследуемых идиомах такого значения не обнаружилось, и вместо этого используется *сӱстэм* (*Этия свитраыс кыема ^{OK}сӱстэм / *югыд / *сӱдӱ вуруньсы* ‘Этот свитер сделан из **чистой шерсти**’).

Кроме того, лексема *сӱдӱ* может иметь значение ‘очень, совсем’ (КЭСКЯ 1970), т.е. выступать в роли интенсификатора. Как отмечается в (Сажина

2016), в диалектах коми языка функцию интенсификатора выполняют различные лексемы, в том числе приводится пример с интересующей нас лексемой (*сӧдз вэс'кыд* 'совершенно трезвый' (Сажина 2016)). В исследуемых зауральских говорах она действительно может использоваться в качестве интенсификатора, ср. *сӧдъ дик* 'совсем дурак, полный дурак', но более подробно сочетаемость лексемы *сӧдъ* в этой функции нами пока не исследована.

2.1.3. Лексема *сэзь*

В словарях (КРС 1961: 661), (КЭСКЯ 1970: 271), (ССКЗД 1961: 358) в качестве первого и основного значения для этой лексемы приводится 'безоблачный, ясный (о небе)'. Это подтверждается и в нашем материале: *Небесаыс сэзь, кодюоясыс тыдалэныс* 'Небо чистое, видны звезды'. В исследуемых диалектах *сэзь* покрывает некоторые фреймы в зоне ПРОЗРАЧНОГО, а именно, описывает воздух (*Воздухыс сэзь, и ылэ ме адьдя* 'Воздух ясный, прозрачный, и далеко видно') при отсутствии тумана или дыма, загрязнения, характеризует воду и невозможна в сочетании со всеми остальными классами объектов.

2.1.4. Периферия: лексема *югыд*

Периферия семантических полей ЧИСТЫЙ и ПРОЗРАЧНЫЙ представлена лексемой *югыд* 'светлый, ясный' (ср. по (КРС 1961: 811–812) не только значение 'светлый, ясный', но также и 'чистый, прозрачный'), причем этимологически эта лексема возводится к корню со значением 'свет, блеск, сияние' (КЭСКЯ 1970: 334). В значениях ЧИСТЫЙ и ПРОЗРАЧНЫЙ *югыд* разрешается в контекстах на стыке ПРОЗРАЧНОГО и СВЕТЛОГО (*Завесьяс югыд, и ставыс тыдалэ* 'Занавески прозрачные, и все видно'), также о воде в водоеме (если видно дно) и о прозрачных твердых объектах, (оконное стекло, зеркало несколько реже – стеклянная посуда, ср. *Быльыдыс мыськема, югыд* '<Стеклянная> тарелка вымыта, она прозрачная') и о прочих прозрачных материалах и объектах, которые из них сделаны (например, прозрачный пакет).

Интересно, что такую же полисемию демонстрирует лексема *valdә*, покрывающая зону ПРОЗРАЧНОГО в мокшанском языке. Исходно она также развивается из СВЕТЛОГО, но в современном языке покрывает тот же набор фреймов (объекты, имеющие функцию быть источником света, либо степень освещенности пространства в зоне СВЕТЛОГО, а также среды и объекты, сделанные из материалов, хорошо пропускающих свет в зоне ПРОЗРАЧНОГО). Это говорит о смежности данных семантических полей.

2.2. Грязный, мутный

Семантическое поле ГРЯЗНЫЙ покрывают лексемы *нясьти, нйит, сьӧд* и *сӧс*. Зона МУТНОГО представлена лексемой *гудыр*.

2.2.1. Лексема *сьöd*

Лексема *сьöd* со значением ‘черный, темный, грязный’ (КЭСКЯ 1970: 269) в зауральских говорах является центром семантического поля ГРЯЗНЫЙ. Данная лексема обладает широкой сочетаемостью (устроенной практически симметрично с *сöстэм*), однако в меньшей степени может описывать загрязнение таких сред, как вода или воздух. Лексема нейтральна по степени проявления признака: она может использоваться как в контекстах, где загрязнение значительно, так и применительно к меньшей степени загрязненности, однако если в первом случае часто предпочитается *нясьти* или *няйт*, подробнее см. 2.2.2, то во втором носители всегда склонны употреблять именно *сьöd*. (*Поскыс абу мыськема, сьöd* ‘Пол немытый, **грязный**’, комментарий носителя: ‘Это грязноватый’. <...> *Киэс иг мыськы, ^{OK}сьöd* ‘<Ребенок играл в песке>, *Руки* я не мыл, **грязные**’). Следующий пример иллюстрирует, что у лексем *сьöd* в изучаемых говорах действительно есть значение ‘грязный’, а не только ‘черный, темный’, поскольку признаки *еджыд* и *сьöd* в этом примере не исключают друг друга. *Миян керкаын еджыд сöстэм посуда. Обед бöрас сьа лоо нясьти / ^{OK}сьöd* ‘У нас дома белая чистая посуда. После обеда она становится **грязной**’.

Похожая полисемия наблюдается в хантыйском языке, где лексема *piti* совмещает в себе значения ‘черный’, ‘грязный’, однако имеет более узкую сочетаемость, чем *сьöd* в коми. В хантыйском языке *piti* описывает в основном воду и некоторые поверхности (окно, зеркало, пол).

Что интересно, в некоторых других идиомах (например, по данным от носителя говора с. Няшабож) у *гудыр* отсутствует значение ‘грязный’, и *сьöd* всегда интерпретируется как ‘черный’ (*Петя мунис еджыд ковёр кузьяс няйт / *сьöd сапöгьяснас и няйт / #сьöd¹ коктуяс колис* ‘Петя прошел по белому ковру в грязных сапогах и оставил грязные следы’).

2.2.2. Лексема *нясьти, няйт*

Лексем *нясьти* ‘грязный’ и *няйт* являются вариантами, распределенными по диалектам (ССКЗД 1961: 254). Морфологически это имена существительные со значением ‘грязь’, причем в зауральских говорах *няйт* отсутствует. В идиоме носителя из с. Няшабож присутствуют обе лексем, взаимозаменяемые в любых контекстах.

Лексема *нясьти* хорошо сочетается с названиями предметов, частей тела, большинства поверхностей, помещений, но практически всегда запрещается с названиями сред (вода и воздух, причем на сочетание с воздухом

¹ Возможно в данном контексте, но с интерпретацией, отличной от ожидаемой. Носитель комментирует, что следы должны быть черными, т.е. если на ковре остался песок, то употребить лексему *сьöd* уже нельзя.

запрет более строгий). При этом данная лексема допускается, как правило, только в контекстах осязаемой степени загрязненности, видимой грязи (*Кинас муас гудрасема, кияс нясьти / *сьод лоома* ‘Руками копался в земле, и руки грязными стали’), причем довольно часто – природной. Таким образом, в коми языке важным параметром, структурирующим поле ГРЯЗНОГО, является степень проявления признака.

2.2.3. Лексема *сӧс*

По всей видимости, в коми присутствует два противопоставления по степени загрязненности. Наибольшая степень описывается лексемой *сӧс* со значением ‘грязный, гнилой, поганый, нечистый, скверный’, ‘погань, скверна’ (КЭСКОЯ 1970: 264), (ССКЗД 1961: 345, 278), причем эта лексема имеет ярко выраженную семантику негативной оценки. Сочетание *сӧс дӧрэм* носители объясняют таким образом, что рубашка настолько грязная, что не годится даже на тряпки. Сочетаемость лексемы *сӧс* ограничена: она не может описывать загрязнение воздуха и запрещается с названиями пространств.

У этой лексемы много метафорических переносов с сильной отрицательной оценкой, например, *сӧс кыы* – ‘человек, который нецензурно выражается’ (досл. ‘поганый язык’) и *сӧс кыла морт; сӧс морт* ‘отвратительный человек’¹, сочетание *сӧс висьӧм* ‘сифилис’, досл. ‘грязная / скверная болезнь’, по данным словаря (ССКЗД 1961: 197), есть только в ижемском диалекте. Кроме того, у лексемы *сӧс*, как и у ее диалектного варианта *пеж* (КЭСКОЯ 1970: 526), есть значение ‘поганый; нечистый (не допускаемый в качестве пищи)’, ср. *сӧс тшаак* ‘несъедобный гриб, поганка’ (Словарь мужевского говора 2010: 155).

2.2.4. Лексема *гудыр*

Лексема *гудыр* ‘мутный’, ‘муть, мрак’ (КРС 1961: 175) покрывает семантическое поле МУТНЫЙ, причем, как правило, описывает состояние, возникшее в результате внешнего воздействия, аналогично мокшанскому *ӥор’аф* ‘мутный’, но в мокшанском языке сильнее выражена семантика внешнего воздействия (*Ваыс пуэ, гудыр* ‘Вода кипит, мутная’, *Майтэга ваыс зэй гудыр* ‘Мыльная вода очень мутная’², *Тыяс ва вылас туруныс, ваыс нюйтэсь / ОК гудыр* ‘В озере плавает тина, вода мутная’). Мокшанское *ӥор’аф* запрещается во всех контекстах, где отсутствует внешнее воздействие, приводящее к перемешиванию среды с некоторыми мелкими частицами до однородного состояния. Кроме того, лексема *гудыр* не сочетается с названиями большинства твердых объектов. Как и мокшанское *ӥор’аф*, *гудыр* сочетается с названиями сред, но в коми она не разрешается

¹ Комментарий носителя: «В глаза так не скажешь».

² Во всех приведенных примерах невозможно употребить *сьод*.

по отношению к воздуху (КРС 1961: 175). Эта лексема развивает метафору *гудыр кыла* – косноязычный, непонятно разговаривающий человек (букв.: мутноговорящий) (Словарь мужевского говора 2010: 48).

3. Выводы

В семантическом поле ЧИСТЫЙ фреймы отсутствия грязи и примесей покрываются в исследованных говорах коми языка одной лексемой *сӧстэм*. Лексема *сӧдь* описывает прозрачность сред, а лексема *сэзь*, также относящаяся к ПРОЗРАЧНОМУ, сочетается с названиями сред, но в первую очередь описывает ясное, безоблачное небо. Лексема *югыд*, находящаяся на стыке СВЕТОГО и ПРОЗРАЧНОГО, может описывать воду и прозрачные твердые объекты. Материал коми языка дает дополнительные данные, подтверждающие смежность этих полей.

В зоне ГЯЗНОГО важным параметром оказывается степень проявления признака, причем присутствует не одно, а два противопоставления. Лексема *сӧд* возможна в большинстве контекстов, но прототипически описывает небольшое загрязнение, а лексема *нясьти* связана с видимым загрязнением, причем чаще всего – с природной грязью. Лексема *сӧс* описывает не только сильную степень загрязненности, но и содержит негативную оценку и развивает большое количество метафор. В зоне МУТНОГО используется лексема *гудыр*, и значимым оказывается признак наличия внешнего воздействия, как и в мокшанском языке.

Архангельский Т.А., Тагабилева М.Г., Холкина Л.С. Качественные признаки ‘ЧИСТЫЙ’, ‘ГЯЗНЫЙ’, ‘ПРОЗРАЧНЫЙ’, ‘МУТНЫЙ’: к построению семантической типологии // Acta linguistica petropolitana : тр. Ин-та лингвистических исследований РАН. – СПб: Наука, 2011. – Т. VII. – Ч. 3. – С. 257–260.

КРС – Коми-русский словарь / под ред. В.И. Лыткина – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1961.

КЭСКОЯ – Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка – М.: Наука, 1970.

Рахилина Е.В., Резникова Т.И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. – 2013. – № 2. – С. 3–31.

Сажина С.А. Интенсив прилагательных в коми диалектах // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. – № 1. – С. 64–68.

Бирюк О.Л., Кашкин Е.В., Кузнецова А.И., Усачёва М.Н. Словарь мужевского говора ижемского диалекта коми-зырянского языка / под ред. А.И. Кузнецовой. – Екатеринбург: Баско, 2010.

ССКЗД – Жилина Т.И., Сахарова М.А., Сорвачева В.А. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961.

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ НА КОМИ ЯЗЫКЕ ДЛЯ УРОКОВ КОМИ ЛИТЕРАТУРЫ

Ю.С. Сычева,

магистрант

ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»

sychewa-94@mail.ru

Учителя коми языка и литературы замечают, что в наше время у большинства учащихся нет интереса к изучению коми литературы в школе. Один из способов актуализировать интерес школьников к изучению данного предмета – использовать на занятиях информационно-коммуникативные ресурсы. Современного человека со всех сторон окружает понятие «информация» (лат. *informatio*), означающее изложение, разъяснение, осведомление. Первоначально – сведения, передаваемые людьми устным, письменным или другим способом с помощью условных сигналов, технических средств и т.д. Особенность этого термина состоит в том, что он интуитивно понятен каждому человеку, однако общепризнанной строгой научной трактовки до сих пор не имеет (Гаврилова 2011: 4). Информационные технологии начали внедряться в обучение в конце 1970-х гг. В настоящее время новые информационные технологии активно используются в учебном процессе с целью повышения интереса учащихся к предмету.

В силу слабой разработанности данного нового направления в науке в литературе используются синонимичные термины «информационные технологии», «информационно-коммуникационные технологии», «информационные ресурсы» и т.д.

В современной теории обучения понятие «информационная технология» означает «педагогическую технологию, в которой используются специальные способы, программные и технические средства (кино-, аудио- и видеосредства, компьютеры, телекоммуникационные сети) для работы с информацией» (Коханова 2011: 209).

Среди новых информационных технологий, связанных с образовательным процессом, ученые выделяют следующие: компьютерные обучающие программы, включающие в себя электронные учебники, тренажеры, практикумы, тестовые системы; обучающие системы на базе мультимедиа-технологий, построенные с использованием персональных компьютеров, видеотехник, накопителей на оптических дисках; интеллектуальные и обучающие экспертные системы, используемые в различных предметных областях; средства телекоммуникации, включающие в себя электронную почту, телеконференции, локальные и региональные сети связи, сети обмена

данными и т.д.; электронные библиотеки, распределенные и централизованные издательские системы.

В школьном литературном образовании использование информационных технологий может быть реализовано на уровне: образовательной, психолого-педагогической и методической самоподготовки учителя; организации образовательного процесса на основе современных подходов; реализации образовательных потребностей учащихся (Коханова 2011: 209-210).

К новым информационным технологиям относится Интернет – глобальное средство коммуникации, которое позволяет человеку получить доступ к различной информации, накопленной человечеством на протяжении всей истории, в том числе и к мировому литературному наследию. В Интернете есть все необходимое для литературного образования: издания классиков, электронные версии печатных изданий, учебники, учебные пособия, электронные библиотеки.

В настоящее время на просторах Интернета появляются ресурсы, позволяющие изучать коми литературу как самостоятельно, так и в образовательных учреждениях. Многие учителя коми языка и литературы создают персональные сайты для связи с обучающимися и их родителями, коллегами. На данный момент существуют сайты следующих учителей:

1. Акимова Людмила Николаевна (<http://akimovaln.ucoz.ru/load/komi/2/>);
2. Вахнина Марина Ивановна (<http://m-vaxnina.narod.ru/>);
3. Игнатова Елена Александровна (<http://nsportal.ru/elena-aleksandrovna-ignatova/>);
4. Капустина Татьяна Николаевна (<http://www.proshkolu.ru/user/Kapustina7/>);
6. Колесникова Галина Юрьевна (<http://izhma77komi.ucoz.ru/>);
7. Коснырева Мария Валерьевна (<http://nsportal.ru/kosnyreva-mariya-valerevna/>);
8. Куликова Ольга Андреевна (<https://sites.google.com/site/kulickovaolgaandreevna/>);
9. Лушкова Ольга Александровна (<http://olga-luschkova.narod.ru/index/0-10/>);
10. Овод Любовь Васильевна (<http://ljubovovod.ucoz.ru/>);
11. Политова Анна Александровна (<http://ania-2.ucoz.com/>);
12. Попова Августа Серафимовна (<http://avgusta08.jimdo.com/>);
13. Попова Светлана Михайловна (<http://svetlana-1971.ucoz.ru/load/>);
14. Сердитова Раиса Пантелеймоновна (<http://nsportal.ru/serditova-raisa-panteleymonovna/>);
15. Соколова Мария Андреевна (<http://nsportal.ru/sokolova-mariya-andreevna/>);

16. Спасская Наталья Степановна (<http://nsportal.ru/spasskaya-natalya-stepanovna>);

17. Старцева Алёна Александровна (<http://nsportal.ru/startseva-alena-aleksandrovna>);

18. Старцева Елена Владимировна (<http://nsportal.ru/starceva-elena-vladimirovna>);

19. Старцева Эльвира Александровна (<http://komi-uchitel.ru/>);

20. Супрядкина Алёна Анатольевна (http://educhernysh.ucoz.ru/index/suprjadkina_alena_anatolevna/0-84);

21. Тарабукина Зинаида Анатольевна (http://www.tarabukina.ru/?id=komi_yazyk);

22. Терентьева Татьяна Александровна (http://terentyeva.ucoz.ru/index/dostizhenija_uchenikov/0-7);

23. Шулепова Вера Алексеевна (<http://nsportal.ru/vera-alekseevna>);

24. Чупрова Ольга Николаевна (<https://sites.google.com/site/olgachuprova1312/>).

Поскольку не во всех школах Республики Коми изучается коми литература, нами были изучены персональные сайты учителей именно коми литературы. В основу анализа персональных сайтов учителей положена статья О.Н. Грибана «Дизайн сайта и юзабилити: практический аспект» (<http://www.griban.ru/blog/46-dizajn-sajta-i-juzabiliti-prakticheskij-aspekt.html>).

Автор статьи выделяет необходимые для сайта элементы: 1) заставка, в которой сообщается цель данного сайта; 2) навигация; 3) поисковая система. Кроме того, для удобства использования сайта информация на нем должна быть размещена крупным шрифтом не более четырех цветов.

Нами было изучено 5 персональных сайтов учителей коми литературы:

1. Акимовой Людмилы Николаевны (<http://akimovaln.ucoz.ru/load/komi/2>);

2. Игнатовой Елены Александровны (<http://nsportal.ru/elena-aleksandrovna-ignatova>);

3. Политовой Анны Александровны (<http://ania-2.ucoz.com/>);

4. Поповой Августы Серафимовны (<http://avgusta08.jimdo.com/>);

5. Поповой Светланы Михайловны (<http://svetlana-1971.ucoz.ru/load/>).

На данных сайтах размещены конспекты уроков и презентации к ним по творчеству коми писателей (В. Савин, Г. Юшков, Ф. Щербаков, И. Торопов, К. Жаков, А. Ванеев, В. Юхнин); авторские рабочие тетради; конспекты воспитательных мероприятий; работы учеников; переведенные на коми язык мультфильмы по проекту КРТК «Юрган»; коми песни в исполнении популярных коми артистов, личные фотографии учителей.

По поводу «юзабилити» персональных сайтов учителей можно сделать вывод: не на всех имеются навигация и поисковая система; информация

дана разными шрифтами и разными цветами, что затрудняет чтение текста. Можно сделать предположение, что персональные сайты учителей коми литературы находятся на стадии формирования, накопления научно-методической базы.

Учителю коми литературы при подготовке к урокам помогут и другие специализированные сайты.

В 2002 г. был создан сайт Коми республиканской национальной библиотеки (<http://www.nbrkomi.ru/electronic/>), состоящий из нескольких разделов:

- «Зырянника» (электронные копии редких изданий и первые книги коми писателей-классиков);
- «Финноугрика» (книги на языках финно-угорских народов);
- «Нотные рукописи» (музыкальные произведения М.Л. Герцмана, А.А. Рочева, С.А. Носкова);
- «Собрание краеведческих периодических изданий» (периодика о Коми земле с начала XX в.);
- «Писатели Республики Коми» (произведения коми писателей с 1930-х гг.);
- «Неопубликованные произведения»;
- «Собрания библиотек и других фондодержателей».

На данном сайте есть алфавитный указатель и поисковая система. Сайт является отличным помощником учителю коми языка при подготовке к урокам.

С целью распространения национальных языков в том же 2002 г. по проекту компании «Мир» был создан сайт «Финно-угорская электронная библиотека». Как указано на главной странице сайта, «проект направлен на популяризацию языков финно-угорских народов, многие из которых стали языками национальных меньшинств. Не секрет, что издания на языках коренных народов выпускаются сегодня небольшими тиражами и зачастую лишь в регионе компактного проживания нации. Глобальная сеть Интернет дает уникальную возможность представителям финно-угорских народов получать информацию на родном языке из любой точки планеты» (<http://fulib.ru/>).

На сайте в полнотекстовом формате PDF размещены авторские произведения на коми, коми-пермяцком, удмуртском, эрзянском, марийском, хантыйском, мокшанском, карельском, финском, вепсском языках. Здесь представлены следующие произведения коми писателей: Г.В. Беляев «Анбур – коми мойд», И. Белых «Важыс уськӧдчывлӧ вотӧн», В. Безносиков «Ок, и мортлӧн олӧм!», В. Чисталев «Эжва йывса колип», А. Елфимова «Аддзысьлытӧдз...», «Дас кык вок. Сказки финно-угорских народов»,

Е. Козлова «Гӧгыля-вугыля», А. Мишарина «Машалы козин», В. Савин «Гажӧдчӧй, кор томӧсь», А. Ульянов «Изъя чой», Г. Юшков «Ӧтувтӧм гижӧдьяс» (4 том), А. Ванеев «Гыяс». Наличие изданий произведений в формате PDF дает возможность учителю вывести необходимый материал на экран во время урока или распечатать текст и использовать его в качестве раздаточного материала для учащихся.

В разделе «Аудиоархив» можно услышать стихотворения Г. Бутыревой, А. Елфимовой, А. Ельцовой, Н. Куратовой, В. Напалкова, Н. Обрезковой в исполнении самих авторов. Данный ресурс помогает учителю передать учащимся атмосферу стихотворения, показать чувства самого автора.

К сожалению, в силу ряда причин библиотека в настоящее время не пополняется новым материалом, но её использование при изучении коми литературы может быть достаточно продуктивным.

Сайт Межрегиональной лаборатории информационной поддержки функционирования финно-угорских языков (<http://fu-lab.ru/>) также помогает в изучении коми литературы. На сайте есть русско-коми и коми-русские словари, с помощью которых можно найти перевод нужных слов из того или иного произведения. Раздел «Небӧгаин» (Библиотека) переводит пользователя на электронную библиотеку «Коми гижӧд» (коми произведение) (<http://komikuv.org/>), где есть разделы «Проза», «Поэзия», «Драма», «Фольклор», «Комиӧдӧм» (Переведенное на коми язык) да «Мукӧд» (Другое). В каждом разделе есть поисковая система, с помощью которой можно найти произведение по автору, названию или году издания. Наличие текстов в электронном формате позволяет быстро и удобно скопировать нужную информацию, которую учитель может выводить на экран во время урока или раздавать учащимся на бумажном носителе.

Раздел «Учебные пособия» содержит электронные учебные пособия, созданные в рамках проекта «Создание электронных учебных пособий по предметам школьного курса на родном языке», инициируемого Венгерским институтом языковой стратегии. Автор идеи и общий руководитель проекта – профессор *Янош Пустаи*, директор Института Collegium Fenno-Ugricum (Венгрия), руководитель проекта от Республики Коми – к.ф.н., начальник Центра инновационных языковых технологий Коми республиканской академии государственной службы и управления *М.С. Федина* В их числе мультимедийное интерактивное учебное пособие «Гулюсянь юӧр»/«Весть от голубя» представляет собой образовательный продукт по коми литературе на коми языке для учащихся 5–6 классов. Автор пособия — доцент кафедры финно-угорской филологии и национального образования, руководитель НОЦ «Инновации в национальном гуманитарном образовании» Сыктывкарского государственного университета им. Питирима

Сорокина к.филол.н. Е.В. Остапова. «Образовательный продукт создан в программе Macromedia Flash MX и опубликован в одной папке как совокупность определённым образом связанных друг с другом swf-файлов с запускающим exe файлом. При работе с swf-файлами нет необходимости в установке специальных программ, подобные материалы небольшой размерности и не требуют большой производительности от персонального компьютера. Разделённые на отдельные файлы Flash-материалы несложно использовать как в предложенной автором системе, так и отдельно друг от друга, запуская каждый файл самостоятельно» (Остапова 2015: 33).

В 2015 г. редакцией журнала «Арт» создан сайт «Ловья кыв» (Живое слово) (<http://xn--b1aaickcnjhrcdb2b.xn--p1ai/>), состоящий из разделов «О проекте», «Аудиокниги», «Произведения», «Видеоархив», «Новости», «Служба поддержки», «Контакты». Изюминка сайта – наличие ранее изданных журналом аудиокниг, которые можно прослушать только в режиме онлайн. Аудиокниги можно и нужно использовать на уроках коми литературы для того, чтобы почувствовать атмосферу жизни того или иного художника слова. Аудиокниги являются важными пособиями для уроков литературы, так как выразительное чтение, работа над интонационно-смысловой структурой текста – это важнейшие приемы в методике преподавания литературы.

На сайте Финно-угорского культурного центра РФ «Финноугория» (<http://www.finnougoria.ru/>) есть раздел «Логос», где можно познакомиться с произведениями финно-угорских авторов в оригинале и в переводе на русский и коми языки. При изучении национальной литературы очень важно и интересно ее сравнение и сопоставление с литературами родственных народов, этот ресурс также можно использовать на уроках коми литературы.

На сайте Союза писателей «Гижысь котыр» (<http://soyuz-pisateley.kominao.ru/>) пользователи могут ознакомиться с творчеством коми поэтов и писателей, узнать литературные новости. Учитель может использовать материал сайта для подготовки к урокам, а также для самостоятельной работы учащихся, например при подготовке к литературной беседе или игре по заданной теме.

С целью популяризации коми литературы в мае 2016 г. в социальной сети «ВКонтакте» нами была создана группа «Коми литература радейтысьяс» (Любители коми литературы). В эту группу выложены произведения И.А. Куратова, А.Е. Ванеева, А. Ельцовой, С. Говорухиной, Е. Афанасьевой, презентации творчества коми поэтов; фильмы о коми литературе, созданные студентами Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина. Кроме того, в группе есть ссылки на сайт «Ловья

кыв». Самый популярный материал среди пользователей: стихотворение «Коми кыв» (Коми язык) И.А. Куратова, стихотворение «Ловъя ва» (Живая вода) А.Е. Ванеева, стихотворение «Бара муна, чужан сиктöй, муна...» (Снова уезжаю, родное село) А.В. Ельцовой; видео с оригинальным исполнением французской группой «Chet Nuneta» песни «Варыш поз» на стихи В. Савина (гимн Республики Коми); фильмы студентов СГУ им. Питирима Сорокина о В.В. Пахоруковой «Кыпыд сьöлöм» (Большое сердце) и «Öнiя коми поэтыяс» (Современные коми поэты). Данный материал можно использовать во внеклассной работе.

Большой вклад в обновление этнокультурной образовательной среды вносят преподаватели и студенты СГУ им. Питирима Сорокина. «Начиная с 2005 г. преподаватели и студенты активно включились в процесс обновления образовательных ресурсов на родном языке путём создания мультимедийных пособий по коми литературе и, можно сказать, были первопроходцами на этом поприще. В настоящее время НОЦ «Инновации в национальном гуманитарном образовании» имеет в своём арсенале пять изданных продуктов: мультимедийные учебные пособия по коми литературе с грифом Министерства образования Республики Коми «Небыд, мича, гора» (Мягкий, красивый, звучный, 2007), «Шудторйöй, кодзулöй» (Счастье моё, звёздочка, 2009), фонохрестоматия «Мый меддонаыс» (Что дороже всего); мультимедийный литературный альманах финно-угорских студентов «Выль чужöм» (Новое лицо, 2011), интерактивная флеш-игра для детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста «Чуня-чалля» по мотивам одноимённой коми народной сказки (2012)» (Попова 2014: 328).

Все эти издания широко используются в преподавании предметов этнокультурного направления в общеобразовательных учреждениях Республики Коми. Как отмечает руководитель вышеназванного научно-образовательного центра Е.В. Остапова, «знание и понимание насущных потребностей модернизации национального гуманитарного образования, интеграция филологии, педагогики, информатики с такими видами искусства, как художественная литература, музыка, изобразительное искусство, позволяют оценивать подобного рода продукцию как варианты инновационной модели учебных пособий по коми литературе, способствуют модернизации образовательной среды, развивают перспективное направление в национальном гуманитарном образовании» (Остапова 2014: 273).

Нам видится, что данные ресурсы должны найти своё место и в интернет-пространстве.

Итак, в настоящее время для изучения коми литературы существуют ресурсы в сети Интернет: персональные сайты учителей коми литературы, электронные библиотеки, аудиокниги, электронные словари, мультимедий-

ные интерактивные учебные пособия. Персональные сайты учителей помогают учителям коми литературы при подготовке к урокам, дают возможность учителям коми литературы обмениваться собственным опытом. Аудиоматериал позволяет расширить литературный кругозор учащихся, помогает учителю работать над выразительным чтением учащихся, погрузиться в атмосферу творчества, прочувствовать авторское отношение к художественному произведению. Необходимо пополнять просторы Интернета новым художественным материалом, созданными ранее и создающимися ныне учебными пособиями, произведениями коми писателей и поэтов для дальнейшей популяризации и современного изучения коми литературы.

Грибан О.Н. Дизайн сайта и юзабилити: практический аспект [Электронный ресурс]. URL: <http://www.griban.ru/blog/46-dizajn-sajta-i-juzabiliti-prakticheskij-aspekt.html> (дата обращения: 05.05.2016).

Грибан О.Н. Информационные технологии в процессе обучения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.griban.ru/blog/14-informacionnye-tehnologii-v-processe-obucheniija.html> (дата обращения: 29.03.2016).

Информационные технологии : учебное пособие / З.П. Гаврилова и др.; Южный федеральный университет. – Ростов н/Д: Изд-во Южного федерального университета, 2011. – 90 с.

Остапова Е.В. Об интерактивном мультимедийном учебном пособии по коми литературе «Гулюсянь юёр» (Весть от голубя) // Управленческие аспекты развития северных территорий России : материалы Всерос. науч. конф. (20-23 октября 2015 г., Сыктывкар) : в 4 ч. – Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ, 2015. – Ч. 4. – С. 31–34.

Остапова Е.В., Филиппова В.В. Словарь терминов по литературе на коми языке для общеобразовательных школ. – Сыктывкар; Ижевск; Йошкар-Ола; Саранск; Бадачоньтомай, 2011. – 50 с.

Остапова Е.В. Мультимедийные литературно-образовательные ресурсы на коми языке // Родной язык в современных условиях двуязычия : сборник статей / под общ. ред. Е.В. Остаповой и С.Н. Терентьевой. – Сыктывкар: ООО «Издательство “Кола”», 2014. – С. 267–274.

Попова Р.П., Лудыкова В.М., Остапова Е.В., Пунегова Г.В., Молчанова В.А. Кафедра коми и финно-угорской филологии Сыктывкарского государственного университета в условиях меняющейся образовательной парадигмы // Родной язык в современных условиях двуязычия : сборник статей / под общ. ред. Е.В. Остаповой и С.Н. Терентьевой. – Сыктывкар: ООО «Издательство “Кола”», 2014. – С. 323–332.

Технологии и методики обучения литературе : учеб. пособие / под ред. В.А. Кохановой. – М.: ФЛИТА: Наука, 2011. – 248 с.

КОМИ-РУССКОЕ ЛЕКСИЧЕСКОЕ КОНТАКТИРОВАНИЕ (на материале географической терминологии)

О.А. Теуш,

доцент института гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета
olga.teush@yandex.ru

Наиболее подробно комплекс русских лексем коми происхождения рассмотрен в работе Я. Калимы «Syrjänisches Lehngut im Russischen» (Kalima 1927), в которой описывается несколько десятков слов с подробным изложением истории вопроса. Впоследствии этот список был пополнен исследователями финно-угорских лексических элементов в русском языке (Матвеев 1959, 1991; Матвеев 1964: 285–315; Востриков 1981; Аникин 2000; Кривошекова-Гантман 1981; Мызников 2004: 320-324; Теуш 2002, 2007). Вместе с тем отмечается то, что «поиск коми-зырянских заимствований на русском Севере по-прежнему актуален» (Матвеев 1991: 25), а «коми-русское взаимодействие ... пока изучено крайне недостаточно» (Теуш 2007: 229). Тем не менее удалось обнаружить ряд лексем коми происхождения, зафиксированных Севернорусской топонимической экспедицией, не имевших ранее этимологической трактовки. С другой стороны, и коми язык испытал влияние русского языка: количество русских по происхождению лексем в языке коми также велико.

В коми языке присутствует большое количество русских по происхождению видовых терминов, обозначающих объекты естественной географии: *бечевник* ‘бечевник (береговая полоса реки или озера)’ (ССКЗД: 21; КРС: 42-43) (< русск. *бечевник*), *веретья*, *веретья*, *веретья*, *вереча* ‘грива, сухая возвышенная грядка’ (ССКЗД: 45), *верётя* ‘сухая гряда (среди болот или на лугу)’ (КРС: 93) (< русск. *веретья* ‘сухое возвышенное место, гряда (в лесу, на болоте, на лугу, покосе и др., часто поросшая лесом кустарником)’), *водовереть*, *вӧдэверет*, *водӧворетяланін* ‘водоворот’ (ССКЗД: 35) (< русск. *водоворот*), *гар* ‘сухогар, суходол’ (УД: 130) (< русск. *гарь*), *заструга* ‘заструга, подмытый течением или волною уступ у берега или в наносном песку посреди реки’, ‘заструги, зубчатые или волнистые полосы по песчаному дну’ (ССКЗД: 129) (< русск. *заструга* ‘то же’), *зыбун*, *зібун* ‘зыбун’, ‘трясина, топь’ (ССКЗД: 133) (< русск. *зыбун*), *ключ* ‘ключ, источник, родник’ (ССКЗД: 157) (< русск. *ключ*), *кӧса* ‘коса, отмель’ (ССКЗД: 173; КРС: 322) (< русск. *коса*), *кӧсэзэр* ‘косогор’ (ИД: 166) (< русск. *косогор*), *кумава* ‘омут, водоворот’ (ССКЗД: 179) (< русск. *кумова* ‘водоворот в месте слияния течений’), *ӧстрӧв*, *ӧстрӧб* ‘остров, островок’ (ССКЗД: 108)

(< русск. *остров*), *перебор* ‘перекат (в реке)’ (ССКЗД: 281) (< русск. *перебор* ‘то же’), *перекат* ‘перекат, мелководный участок русла реки’ (ССКЗД: 281) (< русск. *перекат*), *пöдмöрина* ‘подмористое место (топкое, мокрое, с подземными ключами место, где хлеб не растет)’ (ССКЗД: 296) (< русск. *подморина* ‘то же’), *полой*, *полöй*, *пöлэй* ‘речной залив; пролив’ (ССКЗД: 291) (< русск. *полой*), *порог* ‘порог (речной)’ (ССКЗД: 293; КРС: 552) (< русск. *порог*), *прилук* ‘прилука, прилук, берег речной луки, извилины’ (ССКЗД: 303) (< русск. *прилук* ‘излучина реки, речной мыс’), *присад* ‘поемный луг на наносной береговой полосе’ (ССКЗД: 303) (< русск. *присад* ‘наносной песчаный берег; покос на таком берегу’), *струга* ‘струга, омут, колдобина в реке’ (ССКЗД: 348) (< русск. *струга* ‘яма, глубокое место после отмели в реке’), *травэн’ик* ‘ровный заливной луг’ (ИД: 223) (< русск. *травяник* ‘сырое место, поросшее травой’), *чапыж* ‘частый кустарник, чапыжник’ (ЛЛ: 247) (< русск. *чапыж* ‘то же’), *чаиша*, *чаитиша* ‘чаша’ (ССКЗД: 406) (< русск. *чаша*) и др. Представлен коми *канал* ‘канал’ (ССКЗД: 147; КРС: 267) (< русск. *канал* (< франц. *canal*, < лат. *canalis* ‘труба, желоб’) (ТСРЯ: 320)).

Глубокое влияние со стороны русского языка на коми язык обнаруживается в лексике полеводства и огородничества: коми *бэл’этув* ‘огнище, сожженная подсека (одного человека)’, *видз бэл’этув* ‘подсечный луг’, *му бэл’этув* ‘подсечное поле’ (УД: 113-114), *бел’этнэй* ‘билетная вотчина’, *бел’этнэй видз* ‘расчищенный из-под леса сенокосный участок’, *бел’этнэй му* ‘расчищенный из-под леса участок земли’ (ИД: 132) (< русск. *билетное*, *билетная пожня*, *билетное поле* ‘участок леса, полученный для расчистки под пашню, сенокос’); коми *вотчина* ‘крестьянская надельная земля’ (ССКЗД: 61; КРС: 125) (< русск. *вотчина* ‘земельный надел, с давнего времени находящийся в пользовании одного крестьянского рода или крестьянской общины’); коми *выкод*, *выкөд* ‘усадебный участок, отведенный под дом’ (ССКЗД: 72) (< русск. *выход* ‘земельный участок, выгон’); коми *выпашка* ‘истощенное поле; пар, выпаханная, покинутая под залежь земля’ (ИД: 139) (< русск. *выпашка* ‘истощенная земля после многолетних посевов; земля, оставленная под пар’ (СРНГ 5: 325)); коми *выть* ‘выть, сенокосный участок, на котором собирают 40 копен сена, а также 40 копен сена’ (ССКЗД: 74) (< русск. *выть* ‘мера земли; земельный участок’); коми *град*, *града*, *гръяда*, *гред* ‘гряда, грядка (в огороде)’ (ССКЗД: 90) (< русск. *гряда*); коми *десятина* ‘десятина’ (КРС: 186) (< русск. *десятина*); коми *капусьник* ‘капустник, огород, засаженный капустой’ (ССКЗД: 147) (< русск. *капустник* ‘огород, засаженный капустой’); коми *лека* ‘полоса посева до двух саженой ширины между двумя бороздами, обхватываемая при разбрасывании семян’ (ССКЗД: 196) (< русск. *лека* ‘полоса вспаханной земли’, ‘огрех при севе’);

коми *л'ад'инка* 'лядина, пахотный участок среди леса на месте вырубki или пожарища' (ЛЛ: 178-179) (< русск. *лядина, лядинка* 'расчищенное место в лесу, подготовленное под пашню; поле в лесу, заросшее кустарником'); коми *межа* 'межа' (ССКЗД: 219; КРС: 416) (< русск. *межа*); коми *нив* 'нива, пашня' (ССКЗД: 241) (< русск. *нива*); коми *нõвина* 'вновь освоенная пашня, новина' (КРС: 467), 'подсека, росчисть (нескольких семейств, хозяйств)' (УД: 211; ВД: 313) (< русск. *новина* 'расчищенный под пашню участок в лесу'); коми *огород* (ССКЗД: 257; КРС: 485) (< русск. *огород*); коми *пальник* 'паль, выжженное место в лесу' (ССКЗД: 272), *пал'н'ик* 'выжженное место', 'подсека' (ЛЛ: 202) (< русск. *пальник* 'выгоревшее место; место, выжженное под пашню'), коми *пар* 'пар (с.-х.)' (ССКЗД: 274; КРС: 520) (< русск. *пар*), коми *подсек, потчек, пõчэха* 'подсека, росчисть' (ССКЗД: 301, 389), *пõчэха* 'подсека' (ИД: 202) (< русск. *подсека*), коми *поле, польё, пõля* 'поле' (ССКЗД: 291) (< русск. *поле*), коми *пõстать* 'постать, полоса нивы, сенокосного участка' (ССКЗД: 9; КРС: 566) (< русск. *постать* 'полоса пашни, покоса'), коми *припаш* 'припаханный участок земли' (ССКЗД: 303) (< русск. *припашь* 'то же').

Представляется, что группа географических терминов, связанных с земледелием и огородничеством в наибольшей степени связана с контактами народов в совместной хозяйственной деятельности, не случайно здесь отмечается преобладание русских диалектизмов над общенародными словами. Причины заимствования в этом случае во многом экстралингвистичны: пашенное земледелие и огородничество было перенесено на Европейский Север России русскими, и вместе со знакомством с новыми видами деятельности финно-угорские народы заимствовали соответствующую терминологию. Обилие общих земледельческих терминов указывает на то, что совместная деятельность по обработке земли была одной из наиболее существенных сфер контакта народов на Европейском Севере России.

В значительно меньшей степени представлены термины, относящиеся к скотоводству: коми *вõл'а* 'двор, улица' (ЛЛ: 134), *вõл'аин* 'открытое место' (ВД: 203) < русск. *воля* 'пространство вне дома', 'пастбище, выгон'; коми *пõскõтина, пõскетина, поскõтина, поскотина* 'поскотина, пастбище' (ССКЗД: 300); коми *пõскõтина* 'пастбище, выгон, выпас' (КРС: 567) (< русск. *поскотина*); коми *гон* 'загон, загороженное место для скота' (ЛЛ: 140) (< русск. *гон* 'то же'), коми *пад'битие* 'пастбище' (ИД: 194) (< русск. *пастбище*), коми *телятник* 'огороженное место для выпаса телят' (КРС: 673) (< русск. *телятник*).

Малый объем этой группы связан, скорее всего, не с тем, что скотоводство занимает меньшее место в сфере хозяйственных занятий народов Ев-

ропейского Севера России, а с меньшей лингвистической детализацией географических терминов скотоводства вообще.

Коми термины административно-территориального деления русского происхождения: коми *деревня* (ССКЗД: 99; КРС: 186) ‘деревня’ (< русск. *деревня*); коми *жыло* ‘жилые, деревня’ (ССКЗД: 126) (< русск. *жило* ‘жилое место, населенный пункт’); коми *область*, *облась*, *облась* (ССКЗД: 256) (< русск. *область*); коми *округ* (КРС²: 455) (< русск. *округ*); коми *погост*, *пöгöс*, *повос* ‘погост, часть села, где церковь’ (ССКЗД: 53) (< русск. *погост* ‘селение, где находится церковь’); коми *pösad* ‘предместье, слобода’ (Wiedemann: 252; FF: 769) (< русск. *посад*); коми *посёлок* ‘посёлок’ (КРС: 553) (< русск. *посёлок*); коми *пруд* ‘пруд’ (ССКЗД: 305; КРС: 574) (< русск. *пруд*); коми *sad* ‘сад’ (Wiedemann: 278; WU: 227; КРС²: 574) (< русск. *сад*); коми *selo* ‘деревня с церковью’ (Wiedemann: 283) (< русск. *село*); коми *слöбöда* ‘слобода, слободка’ (КРС²: 599) (< русск. *слобода*); коми *станция* (КРС²: 611), *стан’чийа* (ВД: 369) ‘станция’ (< русск. *станция*); коми *улич*, *улича* ‘улица, проезд между полями, домами’ (ССКЗД: 398) (< русск. *улица* ‘то же’); коми *усадьба* ‘усадьба, земля под усадьбой’ (ССКЗД: 400; КРС: 725) (< русск. *усадьба*); коми *участок*, *участöк*, *утиа-сток* ‘участок’ (ССКЗД: 401) (< русск. *участок*); коми *хутор* ‘хутор’ (КРС: 730) (< русск. *хутор*).

Займствованы из русского языка наименования захоронений: русск. *могила* ‘кладбище’ (СРНГ 18: 190) > коми *мöгила*, *мöгила выы* ‘кладбище’ (ССКЗД: 156); русск. *ограда* ‘кладбище’ > коми *öграда* ‘кладбище’ (ЛЛ: 199), русск. *кладбище* > коми *кладьбишише*, *кладьбишитиö*, *кладьбишитие* (ССКЗД: 156), *клад’вишитие* (ИД: 161), *кладбище* ‘кладбище’ (КРС: 287). Возможно, причину этого следует искать в различиях традиций захоронения, существовавших до принятия православия финно-угорскими народами. «Русское» кладбище, вероятно, представлялось им принципиально иным культурным объектом, для обозначения которого требовалась и особая номинативная единица.

Лексика лесного дела, отраженная в заимствованных из русского в коми терминах, описывает лес как хозяйственно используемое пространство. В качестве основных идеограмм можно выделить ‘участок леса, находящийся в частном владении’, ‘просека’ и ‘вырубка/делянка’: коми *дача* ‘дача (купеческий лес)’ (ССКЗД: 98) (< русск. *дача* ‘часть лестничества, выделенная в самостоятельное хозяйство’ (ССРЛЯ 3: 565)); коми *делянка*, *дильянка*, *гелянка* ‘делянка, лесосека’ (ССКЗД: 99) (< русск. *делянка*); коми *пасека* ‘пасека, отведенная под сруб полоса леса’ (ССКЗД: 276) (< русск. *пасека* ‘участок леса, предназначенный для вырубки’); коми *прöсек*, *прöсека*, *просек* ‘просека’ (ССКЗД: 304) (< русск. *просека*); коми *запань* ‘запань

(место, где сортируется и плотится сплавной лес)’ (КРС: 235) (< русск. *запань*).

Единственным исключением среди терминов, связанных с лесом, является слово *роща*, не отражающее прагматического отношения: русск. *роща* > коми *рошиши, роштиши, роштиша, рошиша* ‘роща, мелкий лиственный лес’ (ССКЗД: 322).

Вероятно, относительно поздним на Европейском Севере России является русское слово *визира, визирка* ‘просека’, которое, видимо, производно от *визир* ‘щель или прорез в геодезическом инструменте для наведения его на объекты работы’ (ССРЛЯ 2: 367) (< нем.) (Фасмер 1: 313). Появление лексемы связано с активной деятельностью землеустроителей. Из русского заимствовано коми *визир, визирка* ‘просека’ (КРС: 104), *визир, визьыр, визира, визирка, визер, визера* ‘просека’ (ССКЗД: 50).

Особую лексическую группу, сформировавшуюся на базе русского языка, представляют собой термины, номинирующие дороги, тропы и их части: русск. *брод* > коми *брёд* ‘брод’ (ВД: 185); русск. *верста* > коми *верст, верста, верс* ‘верста’ (ССКЗД: 45); русск. *волок* ‘то же’ > коми *вёлёк, вёлэк* ‘волок (путь лесом от селения до селения)’ (ССКЗД: 65), русск. *крест* ‘перекресток дорог’ > коми *крестасянін* ‘перекресток’, *крестасьысь туй* ‘перекрестная дорога’ (КРС²: 310); русск. *ледянка* ‘зимняя дорога, залитая водой’ > коми *ледянка, ледянка туй, льёдянка* ‘ледяная дорога (для вывозки леса)’ (ССКЗД: 195); русск. диал. *околица* ‘окольная дорога’ (СРНГ 23: 140) > *околича* ‘окольный путь’ (ССКЗД: 258), *ёкёл’ича* ‘околица, окольная, не прямая дорога’ (ЛЛ: 200), русск. *перевоз* > коми *перевоз* ‘место переправы через реку на пароме, лодках и т.п.’ (КРС²: 494; WU: 194); русск. *путь, путина* > коми *пут’ина* ‘путь, дорога’ (ВД: 344; УД: 228); русск. *росстань* ‘развилка дорог, перекресток’ > коми *рöстань* ‘росстань, перекресток двух дорог, разветвление дороги’ (ССКЗД: 323); русск. *стлань* ‘гать, высланная бревнами или тонкими жердями дорога через болото’ > коми *слань* ‘слань, стлань’ (ССКЗД: 340); русск. *тележница, тележная дорога* ‘летняя дорога, по которой можно ездить только на телеге’ > коми *тележнича* ‘тележница, колея, след от колес’, *тележнэй, тележнэй, кележнэй* ‘тележный (о дороге)’ (ССКЗД: 366), *тележной туй* (КРС: 673), *т’эл’эжнэй туй, кэл’эжнэй туй* ‘проезжая, проселочная дорога’ (ВД: 393); русск. *тракт* > коми *тракт, трак, тракта, трах, тръак* ‘тракт’ (ССКЗД: 377); русск. *тропа* > коми *трöпа* ‘тропа’ (ССКЗД 6: 378; КРС: 691); русск. *ям* > коми *ям* ‘почтово-пассажирская станция’, *ям туй* ‘тракт, трактовая дорога’ (КРС: 820).

Из географических терминов, имеющих наиболее общее значение ‘место, местность, участок местности вообще’, и родовых терминов русскими

по происхождению в коми являются: коми *берег, берӧг* ‘берег’ (ССКЗД: 20; КРС: 40) (< русск. *берег*) при исконном коми *вадор* ‘берег’ (КРС²: 77); коми *креж* ‘обрыв, крутой обрывистый берег’ (ССКЗД: 188), *реж* ‘обрыв’ (КРС: 597) (< русск. *кряж* ‘крутой обрывистый берег’) при исконном коми *кыр* ‘обрыв, крутой обрывистый берег’ (ССКЗД: 188; КРС²: 336); *слуда* ‘высокий крутой берег’ (ССКЗД: 341; КРС: 631) (< русск. *слуда* ‘то же’); коми *материк* ‘материк, высокий земляной берег’ (ССКЗД: 218) (< русск. *материк* ‘то же’); коми *бок, бӧк* ‘бок; сторона; место сбоку чего-л.; край чего-л.’ (ССКЗД: 23; КРС: 45-46): *туй бок* ‘обочина’, *вӧр бок* ‘опушка леса’ (КРС: 45-46) (< русск. *бок*); коми *край* ‘край’ (КРС: 325) (< русск. *край*) при исконном коми *дор* ‘край; сторона; место, прилегающее к чему-л.’ (ССКЗД: 111; КРС²: 194); коми *стӧрӧна, стӧрена* ‘сторона; страна’ (ССКЗД: 347), *стӧрӧна* ‘сторона’ (ВД: 369) (< русск. *сторона*).

Причиной заимствования подобных слов и их широкого распространения были потребности межэтнической коммуникации, и эта коммуникация осуществлялась прежде всего на русском языке.

Взаимодействие в области географической терминологии было взаимным: из коми в русский язык также пришел ряд слов.

1. *Азъянка* (Влг.: К.-Г.) ‘сырое, вязкое место’ (КСГРС) < коми лл., сс. *адз* ‘пойма (реки)’ (ССКЗД: 9), лл. *аз’* ‘долина (реки)’, л. *адз’* ‘луг’ (КЭСК: 30), ср. также л. *аз’ ти* ‘глинистая наносная земля’ (*ти* ‘земля’), уд. *адз ытшкан лунӧ* ‘в день косьбы луга’ (КЭСК: 30). Коми аффриката *дз/дз’*, нехарактерная для русского языка, закономерно упростилась в *з* (ср., русск. *зелі́на* ‘прут, тонкая дранка, используемые для плетения’ < коми *дзав* ‘дранка, дрань, планка, линейка, продеваемая между парными нитями основы’, *дзав, дзал* ‘шпулька для наматывания пряжи’ (Матвеев 1959: 24)). Финаль *-нка* возникла на русской почве как результат морфологической адаптации. Первоначальным значением коми слова, по мнению авторов КЭСК, было ‘заливной луг, луг в долине реки’ (КЭСК: 30). Семантический переход ‘заливной луг’ > ‘сырое, вязкое место’ обычен и произошел, вероятно, уже в русском языке.

2. *Зиб* ‘вершина горы’, ‘высокая гора’ (Арх.: Лен.) (КСГРС) < коми *дзиб* ‘возвышенность, холм, горка’, *дзиб йыв* ‘вершина холма’ (КРС: 178), скр. *дзиб йыв*, нв. *дзиб йив*, вв., печ. *дзиб йил*, вв., вым. *дзиб йыы*, лл. *дзиб* ‘верхушка возвышения, гребень (холма, горы)’, ‘выпуклость щеки’ (ССКЗД: 103). Коми *дзиб* ‘возвышенность, холм, горка’ является исконным по происхождению (КЭСК: 90). Палатальная аффриката *дз*, нехарактерная для русского языка, закономерно упростилась в *з*.

3. *Зурка́ть* ‘колыхаться, трястись (о болоте)’ (Арх.: К.-Б.) (КСГРС) < ? коми л. *зуркакывны, зуркакылны*, скр. *зыркакывны*, сс. *зыркакылны*, уд.

зёрксьыны ‘сильно стучать, грохотать, гроыхать’, ‘сотрясаться’, лет. *зуркнитны*, скр. *зыркнитны*, уд. *зёркнитны*, вв. *зёркнитні* ‘тряхнуть, встряхнуть (на ухабе)’ (ССКЗД: 134), ср. также *зуркыд* ‘тряскающий’ (КЭСК: 107), лет., печ., скр., сс. *зуркыд*, вв. *зуркид*, уд. *зёркыд*, вс., вым., иж., нв. *зэркыд* ‘тряскающий (о лошади, телеге)’ (ССКЗД: 133). Сопоставление небезупречно в семантическом отношении, однако переход ‘трясти (на ухабе)’ > ‘трясти (на болоте)’ представляется возможным, особенно при восприятии иноязычного слова.

4. *Лабда́* ‘топкое, грязное место на болоте’, ‘болотная грязь’, *лобда́* ‘окно воды в болоте’, *ля́бда* ‘топкое болотистое место’ (Арх.: Лен.) (КСГРС) < коми *лабда* ‘корни вывернутых деревьев’, диал. ‘низинный высокий ельник’ (КРС: 342), вс., вым., л., сс. *лабда* ‘корни вывернутых деревьев в воде’, л. ‘дикое, трудно проходимое сырое место, поросшее густыми елями’ (ССКЗД: 191). Коми *лабда* ‘низинный высокий ельник’, ‘сырое место в долине реки, поросшее кустарником’ является общепермским по происхождению и сопоставляется под «?» с фин. *lampi* ‘пруд, лесное озеро’ (КЭСК: 156).

5. *Ла́домос(т)ь* ‘глубокая яма, провал, рытвина’, как в *ла́домос(т)ь упасть (провалиться)* ‘как сквозь землю провалиться’ (Арх.: Лен.) (КСГРС) < ? коми лет. *лядз*, вв. *лядзмес* ‘пологий, отлогий, покатый, некрутой (берег, склон)’ (ССКЗД: 11), *ладзмес* ‘то же’ (ССКЗД: 191), нв. *ла-жмӧс* ‘низкий, низменный; отлогий, пологий, покатый’ (ССКЗД: 192). Несоответствия в фонетике могут объясняться русской адаптацией сложной консонантной группы *дзм* или же утратой фрикативного компонента аффрикаты *дз*, что свойственно некоторым коми диалектам (ССКЗД: 457).

6. *Но́рос* ‘высокий берег на повороте реки’, ‘высохший водоем с топкой илистой почвой’, ‘топкое место на болоте’ (Арх.: Лен.) (КСГРС) < коми *но́рыс* ‘возвышенность, холм, бугор, пригорок, кряж’, *ю но́рыс* ‘высокий берег реки’ (КРС: 437), скр., сс. *но́рыс*, вв. *но́рис* ‘небольшая возвышенность, холмик, бугор, увал’, уд. *но́рыс*, лет. *но́рӧс* ‘излучина, крутой поворот, изгиб (реки)’ (ССКЗД: 246). Общепермское слово с соответствиями в манс. (КЭСК: 195). Второе и третье значения русского слова зафиксированы единично и, скорее всего, либо являются ошибкой собирателя, либо отражают неуверенное знание информантом реалии.

7. *Ны́лем* ‘ключ, заваленный валежником’ (Арх.: Лен.), ‘скользкий берег после спада или спуска воды’ (Арх.: Вил.) (КСГРС) < коми *ны́лӧм* ‘жиропот (на овечьей шерсти)’, ‘влажный налет (напр., на окнах)’, ‘пот, испарина’ (КРС: 443), вс., вым., л., лет., печ., скр., сс. *ны́лӧм*, вв., иж. *ны́лэм*, нв., уд. *нилӧм* ‘пот, испарина’, вс., л., лет., печ., скр., сс. *ны́лӧм*, вв. *ны́лэм*, л. *ны́лым* ‘органическая грязь в немытой шерсти’ (ССКЗД: 250), л. *ны́лым*, *ны́лӧм* ‘слизь (у рыб на чешуе)’ (ССКЗД: 399). Обще-

пермское слово с соответствиями в мар. и морд. (КЭСК: 199). Географическая семантика русского слова заставляет предполагать незафиксированное промежуточное значение ‘почвенная влага, грязь’.

8. *Пóдчек* ‘участок леса, выжженный под поле для льна’ (Арх.: Лен.) (КСГРС), *пóдчек*, *пóдчека* ‘вырубка леса под пашню’ (Киров.), *пóдчека* ‘расчищенное под пашню место, подсека’ (Вят., Киров.) (СРНГ 28: 247) < коми: уд. *потчек* ‘подсека, рощисть’, нв. *подсек* (ССКЗД: 389), иж. *пöчэха* ‘то же’ (ССКЗД: 301) (< русск. *подсека*). Предположение об обратном заимствовании вятских слов из коми было высказано С.А. Мызниковым (Мызников 2004: 168–169).

9. *Пóноль* ‘ёлка с обрубленной верхушкой, которую втыкали в дно реки: натываясь на нее рыба плыла в ловушку’, *пóнольник* собир. ‘ели, вбитые в дно реки и образующие подводную изгородь’ (Арх.: Лен.) (КСГРС) < коми: *пóноль* ‘хвойная поросль’, ‘молодая елка, пихта (реже сосна)’ (КРС: 514), печ., скр., сс. *пóноль*, вв. *пóнэль*, вв., вым., уд. *помель*, иж. *помоль*, лет. *поноль*, л. *пониль* ‘еловая поросль; побеги, поросль (хвойных деревьев); вязка (еловые побеги, употребляемые для скрепления кольев в изгороди)’, вс., сс. ‘молодые елочки, мелкая ель’ (ССКЗД: 292). Общепермская по происхождению лексема (КЭСК: 225).

10. *Сёрт* ‘труднопроходимое место в лесу с буреломом’ (Арх.: Лен.) (КСГРС) < коми *сьёрт* ‘низинный высокий ельник’, ‘сырое место в долине реки’ (КРС: 627), вв., вым., нв., печ., сс., уд. *сьёрт* ‘речная долина с густым еловым лесом’ (ССКЗД: 357). Произведено, по-видимому, от *сьёр* ‘центр, средоточие, середина’ и означало ‘то, что в середине (в седловине, в долине реки)’, ‘то, что между двумя предметами’ (КЭСК: 271).

11. *Тыкала*, *тыкало* ‘пересыхающий заболачиваемый залив’, ‘озеро с заболоченной водой’, *тыкола* ‘топкое болото’, ‘рукав реки’, ‘пересыхающая старица’, ‘окно воды в болоте’, ‘засохшее болото’ (Арх.: Лен.) (КСГРС), *тыкола* ‘озерное место’ (Влг.) (Опыт: 234), ‘многоозерное, озеристое место’ (Влг.) (Даль 4: 447). На «зырянское» происхождение слова указывал В.И. Даль. Источником заимствования является коми вым., нв., скр., уд. *тыкóла*, вв., печ., уд. *тыкола*, иж. *тыкела* ‘небольшое озерко; сырое заболоченное место (на старицах, вокруг озера) с небольшими озерками’ (ССКЗД: 389). Этимологию см. в (Kalima 1927: 40).

Таким образом, имеющиеся лексические данные по русским заимствованиям в коми и коми заимствованиям в русском языке в сфере географической терминологии показывают, что контакты двух народов были длительными и глубокими: шел обмен хозяйственным опытом, знаниями об окружающем мире. Совместная деятельность в окружающем пространстве воплотилась в общий фонд географических лексем.

Востриков О.В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // *Этимологические исследования*. – Свердловск, 1981. – Вып. 2. – С. 3–45.

Кривошекова-Гантман А.С. Коми-пермяцкие заимствования в русских говорах Верхнего Прикамья // *Этимологические исследования*. – Свердловск, 1981. – Вып. 2. – С. 46–62.

Матвеев А.К. Заимствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала // *Acta Linguistica Acad. Sci. Hung.* – Budapest, 1964. – Т. XIV, f. 3–4. – S. 285–315.

Матвеев А.К. Новые данные о коми-зырянских заимствованиях в говорах Русского Севера // *Русская диалектная этимология : тез. докл. межвуз. науч. конф. (10–12 октября 1991 г.)*. – Свердловск, 1991. – С. 25.

Матвеев А.К. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала. – Свердловск, 1959.

Мызников С.А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: *Этимологический и лингвогеографический анализ*. – СПб., 2004.

Теуш О.А. Новые данные о заимствованиях из коми языка в географической терминологии Русского Севера // *Этимология. 2003-2005*. – М., 2007. – С. 228–239.

Теуш О.А. Новые данные о коми заимствованиях в севернорусских диалектах // *Финно-угорское наследие в русском языке*. – Екатеринбург, 2002. – Вып. 2. – С. 200–204.

Kalima J. *Syrtjänisches Lehngut im Russischen* // *FUF*, XVIII. – Helsinki, 1927. – S. 1–56.

Сокращения

1. В географических названиях

Арх	– Архангельская область
Вил	– Вилегодский район Архангельской области
Влг	– Вологодская область
Вят.	– Вятская губерния
К-Б	– Красноборский район Архангельской области
К-Г	– Кичменьгско-Городецкий район Вологодской области
Киров.	– Кировская область
Лен	– Ленский район Архангельской области

2. В названиях языков и диалектов

вв.	– верхневычегодский диалект коми-зырянского языка
вс.	– верхнесысольский диалект коми-зырянского языка
вым.	– вымский диалект коми-зырянского языка
иж.	– ижемский диалект коми-зырянского языка

коми	– коми-зырянский язык
л.	– лузский диалект коми-зырянского языка
лет.	– летский диалект коми-зырянского языка
лл.	– лузско-летский диалект коми-зырянского языка
манс.	– мансийский язык
мар.	– марийский язык
морд.	– мордовский язык
нв.	– нижевычегодский диалект коми-зырянского языка
печ.	– печорский диалект коми-зырянского языка
русск.	– русский язык
скр.	– присыктывкарский диалект коми-зырянского языка
сс.	– среднесысольский диалект коми-зырянского языка
уд.	– удорский диалект коми-зырянского языка

3. Словари и источники (с используемыми сокращениями)

Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. – М., Новосибирск, 2000.

ВД – Сорвачева В.А., Сахарова М.А., Гуляев Е.С. Верхневычегодский диалект коми языка. – Сыктывкар, 1966.

Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – М., 1955.

ИД – Сахарова М.А., Сельков Н.Н. Ижемский диалект коми языка. – Сыктывкар, 1976.

КРС – Коми-русский словарь. – М., 1961.

КРС² – Безносилова Л.М., Айбабина Е.А., Коснырева Р.И. Коми-русский словарь. – Сыктывкар, 2000.

КСГРС – Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).

КЭСК – Лыткин В.И., Гуляев Е.И. Краткий этимологический словарь коми языка. – Сыктывкар, 1999.

ЛЛ – Жилина Т.И. Лузско-летский диалект коми языка. – М., 1985.

Опыт – Опыт областного великорусского словаря. – СПб., 1852.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. – М.; Л., 1965. – Вып. 1.

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. – Сыктывкар, 1961.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. – М.; Л., 1948–1965.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. – М., 2008.

УД – Сорвачева В.А., Безносилова Л.М. Удорский диалект коми языка. – М., 1990.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М., 1964–1973. – Т. I–IV.

FF – Fokos-Fuchs D.R. Syrjänische Wörterbuch. – Budapest, 1959.

Wiedemann – Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem Wotjakisch-deutschen im Anhang und einem deutschen Register von F.J. Wiedemann. – Petersburg, 1880.

WU – Syrjänisches Wortschatz nebst Hauptzügen der Formenlehre, aufgezeichnet von Yrjö Wichmann, bearbeitet und herausgegeben von T.E. Urttila. – Helsinki, 1942.

МОРФЕМЫ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

Н.Н. Тимерханова,

зав. кафедрой лингвистической типологии и лингводидактики

Удмуртского государственного университета

timer-nadezhda@yandex.ru

В удмуртском языке традиционно **морфемой** считается наименьшая значимая часть слова и грамматических форм слова (словоформы). Термин «морфема» был введен в XIX в. выдающимся представителем Казанской лингвистической школы И.А. Бодуэном де Куртенэ как обобщающее наименование для корней и аффиксов. Такого же понимания данной единицы будем придерживаться и мы в своей работе.

Необходимо отметить, что как компоненты, формирующие структуру слова, морфемы имеют конститутивную роль и обладают функциональными признаками, благодаря которым определенное слово может быть включено в тот или иной парадигматический и синтагматический ряд. Например, в предложении *Одйг вагонэ но уг лэзё* ‘Ни в один вагон не пускают’ глагольная форма *уг лэзё* ‘не пускают’ реализует свою валентность (сочетательные возможности) в плане локализации предмета благодаря суффиксу входного падежа существительного в синтагматическом ряду *вагон-э уг лэзё* ‘в вагон не пускают’. В то же время, выступая в качестве члена глагольной парадигмы изъявительного наклонения настоящего времени (узнаваемого через отрицательный глагол *уг* и суффикс *-ё*), сочетание *уг лэзё [соос]* ‘не пускают [они]’ в форме множественного числа 3-го лица, не имеющее субъекта действия в предложении, подчёркивает неопределенность деятеля, поэтому подобные предложения осознаются как односоставные неопределенно-личные. Рассмотрим парадигму данной словоформы во множественном числе:

$$\left. \begin{array}{l} 1 \text{ мурт (лицо) – [ми] ум лэзиське} \\ 2 \text{ мурт (лицо) – [тй] уд лэзиське} \end{array} \right\} \text{ – определенный деятель}$$

3 мурт (лицо) – [соос] уг лэз-ĕ – неопределенный деятель

Таким образом, можно сказать, что морфема даже являясь меньшей единицей, чем синтаксические единицы, играет очень важную роль в структуре предложения и в грамматической системе языка в целом.

Далее рассмотрим некоторые признаки морфемы. Начнем с того, что морфема в удмуртском языке обладает формой и, в отличие от фонемы и слога, имеет значение, например: *тöлаське* ‘дует ветер’: корень *тöл* несет в себе лексическое значение ‘ветер’, суффикс *-а-* помогает передать значение действия, суффикс *-ськ-* – возвратное значение, а суффикс *-е* – формальное значение 3-го лица (формальное, так как в конкретном контексте глагол может выступать как безличный: *Тöлаське* ‘Дует (ветер)’; или как личный: *Ку-азь тöлаське* ‘Погода ветреная’ (букв. ‘Погода дует ветер’) (3-е лицо)). Таким образом, признаками морфемы, являются материальность и значимость.

Необходимо отметить, что в некоторых случаях форма (иначе план выражения) может отсутствовать, хотя значение при этом сохраняется. Примером могут послужить начальные формы изменяемых слов, так как в именительном падеже суффикс будет нулевой: сущ. *пыж-Ø* ‘лодка, лодку’ (при изменении: *пыж-ез* ‘лодку’, *пыж-лэн* ‘лодки’, *пыж-лэсь* ‘(из) лодки’, *пыж-лы* ‘лодке’ и т.д.), прил. *лапегез-Ø* ‘именно низкий’ (при изменении: *лапегез-лы* ‘именно низкому’, *лапегез-тэк* ‘именно без низкого’, *лапег-а-з* ‘именно в низком / в низкий’ и т.д.). В обоих случаях нулевой суффикс передает значение именительного падежа. Также нулевой суффикс может быть и у глаголов: в форме настоящего времени единственного числа 1-го лица – *гожъя-сько-Ø* ‘пишу’, 3-го лица – *гожъя-Ø* ‘пишет’ (сравните: 2-е лицо – *гожъя-сько-д* ‘пишешь’, *гожъя-сько-д-ы* ‘пишете’, 1-е лицо множественного числа – *гожъя-сько-м-ы* ‘пишем’); в форме повелительного наклонения 2-го лица единственного числа – *гöжты-Ø* ‘напиши’ (сравните: 2-е лицо множественного числа – *гöжт-э* ‘напишите’).

Также следует отметить, что суффиксы в удмуртском языке хотя и редко, но могут быть омонимичными, т.е. формально выглядят одинаково, но в современном языке имеют разное значение. Например, суффикс *-м*: *мы-нам гожъя-м-е* ‘моя запись’, *миям корка-м-ы-лэн* ‘у нашего дома’, *со гожъя-м* ‘он написал’. В первом случае суффикс передает значение опредмеченного действия (существительное, суффикс словообразовательный), во втором – значение притяжательное, обладатель 1-е лицо (существительное, суффикс словоизменительный), в третьем – значение неочевидного действия (глагол, суффикс словоизменительный). Суффикс *-этй* (*-етй*) – суффикс порядковых числительных (*сизьым-етй* ‘седьмой’, *тямыс-этй* ‘восьмой’) и суффикс переходного падежа существительных (*бакча-етй* ‘по огороду’, *ульча-етй* ‘по улице’); *-а-* – может быть суффиксом и

местного падежа (*эсажы-а-д* ‘на твоей полке’, *кана-а-м* ‘в моем шкафу’) и входного падежа (*эсажы-а-д* ‘на твою полку’, *кана-а-м* ‘в мой шкаф’).

Значения аффиксов могут быть разные, но корневая морфема всегда передает лексическое значение слова: *нюлэс-Ø* ‘лес’, *котьма-Ø* ‘хоть что’, *эсужыт* ‘высокий’, *лоба-(ны)* ‘летать’.

В удмуртском языке, как и во многих других языках, можно выделить корневые и аффиксальные морфемы (префикс, суффикс, постфикс). Необходимо отметить, что:

- есть слова, которые состоят только из корневой морфемы, к таким относятся большинство служебных слов, наречий, наречно-изобразительных слов, звукоподражаний, междометий, модальных слов, а также довольно много слов знаменательных частей речи: *но* ‘и’, *ик* ‘же’, *бере* ‘после, за’, *быдэн* ‘по’, *йыг (вазиз)* ‘стук (послышалось)’, *ш-ш-ш* ‘ш-ш-ш’, *эх!* ‘эх!’, *лэся* ‘видимо’; *чебер* ‘красивый’, *эшишо* ‘ещё’, *мамында* ‘сколько’;

- всегда имеют корневую и аффиксальную морфему глаголы и глагольные формы, хотя в повелительном наклонении, отрицательных формах изъявительного наклонения и в форме 3-го лица изъявительного наклонения глаголов 2-го спряжения формально аффиксальная морфема может отсутствовать: *лыкты-ны* ‘прийти, приходиться’, *лыкт-од* ‘придешь’, *лыкты-са* ‘придя’, *лыкт-эм (мурт)* ‘пришедший (человек)’, *лыкты-Ø* ‘приди’, *медам лыкты-Ø* ‘пусть не приходит/пусть не приду’, *эн лыкты-Ø* ‘не приходи’, *уг вера-Ø* ‘не скажу/не говорит’, *вера-Ø* ‘говорит’.

Также не меньше чем из двух морфем состоят слова других изменяемых частей речи – существительные, местоимения-существительные, количественные числительные; прилагательные, причастия, порядковые числительные и местоимения, их замещающие, при условии, если имеют выделительный суффикс *-эз* (*-ез*, *-ыз*, *-из*, *-з*). Аффиксальная морфема в начальной форме формально не выражена, а в других формах выражена:

- существительные: *корка-Ø* ‘дом’ (при изменении: *корка-ез* ‘дом’, *корка-лэн* ‘(у) дома’, *корка-лэсь* ‘дома’), *корка-Ø дорын* ‘рядом с домом’, *корка-ен ёош* ‘вместе с домом’, *корка-Ø липет* ‘крыша дома’, *корка-лэн липетэз* ‘крыша дома’);

- местоимения-существительные: *кин-Ø* ‘кто’ (при изменении: *кин-эн* ‘кем’, *кин-лы* ‘кому’, *кинъ-я* ‘в соответствии с кем’), *кин-Ø ке* ‘кто-то’ (при изменении: *кин-лэсь ке* ‘кого-то’, *кин-лэн ке* ‘кого-то’, *кин-лы ке* ‘кому-то’), *котькин-Ø понна* ‘хоть для кого’, *олокин-Ø дорын* ‘неизвестно у кого, неизвестно рядом с кем’, *кин-эн сэрен* ‘из-за кого’;

- количественные числительные: *вить-Ø* ‘пять’ (при изменении: *вить-лы* ‘на пять, пяти’, *вить-лэсь* ‘пяти’, *вить-тэк* ‘без пяти’), *вить-Ø бере* ‘после пяти’, *вить-Ø пукон* ‘пять стульев’;

– порядковое числительное с выделительным суффиксом: *куинетий-ез-Ø* ‘именно третий’ (при изменении: *куинетий-з-э* ‘именно третьего/третью’, *куинетий-ез-лэн* ‘именно (у) третьего/третьей’, *куинетий-ез-тэк* ‘именно без третьего/третьей’, *куинетий-ез-тй* ‘именно по третьему/третьей’), *куинетий-ез-Ø бере* ‘именно после третьего/третьей’, *куинетий-ен-ыз чюш* ‘именно вместе с третьим/третьей’. Таким же образом можно расчленить слова других вышеуказанных частей речи с выделительным суффиксом.

Особо нужно отметить деепричастия удмуртского языка с суффиксами *-ку, -тозь, -(э)мен, -мтэен, -(э)мысь(ты), -мтэысь(ты)*. Хотя деепричастие и считается неизменяемой формой глагола, но при наличии данных суффиксов деепричастия могут иметь суффиксы лица и числа, т.е. могут изменяться (этот факт уже был отмечен, например, в «Грамматике современного удмуртского языка» (1962: 285)): *мон бертыку-м* ‘когда я возвращался домой’, *тон бертыку-д* ‘когда ты возвращался домой’, *со бертыку-з* ‘когда он возвращался домой’, *ми бертыку-м-ы* ‘когда мы возвращались домой’, *тй бертыку-д-ы* ‘когда вы возвращались домой’, *соос бертыку-з-ы* ‘когда они возвращались домой’; *мон вератоз-я-м* ‘пока я говорил’, *тон вератоз-я-д* ‘пока ты говорил’, *со вератоз-я-з* ‘пока он говорил’, *ми вератоз-я-м-ы* ‘пока мы говорили’, *тй вератоз-я-д-ы* ‘пока вы говорили’, *соос вератоз-я-з-ы* ‘пока они говорили’. При образовании форм с суффиксом *-тозь* на стыке согласных используется межморфемная прокладка *-я-*. Приведем хотя бы по одному примеру на остальные суффиксы: *кыдёке кошкэмен-ым* ‘из-за того что (я) далеко ушел’, *сюлмыз чидамтэен-ыз* ‘из-за того что (его) сердце не выдержало’, *кырзаса мынэмысь-ты-д-ы* ‘из-за того что (вы) шли напевая (песню)’, *нуналэз тодымтэысь-ты-з-ы* ‘из-за того что (они) не знали, какой день’. При образовании форм с суффиксами *-(э)мысь, -мтэысь* на стыке согласных используется межморфемная прокладка *-ты-*. Таким образом, можно говорить о формообразовательной основе деепричастия. Но в большинстве случаев все же употребляется безотносительная к форме лица и числа формообразовательная основа глагола: *берты-ку, вера-тозь, кошк-эмен, чида-мтэен, мын-эмысь, тоды-мтэысь*.

Если рассматривать основу слова с точки зрения членимости, можно сказать, что в удмуртском языке они могут быть и членимыми, и нечленимыми. Нечленимыми являются основы непрямых слов, если они неизменяемы: *чюкна* ‘утром’ (наречие), *ёжыт* ‘мало’, *гинэ* ‘только’ (частица). Членимые основы – это основы производных слов, которые могут расчленяться на две и более морфемы. Членимые основы бывают простыми, они состоят из двух и более морфем, одна из которых корневая морфема: *будос-лык* ‘растительный мир’, *вала-н* ‘понимание’, *тод-м-а-т-ск-он* ‘знакомство’. Сложные членимые основы состоят из двух и более корневых морфем: *дунне-выл* ‘мировой’ (букв. ‘мир-поверхность’), *сир-пу-губи* ‘вязо-

вик, вешенка (гриб)’ (букв. ‘смола-дерево-гриб’), *кенэм-кутс-а-сь* ‘коноплянка (птица)’ (букв. ‘конопля-молотящий’).

С точки зрения непрерывности в большинстве случаев основы словоформ удмуртского языка являются непрерывными: *пöйшур-а-сь* ‘охотник; охотящийся’, *пöра-ськы-ны* ‘готовить (еду)’, *тол-быт* ‘всю зиму’, *дас-вит-етii* ‘пятнадцатый’, *улмо-ё* ‘с яблоками’. Но в компаративах прилагательных, причастий, числительных, модеративах и модеративах в сочетании с компаративом при наличии выделительно-указательного суффикса встречаются прерывистые основы: *таза-ез-гес* ‘именно поздоровее, покрупнее’, *пичи-ос-ыз-гес* ‘именно поменьше’, *сузьы-монь-ёс-с-э-гес* ‘те, до которых лучше дотянуться’, *лыз-алэс-эз-лы-гес* ‘именно синеватому’, *вит-етii-з-э-гес* ‘именно пятого’, *горд-алэсь-ёс-с-э-гес* ‘именно более красноватые’.

Кроме традиционных аффиксов в удмуртском языке присутствуют и аффиксоиды:

– префиксоиды – это морфемы, как и префикс, находящиеся перед корнем слова, но образованные от корня самостоятельного слова и сокращенные или потерявшие значение, например, префиксоиды, образованные из сокращенного корня: *ог-*: *огвакыт* ‘в одно время, одновременно’ < *ог* ← *одйг* ‘один’ + *вакыт* ‘время, период’; *бадз-*: *бадзанай* ‘крестная мать’, *бадзатай* ‘крестный отец’; или префиксоиды, образованные из потерявшего значение корня, например *куд-*: *кудласянь* ‘с какой стороны’; *ваннапал* ‘верхняя часть’;

– суффиксоиды – морфемы, как и суффиксы, находящиеся после корня слова, но образованные от корня самостоятельного слова и сокращенные или потерявшие значение, например, к таковым в удмуртском языке можно отнести: *-ни* или *-тii* в значении ‘место’: *дугдонни* ‘остановка (транспорта)’; *-тым*: *вутым* ‘водоём’; *-нал*: *Быдзымнал* ‘Пасха’ (*Быдзым* ‘Великий’ + *-нал* от *нунал* ‘день’ (та же морфема в словах *огнал* ‘в один день’, *уйнал* ‘и день и ночь’, диалектном *тйзынал* ‘на днях; несколько дней тому назад’, *вазынал* ‘позавчера’).

В отдельную группу хотелось бы выделить слова с псевдокорнями – такими морфемами, которые не являются самостоятельными корнями, но и в роли префиксоида или суффиксоида не функционируют, они ближе к постфиксоидам, но так называться не могут, потому что после них еще есть суффиксы. Таковыми являются вторые части в словах *тöлья-бурья* ‘по направлению ветра’, *кыласа-бураса* ‘причитать’, *кылан-буран* ‘фольклор’, *кылбур* ‘стихотворение’. Также сложно соотносить с самостоятельными современными словами вторые части слов *адзись-марась* ‘свидетель, очевидец’, *адзос-чаклос* ‘опыт’, *арам-сюрам* ‘убыток, ущерб’. Компоненты *марась* (от *мар* ‘что’), *чаклос* (от *чакланы* ‘наблюдать’) как самостоятельная единица в языке не употребляются, хотя их семантика довольно про-

зрачна, но *сюрам* вообще явно не соотносится с каким-либо современным словом, возможно, в сочетании *сюр-вай* ‘вразброс, в разные стороны’; *сюр-вай куяны (пазяны)* ‘разбросать (раскидать) в разные стороны’ элемент *сюр* тот же корневой элемент.

Необходимо отметить, что в удмуртском языке имеются и интерфиксы, вставляемые между корнем и суффиксом или между двумя суффиксами. Эти межморфемные прокладки лишены отдельного значения и служат лишь для соединения морфем, поэтому не являются морфемами. К интерфиксам относятся: *-ы-* в глаголах перед инфинитивным суффиксом, если не образовано при помощи этой морфемы, например, в слове *мын-ы-ны* ‘идти’ *-ы-* интерфикс (производные слова: *мын-он*, *мын-йсь*), а в слове *ныр-ы-ны* ‘рыть рылом’ – это словообразовательный суффикс. Интерфиксы (*-я-*, *-ы-*, *-ты-*) встречаются в некоторых падежных формах существительных и формах деепричастий при наличии притяжательного суффикса: *дор-оз-я-з-ы* ‘до их дома’, *дор-ен-ы-м* ‘с моим домом’, *дор-ысь-ты-д-ы* ‘из вашего дома’, *тодымтысь-ты-з-ы* ‘из-за того что (они) не знали’. Интерфикс *-на-* используется для связи морфем в числительных и наречиях: *ныль-на-мы* ‘мы вчетвером’, *ныль-на-пала* ‘на [все] четыре стороны’; интерфиксы *-ла-* и *-ня-* – в наречиях: *азь-ла-пала* ‘наперед’; *со-ня-кеме* ‘в такую даль’, *со-ня-мында* ‘столько’, *та-ня-може* ‘в течение столько дней’. В единичном случае встречается интерфикс *-а-*: *кыз-а-узы* ‘мужские цветы у ели’.

Итак, в данной работе мы рассмотрели некоторые основные единицы морфемики. О конкретных видах аффиксов будем говорить отдельно. В заключение хотелось бы еще отметить, что система морфем удмуртского языка очень богата и в плане форм, и в плане содержания, поэтому требует дальнейших исследований.

Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология. – Ижевск: Удмуртское кн. изд-во, 1962. – 376 с.

О ВНЕДРЕНИИ НОВЫХ ТЕРМИНОВ В КОМИ ЯЗЫК И ИХ ОЦЕНКЕ НОСИТЕЛЯМИ ЯЗЫКА

М.С. Федина,

начальник Центра инновационных языковых технологий
Коми республиканской академии
государственной службы и управления

Терминология является важнейшей составной частью любого литературного языка и повседневной речи современного человека. Уровень раз-

витости терминосистемы языка определяет уровень развития не только данного языка, но и общества, говорящего на нем. «Создание терминологии является органическим элементом обновления общества. Наличие терминологии поднимает статус и престиж родного языка, способствует укреплению экономической и политической автономии этноса» (Пустаи 2003: 115). Особенно это актуально для сохранения и развития малочисленных языков, к которым относятся и финно-угорские языки. «Возможности финно-угорских народов сохранить свои языки в качестве языков высшего образования (а в будущем языки вообще) не очень велики. Ясно одно: каждая пропущенная минута, в течение которой мы ничего не предпринимаем для увеличения этих возможностей или хотя бы создания предпосылок для их увеличения, работает против нас. Первыми шагами, без которых невозможны последующие, как я полагаю, должны стать повышение престижа родного языка у молодежи и создание терминологии для максимального количества отраслей науки и других сфер жизни» (Валге 2009: 109). Создание национальной терминологии создает основу для расширения сфер его функционирования, ибо «надежда на сохранение языка имеется в том случае, если язык используется во всех сферах... в том числе в делопроизводстве, в экономике и политике, а также науке» (Pusztay 2008: 213–214). О важности развития терминологии подчеркивалось и на V Всемирном конгрессе финно-угорских народов. Однако говорить только о сохранении языка неправильно. Язык живого народа – не музейный экспонат, а живой организм, который постоянно меняется в зависимости от окружающей действительности. Без постоянного развития язык впадает в стагнацию, результатом которой происходит его постепенное вымирание. Сознательное развитие терминологии является такой же целенаправленной помощью для языка, как и витаминизация человеческого организма.

В современном коми языке стратегическими направлениями терминологического образования, по нашему мнению, являются развитие официально-деловой терминологии, создание (или воссоздание) школьной терминологии по предметам школьного курса и создание компьютерной терминологии – т.е. обеспечение возможности использования коми языка на государственном уровне, в образовании и новой, но абсолютно неотъемлемой сфере жизнедеятельности любого человека и общества в целом – единой информационной среде. Из них наиболее стратегически важной и необходимой для передачи языка из поколения в поколение является образовательная (школьная) терминология для обеспечения возможности преподавания всех дисциплин на родном языке. Ибо «одного преподавания местного языка в рамках русскоязычной школьной программы ни в коем случае не-

достаточно для достижения активного владения этим языком. Для этого нужно сделать данный язык средством общения, на котором обсуждаются различные темы, в том числе реалии современной жизни и глобальные вопросы. Выбор местного языка для преподавания на нем различных предметов (математики, природоведения, истории и др.) является значительным шагом в сторону модернизации на условиях культуры меньшинства, равноправия языков и осуществления языковых прав человека» (Замятин, Пасанен, Саарикиви 2012: 148–149). С этой целью был организован и успешно реализован в 2010–2011 гг. международный проект при финансовой поддержке Совместной программы Совета Европы и Европейского союза для Российской Федерации – «Меньшинства в России: развитие языков, культуры, медиа и гражданского общества» – «Создание терминологических словарей на национальных языках для общеобразовательных школ в регионах проживания финно-угорских народов Российской Федерации». За время проекта были подготовлены и изданы терминологические словари по 10 школьным предметам (родной язык, литература, история, обществознание, биология, химия, физика, математика, информатика, география) на марийском, удмуртском, коми, эрзянском и мокшанском языках (Pusztay 2014). Вся подготовленная терминология прошла детальный научный анализ (Пустаи 2013, 2013а, 2014а, 2015, 2015а) для корректировки дальнейшего их использования при составлении учебных пособий на родном языке, и соответственно, введении родного языка в образовательный процесс.

Однако одного научного анализа недостаточно. Для быстрого вхождения новой терминологии необходимо положительное (или неотрицательное) восприятие данных терминов сообществом, для которого они предназначены. Подобные исследования осуществлялись по карельской и удмуртской терминологии (Ковалева 2002:113-124; Ковалева, Родионова 2011; Шаланки 2008). Для оценки коми терминов в школьных словарях было проведено специальное анкетирование, где респондентам было предложено оценить уровень соответствия русского и коми термина (группа «А», исходный термин – русский или интернациональный) и наоборот – коми и русского термина (группа «Б», исходный термин – коми), дать свою оценку и предложить при необходимости свой вариант коми термина. Для опроса было отобрано всего 137 терминов из разных дисциплин, из них часть терминов, уже вошедшая в употребление за последние 15-10 лет, и часть – только что образованные авторами школьных терминологических словарей (Габова, Мишарина 2011; Кокшарова, Федина 2011; Колегова, Маркова, Мусанов 2011; Кузьбожева 2011; Остапов 2011; Остапов 2011а; Остапова 2011; Остапова, Филиппова 2011; Пунегова 2011; Ракин 2011).

Действующие термины были включены целенаправленно для оценки их нынешнего статуса, ибо в начальном периоде их существования отношение к ним было достаточно критическим.

Респондентами стали студенты, обучающиеся по направлению «Филология», профиль «Отечественная филология» (русский язык и литература, родной язык и литература), по направлению «Педагогическое образование», профиль «Начальное образование. Родной язык и литература», магистранты программы «Активный билингвизм и межкультурная коммуникация», преподаватели кафедры финно-угорской филологии и национального образования Сыктывкарского госуниверситета, научные сотрудники Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, учителя коми языка, пенсионеры – люди, чья профессиональная деятельность в будущем, настоящем или прошлом связана с национальным образованием и коми филологией. Группы по возрастной и социальной характеристике респондентов представлены в таблице 1.

Таблица 1

Возрастная и социальная характеристики респондентов

	<i>Группа «А»</i>	<i>Группа «Б»</i>
Количество респондентов	43	41
Возраст	16-20 лет – 17 чел. – 39,5%; 20-30 лет – 20 чел. – 46,5%; 30-40 лет – 1 чел. – 2,3%; 40-50 лет – 2 чел. – 4,7%; 50-60 лет – 1 чел. – 2,3%; Более 60 лет – 2 чел. – 4,7%	16-20 лет – 11 чел. – 26,8%; 20-30 лет – 7 чел. – 17,1%; 30-40 лет – 12 чел. – 29,3%; 40-50 лет – 6 чел. – 14,6%; 50-60 лет – 5 чел. – 12,2%
Социальный статус	Студент – 34 чел. – 79,1%; Преподаватель – 4 чел. – 9,3%; Научный сотрудник – 2 чел. – 4,7%; Служащий – 1 чел. – 2,3%; Пенсионер* – 2 чел. – 2,7%	Студент – 15 чел. – 36,6%; Служащий – 11 чел. – 26,8%; Научный сотрудник – 10 чел. – 24,4%; Преподаватель – 2 чел. – 4,9%; Рабочий** – 1 чел. – 2,4%; Другое** – 2 чел. – 4,9%

* имеют высшее филологическое образование, работали в сфере национального образования

** имеют высшее гуманитарное образование

Респонденты в целом достаточно высоко оценили предложенные термины – положительно (неотрицательно) были оценены 103 термина из 137, что составляет 75,2%, при этом 43,8% терминов получили высокую оценку

более 80% респондентов, что соотносится с научной оценкой коми терминов Я. Пустаи (Пустаи 2014а). Вместе с тем около 25% предложенных терминов вызвали негативную оценку, что представляет собой критический уровень. Более подробно см. в табл. 2.

Таблица 2

Статистические данные по терминам

<i>Всего терминов</i>	<i>Количество</i>	<i>Процент</i>
		137
Принято терминов (высокая оценка более 80% респондентов)	60	43,8
Допустимо терминов (средняя оценка респондентов)	43	31,4
Не принято терминов (низкая оценка более 50% респондентов)	34	24,8

В таблице 3 представлены подробные статистические данные по терминам, получившим высокую положительную оценку (графа «принято терминов») и отрицательную оценку (графа «не принято терминов») респондентов:

Таблица 3

Статистические данные по терминам

	Принято терминов								Не принято терминов							
	Всего		Из них:						Всего		Из них:					
			Обе группы		Группа «А»		Группа «Б»				Обе группы		Группа «А»		Группа «Б»	
	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%
	60	43,8	38	27,7	19	13,9	3	2,2	34	24,8	11	8	0	0	23	16,8
Из них абсолютно новые	7	5,1	1	0,7	6	4,4	0	0	21	15,3	7	5,1	0	0	14	10,2
Из них уже встречались в словарях	53	38,7	37	27	13	9,5	3	2,2	13	9,5	4	2,9	0	0	9	6,6

Термины, получившие высокую положительную оценку обеих групп респондентов (процент указывает на количество респондентов, давших оценку «полностью соответствует»):

Статистические данные по терминам

<i>Термин на русском языке</i>	<i>Термин на коми языке</i>	<i>Оценка группой «А»</i>	<i>Оценка группой «Б»</i>
адрес	инпас	90,7%	85,4%
алфавит	анбур	100,0%	97,6%
артерии	вир сӧнъяс	100,0%	80,5%
архаизм	важмӧм кыв	100,0%	92,7%
библия	вежа небӧг	90,7%	92,7%
буква	шыпас	100,0%	97,6%
бюджет	сьӧмкуд	97,7%	85,4%
вена	вир сӧн	100,0%	92,7%
гимн	кып	81,4%	80,5%
глагол	кадакыв	100,0%	97,6%
горизонт	енэжтас	93,0%	97,6%
государство	канму	97,7%	87,8%
деньги	сьӧм	100,0%	95,1%
диалект	сӧрнисикас	100,0%	97,6%
интонация	шуанног	100,0%	87,8%
классификация	сикасалӧм	100,0%	90,2%
комедия	теш	97,7%	92,7%
комментарий	гӧгӧрвоӧдӧм	93,0%	82,9%
конституция	оланподув	86,0%	82,9%
монолог	ӧткасӧрни	95,3%	85,4%
музыка	шылад	90,7%	85,4%
нация	войтырсикас	97,7%	85,4%
период	кадколаст	93,0%	92,7%
проблема	мытшӧд	90,7%	80,5%
программа	уджтас	81,4%	85,4%
прогресс	водзӧ сӧвмӧм	97,7%	82,9%
религия	енлы эскӧм	83,7%	80,5%
самосознание	асвежӧртӧм	83,7%	82,9%
спряжение	кадакывлӧн вежласьӧм	97,7%	90,2%
стиль (лит.)	гижан ног	86,0%	85,4%
стихотворение	кывбур	100,0%	97,6%
столица	юркар	100,0%	95,1%
существительное	эмакыв	97,7%	90,2%
талант	енби	93,0%	90,2%
фразеологизм	зумыд кывтэчас	93,0%	82,9%
хозяйство	овмӧс	95,3%	90,2%
цифры	лыдпас	93,0%	95,1%
цель	мог	97,7%	85,4%

Кроме того, группа «А» дополнительно посчитала очень удачными следующие термины: *автономия – асьюралём, билингвизм – кыккывьялун, гипотеза – чайтём, интернет – отуввез, код – пас, конфедерация – канмуяслөн отувлун, модернизация – вильмөдём, реформа – вежлалём, сатира – ёсь серам, символ – вежөрпас, склонение – вежлөгасьём, сказуемое – юөрпас, суверенное государство – асиёрлуна канму, фонетика – шыкуд, пароль – гусякыв, амнистия – мездсетём, биосфера – олан гөгөртас, декларация – йөзөданкыв, параллелизм – отвесьталём.* Группа «Б» была критичнее и, в отличие от предыдущей группы, дополнительно высоко оценила лишь 3 термина: *мырддём – конфискация, енэжиз – метеорит, сюрёс – сюжет.*

Как и следовало ожидать, в зеленую зону, зону максимального благоприятия попали уже действующие термины. Респонденты так и отмечали: «уже привыкли», «этот термин уже давно в языке». Вместе с тем отраднo, что нынешним авторам – непрофессиональным терминологам, удалось найти удачные коми слова для передачи следующих понятий: *библия, код, конфедерация, сатира, символ, амнистия, параллелизм.*

Термины, получившие негативную оценку обеих групп респондентов (процент указывает на количество респондентов, давших оценку «не соответствует»):

Таблица 5

Статистические данные по терминам

<i>Термин на русском языке</i>	<i>Термин на коми языке</i>	<i>Оценка группой «А»</i>	<i>Оценка группой «Б»</i>
гибрид	кидас	65,1%	58,5%
информатика	юөртөданбур	67,4%	75,6%
колония	вылин	51,2%	80,5%
конкуренция	зырсьём	60,5%	70,7%
модернизм	өньяөдём	53,5%	65,9%
проблема	юалём	51,2%	65,9%
роман	өтвисьт	51,2%	65,9%
строфа	визьюк	51,2%	61,0%
субстрат	подув	51,2%	61,0%
текст	сёрникыöd	53,5%	65,9%
элита	медбур йөз	60,5%	65,9%

Группа «Б» дополнительно посчитала неудачными следующие термины: *юртөмалём – анархизм, юрнуөдө – гегемония, ставсө шымыртём – глобализация, пасйөг – курсор, гижөдьяс – литература, кытшол – парабола, бала – парадигма, рөммөданторьяс – пигменты, мыгөрпас – портрет, вильмөдёмбөр – постмодернизм, сайним – псевдоним, лов төданбур – психология, збыльпаслун – реализм, мывкыдчём – социализация, лоанлыд –*

сумма, серпасалантор – тема, шуантор – тема, дзескөдөм – террор, өтпертас – тип, вынөд – ударение, личкөм – ударение, овмөс сөвмөм – экономика, овмөс дүдөм – экономический кризис.

Основная масса терминов, попавших в красную зону, зону неприятия, – 21 из 34 – это новые образования и только 13 – уже действующие термины. Наиболее часто респонденты отклоняли предложенные варианты, потому что «непонятно», «можно понять по-другому», «не соответствует по объему (значение шире или уже)», «некрасиво». При этом мнения групп иногда отличались – те термины, которые группа «Б» считала недопустимыми, группа «А» считала достаточно приемлемыми, например: *анархизм – юртөмалөм* (60,5% респондентов группы «А» оценили положительно), *глобализация – ставсө шымыртөм* (67,4%), *курсор – пасйөг* (69,8%), *литература – гижсөдъяс* (60,5%), *пигменты – рөммөданторъяс* (69,8%), *пост-модернизм – выльмөдөмбөр* (62,8%), *реализм – збыльнаслун* (76,7%), *тема – шуантор* (65,1%), *экономика – овмөс сөвмөм* (67,4%). Такое отличие объясняется, по нашему мнению, в основном исходным объектом восприятия – для группы «А» это был русский или интернациональный термин, а для группы «Б» – термин на родном, коми языке, и разнонаправленность интерпретации терминов обусловило разную оценку. При этом респонденты занимали не пассивную позицию просто оценщика, а достаточно активную позицию сопричастности, соавторов, предлагая лучшие, по их мнению, варианты замен коми терминов в том случае, если предложенные термины их не устраивали по какой-то причине. Например, *сумма – өтувъя лыд, өтувлыд, өтлыд* (от *өтувъя* ‘общий, совместный’ и *лыд* ‘число’), *лыд* (‘число’), *мында* (‘размер; объём; количество’), *ыджда* (‘величина; объём’) – вместо *лоанлыд* (от *лоан* ‘будущее; то, что будет’ и *лыд* ‘число’); *социализация – йөзкодьялөм* (сочетание *йөз* ‘люди, народ’ и *кодья* ‘как, подобно’ + суффикс глагола -ав- ‘стать подобно людям’ + суффикс отглагольного существительного -өм ≈ ‘становление как все люди’) – вместо *мывкыдчөм* (от *мывкыд* ‘ум, разум, рассудительность’ + суффикс возвратного глагола ‘сделать себя разумным, рассудительным’ + суффикс отглагольного существительного ≈ ‘делание себя разумным, рассудительным’); *психология – лов төдөм* (от *лов* ‘душа’ и *төдөм* ‘знание’), *ловтөдан* (от *лов* ‘душа’ и причастие настоящего времени от глагола *төдны* ‘знать’) – вместо *лов төданбур* (от *лов* ‘душа’ и *төданбур* ‘наука’); *курсор – индалысь* ‘указчик; указывающий, показывающий’, *индөг* (от глагола *индыны* ‘указывать, показывать’ + суффикс существительного -өг ≈ ‘указатель’), *шырпиль* (от *шыр* ‘мышь; мышка компьютерная’ и *пиль* ‘зуб’ ≈ ‘метафорический перенос по форме курсора’) – вместо *пасйөг* (от глагола *пасйыны* ‘метить, пометить, отметить; обозначить, проставить; отметить, обратить

внимание на что-либо; заметить, подчеркнуть' + суффикс существительного -ӧг ≈ 'то, что метит, отмечает; обозначает, обращает внимание на что-либо'); *информатика* – *юӧр туялӧм* (от *юӧр* 'информация, весть, сообщение' и *туялӧм* 'исследование'), *юӧрбур* (от *юӧр* 'информация, весть, сообщение' и *бур* 'добро, благо'), *юӧртэчас* (от *юӧр* 'информация, весть, сообщение' и *тэчас* 'структура; построение; строение; конструкция') – вместо *юӧртӧданбур* (от *юӧр* 'информация, весть, сообщение' и *тӧданбур* 'наука'); *Библия* – *Вежа кыв* (от *Вежа* 'святой' и *кыв* 'слово; язык'), *Ен небӧг* (от *Ен* 'Бог' и *небӧг* 'книга') – вместо *Вежа небӧг* (от *Вежа* 'святой' и *небӧг* 'книга'); *самосознание* – *аскылӧм* 'самочувствие', *юрвежӧр* (от *юр* 'голова' и *вежӧр* 'ум, разум, рассудок; сознание') – вместо *асвежӧртӧм* 'самосознание, идентитет' (от *ас* 'сам' и *вежӧртӧм* 'восприятие; осмысление; осознание; познание; ответственность'); *гегемония* – *ыджыдалӧм* 'хозяйничанье, командование; господство; засилье; преобладание; предводительство' – вместо *юрнуӧдӧм* 'руководство, возглавление; предводительство' и т.д.

Таким образом, проведенный опрос подтвердил, что для вхождения нового термина в язык необходим оптимальный временной отрезок в 10–15 лет. При этом даже уже используемые термины не всегда высоко оцениваются и принимаются аудиторией. Что касается новых терминообразований – отклонение 15,3% от общего количества терминов в анкете является достаточно прогнозируемым фактом ввиду новизны самих номинируемых явлений, способов их номинации на коми языке. Немаловажным фактором в неприятии новых коми терминов является и привычность бытующих русских или интернациональных терминов, например, в 23 случаях из всех 137 рассматриваемых терминов респонденты предлагали оставить именно русский термин, что сходно с результатами по удмуртскому языку (Шаланки 2008). В то же время принятие 5,1% абсолютно новых терминов от общего количества терминов в анкете является весьма неплохим результатом, что свидетельствует о потребности профессионального общества в коми терминологии, готовности его использовать и возможностях самого коми языка к обслуживанию высоких сфер коммуникации.

Валге Ю. Высшее образование на родном языке как важное условие сохранения языка // Финно-угорский мир. – 2009. – № 3. – С. 102–109.

Габова Н.А., Мишарина Л.Н. Словарь математических терминов на коми языке для общеобразовательных школ. – Сыктывкар; Ижевск; Йошкар-Ола; Саранск; Бадачоньтомай, 2011.

Замятин К., Пасанен А., Саарикиви Я. Как и зачем сохранять языки народов России? – Хельсинки, 2012. – 181 с.

Ковалева С.В. Некоторые итоги социолингвистического исследования по формированию новой лексики в карельском языке // Бубриховские чтения. Проблемы прибалтийско-финской филологии и культуры. – Петрозаводск, 2002. – С. 113–124.

Ковалева С.В., Родионова А.П. Традиционное и новое в лексике и грамматике карельского языка (по данным социолингвистического исследования). – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. – 138 с.

Кокшарова А.А., Федина М.С. Словарь химических терминов на коми языке для общеобразовательных школ. – Сыктывкар; Ижевск; Йошкар-Ола; Саранск; Бадачоньтомай, 2011.

Колегова Н.В., Маркова В.Ф., Мусанов А.Г. Словарь географических терминов на коми языке для общеобразовательных школ. – Сыктывкар; Ижевск; Йошкар-Ола; Саранск; Бадачоньтомай, 2011.

Кузьбожева М.В. Словарь физических терминов на коми языке для общеобразовательных школ. – Сыктывкар; Ижевск; Йошкар-Ола; Саранск; Бадачоньтомай, 2011.

Остапов Н.В. Словарь терминов по обществознанию на коми языке для общеобразовательных школ. – Сыктывкар; Ижевск; Йошкар-Ола; Саранск; Бадачоньтомай, 2011а.

Остапов Н.В. Словарь терминов по истории на коми языке для общеобразовательных школ. – Сыктывкар; Ижевск; Йошкар-Ола; Саранск; Бадачоньтомай, 2011.

Остапова Е.В. Словарь терминов по информатике на коми языке для общеобразовательных школ. – Сыктывкар; Ижевск; Йошкар-Ола; Саранск; Бадачоньтомай, 2011.

Остапова Е.В., Филиппова В.В. Словарь терминов по литературе на коми языке для общеобразовательных школ. – Сыктывкар; Ижевск; Йошкар-Ола; Саранск; Бадачоньтомай, 2011.

Пунегова Г.В. Словарь лингвистических терминов на коми языке для общеобразовательных школ. – Сыктывкар; Ижевск; Йошкар-Ола; Саранск; Бадачоньтомай, 2011.

Пустаи Я. Анализ словарей школьной терминологии эрзянского языка. – Terminologia scholaris – Analysis. – NH-Collegium Fenno-Ugricum, Badacsonytomaj, 2013a. – 538 с.

Пустаи Я. Анализ словарей школьной терминологии коми языка. – Terminologia scholaris – Analysis. – NH-Collegium Fenno-Ugricum, Badacsonytördemic, 2014a. – 441 с.

Пустаи Я. Анализ словарей школьной терминологии удмуртского языка. – Terminologia scholaris – Analysis. – NH-Collegium Fenno-Ugricum, Badacsonytördemic, 2015a. – 425 с.

Пустаи Я. Основные задачи развития финно-угорских языков малочисленных народов // Вопросы терминологии в финно-угорских языках Российской Федерации. – Szombathely, 2003. – С. 111–119.

Пустаи Я. Анализ словарей школьной терминологии мокшанского языка. – Terminologia scholaris – Analysis. – NH-Collegium Fenno-Ugricum, Badacsonytomaj, 2013. – 517 с.

Пустаи Я. Анализ словарей школьной терминологии марийского языка. – Terminologia scholaris – Analysis. NH-Collegium Fenno-Ugricum, Badacsonytördemic, 2015. – 509 с.

Ракин А.Н. Словарь терминов по биологии на коми языке для общеобразовательных школ. – Сыктывкар; Ижевск; Йошкар-Ола; Саранск; Бадачоньтомай, 2011.

Резолюция V Всемирного конгресса финно-угорских народов. URL: <http://www.fucongress.org/congress/V-kongress/rezolyuciya-V-vsemirnogo-kongressa-finno-ugorskix-narodov/>

Шаланки Ж. Новые удмуртские термины и их восприятие носителями языка // Формирование терминологии в финно-угорских языках Российской Федерации : материалы международной конференции (Сомбатхей, 17–18 мая 2007 г.) / Die Terminologiebildung in den finnisch-ugrischen Sprachen der Russischen Föderation. Specimina Sibirica. – Т. XXIII. – Savariae, 2008. С. 134–142.

Pusztay, J. Ungari keele olukord ja tulevik ELis. Emakeelne Eesti, emakeelne Euroopa. – Tallinn, 2008. – S. 213–214.

Pusztay, J. 2014. Schools and terminology as the means of preserving language diversity // Linguistica Uralica. – № 2. – S. 131–138.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НЕКОТОРЫХ СЛОВ ВЕРХНЕКАМСКОГО НАРЕЧИЯ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА

Е.Н. Федосеева,
старший научный сотрудник
ИЯЛИ КНЦ УрО РАН
lenafed@rambler.ru

Разновидность коми языка, традиционно называемая верхнекамским наречием (или диалектом) коми-пермяцкого языка, распространена в Афанасьевском районе Кировской области. Среди работ, посвященных его описанию, статьи и тезисы Г. Нечаева (Нечаев 1930), В.И. Лыткина (Лыткин 1955), Р.М. Баталовой (1965; 1975), Е.А. Цыпанова (Цыпанов 1990), С.А. Сажинной (Сажина 2003; 2014а; 2014б; 2016а; 2016б), Е.Н. Федосеевой (Федосеева: 2007; 2008а; 2008б; 2010; 2011; 2015).

В работах, посвященных верхнекамскому наречию, отражены наиболее существенные особенности языковой разновидности и предпринята попытка определить его место в общекоми диалектном пространстве. В качестве основной черты верхнекамского наречия исследователи отмечали переходность и определяли его как переходную зону между коми-пермяцким и коми-зырянским языками (Лыткин 1955: 28; Баталова 1965: 14; Сажина 2003: 115; 2014: 135; Федосеева 2010: 88–93).

Словарный состав верхнекамского наречия, как и любого другого языка, представляет собой сложное явление. В нем можно выделить следующие группы:

1. Слова, являющиеся общими для всех коми-пермяцких и коми-зырянских диалектов.
2. Слова, изоглоссы которых объединяют верхнекамское наречие с коми-зырянским языковым пространством.
3. Лексемы, изоглоссы которых охватывают верхнекамские говоры и коми-пермяцкие диалекты.
4. Слова, ареал распространения которых ограничен верхнекамским наречием. В большинстве случаев они не употребляются в других коми (зырянских и пермяцких) диалектах.

В статье мы подробнее остановимся на словах, относимых нами к последней группе.

гажалны ‘хотеть, желать’

Данное слово было зафиксировано Г. Нечаевым (Нечаев 1930: 22), в настоящее время оно повсеместно употребляется в верхнекамском наречии: *мэ гажали гортö мунны* ‘я хотела домой идти, уйти’, *эг гажал сы сайö вэрöс сайö муннысö* ‘не хотела за него замуж идти’. В коми-зырянских диалектах в данном значении употребляется слово *кöсйыны* (ССКЗД: 173). В «Коми-пермяцко-русском словаре» приведено слово *гажалны* со ссылкой на «Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь» Н.А. Рогова (КПРС: 95), но в современных коми-пермяцких говорах в данном значении употребляется заимствованная частица *бы*: *мэ бы с'ойа* ‘я хочу есть’, *мэ бы муна* ‘я хочу уйти’. В рукописном словаре А. Попова зафиксировано слово *эггажаль* ‘неволю’ с примечанием «нарѣчіе» (Попов 1785: 100), которое, безусловно, восходит к глаголу *гажалны* (букв. ‘(я) не хотел’). Таким образом, в коми-пермяцком языке лексема *гажалны* имела место, но к настоящему времени утрачена.

В удмуртском языке в значении ‘хотеть’ функционируют слова *потыны*, *мылпотыны*: например, *юэм потыны* ‘хотеть пить’ (РУС 1956:1203). Однако в значении ‘желание, хотение’ зафиксировано диалектное слово *гаж*: например, *гажы öвöл* ‘не хочу, нет желания’ (УРС 1983: 104), имею-

щее соответствие в коми-зырянских диалектах: *ас гажбӧн* ‘по своему желанию, по своей воле’, *кыдз гажыд* ‘как хочешь, как тебе угодно’, *мыйтӧм гажыд* ‘сколько угодно’, *гаж петӧ* ‘хочется’, *ов, кӧн гажыд* ‘живи, где хочешь’ (КСК I: 305).

Лексема *гажалны* авторами «Краткого этимологического словаря коми языка» относится к общепермскому периоду: **gaž-* ‘желание, хотение’ **gažal-* ‘хотеть’ (КЭСК: 74). В коми-пермяцком и коми-зырянском языках имеется слово *гаж* ‘веселье’ и производные от него, однако значение ‘желание, хотение’ в коми-пермяцком языке, по всей видимости, полностью утрачено, а в коми-зырянском сохранилось только в устойчивых сочетаниях.

Таким образом, изоглосса *гажалны* ‘хотеть, желать’ является, вероятно, генетической и характеризует верхнекамское наречие как архаичную зону (или зону консервации).

чӧстӧм ‘несладкий’

У носителей верхнекамского наречия нами было зафиксировано слово *чӧстӧм* ‘несладкий’. Во всех коми-зырянских диалектах широко распространена однокоренная лексема *чӧскыд* ‘вкусный, лакомый, ароматный’, в коми-пермяцких *чӧскыт* ‘вкусный, сладкий’, возникновение которых авторы «Краткого этимологического словаря коми языка» относят к общепермскому периоду (КЭСК: 312). Значение ‘несладкий’ в коми-зырянском языке передается сочетанием *абу юмов*, в коми-пермяцком – *абу чӧскыт*. Таким образом, изоглосса *чӧстӧм* образует небольшой ареал, охватывающий верхнекамское наречие. Слово *чӧстӧм* ‘несладкий’ образовано от корня *чӧс-* при помощи суффикса *-тӧм* со значением отсутствия признака или предмета и, вероятно, является верхнекамской инновацией.

Кроме того, в верхнекамских говорах употребляется лексема *чӧскыдтӧм* ‘несладкий’, которая в других коми-пермяцких и коми-зырянских диалектах также не зафиксирована. Возможно, на её основе и возникло анализируемое слово.

л'ак ‘самодельный мяч’

В верхнекамском наречии Г. Нечаевым было выявлено слово *л'ак* ‘мяч’ (Нечаев 1930: 22). Во время экспедиций нами было зафиксировано употребление лексемы *л'ак*, при помощи которой информанты обозначили мяч и указали, что это может быть и самодельный мяч: *л'ак вӧлин рэз инӧвӧй, и вурынӧвӧйӧс катайталлисӧ* ‘мяч был резиновый, и из овечьей шерсти катали’. Кроме того, во время беседы они указали, что самодельный мяч мог быть набит соломой или паклей. В коми-пермяцком языке в данном значении функционирует заимствование из русского языка *м'йач*. В коми-зырянских языках соответствия также не выявлены, хотя в диалектах зафиксированы: *л'ак I* ‘надоразвитый, мелкий’ (например, *нин ляк* ‘лыко ли-

повой поросли’, *пыш ляк* ‘низкорослая, мелкая конопля’), II) ‘пакля, грубые отбросы кудели’ (например, *лякнас õшунь сюялам* ‘паклей конопатим окна’), III) ‘облик, физиономия’ (к примеру, *мам лякас ветлõ* ‘он обликом в мать’), IV) ‘резинка’ (например, *лякõн вуштыны* ‘стереть резинкой’), V) ‘грязь, запачканный, загрязненный’ (КСК I: 889). Как видим, ни одно из этих слов нельзя назвать соответствующим верхнекамскому примеру.

Можно предположить, что в исследуемом наречии *л’ак* первоначально обозначал самодельный мяч. Учитывая, что в южных коми-зырянских диалектах, с которыми выявляется больше общих языковых черт, зафиксировано слово *ляк* в значении ‘пакля, грубые отбросы кудели’ (КСК I: 889; ССД: 125; ССКЗД: 372, 213), возможен перенос значения: ‘пакля, отбросы кудели’ > ‘мяч из пакли или набиваемый паклей’.

Кроме того, нельзя исключать, что в диалектах коми-зырянского языка при дальнейшем сборе языкового материала обнаружится лексема, соответствующая рассматриваемому слову.

моргуйтны ‘брезговать’

В речи кировских пермяков было зафиксировано слово *моргуйтны* ‘брезговать’. Ареал функционирования данной лексемы на территории функционирования коми языков ограничен говорами верхнекамского наречия. В коми-пермяцких и коми-зырянских диалектах похожие слова не выявлены.

Соответствия данному слову обнаруживаются в русских говорах: *морговать* ‘брезговать, гнушаться’ (СРНГ 18: 256), ‘брезгать, причудничать, привередничать, пренебрегать, гнушаться, презирать’ (Даль II: 345). Таким образом, исследуемое слово, вероятно, является заимствованием из русского языка.

сулой: бл’иновõй сулой ‘блинное тесто’

В верхнекамском наречии функционирует слово *сулой*, чаще всего в сочетании *бл’иновõй сулой*. Значение данного словосочетания, по словам информантов, ‘тесто для блинов’. Данное слово отсутствует в коми-пермяцком и коми-зырянском языках. В русских говорах зафиксирована лексема *сулой* с множеством похожих значений, одно из которых ‘жидкое овсяное тесто для блинов’ (СРНГ 42: 224). Таким образом, изоглосса *сулой* в верхнекамском наречии является ареальной, а сама лексема заимствованной из русского языка.

бэбэлс’алõм ‘чуть-чуть согретый’

В верхнекамском наречии Р.М. Баталовой была зафиксирована лексема *бэбэлс’алõм* ‘чуть-чуть согретый’. Во время наших экспедиций данное слово выявить не удалось. Возможно, оно к настоящему времени уже забыто, что особенно характерно для подобных узкодиалектных лексем.

Бэбэлс'алом является причастной формой, образованной от глагола *бэбэлс'алны*. В коми-пермяцком и коми-зырянском языках соответствия не выявлены. Однако в верхнесыольском и лузско-летском диалектах коми-зырянского языка зафиксировано слово *бебол* 'тепловатый, тепленький (о жидкости)' (КСК I: 61), в лузско-летском *беболмыны* 'согреться, стать теплым' (КСК I: 61).

Таким образом, ареал функционирования данной лексемы и его соответствий ограничен верхнекамским наречием и территориально близкими лузско-летским и верхнесыольским диалектами коми-зырянского языка. Этимология слова вызывает сложности. Исходя из территориальной характеристики оно может быть каким-либо заимствованием или архаизмом.

прокмыны 'мочь, уметь'

прока 'сильный'

прокын'ик 'способный, умеющий что-либо делать'

Во время экспедиций в Афанасьевский район нами были зафиксированы слова *прокмыны* 'мочь, уметь', *прока* 'сильный' и *прокын'ик* 'способный, умеющий что-либо делать': *Мыс'калныс ачым ог прокмы а, д'эвкай-аслы мыйкӧ ог тшӧкты* 'Мыть сама не могу, а девочек почему-то не прошу'; *Ош прокаджык кӧинс'а* 'Медведь сильнее волка'; *Ростом то ичӧт мэ, но малос' прокын'ик вӧлин*. 'Ростом-то маленькая я, но немного могла уже'.

Прок 'уменье, способность, сила' и производные *прока* 'способный что-либо сделать, умеющий', *проктӧм* 'не способный физически, не умеющий', *прокмыны* 'мочь, уметь' широко функционируют в коми-пермяцком языке: *прокӧ оз ни тырмы уджавны* 'у меня уже нет сил работать' (КПСР: 378), *прока сийа ӧд'д'ӧн, быдӧс кужӧ* 'способная она очень, все умеет', *прокма эшӧ, да отсас'ышта* 'могу еще да помогу'. В коми-зырянском языке соответствия исследуемому слову зафиксированы в лузско-летском диалекте: *прок* II 1) лл. 'сила, мощь', 2) лл. 'крепость'; *прока* 1) лл. 'сильный, крепкий', 2) лл. 'способный, умелый'; *проктӧм* лл. 'слабый, бессильный' (КСК II: 211).

Таким образом, ареал функционирования анализируемых слов охватывает коми-пермяцкие диалекты, верхнекамское наречие и лузско-летский диалект коми-зырянского языка.

Слово *прок* было заимствовано из русского языка, в котором среди прочих значений данной лексемы зафиксированы а) 'уменье, способность': *У кого какой прок косить, кто быстро, кто тихо*; б) 'физические возможности действовать, делать что-либо': *А прок от худой стал, еле волочишь ноги свои* (СРНГ 32: 151). В коми диалектах (вероятнее всего, в коми-

пермяцких) на основе данного слова возникли производные *прока*, *проктём*, *прокмыны*, а в верхнекамском наречии еще и *прокын'ик*.

Кроме рассмотренных слов в указанную группу входят *лопэн'* 'селезенка', *вэрма: праз'н'ик вэрма* 'время праздника', *нõш* 'ленивый', *над'итны* 'наварить железо', *пишул'* 'густой ельник', *путиõс* 'изгородь', *пудралны* 'накаленную вещь бросить в холодную воду', *пэл'кыд* 'расторопный, бойкий', *йарандачина* 'крякла у розвальней', *кõлыгалны* 'особым образом привязать гуж хомута к оглобле', *барабайтны* 'искать ощупью' и другие.

Проанализировав указанные лексемы, мы пришли к следующим выводам:

1. Группа слов, ареал распространения которых в большинстве случаев ограничен верхнекамским наречием, неоднородна. Она включает в себя 1) архаизмы, не сохранившиеся в остальных коми диалектах, 2) собственные инновации, 3) инновации, возникшие в результате заимствования из русского языка.

2. В верхнекамском наречии имеется определенное количество слов, объединяющих его с южными (верхнесысольским и лузско-летским) диалектами коми языка. В этом случае можно, вероятно, говорить о ситуации диалектной непрерывности и об ареально-генетических связях, в результате которых в указанных языковых разновидностях возникли явления, не получившие распространения в остальных диалектах коми языков.

Баталова Р.М. Коми-пермяцкая диалектология. – М., 1975. – 252 с.

Баталова Р.М. О некоторых особенностях зюзьдинского диалекта коми-пермяцкого языка // Всесоюзная конференция по финно-угроведению: тезисы докладов и сообщений. – Сыктывкар, 1965. – С. 13–16.

Даль П – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Русский язык, 1989. – Т. 2. – 778 с.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь. – М.: Русский язык, 1985. – 624 с.

КСК I – Коми сёрнисикас кывчукõр. Словарь диалектов коми языка : в 2 т. / Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН; под ред. Л.М. Безносиковой. – Сыктывкар: ООО «Изд-во “Кола”», 2012. – Т. I.: А–О. – 1096 с.

КСК II – Коми сёрнисикас кывчукõр. Словарь диалектов коми языка : в 2 т. / Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН; под ред. Л.М. Безносиковой. – Сыктывкар: ООО «Изд-во “Кола”», 2014. – Т. II.: Ö–Я. – 888 с.

КЭСК – Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. Переизд. с доп. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. – 430 с.

Лыткин В.И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. – М., 1955. – 128 с.

Нечаев Г. Характеристика зюздинского диалекта коми языка // Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка. – Сыктывкар, 1930. – Вып. 1. – С. 1–21.

Попов А. Краткий Пермский словарь с российским переводом, собранный и по алфавиту расположенный Антонием Поповым. 1785. Рукопись. // Рукописный отдел РНБ (Санкт-Петербург), Эрм. 206.

РУС 1956 – Русско-удмуртский словарь. – М., 1956. – 1360 с.

Сажина С.А. Язык кировских пермяков: к проблеме генезиса // Вопросы финно-угорской филологии : межвуз. сб. науч. тр. – Сыктывкар, 2014а. – С. 130–136.

Сажина С.А. Функционирование языка кировских пермяков в условиях межъязыкового взаимодействия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014б. – № 3. – Ч. 2. – С. 172–174.

Сажина С.А. Консонантизм языка кировских пермяков // Сибирский филологический журнал. – 2016а. – № 1. – С. 240–249.

Сажина С.А. Фонетические и морфологические маркеры языка кировских пермяков // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2016б. – № 2 (12). – С. 40–48.

Сажина С.А. О месте верхнекамского диалекта в диалектной системе коми языка // I Международный симпозиум по полевой лингвистике : тез. докладов. – М.: Советский писатель, 2003. – С. 114–115.

Сажина С.А. О месте верхнекамского диалекта в диалектной системе коми языка // I Международный симпозиум по полевой лингвистике : тез. докладов. – М.: Советский писатель, 2003. – С. 114–115.

СРНГ 32 – Словарь русских народных говоров. – СПб.: Наука, 1998. – Вып. 32. – 272 с.

СРНГ 18 – Словарь русских народных говоров. – Л.: Наука, 1982. – Вып. 18. – 368 с.

СРНГ 42 – Словарь русских народных говоров. – СПб.: Наука, 2008. – Вып. 42. – 330 с.

ССД – Колегова Н.А., Бараксанов Г.Г. Среднесысольский диалект коми языка. – М.: Наука, 1980. – 224 с.

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. – 490 с.

УРС 1983 – Удмуртско-русский словарь. – М.: Русский язык, 1983. – 592 с.

Федосеева 2008а – Федосеева Е.Н. Лексические особенности языка кировских пермяков // Пермистика XII: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сб. науч. статей. – Ижевск, 2008. – С. 338–342.

Федосеева 2008б – Федосеева Е.Н. Лексические заимствования в словарном составе языка верхнекамских коми // Ашмаринские чтения : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Чебоксары, 2008. – С. 188–192.

Федосеева Е.Н. К вопросу о месте верхнекамского наречия в системе коми языков (на материале лексики) // Материалы XXXIX Международной филологической конференции. – СПб., 2010. – С. 88–93.

Федосеева Е.Н. О влиянии русского языка на язык кировских пермяков // Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars IV. Dissertationes sectionum: Linguistica. – Piliscsaba, 2011. – С. 106–109.

Федосеева Е.Н. О словарном составе верхнекамского диалекта // Конференция по уральским языкам, посвященная 100-летию К.Е. Майтинской : сб. тезисов. – М., 2007. – С. 234–235.

Федосеева Е.Н. Общее и частное в лексике верхнекамского наречия коми-пермяцкого языка // Современное удмуртоведение в контексте компаративистики, контактологии и типологии языков. – Ижевск; Будапешт, 2015. – С. 505–511.

Цыпанов Е.А. Кама йывса комияс ордын // Войвыв кодзув. – 1990. – 3 №. – 56–62 л.б.

СВОЕ И ЧУЖОЕ В СТРУКТУРЕ ПЕРМСКИХ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Г.В. Федюнева,

главный научный сотрудник

ИЯЛИ КНЦ УрО РАН

fedyuneva@mail.illhkomisc.ru

Известно, что разряд отрицательных местоимений в разных языках мира формируется достаточно поздно или отсутствует вовсе. Известно также, что в финно-угорском праязыке этого разряда не было. Отрицание выражалось особой акцентуацией вопросительных слов, их сочетанием с отрицательными глаголами, строем и актуальным членением предложения в целом. Об этом свидетельствуют современные финно-угорские языки, в которых значение отрицательных местоимений передается различными способами.

Так, в прибалтийско-финских и мордовских языках в функции отрицательных местоимений до сих пор выступают неопределенные, иногда вопросительные, напр.: фин. *istuttiin mitään puhumatta* «сидели, ничего (букв. что-либо) не говоря»; морд. *киак эзь корта* «никто (букв. кто-либо) не говорил»; *сон мезеяк а соды* «он ничего (чего-то) не знает». Однако в процессе исторического развития в большинстве языков появился разряд отрицательных местоимений, которые формировались в основном путем осложнения первичных местоименных корней различными элементами как собственного, так и неисконного происхождения (Майтинская 1969: 263; 1979: 228 и др.). Поскольку процесс этот происходил (во всяком случае завершился) в отдельной жизни языков, картина соответствий выглядит

весьма пёстрой, а идентификация структурных элементов, соответственно, вызывает большие затруднения.

Не составляют исключения и пермские отрицательные местоимения, в структуре которых обнаруживаются разные по времени и происхождению элементы.

1. Префиксы коми *не-, ни-, нинё-* ~ удм. *ни-, не-, но-, нено-*.

Пермские отрицательные местоимения последовательно образуются от вопросительных с помощью префикса: кз.кп.кя. *не-, ни*, удм. *но-, не-* напр.: кз. *некод* «никто»; кп. *некин* «никто», *неко́да* «ни тот, ни другой»; удм. *нокин*, диал. *некин* «никто»; *номыр, нема, немаин* «ничто, ничего», *нокудзы* «никоторый» и т.д.

По мнению Б.А. Серебренникова, в целом, они являются кальками с русских отрицательных местоимений с приставками *не-* и *ни-*, но «на удмуртской почве *не-* превратилось в *но-*» (Серебренников 1963: 211). В.И. Лыткин, напротив, утверждал, что эти частицы не могут быть русскими заимствованиями, поскольку регулярное соответствие коми *e* > удм. *o* – очень древний процесс; он имел место задолго до того, как пермяне встретились с русскими. В индоевропейских языках также имеется аналогичная частица, но она свидетельствует об очень ранних доуральских контактах финно-угров с индоевропейцами (Лыткин 1995: 61).

На мой взгляд, эти версии не являются взаимоисключающими.

Заимствование отрицательных частиц и в целом процесс формирования разряда отрицательных местоимений по русскому типу наблюдается во многих национальных языках России¹, в том числе и пермских (Лудыкова, Федюнева 2003: 137–139). Этот процесс хорошо прослеживается и сегодня. Так, в ижемском диалекте коми-зырянского языка и коми-язьвинском наречии, которые оказались под наиболее сильным русским влиянием, *e*-овой огласовке других диалектов соответствует устойчивая *и*-овая огласовка, напр., кз. иж.: *никод* «никто», *никутиэм* «никакой», *никудз* «никак», *никор* «никогда», *никодныд* «никоторый из вас», *никытён* «нигде, негде», *никытчö* «никуда, некуда» (лит. *некод* «никто», *некутиэм* «никакой», *некыдз* «никак» и т.д.); кя. *никин* «никто», *нимай* «ничего», *никудик* «никоторый», *никудним* «никоторый из нас». В удмуртских диалектах наряду с

¹ Из прибалтийско-финских он зарегистрирован в карельском и вепском языках: кар. *ni-ken* «никто», *ni-mi* «ничто», вепс. *ni-mitte* «никакой», *ni-kudam* «никоторый». Саамские местоимения *n'ik'e* «никто», *n'im'i* «ничто», *n'ikoz* «никуда», *n'iken* «ничей», *n'iten* «ничего» и т.д. также образованы по русским моделям. Мордовские диалектные примеры вроде эрз. *немезе* «ничего», *некосто* «неоткуда», как и их русские аналогии, не имеют номинативных форм. Частица *ни-* в марийских местоимениях вроде *нимо* «ничто», *нигудо* «никоторый», *нимолан* «незачем», *нигузе* «никак» и т.д. также является заимствованной.

приставкой *no-* также зарегистрированы приставки *не-* и *ни-*: удм. бес.: *некинъ* «никто», нч. *немыр* «ничего, ничто, кукм. *нинокинъ* «никто» и т.д. Понятно, что русские приставки *не-/ни-* проникали в коми и удмуртский языки самостоятельными путями, в период их отдельной жизни.

Вместе с тем в составе пермских местоимений имеются и более древние структурные элементы, хотя происхождение их не до конца ясно.

Прежде всего, уточнения требует вопрос, какие именно элементы коми и удмуртского языков следует сопоставлять в качестве исконных? Коми *не-/ни-* и удм. *но-/не-/ни-*? Или только коми *не-/ни-* и удм. *ни-/не-*? Чтобы исключить (насколько это возможно) фактор русского влияния, в дальнейшем префиксальные частицы *не-/ни-* я буду считать русскими или, если угодно, русифицированными элементами в обоих языках.

Отдельную историю, по-видимому, имеет удм. префикс *но-*, который сравним с коми *-нӧ-* в составе сложного диалектного суффикса отрицательных местоимений *нинӧ-*, *нине-*: скр. *нинӧ-код*, уд. *нинӧ-кодӱ*, вв. *нине-код* «никто», скр. *нинӧ-кодар*, уд. *нинӧ-кодор* «никоторая сторона», скр. уд. *нинӧ-кодныд* «никоторый из вас», скр. уд. *нинӧ-кор* «никогда», вв. уд. *нине-кор* «никогда», скр. уд. *нинӧ-кӧн*, вв. *нине-кӧн* «нигде», скр. сс. уд. *нинӧ-кутшӧм*, вв. *нине-кутшӧм*, скр. *нинӧ-кыдз*, уд. *нинӧ-кудз* «никак», скр. уд. *нинӧ-кысь* «ниоткуда», скр. уд. *нинӧ-кыті* «ни по какому месту» и т.д.¹ Соответствующие местоимения верхневычегодского диалекта имеют усиленно-отрицательное значение, напр.: *нине-код* «абсолютно никто», *нине-кутшӧм* «абсолютно никакой», «совсем, совершенно»: *нинекутшӧм оз тӧд* «совершенно ничего не знает» (ССКЗД: 237; ВВД: 98).

Очень похожее плеонастическое образование *нено-* зарегистрировано и в удмуртских диалектах, напр.: бес. *некинъ* ~ *нокинъ* ~ *ненокинъ* «никто», *нокудиз* ~ *ненокудиз* «ни тот, ни другой», нч. *немыр* ~ *неномыр* «ничего, ничто». Ср. также лит. разг. *нено-кин* «никто», *нено-куд* «никто», *нено-кӧня* «нисколько», *нено-кытын* «нигде», *нено-кытысен* «ниоткуда» и т.д. В кукморском диалекте приставка имеет *и-*-овую огласовку, напр., *нино-кинъ* «никто», *нино-кызы* «никак» (Кельмаков 1998: 139).

Видимо, префиксы коми *нинӧ-* ~ удм. *нено-/нино-* в приведенных местоимениях могут быть рассмотрены в одном контексте, по крайней мере, этимологи не исключают такой возможности (КЭСК: 192). В их структуре выделяются сопоставимые элементы: заимствованные из русского языка

¹ Возможно, эти формы имеют отношение к бытующим в северно-русских говорах неопределенным местоимениям, вроде *кто-нинабудь*, *что-нинабудь*, *какой-нинабудь* и т.д. (об этом: Федюнева 2008а).

приставки *не-/ни-* и компонент *нӧ- ~ но-*¹, который как регулярное фонетическое соответствие может быть возведен к общепермскому источнику.

В коми языке частица оказалась почти полностью вытесненной или была нивелирована поздним русским влиянием. Промежуточный этап этого процесса, возможно, сохраняется в одном из удорских говоров, где префикс имеет форму *ниӧ-* уд. (Мез.): *ниӧ-кодӧ* «никто», *ниӧ-кӧн* «нигде», *ниӧ-кор* «никогда», *ниӧм* «ничего» и т.д. (ССКЗД: 242).

Если это так, каков был статус элемента *нӧ-* ~ *но-* в прошлом?

К.Е. Майтинская считала, что удм. *но-* является рефлексом финно-угорской отрицательной частицы, восходящей, в свою очередь, «к уральской указательно-местоименной основе **n*». К этой же частице она возводит элемент *-нӧ-* в коми слове *нинӧм* «ничто, ничего» (Майтинская 1979: 229–230; 1982: 148).

Однако, по мнению авторов MEsz, слова с элементом **n* в финно-угорский период и даже позже не могли быть отрицательными, поскольку отрицание выражалось в предложении отрицательными глаголами. Следовательно, элемент *нӧ-* ~ *но-* еще в общепермское время был основой указательного местоимения, а отрицательную коннотацию приобрел уже в отдельной жизни пермских языков под русским влиянием (MEsz: 465).

2. Коми *нем* ~ **нӧм* «ничто, ничего».

Решение вопроса о древности финно-угорских отрицательных частиц с элементом **n*-(*n'*-) осложняется наличием в угорских и пермских языках фонетически близких единиц с ауслатным элементом *-м*, происхождение которых остается дискуссионным.

2.1. **Основа *нем*.** Пермские слова: коми *нем* «ничто» и удм. *нема* «ничто» сравниваются с венгерским *нет, нёт* «нет, не» и обско-угорскими префиксами отрицательных местоимений (хант. *нэм-*, манс. *нэм-*). Обычно говорят об их общем финно-угорском источнике, отмечая, что фонетически близкие формы имеются также в самодийских языках (КЭСК: 187; Основы 1974: 295; Майтинская 1979: 230 и др.).

Гипотеза не кажется мне безупречной, по крайней мере, что касается пермских соответствий.

Прежде всего я исключила бы из этого ряда удм. *нима*, которое, по видимому, является поздним образованием² по нормальной русской модели *ма* «что» → *нима* «ничто», ср. мар. *ни-мо*, кя. *ни-май*, морд. *не-мезе*, кар. *ни-ми*, сельк. *ни-қай*, чув. *ни-мён* и т.д. «тж.». Привлечение коми *нем* в

¹ В среднезападных и некоторых южных говорах префикс выступает в форме *нӧ-*: *нӧкин*, *нӧкытын*, *нӧкызыы*, *нӧкӧня* и т.д. (Кельмаков 1998: 139).

² Это слово даже сравнивали с восточнославянским *нема́* [Основы 1974: 295], что не так уж бесперспективно, если учесть его принадлежность к разговорно-бытовому стилю.

качестве соответствия угорским *net* ~ *nēt*- тоже требует дополнительной аргументации.

Во всех коми языках *нем* выступает в качестве самостоятельного отрицательного слова со значением «ничто, ничего»: *нем жалиттӧг* «безжалостно, букв. ничего не жалея», *немӧ воны* «превратиться в ничто», *нем оз вӧч* «ничего не делает», *нем виччысьтӧг* «совершенно неожиданно, букв. ничего не ожидая» и т.д.; кп. *нем* «ничто»: *нем этаись оз пет* «ничего из этого не выйдет», *нем туйӧ пуктыны* «ни во что не ставить, букв. класть в ничто» и т.д. По своему значению и употреблению оно полностью соответствует слову *нинӧм*. В современном языке эти слова абсолютно взаимозаменяемы, с той лишь разницей, что форма *нем* более характерна для спонтанной (стремящейся, как известно, к краткости) речи, напр.: *нинӧм эз вай/нем эз вай* «ничего не принес», *нинӧм абу/нем абу* «ничего нет» и т.д.

Это наводит на мысль о ее происхождении в результате редукции *нинӧм* > *нем*. Косвенным свидетельством в пользу этого служит то, что в коми-пермяцком языке, а также некоторых коми-зырянских диалектах краткая форма полностью вытеснила отрицание кз. *нинӧм*, кя. *нинӧм* «ничего, ничего» и выступает в качестве единственного отрицания, напр.: кп. к-иньв. *нем эзӧ вайӧ* «ничего не принесли»; *ме немись и некинвись оз пов* «я ничего и никого не боюсь»; н.-иньв. *нем на оз вежӧртӧ* «ничего они не понимают»; *сӕйны ни пасьтавны нем из вӧв* «ни еды, ни одежды – ничего не было» и т.д. (КПГ: 24, 34, 39, 41, 53).

2.2. Основа *нӧм*. Более убедительной выглядит версия, связывающая угорские отрицания с элементом *-нӧм* в составе коми слова *нинӧм* «ничто, ничего». Согласно этой версии, венг. *net* ~ об.-угор. *nēt* ~ перм. *-net* восходят к неопределенному местоимению, образованному от уральских указательной (**nä*) и вопросительной (**mi*) основ по схеме: «то» + «что» → «что-то». Позже угорское местоимение в предложениях с отрицательным глаголом приобрело свое нынешнее значение: в венгерском стало отрицательным словом («что-то» → «ничто»), в обско-угорских – префиксом отрицательных местоимений. Что касается пермских соответствий, то они получили отрицательную коннотацию под влиянием русской отрицательной частицы *не-* (MEsz: 465).

Из этого, однако, следует, что древнее, по крайней мере, финно-угорское неопределенное местоимение **net* «что-то» сохранялось в коми языке вплоть до встречи коми с русскими, хотя в пермских языках к тому времени уже существовал вполне сформировавшийся разряд неопределенных местоимений с частицей *-кӧ* ~ *-ке* < общеп. **kv* (Федюнева 2008: 296-297): коми *мыйкӧ* ~ удм. *маке* «что-то» и т.д.

Далее, после заимствования русской отрицательной частицы местоимение **нӧм* «что-то», по версии, изложенной выше, должно было попасть

под общий процесс формирования отрицательных местоимений по русской модели: «*не* + вопросительное местоимение». Однако в данном случае отрицательный префикс, причем с *и*-овой, а не *е*-овой, как вся парадигма (*некод*, *некин*, *некутишӧм*, *некор*, *некӧн* и т.д.), огласовкой, был присоединен к неопределенному местоимению.

Кроме нетривиальной структуры, обращает на себя внимание обособленность слова *нинӧм* в дейктической системе в целом. Оно выпадает из системных связей вопросительных, неопределенных и отрицательных местоимений, связанных семантическими отношениями «известное – неопределенное – неизвестное», вроде рус. *кто – кто-то – никто, что – что-то – ничто, какой – какой-то – никакой* и т.д. Эта системность определяется типологией образования вторичных местоимений от первичных и наблюдается во многих языках мира, в том числе пермских, напр., коми: *код* «кто» – *кодкӧ* «кто-то» – *некод* «никто», *кор* «когда» – *коркӧ* «когда-то» – *некор* «никогда» и т.д.

В нашем случае системная структурно-семантическая связь должна была бы быть представлена следующим образом: *мый* «что» – *мыйкӧ* «что-то» – **немый* «ничто». Вместо этого на месте последнего компонента мы имеем этимологически «тёмное» слово, тогда как в коми-пермяцком и удмуртском языках триада выглядит вполне тривиально: кп. *мый* «что» – *мыйкӧ* «что-то» – *немый* «ничто»: кя. *оз баит н'имай* «не говорит ничего»; *из с'уй н'имай* «не ел ничего»; соотв. удм. *мар – марке – немар, номыр; ма – маке – нема* «ничто».

Особое происхождение *нинӧм* отметили авторы КЭСК, предположив, что оно связано с диалектным словом *нымӧн* «едва, чуть, кажется, как будто» (< общеп. **нит* «чуть, мало»), т.е. *ни-нӧм* первоначально означало «ничуть» (КЭСК: 196). Однако эта версия не объясняет несистемности образования не от вопросительного местоимения (как, напр., кп. *не-мый*, кя. *не-муй*), а от самостоятельного слова, наречия.

Это наводит на мысль о неисконном его происхождении, что требует отдельного изучения. Отмечу лишь, что коми слову *нинӧм* (> *нем*), особенно его диалектному варианту кз. вым. *ни-мӧн*, иж. *ни-мен*, есть поразительно похожие отрицательные слова в чувашском (*ни-мӗн*, *ним* «ничто, ничего»), марийском (*ни-мом* «ничего» < акк. *нимо* «ничто») и саамском (*ни-мэн* «ничего» < ген. акк. *ними* «ничто») языках. Они образованы стандартно, по русской модели (рус. *ни-* + исконное вопросительное местоимение «что»), и только коми имеет «темную» структуру.

Предположение о неисконном происхождении слова *нинӧм* и его последующей редукции в *нем* в коми языке не позволяют реконструировать

специальное отрицательное слово *м*-овым анлаутом для финно-угорского, а только (возможно) для угорского праязыка¹.

3. Удм. частица *но*- ...(*но*).

Отрицательные местоимения в удмуртском языке часто сопровождаются дополнительной усилительной частицей *но*, которая в составе отрицательного предложения усиливает степень отрицания, напр., *нокин öз лыкты* «никто не пришел», *нокин но öз лыкты* «и никто не пришел».

Конструкция носит следы тюркского влияния. Как известно, в тюркских языках нет отрицательных местоимений, их значения передаются сочетанием вопросительных и неопределенных местоимений с отрицательной формой глагола, которые часто сопровождаются усилительными частицами, напр., узб. *хеч ким келмади* «никто не пришел, букв. совсем кто не пришел»; тур. *hiç kimes gelmedi* «никто не пришел, букв. совсем кто-то не пришел». Также с участием усилительных частиц (*та, те/да, де*) строятся отрицательные предложения в чувашском и татарском языках, напр., чув.: *нихсан та шофер пулман* «я никогда не был шофером»; *эпе ништа та каймастайн* «я никуда не пойду»; *въл ништа та сук* «нигде его нет», где *ништа* «нигде», *сук* «нет, не имеется»; *нимён те сук* «ничего нет»; *ништан та мар* «ниоткуда» и т.д.

Нет сомнения, что в удмуртском языке конструкции с постпозитивной усилительной частицей *но* появились под татарским влиянием (об этом: Серебренников 1971). Однако, учитывая, что в чувашском, как и в пермских языках, сформировался разряд собственно отрицательных местоимений с русской приставкой *не*-, наиболее близкими оказались конструкции удмуртского и чувашского языков, ср.:

удм.	чувашский
<i>нокин но</i> «никто»	<i>никам та, нихайи те</i> «никто»
<i>номыр но</i> «ничто, ничего»	<i>нимён те, ним те</i> «ничто», «ничего»
<i>нокытын но</i> «нигде»	<i>ништа, ништа та</i> «нигде»
<i>ноку но</i> «никогда»	<i>нихсан та</i> «никогда» и т.д.

¹ Отмечу попутно, что происхождение обско-угорского префикса в отрицательных местоимениях остается также неясным. Есть мнение, что он сформировался на базе заимствованного из коми отрицательного слова *нем* «ничто». Э. Вертеш считает возможным объяснение исходя из собственных ресурсов, путем переразложения (Основы 1974: 295; Vértés 1967: 230–231; Майтинская 1982: 130 и др.). В пользу особого происхождения обско-угорского префикса говорит также то, что он присоединяется не к вопросительным основам, как в пермских и марийском языках, а к неопределенным, как в прибалтийско-финских, напр., хант. *нем-мотты* «ничто» (< *мотты* «что-то»); манс. *нэм-хотъют* «никто» (< *хотъют* «кто, кто-то») и т.д. Возможно, угорские отрицательные основы с финальным *-м* имеют отношение к упомянутому самодийским отрицаниям.

Сопровождающая удмуртские отрицательные местоимения частица *но* считается исконной. Обычно ее сравнивают с коми выделительной частицей *нӧ* «ведь, же, разве». Б.А. Серебренников писал, что коми *нӧ* «не имеет соответствий в удмуртском языке. Происхождение ее не ясно», однако позже пришел к выводу, что она родственна удмуртской *но*, которая подверглась функциональному влиянию тюркских языков и стала сильно отличаться от коми (Серебренников 1964: 377; 1971: 190). Несмотря на различие в функциях, К.Е. Майтинская считает, что они восходят к общему источнику – **n*-овому указательному местоимению, и первоначально имели более широкое употребление (Майтинская 1982: 126).

В самом деле, в современном коми языке частица *нӧ* имеет два четко выраженных значения: 1) в постпозиции к вопросительным местоимениям усилительное значение: *кыдз нӧ* «как же?», *кутшӧм нӧ* «какой все же?», *кӧн нӧ* «где же?» и т.д.¹ и 2) в косвенно-вопросительных предложениях значение «разве», «ли», «оказывается»: *тайӧ нӧ тэ?* «это ты, что ли?!», *ме нӧ мыйӧн тӧда?* «я-то почему знаю?!» (Попова 1999, 2012; Лудыкова 2000).

Удмуртская частица отличается и по семантике, и по функциям. Она употребляется 1) для усиления отрицания в отрицательных предложениях, напр., *инмын одӥг кизили но ӧвӧл* «на небе нет ни одной звезды», 2) для усиления утверждения вроде *мон но отын вал* «и я там был», 3) для emphaticкого выделения слова или словосочетания: *война бырем бере но витии* «после окончания войны еще ждала». Эти функции, отсутствующие у коми «соответствия», полностью совпадают с функциями татарской частицы *да/де* (Серебренников 1971: 190).

Влияние татарского языка на удмуртский в целом и на формирование отрицательных местоимений в частности очевидно. Об этом свидетельствует не только рассмотренная семантическая калька конструкции с усилительной частицей, но и структурное калькирование в некоторых удмуртских диалектах. Так, напр., удмуртские местоимения *ок-кин* «никто», *ок-кытын* «нигде» и т.д. образованы по модели татарских местоимений с отрицательной приставкой *ber-* < *ber* «один». Элемент *эсь-* в составе сложной приставки *эсьно-*: *эсьно-кин* «никто» также считается тюркским заимствованием (Кельмаков 1998: 140).

Сокращения

Языки: *венг.* – венгерский, *вепс.* – вепсский, *кар.* – карельский, *кз.* – коми-зырянский, *кп.* – коми-пермяцкий, *кя.* – коми-язьвинское наречие, *мокш.* – мокша-мордовский, *манс.* – мансийский, *мар.* – марийский (*мар. Г.* – горно-

¹ Ср. мордовскую частицу *на*, которая обладает «четким усилительно-выделительным значением», напр. *мокш. козы-на* «куда же», *кодама-на* «какой же» (Майтинская 1989: 210).

марийский; *мар. Л.* – лугово-марийский), *морд.* – мордовский (*морд. М.* – мокша-мордовский; *морд. Э.* – эрзя-мордовский), *рус.* – русский, *тат.* – татарский, *удм.* – удмуртский, *фин.* – финский, *хант.* – хантыйский, *чув.* – чувашский, *эст.* – эстонский.

Диалекты пермских языков: *бес.* – бесермянское наречие удмуртского языка, *вв.* – верхневычегодский диалект коми-зырянского языка, *вым.* – вымский диалект коми-зырянского языка, *иж.* – ижемский диалект коми-зырянского языка, *кукм.* – кукморский говор п. диалекта удмуртского языка, *нч.* – нижнечепецкие говоры северного наречия удмуртского языка, *скр.* – присыктывкарский диалект коми-зырянского языка, *сс.* – среднесысольский диалект коми-зырянского языка, *уд.* – удорский диалект коми-зырянского языка, *уд. (Ваш.)* – вашский говор удорского диалекта, *уд. (Мез.)* – мезенский говор удорского диалекта.

ВВД – Сорвачева В.А., Сахарова М.А., Гуляев Е.С. Верхневычегодский диалект коми языка // Историко-филологический сборник : тр. Ин-та ЯЛИ АН СССР. Коми филиал. – Сыктывкар, 1966. – Вып. 10.

Кельмаков В.К. Краткий курс удмуртской диалектологии. Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. – Ижевск, 1998.

Лудыкова В.М. Функционально-семантические типы вопросительных предложений в коми языке // Пермистика 6: Проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов : сб. статей. – Ижевск: Удмуртский государственный университет. 2000. – С. 114–121.

Лудыкова В.М., Федюнева Г.В. Местоимение и прилагательное в грамматической системе коми и русского языков. – Сыктывкар, 2003.

Лыткин В.И. Коми кывлӧн исторической морфология. – Пермь; Сыктывкар, 1995.

КЭСК – Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. – Сыктывкар, 1999.

Майтинская К.Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. – М.: Наука, 1979.

Майтинская К.Е. Местоименные и служебные слова // Финно-волжская языковая общность. – М.: Наука, 1989.

Майтинская К.Е. Служебные слова в финно-угорских языках. – М.: Наука, 1982.

Основы – Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). – М.: Наука, 1974.

Попова Э.Н. Присоединение в современном коми языке // Пермистика 7: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сб. научных статей. – Сыктывкар, 1999. – С. 151–156.

Попова Э.Н. Частицы как показатели связи в коми языке // Пермистика 13: Вопросы пермского языкознания : сб. статей на материалах XIII Международного симпозиума. – Сыктывкар, 2012. – С. 168–172.

Серебренников Б.А. Историческая морфология пермских языков. – М.: Наука, 1963.

Серебренников Б.А. Об одном тюркизме в финно-угорских языках Волго-Камья // Советское финно-угроведение. – 1971. – № 3. – С. 188-192.

ССКЗД – Жилина Т.И., Сахарова М.А., Сорвачева В.А. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / отв. ред. В.А. Сорвачева. – Сыктывкар, 1961.

Федюнева Г.В. Северно-русское чо-нинабудь, како-нинабудь // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – СПб., 2008а. – Вып. 2. – Ч. 2. – С. 245–248.

Федюнева Г.В. Первичные местоимения в пермских языках. – Екатеринбург, 2008.

Федюнева Г.В. Указательные местоимения и их производные в пермских языках. – Сыктывкар, 2007.

MEsz. – A magyar szókészlet finnugor elemei. Etimológiai szótár. III / főszerkesztő Lakó György, szerkesztő Rédei Karoly, K. Saléva. – Budapest: Akadémiai Kiadó. 1978. – 727 s. – S. 464–466.

Vértes E. Die ostjakischen Pronomina / E. Vértes. – Budapest: Akadémiai Kiado, 1967. – 272 s.

ЭТНОНИМ «ЧУВАШ» В КОНТЕКСТЕ ПЕРМСКИХ ЯЗЫКОВ

Э.В. Фомин,

доцент Чувашского государственного института культуры и искусств
yeresen@yandex.ru

Чуваши на протяжении последних полутора тысяч лет находятся в постоянных контактах с финно-угорскими народами Поволжья и Приуралья. Чувашский материал важен для финно-угристики, равно как финно-угорский материал крайне актуален для чувашеведения.

Чуваши (самоназвание *чӳваш* [чӳваш]) – тюркский этнос, основное население Чувашской Республики. В Российской Федерации насчитывается около полутора миллионов носителей чувашской культуры, половина из которых проживает в титульной республике. За пределами республики чувашами компактными группами расселены в Татарии, Башкирии, Марийской республике, Удмуртии, Ульяновской, Самарской, Саратовской, Пензенской, Оренбургской, Нижегородской областях, Красноярском и Пермском краях.

«Имя *чуваши* в русской летописи появляется первый раз в самом начале XVI в., а именно в одном из списков “Истории о Казанском царстве (Казанский летописец)” чувашами упоминаются под 1502 годом» (Федотов 1996: 394).

Между тем исторически первое упоминание о чувашах уже состоялось в “Слове о погибели Русской земли”, датируемом периодом после монголо-татарского нашествия – 1237–1238 гг., но до 1246 г.: «Наряду с черемисами (марийцами) и мордвой автор “Слова” упоминает малоизвестных буртасов и народ *вьяда*. Их идентификация всегда вызывала у исследователей трудности. Под племенем *вьяда* некоторые исследователи подразумевали вотяков (удмуртов) или одно из удмуртских племен – *ватка*. Однако с этим трудно согласиться. Автор “Слова” упоминает *вьяда* между черемисами и мордвой. Поэтому под *вьядой* следует разумеать чувашей, ибо мордва до сих пор называет их *ветьке*.

Это название отразилось на карте Московского государства начала XVII в., составленной голландским путешественником Исааком Масса. В.Н. Татищев писал, что “мордва чуваш... называют ветке”... Усатник Академической экспедиции 1768–1774 гг. И.Г. Георги констатировал, что мордва чувашей называет *видками*, а черемисы – *курке марами*. В мордовском фольклоре Чувашия именуется *Ветькенъ мастор* – “Чувашия земля”. Следовательно, чуваша под мордовским названием *вьяда* впервые упомянуты в первой половине XIII в.» (Егоров 2001: 137–138; Напольских 1997: 49–50).

В чувашеведении сложилось целое направление этимологических исследований этнонима *чуваши*, нередко носящее эмоциональный характер.

Основой дискуссий можно назвать словарную статью М. Фасмера: «**чуваши** – название тюрк. народа, потомков волжск. болгар; *чувашин*, *чувашинин* – то же (Мельников). Название *чуваши* встречается с XVI в. в русск. источниках... Из чув. *tšəvaš* ‘чуваши’, которое связано с тур., азерб. *javaš* ‘мирный, спокойный’, уйг. *jabaš*, непосредственным источником этого чув. слова является тат. *džuvaš* ‘мирный, радушный’, кирг. *džuvaš*, *juvaš*. Из чув. заимств. мар. я., у. *suas*, у. *süas* ‘татарин’. От этого этнонима образовано *чувашиа* ‘неопрятный человек’, тверск., псковск., *чувашика* – то же, вологодск. (Даль). Позывание свиней *чуваши-чуваши*, возм., навеяно созвучиями типа *чух-чух*, *чуш-чуш* (Даль)» (Фасмер 1996: 376).

В последующем этимология М. Фасмера была подвергнута справедливой критике со стороны чувашских лингвистов: «Нам представляется, что в данном случае М. Фасмер (очевидно, по невнимательности) допустил по крайней мере три неточности: во-первых, В.И. Даль в словарной статье на реестровое слово *чувашиа* нигде не упоминает о возможных связях этой лексемы с этнонимом *чуваши*, который, как известно, в такой исходной форме тогда не употреблялся: русские говорили или *чувашинин*, или *чувашин*; во-вторых, приведенное у М. Фасмера вологодское *чувашика* в толковом словаре В.И. Даля вообще отсутствовало, его ввел потом, при редактировании слова-

ря, И.А. Бодуэн де Куртенэ, взяв из “Опыта областного великорусского словаря”; в-третьих, по свидетельству “Опыта областного великорусского словаря”, *чуашка* в вологодских говорах имело значение “нерасторопный”, а не “неопрятный” человек, как сказано у М. Фасмера» (Сергеев 1976: 176-177).

Согласно последним этимологическим исследованиям, этноним *чуваши* является результатом развития слова *çăваç* ‘язычник’, восходящее к древнетюркскому *йогъычи* ‘жертвоприноситель’. «В золотоордынский период на территории Среднего Поволжья появилось весьма пестрое в этническом и языковом отношении пришлое население (монголы, тюрки-кыпчаки, тюрки-огузы, ираноязычные персы и таджики, армяне, славяне, финно-угры и др.), основная масса которого была исламизирована. Местное сельское болгаро-чувашское население, придерживавшееся традиционных языческих верований, называло себя *çăваç*. Ко второй половине XIV в. основным признаком, различающим пришлое золотоордынское и местное болгаро-чувашское население на территории бывшей Волжской Булгарии, стала выступать религиозная принадлежность. По этому признаку местное болгаро-чувашское население называлось *çăваç*, и маришцы это восприняли как этническое название. А пришлое золотоордынское – *бесермен* (от арабского *муслимин*).

Окончательно этноним *чăваши* складывается в период Казанского ханства. Переселившиеся во второй половине XV в. в Среднее Поволжье кыпчаки восприняли термин *çăваç* ‘жертвоприноситель’ в качестве этнического названия и, согласно произношению кыпчакского (татарского) языка, переделали его в *чăваши* (Егоров 2001: 136-137).

Этноним *чуваши* в удмуртском языке опосредован русским, поскольку к тому периоду, когда завершились болгаро-удмуртские контакты, этнонима *чуваши* еще не существовало. В удмуртском языке имеется значительный пласт болгаризмов и чувашизмов (Федотов 1968; Тараканов 1993). В свою очередь, и в чувашском языке выделяются около 20 удмуртизмов (Wichmann 1903). В настоящее время чувашско-удмуртские взаимосвязи происходят в локальных группах в Граховском районе Удмуртии и Бавлинском районе Татарии.

В состав удмуртов, прежде всего в бесермянский субэтнос, вошли чувашские племена. «Особенности материальной культуры бесермян (прежде всего – традиционный женский костюм) указывают на их чрезвычайно тесные связи в прошлом с чувашами. Поэтому, очевидно, не случайно в XVI–XVII веках предков бесермян, живших по р. Чепце, называли в русских документах *чуваши*» (Напольских 1997: 52; Тепляшина 1968).

Влияние прачувашского этноса на коми происходило в период пермской языковой общности. В современном коми языке выделяются около

двух десятков тюркских заимствований чувашского типа (Федюнева 2013: 8). Обратных заимствований в чувашском не установлено.

Этноним «чуваш» в языке коми также русского происхождения. При этом, как свидетельствуют современные исследователи, он имеет такое пейоративное значение, как ‘трус, сторонящийся людей, нелюдим’: «Ранее не зафиксированное в словарях слово-пейоратив было выявлено методом опроса носителей ижемского и присыктывкарского диалектов, где оно употребляется в значениях ‘трус, сторонящийся людей, нелюдим’. Несомненно, этот этноним был заимствован из русского языка, где также, вероятно, имел этностереотип с отрицательной оценкой. В русский язык слово *чуваши* проникло в VI в. (sic!), по мнению М. Фасмера, из тюркских языков, ср. тат. *džyvaš*, кирг. *juvaš* ‘мирный, радушный’» (Цыпанов 2015: 339-340).

Автор считает, что «отрицательнооценочная коннотация в коми диалекты, возможно, также проникла посредством влияния представителей северных русских диалектов, где на основе традиционного этностереотипа также возникли пейоративные значения этнонима. ...вероятно, значение ‘трус, сторонящийся людей, нелюдим’ в коми-зырянских диалектах возникло самостоятельно, так как подобных значений у слова в русских диалектах не зафиксировано» (Цыпанов 2015: 340).

Заключения Е.А. Цыпанова вызывают ряд вопросов. О каком традиционном этностереотипе о чувашах, бытующем в севернорусской среде, идет речь? Севернорусские земли (равно среднерусские) не являлись территориями, на которые была направлена миграция чувашей, и о них там ничего не было известно.

По сути, здесь мы имеем дело с омонимичными словами, вступающими в отношения параноимической аттракции: с одной стороны, представлены аллоэтнонимы *чувашенин, чувашин, чуваш*, с другой – *чувáша* ‘неопрятный, чумазый человек’ < *чуваш-чуваш, чушка* ‘свинья, поросенок’; *чух-чух, чуш-чуш, чухна́, чухня́, чухáнушка, чу́шка* ‘свинья’ (Сергеев 1976: 177–178).

В современных словарях, как правило, коннотации этнонимов не указываются, что совершенно справедливо. Существует золотое правило судить о народах не по негативным качествам, а исключительно по положительным. В тех случаях, когда лексикографирование коннотативных значений неизбежно, их следует выполнить на латинском языке. Подобный подход, например, практикуется в чувашской лексикографии в словаре Н.И. Ашмарина.

Ко всему прочему, уже пришло время отказаться от повторения ошибочных этимологий этнонима *чуваш*. Новая этимология Н.И. Егорова представляется вполне заслуживающей доверия.

Егоров Н.И. [Комментарии] // Хрестоматия по культуре Чувашского края: дореволюционный период. – Чебоксары, 2001. – 253 с.

Напольских В.В. Введение в историческую уралоистику: моногр. / Удмурт. ин-т истории, яз. и лит УрО РАН. – Ижевск, 1997. – 257 с.

Сергеев И.Т. По поводу одной этимологии М. Фасмера // Чувашский язык. – Чебоксары, 1976. – Вып. 66. – С. 176–179.

Тараканов И.В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи (Теория и словарь) – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1993. – 170 с.

Тепляшина Т.И. О смешении терминов «чуваша» и «бесермяне» в письменных источниках // Ученые записки. – Чебоксары, 1968. – Вып. 40. – С. 177–187.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. чл.-корр. РАН О. Н. Трубачева. – СПб.: Азбука; Издат. центр «Терра», 1996. – Т. 4. – 860 с.

Федотов М.Р. Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками. – Чебоксары, 1968. – 212 с.

Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. / Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. – Чебоксары, 1996. – Т. 2. – 509 с.

Федюнева Г.В. Коми диалектная лексика в контексте болгарско-пермских языковых связей // Финно-угорский мир. – 2013. – № 1. – С. 8–12.

Цыпанов Е.А. Незафиксированные этнонимические слова-пейоративы в коми языке // Пермистика 15: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. – Ижевск, 2015. – С. 334–342.

Wichmann Y. Die tschuwassischen Lehnwörter in den permiscen Sprachen / Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. – Helsinki, 1903. – Bd. XXI. – XXVIII. 170 s.

ЕЩЕ РАЗ ОБ ЭТИМОЛОГИИ СЛОВ к. *ӧшмӧс*, удм. *ошмес*, А ТАКЖЕ к. *ӧшкамӧшка*

Е.А. Цыпанов,
зам. директора ИЯЛИ КНЦ УрО РАН

Мысль о пересмотре считавшейся классической этимологии слова со значением «источник» в пермских языках (к. *ӧшмӧс*, удм. *ошмес*) пришла автору данной публикации в ходе рассмотрения названий радуги в коми, удмуртском и других финно-угорских языках в русле исследований когнитивного направления лингвистики. В рамках этого направления нами уже рассматривались названия для обозначения счастья и удачи в финно-угорских языках (Цыпанов 20012: 265–275). По нашим наблюдениям, названия радуги в финно-угорских языках, как правило, являются словами или сочетаниями слов позднего происхождения и отличаются в близкород-

ственных языках и даже в диалектах, что делает контраст с наименованиями иных реалий окружающего природного мира, например земли, воды, реки, озера, снега, дождя, небесных тел и т.п. в уральских языках. Не ставя целью выяснить причину этого, подчеркнем лишь, что радуга также издавна сопутствует человеческой жизнедеятельности, как и иные метеорологические явления. Большинство названий радуги имеет прозрачную мотивационную основу, и их семантика исходит из компонентов сложных слов или словосочетаний. Иное дело с основным коми названием, своеобразным по звучанию коми словом *öшкамöшка* «радуга», значение которого для современных коми является немотивированным. Слово бросается в глаза своей структурой, где повторяется суффиксальный элемент *-ка*, присоединенный к обоим компонентам деэтимологизированного сложного слова, причем компоненты слова также образуют внутреннюю рифму. На бытовом уровне как сами коми, так и живущие в республике лица иных национальностей выделяют это слово как оригинальное и красивое по звучанию. В коми диалектах есть и другие варианты и наименования радуги, а именно: в литературном языке и в вычегодских, печорском, присыктывкарском диалектах *öшкамöшка*, вымском диалекте *öшкамöска* (это более древний фонетический вариант), лузско-летском диалекте *öш*, верхнесыольском *ен öш*, коми-пермяцких *енöшка*, удорском *ен вудж*, ижемском *ен мегыр* (МК 277).

В настоящее время наиболее распространено название *öшкамöшка*, которое благодаря литературному языку стало основным наименованием этого явления природы. Хотя надо отметить, что это слово фиксируется уже в первых печатных словарях XIX–XX вв.: Радуга, с. öшкамöшка В. (Савваитов 1850: 418), *öška-möška*, *öška-möška* Regenbogen (Wiedemann 1880: 217), *öшка-мöшка*, *јенöш с.*, *јенöшка п.* радуга (Шахов 1924: 47). Г.С. Лыткин в своем словаре, составленном по рукописному словарю Н.П. Попова, фиксирует четыре названия для обозначения радуги, которые очевидно отражают языковой узус I пол. XIX в.: *öшка-мöска*, *јен вудж*, *јен öшка*, *би мегыр* (Лыткин 1931: 250).

На основе народной этимологии, которая основывается на созвучии компонентов *öш* и *мöш* (*мöс*) с названиями животных *öш* «бык» и *мöс* «корова», порой выдвигаются вычурные толкования со значением слова вроде «гуляющие по небу животные бык с коровой» и т.п. Авторы краткого этимологического словаря коми языка В.И. Лыткин и Е.А. Гуляев дают точную этимологию слова: *öшкамöшка* «радуга» сложилось на базе слова *öшмöс* «источник, колодец» путем присоединения к каждому компоненту уменьшительного суффикса *-ка*: *öшка-мöска* (слова-синонимы со значением «маленький источник») (КЭСК 213). Таким образом, *öшкамöшка* является диминутивной частично редупликационной формой слова *öшмöс*, удм. *ошмес*, компоненты которых, по мнению авторов КЭСК, синонимичны.

В словарной статье о слове *öšmös* авторы словаря более подробно раскрывают историю возникновения сложного слова в общепермское время: «Общеп. *öšmzs 'источник, ключ', 'приток (реки и т.д.)'; первоначально осмысливалось как сложное слово (*eš-mes*), в котором компоненты являлись синонимами ('приток'-'источник')... Слово *öšmös* уже в общепермское время, по-видимому, деэтимологизировалось (КЭСК 213). Далее идет ссылка на мнение Ю. Тойвонена, который сопоставлял к. *öšmös* и удм. *ošmes* с финским глаголом *ihistää* 'течь, наводнять', саамскими словами *N aškas*, *S asakes*, мокшанским *эши* 'колодец', под вопросом с хантыйскими *өүата* 'течь', *өүсам* 'ручеек, ключ, родник' (КЭСК 213). Эта этимология считается бесспорной и, на наш взгляд, еще не подвергалась какому-то пересмотру.

Однако по нескольким основаниям нам представляется необходимым ее пересмотреть и дать несколько иную версию происхождения слова и реконструировать другое изначальное прапермское значение словосочетания, легшего в основу композиты. Необходимо сразу отметить, что относительно второго компонента композиты *mös/mes* никаких сомнений нет. Основное внимание далее уделим первому компоненту слова.

Во-первых, есть сомнения в отнесении первого компонента сложного слова *öš- к некоему древнему слову со значением 'источник' или 'протока'. Дело в том, что в современных пермских языках и их диалектах не обнаруживается никаких следов этого компонента, все слова с этими значениями имеют иную форму и происхождение. Даже приведенные авторами этимологического словаря аналогичные по наличию второго компонента *mös* сложные слова *юк-мös* 'прорубь, колодец' и гидроним *Чер-мös* не свидетельствуют о предполагаемом наличии гипотетического существительного. Попытки же сопоставления с основами некоторых созвучных лексем дальнородственных языков сами по себе интересны, но не бесспорны, а значит, полностью не доказательны. Иными словами, в качестве первого компонента вполне могла быть иная основа, соотносимая с другим этимологом.

Исходя из этого у нас нет никаких оснований считать, что у прапермского слова *öšmzs оба компонента были синонимами и обозначали 'источник', а сама композита была сочинительного типа вроде удм. *нылти*, коми *ныпти* «дети». Мы проанализировали названия радуги в финно-угорских и некоторых других языках и пришли к выводу, что практически все из них представляют собой сложные слова или словосочетания подчинительного типа, в которых первый компонент характеризует значение опорного главного слова.

Примеры:

английский язык *rainbow* < *rain* 'дождь' + *bow* 'лук', т.е. 'дождевой лук';

немецкий язык *Regenbogen* < *Regen* 'дождь' + *bogen* 'дуга', т.е. дождевая дуга';

финский язык *sateenkaari* < *sateen/Gen.* 'дождь' + *kaari* 'дуга', т.е. 'дождевая дуга';

эстонский язык *vikerkaar* < *viker* 'коса-литовка' + *kaar* 'дуга', т.е. 'дуга наподобие косы-литовки' (EES 605);

вепсский язык *jumalanbembel* < *jumalan* 'бог' + *bembel* 'дуга', букв. дуга Бога (ВРиРВ 160);

марийский язык: *шонанпыл* (РМС 354) < *шонан* 'думать' + *пыл* 'облако' (марийские лингвисты С.С. Сибатрова и О.А. Сергеев не смогли точно определить исконное значение слова);

мокшанский язык *атямъёнга* < 'громовая сторона', *атямъёнкс* < 'громовой' (РМокшС 429);

эрзянский язык *пурьгине чирьке* < 'громовая дуга', *пурьгине ёнкс* < 'громовая сторона', *пиземе чирьке* < 'дождевая дуга' (ЭРС 529, 478);

мансийский язык *нюлы кис* < 'полная дуга' (РМансС 256);

хантыйский язык *меньнэ кўсы лак* < 'обруч-обод невесты', *тэрым кўсы лак* < 'небесный обруч-обод' (РХТС 13);

ненецкий язык *нув пан* < 'полоска неба', *хаер сёяр* < 'солнечная дуга' (НРС 232), *нув сёяр* < 'небесная дуга' (НенРС 554);

удмуртский язык – *вуюись* < 'воду пьющий', *вукарнан* < 'водное коромысло', *вупукран* < 'водяной кушак', *вуюись пукрон* < 'кушак радуги', *ин зарни буко* < 'небесная золотая дуга';

коми язык *ен вудж* < 'лук бога', *би мегыр* < 'огненное коромысло', кп. *енёшка* < 'божий источник'.

Исключением из этого является название радуги в венгерском языке *szivárvány*, которое представляет собой производное слово от глагола *szív* 'сосать' (об этом названии будет ещё отмечено далее).

Определенные основания для реконструкции прапермского значения слова **ōšm̥s* предоставляют данные современных пермских языков. В удмуртском литературном языке *ошмес* имеет два значения: 1) источник, ключ, родник || ключевой, родниковый; ~ *ву* ключевая вода, 2) источник (в обобщенном значении – авт.) ◊ **ошместэм шур чаляк куасьме** посл. без родника река быстро высыхает (УЗК 501). В коми языке семантика слова шире. В коми-пермяцких диалектах и литературном языке выделяется три значения слова *ōšm̥s*: 1) колодец, 2) *редко* прорубь, 3) *уст.* ключ, источник (КПРС 309). Слово *ōšm̥s* употребительно в северных коми-пермяцких диалектах и южных коми-зырянских. В верхнесысольском, лузско-летском

и среднесысольском диалектах слово имеет основное значение 'колодец', в лузско-летском диалекте также значение 'прурубь и 'родник' (КСК 2: 47). По нашим наблюдениям, в значении 'колодец' оно употребительно также и в остальных двух южных диалектах, а также и в литературном языке, хотя авторы словаря по каким-то причинам слово *õšmös* подают с пометой *диал.* 1) колодец || колодезный; ~ *ва* колодезная вода; ~ *кодйыны* вырыть колодец, 2) прурубь (КРК 477). В литературном языке у слова в последние два десятилетия сформировалось и обобщенное значение 'источник материала', например, научной работы и т.п., не зафиксированное в словаре 2000 г. издания. Такой же семантический объём слова был и в XIX в. Так, Ф.Й. Видеман значение 'колодец' приводит в своем словаре на первом месте: *õšmös, ošmös Brunnen, – Tränke* (Wiedemann 1880: 217). Естественно, диахронно первичным значением протопермского слова было 'источник', на основе которого в коми языке развились более конкретные значения 'колодец' и 'прурубь', это в свою очередь наталкивает на мысль о том, что, возможно, изначально источник мог квалифицироваться как открытый, откуда воду можно было черпать, поднимать вверх.

Исходя из этих предположений в качестве первой части сложного слова **õšmzs* можно допустить совершенно иной этимон **os* со значением 'открытый', а исходное значение словосочетания было 'открытый источник'. Этимон присутствует в корнях современных слов пермских языков к. *восьса* «открытый», *восьтыны* «открывать», удм. *усьтыны* «открыть». Авторы КЭСК предполагают генетическую связь корня с древнечувашской основой *ус-* со значением «отворять, открывать, раскрывать» (КЭСК 64). Нет также никаких фонетических трудностей связать элемент **ös* со вторым компонентом другого деэтимологизированного сложного коми слова *ödžös* «дверь», удм. *ös* «дверь». Этот этимон авторы КЭСК связывают с допермским, финно-угорским **ʒkse-* 'дверь, дверной проем', приводя соответствия финское *uksi* «дверь», саамское N *uksa* (КЭСК 210). Вполне возможно, что первоначально в прапермское время **ös* обозначал 'открытый проем, открытый лаз', затем семантика могла конкретизироваться до значения 'дверь'.

Во всяком случае реконструируемое праязыковое значение сочетания 'открытый источник' логично укладывается в одну из семантических моделей названий радуги в финно-угорских языках. Из списка представленных выше наименований можно выделить три группы композит и словосочетаний, которые образованы в финно-угорских языках на следующих семантических основаниях:

1) визуальной характеристики радуги, которая обычно отождествляется с дугой, коромыслом, поясом, луком, полоской и т.д., например в эстонское наименование *vikerkaar* < 'дуга наподобие косы-литовки';

2) характеристики по сопутствующим появлению радуги метеорологическим явлениям дождя и грома, например в эрзянском *пурьгине чирьке* < 'громовая дуга';

3) мифологической характеристики радуги, когда слово-атрибут имеет значение 'бог', 'природа', 'небо', например хантыйское слово *тарым кўсы лак* < 'небесный (божественный) обруч-обод', коми *ен вудж* 'лук бога';

4) функциональной характеристики радуги, которая, в свою очередь, восходит к древним мифологическим представлениям о радуге как о водной стихии. Названия в венгерском и удмуртском языках прямо указывают на это. К примеру, в венгерском языке слово *szivárvány* образовано от глагола *szív* 'сосать' при помощи деривационных суффиксов *-r* и *-vány*. В венгерском языке основой современного значения послужило древнее поверье, согласно которому некое мифологическое существо по небесной радуге поглощает воду с земли. Названия подобного плана, основанные на мифе, известны и у других народов, например у удмуртов *вуюись*, досл. воду пьющий (ESz 800). Древнее коми название *õшмõс* и современное *õшкамõшка* также относятся к наименованиям, возникшим на основе последнего принципа, т.е. радуга прямо отождествлялась с водным источником, с древней мифологической легендой, как и в случае с удмуртским словом, обозначающим радугу – *вуюись*.

ВРиРВ – Зайцева Н.Г., Муллонен М.И. Вепско-русский, русско-вепский учебный словарь. – Петрозаводск, 1995.

КРК – Безносилова Л.М., Айбабина Е.А., Коснырева Р.И. Коми-роч кывчукöр: 31 000 кымын кыв. – Сыктывкар, 2000.

КСК – Безносилова Л.Н., Айбабина Е.А., Забоева Н.К., Коснырева Р.И. Коми сёрнисикас кывчукöр: в 2 т. – Сыктывкар, 2012. – Т. I.

КПРС – Баталова Р.М., Кривощекова-Гантман А.С. Коми-пермяцко-русский словарь: Ок. 27 000 слов. – М., 1985.

КЭСК – Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. – Сыктывкар, 1999.

Лыткин Г.С. Русско-зырянский словарь. – Л., 1931.

МК – Мифология коми / сост. А.Н. Власов, И.В. Ильина, Н.Д. Конаков, П.Ф. Лимеров, О.И. Уляшев, Ю.П. Шабаев, В.Э. Шарапов. М.; Сыктывкар, 1999.

НенРС – Терещенко Н.М. Ненецко-русский словарь. – М., 1965.

НРС – Пырерка А.П., Терещенко Н.М. Ненецко-русский словарь. – М., 1948.

РМансС – Ромбандеева Е.И. Русско-мансийский словарь: около 11 000 слов. – СПб., 2005.

РМС – Учаев З.В., Захарова В.С. Русско-марийский словарь: около 20 000 слов. – Йошкар-Ола, 1999.

- РМокшС – Русско-мокшанский словарь. – Саранск, 2012.
- Рогов Н.А. Пермяцко-русский и русско-пермязцкий словарь. – СПб., 1869.
- РХТС – Кононова С.П. Русско-хантыйский тематический словарь (казымский диалект). Более 4000 слов. – СПб., 2002.
- УкрРС – Російсько-український словник-довідник. – Київ, 2008.
- РУС – Русско-удмуртский словарь. – М., 1956.
- Савваитов П.И. Зырянско-русский и русско-зырянский словарь. – СПб., 1850.
- УРК – Душенкова Т.Р., Егоров А.В., Ившин Л.М., Карпова Л.Л., Кириллова Л.Е., Титова О.В., Шибанов А.А. Удмурт-руч кыллюкам: Ок. 50 000 слов. – Ижевск, 2008.
- Цыпанов Е. 'Счастье' и 'удача' в финно-угорских языках // *Linguistica Uralica*. – 2012. – № 4. – С. 265–275.
- Шахов Н.А. Краткий коми-русский словарь. – Устьысольск, 1924.
- ЭРС – Бузакова Р.Н., Ширманкина Р.С., Лисина Е.Н., Цыпкайкина В.П., Адушкина Н.С. Эрзянско-русский словарь. – М., 1993.
- EES – Metsmägi I., Sedrik M., Soosar S.-E. Eesti etümoloogiasõnaraamat. – Tallinn, 2012.
- ESz – Etimológiai szótár. Magyar szavak és toldalékok eredete / Főszerkesztő *Zaicz Gábor*. – Budapest, 2006.
- Wiedemann F.J. Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutschen im Anhangе und einem deutschen Register. – St. Petersburg, 1880.

ПРОГРАММА ELAN ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИАЛЕКТОВ КОМИ ЯЗЫКА

В.П. Чупров,

магистрант института гуманитарных наук
ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»,

переводчик Центра инновационных языковых технологий КРАГСиУ

Важными составляющими в диалектологических и фольклорных исследованиях является сбор, систематизация и хранение полевого материала. В век современных информационных технологий важно использовать на этих стадиях различные компьютерные технологии. Одна из таких современных программ – ELAN. Она разработана Институтом психолингвистики Макса Планка в Неймегене (Голландия) специально для архивирования записей языков, находящихся под угрозой исчезновения, в рамках проектов Фонда Фольксвагена. Цель этой программы – обеспечить надёжную технологическую основу для аннотации и эксплуатации мультимедийных записей. ELAN поддерживает:

- визуализацию аудио– и/или видеосигналов одновременно с полученными аннотациями;
- временную привязку аннотаций к медийному потоку;
- сложные связи аннотаций друг с другом;
- неограниченное количество задаваемых пользователем уровней аннотации;
- различные шрифты и кодировки;
- экспорт данных в виде текстовых файлов табличного вида (tab-delimited text);
- импорт и экспорт между ELAN, Praat, ToolBox, Shoebox и другими популярными лингвистическими программами;
- развитые поисковые опции.

Программу ELAN можно использовать и для анализа поведения людей (жестов, мимики, характера речи информантов, различных их действий в коммуникации). Создаются так называемые мультимодальные корпуса, т.е. корпуса, включающие запись звука и видео, собираются видеозаписи поведения людей в реальных эмоциональных ситуациях. Для исследования поведения информирующих корпус сопровождается разметкой: записывается текст, произнесённый людьми в кадре, их мимика, движение рук и тела.

В зависимости от числа участников коммуникации выделяются аннотации для орфографической транскрипции и переводов. В программе ELAN выделяют два типа аннотаций: независимые и зависимые. Независимые связаны со звуковым файлом во времени, зависимые связаны не со звуком, а с другой аннотацией. Например: орфографическая транскрипция относится к независимому типу аннотации, так как она напрямую связана со звуком, перевод – зависимый тип аннотации, поскольку он связан с транскрибированным предложением. В нашем случае независимый тип аннотации – это расшифрованный текст на ижемском диалекте коми языка, а зависимый тип – это переводы на русский и английский языки. На экране монитора аннотации записей выглядят следующим образом:

The screenshot shows the ELAN software interface. On the left, there is a timeline with a time range of 00:01:42.910 to 00:01:44.560. Below the timeline are two audio waveforms. On the right, there is a table with four columns: 'Her', 'Тип1 : orthT', 'Тип2 : ft-engT', and 'Тип3 : ft-rusT'. The table contains two rows of annotations, with the second row highlighted in blue.

Her	Тип1 : orthT	Тип2 : ft-engT	Тип3 : ft-rusT
	orth@MaR	ft-eng@MaR	ft-rus@MaR
56	Позьѳ.	Can.	Можно.
	orth@NP	ft-eng@NP	ft-rus@NP
57	Позьѳ. Кѳні ті Сыктывкарын?	Can. Where are you in Syktyvkar?	Можно. Где вы (располагаетесь) в Сыктывкаре?
	orth@MaR	ft-eng@MaR	ft-rus@MaR

Разметка корпуса – это информация о содержании видеофайла: слова, которые говорят люди в кадре, данные о жестах, мимике и движении людей. По разметке в корпусе данных можно найти интересующие исследователя определённые элементы, например найти все случаи «определённого жестикулирования» и определить, с чем это может быть связано, с какой интонацией произношения зафиксировано или какими значениями. Исследования, построенные на основе разметки, позволяют узнать, для чего или почему человек выполняет тот или иной жест или движение в диалоге. Такие исследования позволяют судить о паттернах, стандартных последовательностях, выражениях эмоций у человека (http://www.mpi.nl/tools/elan/tp/how-to/ELAN_handout_Russian.pdf). Всё это даёт возможность исследователю более полно изучить материал, охватив экстралингвистические факторы, культурную и бытовую ситуацию коммуникации. Не исключено, что цифровые записи диалектного материала можно изучать также и с помощью других электронных исследовательских программ. Например, с помощью программ FONETIKA и ELAN можно провести обширные фоностатистические исследования. Программа FONETIKA разработана в Лаборатории кафедры иностранных языков МарГУ (об этом: Савиных 1996, Пунегова 2002). Методика анализа фоностатистических данных с помощью программы FONETIKA была использована при изучении фонетики финно-угорских языков, в том числе и фонетических особенностей коми языка в трудах Г.В. Пунеговой (Пунегова 1996; 1998; 2002). Известно, что изучение аллофонного варьирования звуков слуховым методом часто сопровождается инструментальными методами исследования. Программа ELAN на основе текстов цифровых записей, преобразованная их в фонетическую транскрипцию, имеет широкие возможности исследовать материал на уровне сегментной и супraseгментной фонетики. Так, с помощью программы можно распознать звуки и их варианты, характерные для исследуемой речи диалекта, а также с помощью звуковой волны, отражающей на экране монитора, выявить особенности интонации, длительности сегментных единиц и их формантные значения. Эта программа, к примеру, может служить и для выявления формантных показателей гласных в ижемском диалекте коми языка и таким образом дополнить ранее уже описанные характеристики аллофонового варьирования гласных, изученных как на экспериментально-фонетическом материале (Терентьев 1970, Игушев 1972, Канева 2003 и др.), так и описательным методом исследования (Лыткин 1970, Сахарова, Сельков 1976, Игушев 1996 и др.).

Какие возможности для исследователя-лингвиста даёт эта программа? Самым большим преимуществом программы является то, что она даёт большие возможности для поиска в корпусе. Задав определённые требова-

ния к поиску, можно находить в корпусе необходимые для исследователя лексемы или морфемы. Например, мы решили посмотреть, как в корпусе используется послелог *сай-*, который может выступать в форме *сайын*, *сайэ*, *сайсянь* и т. д. В поиске по корпусу эти формы можно легко найти, причём программа ELAN даст возможность рассмотреть их в речевом контексте. Более подробно о возможностях поиска можно прочитать на сайте wiki.fu-lab.ru. Для грамматистов, интересующимся формами того или иного диалекта, можно создать корпус диалектных особенностей грамматических форм, которые могут храниться в архиве данной программы и использоваться учёными в любое время: при описании как отдельных диалектов языка и в сравнительно-типологическом плане.

Также очень важно, что ELAN позволяет работать с текстами в едином пространстве: видео-, аудиозаписи, расшифровки текстов (аннотации), их переводы, разделение аннотаций по участникам коммуникации находятся в одном рабочем поле. Во время расшифровки текста программа даёт возможность подробно прослушать тот или иной фрагмент текста, так как разрешает снижать скорость речи участника коммуникации. Таким образом, речь информанта можно рассматривать, поочерёдно разбивая на наименьшие фонетические единицы – от фразы до сегментной единицы. Это позволяет, к примеру, рассмотреть и установить особенности звучания на уровне фразы, фонетической синтагмы, фонетического слова, слога и звука.

Как уже отмечалось выше, ELAN позволяет составлять несколько аннотаций: расшифровку речи, его фонетическую транскрипцию, перевод на другие языки и т.д. Эта возможность интересна исследователю с точки зрения сопоставительно-типологического метода: можно сопоставлять коми языковые элементы (лексемы, реалии, устойчивые выражения и т.д.) с русским, английским языком. Параллельные тексты (переводы) также могут являться объектами исследования по вопросам проблем перевода устных текстов.

Программу ELAN активно используют участники проекта «Коми-ижемцы: создание аннотированного электронного корпуса для дальнейших исследований по коми языковым особенностям российского Крайнего Севера». Проект реализуется с 2014 г. Основной целью проекта является социолингвистическое исследование всех территорий проживания коми-ижемцев, сравнительное исследование локальных говоров ижемского диалекта, создание электронного архива аннотированных записей (видео, аудио, расшифрованные тексты на коми языке, в переводе на русский и английский языки) (Блокланд Р., Рийсслер М., Партанен Н. и др.). Этот проект направлен на создание своего рода электронного корпуса диалектных

текстов. В диалектологических исследованиях значимость таких корпусов отмечается многими учёными. Так, Г.А. Некрасова пишет, что «основу ЭБКД должен составить программно обеспеченный электронный текстовый корпус, являющийся наиболее надёжной формой хранения диалектных текстов» (Некрасова, 2010).

Именно программа ELAN является базовой в работе проекта «Коми-ижемцы: создание аннотированного электронного корпуса для дальнейших исследований по коми языковым особенностям российского Крайнего Севера», так как предоставляет широкие возможности для изучения ижемского диалекта коми языка. Во время экспедиций участники проекта записывают видео- и аудиофайлы, затем эти записи обрабатываются программой ELAN – создаются файлы для дальнейшей работы. На сегодняшний день более 50% записанного участниками проекта материала в той или иной степени готово к использованию: записи диалектного полевого материала аннотированы на коми язык с переводом на русский и английский языки.

После завершения транскрибирования и перевода текста на отдельные языки файл сохраняется и становится готовым для использования в исследованиях.

Исследования, которые можно проводить на основе собранного материала, могут иметь не только чисто лингвистический, но и социолингвистический, культурологический характер, так как собранный материал имеет богатую тематику. Тематически можно выделить несколько разделов, указывающих на различные сведения:

- биографические сведения;
- сведения о языковых связях с соседними народами (коми-русские, коми-ненецкие, коми-саамские);
- сведения о языковой ситуации в регионе (информация о статусе языка, о том, обучают ли его в школе);
- сведения о традиционных занятиях коми-ижемцев (оленоводство, охота, рыболовство, скотоводство);
- сведения о традиционной духовной культуре народа (праздники, обряды, традиции, народные песни, частушки);
- сведения о материальной культуре (одежда, традиционное жилище);
- топонимические сведения (названия деревень, сёл, ручьёв, рек, лугов и т.д.);
- исторические сведения (заселение территорий, исторические события).

В заключение хотелось бы отметить, что программа ELAN – это современная программа, которая открывает широкие возможности для систематизации, хранения и исследования диалектологического корпуса собранно-

го в полевых условиях материала, позволяющая обращаться к этим материалам исследователям и анализировать его с различных точек зрения, различными методами и принципами.

Блокланд Р., Рийссер М., Партанен Н., Федина М., Чемышев А. Использование цифровых корпусов и компьютерных программ в диалектологических исследованиях: теория и практика // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России : материалы XIV Всероссийской научной конференции. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. – С. 252.

Игушев Е.А. Экспериментальные данные по долготе гласных ижемского диалекта // Советское финно-угроведение. – 1972. – № 1. – С. 55–57.

Игушев Е.А. Коми диалектология. – Сыктывкар, 1996. – 94 л.б.

Канева С.А., Пунегова Г.В. Аллофонное варьирование звука /e/ в ижемском диалекте коми языка (на материале экспериментального анализа фонетически представительного текста) // Символ в системе культуры: проблемы интерпретации текста. – Сыктывкар, 2003. – С. 119–121.

Лыткин В.И. Несколько слов о вокализме ижемского диалекта коми языка // СФУ. – 1970. – № 4. – С. 259–261.

Некрасова Т.А. Электронный диалектный корпус как ресурс сохранения и изучения коми диалектов // Финно-угорский мир. – Саранск, 2010. – № 1 (16). – С. 13–16.

Пунегова Г.В. Фонетическая интерференция в условиях коми-русского двуязычия (на материале экспериментально-фонетического исследования согласных) : дис. ... канд. филол. наук. – Сыктывкар, 2002. – 291 с.

Пунегова Г.В. Фоностатистические характеристики фонем в литературном коми языке // Фонетический фонд финно-угорских языков. – Йошкар-Ола; СПб., 1996. – Вып. 1. – С. 90–112.

Пунегова Г.В. Функциональная нагрузка фонологических единиц в разных стилях литературного коми языка // Фонетический фонд финно-угорских языков. – Йошкар-Ола; СПб., 1999. – Вып. 3. – С. 64–126.

Савиных И.В. Программа FONETIKA для исследования фоностатистических данных финно-угорских языков // Фонетический фонд финно-угорских языков. – Йошкар-Ола, СПб., 1996. – Вып. 1. – С. 175–177.

Сахарова М.А., Сельков Н.Н. Ижемский диалект коми языка. – Сыктывкар, 1976. – 288 с.

Терентьев В.А. О долготах гласных и согласных в ижемском диалекте коми-зырянского языка // Советское финно-угроведение. – 1970. – № 4. – С. 255–257.

http://www.mpi.nl/tools/elan/tp/how-to/ELAN_handout_Russian.pdf (дата обращения – 08.02.2016).

**РЕАЛИЗАЦИЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА
ПОСРЕДСТВОМ УЧЕБНИКОВ «УДМУРТ КЫЛ»
ДЛЯ 5 и 6 КЛАССОВ**

С.Н. Широбокова,
ведущий научный сотрудник
БУУР «Научно-исследовательский
институт национального образования»
svshirobokova@yandex.ru

Великий русский писатель и публицист Л.Н. Толстой написал: «И воспитание, и образование неразделимы. Нельзя воспитывать, не передавая знания, всякое же знание действует воспитательно». Таким образом, воспитание является одной из важнейших составляющих образовательного процесса наряду с обучением. Дополняя друг друга, обучение и воспитание служат единой цели: целостному развитию личности школьника.

Базой развития и воспитания ребенка продолжают оставаться фундаментальные знания, которые он получает в ходе образовательного процесса. Однако образование личности должно быть сориентировано не только на усвоение определенной суммы знаний, но и на развитие самостоятельности, личной ответственности, созидательных способностей и качеств человека, позволяющих ему учиться, действовать и эффективно трудиться в современных условиях.

Содержание современных учебных программ должно обладать значительным воспитательным потенциалом. Его реализация зависит: 1) от решения воспитательных задач в ходе каждого урока в единстве с задачами обучения и развития личности школьника; 2) целенаправленного отбора содержания учебного материала, предоставляющего ученикам образцы подлинной нравственности, духовности, гражданственности, гуманизма; 3) использования дидактических технологий, обеспечивающих проявление школьником собственной нравственной, гражданской позиции, расширение его социального опыта в результате проигрывания различных социальных ролей в процессе обучения и т.д. ([сайт] URL: http://www.vospitau.ru/vospitatelnaya_deiatelnost/vosp_potencial_obras_processa/index.html). Перечисленные условия формирования процесса воспитания предусмотрены и примерной программой учебного предмета «Удмуртский язык» на уровне основного общего образования, которая нацелена на воспитание чувства уважения к своему народу, родному языку, ценностного отношения к нему как хранителю культуры своего народа; на привитие любви к своему родному краю; формирование самосознания, любви к труду и т.д.

([сайт] URL: http://www.udmniino.ru/docs/primernaja%20programma_5-9kl_Nikolskaja.pdf).

В организации воспитательного процесса на уроках удмуртского (родного) языка большую роль играет учебник, поскольку урок строится, опираясь на материалы учебника. На сегодняшний день ведется большая работа по обновлению содержания учебников по удмуртскому (родному) языку для учащихся основной общеобразовательной школы. Уже сегодня учащиеся 5 и 6 классов имеют возможность изучать удмуртский язык по новым учебникам, анализу воспитательных потенциалов которых и посвящена данная статья. Так, результаты анализа учебников «Удмурт кыл» ‘Удмуртский язык’ для 5 и 6 классов позволяют выделить следующий их воспитательный потенциал:

1) воспитание интереса к учению, процессу познания. В учебниках «Удмурт кыл» 5 и 6 классы помимо упражнений, направленных на изучение какой-либо грамматической темы, содержится целый комплекс творческих упражнений (задания по картинкам (Удмурт кыл 2014: 23, 27, 135; Удмурт кыл 2016: 127, 96 и др.), написание сочинений и рассказов на разные темы (Удмурт кыл 2014: 19, 38, 50, 73; Удмурт кыл 2016: 148 и др.), упражнения с использованием интернет-ресурсов (Удмурт кыл 2014: 77, 93, 104 и др.)), проектные задания (создание презентации или фильма по предложенной теме (Удмурт кыл 2014: 53), письменное высказывание своей точки зрения по указанной теме (Удмурт кыл 2016: 99, 229 и др.)), интересные и научные тексты (про удмуртский язык (Удмурт кыл 2014: 6; Удмурт кыл 2016: 74, 91 и др.), погоду (Удмурт кыл 2014: 101; Удмурт кыл 2016: 106), про известных родине людей (Удмурт кыл 2014: 152; Удмурт кыл 2016: 36, 52, 147 и др.)). Подобные упражнения делают процесс изучения удмуртского языка более интересным, способствуют мотивации учащихся к получению знаний;

2) воспитание культуры общения. Оба учебника по удмуртскому языку содержат задания на развитие коммуникативной компетенции учащихся (умений слушать, высказывать и аргументировать свое мнение). На воспитание культуры общения учащихся в обоих учебниках представлены целые разделы: «Вераськон но вераськон кусыпъёс» ‘Речь и речевое общение’, «Текст» (Удмурт кыл 2014: 20–35, 36–58), «Вераськон но вераськон кусыпъёс» ‘Речь и речевое общение’, «Текст», «Кыл но лулчеберет» ‘Язык и культура’ (Удмурт кыл 2016: 22–39, 40–73, 221–224). Разделов «Вераськон но вераськон кусыпъёс», «Кыл но лулчеберет» в предыдущих изданиях учебников не было. Этими разделами работа по воспитанию культуры общения учащихся не ограничивается. В ходе изучения различных тем курса удмуртского языка обязательно делается акцент на формирование навыков

учащихся по созданию грамотных высказываний разных стилей и жанров в соответствии со всеми речевыми нормами. Культуру речи преподают на каждом этапе изучения удмуртского языка в 5, 6 классах в течение всего учебного года;

3) формирование умений и навыков организации учащимися своей деятельности. Современный урок способствует личностному росту ученика, помогает ощутить себя субъектом деятельности, способным к самореорганизации и саморазвитию. В ходе урока необходимо дать возможность каждому ученику обрести себя, создать возможности для творческого роста и развития, обеспечить успех в усвоении учебного материала. Каждый урок – ступенька в развитии творческого потенциала школьника, его самопознании, самовоспитании и саморазвитии. Предлагаемые учащимся задания должны быть интересными, соответствовать их возрастным особенностям, их выполнение должно предусматривать самостоятельную работу, в парах или в группе (Удмурт кыл 2014: 107, 123; Удмурт кыл 2016: 57, 73);

4) воспитание любви к родине, ценностного отношения к его истории, культуре. Каждая образовательная область имеет свой специфический воспитательный потенциал. Так, гуманитарное образование, к числу дисциплин которого относится удмуртский язык, обладает особым потенциалом в духовно-нравственном воспитании личности, развитии ее моральных качеств, формировании мировоззрения, гражданского сознания, эмоционально-ценностного отношения к окружающему миру, эстетической культуры, поэтому в учебниках по удмуртскому языку содержатся материалы на формирование и развитие рассматриваемой области процесса воспитания (Удмурт кыл 2014: 5, 53, 65; Удмурт кыл 2016: 186, 205);

5) воспитание гуманности. Изучение языка какого-либо народа предполагает знакомство с его культурой. Учащимся необходимы знания о многообразии языков и культур в мире, об уникальности каждой из них. На примере текстов, творческих заданий необходимо воспитывать терпимое, гуманное отношение друг к другу, окружающему миру, уважение к своему и другому народу, к его культуре (Удмурт кыл 2014: 15, 32, 106, 109; Удмурт кыл 2016: 27, 33, 222);

6) формирование и развитие оценочных умений. Согласно федеральному государственному образовательному стандарту основного общего образования необходимо формировать и развивать оценочные умения учащихся: комментирование оценок учителем, обсуждение оценок с учащимися, коллективное оценивание, взаимопроверка и оценивание друг друга учащимися (Удмурт кыл 2014: 30; Удмурт кыл 2016: 73, 130, 189 и др.).

В завершение необходимо отметить, что на уроках языка (а в первую очередь литературы) процесс воспитания учащихся рациональнее и эффек-

тивнее строить на материалах различных текстов, поскольку обладая огромной силой воздействия, художественный текст способствует формированию духовного сознания, гражданственности, личных качеств ученика. Он обращает внимание учащихся на современные достижения, на новые открытия в науке и технике, на факты жизни выдающихся людей, процессы воспитания воли, трудолюбия, на высокие нравственные качества и т.д., поэтому в каждом разделе учебников «Удмурт кыл» для 5 и 6 классов представлено несколько текстов разных типов, стилей речи и заданий к ним (образовательного или воспитательного характера).

Таким образом, обучение удмуртскому (родному) языку должно содержать определенный воспитательный потенциал, который в первую очередь направлен на воспитание гражданства и патриотизма, любви к родному языку, сознательного отношения к языку как к духовной ценности, средству общения. Успешная реализация воспитательного потенциала во многом зависит от следующих компонентов: 1) содержания процесса обучения и воспитания, регламентированного образовательным стандартом, требования которого находят отражение в учебниках. И, как мы видим по представленному в статье анализу учебников «Удмурт кыл» для 5 и 6 классов, обучение удмуртскому языку предусматривает разностороннее воспитание учащихся; 2) деятельности учителя. Из урока в урок он ставит различные воспитательные задачи и указывает, через что они могут быть достигнуты, через какие виды деятельности. Внимание учителя к воспитательным целям и ее задачам должно быть постоянным. Невозможно в течение лишь одного-двух уроков говорить о том, что процесс воспитания учащихся завершен, для его формирования необходимо время.

Воспитательный потенциал образовательного процесса. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vospitau.ru/vospitatelnaya_deiatelnost/vosp_potencial_obras_processa/index.html (дата обращения: 20.10.2016 г.).

Примерная программа учебного предмета «Удмуртский язык» на уровне основного общего образования / Г.Н. Никольская, В.М. Ившина, Л.В. Вахрушева, Н.И. Ураськина, Н.А. Ермакина, Г.В. Горбушина, В.В. Конюхова. [Электронный ресурс]. URL: http://www.udmniino.ru/docs/primernaja%20programma_5-9kl_Nikolskaja.pdf (дата обращения: 21.10.2016 г.).

Удмурт кыл. 5-тй класслы : удмурт кылэз тодйсь пинальёслы учебник / Л.В. Вахрушева, Г.В. Горбушина, Н.А. Ермакина, Г.Н. Никольская. – Ижевск: Удмуртия, 2014. – 176 с.

Удмурт кыл. 6-тй класслы : удмурт кылэз тодйсь пинальёслы учебник / Л.В. Вахрушева, Г.В. Горбушина, Н.А. Ермакина, Г.Н. Никольская, И.В. Тараканов, С.Н. Широбокова. – Ижевск: Удмуртия, 2016. – 240 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ В.А. МОЛОДЦОВА	
Жеребцов И.Л., Некрасова Г.А. В.А. МОЛОДЦОВ: ДОЛГИЙ ПУТЬ К ПРИЗНАНИЮ	8
СТАТЬИ	
Айбабина Е.А. СНЕГ С ОТЦОМ И С МАТЕРЬЮ И СО ВСЕЙ РОДНЕЙ	16
Баженова О.Н. К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ПРАКТИЧЕСКОЙ СТИЛИСТИКИ КОМИ ЯЗЫКА	23
Бартфай, Чаба. УДМУРТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ЛАНДШАФТЕ ИЖЕВСКА	29
Вагнер Е.В. ОБРАЗНАЯ СИМВОЛИКА ЗВУКОПИСИ В ПРОИЗВЕДЕНИИ О. УЛЯШЕВА «ПАН ТУЙ»	33
Габова М.А., Поберезкая В.Ф., Терентьева С.Н. УСЛОВИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОМИ-РУССКОГО ЭЛЕКТРОННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО РЕСУРСА «ОКРУЖАЮЩИЙ МИР» В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ	39
Гайдамашко Р.В. ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ПЕРМЯЦКИМ ЯЗЫКОМ «ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО УЧЕБНИКА РУССКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ЧЕРДЫНСКИХ ПЕРМЯКОВ» 1906 ГОДА	44
Гуляева Н.И. ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В КОМИ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТАХ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И СТРУКТУРНЫЙ АСПЕКТЫ	53
Иванов В.А. О ФОРМАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ СЛОВ ЯЗЫКА БЕСЕРМЯН	58
Ившин Л.М. О МОРФОЛОГИИ ИМЕН ГОВОРА ДЕРЕВНИ КУЗЬМОВЫР ИГРИНСКОГО РАЙОНА УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ	64
Игушев Е.А. ХАНТЫЙСКИЙ КОМПОНЕНТ В КОМИ ГИДРОНИМАХ	72
Исакова А.А. КОМИ НАИМЕНОВАНИЯ-РЕПРЕЗЕНТАНТЫ КОНЦЕПТОВ КОНЦЕПТОСФЕРЫ «КОМИ НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА» В РУССКОЯЗЫЧНОМ ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ РЕСПУБЛИКИ КОМИ	75
Каксин А.Д. ГЕНЕТИЧЕСКИ И ТИПОЛОГИЧЕСКИ СХОЖИЕ И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ КОМИ И ОБСКО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ	82
Кашкин Е.В. КОМИ ЯЗЫК И ЛЕКСИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ: ГЛАГОЛЫ ПАДЕНИЯ	86
Кельмаков В.К. ИЗ ИСТОРИИ БУКВЕННОЙ ФИКСАЦИИ АФФРИКАТ В УДМУРТСКОЙ И КОМИ-ПЕРМЯЦКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ	95
Кельмаков В.К. О ГЕЛЬСИНГФОРССКОМ ИЗДАНИИ ЕВАНГЕЛИЯ ОТ МАТФЕЯ В ПЕРЕВОДЕ НА УДМУРТСКИЙ ЯЗЫК (1882)	108

Кириллова Л.Е. ЛИТЕРАТУРНАЯ И РЕАЛЬНАЯ ТОПОНИМИЯ СЕЛА ВУЖ МУЛТАН (СТАРЫЙ МУЛТАН)	114
Клепцова Е.А. ПРОГРАММНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБУЧЕНИЯ ДЕТЕЙ КОМИ ЯЗЫКУ КАК ГОСУДАРСТВЕННОМУ В ДОШКОЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ РЕСПУБЛИКИ КОМИ	120
Кожевина Е.В. КОМИ ТЕРМИНОЛОГИЯ, СВЯЗАННАЯ С ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ	124
Кокконен Паула. КОМИ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ И ИХ СООТВЕТСТВИЯ В РУССКОМ, ЭСТОНСКОМ И ФИНСКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ В.В. ТИМИНА «ЭЖВА ПЕРЫМСА ЗОНКА» ('МАЛЬЧИК ИЗ ПЕРМИ ВЫЧЕГОДСКОЙ'))	128
Коровина Н.С. НЕФОРМУЛЬНО-ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНАЯ СТЕРЕОТИПИЯ В КОМИ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ	134
Лисовская Г.К., Цыпанов Е.А. НЁБДИНСА ВИТТОРЛЁН СЕРАМБАНА ГИЖАННОГ ЁЫЛЫСЬ	141
Лобанова А.С. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИКЛИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ	147
Лудыкова В.М. ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ ОБЩЕЙ ОЦЕНКИ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ	154
Матвеева Л.Д. ОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД КАК ПРОЦЕСС	163
Мусанов А.Г. К.Ф. ЖАКОВЛЁН «БИАРМИЯ» ПОЭМАЫН ИННИМЪЯС	168
Мусанов А.Г. ОРИГИНАЛЬНАЯ ТОПОНИМИЯ ИЛЫЧ-ПЕЧОРСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ	172
Мызников С.А. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ В ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ (КОМИ ЛЕКСИКА В СЛАВЯНО-РУССКОМ КОНТЕКСТЕ)	175
Некрасова Г.А. АППРОКСИМАТИВ И ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО-МЕСТНЫЕ ПАДЕЖИ КОМИ ЯЗЫКА В ЗЕРКАЛЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ	182
Некрасова О.И. СОЧЕТАНИЯ ДЕЕПРИЧАСТИЙ С ГЛАГОЛАМИ ДВИЖЕНИЯ В КОМИ-ЗЫРЯНСКОМ И КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКАХ	189
Немирова Н.В. КОНЦЕПТ <i>ДОБРО</i> В КОМИ ЛИТЕРАТУРНОМ ЭПОСЕ К.Ф. ЖАКОВА «БИАРМИЯ»	195
Остапов Н.В. FLASH-ПОСОБИЕ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ НА КОМИ ЯЗЫКЕ: ЦЕЛИ, СТРУКТУРА, СОДЕРЖАНИЕ	200
Остапова Е.В. ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД В РАБОТЕ С ИНТЕРАКТИВНЫМ УЧЕБНЫМ ПОСОБИЕМ ПО КОМИ ЛИТЕРАТУРЕ «ГУЛЮСЯНЬ ЮӨР» («ВЕСТЬ ОТ ГОЛУБЯ»)	206
Пишлөггер, Кристиан. НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ОТДЕЛЬНЫХ «ОСОБЕННОСТЯХ» УДМУРТСКИХ АНАЛИТИЧЕСКИХ ДЕЕПРИЧАСТНЫХ КОНСТРУКЦИЙ	211

Пономарева Л.Г. ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ НАЗВАНИЙ ПРАЗДНИКОВ В РЕЧИ СЕВЕРНЫХ КОМИ-ПЕРМЯКОВ	215
Попова О.А. УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ В АССОЦИАТИВНОМ ПОЛЕ КОМИ-ПЕРМЯКОВ	221
Попова Р.П. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВАРИАТИВНЫХ ЛИЧНО-ЧИСЛОВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ГЛАГОЛА В КОМИ И КОМИ-ПЕРМЯЦКИХ ДИАЛЕКТАХ	228
Пунегова Г.В. АКУСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЛАСНЫХ В ИЖЕМСКОМ ДИАЛЕКТЕ КОМИ ЯЗЫКА	235
Ракин А.Н. ОБОЗНАЧЕНИЯ РЫБОЛОВНЫХ СРЕДСТВ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ	243
Ракин А.Н. В.И. ЛЫТКИН, ЕГО УЧЕНИКИ И ПОСЛЕДОВАТЕЛИ	250
Ракин Н.А. В.И. ЛЫТКИН – ПЕРЕВОДЧИК ВЕНГЕРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ .	255
Рассыхаев А.Н. НОВЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИЖЕМСКОМУ ДИАЛЕКТУ КОМИ ЯЗЫКА	262
Салминен Эса-Юсси. ШКОЛЬНОЙ УДЫСКЫЛЬЁСЪЯ ПРОЕКТ НО УДМУРТ КЫЛЭЗ ДЫШЕТОН ШКОЛАОСЫН	268
Сажина С.А. КАТЕГОРИЯ ЛИЦА-ЧИСЛА ГЛАГОЛА В ЯЗЫКЕ КИРОВСКИХ ПЕРМЯКОВ	272
Сидорова М.А. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ <i>ЧИСТЫЙ / ГРЯЗНЫЙ, ПРОЗРАЧНЫЙ / МУТНЫЙ</i> В КОМИ ЯЗЫКЕ	278
Сычева Ю.С. ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ НА КОМИ ЯЗЫКЕ ДЛЯ УРОКОВ КОМИ ЛИТЕРАТУРЫ	285
Теуш О.А. КОМИ-РУССКОЕ ЛЕКСИЧЕСКОЕ КОНТАКТИРОВАНИЕ (на материале географической терминологии)	293
Тимерханова Н.Н. МОРФЕМЫ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА	303
Федина М.С. О ВНЕДРЕНИИ НОВЫХ ТЕРМИНОВ В КОМИ ЯЗЫК И ИХ ОЦЕНКЕ НОСИТЕЛЯМИ ЯЗЫКА	308
Федосеева Е.Н. О ПРОИСХОЖДЕНИИ НЕКОТОРЫХ СЛОВ ВЕРХНЕКАМСКОГО НАРЕЧИЯ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА	318
Федюнева Г.В. СВОЕ И ЧУЖОЕ В СТРУКТУРЕ ПЕРМСКИХ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ	325
Фомин Э.В. ЭТНОНИМ «ЧУВАШ» В КОНТЕКСТЕ ПЕРМСКИХ ЯЗЫКОВ ..	334
Цыпанов Е.А. ЕЩЕ РАЗ ОБ ЭТИМОЛОГИИ СЛОВ к. <i>ÖШМÖС</i>, удм. <i>ОШМЕС</i>, А ТАКЖЕ к. <i>ÖШКАМÖШКА</i>	338
Чупров В.П. ПРОГРАММА ELAN ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИАЛЕКТОВ КОМИ ЯЗЫКА	344
Широбоккова С.Н. РЕАЛИЗАЦИЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА ПОСРЕДСТВОМ УЧЕБНИКОВ «УДМУРТ КЫЛ» ДЛЯ 5 И 6 КЛАССОВ	350

УДК 81'1(092):811.511.132

Жеребцов И.Л., Некрасова Г.А. В.А. Молодцов: долгий путь к признанию // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 8–16.

В статье дан обзор жизни и деятельности В.А. Молодцова, акцентировано внимание на его вклад в науку и образование, в развитие коми культуры и издательского дела. Раскрыта многогранность его личности.

УДК 811.511.132'37:551.5

Айбабина Е.А. Снег с отцом и с матерью и со всей родней // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 16–23.

В статье анализируется семантика народных наименований падающего снега в коми-зырянском языке, выявляются мотивационные признаки, лежащие в основе номинации рассматриваемой группы метеонимов.

УДК 811.511.132'38(09)

Баженова О.Н. К вопросу об истории изучения практической стилистики коми языка // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 23–28.

В статье рассмотрены основные работы лингвистов, объектом внимания которых была практическая стилистика коми языка. Автор дает краткие сведения из истории таких вопросов, как целесообразность употребления в коми литературном языке диалектизмов, неологизмов, заимствований, синонимов. Также в статье рассмотрены отдельные работы, посвященные собственно практической стилистике коми языка.

УДК 811.511.131:378.4(470.51-25)

Бартфай Ч. Удмуртский государственный университет в лингвистическом ландшафте Ижевска // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 29–32.

Целью данной работы является описание лингвистического ландшафта вблизи УдГУ. Исследование было проведено в сентябре 2016 г. Материалы были записаны на камеру, а затем проанализированы автором.

УДК 811.511.132'342

Вагнер Е.В. Образная символика звукописи в произведении О. Уляшева «Пан туй» // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 33–38.

В работе рассматриваются особенности фонетического уровня произведения О.И. Уляшева «Пан туй». Выделяются и характеризуются основные приемы усиления фонетической выразительности речи в тексте. Приводятся и анализируются примеры из произведения.

УДК 502:004.085.2(075)=511.132=161.1

Габова М.А., Поберезкая В.Ф., Терентьева С.Н. Условия использования коми-русского электронного образовательного ресурса «Окружающий мир» в начальной школе // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 39–44.

В статье рассматриваются условия использования электронного образовательного ресурса на коми и русском языках, способствующие формированию этнокультурных представлений обучающихся в предметной области «Окружающий мир».

УДК 811.511.132:81-2

Гайдамашко Р.В. Из наблюдений над пермяцким языком «Первоначального учебника русского языка для чердынских пермяков» 1906 года // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 44–53.

В статье представлены фрагменты лингвистического анализа коми-пермяцкого языка в «Первоначальном учебнике русского языка для чердынских пермяков» К.М. Мошегова (1906 г.): графические и некоторые лексико-семантические особенности. Автором статьи предложено несколько конъектур. В заключении высоко оценивается значение Учебника для исторической пермистики.

УДК 811.511.132'367.322:398.5

Гуляева Н.И. Вопросительные предложения в коми фольклорных текстах: функционально-семантический и структурный аспекты // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 53–57.

В статье рассмотрены и описаны особенности употребления вопросительных предложений в коми фольклорных текстах. Исследование показало, что в произведениях устного народного творчества широко употребляются все типы собственно-вопросительных предложений. Сравнительно реже встречаются несобственно-вопросительные предложения. Среди структурных типов наиболее распространены простые вопросительные предложения.

УДК 811.511.131'373'366

Иванов В.А. О формальной структуре изобразительных слов языка бесермян // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 58–64.

Статья посвящена вопросам формальной структуры изобразительных слов языка бесермян. В работе описана история изучения изобразительных слов в пермских языках, рассмотрена морфологическая структура изобразительных слов. Поднимаются проблемы соотношения внутренних структурных элементов изобразительного слова и сегментации в смысле обычной морфологии, а также вопрос о статусе показателя *-ак* в сочетании с изобразительными словами.

УДК 811.511.131'282'373.231

Ившин Л.М. О морфологии имен говора деревни Кузьмовыр Игринского района Удмуртской Республики // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 64–72.

В статье представлены результаты анализа морфологии имен говора деревни Кузьмовыр Игринского района Удмуртской Республики. По наиболее характерным чертам он близок, с одной стороны, к верхнечепецким (северноудмуртским) говорам, с другой – к средневосточным (срединным). Кроме того, в языковой системе исследуемого говора выделяются некоторые специфические явления, не свойственные в целом вышеназванным говорам, что, на наш взгляд, обусловлено историей формирования этого ареала.

УДК 81'373.215'373.6=511.142=511.132

Игушев Е.А. Хантыйский компонент в коми гидронимах // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 72–75.

В статье рассматриваются этимологии гидронимов Айюва и Вонью, функционирующие в Ижмо-Печорском бассейне. Данные гидронимы представлены как

гибридные, состоящие из коми и хантыйского компонентов, первая часть гидронимов представляет определение на хантыйском языке, а вторая часть – нарицательное название водного источника на коми языке.

УДК 811.511.132'373.2:39:070

Исакова А.А. Коми наименования-репрезентанты концептов концептосферы «Коми национальная культура» в русскоязычном газетном дискурсе Республики Коми // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 75–81.

В статье приводится анализ репрезентантов концептосферы «коми национальная культура», а именно репрезентантов таких концептов, как «коми мифология», «коми язык», «коми литература», «коми театр», «коми национальное музыкальное творчество», «коми авторское изобразительное искусство», «коми народное искусство», «коми национальные виды спорта», «коми национальная кухня», «географическое пространство Республики Коми». Особое внимание уделено репрезентантам, относящимся к ономастическому пространству.

УДК 811.511.132/14'373'36

Каксин А.Д. Генетически и типологически схожие и отличительные черты коми и обско-угорских языков // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 82–86.

Статья посвящена вопросу о наличии генетически и типологически схожих черт между коми языком и обско-угорскими языками. В области грамматики в качестве примера приводятся сведения о формах наклонений и порядке слов в простом предложении. Отмечается небольшое число “общих слов”, унаследованных от языка-предка, гораздо большее количество взаимных заимствований. Отмечается, что ценным источником сведений об этих явлениях и процессах являются словари, которые могут служить источником сведений не только для описания исторического развития лексики, но и построения типологии лексических систем в коми, хантыйском и мансийском языках.

УДК 811.511.132'282'37'367.625

Кашкин Е.В. Коми язык и лексическая типология: глаголы падения // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 86–94.

В статье обсуждается семантика глаголов падения в коми языке. Основной материал собран в ходе полевого исследования зауральских говоров ижемского

диалекта коми языка. Рассматриваются типологические особенности глаголов падения в коми, анализируется их связь с другими семантическими зонами.

УДК 811.511.131'342.42:003.3

Кельмаков В.К. К истории буквенной фиксации аффрикат в удмуртской и коми-пермяцкой письменности // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 95–107.

В статье приводятся некоторые сведения о различных средствах передачи на письме удмуртских аффрикат в памятниках 1775–1897 гг. Эти же удмуртские знаки в полном составе использовались в коми-пермяцком букваре 1908 г.

Четко структурированная микросистема четырех аффрикат удмуртского языка была сформирована еще в прапермский период, и они были уже зафиксированы в первых письменных памятниках удмуртского языка.

УДК 811.511.132:27-235

Кельмаков В.К. О гельсингфорсском издании Евангелия от Матфея в переводе на удмуртский язык (1882) // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 108–114.

В статье исследуется перевод Евангелия от Матфея на удмуртском языке, который отличается от всех ранних переводов (1847, 1863, 1877, 1904, 1912 гг.) эклектичным сочетанием языковых особенностей как южноудмуртских, так и северных диалектов. Особенностью перевода Евангелия является смешение языковых средств различных диалектов с целью придания тексту наддиалектного характера.

УДК 811.511.131'373.21

Кириллова Л.Е. Литературная и реальная топонимия села Вуж Мултан (Старый Мултан) // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 114–120.

В статье рассматриваются топонимы, используемые удмуртским писателем М.П. Петровым в историческом романе «Вуж Мултан», и топонимы, выявленные во время экспедиции в с. Короленко (Вуж Мултан) Кизнерского района Удмуртской республики. Сопоставительный анализ литературных и реальных топонимов дает возможность сделать вывод о том, что писатель в процессе работы над романом специально собирал географические названия данных мест.

УДК 811.511.132:373.2

Клепцова Е.А. Программно-методические основы обучения детей коми языку как государственному в дошкольных образовательных организациях Республики Коми // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 120–124.

В работе освещены основные аспекты программно-методических основ обучения детей коми языку как государственному в дошкольных образовательных организациях Республики Коми на примере программы «Чолём, ёртый! Здравствуй, друг!».

УДК 811.511.132'373.43'276.6:342.846

Кожевина Е.В. Коми терминология, связанная с избирательной деятельностью // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 124–127.

В статье рассматриваются способы создания новых терминов и практика их использования в деятельности Избирательной комиссии Республики Коми. Основными способами терминообразования на коми языке являются морфологический способ и калькирование. Важную роль играет также заимствованная лексика.

УДК 81'373=030.511.132=161.1=511.113=511.111

Кокконен П. Коми фразеологизмы и их соответствия в русском, эстонском и финском языках (на материале повести В. Тимина «Эжва Перымса зонка» («Мальчик из Перми Вычегодской»)) // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 128–134.

В работе поднимаются вопросы перевода коми устойчивых сочетаний в повести В. Тимина «Эжва Перымса зонка» на русский, эстонский и финский языки. Автором выявлено, что коми идиомам переводчиками даны эквиваленты или равноценные соответствия из русского, эстонского и финского языков, что производит на читателя такое же воздействие, как и в оригинале текста.

УДК 81'38:398.21(=511.132)

Коровина Н.С. Неформульно-повествовательная стереотипия в коми народных сказках // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 134–141.

В статье предпринята попытка выявить особенности функционирования системы неформульных лексических повторов в коми народной сказке. Установлены типы повторов, определены их своеобразие, место в композиции сказки путем сопоставления их с русскими стереотипами.

УДК 821.511.132-17-2:811.511.132'373

Лисовская Г.К., Цыпанов Е.А. Нёбдинса Витторлён серамбана гижанног йылысь // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 141–146.

Статья посвящена выявлению основных лексических средств создания юмористического и сатирического начала в произведениях одного из основоположников коми литературы XX в. Виктора Савина, выяснению того, почему его произведения продолжают оставаться востребованными коми читателями, несмотря на смену идеологических парадигм в последние десятилетия.

УДК 811.511.132'373"31/34"

Лобанова А.С. Лингвокультурологический аспект исследования циклического времени в коми-пермяцком языке // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 147–153.

В статье анализируются особенности восприятия темпоральных лексем и выражений коми-пермяцкого языка. Предметом внимания стали названия циклических временных периодов, активно функционирующие в национальном языке. Предпринята попытка выявления их основных ассоциативных коннотаций. Подвергнутый анализу лингвистический материал позволяет утверждать, что при обозначении циклического времени в коми-пермяцкой наивной картине мира важно не само астрономическое время, а физические изменения в природе, к которым привязан своей жизнедеятельностью человек.

УДК 811.511.13'367.623

Лудыкова В.М. Прилагательные общей оценки в высказываниях // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 154–162.

В работе анализируются особенности употребления прилагательных со значением общей оценки в высказываниях коми языка. Привлекаются примеры из оригинальной художественной литературы коми классиков.

УДК 81'25=030.161.1=511.132(083.7-027.568)

Матвеева Л.Д. Официальный перевод как процесс // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 163–168.

В работе рассматривается письменный и устный перевод, который подразделяется на последовательный и синхронный перевод. Работа построена на изучении перевода на коми язык нормативно-правовых актов органов государственной власти Республики Коми, новостной ленты на официальном интернет-портале Республики Коми и новостной ленты официального сайта Коми республиканской академии государственной службы и управления.

УДК 811.511.132'373.21

Мусанов А.Г. К.Ф. Жаковлӧн «Биармия» поэмаын иннимъяс // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 168–172.

В статье анализируется географическая лексика, зафиксированная в художественном произведении К.Ф. Жакова «Биармия», описывается ее географическая локализация согласно поэме, отмечается частность (Вычегодский бассейн) и незначительность (Двинское направление) употребления названий, затрагиваются проблемы орфографии собственных имен, даются этимологии наиболее известным географическим объектам Джеджимпарма, Очпарма и др. с привлечением лингвистических данных родственных и неродственных (тюркских) языков.

УДК 811.511.132'282'373.21

Мусанов А.Г. Оригинальная топонимия Илыч-Печорского междуречья // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 172–175.

В статье анализируется топонимическая система Илыч-Печорского междуречья с точки зрения языка происхождения, дифференцируются границы распространения субстрата, связи с аналогичными названиями, зафиксированными на приграничных территориях. Несмотря на достаточно компактное географическое расположение, регион перспективен для выявления иноязычного компонента, особенно в горной части, где фиксируются гидронимы и ойконимы, не интерпретируемые из современных лексических данных коми языков.

УДК 811.511.132'373.6:91(09)

Мызников С.А. Историческая география в этимологических исследованиях (коми лексика в славяно-русском контексте) // Пермистика-16:

Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 175–182.

В статье предпринимается попытка анализа лексики коми языка на теоретической базе историко-культурных зон. Особый акцент в работе делается на широкий охват материала, включая данные русских народных говоров, прибалтийско-финских, других смежных языков. Отмечается, что лексика прибалтийско-финского происхождения в коми языковом континууме должна рассматриваться в различных контекстах. Крайне важен учет возможного иноязычного взаимодействия, даже если та или иная единица является автохтонной и исконной в каком либо языковом континууме.

УДК 811.511.132'366.54

Некрасова Г.А. Аппроксиматив и приблизительно-местные падежи коми языка в зеркале количественных показателей // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 182–189.

В статье рассмотрены частотные характеристики аппроксиматива и приблизительно-местных падежей в коми-зырянском и коми-пермяцком языках. Источником примеров послужили Корпус коми языка и коми-пермяцкие фольклорные и художественные тексты. Установлено, что в обоих языках наиболее употребительны суффиксы *-лань* и *-ланьӧ*, редко встречаются проксимативные суффиксы пролатива и терминатива.

УДК 811.511.132'367.625

Некрасова О.И. Сочетания деепричастий с глаголами движения в коми-зырянском и коми-пермяцком языках // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 189–194.

В статье анализируются конструкции глаголов движения *воны* 'прибыть, прийти, дойти' коми-зырянского языка и *локны* 'идти, двигаться, прийти', *вовлыны* 'приходить, ходить' коми-пермяцкого с деепричастием на *-тӧдз*, выполняющие в предложении предикативную функцию (составное сказуемое). Распространение, частотность и особенности функционирования конструкций сопоставляются с описанными в научной литературе по коми-зырянскому языку конструкциями глагола движения *воны* с м-овым инфинитивом (отглагольным именем на *-ӧм*) в терминативной форме.

УДК 811.511.132

Немирова Н.В. Концепт *ДОБРО* в коми литературном эпосе К.Ф. Жакова «Биармия» // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 195–200.

В статье рассмотрен абстрактный концепт ДОБРО, объективированный в коми литературном эпосе К.Ф. Жакова «Биармия», через призму философии лимитизма автора.

УДК 94(470)(075)(086)''.../1150''=511.132

Остапов Н.В. Flash-пособие по истории Древней Руси на коми языке: цели, структура, содержание // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 200–205.

В работе описывается первый мультимедийный образовательный ресурс по истории на коми языке для общеобразовательных школ. Раскрываются цели, структура, содержание нового учебного пособия.

УДК 821.511.132(075)(086)

Остапова Е.В. Деятельностный подход в работе с интерактивным учебным пособием по коми литературе «Гулюсянь юёр» («Весть от голубя») // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 206–211.

В статье раскрываются особенности деятельностно-компетентностного подхода к подготовке нового интерактивного учебного пособия по коми литературе на коми языке «Весть от голубя». Образовательный ресурс состоит из 4 разделов, представляет собой синтез элементов учебно-методического комплекса для 6 класса, таких как рабочая тетрадь и аудиохрестоматия. Четыре вида учебно-игровых заданий – «Слушай», «Узнай», «Собери», «Сложи» – направлены на развитие познавательных способностей, мышления, внимания, памяти, читательских навыков детей.

УДК 811.511.131'367.625.4

Пишлётгер К. Некоторые размышления об отдельных «особенностях» удмуртских аналитических деепричастных конструкций // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 211–214.

Аналитические деепричастные конструкции («спаренные глаголы») являются общими в Волжско-Камском регионе, но в удмуртском языке есть «особенности», которые отличают его от других языков региона. В статье рассматривается вопрос, являются ли эти формы действительно «спаренными глаголами» в свете теории грамматикализации.

УДК 811.511.132'373.2:394.26

Пономарева Л.Г. Особенности употребления названий праздников в речи северных коми-пермяков // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 215–221.

В статье рассматриваются названия праздников, бытующие в речи северных коми-пермяков, с тематической точки зрения и происхождения. Выявлены многочисленные варианты названий праздников, продиктованные разными причинами: действием фонетических законов коми-пермяцкого языка при заимствовании хрононимов из русского языка; функционированием исконного хрононима наряду с русским; существованием полного названия праздника и его упрощения; наличием двойного (прямого и переносного) наименования праздника в народе.

УДК 811.511.132'373.612.2

Попова О.А. Устойчивые сравнения в ассоциативном поле коми-пермяков // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 221–227.

Статья посвящена исследованию вербальных ассоциаций с целью исследования культурно-национальной специфики устойчивых сравнений для носителей коми-пермяцкого языка.

УДК 811.511.132'282'367.625

Попова Р.П. Функционирование вариативных лично-числовых показателей глагола в коми и коми-пермяцких диалектах // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 228–234.

В работе подробно рассмотрены функционирующие в коми-зырянских и коми-пермяцких диалектах вариативные лично-числовые показатели глаголов. В качестве объекта исследования выбраны глаголы 2-го лица единственного и множественного числа, выявлены все возможные вариативные формы и причины их возникновения.

УДК 811.511.132'282.2'342.1'342.41

Пунегова Г.В. Акустические характеристики гласных в ижемском диалекте коми языка // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 235–242.

В работе впервые проводится экспериментально-фонетический анализ гласных в ижемском диалекте коми языка. Выявлены и описаны их артикуляционно-акустические характеристики. По формантным значениям (F I и F II) гласных определены поля их реализации.

УДК 811.511.131'373:639.2

Ракин А.Н. Обозначения рыболовных средств в удмуртском языке // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 243–250.

В работе впервые проводится лингвистический анализ лексики рыболовства в удмуртском языке в синхронном и диахроническом аспектах исследования. Классификация номинативных единиц в зависимости от их предметно-понятийного содержания осуществляется с целью определения макро- и микроструктурных элементов. Выявляются и рассматриваются внутренние и внешние источники формирования и развития данной лексико-тематической группы.

УДК 81'1(092):811.511.132

Ракин Н.А. В.И. Лыткин, его ученики и последователи // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 250–255.

В статье освещены страницы жизни и деятельности В.И. Лыткина и его заслуги в подготовке кадров по финно-угорской филологии для отечественной науки.

УДК 82-1=030.511.141=511.132

Ракин Н.А. В.И. Лыткин – переводчик венгерской литературы // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 255–262.

В статье рассматриваются коми переводы венгерской поэзии, выполненные В.И. Лыткиным.

УДК 811.511.132'282'373

Рассыхаев А.Н. Новые лексические материалы по ижемскому диалекту коми языка // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 262–268.

В статье проанализирована новая лексика, зафиксированная автором в ходе фольклорных экспедиций на территории Ненецкого автономного округа в 2014–2016 гг. Преимущественно, это этнографизмы. Для иллюстрации к каждому слову подобран контекст, указан информант и место записи. Рассматриваемые слова отсутствуют в диалектных словарях коми языка и монографиях. Работа призвана обратить внимание лингвистов на проблемы диалектологической лексикологии.

УДК 811.511.132'373.43

Салминен, Эса-Юсси. Школьной удыскыльёсья проект но удмурт кылэз дышетон школаосын // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 268–271.

В работе освещаются проблемы преподавания удмуртского языка в общеобразовательных учебных заведениях. Анализируются словари школьной терминологии удмуртского языка.

УДК 811.511.132'367.625

Сажина С.А. Категория лица-числа глагола в языке кировских пермяков // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 272–277.

В статье освещена специфика категории лица-числа глагола в верхнекамском наречии коми-пермяцкого языка: выявлены изменения и их причины в образовании и дистрибуции грамматических форм, составляющих данную категорию.

УДК 811.511.132'282'37

Сидорова М.А. Семантические поля *ЧИСТЫЙ / ГРЯЗНЫЙ, ПРОЗРАЧНЫЙ / МУТНЫЙ* в коми языке // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 278–284.

Исследование посвящено семантическим полям *ЧИСТЫЙ, ПРОЗРАЧНЫЙ, ГРЯЗНЫЙ и МУТНЫЙ* в зауральских говорах ижемского диалекта коми языка с опорой на типологические данные. В статье рассматриваются лексемы, принадлежащие

к данным семантическим полям. В ходе работы были выявлены основные закономерности организации этих полей в коми языке.

УДК 821.511.132:004.738.5(072)

Сычева Ю.С. Интернет-ресурсы на коми языке для уроков коми литературы // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 285–292.

Работа посвящена изучению необходимых ресурсов, размещенных в пространстве Интернет, для уроков коми литературы. В работе описаны персональные сайты учителей коми литературы, электронные библиотеки, где размещены произведения коми писателей и поэтов в электронном формате, а также аудиокниги. Все эти ресурсы можно использовать на уроках коми литературы для актуализации интереса учащихся к изучению данного предмета.

УДК [811.511.132:811.161.1]:81'373.613:91

Теуш О.А. Коми-русское лексическое контактирование (на материале географической терминологии) // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 293–303.

Статья посвящена коми-русскому лексическому взаимодействию в области географической терминологии. Рассматриваются и этимологизируются коми лексемы русского происхождения, устанавливаются причины заимствования. Выявляется корпус слов, вошедших в русские диалекты из коми языка, определяются признаки фонетической, словообразовательной и семантической адаптации.

УДК 811.511.131'373.611

Тимерханова Н.Н. Морфемы удмуртского языка // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 303–308.

В статье рассмотрены и описаны корневые и аффиксальные морфемы удмуртского языка, проанализированы основы слова (нечленимые/членимые, непрерывные/прерывистые), а также выявлены морфемы-омонимы.

УДК 811.511.132'373.43

Федина М.С. О внедрении новых терминов в коми язык и их оценке носителями языка // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 308–318.

В современном коми языке в настоящее время идет активный процесс терминовтворчества, в том числе и для системы школьного образования. Однако создание новых терминов должно быть системным и отвечать законам языка и потребностям аудитории. Немаловажным является и отношение сообщества к новым словам. В статье анализируются результаты социологического опроса по оценке терминов, включенных в школьные терминологические словари, которые изданы в 2011 г.

УДК 811.511.132'282.2'373.6

Федосеева Е.Н. О происхождении некоторых слов верхнекамского наречия коми-пермяцкого языка // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 318–325.

Верхнекамское наречие распространено в Афанасьевском районе Кировской области. Оно считается переходной зоной между коми-пермяцким и коми-зырянским языками. В статье рассмотрены отдельные слова, ареал распространения которых ограничен указанным наречием. В большинстве случаев они не употребляются в других коми (зырянских и пермяцких) диалектах.

УДК 811.511.131/132'367.626'373.6

Федюнева Г.В. Свое и чужое в структуре пермских отрицательных местоимений // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 325–334.

В статье рассматриваются элементы структуры отрицательных местоимений коми и удмуртского языков с точки зрения их происхождения.

УДК 811.511.131/132'373.234'373.6

Фомин Э.В. Этноним «ЧУВАШ» в контексте пермских языков // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 334–338.

Настоящая публикация ставит целью исследовать функционирование этнонима «чуваш» в удмуртском и коми языках. Работа являет собой ответную реплику на исследование коми лингвистов о пейоративных значениях ряда этнонимов. Непосредственному анализу материала предшествует изучение этимологии этнонима «чуваш». С точки зрения автора, коннотативные значения этнонимов необходимо давать в латинском переводе и, более того, следует избегать их лексикографирования.

УДК 811.511.13'373.6

Цыпанов Е.А. Еще раз об этимологии слов к. *ÖШМÖС*, удм. *ОШМЕС*, а также к. *ÖШКАМÖШКА* // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 338–344.

Статья посвящена этимологизации известных слов в пермских языках: к. *öшмös*, удм. *ошмес* 'источник', а также к. *öшкaмöшкa*, кп. *енöшкa* 'радуга'. Считаемая классической этимология слова со значением 'источник' уточняется с точки зрения соответствующих этимонов прапермского сложного слова и его праязыкового значения, которое впоследствии послужило основой и для обозначения радуги в коми диалектах уже в собственно коми период развития языков.

УДК 811.511.132'282: 004.4

Чупров В.П. Программа ELAN для исследования диалектов коми языка // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 344–349.

В работе поднимаются вопросы изучения диалектов коми языка (на примере ижемского диалекта) инструментальными методами исследования. В частности внимание автора обращено на программу ELAN, с помощью которой можно проводить лингвистический анализ воспроизведенной на цифровые носители устной речи информантов на различных языковых уровнях.

УДК 811.511.131(075.3)

Широбокова С.Н. Реализация воспитательного потенциала посредством учебников «Удмурт кыл» для 5 и 6 классов // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 350–353.

Учебник является важным средством построения процесса обучения, а вместе с тем и воспитания. Именно он наиболее ярко влияет на формирование мировоззрения, патриотизма, нравственной культуры и иных качеств личности, реализация которых вполне возможна на уроках по предмету «Удмурт кыл» 'Удмуртский язык', и приведенные в данной статье результаты анализа учебников «Удмурт кыл» для 5 и 6 классов служат тому доказательством.

Научное издание

Пермистика-16

**Диалекты и история пермских языков
во взаимодействии с другими языками**

Сборник научных статей

Ответственный редактор Римма Павловна Попова

Редактор Е.М. Насирова
Корректор С. Б. Свигзова
Верстка и компьютерный макет А.А. Ергаковой
Техническое редактирование Н.Е. Чарковой
Выпускающий редактор Л.В. Гудырева

Подписано в печать 15.05.2017. Дата выхода в свет 31.05.2017.
Печать ризографическая.
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Формат 60x84/16.
Усл. п. л. 21,6.
Заказ № 125. Тираж 150 экз.

Адрес типографии
Издательский центр СГУ им. Питирима Сорокина
167023. Сыктывкар, ул. Морозова, 25